81.41
543

A C T A
ALBARUTHENICA,
ROSSICA,
POLONICA

БЕЛАРУСКА-РУСКА-ПОЛЬСКАЕ СУПАСТАЎЛЯЛЬНАЕ МОВАЗНАЎСТВА, ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА, КУЛЬТУРАЛОГІЯ

ВІЦЕБСК 2013

Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь

Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя П.М. Машэрава”

Беларускі рэспубліканскі фонд фундаментальных даследаванняў

Інстытут польскі ў Мінску

ARP Albaruthenica, Rossica, Polonica

БЕЛАРУСКА-РУСКА-ПОЛЬСКАЕ СУПАСТАЎЛЯЛЬНАЕ МОВАЗНАЎСТВА, ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА, КУЛЬТУРАЛОГІЯ

Зборнік навуковых артыкулаў

Пад навуковай рэдакцыяй Г.М. Мезенка

Віцебск
ВДУ імя П.М. Машэрава
2013

УДК 811.16(063)+821.16.09(063)
ББК 81.41я431+83.3(0)941я431
Б43

Друкуецца па рашэнні навукова-метадычнага савета ўстановы адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава”. Пратакол № 1 ад 24.10.2013 г.

Складальнікі: **Г.М. Мезенка, С.У. Нікалаенка**

Навуковы рэдактар:
загадчык кафедры агульнага і рускага мовазнаўства ВДУ імя П.М. Машэрава, доктар філалагічных навук, прафесар *Г.М. Мезенка*

Рэцэнзент:
галоўны навуковы супрацоўнік “Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі”, доктар філалагічных навук, член-карэспандэнт *М.І. Мушынскі*

Беларуска-руска-польскае супастаўляльнае мовазнаўства, Б43 літаратуразнаўства, культуралогія : зборнік навуковых артыкулаў / склад. : Г.М. Мезенка, С.У. Нікалаенка ; пад навук. рэд. Г.М. Мезенка. – Віцебск : ВДУ імя П.М. Машэрава, 2013. – 398 с.
ISBN 978-985-517-416-6.

У зборніку навуковых артыкулаў, складзеным па матэрыялах навуковай канферэнцыі **“**Беларуска-руска-польскае супастаўляльнае мовазнаўства, літаратуразнаўства, культуралогія”, разглядаецца шырокі спектр пытанняў па праблемах супастаўляльнага мовазнаўства, літаратуразнаўства, культуралогіі.

Для навуковых супрацоўнікаў, аспірантаў, студэнтаў, усіх, хто цікавіцца праблемамі кампаратывістыкі.

УДК 811.16(063)+821.16.09(063)
ББК 81.41я431+83.3(0)941я431

ISBN 978-985-517-416-6

© ВДУ імя П.М. Машэрава, 2013

I. ТЭАРЭТЫЧНЫЯ ПРАБЛЕМЫ СУПАСТАЎЛЯЛЬНАГА МОВАЗНАЎСТВА

Н.Е. Ананьева (Московский государственный университет)

ОППОЗИЦИЯ «*ДОЛГИЙ, ДЛИННЫЙ, DŁUGI*» ~ «*КОРОТКИЙ, КРАТКИЙ, KRÓTKI*» В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

Данная оппозиция относится к существенным параметрическим показателям как пространственного (протяженности), так и временного (продолжительность / непродолжительность) порядка. При этом в современном польском языке, в котором отсутствуют церковнославянизмы с неполногласием (русск. *краткий*) и словообразовательное гнездо с центром *длин-* (русск. *длина*, *длинный*, *длить(ся)* и т.д.), число *основных* членов этой оппозиции сводится к двум (т.е. długi – krótki), в то время как в русском каждый из противоположных параметров репрезентирован двумя основными лексемами (*долгий, длинный – короткий, краткий*). Кроме основных лексем, обозначающих указанные параметры, и в русском и в польском языке существуют менее центральные номинации (ср. русск. *продолжительный, длительный, непродолжительный*; польск. *trwały, nietrwały* и др.). Задача доклада – на основе лексической сочетаемости основных показателей указанной временной и пространственной параметризации выявить различия и совпадения в употреблении русск. *долгий-длинный* и *короткий-краткий*, установить случаи совпадения (или несовпадения) в функционировании (употреблении) их и польск. *długi*, *krótki*, а в случаях несовпадения продемонстрировать, какого рода соответствия (эквиваленты) здесь представлены: основной номинации параметра может быть эквивалентно в сопоставляемом языке менее центральное или периферийное средство обозначения данного параметра; «длина-долгота-краткость» может обозначаться в сопоставляемом языке лексемой, входящей в иную шкалу параметров (определяющих понятия «близко-далеко», «низко-высоко», «быстро-медленно» и др.).

Дихотомия русск. *долгий-длинный* связана в современном русском языке с обозначением первым членом преимущественно временной протяженности, длительности, а вторым – пространственной протяженности (*долгое* прощание, *долгий* путь – в значении «продолжительный», *долгий* разговор, *долгая* жизнь, *долгая* болезнь, *долгие* гласные , т.е. произносимые с долготой, длительно) ~ *длинная* куртка, *длинная* улица, *длинное* платье, *длинная* очередь, *длинные* уши, *длинный* хвост, *длинные* ноги и т.д. Значение протяженности в пространстве представляет и первая часть композитов с *длинно-* (**длинно***ухий*, **длинно***полый*, **длинно***головый*, **длинно***шеий*, **длинно***шерстный*, **длинно***волосый*, **длинно***ствольный* и др.). В подавляющем большинстве вышеприведенных примеров русск. *долгий* и *длинный* соответствует польск. *długi: długie pożegnanie, długa droga, długa rozmowa, długie życie, długie samogłoski; długa kurtka, długa ulica* (ср. в функции годонима: *ulica Długa*), *długa suknia, długa kolejka, długie uszy, długi ogon, długie ręce, długie nogi* и т.д. и т.п. Со словом *choroba* «болезнь», однако, предпочтительнее употребление нецентрального выразителя смысла ‘продолжительности’ (*przewlekła choroba*) и адъективного композита, первая часть которого также содержит основной показатель ‘продолжительности’ (**długo***trwała choroba*). С другой стороны, польск. *długie buty* соответствует не *длинные сапоги, а *высокие сапоги* (т.е. пересечение на семантико-формальном уровне с параметром «высота»). То же пересечение на смысловом уровне (без формального выражения) представлено в обоих сопоставляемых языках в отношении обозначения роста человека: ср. польск. диалектн. *długosz*

‘человек высокого роста’ (от которого образован антропоним *Długosz*), кличка-обращение *Длинный* (Эй, *Длинный*, подойди сюда – устн.) или прозвище короля *Пепин Короткий*. Ср. также субстантив *коротыш(ка)*, которому в польском соответствует лексема *kurdupel*. Однако не все так просто в соотношении *долгий-длинный* в русском языке. С одной стороны, при современном *длинные руки* (невозможно **долгие руки*) в прозвище основателя Москвы представлен корень *долг-* (*Юрий* **Долг***орукий*); при невозможности в современном языке **долгий нос* в первой части субстантивного композита, обозначающего жука (**долг***оносик*) представлен также корень *долг-*. Ср. также наряду с *длиннополый сюртук*, *длиннополое пальто* функционирование синонима *долгополый сюртук*, *долгополое пальто*. Ср. также при невозможности словосочетания **долгие волосы* (только *длинные волосы*) употребление краткого прилагательного *долог* в пословице: У бабы волос **долог**, а ум короток. Таким образом, запечатленное в составе композитов и пословице значение корня *долг-* свидетельствует о давней возможности выражения им не только временного, но и пространственного смысла. С другой стороны, и для обычно выражающего пространственный параметр измерения корня *длин-* (в отличие от *длит-*: *длительный*, *длить(ся)* и т.д.), в некоторых контекстах прилагательное с этим корнем может обозначать также ‘протяженный, длительный’: *длинная жизнь // долгая жизнь, длинный день // долгий день, длинная зима // долгая зима, длинное путешествие // длительное путешествие // долгое путешествие*.

Если русск. *короткий* употребляется в равной степени по отношению к пространству («небольшой в длину») и времени – «непродолжительный» (*короткий рукав, короткая куртка, короткая жизнь, короткое лето, короткий рассказ, счастье коротко* и т.д.), то *краткий* по преимуществу (кроме определения вербальных произведений) служит для обозначения «непродолжительности, малой длительности»: *краткий срок, краткий миг, краткий гласный, «и» краткое* и т.д. Ср. также первую часть композитов-адъективов с *кратко-*, имеющих значение «непродолжительный» (**кратко***временный*, **кратко***дневный*, **кратко***срочный* и производные от них существительные на *-ость*), и первую часть композитов с *коротко-*, обычно номинирующих «небольшую длину того, что обозначено вторым компонентом» (**коротко***метражный*, **коротко***ствольный*, **коротко***шеий*, **коротко***ногий*, **коротко***волновой* и др.). В качестве определения словесного произведения и акта речения возможны как прилагательное *короткий*, так и *краткий* (*короткий рассказ // краткий рассказ, короткая повесть // краткая повесть, короткая записка // краткая записка, короткая заметка // краткая заметка, короткое // краткое упоминание* о чем-л. и т.д.). При этом, если возможны *краткая речь* и *короткая речь*, *кратко* и *коротко изложить* что-л., *говорить коротко // кратко*, то мы говорим скорее *краткое содержание* (а не **короткое содержание*) и, напротив, при завершении речи употребляем формулу, содержащую компаратив от *короткий* (*короче говоря*). Ср. то же в требовании, обращенном к говорящему: «*(По)короче, пожалуйста*».

В докладе, помимо пересечения смыслов ‘длинный-высокий’ и ‘короткий-низкий’, приводятся примеры пересечения смыслов ‘длинный-короткий’ и ‘далекий, отдаленный-близкий’ как в пределах одного из сравниваемых языков, так и в качестве межъязыковых феноменов. Например: русск. *прыжок* **в длину** – польск. *skok* **w dal**, русск. **дально**зоркий при польском соответствии **daleko**wzroczny и расхождения в определении человека, не видящего на большое расстояние (польск. **krótko***widz*, **krotko***wzroczny* и русск. **близо***рукий*), русск. быть на *короткой* ноге, т.е. в *близких* отношениях. Приводится ряд примеров несовпадений в польском и русском языках в употреблении центрального (основного) и нецентрального (периферийного) репрезентантов рассматриваемой оппозиции. Например: польск. *w* **krótkim** *szasie* – русск. *в* **скором** *времени* (т.е. времени, которое должно наступить через короткий промежуток времени); польск. **krótko** *przebywać* – русск. *недолго* (непродолжительное время) *нахо-*

диться. Приводятся примеры композитов, содержащих в качестве первого члена компоненты *krótko-* и *długo-*, которым соответствуют русские словосочетания, содержащие адъективы *короткий / длинный* (**krótko***dystansowiec* – бегун на короткие дистанции, спринтер; **długo***dystansowiec* – бегун на длинные дистанции, стайер). Приводятся также фразеологизмы, содержащие основные номинации параметров временной и пространственной протяженности, соответствия которых в одном из сопоставляемых языков не содержат ни этих номинаций, ни каких-либо эквивалентов с указанным значением (например, *trzymać* **krótko** – держать в ежовых рукавицах). Рассматриваются также словообразовательные потенции лексем *короткий / краткий, долгий / длинный*, *długi, krótki*. Например, экспрессивные суффиксы -aśn-, -achn-, -utk-, -uteńk- в польском (długachny, długaśny, krócuitki, króciuteńki).

В.А. Арцёмава (Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт)

КАНТРАСТЫЎНЫ АНАЛІЗ ЯК МЕТАД ВЫЯЎЛЕННЯ НАЦЫЯНАЛЬНАЙ СПЕЦЫФІКІ СЕМАНТЫКІ БЕЛАРУСКІХ І АНГЛІЙСКІХ ФРАЗЕАЛАГІЧНЫХ АДЗІНАК

У лінгвістычных даследаваннях разам з тэрмінам *супастаўляльная лінгвістыка* ўжываецца тэрмін *кантрастыўная лінгвістыка*. І.А. Сцярнін разглядае *кантрастывістыку* як асобную галіну мовазнаўства, што даследуе толькі дзве мовы – родную і замежную. Параўнанне вядзецца ў напрамку ад адзінкі адной мовы да яе магчымых адпаведнікаў у іншай мове. Мэтай даследавання выступае «выяўленне адрозненняў у семантыцы і функцыях адзінкі адной мовы ў параўнанні з яе магчымымі адпаведнікамі ў іншай мове. Галоўнае пры гэтым – устанаўленне адрозненняў, падабенствы выяўляюцца аўтаматычна» [1, с. 25]. Сам кантрастыўны аналіз беларускіх і англійскіх ФА з прасторавай семантыкай складаецца з сямі этапаў.

Этап I. Вылучэнне тэматычнай групоўкі фразеалагізмаў з прасторавай семантыкай у зыходнай мове і мове супастаўлення.

Крок 1. Складанне спісу фразеалагізмаў з прасторавай семантыкай у беларускай мове. Адбор фразеалагічных адзінак (ФА) ажыццяўляецца на аснове прынцыпу ідэнтыфікацыі па ключавых словах-«маркёрах» у слоўнікавых дэфініцыях ФА, што маюць указанне на прастору, яе ўласцівасці ці прасторавыя адносіны.

Крок 2. Складанне спісу фразеалагізмаў з прасторавай семантыкай у англійскай мове. З англійскіх фразеалагічных слоўнікаў метадам суцэльнай выбаркі выпісваюцца англійскія прасторавыя ФА.

Крок 3. Структурацыя фразеасемантычных прасторавых палёў (ФСПП) ў беларускай і англійскай мовах. Беларускія і англійскія прасторавыя ФА былі размеркаваны па фразеасемантычных мікрапалях, групах і падгрупах.

Вынікі этапа I: устаноўлены аб'ём беларускага і англійскага фразеасемантычных прасторавых карпусоў у колькасці 588 беларускіх і 787 англійскіх ФА, размеркаваных намі па 29 фразеасемантычных падгрупах.

Этап II. Вызначэнне англійскіх міжмоўных адпаведнікаў асобных беларускіх ФА у межах кожнай фразеасемантычнай падгрупы. Важнай умовай для кантрастыўнага апісання фразеалогіі з'яўляецца колькасць адзінак супастаўлення. Пры такім падыходзе вылучаюцца тры тыпы.

1. *Лінейныя адпаведнікі* (суадносіны 1:1) – адзінцы зыходнай мовы адпавядае толькі адна адзінка мовы супастаўлення. Напрыклад, беларускай ФА *каля бока* 'надта блізка, зусім побач' адпавядае толькі адна англійская ФА *at / by someone's side* (літаральна 'каля бока') 'надта блізка, зусім побач'.

2. *Вектарныя адпаведнікі* (суадносіны 1:N) – адзінцы зыходнай мовы адпавядае некалькі адзінак мовы супастаўлення і наадварот. Вектарныя адпаведнікі бываюць двух тыпаў:

а) некалькі адзінак у беларускай мове – адна ў англійскай мове. Англійскаму фразеалагізму *where's the fire?* (літаральна 'дзе пажар?') 'няма прычын спяшацца' адпавядаюць дзве беларускія ФА *не гарыць у каго* і *не на пажар* са значэннем 'няма ніякіх прычын спяшацца';

б) адной ФА ў беларускай мове адпавядае некалькі адзінак у англійскай. Беларускай ФА *на вушах* 'у стане моцнага ап'янення' адпавядаюць 4 англійскія ФА: *under the influence* (літаральна 'пад уплывам'), *half seas over* (літаральна 'мора па калена'), *in one's cups* (літаральна 'у чыім-небудзь кубку'), *three sheets in the wind* (літаральна 'тры ветразі на вятры') са значэннем 'у стане моцнага ап'янення'.

3. *Адсутнасць фразеалагічнага адпаведніка* (суадносіны 1:0) – беларускай ФА не адпавядае ні адна англійская ФА. Напрыклад, беларускаму фразеалагізму *паспееш з козамі на торг* 'няма чаго спяшацца, не спяшайся' не было выяўлена ніводнага англамоўнага фразеалагічнага адпаведніка. Падобная беларуская ФА, прадстаўленая лакунай у англійскай мове, вызначаецца як безэквівалентная.

Крок 1. Выяўленне англійскіх слоўнікавых перакладных адпаведнікаў беларускіх ФА і пашырэнне спісу англійскіх ФА з прасторавай семантыкай. На гэтым этапе кожная беларуская ФА правяралася па двухмоўных слоўніках. Атрыманыя вынікі прадстаўляюцца спісам англамоўных адпаведнікаў кожнай беларускай ФА. Напрыклад, для беларускай ФА *пад голым небам* 'на вуліцы, не ў памяшканні' былі ўстаноўлены тры англамоўныя фразеалагічныя адпаведнікі: *out of doors* (літаральна 'за дзвярыма') 'на вуліцы, не ў памяшканні', *in the open air* (літаральна 'на адкрытым паветры') 'на вуліцы, не ў памяшканні', *under the open sky* (літаральна 'пад адкрытым небам') 'на вуліцы, не ў памяшканні'.

Кожны англамоўны адпаведнік беларускай ФА правяраецца на наяўнасць у англамоўных аўтэнтычных лексікаграфічных даведніках з мэтай выключэння ФА, што не з'яўляюцца адзінкамі сістэмы англійскай мовы і выступаюць як аўтарскія эквіваленты.

Вынікі этапа II: зафіксаваны англійскія фразеалагізмы, што з'яўляюцца міжмоўнымі адпаведнікамі беларускіх ФА з прасторавай семантыкай, пашыраны спіс англійскіх ФА з прасторавай семантыкай.

Этап III. Кампанентны аналіз і апісанне значэнняў беларускіх і англійскіх фразеалагізмаў з прасторавай семантыкай метадам аналізу слоўнікавых дэфініцый.

Крок 1. Кампанентны аналіз беларускіх ФА у межах вылучаных фразеасемантычных падгруп метадам аналізу слоўнікавых дэфініцый.

Для апісання і супастаўлення значэнняў беларускіх і англійскіх ФА з прасторавай семантыкай неабходна разгледзець фразеалагічнае значэнне як інтэгральную структуру з лексічным і граматычным кампанентамі. Падобныя семныя апісанні праводзяцца для ўсіх беларускіх ФА з прасторавай семантыкай.

Крок 2. Кампанентны аналіз англійскіх фразеалагізмаў у межах вылучаных фразеасемантычных падгруп метадам аналізу слоўнікавых дэфініцый. Значэнні англійскіх фразеалагізмаў падвяргаюцца семнаму апісанню з выкарыстаннем слоўнікавых дэфініцый фразеалагічных і тлумачальных слоўнікаў. Пры кожнай англійскай ФА падаецца яе літаральны пераклад на беларускую мову, што дазваляе выявіць яе фразеалагічны вобраз.

Вынікі этапа III: атрыманы семныя апісанні ўсіх даследаваных беларускіх і англійскіх фразеалагізмаў з прасторавай семантыкай.

Этап IV. Семантычнае апісанне кантрастыўных пар.

Крок 1. Фарміраванне кантрастыўных пар. *Кантрастыўная пара* – гэта дзве адзінкі моў, што параўноўваюцца і выступаюць як перакладныя адпаведнікі [1, с. 392], у нашым даследаванні – як міжмоўныя фразеалагічныя адпаведнікі. Лінейныя адпаведнікі фарміруюць адну кантрастыўную пару, вектарныя – некалькі. Безэквівалентныя ФА не фарміруюць кантрастыўных пар і апісваюцца як аднамоўныя наборы сем.

Крок 2. Семнае супастаўленне значэнняў кантрастыўных пар.

Вынікі этапа IV: выкананы паралельныя семныя апісанні кантрастыўных пар з выяўленнем эквівалентных, неэквівалентных і безэквівалентных сем.

Этап V. Выяўленне нацыянальна-спецыфічных кампанентаў значэнняў беларускіх і англійскіх ФА. На гэтым этапе ў кожнай кантрастыўнай пары выяўляюцца і апісваюцца нацыянальна-спецыфічныя семы. Кожная пара сем, якія супастаўляюцца, атрымлівае наступную характарыстыку: 1) эквівалентныя семы, 2) семы, што не супадаюць, 3) безэквівалентныя семы, 4) лакунарныя семы. Апошнія тры тыпы сем сведчаць пра нацыянальную спецыфіку семантыкі ФА. Міжмоўныя адпаведнікі апісваюцца парамі, з пералікам толькі тых сем, што не супадаюць і выступаюць як нацыянальна-спецыфічныя.

Вынікі этапа V: дыферэнцыяцыя і апісанне беларускіх і англійскіх міжмоўных фразеалагічных адпаведнікаў па нацыянальна-спецыфічным кампаненце.

Этап VI. Распрацоўка класіфікацыі міжмоўных беларуска-англійскіх фразеалагічных адпаведнікаў і вызначэнне паказчыкаў міжмоўнай эквівалентнасці і нацыянальнай спецыфікі.

Крок 1. Распрацоўка класіфікацыі беларускіх і англійскіх міжмоўных фразеалагічных адпаведнікаў з улікам формаў праявы нацыянальнай спецыфікі фразеалагічнай семантыкі. Беларускія і англійскія міжмоўныя фразеалагічныя эквіваленты размяркоўваюцца па наступных тыпах: поўныя фразеалагічныя эквіваленты, фразеалагічныя эквіваленты з вобразнай нацыянальнай спецыфікай, безэквівалентныя фразеалагізмы, праводзіцца іх падлік у кожнай фразеасемантычнай падгрупе.

Крок 2. Вызначэнне індэксаў міжмоўнай фразеалагічнай эквівалентнасці і нацыянальнай спецыфікі беларускіх фразеалагізмаў з прасторавай семантыкай на фоне англійскіх. Ступень праявы нацыянальнай спецыфікі семантыкі беларускіх ФА з прасторавым значэннем на фоне англійскай мовы ў межах канкрэтных фразеасемантычных груповак можа атрымаць колькасную ацэнку ў выглядзе індэксаў [2]. Супастаўленне індэксаў нацыянальнай спецыфікі беларускіх і англійскіх фразеалагізмаў з прасторавай семантыкай усіх 29 фразеасемантычных падгруп дазваляе выявіць падобныя беларускія і англійскія прасторавыя ўяўленні, што будуюцца на аднолькавых кагнітыўных прынцыпах, а на іх фоне – ідэаэтнічныя асаблівасці моўнай рэпрэзентацыі прасторавых адносін з яркай нацыянальнай спецыфікай.

Вынік этапа VI: вызначэнне тыпаў беларуска-англійскіх міжмоўных фразеалагічных адпаведнікаў, устанаўленне індэксаў нацыянальнай спецыфікі і міжмоўнай фразеалагічнай эквівалентнасці, выяўленне агульных рыс і нацыянальна-спецыфічных асаблівасцей прасторавых уяўленняў беларусаў і англічан, адлюстраваных у семантыцы беларускіх і англійскіх ФА.

Этап VII. Складанне «Беларуска-англійскага ідэаграфічнага слоўніка фразеалагізмаў з прасторавай семантыкай». На гэтым этапе кожнай беларускай ФА з прасторавым значэннем падбіраецца па выніках даследавання ўсіх згаданых вышэй этапаў найбольш блізкі па семным апісанні англамоўны эквівалент і праводзіцца іх лексікаграфічная параметрызацыя.

Вынік этапа VII: падбор найбліжэйшых англамоўных фразеалагічных эквівалентаў беларускім ФА з прасторавай семантыкай і складанне «Беларуска-англійскага ідэаграфічнага слоўніка фразеалагізмаў з прасторавай семантыкай».

Літаратура

1. Стернин, И.А. Контрастивная лингвистика: проблемы теории и методики исследования / И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2006. – 288 с.
2. Чубур, Т.А. Национальная специфика семантики слова и проблемы ее лексикографической фиксации: на материале языковых наименований незанятости трудовой деятельностью в русском и английском языках: дис. … канд. наук: 10.02.19 / Т.А. Чубур. – Воронеж, 2005. – 241 л.

І. Будзько (Беларускі нацыянальны тэхнічны ўніверсітэт)

ЛЕКСІЧНЫ МАЛЮНАК РАННІХ ПЕРАКЛАДНЫХ ТЭКСТАЎ РЭЛІГІЙНАГА ЗМЕСТУ: НА ПЕРАКРЫЖАВАННІ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДЫЦЫЙ

Адным з самых вядомых помнікаў старабеларускага пісьменства ранняга перыяду з'яўляецца апакрыфічны твор "Пакуты Хрыста" XV стагоддзя. І да сёння дакладна не вызначана тэксталагічная база, на якой ён стваraўся. Даследчыкі адзначаюць, што гэты твор быў перакладзены з польскага арыгінала, аднак перакладчык меў яшчэ лацінскія і чэшскія адпаведнікі. Навукоўцы пішуць аб надзвычайнай эмацыянальнасці гэтага тэксту, што вылучае яго з шэрагу помнікаў таго перыяду: "Вялікую цікавасць уяўляе так званы "Заходнерускі зборнік XV ст." (даследаваны і названы такім чынам Я.Карскім), што ўключае "Аповесць пра трох каралёў-валхвоў, згаданае вышэй "Жыціе Аляксея, чалавека Божага" і цыкл апавяданняў "Пакуты Хрыста". Асаблівасці ідэйна-мастацкай апрацоўкі сюжэту выяўляюць імкненне перакладчыкаў і рэдактараў стварыць апавяданні эмацыйна напружаныя, расчуліць чытача, прымусіць яго суперажываць героям, прасякацца іх лёсамі. Персанажы Свяшчэннай гісторыі – Хрыстос і святыя адноўленыя ў абліччы простых людзей, клопаты і пакуты якіх знаёмыя і блізкія кожнаму чалавеку той пары" [1, с. 177].

Як адзначалася вышэй, крыніцы гэтых твораў пакуль што дакладна не вызначаны, хутчэй за ўсё, польскі тэкст не дайшоў да нашых дзён. Даследчыкі лічаць, што яны былі перакладзены з лацінскай мовы асобамі, якія, акрамя таго, мелі пад рукамі польскія і чэшскія рэдакцыі іх. На лацінскі арыгінал указваюць паасобныя наяўныя ў тэкстах аказіянальныя лацінізмы, якія не маглі б пранікнуць у тэкст, калі б пераклад быў зроблены непасрэдна з польскай мовы. [2, с. 98]. З пункту гледжання моўных асаблівасцей тэксту, "рукапіс прыкметна вылучаецца тым, што тут жывая беларуская моўная стыхія знайшла сваё найбольш поўнае выражэнне. Характар мовы помніка аказаўся ў залежнасці ад той акалічнасці, што памянёныя творы перакладзены былі ў каталіцкім асяроддзі асобамі, якія, відаць, мала сутыкаліся з пісьменнасцю на кніжнаславянскай мове" [2, с. 98].

Як адзначыў Я.Ф. Карскі, "адносна першага апавядання нашага зборніка мы павінны ўстанавіць той факт, што яно не Нікадзімава Евангелле, але і не сказанне аб Пакутах Гасподніх вядомых нам рэдакцый. Гэта асобнае апавяданне аб пакутах Ісуса Хрыста, перакладзенае з якогасьці польскага рукапіснага апавядання, складзенага на падставе некалькіх лацінскіх казанняў, аб'яднаных часам даволі штучна. Акрамя ўказаных А. Брукнерам лацінскіх крыніц, можам адзначыць яшчэ ў Legenda aurea Jacobi de Voragine апавяданне Passionus Christi аб паходжанні Пілата і яго лёсе, якое вельмі нагадвае нашае рукапіснае на той жа прадмет. У складальніка альбо, можа быць, перакладчыка польскага апавядання былі і чэшскія крыніцы" [3, с. 28].

Сярод лексем польскага і заходнееўрапейскага паходжання, адзначаных у аналізуемым зборніку, варта ўзгадаць наступныя:

- асабовая лексіка: *жекларь (żekliarz), лотръ (łotr), мордаръ (*польск. *morderca), мистръ (*польск. *mistrz), приходень (*польск. *przychodzień), злутца (*польск. *złączyć), розлутца (*польск. *rozłączyć), человекъ (*польск. *człowiek), девка (*польск. *dziewka), нароженецъ (*польск. *narodzeniec), жидъ (*польск. *żyd), кроль (*польск. *król), малярь (*польск. *malarz), панна (*польск. *panna), панъ (*польск. *pan), ритерь (*польск. *rycerz), секвитуръ (*польск.*), тесле (*польск. *cieśla), хоружий (*польск. *chorąży), слепица (*польск. *ślepica), откупитель (*польск. *odkupiciel), аньелъ (*польск. *aniół), баранекъ (*польск. *boranek), бискупъ (*польск. *biskup), капланъ (*польск. *kapłan), юдашъ (*польск. *judasz), небожатка (*польск. *niebożątko), выдавца (*польск. *wzdawca), бедникъ (*польск. *biednik), блазове (*польск. *błazen), вадца (*польск. *wadca), витяжца (*польск. *zwycięzca), маньякъ (*польск. *maniak), пекелникъ (*польск. *piekielnik), пъкелъ, полеценникъ (*польск. *polecennik), приятель (*польск. *przyjaciół), продавецъ (*польск. *prodawca), розделца (*польск. *rozdzielca), розмножца (*польск. *rozmnożca), фальшаръ (*польск. *falszarz), облюбеница (*польск. *oblubienica), бедница (*польск. *biednica), несчастница (*польск. *nieszczęśnica)*;

- абстрактная і рэлігійная лексіка: *гадка (*польск. *gadka), окрутность (*польск. *okrutność), оплавитость (*польск. *opławitość), отповедане (*польск. *odpowiedzenie), офера (*польск. *ofiara), аменъ (*польск. *amen), бледость (*польск. *bladość), блазна (*польск. *błazeństwo), блазнение (блюзнение) (*польск. *błaznowanie), болесть (*польск. *boleść), выображение (выобразжение) (*польск. *wyobrażenie), глубокость (*польск. *głębokość), горкость (*польск. *gorzkość), добротливость (*польск. *dobrotliwość), жалование (*польск. *żałowanie), жидовство (*польск. *żydówstwo), зашиковане (*польск. *zaszykowanie), з мертвыхъ устание (*польск. *zmartwychwstanie), знякнене (*польск. *zniknięcie), знаме (*польск. *znamie), зрада (*польск. *zdrada), кгвалтъ (*польск. *gwałt), кривда (*польск. *krzywda), крижъ (крыжъ) (*польск. *krzyż), лякнение (*польск. *łaknienie), ласка (*польск. *łaska), лъкание (*польск. *łkanie), маистатъ (*польск. *majestat), милость (*польск. *miłość), моць (*польск. *moc), мъдлость (*польск. *mdłość), навалность (*польск. *nawałność), нарожение (*польск. *narodzenie), нетерпливость (*польск. *niecierpliwość), ужитекъ (*польск. *użytek), узнание (*польск. *uznanie), урядъ (*польск. *urząd), панство (*польск. *państwo), пекло (*польск. *piekło), передопекелье (*польск. *przedopiekielie), плакание (*польск. *płakanie), поздровенье (*польск. *pozdrowienie), покой* (у кантэксце *покой вамъ,* польск. *pokój wam*), *покута (*польск. *pokuta), покушение (*польск. *pokuszenie), полецение (*польск. *polecenie), помоць (*польск. *pomóc), посмевание (*польск. *pośmiewanie), початокъ (*польск. *początek), праца (*польск. *praca), пребытокъ (*польск. *przebytek), престание (*польск. *przestanie), приштие (*польск. *przyście), проклетие (*польск. *przeklęcie), прудкость (*польск. *prudkość), псота (*польск. *psota), ратушъ (*польск. *ratusz), ровность (*польск. *równość), рушение (*польск. *ruszenie), свада (*польск. *swada), скарбъ (*польск. *skarb), смутекъ (*польск. *smutek), смутливость (*польск. *smutliwość), смродъ (*польск. *smród), споведь (*польск. *spowiedź), створение (*польск. *stworzenie), темность (*польск. *ciemność), терпливость (*польск. *cierpliwość), трухливость (*польск. *truchliwość), хворость (*польск. *chorość), цнота (*польск. *cnota), цесарство (*польск. *cesarzstwo), цюдность (*польск. *cudność), шаленость (*польск. *szalenstwo), шкода (*польск. *szkoda)*;

- лексіка, якая характарызуе сферу навукі і мастацтва: *капитулюмъ, листъ* ‘пісьмо’ *(*польск. *list)*, *писмо* ‘графіка’ *(*польск. *pismo)*;

- прадметная лексіка: *рухо (*польск. *rucho), скарбъ (*польск. *skarb), фикгура (*польск. *figura), хуста (*польск. *chusta), шибеница (*польск. *szybienica), ширинка (*польск. *szyrzynka), оселокъ (*польск. *osiołek), бронь (*польск. *broń)* ‘зброя’, *гвоздъ (*польск. *gwoździ), леньцухъ (*польск. *łańcuch), пребытокъ (*польск. *przybytek)*;

- метралагічная лексіка: *блискавица (*польск. *błyskawica), поветре*
- *(*польск. *powietrze), слунце (*польск. *słuńce)*;

- прасторавая лексіка: *огородъ* ‘сад’ *(*польск. *ogród)*, *панство* ‘дзяржава’ *(*польск. *państwo)*;
- лексіка, якая характарызуе фізіялагічны стан чалавека: *бледость (*польск. *bladość), болесть (*польск. *boleść), мъдлость (*польск. *mdłość), паралижъ (*польск. *paraliż), слина (*польск. *ślina), члонки (*польск. *członki)*;
- дзеясловы: *обецати (*польск. *obiecać), одповядати (*польск. *odpowiadać), выповедети (*польск. *wypowiadać), гадати (*польск. *gadać), дяковати (*польск. *dziękować), жаловати (*польск. *żałować), посмевати (*польск. *pośmiewać), осягнути (*польск. *osiągnąć), обротити (*польск. *obrucić), опустити (*польск. *opuścić), опрянути (*польск. *oprzągnąć), оферовати (*польск. *ofiarować), досягнути (*польск. *dosiągnąć), забити (*польск. *zabić), заховати (*польск. *zachować), зачепали (*польск. *zaczepiać), зламати (złamać), зламатисе (*польск. *zlamać się), зложити (*польск. *złożyć), клякнути (*польск. *kleknąć), крижовати (*польск. *krzyżować), малевати (*польск. *malować), надеватисе (*польск. *nadziewać się), нахилятисе (*польск. *nachylać się), пановати (*польск. *panować), почати, почонти (*польск. *począć), преколоти (*польск. *przekłóć), препустити (*польск. *przepuścić), престати (*польск. *przestać), пречитати (*польск. *przeczytać), придатисе (*польск. *przydać się), сприяти (*польск. *sprzyjąć), творити (*польск. *tworzyć), досягнути (*польск. *dosiągnąć), чути (*польск. *czuć), наведити (*польск. *nawiedzić), наследовати (*польск. *naśladować), нахилятисе (*польск. *nachylać się), приклякнути (*польск. *przyklęknąć),*
- прыметнікі: *однаковый (*польск. *jednakowy), окрутный (*польск. *okrutny), бледый (*польск. *blady), велебный (*польск. *welebny), всехмоцный (*польск. *wszechmocny), здровы (*польск. *zdrowy), капланский (*польск. *kapłański), ласкавый (*польск. *łaskawy), моцный (*польск. *mocny), наймилейший (*польск. *najmiłszy), незбедный (*польск. *niezbędny), преокрутный (*польск. *przeokrotny), прегоркий (*польск. *przegorzki), преклятый (*польск. *przeklęty), прешляхетный (*польск. *przeszlachetny), смутный (*польск. *smutny)*;
- прыслоўі: *овшеки (*польск. *owszeki), окрутне (окрутно) (*польск. *okrutnie), борздо (*польск. *borzdo), велми (*польск. *welmi), жалобливе (*польск. *żałobliwie), кденколи (*польск. *gdzieńkoli), ласкаве (ласкава) (*польск. *łaskawie), меновито (*польск. *mianowicie), моцне (моцно) (*польск. *mocnie), натыхместъ (*польск. *natychmiast), нагле (*польск. *nagle), некды (*польск. *niegdyś), певно (*польск. *pewnie), посполу (*польск. *pospołu), прегорко (*польск. *przegorzko), смутливе (*польск. *smutliwie), тяжко (*польск. *ciężko)*;
- дапаможныя часціны мовы: *ажъ (*польск. *aż), албо (*польск. *albo), одва (*польск. *odwa), тежъ (*польск. *też).*

Гледзячы на такі вялікі склад паланізмаў і лексем заходнееўрапейскага паходжання, робіцца ўражанне, што перакладчык проста графічна прыстасоўваў польскі тэкст пад кірылічны алфавіт. Аднак аб тым, што перакладчык дадзенага апавядання не аўтаматычна адаптаваў заходнеславянскі тэкст пад старабеларускую мову, сведчыць факт наяўнасці так званых унутрытэкставых глос: выпадкаў, калі заходнеславянскае слова тлумачыцца непасрэдна ў тэксце праз усходнеславянскі адпаведнік пы дапамозе злучнікаў *або, альбо, албо*. Разгледзім некаторыя прыклады:

сто□ла болеючи або зламана была болестїю (с. 13б);

оубога□матка оу чомъ коли виновата альбо мерз#на была (с. 1б) (параўн. польск. *mierdziany*);

до бетании альбо до вифанїи (с. 1б);

полеценникъ альбо сторожь (с. 2) (параўн. польск. *polecennik*);

серединни^{к} *альбо злоутьца* (с. 2) (параўн. польск. *złutca*);

апотай альбо таемно (с. 8) (параўн. польск. *apotaj*);

ширинкоу свою албо wброусець (с. 17) (параўн. польск. *szyrzynka*);

ходи^{п} *по рочничкоу албо ширинце* (с. 17б);

не говори^{ш} *албо не* ѡ^{т}*казоуе*^{ш} (с. 18) (калька з польск. *odpowiadać*);

блазове албо фальшаре (с. 18б) (параўн. польск. *błazen*, *falszar*);

зависть держа^{т} *албо жа*^{л} *им* (с. 18б);

гневоу напо^{л}*не*^{н} *албо розгневалс#* (с. 18б) (параўн. польск. *napełnić się*);

кри^{в} *албо горбатъ* (с. 20) (параўн. польск. *krzywy*);

реклъ до всее великости албо то^{л}*пы жидовское* (с. 20б) (параўн. польск. *welkość*);

велми с# зоуме^{л} *албо зл#клъ* (с. 21б) (параўн. польск. *zlaknąć śię*);

киноули жеребьи албо костки (с. 21б);

им# понцiюсъ пилатоу^{с} *албо понтскiй пилат*^{т} (с. 23);

безмhрные nhн#зи цесарю тиверее да^{л} *албо оферова*^{л} (с. 23б) (параўн. польск. *ofiarować*);

платъ албо роубъ несла есмь до малер# (с. 24);

лицо^{м} *его* ^{на}*знамена*^{л} *албо намолева*^{л} (с. 24) (параўн. польск. *naznamienać*);

дано емоу на Пилата сказанiе албо ѡ*соуженiе* (с. 24б);

питома□ роука не спрiала албо се над ни^{м} *не смиловала* (с. 24б) (параўн. польск. *sprzyjąć*);

таемнице албо сѡости (с. 27);

ѡ*станко*^{в} *албо ищастко*^{в} (с. 31);

зборъ албо рада (с. 32);

на знам# албо оу ди^{в} (с. (32) (параўн. польск. *znamie*);

знамена албо дивы (с. 35б);

ѡ*седла*^{л} *албо* ѡ*пр#ноу*^{л} ѡ*сла* (с. 37) (параўн. польск. *oprzęgnąć*);

оушо^{л} *албо оубеглъ* (с. 1б).

Прыведзеныя прыклады дэманструюць высокую лінгвістычную кампетэнцыю перакладчыка твора. Лексемы заходнееўрапейскага і заходнеславянскага паходжання выконваюць у тэксце вельмі моцную эмацыянальную функцыю, так характэрную для некананічнай рэлігійнай літаратуры. Унутрытэкставыя глосы сведчаць аб спробах перакладчыка ўдасканаліць тэкст, зрабіць яго больш зразумелым для чытачоў з розных культурна- і канфесійна арыентаваных пластоў сярэднявечнага грамадства.

Літаратура

1. Гісторыя беларускай літаратуры XI-XIX стагоддзяў. У 2 т. Т. 1. Даўняя літаратура: XI – першая палова XVIII стагоддзя / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовы і літ. імя Я. Коласа і Я. Купалы; навук. рэд. тома В.А. Чамярыцкі. – 3-е выд., выпр. – Мінск: Беларус. навука, 2010.
2. Жураўскі, А.І. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Т. 1 / А.І. Жураўскі / Рэд. М.Р. Суднік. – Мінск: Навука і тэхніка, 1967.
3. Карскій, Е.Ф. Западнорусскій сборникъ XV-го вhка, принадлежащій Императорской публичной библиотекh. Q. I. № 391. Палеографическія особенности, составъ и языкъ рукописи / Е.Ф. Карскій. – Санктпетербургъ: Типографія Императорской Академіи наукъ, 1897.

И.В. Высоцкая

(Новосибирский национальный исследовательский государственный университет)

СУБСТАНТИВАЦИЯ НАРЕЧИЙ – УЗУАЛЬНАЯ ИЛИ ОККАЗИОНАЛЬНАЯ?

В рамках структурно-семантического подхода (в частности – теории синхронной переходности) субстантивация понимается как результат взаимодействия частей речи.

На основании этого подхода нами представлена типология субстантивации в современном русском языке, основанная на противопоставлении узуальной и окказиональной субстантивации как системно-языковой и речевой (стихийной, креативной). Это позволяет

рассматривать классические примеры типа ***Смелый*** *к победе стремится* и *Далече грянуло* ***ура*** не как явления одного порядка. В основе противопоставления узуальной и окказиональной субстантивации – соотнесенность с действительностью объективной или некой виртуальной: метатекстом, художественным мировосприятием автора и т.п.

Узуальными субстантиватами являются слова адъективного типа: прилагательные, причастия, местоимения-прилагательные, порядковые числительные.

Исходной базой окказиональной субстантивации могут быть слова любых частей речи и синтаксические единицы.

На втором уровне деления представлены типы узуальной и окказиональной субстантивации. По степени увеличения субстантивных и (соответственно) уменьшения адъективных свойств выделяем пять типов узуальной субстантивации: контекстуальную, ситуативную, срединную, глубокую, квазисубстантивацию. Заметим, что это именно разные типы узуальной субстантивации, а не звенья одного процесса.

Предлагаем различать три типа окказиональной субстантивации: метатекстовую, индивидуально-авторскую, номинации. Все эти типы так или иначе связаны с воспроизведением чужого слова, однако среди способов передачи чужой речи окказиональная субстантивация обычно не упоминается. Подчеркнем, что метасубстантивация является способом выражения чужой речи и средством реализации определенной коммуникативной стратегии говорящего (см. подробнее [1]; [2]).

Между явлениями узуальной и окказиональной субстантивации нет жестких границ. Субстантивация наречий преимущественно окказиональная, однако можно говорить об узуализации субстантивированных наречий времени и места и квалифицировать их как неизменяемые существительные среднего рода. Рассмотрим это явление.

Общая черта узуальных субстантиватов – изменяемость. Окказиональные субстантиваты часто неизменяемы. Именно неизменяемость не позволяет говорить об узуальной субстантивации наречий, хотя они нередко употребляются в функции существительных.

Субстантивации подвергаются наречия со значением вчерашнего, сегодняшнего, завтрашнего дней. Они становятся обозначением временного отрезка, его вторичной номинацией, «вбирая в себя» значение словосочетания. Ср.:

За ***сегодняшним днем*** *стоит неподвижно* ***завтра****, / как сказуемое за подлежащим* (И. Бродский).

Это явление отмечено в словарях [3]; [4], причем для существительных *сегодня* [3; 706] и *завтра* [3; 203] наряду с прямым значением указано переносное – значение настоящего и будущего. Переносное значение при обозначении прошлого может возникать и у существительного *вчера*:

Завтра *будет лучше, чем* ***вчера*** (Н. Добронравов).

Субстантивное употребление наречий времени для обозначения прошлого, настоящего и будущего широко распространено:

Их загрызет тоска, если ***завтра*** *не будет похоже* ***на сегодня****, а* ***послезавтра на завтра*** (А. Гончаров).

Языковые средства раскрывают авторскую «философию времени» в процессе осмысления бытия:

Сегодня*, превращаясь во* ***вчера****,*
себя не утруждает переменой
пера, бумаги, жижицы пельменной,
изделия хромого бочара
из Гамбурга

(И. Бродский).

Отметим название-оксюморон:

«Вчерашнее ***завтра****»* (М. Каганская, З. Бар-Селла, И. Гомель).

Омонимичные наречие и существительное легко «уживаются» рядом:

Не откладывай ***на завтра*** *то, что можешь сделать сегодня* (посл.)

Ср. также «обычное» (*вчера*) и субстантивное (*завтра*) употребление наречий времени, отражающее возникновение нового дня (новой сущности) и сложное взаимодействие «соседствующих» конкретного (*сегодня*) и абстрактного (*«никогда»*):

Вчера наступило ***завтра****, в три часа пополудни. /* ***Сегодня*** *уже «****никогда****»,* ***будущее*** *вообще* (И. Бродский).

Субстантивированные наречия воспринимаются как несклоняемые существительные среднего рода (формы родительного и дательного падежей *завтрого* и *завтрому* (пишется *завтрего* и *завртрему*) просторечные [4; 907]). Чаще они употребляются в именительном падеже – в функции подлежащего или сказуемого, выражая значение логических субъекта или предиката:

И я понимаю – почему ***«сегодня»*** *не порождает поэтов, почему нет настоящих пьес, почему оскудела проза* (Т. Доронина); *Философия государства, его этика, не говоря уже о его эстетике – всегда «****вчера****»; язык, литература – всегда «****сегодня****» и часто – особенно в случае ортодоксальности той или иной системы даже и «****завтра****»* (И. Бродский).

В косвенных падежах субстантиваты употребляются в функции дополнения:

Я не о любви, я о лимоне. Я о манерах, о похмелье, об улыбке сегодня насчёт безнадёжно далёкого ***вчера****, которое почему-то всегда оказывается ближе и понятней, не то что календарного* ***вчера*** *(чур меня! чур!), но даже вполне, вроде бы, надёжного* ***сегодня****, а может, и* ***завтра****, а может, и* ***всегда*** (И. Картушин).

Образование аналитических форм косвенных падежей и сочетаемость с предлогами ограничены: форма винительного падежа образуется с предлогом *до*, форма родительного падежа – с предлогом *на* (форма дательного падежа – с предлогом *к*: *к завтра* / *к завтрему* [4; 907]).

Образование других форм окказионально:

Напишите о ***«сегодня»****. Трудно. Трудно писать* (Т. Доронина).

Отметим, что регулярное воспроизведение в речи субстантивированного предложно-падежного сочетания ***До завтра****!* подвергается интеръективации и органично вписывается в ряд этикетных выражений субстантивного происхождения, построенных по общей модели:

До свидания! До встречи! До скорой встречи!

Ср. также: *До новых встреч! До скорого! До вечера!*

В одноименной песне реализованы субстантивное (в припеве) и междометное (в куплете) употребление этой формы:

До завтра*! Прощальных слов не говори.*
До завтра*! Устало светят фонари…*
<…>
Припев:
Ночной городок, пройдусь по округе,
Рассвет не далек, недолго скучать в разлуке,
До завтра

(А. Шаганов).

Субстантивация других наречий времени воспринимается как окказиональная. См. «Вальс при свечах» А. Вознесенского:

Любите при свечах,
танцуйте до гудка,
живите – ***при сейчас****,*
любите – ***при когда****?*

Ребята – при часах,
девчата при серьгах,
*живите – **при сейчас**,*
*любите – **при Всегда**,*

прически – на плечах,
щека у свитерка,
*начните – **при сейчас**,*
*очнитесь – **при всегда.***

Маркером субстантивации оказывается сочетание «бывших» наречий с предлогом: *А между прочим, на **СЕЙЧАС** надо смотреть из **ПОТОМ*** (В. Токарева).

Могут субстантивироваться и некоторые наречия места:

*Я к вам приду **в** коммунистическое **далеко**...* (В. Маяковский); *Зимний вечер с вином **в нигде*** (И. Бродский); *«Дорога **в куда»*** (А. Ре).

Отметим употребление наречия места по аналогии с предложно-падежным сочетанием в обстоятельственной функции (*из* + имя собственное в форме родительного падежа), навеянное, возможно, прецедентным текстом (*Из России с любовью*):

***Ниоткуда** с любовью, надцатого мартобря* (И. Бродский).

Ср также: *«Человек ниоткуда»* (название к/ф) – *Человек **из «ниоткуда»*** (газетный заголовок).

Субстантивация наречий может быть рассмотрена как связующая область между узуальной и окказиональной субстантивацией. Вероятно, на основании частотности употребления можно говорить (с определенной осторожностью) о движении к узусу субстантивированных наречий со значением времени и места, которые, позволяя представить время и место как предмет, сохраняют связь с объективной действительностью. Однако их субстантивация синтаксически обусловлена: связана с определенными падежными формами. Субстантивация наречий других семантических разрядов преимущественно окказиональная. Представляется перспективным сопоставление субстантивации наречий в других языках.

Литература

1. Высоцкая, И.В. Синкретизм в системе частей речи современного русского языка / И.В.Высоцкая. – М.: МПГУ, 2006. – 304 с.
2. Высоцкая, И.В. Субстантивация в свете теории синхронной переходности И.В.Высоцкая. – Новосибирск: НГПУ, 2009. – 192 с.
3. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Русск. яз, 1990. – 921 с.
4. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. В 4-х т. – М.: ОГИЗ, 1935-1940. – 1500 с.

Ф.Х. Гильфанова, Р.Т. Гильфанов (Тюменский государственный университет)

ИЗ ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Наука о сопоставлении языков возникла в глубокой древности, когда люди столкнулись с потребностью объясняться с носителями других языков, других культур. Первыми исследователями, занимавшимися сопоставлением языков, были составители двуязычных переводных словарей, которые, исходя из своих практических знаний, словам иностранного языка подбирали соответствия в своем родном языке. В то время не было никаких методов сопоставления языков, тем более не существовало и самого понятия «метод сопоставления языков». В связи с расширением лингвистического кругозора путешественников, знакомст-

вом их с большим количеством языков были предприняты первые попытки установления родства языков, целью которых было объяснение причин сходства и различия между ними. Для сравнения языков большое значение имело изучение санскрита, языка индийских священных книг, о котором Европа узнала в 80-х годах XVI века из писем итальянского путешественника Филиппо Сассетти. В 1583-1588 гг. он посетил Индию и познакомился там с языком индийских священных книг. В своих «Письмах из Италии» он привел несколько санскритских слов, обращая внимание на их сходство с итальянскими. Посредством других миссионеров в Европу также проникли и другие сведения о санскрите, которые стали более достоверными в XVIII веке благодаря англичанам, побывавшим в Индии. Факт существования в далекой Индии языка, родственного известным европейским языкам, породила понятие языкового родства. При помощи индийских грамматистов европейцы научились анализировать языковые формы, вполне точно и определенно устанавливать их сходные и отличительные черты. Сталкиваясь с точными формулировками санскритской грамматики или тщательно проанализированными лексическими формами, европейские ученые находили подобные явления в своем родном или каком-нибудь из известных им языков.

В течение некоторого времени существовало представление о том, что европейские языки произошли от санскрита. Но это представление вскоре уступило место более правильному объяснению. По предположению Л. Блумфилда, мысль о том, что «санскрит, латынь, греческий и т.д. – это различные, более поздние формы какого-то доисторического языка, была впервые высказана первым крупным европейским санскритологом сэром Вильямом Джоунзом (1746-1794) в речи, произнесенной им в 1786 году. В ней он подчеркивал, что явное сходство санскрита с греческим и латинским языками не может быть результатом простой случайности, но свидетельствует скорее о том, что все эти три языка «возникли из одного общего языка, который, возможно, уже не существует» [1;13]. Однако сравнительному изучению индоевропейских языков мешало отсутствие систематически обработанного материала и описательных сведений родственных языков. И все же, несмотря на недостаточность знаний, оно стало одним из основных и наиболее успешных разделов европейской науки XIX века. Определились общие предпосылки исторического и сравнительного изучения языков. Позднее было обнаружено сходство санскрита с так называемыми иранскими, балтийскими и славянским языками. Примерно в начале XIX века знание санскрита стало обязательной частью подготовки европейского ученого. На примере индийских грамматик европейские языковеды впервые познакомились с полным и точным описанием языка.

В римском языкознании появились работы, посвященные сопоставительному изучению греческого и латинского языков. Сопоставляя латинский язык с греческим, римский ученый-энциклопедист Марк Теренций Варрон (116-27 гг. до н.э.) обосновал наличие в латинском языке отложительного падежа (аблатива). Трактатом немецкого языковеда Франца Боппа (1791-1867) о глагольных окончаниях в санскрите, греческом, латинском, персидском и германских языках, опубликованном в 1816 году, было положено начало сравнительному изучению индоевропейских языков. В 1818 году датчанин Расмус Кристина Раск (1787-1867) доказал, что слова в германских языках обнаруживают в своем звучании закономерные формальные соответствия со словами других индоевропейских языков. Подчеркивая важность звуковых законов, он отмечает «когда в двух языках есть соответствия в словах такого рода и в таком количестве, что могут быть установлены законы относительно буквенных переходов из одного языка в другой, то между этими языками имеются близкие родственные связи [1; 37].

Самые первые работы, которые поставили сопоставление на научную основу, появились в Германии в начале 19 века, когда немецкие ученые Ф. Бопп и Я. Гримм опубликовали свои первые работы по сравнительно-историческому языкознанию, которое представляет собой область языкознания, объектом которой является установле-

ние соотношения между родственными языками и описание их эволюции во времени и пространстве. Она стала первой отраслью языкознания, которая занимала ведущее положение в лингвистической науке в XIX веке и с помощью которой было установлено общее происхождение многочисленных групп языков, вытекающее из того, что они образовались от одного языка-основы (праязыка) путем его распадения из-за дробления коллектива-носителя.

Все вышеизложенное показывает, что основной задачей сравнительно-исторического языкознания является доказательство их генетического родства, основывающегося на закономерных соответствиях, главным образом, фонетических элементов данных языков.

Сравнительно-сопоставительная же лингвистика не знает таких ограничений. Она может сравнивать любой язык с любым другим языком и, выявляя различия между ними, не ищет исторических объяснений этим различиям. Первоначально данное направление ученые называли термином «контрастивная лингвистика» или «контрастивное языкознание», поскольку сопоставительное языкознание сосредоточивало свое внимание на выявлении контрастов в изучаемых языках, то есть его интересовало, прежде всего, то, что отличает сопоставляемые языки друг от друга и что может оказаться фактором, обусловливающим межъязыковую интерференцию. В настоящее время такое сравнение, позволяющее выявлять только различия (контрасты) между языками, проводится в дидактических целях для выделения объектов обучения. Так, например, в учебниках по немецкому языку указывается, что система глагольных времен имеет три формы прошедшего времени в отличие от русского глагола, имеющего только одну соответствующую форму, что создает некоторые трудности при изучении русскоязычными учащимися и студентами немецкой глагольной системы.

Учитывая все вышеизложенные факты в истории развития сравнительного языкознания, ученые выделяют в ней четыре основных периода, *первый* из которых характеризуется как стихийный, или эволюционный. Он начинается вместе с появлением первых лингвистических работ: при составлении отдельных грамматик, различных трактатов языковеды уже пользовались готовыми моделями по принципу аналогии. Этот период завершается незадолго до Ренессанса.

Второй период характеризуется как период становления языкового сравнения, когда появляются первые обобщающие труды в этой области. К основным произведениям такого типа относится “Грамматика Пор-Рояль в индоевропеистике (XVII в.), а на материале тюркских языков – «Диван лугат ат-тюрк» Махмуда Кашгарского и др. *Третий период* истории развития лингвистической типологии связан с возникновением сравнительно-исторического языкознания, с появлением генеалогической и типологической классификации языков. *Четвертый период* связан с выделением научной лингвистической типологии в качестве самостоятельной научной дисциплины. Он совпадает с XX веком, временем бурного развития типологических наук в мировом масштабе, характеризующегося делением лингвистической типологии на различные конкретные области, такие как структурная, генетическая, ареальная, сравнительная типологии.

Сравнительно-историческое индоевропейское языкознание – это первая отрасль лингвистики, которая смогла претендовать на звание подлинно научной. Установленные в его рамках строгие системы фонетических соответствий послужили доказательством общего происхождения больших групп языков. Процедура языкового сравнения и основанной на нем языковой реконструкции оказалась настолько строгой, что позволила восстанавливать звуки и морфемы, поначалу нигде не засвидетельствованные и найденные лишь после того, как было высказано предположение об их существовании. Четкое осознание фонетических соответствий позволило ученым выделить в языке две важнейшие единицы: фонему (то, что соответствует в родственных языках) – мини-

мальную единицу языка и морфему (необходимое окружение, в котором можно установить родство фонем) – минимальную значимую частицу языка. Сравнительно-историческое языкознание – это тот исток, который питает другие отрасли лингвистики. Велика его роль и в становлении сравнительно-типологического языкознания, структура которого является базой классификации языков мира. Типологическая лингвистика ставит уже более широкие задачи для изучения специфики языков на фоне тех общих черт, которые свойственны человеческим языкам вообще.

Литература

1. Березин, Ф.М. История лингвистических учений: Учебник для филол. спец. вузов. – 2-е изд., испр. и доп. / Ф.М. Березин. – М.: Высш. шк., 1984. – 319 с.
2. Гак, В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков: Учеб. пос. для студентов пед. ин-тов по спец. «Иностр. яз.» - 3-е изд., дораб. / В.Г. Гак. – М.: Просвещение, 1989. – 288 с.

А.К. Жумабекова

(Казахский национальный педагогический университет имени Абая)

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ЛЕКСИКИ

К концу XX – началу XXI века в лингвистике сложилось представление о языке как динамической системе, находящейся в состоянии неустойчивого равновесия и в постоянном состоянии перехода от одного состояния устойчивости к другому.

Философская наука выдвинула ряд общесистемных принципов – целостность, структурность, иерархичность, взаимозависимость системы и среды, множественность описания каждой системы [1; 610].

Рассмотрим первый из них. Чрезвычайно важным представляется нам вывод о том, что в истинном целом только одна из частей составляет его основу и сущность всех других частей. Развитие реального целого предстает в форме субстанциональной части, которая по сути равна целому. Процесс познания действительно данного конкретного целого предполагает, следовательно, нахождение того субстанционального звена, развитием которого формируется все целое. Движение целого как постоянное воспроизводство и в то же время изменение себя отличается от движения исходной части, порождающей другие свои части, но сохраняющей себя. Эта исходная часть целиком превращается каждый раз в свою противоположность и, пройдя ряд существенных метаморфоз, возвращается к своей исходной форме, но с иным, обогащенным, новым содержанием.

Если связь между частями системы является сильной, то система предстает как неразложимая. Такова система языка, и, в частности, ее лексическая подсистема. В этом случае логическая наука ориентирует не на расчленение (т.е. анализ), а на поиск и выделение особенных субстратных, структурных единиц, обладающих максимальной всеобщностью к постоянной воспроизводимостью (т.е. на синтез, понимаемый как некий конструктивный процесс).

Таким образом, на наш взгляд, интерес для исследователя (особенно при рассмотрении типологически контрастных языков) представляют не столько языковые системы – в узком или широком смысле, – сколько структуры языков.

При экстраполяции теоретических положений смежных наук на лингвистический план очевидным становится рассмотрение языка как целенаправленной, динамичной, гипотетической системы. Результаты предшествующих лингвистических исследований позволяют причислить к особенностям языковой системы такие свойства, как изменчивость, адаптивность и способность к саморегуляции [2; 194-195].

Как отмечают исследователи, в науке о языке наблюдается тенденция к атомизации, т.е. членению материала: язык разбивается на множество разнообразных деталей в виде дифференциальных признаков языковых единиц, самих единиц и их групп, грамматических и семантических явлений и т.п. Общие же правила, позволяющие синтезировать все получаемые части в единое целое, пока не выработаны. Отчетливо это проявляется в области лексикологии. Объектом исследований лингвистов как на материале одного языка так и в сопоставительном аспекте становятся отдельные лексические единицы или их группы, выделяемые на основании разных признаков.

Таким образом, возникла настоятельная потребность в разработке единых методологических принципов описания и изучения лексики с позиций системного подхода. Преодоление атомистической тенденции в лексикологии представляется возможным при переходе от инвентаризации фактического материала к обобщению результатов предыдущих исследований отдельных лексических объединений. Эта задача может быть решена при выявлении определенных структур организации лексической системы, которые служат универсальной основой организации памяти человека, связаны с логическими свойствами мышления. В таком аспекте исследования становится возможным не только расчленять языковой материал, но и синтезировать его.

Выявление закономерностей в подходе к языку как системно-структурному образованию позволяет детально рассмотреть вопрос об изучении лексики языка как целостного единства взаимообусловленных элементов.

Большинством исследователей, рассматривающих язык в качестве системного образования, лексика как часть языка признается определенным образом организованным объединением ее единиц. Ими выделяются такие свойства лексической системы, как огромное количество ее объектов, не сравнимое с числом единиц других уровней, динамизм, открытый характер, постоянная изменяемость под воздействием как системных, так и асистемных тенденций [3-6].

Методологическая ценность системного подхода к сопоставительному анализу лексики состоит в том, что он позволяет ориентировать исследование изучаемого объекта на раскрытие его целостности и на анализ механизмов, обеспечивающих эту целостность. Кроме того, в русле системного подхода разрабатываются такие типологии связей и отношений, которые представляют их как логически однородные. Это позволяет сравнивать и сопоставлять все многообразные типы связей и отношений в лексике языка на единых логических основаниях.

Системность лексики любого языка обусловлена наличием разветвленной сети связей, основанных на различных признаках. Поэтому создание непротиворечивого описания разнородных лексических структур становится возможным путем привлечения к анализу логических категорий, в частности, отношений между сравнимыми совместимыми понятиями – равнообъемности (тождества), пересечения и подчинения (включения).

Логико-лингвистический подход к анализу языкового материала позволяет установить два типа семантических отношений, структурирующих лексикон: *включение* (гиперо-гипонимические и партитивные связи – системообразующие по вертикали) и *пересечение* (синонимические, антонимические и эквонимические связи – системообразующие по горизонтали).

При таком подходе становится возможным сравнивать и сопоставлять лексические системы разных языков [7]. На фоне общего «каркаса» лексикона отчетливо выявляются национально-специфические черты того или иного языка с его конфигурацией семантических связей определенного типа. Так, нами было выявлено, что в казахском языке, в отличие от русского, гиперо-гипонимические связи на отдельных участках системы более разветвлены (обозначения родства, соматизмы, наименования домашних

животных и др.). При этом словообразовательные связи достаточно однотипны (имеет место тенденция номинация гипонимов с помощью аналитического метода путем включения в составное наименование гиперонима).

Вместе с тем не следует абсолютизировать системный характер лексики языка, поскольку она не является детерминируемой системой с раз и навсегда заданным положением ее элементов и четкими границами между отдельными участками. Асистемные тенденции в лексике проявляются в том, что имеют место факты двойственного, промежуточного типа, о чем свидетельствуют имеющиеся в метаязыке лингвистики терминообозначения с префиксом *квази-: квазисинонимы, квазиантонимы, квазигипонимы* и др. Лексемы, объединенные в подобные группы, обладают как общими признаками, лежащими в основе выделения узуальных антонимов, синонимов, гипонимов и др., так и собственным набором дифференциальных черт.

Логико-лингвистический подход в системном описании лексики позволяет решить также проблему эквивалентности в двуязычной лексикографии (в том числе и терминографии) и в транслятологии путем установления отношений тождества, пересечения и включения между лексическими единицами сопоставляемых языков.

Интегративный характер областей научного знания на современном этапе обусловливает использование данных нескольких наук для выявления типов универсальных семантических связей слов как членов лексических единств. Избранный подход на стыке логики и лингвистики характеризуется большими потенциальными возможностями, поскольку, отражая и моделируя объективно существующую системную организацию лексики, способствует более глубокому пониманию такого феномена, как язык; расширяет представления о механизмах функционирования языка и закономерностях речемыслительной деятельности человека.

Изучение семантических макро- и микроструктур лексики типологически контрастных языков (например, казахского и русского) свидетельствует об их относительном изоморфизме. Общность типологии семантических связей в пределах лексических систем описываемых языков обусловлена закономерностями человеческого мышления.

Принцип системности, имеющий методологический характер, приобретает особую актуальность на современном этапе, поскольку позволяет решать теоретические и прикладные задачи смежных областей лингвистической науки: лексикологии, теории и практики одно- и двуязычной лексикографии, терминографии, теории и практики перевода, лингводидактики.

Литература

1. Садовский, В.Н. Система / В.Н. Садовский // Философский энциклопедический словарь. Гл. ред. Ильичев Л.Ф., Федосеев П.Н. и др. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – С.610-611.
2. Общее языкознание: Сущность и история языка. Уч.пособие / Н.Б. Мечковская, Б.А. Плотников, А.Е. Супрун. – Под общ. ред. А.Е. Супруна. – 2-е изд., перераб. и доп. – Мн.: Выш.шк., 1993. – 287 с.
3. Уфимцева, А.А. Опыт изучения лексики как системы (на материале английского языка) / А.А. Уфимцева. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 287 с.
4. Попова, З.Д. Лексическая система языка. Внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания. Уч. пос. / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: Либроком, 2011. – 176 с.
5. Харитончик, З.А. Лексикология английского языка. Уч. пособие: – 3-е изд. / З.А. Харитончик. – М.: Либроком, 2010. – 288 с.
6. Никитевич, В.И. Системность языка: Уч. пособие по курсу «Общее языкознание» / В.И. Никитевич. – Мн.: БГУ, 1988. – 85 с.
7. Жумабекова, А.К. Основы системного описания лексики казахского и русского языков. – Алматы: Гылым, 2000. – 176 с.

В.Э. Зіманскі (Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава)

ДАДАНЫЯ ЧЛЕНЫ СКАЗА Ў ПОМНІКАХ СТАРАБЕЛАРУСКАЙ ПІСЬМЕННАСЦІ XIII – ПАЧ. XVI СТ.

Вывучэнне гісторыі развіцця беларускай мовы самым цесным чынам звязана з вывучэннем мовы асобных помнікаў старабеларускай пісьменнасці, што дазваляе ўявіць стан, кірункі развіцця літаратурнай мовы, паглыбіць уяўленні аб яе тыповых адметнасцях. Помнікі беларускай пісьменнасці – асноўная і таму важная крыніца вывучэння старабеларускай мовы, высвятлення шляхоў станаўлення і фарміравання яе асноўных сінтаксічных асаблівасцей [1, с. 35]. Асабліва важным з'яўляецца сістэмны аналіз мовы ўсіх вядомых помнікаў старабеларускай пісьменнасці, бо яны ўтрымліваюць багаты фактычны матэрыял для вывучэння гістарычнага развіцця беларускай мовы, у тым ліку і яе сінтаксічнага ладу.

Мэта гэтага артыкула – вызначэнне стану і асаблівасцей развіцця сінтаксісу старабеларускай мовы на ўзроўні даданых членаў простага развітага няўскладненага сказа на матэрыяле помнікаў старабеларускай пісьменнасці. Крыніцамі даследавання паслужылі помнікі старабеларускай пісьменнасці, якія ахопліваюць перыяд XIII – пач. XVI ст., такія як: Дагаварная грамата смаленскага князя Мсціслава Давыдавіча з Рыгай і Готскім берагам 1229 г.; Жыціе Ефрасінні Полацкай XIII ст.; Дагавор Полацка з Рыгай 1330 г.; Дагавор Полацка з Рыгай 1407 г.; Грамата палачан у Рыгу 1465 г.; Укладная грамата княгіні Ульяны царкве ў Азярышчах 1377г.; Даравальная грамата князя Андрэя Полацкаму манастыру 1399 г.; Прывілей Ягайлы 1387 г.; Грамата караля Уладзіслава Скіргайлу 1387 г.; Віленскі статут 1347 г.; Судзебнік Казіміра 1468 г.; Статут 1529г.; Жыццё літоўскіх (віленскіх) пакутнікаў к. XIV ст.; Аповесць пра трох каралёў к. XV ст.; Пакуты Хрыста к. XV ст.; Александрыя XV ст.; Аповесць пра Баву XVI ст.; Летапіс вялікіх князёў літоўскіх 1430 г.; Беларуска-літоўскі летапіс 1446 г.; Хроніка Быхаўца XVI ст. і інш.

Просты развіты няўскладнены сказ у старабеларускай мове, як і ў сучаснай, – гэта сказ, які мае даданыя члены – азначэнне, дапаўненне і акалічнасць. Спынімся на аналізе тыповых асаблівасцей семантыка-сінтаксічных адносін і спосабах выражэння сінтаксічных сувязей пры ўжыванні даданых членаў. Найбольш распаўсюджанымі відамі сінтаксічных сувязей пры выражэнні азначэння і дапаўнення ў старабеларускай мове як мове з добра развітымі сістэмамі іменных флексій з'яўляецца дапасаванне і кіраванне. Тыповымі відамі сінтаксічнай сувязі пры выражэнні акалічнасці з'яўляюцца прымыканне і кіраванне.

Асаблівасці выражэння азначэння. Асноўным спосабам выражэння азначэння ў разглядаемы перыяд было выражэнне праз дапасаваны член сказа. Такая сувязь характарызавала залежнасць ад паяснёнага слова прыметніка, займенніка, дзеепрыметніка, якія суадносіліся з ім у родзе, ліку, склоне. Пры гэтым тыпе сінтаксічнай сувязі пераважалі іменныя канструкцыі: паяснёнае слова выражана пераважна назоўнікамі адзіночнага і множнага ліку; сярод азначэнняў у помніках XIII-XIV стст. нязначна пераважаюць прэпазіцыйныя дапасаваныя азначэнні: *лифл#нскага" рать, четвьртое лѣто, велика# дорога, божии дни, лотыгольска# земл#, немецьки гость, готьскы берегь, старый мир, нашъ монастыри, крестное целование, лишнее дѣло, друга# жена, руская земл#, непріятельска# земл#, каждый дубъ, чюжій гай, велики кн#зь, своею радою, пречітстага" матерь*; але: *недостаткы велики, ратманы ризкие, любовь ваша, епіскупа полотьского, кн#зь смоленьскыи, земл# первописаная, з винами преречными.* Постпазіцыйнае размяшчэнне азначэння характэрна ў асноўным помнікам дзелавога і рэлігійнага стыляў, дзе гэта абумоўлена тэрміналагізацыяй выразаў (у першых) ці кніжным характарам мовы помніка перакладнога паходжання (або стылізацыяй пад

яе – у другіх). У помніках XV-пач. XVI ст. сітуацыя кардынальна не мяняецца ні ў дачыненні да стылю помніка, ні ў дачыненні да агульных колькасных паказчыкаў ужывання прэпазіцыйных і постпазіцыйных дапасаваных азначэнняў: *почестливым сусе-домъ*, *моимъ листомъ*, *доброго человека*, *пъяных людеи*, *по старому праву*, *по старой пошлинh*, *боярскыи люди*, *земное dhло*, *вhчную отчизну*, *вhчными границами*, *заволаная воина*, в*hрная рада*, *королевскымъ приказаньем*, *нашой присязh*, *потребизны земскоh*, *чорными людьми*; але: *на* в*hкы вhчныя*, *dhла городские*, *дворяне городские, поклон при"телскыи*, *посполства полоцкого*, *бояринъ ошменьскии*, *dhтем ближним*, *печать свою*, *село суседово*, *держаца слонимски*, *грошеи широких*, *грамота хрестная*, *мештерем задвиньскимь*, *сыновца милого*.

Для простага развітага сказа разглядаемага перыяду характэрны таксама недапасаваныя азначэнні, выражаныя прыназоўнікавымі і беспрыназоўнікавымі формамі роднага склону са спосабам сінтаксічнай сувязі кіраванне: *приказан~м корол#*, *двор#не кн#з#*, *dhло знаменитыхъ*, *нашелъ дерево безъ пчол, скрын# подъ ключами.*

Помнікі пісьменнасці XV-пач. XVI ст. адлюстроўваюць пашырэнне ўжывання прыдатка як разнавіднасці дапасаванага азначэння: *писана пану буръмистру*, *кухмистру князя; блаженыи Григории патриархъ*; *великий князь Витовт; бояринъ ошменьски Янко Богданович, кн#зь печатник Федоровъ.*

Асаблівасці выражэння <u>дапаўнення і акалічнасці.</u> Дапаўненне як член сказа ў старабеларускай мове характарызавала залежнасць імя ад дзеяслова (ці іншай часціны мовы), абазначаючы аб’ект (зрэдку – суб’ект) дзеяння. Выражалася дапаўненне пры дапамозе сінтаксічнай сувязі кіраванне, якое магло быць прыназоўнікавым і беспрыназоўнікавым (яно з'яўляецца першасным). Асабліва шырока распаўсюджаны беспрыназоўнікавыя дапаўненні ў канструкцыях з давальным склонам залежнага слова, дзе дапаўненне выражана назоўнікам ці асабова-ўказальным займеннікам і абазначае аб’ект (*клан#юс# dhтемъ*, *р#дите игемену*, *поклонъ кн#зю*, *выдаи разбоинику*, *рекли Прокопии*, *реклh Фредерику, немцhмъ дати*) і суб’ект дзеяння (*иметъ пану*, *намъ плитити*, *годиться государю, судить ему*, *держ#ть кановникомъ*, *местит gми*, *вамъ чинити*). Прыназоўнікавыя дапаўненні тут параўнальна рэдкія і выражаюцца ў асноўным формамі з прыназоўнікам *к*: *привhсил к запису*.

Дапаўненне, выражанае формай вінавальнага склону залежнага слова, у старабеларускіх помніках пісьменнасці магло быць ускосным (выражана прыназоўнікавымі формамі): *пригодилос# за грhхы, идуть на воину, бирес# про колоколъ, повели у полонъ*, *ити q рать, писанъ у четвергъ, во тму ехати, перестupати через границу*, *побравши на сани*, *дати за даръ*, *обернути на* л*hпшее*, *дати на рукоемство*, *на помочь прихwдила* – і прамым (выражана беспыназоўнікавымі формамі): *неправду dh"лъ*, *даите исправу, искали колокола, положилъ еуангелье, вз#лъ мечъ, стратить dhлницу, переступить приказанье, шкоду платити, дерево зрубить, даемъ вhданье, имhть вину, раны платить, вердунки маетъ, украдетъ дуб, соль вhсити, платити татбу, пограбилъ вhдаючи убииство, маемъ листъ, крестъ цhловати, "зыкъ пускати.* Дапаўненні, выражаныя адушаўлёнымі назоўнікамі або асабова-ўказальным займеннікам, у позні перыяд пераважна ўжываюцца ў форме вінавальнага склону, якая супадае з формай роднага склону: *wпытати светков*, *побили служебных*, *посылалъ пословъ*, *мучити чловека, чтучи его*, *держалъ его*, *выдаі разбоініка, пойметь жону.*

Прыназоўнікавыя формы роднага склону маглі ўжывацца як для выражэння дапаўнення (у асноўным пры дзеясловах фізічнага ці разумовага дзеяння і руху), так і для выражэння акалічнасці (часу, месца, меры і ступені); параўн. канструкцыі з прыназоўнікамі *отъ*: *qн#лос# ^ нарожень#*, *берутъ отъ отца; до*: *пришодши до стаини*, *заразилъ до смерти; по*: *по селищомъ шкодять.* Беспрыназоўнікавыя

канструкцыі з адмоўем *не* і са значэннем часткі цэлага: *куници не брати, вһсить соли, не брали дһлницы, продалъ мехъ соли*, *береть жыта* ўжываюцца ў функцыі прамога дапаўнення.

Сінтаксічная функцыя дапаўнення або акалічнасці характэрна канструкцыям з формай творнага склону залежнага слова, які ўжываўся са значэннем прылады дзеяння (функцыя дапаўнення), сумеснасці дзеяння, сукупнасці (радзей – лакалізацыі месца дзеяння) (функцыя акалічнасці); параўн. канструкцыі з прыназоўнікам *со (съ)*: *поведали со жалqбою*, *дати грамоту съ печатью, выдалъ со двором, торговати со гостемь, миръ со Пьсковомъ*, *пришоди с людми*, *взяти землю зъ бортью* – і прыназоўнікам *под: лежу подъ оконцомъ*, *стати ратью подъ городомъ*. Беспрыназоўнікавыя формы творнага склону выступаюць у функцыі дапаўнення, абазначаючы прыладу дзеяння, функцыі акалічнасці, абазначаючы спосаб дзеяння, або ў прэдыкатыўнай функцыі, абазначаючы асобу-суб'екта дзеяння: *бил чолwм*, *меновалис# кордом*, *бывал вр#дникомъ*.

Толькі ў фукнкцыі акалічнасці, якая абазначала месца, час, спосаб, умову, прычыну, меру і ступень дзеяння, ужываліся прыназоўнікавыя канструкцыі з месным склонам кіруемага слова; асноўныя значэнні – месца, абставіны ажыццяўлення дзеяння і лакалізацыя падзей у часе: *на своһмъ месте сһдети, в городе правити, покелепани на рһзне, вһсити на скалвахъ, пиюче q пиру, были на сqде, выдати по исправһ, створило в розмирье, сто"ли q дворе, имһть при лесе, дати (дһтемъ) у молодости, крадуть въ ночи.*

Асноўны спосаб выражэння акалічнасці ў старабеларускім простым сказе – канструкцыі з сінтаксічнай сувяззю прымыканне, пры якім залежнае слова, выражанае пераважна прыслоўем, звязваецца з галоўным, выражаным дзеясловам, толькі па сэнсе. Сярод помнікаў пісьменнасці XIII-XIV стст. пераважаюць дзеяслоўна-прыслоўныя словазлучэнні – гэта акалічнасці часу, месца, спосабу дзеяння: *после придуть, сто#ло непорушено*, *сыймавались здавна*, *заутра забить, купит доброволно*, *уверху писано, потреба знати*.

Трэба адзначыць, што помнікі пісьменнасці XV - пач. XVI ст. адлюстроўваюць утварэнне на базе дзеепрыметнікаў незалежнага стану нязменнай формы дзеяслова – дзеепрыслоўя, якое пачало ўжывацца побач з прыслоўем у якасці акалічнасці: *погодивши лежу*, *qслышит чтучи*, *кладут присягнувши*.

Такім чынам, у перыяд XIII - пач. XVI ст. у старабеларускай пісьменнасці найбольш распаўсюджанымі відамі даданых членаў сказа з’яўляюцца дапасаваныя азначэнні, ускосныя і прамыя дапаўненні і акалічнасці часу, месца і спосабу дзеяння. Помнікі пісьменнасці адлюстроўваюць працэс пашырэння прыдатка як віда дапасаванага азначэння, распаўсюджання прыназоўнікавых форм ускосных дапаўненняў, замацавання за формамі роднага склону пры ўжыванні адмоўя *не* і пры абазначэнні часткі цэлага функцыі прамога дапаўнення. Адушаўлёныя назоўнікі ў вінавальным склоне ў функцыі прамога дапаўнення к канцу разгладаемага перыяду маюць форму, якая супадае з формай роднага склону, што сведчыць пра канчатковае замацаванне граматычнага выражэння катэгорыі адушаўлёнасці.

Літаратура

1. Рапацэвіч, С.Я. Формы выражэння простага дзейніка ў старабеларускай мове / С.Я. Рапацэвіч // Бел. лінгвістыка. – 2001. – Вып.51. – С.35-41.

В.Л. Иващенко, **Л.В. Туровская** (Институт украинского языка НАН Украины)

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ТЕРМИНОВЕДЕНИЕ В БЕЛАРУСИ, РОССИИ, ПОЛЬШЕ НАЧАЛА XXI ВЕКА

Инвентаризация теоретических трудов по славянскому сопоставительному терминоведению показала, что в современном языкознании нет его систематизированного описания по основным направлениям исследования. Отдельные сведения о научных изысканиях в этом плане в том или ином терминоведческом пространстве славянской языковой культуры встречаем, например, в статьях русских и украинских языковедов, которые теоретические вопросы терминологии изучали в таких аспектах: сопоставительном (В.М. Лейчик) [1], инженерно-лингвистическом и переводческом (Ф.А. Циткина) [3; 4], сопоставительно-сравнительном (П.А. Селигей) [2].

Обобщая опыт теоретических изысканий в общем и отраслевом сопоставительно-сравнительном терминоведении славянских стран начала XXI в., особое внимание обратим на опыт Беларуси, России и Польши, попытаемся его систематизировать по основным направлениям, среди которых выделяем следующие:

1) *парадигмальное направление* как развитие:

а) *системно-структурного* / *традиционного отраслевого терминоведения*:

- *сопоставительно-синхронного*, например, в трудах белорусской исследовательницы М.Г. Антонюк («Белорусская и русская терминология права (сопоставительный аспект)», 2008), русских исследователей Н.А. Переплетчиковой («Сопоставительное исследование терминологических систем по электронике и электротехнике: на материале французского и итальянского языков», 2007), О.А. Казачковой («Сопоставительный анализ терминологии «Художественная обработка металлов» в английском и русском языках», 2005) и др.;
- *сопоставительно-синхронно-диахронного*, например, в трудах белорусской исследовательницы Е.П. Любецкой («Немецко-белорусская лексикография XX ст. и формирование белорусской терминологии», 2004); русских исследователей К.В. Михайловой («Особенности формирования физической терминологии в английском и русском языках: на примере лексико-семантического поля «физика элементарных частиц», 2008), Н.В. Ушковой («Особенности формирования терминологии «рельеф земной поверхности» в английском и русском языках», 2007) и др.;
- *сопоставительно-сравнительного*, преимущественно в трудах русских терминологов, например, Х.Н. Галимовой («Асимметрия профессионально маркированной лексики: на материале русского и английского вариантов профессионального подъязыка железнодорожного транспорта», 2008), А.Н. Зариповой («Экономическая терминология в немецком, русском и татарском языках», 2004) и др.;
- *сопоставительно-типологического* в трудах преимущественно русских исследователей, например, Л.П. Широбоковой («Юридические тексты: опыт грамматико-типологического исследования (на примере немецкого и русского языков)», 2007);

б) *функционального отраслевого терминоведения*, в частности:

- *сопоставительно-синхронного*, преимущественно в трудах русских исследователей, например, Д.А. Маслова («Военная терминология современного японского языка в функционально-сопоставительном аспекте», 2002), М.Б. Казачковой («Профессиональный язык как отражение профессиональной культуры: на материале русского и английского вариантов профессионального языка авиации», 2008 – [этно] культурологический аспект) и др.;
- *сопоставительно-переводческого*, например, в диссертации русской исследовательницы М.В. Оганесян («Сопоставительно-переводческий анализ английской и русской медицинской терминологии по генетике», 2003) и др.;

- *сопоставительно-коммуникативного*, преимущественно в трудах русских исследователей, например, М.И. Косарева («Прецедентные феномены со сферой-источником «Кино» в политической коммуникации Германии и США», 2008), Е.В. Шевченко («Коммуникативные особенности английских и русских юридических речевых актов, речевых стратегий и тактик (на материале языка художественных и публицистических произведений)», 2003) и др.;
- *сравнительно-исторического*, например, в диссертации русской исследовательницы Н.Н. Лыковой («Генезис языка права: начальный этап: на материале французских и русских документов X–XV веков», 2005) и др.;
- *сопоставительно-сравнительного*, например, в диссертации русской исследовательницы К.В. Лушниковой («Экстра- и интралингвистические факторы формирования компьютерного жаргона (на материале русского, английского и французского языков)», 2003 – исторический аспект) и др.;

в) *когнитивного* (*общего и отраслевого*) *терминоведения*:

- *сопоставительно-синхронного*, например, в диссертации русской исследовательницы Е.В. Трушиной («Терминосистемы криминалистики и криминологии в рамках когнитивного терминоведения (в русском и французском языках)», 2005) и др.;
- *сопоставительно-дискурсивного*, например, в трудах белорусской исследовательницы А.А. Месячик («Семантика слова в контексте политического дискурса: (на материале текстов выступлений британских и американских политических деятелей)», 2008); русских исследователей Е.В. Афанасенко («Семантический повтор в политическом дискурсе (на материале русского и английского языков)», 2006), Л.Я. Зятьковой («Субъективная модальность политического дискурса (на материале российских, британских и американских печатных СМИ)», 2003) и др.;
- *сопоставительно-типолого-дискурсивного*, например, в диссертации русской исследовательницы Е.Н. Ковязиной («Семантико-типологический аспект метафоризации в философском дискурсе (на материале русского и английского языков»), 2012) и др.;
- *сопоставительно-лингвоконцептологического*, например, в диссертации белорусской исследовательницы О. И. Десюкевич («Концепт «профессор» в русской и белорусской литературе XX в.», 2002); в трудах русских исследователей С. М. Шевченко («Концептуальная структура терминосистем современного гражданского права в английском и русском языках», 2006), О. О. Клименко («Концепт «менеджмент» в американской и русской лингвокультурах», 2004) и др.;
- *сопоставительного лингвоконцептологически-дискурсивного*, например, в диссертации М. Н. Федуловой («Прагмо-семантические аспекты концептуализации лексических единиц в юридическом дискурсе (на материале английского и русского языков)», 2010) и др.;
- *сопоставительного компьютерного терминоведения*, в частности *компьютерной терминографии*, например, в диссертации польского исследователя Я. Валинского («Поиск терминов в сопоставительных языковых корпусах», 2001 – теоретико-прикладной аспект), русской исследовательницы Н. А. Бондаревой («Прикладные аспекты моделирования терминологии (на материале терминосистем уголовного права в русском и английском языках)», 2003 – лингвотехнологический аспект + автоматизированный словарь) и др.;

2) *кросс-парадигмальное направление*, в частности:

а) *структурно-функциональное терминоведение*:

- *сопоставительно-синхронное*, например, в трудах польского исследователя М. Левандовского («Язык футбола: английско-польское контрастивное исследование», 2013), русских исследователей Ю. Н. Ревиной («Автомобильная терминология в немецком и русском языках: структурно-семантический и функциональный аспекты», 2011),

С. А. Ивановой («Семантизация термина в научно-учебном тексте: на материале терминологии радиотехники в русском и французском языках», 2007 – лингводидактический аспект) и др.;

- *сопоставительно-синхронно-диахронное*, например, в трудах польской исследовательницы Б. Попиолек («Анатомическая хорватская и сербская терминология: ее становление и функционирование в современных языках», 2003), русского исследователя И. С. Петренко («Сопоставительный анализ формирования терминологии бытовой техники в лингвокультурологическом аспекте: на материале лексики английского и русского языков», 2008 – исторический аспект) и др.;
- *сопоставительно-сравнительное*, представленное, например, трудами белорусской исследовательницы Г. А. Гвоздович («Грамматическая терминология русского и белорусского языков: истоки, структура, функционирование», 2008 – исторический аспект), русских исследователей Е. В. Шиловой («Терминологическая дефиниция как метатекст в русскоязычной и англоязычной научно-технической литературе», 2005), А. В. Ивкиной («Особенности образования и перевода терминов в английском, французском и русском языках: на материале предметной области «Телекоммуникация» и подобласти «Телефония», 2004 – переводоведческий аспект) и др.;
- *сопоставительно-коммуникативное*, преимущественно в трудах русских исследователей, например, И. П. Ивановской («Терминологизация как функция языка и культуры: системно-языковые, социально-культурные и функционально-коммуникативные характеристики русско- и англоязычных терминов налогового права», 2009 – социокультурный аспект) и др.;

б) *функционально-когнитивное / когнитивно-функциональное* (*отраслевое*) *терминоведение*, в частности:

- *сопоставительно-синхронное*, например, представленное в диссертациях белорусской исследовательницы Г. В. Карпук («Контактоустанавливающая функция языка в судебном дискурсе: на материале выступлений русских и американских адвокатов», 2006), Е. В. Лавренко («Языковое воплощение коммуникативных стратегий в экономическом дискурсе: (на материале британского и американского вариантов английского языка)», 2008) и др.;
- *сопоставительно-дискурсивное* (его также рассматривают как парадигмальное проявление *когнитивного терминоведения*), например, в трудах русских исследователей Р. Г. Козлова («Функционально-семантический статус политического дискурса во французском и русском языках», 2006), О. М. Тютюновой («Коммуникативные стратегии и тактики судебного дискурса: на материале немецких и русских телевизионных передач», 2008 – коммуникативный аспект) и др.

Таким образом, сопоставительное (преимущественно отраслевое) терминоведение начала XXI века в России, Беларуси, Польше представлено такими направлениями: 1) парадигмальным – системно-структурным / традиционным (42,5%), функциональным (10%) и когнитивным (17,5%); 2) кросс-парадигмальным – структурно-функциональным (20%), функционально-когнитивным / когнитивно-функциональным (4,2%), проблематику которых определяет более 20 аспектов его развития преимущественно в русском языковом пространстве.

Литература

1. Лейчик, В. М. Основные положения сопоставительного терминоведения / В. М. Лейчик // Отраслевая терминология и ее структурно-типологическое описание: Межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж: ВГУ, 1988. – С. 3–10.
2. Селігей, П. О. Пуризм у термінології: український досвід на європейському тлі / П. О. Селігей // Мовознавство. – 2008. – № 1. – С. 49–67.

3. Циткина, Ф. А. Теоретические и инженерно-лингвистические основы сопоставительного терминоведения: Дис. … д-ра филол. наук: 10.02.20 / Ф. А. Циткина. – Военный ин-т. – Ужгород, 1988. – 433 с.
4. Циткина, Ф. А. Терминология и перевод (к основам сопоставительного терминоведения) / Ф.А. Циткина. – М.: Высшая шк., 1988а. – 157 с.

Л.Т. Килевая (Казахский национальный педагогический университет имени Абая)

БЕЛОРУССКИЙ ФЕНОМЕН ВОЗВРАТНОСТИ / НЕВОЗВРАТНОСТИ ГЛАГОЛА В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ И ПОЛЬСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Современная парадигма лингвистического знания, основанная на принципе антропоцентризма, провоцирует переосмысление устоявшихся в языкознании лингвистических постулатов. Сомнению, на наш взгляд, подлежит деление на группы славянской языковой ветви, произведенное в рамках традиционной, или формальной, парадигмы, для которой характерно профилирование формы языкового знака, то есть плана выражения. Определенная необоснованность интерпретации языковых фактов в этом контексте обнаруживается в отнесенности к единой восточнославянской ветви русского, белорусского и украинского языков, поскольку данная классификация была произведена главным образом на фонетической основе. Не исключается и роль геополитического фактора, способствующего учету древних исторических и территориальных корней становления восточнославянской народности периода Киевской Руси. Анализ лексических и грамматических характеристик современных русского, белорусского и польского языков с точки зрения языковой ментальности, реликтовости языковых черт, результаты которого представлены в ряде предыдущих наших работ, свидетельствует о большей приверженности белорусского и украинского языков польскому, нежели русскому языку. Это обосновывает целесообразность объединения белорусского, украинского и польского языков в единую группу в пределах славянской ветви. При этом больше общих лексических и грамматических черт отмечается в польской и украинской языковых системах. Белорусский язык, согласно проанализированным на данный период времени материалам, можно интерпретировать как своеобразный мост между обозначенной группой и русским языком. Не случайно, по Н.С. Трубецкому, специфика белорусского феномена заключается в том, что в истории своего развития в контексте общерусской культуры как некоей абстракции конкретно-национальное «белорусское русло тоже всегда существовало, но всегда было слабее» в отличие от малорусского, то есть украинского, русла [1; 369].

Очевидна, однако, гипотетичность выдвигаемого тезиса, равно как и необходимость дальнейших изысканий в области сопоставления славянских языков с учетом комплекса исторических, когнитивных, ментальных, конфессиональных, дискурсных и собственно языковых фактов. В настоящем докладе представлен один из фрагментов исследования на пути решения обозначенной проблемы, а именно соотношение возвратности/невозвратности глагола в белорусском, русском и польском языковом менталитете. Языковой менталитет – способ проявления духовности носителя языка в языковой системе.

Оппозиция возвратности/невозвратности как составляющей семантической категории залоговости сформировалась в результате классификации действия по способу его осуществления относительно субъекта. Выразителем перехода осуществляемого субъектом действия на самого себя, иными словами возврат действия на его производителя, является постфикс *-ся* – в русском языке, *-ца* – в белорусском языке и компонент *się* – в польском языке. Единым источником обозначенных компонентов на этапе развития праславянского языка, как известно, является форма винительного падежа возвратного местоимения *себя*, представленного древнерусской языковой системой в

равной степени в виде варианта энклитического характера *ся.* Произошедшая в дальнейшем развитии славянских языков трансформация местоимения *ся* в аффикс основывается на становлении грамматической категории залога в трех ипостасях: действительный залог, страдательный залог и средне-возвратный залог. Кроме того, часть глаголов с десемантизированным местоимением *ся* оказывается вне категории залога.

Попытки обоснования процесса такого рода десемантизации в древнерусском языке с филогенетической позиции представлены в исследованиях Т.В. Кирдяковой. Опираясь на характерную для древнего русича черту, заключенную в формуле «Познай свой род», ученый отмечает, что «возвратные конструкции, состоящие из глагола и местоимения *ся*, обнаруживают отторженность действия от его производителя, проявляемую в том числе и в компоненте *ся*». В качестве факторов, стимулирующих отторженность действия от его субъекта, называется: а) отсутствие выраженного субъекта в контекстной формуле; б) семантика глагольного действия. При этом семантика, не предполагающая возврат действия на себя как на субъекта либо перенос действия на т.н. «третьего лишнего», приводит к собственной актуализации, последствием чего становится частичная, или неполная, и полная десемантизация компонента *ся.* [2; 10] В современных русском и белорусском языках это вылилось в графическое обозначение в виде слитного написания *ся*, *ца* с глаголом. В польском языке, как наиболее реликтовом среди славянских языков, остается раздельное написание компонента *się*. В связи с этим значимым оказывается решение следующего вопроса: является ли раздельное написание данью традиции либо оно свидетельствует об ином статусе данного компонента в польском языке? Однако этот вопрос остается за пределами настоящего доклада.

С целью выявления степени идентичности в соотношении возвратных и невозвратных глаголов белорусского языка русскому и польскому языкам был проанализирован ряд глаголов нескольких лексико-семантических разрядов: глаголы речи, ментальные глаголы, глаголы психического действия, физиологического состояния и глаголы физического действия. Исследование производилось избирательным методом на основе словников белорусского, русского и польского словарей.

Произведенный анализ показывает, что строгой последовательности соответствий возвратных и невозвратных глаголов белорусского языка русскому либо польскому языку в зависимости от семантики глагола не наблюдается. В одних случаях белорусские возвратные глаголы соответствуют польским возвратным глаголам, в других случаях – русским возвратным глаголам. Это подтверждает как неустойчивость «белорусского русла» в общерусской культуре, так и определенную его недосягаемость польской культуры. Так, ментальные глаголы и глаголы психического действия в белорусском языке в большей степени являются возвратными и соответствуют польским возвратным глаголам, в противоположность русскому языку, где соответствующие идентичные лексемы оказываются невозвратными глаголами. В частности, белорусским глаголам мысли, сознания типа *даведвацца*, *даведацца* соответствуют польские возвратные глаголы *rozmyślać się*, *dowiedzieć się*, *dowiedywać się* и русские невозвратные глаголы *размышлять, узнать, узнавать.* В семантической группе глаголов речи доминирующий глагол обнаруживает соответствия: бел. *размаўляць*, польск. *rozmawiać* и русск. – *разговаривать*.

Глаголы психического действия по признаку возвратности/ невозвратности по значительному количеству лексем совпадают в белорусском и польском языках в противовес русскому языку, например: бел. *нудзіцца,* польск. *nudzić się*, но русск. *скучать, тосковать*; бел. *непакоіцца*, польск. *martwić się*, но русск. *переживать.* Соответствия обнаруживаются в возвратном глаголе белорусского языка *непакоіцца* (ср.: русск. *беспокоиться*, польск. *denerwować się*).

Глаголы физиологического состояния в белорусской и польской языковых системах являются в своем большинстве возвратными, в отличие от соответствующих глагольных лексем русского языка, характеризующихся как невозвратные, например: бел. *чырванець*, *зачырванець*, польск. *czerwienić się*, *zaczerwienić się*, но русск. *краснеть*, *покраснеть*; бел. *замучыцца*, польск. *zmęczyć się*, но русск. *устать*,.

Определенная непоследовательность в соотношении возвратных и невозвратных глаголов наблюдается в группе глаголов физического действия. Здесь отмечается противоположный процесс преобладания возвратных глаголов в русском языке и невозвратных в польском языке. Соответствующие же глагольные лексемы белорусского языка тяготеют к русским возвратным глаголам. В частности, если глаголы движения в белорусском и в русском языках сформировались главным образом как возвратные, то и польском языке они оказываются невозвратными. Например, русским возвратным глаголам (и их видовым парам) *кататься*, *отправляться*, *прогуливаться*, *останавливаться*, *остановиться*, *возвращаться*, *возвратиться*, *спускаться*, *спуститься*, *подниматься*, *подняться* соответствуют белорусские возвратные глаголы *катацца*, *адпраўляцца*, *прагульвацца*, *спыняцца*, *спыніцца*, *вяртацца*, *вярнуцца* и польские невозвратные глаголы *jeździć*, *wyruszać*, *wyruszyć*, *spacerować*, *stawać*, *stanąć*, *wracać*, *wrócić*, *schodzić*, *zejść*, *wczodzić*, *wejść*. Среди же других оттенков семантики глаголов физического действия трудно отметить какую бы то ни было тенденцию: белорусские глаголы то тяготеют к русским возвратным глаголам типа *змагацца – бороться* в противоположность польским невозвратным *walczyć*, то к польским невозвратным типа *сядаць – siadać* в противоположность русским возвратным глаголам типа *садиться.*

Как свидетельствуют приведенные данные, оппозиция по признаку возвратность/невозвратность глагола проявляется прежде всего на уровне русской и польской языковых систем. Белорусский глагол, независимо от семантики, в целом тяготеет к возвратности. Применительно к ментальным глаголам и глаголам психического действия он идентифицируется с возвратными глаголами польского языка, а применительно к глаголам физического действия – с группой возвратных глаголов русского языка. Трудно однозначно определить причину таких предпочтений. Думается, искать ее следует в исходных, с участием данной семантической группы глаголов, синтаксических конструкциях, в выраженности в них субъекта действия в виде компонента возвратности либо отсутствия такой выраженности. Можно полагать, что субъективность белорусских конструкций, проявляемая к возвратности, основывается не на приверженности польской либо русской языковой системе, а на необходимости выразить в языке «самость» народа, долгое время находившегося, в силу известных исторических обстоятельств, под идеологическим и культурным влиянием то польского, то русского народа.

Таким образом, с позиции возвратности/невозвратности белорусский язык невозможно однозначно приобщить к определенной языковой группе славянских языков. Предварительность вывода предполагает необходимость как можно полного охвата глаголов обозначенных языковых систем.

Литература

1. Трубецкой, Н.С. История. Культура. Язык / Н..С. Трубецкой. – М.: Прогресс, 1995. – 800 с.
2. Кирдякова, Т.В. Филогенетические истоки средне-возвратного залога в древнерусском языке: Автореф. …канд. филол. наук / Т.В. Кирдякова – Алматы, 2007. – 24 с.

О.А. Климкович (Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)

СИНТАКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СТАРОРУССКИХ И СТАРОБЕЛОРУССКИХ АКТОВЫХ ТЕКСТАХ XIV–XVI ВВ.

Рассматривая особенности синтаксиса простого предложения в грамотах XIV–XVI вв. с точки зрения функционально-стилистической маркированности, необходимо остановиться на реализации с помощью разных главных и второстепенных членов качественных характеристик стиля актовых текстов: точности, обобщенности, императивности, однозначности.

Синтаксико-стилистические особенности строения простого предложения в старорусских и старобелорусских купчих грамотах проявляются 1) в выражении подлежащего формами собственных имен и местоимений; 2) в доминировании сказуемых, относимых к плану прошедшего времени; 3) в распространении прямых дополнений; 4) в функционировании обстоятельств со значением места и времени.

В старорусских актах доминируют подлежащие, выраженные формами собственных имен (в новгородских купчих такие подлежащие характерны для 60% –70% предложений в тексте, в московских купчих – 42% – 83%). В купчих грамотах ВКЛ активность подобных подлежащих несколько снижена: от 33% до 56%: *А при томъ были … панъ Янъ Палуский Довкгвидъ …* (АВК, XXII, №625, 1570, с. 384), они тяготеют к блокам зачинов и концовок.

Для старорусских купчих грамот стилистически значимы сказуемые, выраженные различными формами прошедшего времени, поскольку в этих актах содержится информация о произошедшей сделке: *… купили есмя … а дали есмя … а купьчюю писал … руку свою приложил* (АМСМ, №32, 1529, с. 36–37). В старобелорусских купчих грамотах сказуемые в форме прошедшего времени обязательны для концовок: *При том были … и печат(ь) свою приложил … Писал сеи мои лист …* (ПГ, II, №224, 1498, с. 150). В зачине и содержательной части наблюдается употребление сказуемых в формах прошедшего, настоящего и будущего времени: *… чиню явно и вызнаваю … кому того потреба будетъ ведати … его королевская милость рачилъ тое именье к рукамъ своим взяти … которая часть … ни на кого иншого не приходитъ … я Криштофъ … спустилемъ …* (АВК, XXII, №640, 1570, с. 425–426).

Типичными способами выражения дополнений, указывающих адресата, объекты сделок, стоимость и типы документов, в старорусских и старобелорусских грамотах выступали формы В.п., Р.п., Д.п. без предлогов, предложно-падежные формы на+П.п.: *Продали есмо … половицу озер нашихъ … велможъному пану* (КЗ, XXV, №37, 1530, с. 103).

Точность купчих грамот отражается в употреблении обстоятельств. Формы их выражения разнообразны: наречия, предложно-падежные сочетания, сочетания с числительными. В старорусских купчих грамотах распространены обстоятельственные сочетания на+П.п., с+Р.п.+по+Д.п+в+В.п., с+Р.п+до+Р.п., за+Тв.п.: *на гори за Глухимъ погостомъ* (ГВНП, №174, середина XVв., с. 215); *по рhку по Попад¿ю* (АСЭИ, II, №346, 1445–1453, с. 343). В старобелорусских купчих распространены 1) формы наречий: *явно, вже, посполъ, восполокъ*;2) предложно-падежные сочетания: *на Великомъ поли, у брода, за Васковымъ дворомъ* (АВК, XXII, №125, 1557, с. 63); 3) глагольные формы с зависимыми словами: *ничого на себе не оставуючи, пришодши очевисте передъ его милость пана Яна Викторына* (АВК, XXII, №31, 1556, с. 22–23). В концовке купчих представлены сочетания с временным значением: *лhта Божьего нароженья … месеца декабра* (АВК, XXII, №22, 1555, с. 18).

Типичным для духовных грамот является 1) выражение подлежащего формами личных, относительных местоимений, формами Им.п. существительных, обозначающих собственность, родственников; 2) использование сказуемых, выраженных формами инфинитива; 3) распространение дополнений, обозначающих субъектов действий; 4) функционирование этикетных определений; 5) распространение в старобелорусских актах обстоятельств, выраженных причастными и деепричастными формами с зависимыми словами.

Целевая установка духовных грамот, их императивность реализуется в формах подлежащих и дополнений. Семантический субъект в духовных представлен как формами Им.п., так и формами Д.п. В старорусских актах в Им.п. употребляются местоимения, существительные, обозначающие собственные имена, названия родственников, свидетелей в зачинах, концовках и блоках содержательной части: *А поидет жена моя замуж* (АФЗХ, II, №274, 1558–1559, с. 280). Особенность стилистической организации старобелорусских духовных проявляется в наличии подлежащих, выраженных формами отвлеченных существительных: *якобы по смерти моеи ростырки, розницы и заишть# межи малжон[кою] моею а братею рожоною и близкими моими wколо вышеипомененое маетности моее не деелис#* (ТБ, №68, 1578, с. 323).

Для духовных характерны сказуемые, соотносящие действия с настоящим или будущим временем, выраженные формами инфинитива, повелительного наклонения или формами настоящего / будущего времени изъявительного наклонения: *пишу, приказываю, не вступаитеся, взяти* (ГВНП, №144, первая четверть XVв., с. 195–196). Обширные описания передаваемой собственности определяют функционирование составных именных сказуемых, выраженных прилагательными: *мена моя ч[ис]та, то зъ братомъ моимъ не дhлно* (ГВНП, №170, середина XVв., с. 212).

Среди дополнений в старорусских грамотах распространены формы Д.п. в инфинитивных конструкциях, обозначающие субъектов отдаваемых распоряжений: *дать ми брату своему Василью Кроме по кабале ... ми по кабале брату своему Михаилу 50 рублев с росты* (АФЗХ, II, №127, 1533–1535, с. 119). В старобелорусских духовных распространены формы Тв.п. для обозначения субъекта в пассивной конструкции: *першим малжонком моим небожчикомъ п(а)ном НаUмом Телятицким сложоные у ведомости были* (ТБ, №25, 1591, с. 135).

Среди определений доминируют те, которые либо выступают в качестве средств связности, либо имеют терминологический характер. Особенность духовных грамот проявляется в функционировании определений, связанных с сакральной составляющей завещаний: *божий, вседневный, святой, пречистый.* Особенность духовных грамот ВКЛ состоит в функционировании этикетных определений, число которых значительно: *ч(о)л(о)в(е)кU хрести#нскомU, дочасном мешканю, тестаментом писаным, хоробою wбложною, час смертелныи, на доброе мешкане Uчтивое малжонки свое* (ТБ, №17, 1590, с. 104–105).

Синтаксико-стилистические особенности строения простого предложения в старорусских и старобелорусских жалованных грамотах проявляются 1) в широком использовании в старорусских актовых документах подлежащих, выраженных относительным местоимением *кто*, отрицательным *никто*; 2) в распространении сказуемых с отрицанием.

Способы выражения подлежащего в жалованных грамотах сходны с купчими и духовными. Жанровое своеобразие старорусских жалованных грамот проявляется в функционировании в роли подлежащего относительного местоимения *кто*, отрицательного местоимения *никто: а хто имеет жити в тех селех людей; хто будет* (АФЗХ, I, №1, 1483, с. 23–24). С помощью таких местоимений создается обобщенность распоряжений. В старобелорусских актах распоряжения конкретны: подлежащие выражены формами собственных имен или

личных местоимений: *Геръманъ Хребтовичъ, па*н *Станисла*в *Станиславови*ч *Довойна, Хе*р*манъ Хребтови*ч (КЗ, XLIII, № 5, 1555, с. 50–51).

Сказуемые в жалованных грамотах, как и в духовных, представлены формами инфинитива в сочетании с частицей *не*, формами прошедшего или будущего времени, которые имеют предписывающий, обязательный характер: *... их доводшики [... пошлин никоторых] не gмлют, ни поборов не [берут]; вhдает и судит ... игумен, а n#теньщик мои к ним не въездит; а дер[жит] игумен своg n#тно* (АСЭИ, I, №101, 1432–1445, с. 81).В актах ВКЛ используются глаголы со значением разрешения *дозволити, призволити: Ино мы тую землю ... призволяем ему купити* (ПГ, II, №219, 1497, с.143). В старорусских актах используется глагол со значением приказа *велети: а велел есми их крестьяном ... стояти в год две недели* (АМСМ, №74, 1543, с. 88).

Из дополнений в старорусских жалованных грамотах стилистически значимы формы Д.п., обозначающего субъекта при инфинитиве, и ряды дополнений, усиливающих отрицание сказуемого: *А впрок ему собе тех пустошей не осваивать, ни продати ему, ни променити никому, ни в закуп не заложити, ни по душе не дати ...* (АФЗХ, I, №35, 1492, с. 52). В жалованных грамотах ВКЛ формы дополнений сходны с формами в купчих и духовных грамотах: *маршалъку нашому, тые двори наши ...держати будетъ, далъ отцу ихъ ... две землицы, листъ его кролевъское м(и)л(о)сти... в себе мають, ласку нашую ... вчинили, отъцу их даного, их самих зоставили, насъ ... за нимъ жедалъ* (КЗ, XLIII, №12, 1555, с. 58).

Особенности употребления и выражения главных и второстепенных членов простых предложений указывают на жанровые и локальные отличия актовых текстов. В старобелорусских актовых текстах широко используются этикетные определения, формы составных сказуемых, обстоятельства, выраженные глагольными формами с зависимыми словами.

Литература

1. АВК – Акты, издаваемые Коммиссіею, высочайше учрежденною для разбора древнихъ актовъ въ Вильне : в 39 т. – Вильна : Тип. А.К. Киркора, 1865–1915.
2. АМСМ – Акты феодального землевладения и хозяйства : акты Московского Симонова монастыря (1506–1613) / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; сост. Л.И. Ивина. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1983. – 352 с.
3. АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV–XVI вв.: в 3 т. / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; редкол. : Б.Д. Греков (отв. ред.) [и др.]. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1952–1964. – 3 т.
4. АФЗХ – Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков : в 3 ч. / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; редкол.: С.В. Бахрушин (отв. ред.) [и др.]. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1951–1961. – 3 ч.
5. ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова : сборник / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; под ред. С.Н. Валка. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1949. – 407 с.
6. КЗ, XXV– Lietuvos metrika / Lietuvos istorijos inst. – Vilnius, 1998. – Kn. 25: 1387–1546 : užrašymų kn. 25 / parengė D. Antanaviius, A. Baliulis. – 436 s.
7. КЗ, XLIII – Метрыка Вялікага Княства Літоўскага = Metryka Vialikaha Kniastva Litouskaha / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі ; рэдкал.: Г.Я. Галенчанка [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 2003. – Кн. 43 : Кніга запісаў (1523–1560) : копія канца XVI ст. / падрыхт. В.С. Мянжынскі. – 167 с.
8. ПГ – Полоцкие грамоты XIII – начала XVI веков : вып. 1– 3 / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; сост. А.Л. Хорошкевич. – М. : Ин-т истории Акад. наук СССР, 1977–1980. – Вып. 1. – 1977. – 228 с.; Вып. 2. – 1978. – 219 с.; Вып. 3. – 1980. – 214 с.
9. ТБ – Тастаменты шляхты і мяшчан Беларусі другой паловы XVI ст. (з актавых кніг Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі) / склад.: А.Ф. Аляксандрава, В.У. Бабкова, І.М. Бобер ; Нац. гіст. архіў Беларусі. – Мінск : Беларус. энцыкл. імя Броўкі, 2012. – 736 с.

И.К. Клочко (Гродненский государственный университет имени Я. Купалы)

ЗАИМСТВОВАНИЕ КАК СПОСОБ ПОПОЛНЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА ЯЗЫКОВ

Обогащение языка – это, прежде всего, появление новых слов, устойчивых оборотов и новых значений у уже существующих единиц. Появление лексических новообразований отражает изменения в составе и свойствах явлений мира, достижения познавательной деятельности человека, развитие науки, техники, культуры, новые черты современного быта.

Проблема возникновения и употребления новых слов интересовала лингвистов всегда, но особую актуальность она приобрела в современную эпоху, отличительными чертами которой стали раскрепощенность носителей языка, ослабление «внутреннего цензора» (термин Т.В. Поповой [6; 3]) и, как следствие, обилие всевозможных новообразований.

Несмотря на интенсификацию процессов лексических заимствований в период развития межкультурных и межъязыковых контактов, остается открытым вопрос лингвистического определения понятия «заимствование».

Во-первых, под «заимствованием» понимают как процесс заимствования, так и его результат. Определяя заимствование как процесс, Л.П. Крысин подчеркивает, что это процесс перемещения различных элементов из одного языка в другой. Причем под различными элементами понимаются единицы различных уровней структуры языка (фонологии, морфологии, синтаксиса, лексики, семантики) [4; 24]. О.С. Ахманова рассматривает заимствование и как процесс обогащения словаря лексическими единицами из других языков для обозначения новых понятий и дифференциации уже имеющихся, и как результат этого процесса, выраженный в виде слов, словообразовательных аффиксов и конструкций [1; 150-151]. Д.Э. Розенталь утверждает, что заимствование представляет собой воспроизведение фонетическими и морфологическими средствами одного языка морфем, слов или словосочетаний другого языка [7; 131].

В энциклопедии «Русский язык» под заимствованием понимается переход элементов одного языка в систему другого языка вследствие языковых контактов между ними, а также слово или оборот, вошедшее в язык в результате такого перехода [3; 132].

Обобщая «наработки» лексикологов, Э.Ф. Володарская дает всестороннее определение понятию заимствования: «заимствование – это универсальное языковое явление, заключающееся в акцепции одним языком лингвистического материала из другого языка вследствие экстралингвистических контактов между ними, различающихся по уровню и формам» [2; 96]. Таким образом, понятие заимствования, включающее процессуальный и результирующий аспекты, может быть определено как любой элемент «чужого» языка, используемый индивидом или зарегистрированный в словарном источнике, который, проникая в язык, преобразовывается, ассимилируется и функционирует в нем на определенном этапе исторического развития языка.

Освоение заимствованной лексики – процесс постепенный и длительный. Резонно предположить, что скорость процесса освоения одних и тех же заимствований, измеряемая степенью их ассимиляции языком, а также результат этого процесса могут отличаться в различных языках, в том числе близкородственных. Рассмотрим это на примере англицизмов, заимствованных белорусским и украинским языками, используя для этого материалы «Слоўніка новых слоў беларускай мовы» (СНСБМ) – для белорусского языка, и «Нові слова та значення: словник» (НСЗ) и «Нові й актуалізовані слова та значення: словникові матеріали (2002-2010)» (НАСЗ), для украинского языка.

Одним из признаков освоения языком заимствованных единиц является включение их в систему словопроизводства. Так, в сфере компьютерных технологий в белорусском и украинском языках от английских лексем возник ряд производных. В белорусском и украинском языках от одних и тех же англоязычных лексем образовались несколько иные производные (см. табл.). А от таких англоязычных лексем как *display* и *diskette,* в украинском языке производных не зарегистрировано (см. табл.).

Исходная лексема	Производные в белорусском языке	Производные в украинском языке
computer – камп'ютар (бел.)/ комп'ютер (укр.)	камп'ютарны	комп'ютерний
	камп'ютарызаваць	
	камп'ютарызацыя	комп'ютеризація
	камп'ютаршчык	
		комп'ютеризований
		комп'ютеринг
diskette – дыскета (бел.)/ дискета (укр.)	дыскетны	Производных не зарегистрировано
	дыскетніца	
display – дысплэй (бел.)/дисплей (укр.)	дысплэйны	Производных не зарегистрировано

Анализ фактического материала, извлеченного из СНБМ, позволяет утверждать, что в белорусском языке наиболее продуктивной в образовании производных является лексема *Internet - інтэрнэт* (бел.) – всего зарегистрировано 69 производных. В украинском языке выявлена 21 производная.

Необходимо отметить также, что в белорусском языке слово *камп'ютар* имеет одно лексическое значение: *камп'ютар* - электронно-вычислительная машина [9; 170] (здесь и далее перевод наш – И.К.), а в украинском языке слово *комп'ютер* имеет несколько значений, причем первое значение, по замечанию авторов НСЗ, наиболее используемое: *комп'ютер* - 1. Устройство, которое выполняет операции ввода данных, их обработку по определенной программе, вывод полученных результатов в форме, приемлемой для восприятия человеком. 2. Программируемое функциональное устройство, состоящее из одного или нескольких взаимозаменяемых центральных процессоров и периферийных устройств, управление которыми осуществляется с помощью программ, размещенных в оперативной памяти. 3. Комплекс технических средств, предназначенных для автоматической обработки данных в процессе решения вычислительных и информационных задач [8; 111].

Часто заимствования остаются не до конца освоенными, могут отличаться особенностями написания. Авторы СНБМ, говоря о заимствованиях, отмечают, что для того, чтобы иноязычное слово закрепилось в языке, необходима фонетическая, грамматическая, графическая и лексическая адаптация. От данных условий зависит судьба заимствований и их функциональная активность [9; 9]. Так, в белорусском языке появились заимствованные англицизмы, которые существуют в «фонетико-графических» вариантах (термин составителей СНБМ) [9; 16], и объясняется этот факт «колебаниями в способах передачи внешнего вида слова с помощью транскрипции или транслитерации, а также влиянием языков-посредников» [9; 16] – *бізнесме́н*, *бізнэсмэ́н*, *бізнесмэ́н*, *бізнесме́н (анл. businessman)*; *ка́рга* и *каргó́ (англ. cargo); ка́рдар* и *ка́рдэр (англ. carder)*. Таких «фонетико-графических вариантов» более трехсот. Следует отметить, что в НСЗ «вариантов» зарегистрировано только пять: *кітч і кіч; контентпрова́йдер і конте́нтпрова́йдер; копіце́нтр і ко́пі-центр; ленч і ланч; са́ндвіч і се́ндвіч,* а в НАСЗ – три: *име́йл*

і і-мéйл; прінéйд і прі-нéйд; флешмóб і флеш-мóб. Составители словарей указывают на то, что все варианты заимствованных англицизмов соответствуют нормам современного украинского языка.

Необходимо также обратить внимание на существование в белорусскоязычном и украинском узусе параллельного использования графических вариантов, передаваемых в разных системах письма (кириллицей и латиницей): *інтэрнэт – internet, флэш-моб – flash-mob, хэнс-фры – hands free* и др. – для белорусского языка, и *скайп – skype* – для украинского языка.

Анализ материалов словарей СНСБМ, НСЗ и НАСЗ указывает на то, что заимствования фиксируются в словарях в тех написаниях, в которых они встречаются в узусе, что подтверждает сопровождаемая цитата, Составители словаря НАСЗ, избегают орфографической вариантности и выбирают среди вариантов написания наиболее предпочтительный. Например, в НАСЗ зарегистрировано слово *лайтбóкс* с пометкой *реком*. *лайт-бóкс*, которое соответствует орфографическим правилам украинского языка. Наличие «фонетико-графических» вариантов в белорусском языке наиболее полно отражает языковую (узуальную) ситуацию. 1 сентября 2010 года вступил в силу закон «О правилах белорусской орфографии и пунктуации», в котором уточняются правила написания заимствований. Так, в СНСБМ зарегистрированы заимствования *менеджар, менеджэр і мэнэджэр, бартар і бартэр, тынэйджар, тынэйджэр, тынейджэр, цінейджэр*
і цінэйджэр и др., которые по новым правилам принято писать *менеджар, бартар, тынэйджар*. Резонно предположить, что «фонетико-графические» варианты заимствований отражены в порядке, соответствующем правилам белорусской орфографии и частотности употребления. То есть на первом месте составители словаря указали правильное написание слова, отнеся фактически неправильные варианты в конец.

Существование графически неосвоенных аббревиатур (*ICQ, ZIP*) и гибридных лексем (*IQ-тэст, SIM-карта; HR-менеджер, VIP-письменник*) - неотъемлемое составляющее пополнения лексического состава языков. Они быстро адаптируются в лексическом пространстве восточнославянских языков и свободно сочетаются с исконными элементами. Так, в белорусском языке существуют такие слова, как: *PR-агенцтва, PR-акцыя, PR-кампанія, PR-менеджар, PR-служба, PR-спецыяліст, PR-тэхналогія, PR-шчык, PR-ыць*.

Литература

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – Изд. 5-е. – М.: Книжный дом «Либриком», 2010. – 576 с.
2. Володарская, Э.Ф. Заимствование как отражение русско-английских контактов / Э.Ф. Володарская // Вопросы языкознания. – 2002. – №4. – С.96 - 118.
3. Караулов, Ю.Н. Русский язык. Энциклопедия / Караулов Ю.Н. – М.: Дрофа, 1997. – 721 с.
4. Крысин, Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике / Л.П. Крысин — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 888 с.
5. Нові й актуалізовані слова та значення: словник. матеріали 2002 - 2010 : 1550 слів і словосполук / В. О. Балог, Н. Є. Лозова, Л. О. Тименко, О. М. Тищенко. - Київ : Вид. дім Д. Бураго, 2010. - 280 с.
6. Попова, Т.В. Неология и неография современного русского языка / Т.В. Попова, Л.В. Рацибурская, Д.В. Гугунава. – Москва. Флинта: Наука, 2005. – 165с.
7. Розенталь, Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М.: Просвещение, 1976.
8. Туровська, Л.В. Нові слова та значення: словник / Л.В. Туровська, Л. М. Василькова.– Київ : Довіра, 2008.–271 с.
9. Уласевіч, В.І. Слоўнік новых слоў беларускай мовы / В.І. Уласевіч, Н.М.Даўгулевіч. – Мінск: Тетра-Системс, 2009. – 448 с.

К.И. Коваленко (Институт лингвистических исследований РАН)

СТАРОБЕЛОРУССКАЯ ЛЕКСИКА В АЗБУКОВНИКЕ 1596 Г.[1]

Азбуковники – лексикографические своды, широко распространенные на Руси в XVI–XVII вв. Они возникли на основе более ранних словарных компиляций, и, постепенно включая все новые и новые материалы, из небольших лексиконов в 1000–2000 статей к концу XVII века превратились в многотысячные компендиумы. Азбуковник из Российской национальной библиотеки, собрание Н.П. Погодина, № 1642 (далее Погод. 1642) занимает срединное положение в развитии этого лексикографического жанра. На сегодняшний день он является единственным списком азбуковника, созданного в 1596 г. в Новгороде, и отстоит от времени создания протографа не более чем на полвека. Погод. 1642 насчитывает 6000 статей и от предшествующих словарных сводов отличается новым способом организации материала (учитывается не только первая буква, но и следующая гласная), а также некоторыми особенностями подачи статей внутри буквенного раздела.

Как и в других азбуковниках, в Погод. 1642 толкуется лексика иноязычного происхождения, вошедшая в него из более ранних словарных сводов («Речь жидовского языка», «Толк о неразумных словесех», «Толкование неудобь познаваемом речем») или заимствованная из древнерусской литературы (глоссы на полях, внутритекстовые и послетекстовые пояснения неизвестных слов и реалий). В основном это слова и словосочетания из греческого, латинского, древнееврейского языков, транслитерированные кириллицей, а также старославянизмы. Обычно язык-источник указан киноварью над толкуемой единицей: *г* и *ели* над греческими словами, *л* или *ри* над латинскими, *ев* или *ж* над древнееврейскими. В азбуковник Погод. 1642 включено также около 400 слов, которые имеют помету *пол* или *полща* (если слова одного происхождения идут подряд, указание на язык-источник могло ставиться не над каждым словом, а специальными символами на полях).

Одной из задач при исследовании азбуковника является определение этимона иноязычного слова. При сопоставлении лексем из Погод. 1642 с соответствующими польскими словами возник ряд трудностей. Кроме того, что некоторые слова уже вышли из употребления и приводились лишь историческими или диалектными словарями польского языка, что естественно; значительная часть слов имела архаические черты в своем фонетическом облике: *р* на месте *rz* (/ř/), *д* на месте *dz* (/ʒ́/) перед гласными переднего ряда и др. Эти изменения произошли еще в XII–XIII веках [1; 126–130], когда древнерусской лексикографии еще практически не существовало, и возможность того, что польские лексемы вошли в азбуковник конца XVI в. в таком архаичном виде, вызывала большие сомнения. Кроме того, многие лексемы, возводимые к польским корням, имели аффиксы и окончания не свойственные польскому языку той эпохи (глаголы на *-ти* и с постфиксом *-сѧ*, падежные окончания прилагательных и личные окончания глаголов, характерные для восточнославянских языков и т.п.). Также необходимо отметить, что не все составители азбуковников относили данные лексемы к польским по происхождению: некоторые рассматриваемые лексические единицы, зафиксированные в более раннем азбуковнике середины XVI в., имели там помету *че* или *чес*, т.е. *чешское* (см. [3; 136-292]).

Сомнения в истинности языковой пометы побудили нас искать другой язык-источник, и для большинства «польских» слов были обнаружены соответствия в Историческом словаре белорусского языка, и, как правило, с теми же значениями, какие указаны в азбуковнике. Приведем следующие примеры:

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 13-34-01214 «Азбуковники как лексикографический жанр Московской Руси: традиции и инновации».

А́бо, и́ли́ (л. 16 об.)	Або ‘ці, або’ [2; 1: 56-58]
Ачько́лве^{к}*, а́любо* (л. 20 об.)	Ачколвекъ ‘хоць, нягледзячи на тое што’ [2; 1: 165-166]
Бе^{з}*печность, бе*^{з}*печа́лїе о́потре́бны*^{х} (л. 25)	Безпечность ‘бяспека’; ‘спакой, бестурботнасць, бесклапотнасць’ [2; 1: 241-245]
Ва́бити, ла́ско^{ю} *и́ли́ лестными словесы́ призывати* (л. 27 об.)	Вабити ‘зводзіць, спакушаць, прыцягваць’ [2; 2: 283]
Валка, война́, и́ли́ борба́ (л. 27)	Валка ‘бой, бітва; война’ [2; 2: 313]
Гойно, ще́дро (л. 39)	Гойно ‘шчодра’ [2; 7: 29-30]
Дѣ́дичь, наслѣ́дни^{к} *и́мѣ́нїѧ роди́тель свои*^{х} (л. 48)	Дедичъ ‘наследнік, пераемнік, патомак, які мае права на наследованне’ [2; 8: 16]
Доскона́льство, соверше́нство (л. 46 об.)	Досканальство ‘дасканаласць’ [2; 9: 14-15]
Друкъ, печа́тны^{х} *книгъ дѣ́ло* (л. 47 об.)	Друкъ ‘друк (кнігадрукаванне)’ [2; 9: 87]
Їдло, і́дь (л. 68 об.)	Идло ‘ежа, страва’ [2; 9: 170]
К ѓруну́, ко о́снова́нїю хра́мины ка́/менныѧ (л. 86)	Кгрунтъ, грунтъ ‘фундамент якога-н. будынка, падмурак’ [2; 15:66-68]
Крыжова́ли, распина́ли (л. 87)	Крыжовати ‘крыжаваць, распінаць на крыжы’ [2; 16: 192]
Крыжо́ва^{и}*, ра́спѧтъ* (л. 87)	
Личи^{т}*, считае*^{т} (л. 91)	Личити ‘вызначаць колыкасць, суму чаго-н.’ [2; 17: 87]
Лотръ, разбо́йникъ (л. 91 об.)	Лотръ ‘разбойнік, бандыт; грабежнік, рабаўнік’ [2; 17: 122-123]
МаршА́ло^{к}*, дворе*^{и}*кои црвъ̃* (л. 93)	Маршалокъ ‘міністр пры кралеўскіім двары’ [2; 17: 269]
Негуче́нїе, безмо́лвїе (л. 104 об.)	Негученье ‘маўчанне’ [2; 20:59]
Неоѓорненыи, неwбъе́млемыи (л. 104 об.)	Неогорненый ‘неахоплены, неабсяжны’ [2; 20: 174]
Призра́къ, привидѣ́нїе, и́ли́ мечта́нїе (л. 121)	Призракъ ‘здань’ [2; 28: 277]
Ре́лїѧ, вѣ́ра (л. 128 об.)	Релия ‘рэлігія, вера, веравызнанне’ [2; 30: 64]
Ре́чь, ве́щь (л. 128 об.)	Речъ ‘речь неадушаўлёны прадмет’ [2; 30: 91]
Рокъ, лѣ́то (л. 129)	Рокъ ‘год’ [2; 30: 354]
Ска́рбъ, де́нѓи (л. 131)	Скарбъ ‘грошы, каштоуныя рэчи, маёмасць’ [2; 31: 301]
Сконч́и́^{л}*, соверши́лъ* (л. 138 об.)	Скончити ‘завяршыць, закончыць’ [2; 31: 356]

Кроме того, имеется ряд лексем, в толковании которых дано значение, несколько отличное от того, которое приводится в словаре. Как правило, в азбуковнике приводится более узкое или более широкое значение – вероятно, то значение, которое можно было вывести из контекста.

Воздруше́нїе, во^{з}*двигновенїе на брань* (л. 34)	Воздужение ‘воздвиженье’ [2; 4: 96, 99]
Герцы́^{р}*, вои́нъ храбрыи* (л. 37)	Герцыръ ‘той, хто змагаецца супраць, супрацьборствуе’, ‘збраяносец’ [2; 6: 274]
Гуса́ре, тре о́ру́жныѧ во́и́ны. w̃ честны^{х} *дворѧ*^{и} *крале*^{в}*ски*^{х} (л. 40 об.)	Гусаръ ‘удалец, смяльчак, зух’ [2; 7: 200-201]
Лацныи, блгбоуѓо́дливыи, и́ла́сковыи (л. 88 об.)	Лацный ‘міласцівы, літасцівы, прыхільны’ [2; 16: 308]
Працую, трудждаюсѧ рукодѣ́лїемъ (л. 115)	Працовати ‘працаваць, рабіць’ [2; 27: 485-486]
Ратӯша, пола́та (л. 128)	Ратуша ‘будынак, дзе размяшчаўся орган гарадскога самакіравання’ [2; 30: 28-30]
Сажа́вка, купель крще́нїѧ (л. 130 об.)	Сажавка ‘сажалка’ [2; 31: 36-37]

Отдельные лексемы в словаре не зафиксированы, хотя имеются однокоренные слова:

Выполеровано, ис́кушенꙋ̀ (л. 34 об.)	Выполероватися ‘набыць пэўныя навыкі, уменне’ [2; 6: 21]
Довтепс́тво, ковáрс́тво, и᷾хитро^{с} (л. 47 об.)	Довтепъ ‘досціп, кемлівасць, дасціпны розум’ [2; 8: 181-182]
Занедбáнїе, нерадéнїе (л. 60)	Занедбавати ‘не заўважаць, не звяртаць увагі’ [2; 11: 42]
Їднáчьство, ходáтайство. и᷾печáлованїе о᷾виновáтѣ^{м} (л. 64)	Идначъ ‘арбітр, пасрэднік’ [2; 14: 13; 9: 174]
Ненз́дныи, бѣдныи (л. 104 об.)	Ненздне, ненздно ‘вельмі бедна’ [2; 20: 169].
Незоѱóваныи, нетлѣнныи (л. 104 об.)	Незопсованье ‘несапсаванне’ [2; 20: 119]

Кроме определения значения слов, в круг задач при исследовании азбуковника входит также определение источника – лексикографического или литературного, – из которого рассматриваемые лексемы могли быть заимствованы составителем. Л.С. Ковтун высказала предположение, что лексемы западнославянского происхождения вошли в Погод. 1642 из «Лексиса» Лаврентия Зизания, напечатанного в том же 1596 году – в год создания Азбуковника [3; 17]. Однако в «Лексисе» можно обнаружить лишь незначительную часть рассматриваемых лексем, кроме того, зачастую имеются серьезные расхождения в толковании. Указания на более ранние белорусские лексикографические своды в научной литературе отсутствуют. В связи с этим можно предположить, что источником статей являлись глоссы на полях старобелорусской литературы, которая была в распоряжении составителя Новгородского азбуковника, или, что более вероятно, более ранний лексикографический свод, созданный на основе глоссирования. Это предположение подтверждается тем, что многие толкуемые в азбуковнике лексические единицы имеют форму, отличную от словарной: глаголы подаются в личной форме, существительные – в падежной и предложно-падежной форме и т.д., в то время как в «Лексисе» Лаврентия Зизания толкуемые лексемы приближены к так называемой «словарной» форме в современном понимании.

В дальнейшем предполагается продолжить научные изыскания в области определения этимонов старобелорусских лексем и установления источника старобелорусской лексики в Новгородском Азбуковнике 1596 года.

Литература

1. Ананьева, Н.Е. История и диалектология польского языка / Н.Е. Ананьева.– М.: УРСС, 2004. — 301 с.
2. Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 1-31.– Мінск: Навука і тэхніка; Беларуская навука, 1982–2011.
3. Ковтун, Л.С. Азбуковники XVI-XVII вв. (старшая разновидность) / Л.С. Ковтун.– Л.: Наука, 1989. — 295 с.

У.І. Куліковіч (Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт)

СТРУКТУРА І ЗМЕСТ БРАШУРЫ «*PRÒSTY SPÒSAB STÀCCA Ŭ KARÒTKIM ČÀSE HRÀMATNYM*»

Да ліку першых граматык беларускай мовы, якія з’явіліся ў пачатку XX ст., адносіцца выдадзеная на лацініцы невялікая (аб’ёмам 16 с.) навукова-метадычная распрацоўка Р. Абіхта і Я. Станкевіча «*pròsty spòsab stàcca ŭ karòtkim čàse hràmatnym*» (1918 г.). У нашым мовазнаўстве аналіз гэтага дапаможніка, як і шэрагу іншых прац, з’яўленых прыкладна ў адзін час з граматыкай Б. Тарашкевіча, ажыццяўляўся фрагментарна, а таму звесткі пра іх не да канца пэўныя і шмат у чым супярэчлівыя [1]. Напрыклад, агулам усе яны называліся «элементарнымі букварамі» [2 с. 11]. Адносна працы Р. Абіхта і Я. Станкевіча даследчыкі канстатавалі: 1) правапіс у брашуры грунтаваўся

выключна на фанетычным прынцыпе («пішы, як гаворыш»); 2) курсіўнае пісьмо без вялікіх літар уводзілася аўтарамі дзеля таго, каб зрабіць больш лёгкім паралельнае навучанне чытаць і пісаць; 3) было ўведзена некалькі ўдалых лінгвістычных тэрмінаў (*гук* – замест *зыкі*; *галосны гук*, *зычны гук* – замест *самагалосны*, *сугалосны*); 4) штучнасць графікі і непрадуманасць некаторых іншых рэкамендацый адмоўным чынам адбіліся на папулярнасці гэтай працы [3, с. 123–124].

Задача артыкула – устанавіць структуру і логіку падачы матэрыялу ў выданні «*pròsty spòsab stàcca ŭ karòtkim čáse hràmatnym*», аўтарскія погляды на стварэнне фанетычнай, графічнай і арфаграфічнай сістэм беларускай мовы, узровень даследаванасці якой да часу з'яўлення кнігі быў надзвычай нізкім.

Фармат брашуры сярэдні – 120х180 мм. На вокладцы ў рамцы па-беларуску змяшчаецца назва «*pròsty spòsab stàcca ŭ karòtkim čáse hràmatnym*», выдзеленая падкрэсліваннем. Пад ёй імёны аўтараў («*napisàli pr. dr. rùdolf àbiſ̈t u brèslawi i ıa̋nka stankèwic̆u wilńi*»), *выдаўца* («*drùkam wydau̇̆dr. fêliks pribac̆*») і па-нямецку ў самым нізе – месца выдання і год: («*buchhandlung priebatsch, breslau ring 58*) *breslau 1918 h*.». З адваротнага боку вокладкі тэкст, які можа служыць эпіграфам да выдання. Для зручнасці прачытання пададзім яго на кірыліцы, але, як было запачаткавана ў тэксце выдання, без выкарыстання вялікіх літар:

з верай у бога ўсе нашы справы,
кожную працу будзем спаўняць,
з моцнай надзеяй, што бог ласкавы
будзе у гэтым благаслаўляць.
(*з песняў балеслава пачобкі*)

У канцы гэтай старонкі – назва друкарні: «*надрукавана ў друкарні для чужых языкоў макса шмэрсова ў кірхгайне люзацыі* (*макс шмерсов, кірхгаін нідер-лаузітс*»). Астатнія элементы апарата адсутнічаюць.

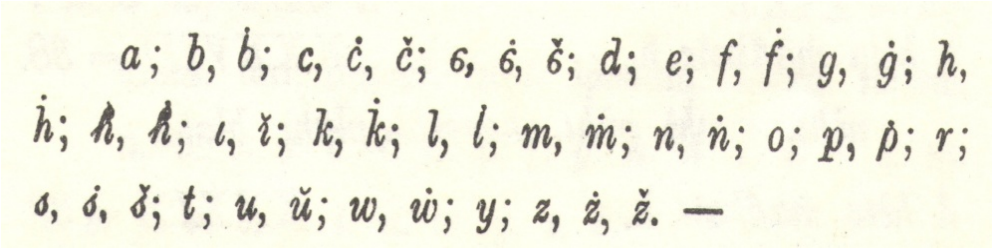
Брашура складаецца з ілюстрацыйнага (на с. 6-11, каля 20 %) і тэкставага матэрыялу, які падаецца курсівам, без выкарыстання вялікіх літар. Для абазначэння націскных складоў ва ўсіх словах, акрамя аднаскладовых, выкарыстоўваецца спецыяльны знак `. Загалоўкаў, якія б адлюстроўвалі назвы раздзелаў, параграфаў, няма. Адзіным сродкам выдзялення служаць абзацныя водступы. Ілюстрацыі ўяўляюць з сябе малюнкі прадметаў, жывых істот, з'яў рэчаіснасці і выконваюць інфармацыйную, пазнавальную і дыдактычную функцыі – дапамагчы ў навучанні чытаць і пісаць па-беларуску.

Сэнсавыя складнікі тэксту дазволілі вылучыць у ім чатыры ўзаемазвязаныя часткі. «Прадмову» (першы абзац на старонцы 1), дзе ўказана мэта дапаможніка – стварыць самабытны беларускі алфавіт і заснаваную на ім граматыку, «*дзеля прызнання беларускай мовы за самастойную*», і дзве метадычныя парады. Адна з іх, у якой гаворыцца, што «*першая ступень адукацыі, гэта граматнасць*», датычыцца найперш настаўнікаў; а другая – навучыцца чытаць і пісаць па-беларуску не цяжка, «*трэба толькі асвабадзіцца ад путаў польскага і расейскага пісання*» – настаўнікаў і вучняў. Адсюль вынікае шырокі чытацкі адрас выдання: тыя, хто ўжо ўмее чытаць і пісаць па-польску ці па-руску, і тыя, хто зусім не валодае пісьмовай мовай. Гэтым, відаць, і абумоўлена структураванне астатняга матэрыялу.

У другой частцы, якая складаецца з 15 абзацаў, пададзены тэарэтычныя звесткі адносна фанетычнай, графічнай, арфаграфічнай сістэм беларускай мовы, а таксама некаторыя метадычныя парады па вывучэнні (с. 1-5).

Трэцяя частка (с. 6-14) умоўна магла б мець назву «Буквар». Яна складаецца з практычных матэрыялаў, прызначаных для вывучэння гукаў і літар і выпрацоўкі ўмення чытаць па-беларуску.

Гэты раздзел брашуры заканчваецца алфавітам, «*па якім словы павінны быць размешчаны ў слоўніках*».

У чацвёртай частцы (с. 14-16) ўказаны функцыі такіх знакаў прыпынку, як коска («закавыка»), кропка з коскай («кропка з закавыкай»), кропка, пытальнік («пытаннік»), клічнік, двукроп'е («двукроппе»), двукоссе (асобнага тэрміна не было, сказана толькі, што такім чынам паказваецца «чужаслоў»), злучок («злуч»), працяжнік («працяшка»), дужкі («скопкі»), шматкроп'е («недасказ»).

Вынікі аналізу выдання наступныя.

1. Брашуру з поўным правам можна назваць арыгінальным навукова-метадычным дапаможнікам для пачатковага этапу навучання беларускай мове, падрыхтаваным з частковым улікам тагачаснай моўнай практыкі, дасягненняў нацыянальнага і сусветнага моўназнаўства, метадычнай навукі, магчымасцямі выдавецкіх арганізацый. У ёй прадстаўлены ўсе неабходныя кампаненты, характэрныя для вучэбнага выдання з такой назвай, мэтай і задачамі: колькасць і класіфікацыя гукаў беларускай мовы; графічнае абазначэнне гэтых гукаў на пісьме; колькасны склад літар беларускага алфавіта і парадак іх размяшчэння, першапачатковыя арфаграфічныя рэкамендацыі, дыдактычны матэрыял і апісаннне функцыянальнага прызначэння знакаў прыпынку.

2. У выданні дакладна акрэслены недахопы тагачаснага беларускага алфавітнага пісьменства: наяўнасць дыграфаў, варыятыўнасць знешняга выгляду літар і выкарыстанне розных графічных сістэм («*abecàdaй*»), адсутнасць знака націску. Указаныя заўвагі не страцілі сваёй актуальнасці да нашых дзён. Напрыклад, спалучэнні літар *дз* і *дж* для абазначэння афрыкатаў Л. Р. Зіндэр назваў «вінікам непаразумення» [Зіндэр, с. 62].

3. Распрацоўка прынцыпаў класіфікацыі гукаў маўлення ў дапаможніку выразна арыентавана на вырашэнне праблем арфаграфіі, тэорыя якой, як вядома, не можа будавацца без вызначэння тэарэтычных пазіцый у фанетыцы і фаналогіі. Спачатку пададзены найдрабнейшыя адзінкі, якія істотна не змяняюцца і не ўплываюць на змены іншых у моўнай плыні – галосныя, паўгалосныя, звонкія цвёрдыя і мяккія (паводле сучаснай тэрміналогіі – санорныя). Затым гукі, вымаўленне якіх залежыць ад пазіцыі папярэдніх – моцныя (г. зн. глухія) цвёрдыя і мяккія (названы, відаць, таму, што складаюцца з моцнага шуму), слабыя (г. зн. звонкія) зычныя цвёрдыя і мяккія (у аснову назвы пакладзена тое, што пры іх вымаўленні ў акустычным спектры маецца слабы голас). На наш погляд, такая класіфікацыя дастатковая для пачатковага этапу навучання. Калі не браць пад увагу тэрміналагічную недасканаласць, то можна сцвярджаць, што аўтары абсалютна дакладна прадвызначылі колькасны склад фанетычнай сістэмы беларускай мовы (45 гукаў); наяўнасць парных па цвёрдасці–мяккасці (15 пар): [б]-[б'], [в]-[в'], [г]-[г'] (фрыкатыўны), [г]-[г'], [д]-[дз'], [з]-[з'], [к]-[к'], [л]-[л'], [м]-[м'], [н]-[н'], [п]-[п'], [с]-[с'], [т]-[ц'], [ф]-[ф'], [х]-[х']; суадносіны звонкіх і глухіх, якія рэальна існуюць у беларускім маўленні: [б]-[п], [в]-[ф], [г]-[х], [г]-[к], [з]-[с], [дз]-[ц], [дж]-[ч], [ж]-[ш], [д]-[т].

4. І. А. Бадуэн дэ Куртэнэ ў сваіх навуковых публікацыях пачатку XX ст. вылучыў два асноўныя тыпы графікі: складовую і «літаральную» [4]. Аўтары брашуры зыходзілі з таго, што ў беларускай мове варта ўсталяваць «літаральны» тып, г. зн. для кожнага асобнага гука павінен быць свой просты знак. Дзеля дасягнення такога адзінства яны і праводзілі замены дыграфаў *dz i ch.* Беларускія даследчыкі распрацавалі строга фанетычную азбуку, якая пакрывала сабой чутны гукавы алфавіт. Не выключана, што падставай для такога рашэння таксама былі ідэі І. А. Бадуэна дэ Куртэнэ, які ўказваў на па-

тэнцыяльную сувязь «пісана-зрокавага матэрыялу» з «элементамі вымаўленча-слыхавымі» [5, с. 53].

5. Размяшчэнне літар у прапанаваным алфавіце ажыццяўлялася з улікам двух фактараў: усталяванай традыцыі (*а, б … к, л, м, н, о* …) і фанетычных асаблівасцей гукаў, якія абазначаліся суадноснымі з імі літарамі (побач знаходзіліся літары, што абазначаюць блізкія паводле ўтварэння гукі).

6. Зыходнымі пастулатамі пры распрацоўцы тэорыі правапісу для аўтараў была лагічная прастата: толькі «*строга абдуманыя*» правілы, лічылі яны, дапамогуць дзецям пісаць правільна. Арфаграфія ўсведамлялася імі як прымяненне адзінак графічнай сістэмы не толькі для напісання слоў, але і для адэкватнага распазнавання і дакладнага вымаўлення падчас прачытання (прапанова абазначаць націскныя склады).

У дапаможніку прыводзяцца правілы толькі для перадачы на пісьме зычных у сярэдзіне і на канцы слова. З гэтага вынікае, што практычныя цяжкасці беларускай арфаграфіі аўтары бачылі найперш у галіне абазначэння зычных.

Функцыянальнае прызначэнне вялікіх літар навукоўцы разумелі вузка: толькі для фіксацыі «загалоўнасці». Таму і адмаўляліся ад іх выкарыстання, бо названую функцыю выконвае кропка. Іншыя значэнні – для перадачы слоў, надзеленых асобай патэтыкай ці сімволікай, для сігналізацыі абрэвіяцыі і г. д. – у разлік не браліся. У гэтым і праявілася, як нам здаецца, паспешлівасць і навуковая неабачлівасць складальнікаў дапаможніка, якая ў сукупнасці са структурнай непрадуманасцю (адсутнасць апарата выдання, падзелу тэкставага матэрыялу на раздзелы і параграфы) і сталі асноўнымі прычынамі адмоўнага стаўлення да яго з боку навуковай грамадскасці.

Літаратура

1. Алехна, Г. А. Беларускія граматыкі пачатку XX ст. / Г. А. Алехна // Сборник работ 60-й научной конференции студентов и аспирантов Белгосуниверситета: в 3 ч. Ч.3. – БГУ, 2003. – С. 90-92.
2. Яновіч, А. І. Б. А. Тарашкевіч – мовавед / А. І. Яновіч // Беларуская лінгвістыка. – 1982. – Вып. 21. – С. 11-18.
3. Шакун, Л. М. Гісторыя беларускага мовазнаўства: Вучэб. дапам. / Л. М. Шакун. – Мінск: Універсітэцкае, 1995. – 271 с.
4. Шарадзенидзе, Т.С. Лингвистическая теория И.А. Бодуэна де Куртенэ и ее место в языкознании XIX-XX веков. – М.: Наука, 1980. – 133 с.
5. Зиндер, Л. Р. Очерк общей теории письма / Л. Р. Зиндер. – Л.: Наука, 1987. – 112 с.

Małgorzata Kurianowicz (Uniwersytet w Białymstoku)

FUTURUM ZŁOŻONE W JĘZYKU CERKIEWNOSŁOWIAŃSKIM – NA PRZYKŁADZIE KSIĄG DRUKOWANYCH[1]

W 2013 r. obchodzona jest rocznica rozpoczęcia przez Greków z Sołunia (Tessalonik) – świętych Cyryla i Metodego misji chrystianizacyjnej. Św. św. Bracia zmienili oblicze narodów słowiańskich. Dzięki ich apostolskiej działalności Słowianie otrzymali możliwość przyjęcia chrześcijaństwa w swoim rodzimym, zrozumiałym języku, pojawiło się też piśmiennictwo i kultura. Wbrew panującemu przekonaniu, iż tylko greka, hebrajski i łacina są językami uświęconymi, ze staro–cerkiewno–słowiańskiego (dalej scs.) uczynili język liturgiczny, który przez wieki jednoczył słowiańskie narody[2]. Jednak język ten nie zachował

[1] Niniejsza publikacja powstała ze środków MNiSW na naukę, w ramach grantu promotorskiego nr N N104 0577438 pt. *Biblia Ostrogska i XVIII–wieczna Ewangelia klasztoru w Jabłecznej – cerkiewnosłowiańskie zabytki redakcji ruskiej*.

[2] Jednoczył i nadal jednoczy. Za przykład może posłużyć Polska. Wyznawcy prawosławia, stanowiący narodowościowo zróżnicowaną wspólnotę, do dnia dzisiejszego używają w liturgii języka cs. „Gdyby wszyscy wierni w Polsce byli Polakami, wtedy moglibyśmy rozmawiać o wprowadzeniu do liturgii języka polskiego. Ale my jesteśmy Białorusinami, Ukraińcami, Rosjanami, Serbami, Bułgarami, Macedończykami, Polakami. Język łączy nas wszystkich (…) Proszę walczyć o zachowanie języka słowiańskiego. Mocno!" – wypowiedź Prawosławnego Metropolity Warszawskiego i całej Polski Sawy, wygłoszona z

się w swojej pierwotnej wersji. Przez stulecia ulegał nieświadomym lub też celowym modyfikacjom, oddalając się przez to od pierwowzoru. Do naszych czasów dotarł on w cerkiewnosłowiańskich (dalej cs.) redakcjach, pochodzących z końca X w.

Do analizy językowej wykorzystane zostały dwa teksty należące do grupy zabytków języka cs. redakcji ruskiej: tekst *Biblii Ostrogskiej* (dalej BO), wydrukowanej 12 VIII 1581 r. w Ostrogu [mikrofilm Biblioteki Uniwersytetu Warszawskiego 16235 na podstawie egzemplarza o sygn. 612.105] oraz tekst synodalnego *Ewangeliarza 1771 r.* (dalej EJ), wydrukowanego w Ławrze Kijowsko–Pieczerskiej a przechowywanego obecnie w stauropigialnym Prawosławnym Monasterze św. Onufrego w Jabłecznej (Polska, woj. lubelskie). Egzemplifikacje przytaczane są w kolejności: BO => EJ. W sytuacji, gdy tekst w starodrukach jest zbieżny, zapis nie ulega podwojeniu.

Przyszłość mogła być wyrażana w języku scs. w różnoraki sposób:

1) funkcję czasu przyszłego pełnić mogły formy czasu teraźniejszego czasowników prefiksalnych z tematem o znaczeniu perfektywnym, por.: po³o¿u (Mk 12:36), sw¹¿e‰i (Mt 16:19), preidetl => prejdetL (J 5:24), /mo³imL (Mt 28:14), /s³yœite (Łk 21:9), spadnutL (Mt 24:29), wpadetas¹ (Mt 15:14), sLtworiwx => sotworima (J 14:23);

2) wyrazicielem przyszłości mogły też być czasowniki bezprefiksalne, imperfektywne, często ambiwalentne, których znaczenie gramatyczne czasu można było określić tylko na podstawie kontekstu, por.:

(EJ, J 7:33) Ê‹e ma³o wrxm¹ sL wami êsml, i idu kL pos³awœemu m¹.

[*Jeszcze przez krótki czas jestem z wami i odejdę do Tego, który Mnie posłał*].

(EJ, Mt 6:31) Ne pecytes¹ bo, æto {my, i³i æto p„emL, i³i æimL vde¿dems¹.

[*Dlatego nie martwcie się, mówiąc: Co będziemy jeść? Co będziemy pić? W co mamy się ubrać?*].

EJ, Mt 27:42) da snidetL nynx so kr^ta i wxruemL wL nego.

[*niech teraz zejdzie z krzyża, a uwierzymy w Niego*].

(EJ, J 21:18) Êgda ¿e sostarxeœis¹, i wozdx¿eœi ruce twoi i inL t¹ po¹œetL, i wedetL amo¿e ne ho‹eœi.

[*Gdy jednak się zestarzejesz, wyciągniesz swoje ręce i ktoś inny cię przepasze, i poprowadzi, dokąd nie chcesz*].

3) funkcje futuralne czynności przyszłej pełniły w języku scs. dwie postacie konstrukcji analitycznych.

Język ewangelicznych tekstów drukowanych odnotowuje tylko jeden ze scs. sposobów tworzenia czasu przyszłego złożonego, a mianowicie *czas przyszły złożony I (absolutny)*. Jest to połączenie osobowej formy praesentis czasownika posiłkowego hotxti, naæati, imxti z bezokolicznikiem. Ta forma futurum, o czym świadczą przytoczone poniżej egzemplifikacje, tworzona jest zarówno od czasowników niedokonanych, dokonanych, jak i ambiwalentnych, por.:

hotxti: *3 os. sg.* {ko ab„e cr^two b¿+„e ho‹etL {witis¹ (Łk 19:11); *2 os. pl.* æto mi ho‹ete dati (Mt 26:15); *3 os. pl.* êgda hot¹tL s„¹ byti (Łk 21:7).

naæati: *2 os. sg.* naæneœi sL studomL pos³6xnee mxsto drL¿ati => naæneœi so studomL posednee mxsto der¿ati (Łk 14:9); *3 os. sg.* naænetL biti (Mt 24:48), neraditi naænetL (Mt 6:24); *3 os. pl.* naænut3 rugatis¹ => naænutL rugatis¹ (Łk 14:29).

imxti: *1 os. sg.* imamL piti (Mt 26:29), imamL {sti (Łk 22:16), imamL kr^titis¹ (Łk 12:50); *2 os. sg.* ‡mxti imaœi => imxti imaœi (Mt 19:21); *3 os. sg*. ne imatl wniti (Mk 10:15), ne imatl piti (Łk 1:15), ne imatl hoditi (J 8:12), ne imatl preiti => ne imatl prejti (Łk 21:32), imat3 postradati => imatl postradati (Mt 17:12); *2 os. pl*. /s³yœati ¿e imate (Mt 24:6), ne imate razumxti (Mt 13:14), ne imate widxti (Mt 13:14); *3 os. pl.* ne imutL wkusiti (Łk 9:27), êgda

---

okazji otwarcia międzynarodowej konferencji nt. *1150-lecie Misji św. św. Cyryla i Metodego w krajach Europy Środkowej* (Warszawa, 31.V–01.VI 2013 r.).

imut3 ws¹ s„¹ skonæatis¹ => êgda imutL ws¹ s„¹ skonæatis¹ (Mk 13:4), ne imutl preiti => ne imutL prejti (Łk 21:33).

Przekształcenia fleksyjne sg. i pl. dotyczą wyłącznie czasownika atematycznego imxti i są analogiczne do tych, jakie nastąpiły w paradygmacie koniugacyjnym praesens//futurum proste, tj.:

1) utrata w formach 1 os. sg. wygłosowego jeru przedniego l i dyspalatalizacji *-m*, por.: scs. imaml; BO, EJ imamL.

2) wymiana archaicznej fleksji *-mъ* na nową *-my*, będącą efektem kontaminacji starej formy 1 os. pl. oraz zaimka osobowego my[1].

3) wahania w BO wygłosowego *-t/-t'* w 3 os. pl. W EJ jej fleksje pod wpływem tendencji normalizacyjnych zostały ujednolicone na rzecz scs. form z wygłosowym jerem tylnym L, por.: ne imutl preiti => ne imutL prejti (Łk 21:33).

Auxilium w takiej konstrukcji wskazuje nie tylko na czas przyszły, ale również na nacechowanie modalne: naæati – początek czynności, hotxti – woluntatywność, imxti – konieczność. Właśnie od tego nacechowania uzależniony był w znacznym stopniu wybór czasownika posiłkowego [2]. Z kolei bezokolicznik określa podstawowe znaczenie leksykalne.

W związku z tym, iż w funkcji auxilium mogło występować kilka czasowników nacechowanych modalnie, niektórzy badaczy takiego rodzaju konstrukcje traktują raczej jako „составное глагольное сказуемое" [3, С. 353], „свободное синтаксическое сочетание" [4; 5; 6], niż analityczną formę czasu *przyszłego I*.

W zabytkach ruskich już od wieku XV/XVI w.[2] funkcję słowa posiłkowego przyjmuje na siebie forma futurum czasownika byti. Jednak w tekstach religijnych tego okresu zdarza się to rzadko [7, С. 389-390]. Wstępna analiza wykazała, iż powszechne użycie takiej konstrukcji rejestrują dopiero XVIII–wieczne, zazwyczaj starotestamentowe fragmenty biblijne. Ewangeliczne teksty BO i EJ odnotowują zaledwie jedno poświadczenie użycia danej formacji, a mianowicie *3 os. sg.*: i a‹e budetL obrxsti ó => i a‹e budetL vbrxsti ó (Mt 18:13).

Drugim typem scs. zestawień, jednak nie występującym w czterech Ewangeliach analizowanych starodruków było *futurum złożone II* – połączenie mianownikowej formy imiesłowu czasu przeszłego czynnego II z osobową formą czasownika czasu przyszłego byti. Jego stosunkowo wąska specyfika znaczeniowa, tj. określanie czynności w przyszłości (wyrażaną za pomocą imiesłowu), która będzie miała miejsce przed inną czynnością w przyszłości (wyrażaną auxilium) spowodowała, iż konstrukcje *futurum exactum* wprawdzie występują w tekstach scs. i cs. do XV–XVI w. [8], to jednak są zjawiskiem bardzo rzadkim [9, S. 316, 318][3]. W tekstach cs. Biblii wydanych po 1751 r. nie występują w ogóle [7, С. 390; 10].

Do wyrażenia przyszłości w analizowanych zabytkach użyte zostały również imiesłowy czasu teraźniejszego i przeszłego w połączeniu z formą futurum czasownika byti. Wiązało się to z tym, iż wszystkie imiesłowy czynne ze słowem posiłkowym byti mogły pełnić funkcję różnych form czasowych [9, S. 317], w tym również czasu przyszłego, por.: *1 os. sg.* vstaw³enL budu (Łk 16:4); *2 os. sg.* zwanL budeœi (Łk 14:10), budeœi mL³æa (Łk 1:20); *3 os. sg.* predan budetL (Mk 9:31), sp+senL budetL (Mt 10:22), /niæi¿enL budetL (Mk 9:12), ¿iwL budetL (Łk 4:4), sp+sena budetL (Łk 9:50); *2 os. pl.* budete nenawidimi (Mk 13:13), predani ¿e budete (Łk 21:16); *3 os. pl.* i Ÿwxzdy budutL sL nb+se spadaó‹e (Mk 13:25), izgnani budutL (Mt 8:12), /s³yœani budutL (Mt 6:7); 3 *os. du.* budetx dwx wkupx me³ó‹i => budetx dwx wkupx me³ó‹x (Łk 17:35).

---

[1] Zapis mógł też być efektem oddziaływania i postpozycyjnego wyrazu, np. nesemL i > nesemy i [1].

[2] W zabytkach zachodnioruskich pierwsze pojawienie się czasownika byti w funkcji słowa posiłkowego datowane jest już na wiek XIV [3].

[3] Jedno z ostatnich poświadczeń *futurum exactum* w tekście Biblii odnotowuje jej moskiewskie wydanie z 1663 r.: i a‹e grxhi budetL sotwori³L [pust'ts' emu (Jak 5:15) [10]. W późniejszych wydaniach czas *przyszły złożony II* zastępowany jest przez formy czasu teraźniejszego w znaczeniu futurum lub też czas przeszły złożony [7, С. 390].

Reasumując, na przestrzeniu ponad 200 lat, kiedy to podejmowano kilka prób rewizyjnych mających na celu normalizację i ujednolicenie tekstów Pisma Świętego, formy czasu przyszłego nie uległy zbyt dużym zmianom. Wprawdzie w obu cs. starodrukach zanikły formy *futurum złożonego II,* to użyte w większości przypadków konstrukcje peryfrastyczne są tożsame.

Przeprowadzona analiza językowa wykazała, iż peryfratsyczne formacje czasowe imiesłowów z czasownikiem byti są wprawdzie szeroko obecne w analizowanych cs. starodrukach, to ich frekwencja jest znacznie niższa w zestawieniu z użyciem futurum prostego, jednak wyższa w porównaniu z formami czasu *przyszłego złożonego I.*

Literatura

1. Ремнева, М. Л. Старославянски язык / М.Л.Рамнева. – М., 2004. – С. 246.
2. Хабургаев, Г. А. Старославянский язык / Г.А.Хабургаев. – М., 1974. – С. 266.
3. Иванов, В.В. Историческая грамматика русского языка / В.В.Иванов. – М., 1983. – С. 353.
4. Борковский, В. И. Историческая грамматика русского языка / В.И.Борковский, П.С.Кузнецов. – М., 2006. – С. 262.
5. Горшкова, К.В. Историческая грамматика русского языка / К.В.Горшкова, Г.А.Хабургаев. –М., 1981. – С. 293.
6. Кузнецов, П.С. Историческая грамматика русского языка. Морфология / П.С.Кузнецов. –М., 1953. – С. 251.
7. Булич, С. Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке / С.Булич. – СПб., 1893.
8. Rieger, J. Z dziejów języka rosyjskiego / J.Rieger. – Warszawa: Wydawnictwa Szkolne i pedagogiczne, 1989. – S. 70.
9. Moszyński, L. Wstęp do filologii słowiańskiej / L.Moszyński. – Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN, 2006.
10. Классовский, В. Краткая грамматика славяно–церковного языка периода печатных (в России) книг / В. Классовский. – СПб., 1857. – С. 61.

А.А. Лукашанец (Мінск, Беларусь)

БЕЛАРУСКАЯ МОВА ВА ЎМОВАХ БЛІЗКАРОДНАСНАГА БЕЛАРУСКА-РУСКАГА БІЛІНГВІЗМУ: ПАРАДОКСЫ РАЗВІЦЦЯ СІСТЭМЫ, ФУНКЦЫЯНАВАННЯ І МОЎНАЙ СВЯДОМАСЦІ

1. Дзяржаўнае беларуска-рускае двухмоўе ў адпаведнасці з існуючым моўным заканадаўствам прадугледжвае парытэтнае (раўнапраўнае) выкарыстанне абезвюх дзяржаўных моў ва ўсіх важнейшых сферах афіцыйнага ўжытку. Аднак асаблівасці сучаснай моўнай сітуацыі ў Беларусі сведчаць аб наяўнасці істотнага дысбалансу паміж афіцыйным статусам беларускай мовы і яе рэальнай запатрабаванасцю і выкарыстаннем фактычна ва ўсіх сферах жыцця сучаснага беларускага грамадства. Таму актуальнай задачай дзяржаўнай важнасці з'яўляецца пашырэнне беларускай дзяржаўнай мовы як рэальнага сродку зносін у тыя сферы афіцыйнага ўжытку, у якіх яна павінна выкарыстоўвацца як дзяржаўная мова краіны і мова тытульнай нацыі. Гэта гуманітарная праблема набывае асаблівую значнасць у XXI стагоддзі, калі асабліва востра ў міжнароднай супольнасці стаяць пытанні захавання нацыянальнай і культурнай ідэнтычнасці, таму што менавіта нацыянальная мова застаецца найбольш важным і істотным сродкам і фактарам нацыянальнай свядомасці і нацыянальнай адметнасці. Таму паўнацэннае функцыянаванне нацыянальнай мовы народа, асабліва ў сітуацыі двухмоўя і шматмоўя, ў якасці рэальнага сродку камунікацыі істотна павышае яе ідэнтыфікацыйныя магчымасці.

2. Для паўнацэннага выканання ў двухмоўным і шматмоўным грамадстве функцыі дзяржаўнай мовы павінен быць забяспечаны рад умоў лінгвістычнага, сацыяльнага,

прававога і сацыя-псіхалагічнага характару. Гэта актуальна як для беларускай мовы, так і для любой іншай нацыянальнай мовы.

2.1. Абавязковымі ўмовамі ўласна лінгвістычнага плану, безумоўна, з'яўляюцца:

- адпаведны ўзровень развіцця сістэмы мовы (наяўнасць літаратурнага стандарту, багатага слоўнікавага складу, распрацаванай навуковай тэрміналогіі, устойлівай пісьмовай традыцыі і стабільнай арфаграфіі, развітай сістэмы словаўтварэння для папаўнення намінатыўных рэсурсаў мовы і г.д.);

- дастатковае тэарэтычнае забеспячэнне (неабходны ўзровень айчыннага мовазнаўства, усебаковае даследаванне і комплекснае манаграфічнае апісанне ўсіх узроўняў моўнай сістэмы, наяўнасць акадэмічных граматык, нарматыўных тлумачальных і іншых слоўнікаў літаратурнай мовы і г.д.);

- наяўнасць факталагічнай базы (комплекс практычных даведнікаў і дапаможнікаў для забеспячэння патрэб навучальнага працэсу і моўнай практыкі: падручнікі і дапаможнікі для ўсіх узроўняў адукацыі, слоўнікі, у тым ліку двухмоўныя, і даведнікі розных тыпаў, у тым ліку і тэрміналагічныя).

2.2. Сацыяльныя ўмовы ўключаюць:

- наяўнасць дастаткова шырокай сацыяльнай базы для паўнацэннага функцыянавання беларускай мовы;

- забеспячэнне неабходнай лінгвістычнай кампетэнцыі ўсіх слаёў беларускага грамадства (фактычна ўсе павінны ў дастатковай ступені валодаць навыкамі выкарыстання беларускай мовы).

2.3. Прававыя ўмовы (абумоўленыя сітуацыяй двухмоўя) прадугледжваюць**:**

- наяўнасць нарматыўнай заканадаўчай базы ў сферы моўнага жыцця і яе строгае выкананне;

- прававую кампетэнцыю грамадзян і выкананне моўных абавязкаў службовымі асобамі;

- адпаведнасць нацыянальнага моўнага заканадаўства еўрапейскім стандартам у моўнай сферы.

2.4. Сацыя-псіхалагічныя фактары пашырэння беларускай мовы ў важнейшыя сферы ўжытку заключаюцца ў наступным:

- усведамленні важнасці і прыярытэтнасці нацыянальнай мовы як часткі нацыянальнай духоўнай культуры і гістарычнай спадчыны;

- фарміраванні нацыянальнага моўнага этнацэнтрызму і пазбаўленні ад комплексу блізкароднаснага адштурхоўвання;

- адносінах да нацыянальнай мовы як да важнейшага атрыбута дзяржаўнасці і незалежнасці краіны;

- выкананні нацыянальнай (беларускай) мовай функцыі аб'яднання грамадства, а не яго канфрантацыі і г.д.;

- пазбаўленні палітычных ярлыкоў па моўных густах і схільнасцях двухмоўных грамадзян краіны.

3. Парадоксы сучаснага стану беларускай мовы ў грамадстве. Сукупнасць усіх названых фактараў і спецыфіка іх праламлення і ўзаемадзеяння ў сучаснай моўнай сітуацыі Беларусі ў многім тлумачаць стан і месца беларускай мовы ў камунікатыўнай прасторы беларусаў. Гэтыя асаблівасці можна сфармуляваць у выглядзе палажэнняў, якія фактычна з'яўляюцца своеасаблівымі парадоксамі сучаснага развіцця і функцыянавання беларускай мовы ў пачатку XXI стагоддзя і вызначаюць прыярытэты моўнай палітыкі і напрамкі практычнай дзейнасці ў справе пашырэння беларускай мовы ў тыя сферы камунікацыі, у якіх яна павінна выкарыстоўвацца як дзяржаўная мова краіны. Найбольш відавочнымі і важнымі, на наш погляд, з'яўляюцца наступныя.

3.1. ***Відавочны дысбаланс паміж развіццём сістэмы беларускай літаратурнай мовы ў XX стагоддзі і яе рэальным функцыянаваннем у грамадстве.*** Сутнасць названага парадоксу заключаецца ў тым, што на працягу ўсяго XX стагоддзя паспяховае развіццё сістэмы беларускай мовы і стабілізацыя яе літаратурных норм суправаджалася інтэнсіўным змяншэннем колькасці яе актыўных карыстальнікаў. Фактычна, чым больш дасканалай станавілася беларуская мова, чым больш дакладнымі і стабільнымі станавіліся яе літаратурныя нормы, чым больш развіваўся яе слоўнікавы склад і навуковая тэрміналогія, тым менш яна станавілася неабходнай як рэальны сродак камунікацыі.

3.2. ***Выключна важная роля беларускай мовы ў фарміраванні нацыянальнай свядомасці беларусаў, кансалідацыі беларускай нацыі і афармленні беларускай дзяржаўнасці ў пачатку XX стагоддзя і немагчымасць ператварыцца ў адзіны (ці пераважны) сродак зносін у афіцыйных сферах камунікацыі на працягу ўсяго XX стагоддзя.*** На працягу ўсяго XX стагоддзя беларуская мова – нацыянальная мова беларускага народа і мова тытульнай нацыі – фарміравалася і развівалася выключна ва ўмовах блізкароднаснага двухмоўя і ніколі не была адзіным сродкам камунікацыі беларусаў.

Тым не менш, нягледзячы на розныя ўплывы і тэндэнцыі, яна здолела сфарміраваць і захаваць сваю нацыянальную адметнасць, умацаваць статус асобнай славянскай мовы.

3.3. ***Своеасаблівым парадоксам развіцця сістэмы беларускай мовы ў канцы XX – пачатку XXI стагоддзя з'яўляецца адначасовая актуалізацыя дзвюх асноўных дыяметральна процілеглых тэндэнцый развіцця сістэмы беларускай мовы: тэндэнцыі да інтэрнацыяналізацыі і тэндэнцыі да нацыяналізацыі.*** Гэтыя дзве тэндэнцыі ў цэлым характарызуюць развіццё лексіконаў усіх славянскіх моў у канцы XX – пачатку XXI стст., аднак становішча беларускай мовы ў сучасным двухмоўным беларускім соцыуме прадвызначае асаблівасці дзеяння гэтых тэндэнцый і іх вынікаў.

Так, тэндэнцыя да інтэрнацыяналізацыі вядзе да інтэнсіўнага (часта неабгрунтаванага рэальнымі намінатыўнымі патрэбамі) папаўнення нацыянальнага лексікону іншамоўнымі запазычаннямі, пераважна англа-амерыканізмамі, і стварае ілюзію русіфікацыі беларускай мовы. Тэндэнцыя да нацыяналізацыі, наадварот, звязана з узмацненнем нацыянальнай адметнасці мовы, з'яўляецца своеасаблівай рэакцыяй на папярэдні перыяд развіцця слоўнікавага складу беларускай мовы і мае выразны дэрусіфікатарскі характар. Аднак парадоксам "беларускай" тэндэнцыі да нацыяналізацыі з'яўляецца тое, што яна, як і тэндэнцыя да інтэрнацыяналізацыі, рэальна прыводзіць да павелічэння колькасці іншамоўнай лексікі ў нацыянальным беларускім лексіконе. Менавіта ў рэчышчы тэндэнцыі да нацыяналізацыі ў сучасным беларускім маўленні актуалізуюцца шматлікія іншамоўныя лексічныя адзінкі, пераважнага польскага паходжання, якія, аднак, адпавядаюць пурыстычнай тэндэнцыі адштурхоўвання ад рускай мовы. Паланізмы тыпу *улётка*, *ворак*, *вакацыі*, *амбасада*, *ровар*, *імпрэза*, *імбрык* і інш. істотна перавышаюць уласныя наватворы, якія з'яўляюцца ў сучасным беларускім маўленні пад уплывам тэндэнцыі да нацыяналізацыі: *далькажык*, *гутарык*, *пляцак*, *заплечнік* і г.д.

3.4. ***Абмежаванае выкарыстанне беларускай мовы ў традыцыйных афіцыйных сферах ужытку*** (справаводства, адукацыя, навука і г.д.) ***і яе інтэнсіўнае пашырэнне ў новыя камунікатыўныя сферы*** (інтэрнэт-камунікацыя, канфесійная сфера). Рэальным фактам сучаснага моўнага жыцця беларускага грамадства з'яўляецца інтэнсіўнае пранікненне беларускай мовы ў віртуальную інтэрнэт-прастору і фарміраванне дастаткова істотнага беларускамоўнага інтэрнэт-рэсурсу, а таксама яе пашэрэнне ў

канфесійную сферу. Усё гэта садзейнічае павышэнню грамадствага прэстыжу беларускай мовы і фарміраванню новых функцыянальных стыляў.

3.5. ***Наяўнасць моўнага заканадаўства і практычнае яго ігнараванне***. Такое становішча ў значнай ступені абумоўлівае дысбаланс паміж статусам беларускай мовы і яе рэальнай запатрабаванасцю як сродку зносін практычна ва ўсіх сферах афіцыйных зносін. Таму важнейшай задачай у сферы рэгулявання моўных адносін беларускага грамадства трэба прызнаць неабходнасць строгага выканання існуючага моўнага заканадаўства, у першую чаргу з боку дзяржаўных структур. Палажэнне, што кожны дзяржаўны служачы павінен абавязкова валодаць абедзвюма дзяржаўнымі мовамі, захоўвае сваю актуальнасць і сёння, таму што толькі такім чынам можа быць забяспечана канстытуцыйнае права кожнага грамадзяніна карыстацца любой дзяржаўнай мовай у сваёй дзейнасці.

3.6. ***Змена сацыяльнай базы беларускай мовы.*** У канцы XX – пачатку XXI стагоддзя фактычна змянілася сацыяльнае асяроддзе, якое падтрымлівае традыцыі выкарыстання беларускай мовы. Пры гэтым зрух адбыўся ў бок звужэння сацыяльнай базы і павышэння сацыяльнага статусу прыхільнікаў і актыўных карыстальнікаў беларускай мовы: ад прадстаўнікоў пераважна вясковага соцыуму (звычайна старэйшага ўзросту з невысокім узроўнем адукацыі) да гарадской высокаадукаванай крэатыўнай інтэлектуальнай эліты з актыўнай грамадскай і жыццёвай пазіцыяй (хаця гэтая эліта на сённяшні дзень і не вельмі шматлікая ў сваёй масе). Такое становішча аб'ектыўна вядзе да павышэння прэстыжнасці беларускай мовы, забяспечвае яе элітарнасць, але ўтрымлівае небяспеку ператварэння беларускай мовы ў своеасаблівы культурны дыялект.

3.7. ***Напрамак фарміравання беларускамоўнай кампетэнцыі грамадства*** (ад літаратурнага стандарту да гутарковага маўлення і іншых некадыфікаваных падсістэм). Сёння склалася дастаткова ўнікальная сітуацыя, калі беларускамоўная кампетэнцыя фарміруецца пераважна ў працэсе школьнага навучання і арыентуецца на літаратурны стандарт, а ўжо пасля веды літаратурнага стандарту могуць рэалізавацца ў тых ці іншых разнавіднасцях нязмушанага маўлення з рознай ступенню адхіленняў ад літаратурных норм. Іншымі словамі, гутарковае маўленне і гарадское прастамоўе (калі дапусціць, што такое існуе!) грунтуецца на літаратурнай мове, а не наадварот, літаратурная мова абапіраецца на гутарковае маўленне. У гэтых адносінах пачатак XXI стагоддзя істотна адрозніваецца ад XIX – пачатку XX стагоддзя, калі літаратурныя нормы складваліся на народна-гутарковай аснове.

Як уяўляецца, сёння вельмі важна зламаць гэты стэрэатып моўных паводзін і сфарміраваць у беларускамоўным грамадстве талерантныя адносіны да некадыфікаванага беларускага маўлення, таму што толькі ў такім выпадку магчыма пашырыць беларускамоўную прастору і стварыць больш шырокую базу для літаратурнай мовы.

3.8. ***Недастатковая моўная кампетэнцыя і завышаныя крытэрыі да культуры ўласнага беларускага маўлення.*** Гэты парадокс грунтуецца на папярэднім. З аднаго боку, носьбіты беларускай мовы ў сваім маўленні арыентуюцца на літаратурныя нормы і адступленні ад яе ўспрымаюцца як з'ява адмоўная і ў прынцыпе недапушчальная. З другога боку, адсутнасць (недахоп) маўленчай практыкі абцяжарвае ўзорнае літаратурнае маўленне. Адсюль распаўсюджаны стэрэатып моўных ацэнак і моўных паводзін: лепш я зусім не буду гаварыць па-беларуску, чым гаварыць з памылкамі.

Акрамя таго, існуюць істотныя праблемы, якія датычацца цэлых сацыяльных і прафесійных груп беларускага грамадства ў плане валодання навыкамі выкарыстання беларускай мовы. Пры беспраблемным пасіўным успрыманні інфармацыі на беларускай мове, дастаткова праблематычным з'яўляецца сёння яе актыўнае выкарыстанне пры прадукаванні вусных і пісьмовых выказванняў.

3.9. ***Наяўнасць дзвюх разнавіднасцей літаратурна-пісьмовай беларускай мовы і двухузроўневая дыферэнцыяцыя грамадства па моўных схільнасцях і густах.*** Такое становішча пачало складвацца ў 30-я гады XX стагоддзя пасля рэформы беларускага правапісу, якая фактычна прывяла да расколу беларускамоўнага асяроддзя і найбольш выразна праявілася ў канцы XX – пачатку XXI стагоддзя, калі абодва варыянты беларускай літаратурна-пісьмовай мовы непасрэдна сутыкнуліся ў адзінай беларускамоўнай прасторы. Гэта прывяло да ўнікальнай і парадаксальнай сітуацыі дыферэнцыяцыі і навешвання ярлыкоў паводле моўных паводзін і моўных густаў.

Першы ўзровень дыферэнцыяцыі звязаны з сітуацыяй беларуска-рускага двухмоўя. Проціпастаўленне "беларуская мова – руская мова" набывае характар проціпастаўлення "вясковы жыхар – гарадскі жыхар"; "нацыяналіст – інтэрнацыяналіст"; "гуманітарый – тэхнакрат" і г.д. Ці надварот: "патрыёт (нацыянальна свядомы грамадзянін)" – "касмапаліт"; "інтэлектуал (гарадская эліта)" – "маргінал (недастаткова адукаванае асяроддзе)" і г.д.

Другі ўзровень моўнай дыферэнцыяцыі абумоўлены ўнутрымоўнай дыгласіяй. Проціпастаўленне "наркамаўка" – "тарашкевіца" часта ўспрымаецца як проціпастаўленне "русіфікатар" – "патрыёт", "законапаслухмяны грамадзянін" – "апазіцыянер" і г.д.

У сённяшняй моўнай сітуацыі неабходна пазбавіцца ад канфрантацыі ў грамадстве на моўнай глебе. Беларуская мова павінна стаць фактарам кансалідацыі грамадства, таму павінна вітацца любое беларускае маўленне.

3.10. ***Пасіўная моўная свядомасць і нежаданне мяняць стэрэатыпы моўных паводзін.*** Гэты парадокс вельмі яскрава ілюструе распаўсюджаны ў 90-я гады мінулага стагоддзя стэрэатып моўнага мыслення: я вельмі люблю беларускую мову і хачу, каб яна больш шырока выкарыстоўвалася, але мне самому ўжо позна і цяжка перайсці на яе выкарыстанне, – няхай гэта робяць іншыя.

Такія адносіны да беларускай мовы ў значнай ступені, як уяўляецца, абумоўлены блізкароднасным характарам беларуска-рускага двухмоўя, якое не выклікае праблем паразумення. Акрамя таго, у грамадстве да сённяшняга дня прысутнічае ілюзія, што ўсе моўныя праблемы можна вырашыць толькі за кошт адміністрацыйнага рэсурсу.

3.11. ***Паралельнае суіснаванне ўнутранага дэструктыўнага патрыятызму і знешняга моўнага нігілізму.*** Дэструктыўны моўны патрыятызм знаходзіць сваё праяўленне ў наступным. Ёсць пэўная частка беларускага грамадства, якая пазіцыяніруе сябе як нацыянальна арыентаваная. Яна адчувае асаблівае задавальненне, абураючыся тым, што нічога не робіцца дзеля паляпшэння стану беларускай мовы ў грамадстве, і адначасова нічога не робіць і не жадае рабіць сама. У той жа час менавіта такія "патрыёты" з маніякальнай настойлівасцю вышукваюць памылкі і недахопы ў тых, хто хоць нешта робіць на карысць беларускай мовы і культуры.

Знешні моўны нігілізм у адносінах да беларускай мовы таксама мае спецыфічны характар і абумоўлены асаблівасцямі не столькі моўнага, колькі грамадска-палітычнага існавання беларускага грамадства на працягу двух апошніх стагоддзяў. Толькі ад рускіх і часткі рускамоўных прадстаўнікоў беларускага грамадства нават сёння можна пачуць меркаванне, што не існуе асобнай беларускай мовы, што гэта толькі дыялект рускай мовы. Адначасова, толькі рускія і рускамоўныя грамадзяне Беларусі часта сцвярджаюць, што не разумеюць беларускай мовы

3.12. ***Парадокс заканадаўчага статусу мовы.*** Ва ўмовах двухмоўя і шматмоўя з высокім заканадаўчым статусам мовы звязаны два аспекты праблемы.

З аднаго боку, дзяржаўны статус беларускай мовы істотна зніжае стымул змагацца за яе функцыянальнае раўнапраўе з другой мовай, якая мае такі ж заканадаўчы статус.

З другога боку, сёння беларуская мова па многіх пазіцыях у грамадстве набліжаецца да рэгіянальных моў ці моў нацыянальных меншасцей, аднак, паколькі з'яўляецца дзяржаўнай мовай краіны, не можа атрымаць тых мер падтрымкі, якія прадугледжаны, напрыклад, Еўрапейскай хартыяй рэгіянальных моў ці моў нацыянальных меншасцей (Страсбург, 1992).

4. Заключэнне. Агульным парадоксам існавання беларускай мовы ў пачатку XXI стагоддзя і важнейшай праблемай яе рэальнага пашырэння ў большасць афіцыйных сфер ужытку з'яўляецца тое, што пры фактычна поўным задавальненні ўмоў уласна лінгвістычнага плана існуюць істотныя праблемы дакладнага выканання моўнага заканадаўства ў сферы забеспячэння моўных правоў грамадзян, недастатковай з'яўляецца яе сацыяльная база і моўная кампетэнцыя грамадства, а таксама практычна адсутнічае грамадская воля для пераадолення перашкод сацыя-псіхалагічнага кшталту.

Е.Ю. Муратова (Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)

АЛЛОТРОПИЧНОСТЬ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Будучи составной частью современной лингвистики, исследование русского поэтического языка в своем развитии не может не отражать новые идеи и подходы, которыми постоянно обогащается лингвистическая наука.

В свое время В.В. Виноградов неоднократно высказывал мысль о «динамическом развертывании словесных рядов» как процессе порождения текста. Комментируя эту мысль, В.Г. Костомаров пишет следующее: «Речь идет, если прибегнуть к современной терминологии, о векторном описании явлений. Все более торжествующий ныне взгляд на мир как на динамичный и непредсказуемо сложный, в котором любой объект способен приобретать хаотические черты, вынуждает искать новые пути и систематизации, уходить от привычного описания любого феномена глоссарием, словарем признаков или составляющих элементов, а также перечнем исключений, предпочтений.

Такое описание веками удовлетворяло потребности, надежно характеризуя мир как статику, в которой наука призвана лишь открыть законы незыблемого порядка. Нынешние воззрения требуют учета различий даже вполне однородных явлений, а также постоянных изменений, динамики» [1; 165]

Если в русской поэзии XVIII–XIX вв. слово в поэтическом тексте воплощало смысл, сформированный в предшествующих авторитетных текстах, то в XX веке появляется множество поэтических произведений, в которых значение слова порождается данным конкретным контекстом. Для русской поэзии XX века характерны не только новые темы, образы, видение мира, осознание особенностей своей эпохи, но также иной, по сравнению с XIX в., поэтический язык, который стал реализовываться как сложная, часто экзистенциальная форма отражения действительности и самовыражения творящего сознания.

В лингвопоэтике всегда (а в настоящее время – особенно) существовала важная и сложная проблема объективизации интуитивных представлений исследователей о ряде параметров текста, в частности определение «сложности, легкости, трудности» текста для восприятия и интерпретации. Мы предлагаем концепцию, позволяющую по-новому рассматривать русский поэтический текст и функционирование в нем основных единиц русского языка.В основе этой концепции лежит понятие ***аллотропичность текста*****,** вводимое нами для определения степени сложности поэтического текста.

Термин ***аллотропия*** возник в естественных науках: «Аллотропия (гр.allos – другой, + trope, tropos – поворот) – свойство некоторых химических элементов в свободном виде су-

ществовать в нескольких видоизменениях, различных по физическим и химическим свойствам, напр., углерод существует в виде угля, графита и алмаза» [2; 34].

Аллотропичный текст – это текст множественного кодирования, содержащий глубинные, непосредственно не наблюдаемые смыслы и представляющий собой совокупность внутритекстовых нелинейных отношений и процессов, которые актуализируются репрезентируемыми языковыми средствами. Аллотропичность текста, на наш взгляд, соотносима с категориями синергетики, которая исследует самоорганизацию и самоусложнение систем различного рода. Степень сложности текста (т.е. степень его аллотропичности) и самоорганизация глубинных смыслов текста (т.е. синергетический процесс) представляют собой неразделимые, взаимозависимые явления.

В теории синергетичности центральным понятием являются **параметры порядка** (orderparameters),или **контрольные параметры** (controlparameters). В любой системе их немного, но именно они подчиняют поведение остальных элементов системы. Например, в животном мире это четыре основных инстинкта: пищевое поведение, репродуктивное поведение, страх, агрессия. Параметры порядка в языковой системе – это нормативность грамматических категорий; системные, т.е. закрепленные в словарях значения лексем; стандартность словообразовательных моделей и синтагматических связей. Если параметры порядка стабильны, то и система находится в стабильном состоянии. Если параметры порядка перестают управлять системой, то возможны два следствия: 1) система качественно не изменяется, адаптируется к изменениям; 2) происходит качественное изменение системы. В языке изменение параметров порядка – это изменение стандартных, нормативных языковых форм; стандартность «превращается» в нестандартность, узуальность – в неузуальность, нормативность – в ненормативность. Особенно активно такие изменения проявляются в поэзии.

В поэтической системе изменение параметров порядка превращает их в **маркеры аллотропичности**, которые являются материальными показателями степени аллотропичности поэтического текста.

Выявляются 6 основных маркеров аллотропичности: неузуальные синтагматические связи лексем; специфическое проявление и оформление грамматических категорий; влияние означающего (фонетический облик слова) на означаемое (лексическое значение); лексикализация; интертекстуальность и дискурсивность. Кроме того, на степень аллотропичности поэтического текста (хотя в значительно меньшей степени) влияет окказиональное словообразование, синтаксические факторы (например, повтор, сравнение, параллелелизм и под.) и даже пунктуация (например, значимое отсутствие знаков препинания).

Степень выражения языковой аллотропичности поэтического текста определяется количеством и качеством маркеров в контексте. Для определения аллотропичности текста нами вводится **коэффициент аллотропичности Ка**, который определяется формулой: **A/N**, где **A** – количество маркеров, **N** – количество строк. Чем больше соотношение **A/N**, тем выше степень аллотропичности текста.

Безусловно, данная формула (как и любая формула в отношении поэзии) не может полностью отразить трансцендентные содержания, поскольку в поэтическом тексте закодированы области бессознательного автора и читателя, почти не поддающиеся объективной вербализации. Но предлагаемый подход позволяет, на наш взгляд, в значительной степени преодолеть субъективность восприятия поэтического текста.

В качестве примера проведем аллотропичный анализ стихотворения Виктора Кривулина «Урок словесности» (орфография и пунктуация авторские): *на гусениц похожие училки / учили нас не ползать, но летать: / у собакевича особенная стать / у чичикова личико личинки – / все это мне до смерти повторять / до вылета из кокона – в какую / непредсказуемую благодать?* В тексте выявляется 6 маркеров аллотропичности. Из них 4 представляют собой интертекстуальные включения: *не ползать, но ле-*

тать (*не ползать, а летать* – «Песня о Соколе» М. Горького); *собакевич, чичиков* (*Собакевич, Чичиков* – «Мертвые души» Н. В. Гоголя); *особенная стать* (*у ней особенная стать* – «Умом Россию не понять…» Ф.И. Тютчева). Маркером фонетической организации стиха является сочетание *у чичикова личико личинки*. Важное смыслообразующее значение имеет сравнение *на гусениц похожие училки*, поэтому его в данном случае мы также считаем маркером аллотропичности. Ка = 0,86. Остальные факторы, влияющие на аллотропичность текста и самоорганизацию глубинных смыслов, рассмотрим в ходе анализа.

Уже первые две строки представляют собой зону бифуркации. Диссипативный процесс возникает за счет скрытого противоречия: с одной стороны, учителя учили хорошему – *не ползать, но летать* (но горьковская категоричность значимо отсутствует: союз*а* заменен союзом *но*), с другой стороны, учителя пренебрежительно названы *училками* и, главное, они *похожи на гусениц*, которые как раз не летают, а ползают. Отсюда возникает невербализованный смысл: учат одному, а сами делают другое, либо: учат тому, на что сами не способны. Хотя возможно еще одно направление аттрактора: гусеница – это потенциальная бабочка, и учителя – это нереализовавшие себя люди, но еще способные «стать бабочками».

Следующая зона бифуркации – 3-я строка *у собакевича особенная стать,* из которой вырисовывается в общем-то положительный образ гоголевского героя, поскольку «срабатывает» интертекстуальный маркер аллотропичности *особенная стать* – незабываемый образ России, *в которую можно только верить*. А вот образ Чичикова в следующей зоне бифуркации предстает иным: *у чичикова личико личинки.* Повтор звукового сочетания [*чи*] и гласного [*и*] объединяют *чичикова* и *личинку* в единое смысловое целое. А поскольку все происходит в коконе, то *чичиков* – один из нас, такая же личинка. Причем *чичиков* предстает не отрицательным героем, поскольку личинка – это стадия индивидуального развития многих животных, т.е. он способен к дальнейшему развитию. Тогда возникает вопрос: а какие мы? Тоже *чичиковы* (и что они собой представляют?) или нас такими хотят сделать? Неспроста *училки – учили – чичиков* объединяются фонетически. В итоге возникает понимание очень странной учебы, в которой смешаны положительные и отрицательные литературные герои, учителя не вызывают уважения и сами ни на что не способны. Впечатление, что школа – это кокон, не дающий расправить крылья, усиливается также за счет написания личных имен без заглавной буквы и отсутствия знаков препинания: перед нами не перечисление и не выделение кого-то, а сплошная биомасса. После такой школы будущая свободная жизнь представляется *непредсказуемой благодатью*, но вопросительный знак в конце рождает сомнения в этой *благодати*. Всех этих смыслов нет в словарных значениях лексем, они возникли как результат диссипативных процессов за счет, в первую очередь, интертекстуальных и фонетических маркеров аллотропичности.

Таким образом, поэтический язык представляет собой нелинейную открытую динамическую систему и как таковой подчиняется общим универсальным синергетическим законам перехода количества в качество. Исследование языковых средств выражения аллотропичности русского поэтического текста дает возможность рассматривать парадигматику и синтагматику языковых единиц как некоторое состояние системы, а возникновение новых смыслов в поэтическом тексте – как возникновение нового качества системы, т.е. самопорождение новых смыслов.

Литература

1. Костомаров, В.Г. Взгляды академика В. В. Виноградова на стилистику / В.Г. Костомаров // Восьмые международные Виноградовские чтения. Русский язык: уровни и аспекты изучения: Сб. науч. тр. – М.: МГПУ, 2005. – С. 162-166.
2. Большой словарь иностранных слов. – М.: ЮНВЕС, 2004. – 784 с.

А.В. Никитевич (Гродненский государственный университет имени Я. Купалы)

ТИПОЛОГИЯ КОРНЕВЫХ ГНЕЗД И ДИАЛЕКТНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ

Результаты получены в процессе выполнения темы А 50-11 “Словообразование и семантическая деривация в белорусских и русских говорах”, которая финансировалась за счет средств Министерства образования Республики Беларусь

В теории словообразования одним из самых действенных признан гнездовой метод изучения структурной организации слов. При этом понятно, что выход за пределы словообразовательной пары приводит исследователя к описанию достаточно сложных семантических связей и отношений между производными единицами, которые находятся в составе значительных по структуре объединений родственных слов. Словообразовательное гнездо, в отличие от таких очевидных и «бросающихся в глаза» реальностей языка, как слово и предложение, – это не только «объект» исследования, но и «модель», с помощью которой мы познаем отдельные стороны в организации словообразования, основываясь на реально обнаруживаемых свойствах зафиксированных единиц, что находит отражение в современной словообразовательной лексикографии.

Необходимость представления наиболее важных и, самое главное, недостающих словообразовательных звеньев порой приводит к тому, что в составе словообразовательных гнезд можно обнаружить и некоторые диалектные слова. Таким образом, фактически расширяется поле деятельности дериватолога, для чего, безусловно, имеются все основания: ведь речь идет об одном языке. Другое дело, что анализ всего массива диалектных слов позволяет увидеть, что ряд из них могли бы существенно дополнить уже «выстроенное» исследователем (как модель) и представленное в лексикографии словообразовательное гнездо, заполнив когнитивно значимые семантические позиции [1]. Другие же родственные диалектные слова могут обнаруживать не формальные отношения производности, но семантические связи, относящиеся к области лексической мотивации, что, в конечном итоге, не позволяет рассматривать их в пределах определенного системой языка словообразовательного гнезда.

Все вышесказанное объясняет, почему одним из актуальных понятий теории словообразования является понятие *корневого гнезда*. Термин корневое гнездо неоднозначен в современной лингвистике и используется для характеристики различных групп однокоренных слов. Наиболее рациональным, по нашему мнению, является такое понимание, при котором под *корневым гнездом* понимается совокупность слов, в структуре которых при современном морфемном анализе выявляется общий корень (А.Н. Тихонов). В соответствии с таким пониманием в составе корневого гнезда возможно выявление как деривационных, так и недеривационных отношений и, соответственно, блоков единиц, связанных подобными отношениями. При этом принято разграничивать *словообразовательную* и *лексическую* мотивацию. Отношения лексической мотивации могут устанавливаться между различными словами гнезда, которые, в свою очередь, относятся к разным его парадигмам, цепочкам, ступеням словообразования. В свое время, говоря о необходимости разграничения словообразовательной и лексической мотивации, А.Н. Тихонов писал: «Для лексической мотивации непосредственный контакт мотивирующего и мотивируемого не требуется, в то время как словообразовательная мотивация без такого контакта вообще невозможна…. В каждом гнезде [лексическая мотивация] обладает обширной мотивационной базой, которая характеризуется многолексемностью, охватывает все виды внутригнеэдовых лексических связей однокоренных слов, распространяется на все его участки. В этой системе значительное место занимают разнонаправленные, а также взаимонаправленные смысловые отношения» [2; 246–247].

Учитывая то обстоятельство, что лексический состав и структура корневых гнезд отражают особенности взаимодействия однокоренных слов в различных сферах функ-

ционирования языковой системы, несложно признать, что при исследовании деривационного потенциала русского языка особое место могут занимать слова, представляющие русские народные говоры. При сопоставлении собственно диалектных слов со словами литературного языка особый интерес представляет анализ особенностей диалектной сочетаемости общеязыковых корней. Диалектное корневое гнездо может включать в свой состав на равных основаниях общеупотребительную и диалектную лексику или состоять только из диалектных слов. При этом оно может быть структурировано и описано на различных уровнях существования диалектной системы: на уровне сводной системы говоров, совокупности говоров отдельной группы, в рамках отдельного говора или его индивидуально-речевого употребления [3; 12]. Достаточно привлекательным и современным выглядит направление исследований, при котором анализируют отдельные исторические гнезда, на равных основаниях рассматривая лексику литературного языка и территориальных диалектов.

При описании в сопоставительном плане гнезда лексического (корневого), в первую очередь, бросаются в глаза различные несоответствия семантического плана между внешне однотипными производными, пусть и представляющими различные подсистемы в близких по родству языках (литературный язык/говоры). Рассмотрим, к примеру, многообразие значений в русской глагольной паре *хороводить – хороводиться*. Ср.: *хороводить* (простореч.) 1. ‘Завлекать, привлекать к себе’. … Пей, гуляй, писаных красавиц *хороводь*! *Хороводить* около себя. ‘Заставлять ухаживать, увиваться’. [Фроська] *хороводила* около себя парней. 2. Неперех. То же, что *хороводиться* (во 2-м и 3-м значении).

Хороводиться (простореч). 1. ‘*Водить хоровод*'. Парни с девками *хороводились* вдали. 2. ‘Тратить время попусту, канителиться’. 3. ‘Возиться с чем-нибудь, хлопотать’. Две недели с сеном *хороводился*. // ‘Знаться, водиться’ *Хороводиться с кем-л*. // ‘Состоять в любовной связи, крутить’. Ванька Зубарев *хороводился* с ней полтора года [4; т. 17; 388].

В РБС находим следующие соответствия: хоровод – *карагод* – Ø (глагол не приводится – А.Н.), *вадзіць карагод*; *хороводиться* несов. разг. (возиться) *важдацца*; (водиться) *вадзіцца* [5; т.3; 693]. В ТСБМ: *карагод* ‘Масавая народная гульня, якая суправаджаецца танцамі, песнямі **і** драматычнымі дзеяннямі’. *Вадзіць карагод, а дзе ні паявіцца Алеся, то там будзе і весела, і жыва —могуць песні пайсці, могуць танцы, ад яе могуць пачаць карагод.* Скрыган. *Карагодзіць* ‘Вадзіць карагод’. *Скакалі, карагодзілі [маскі] і пляскалі. А я маўчаў, Замкнуўшы ў сэрцы крык.* Макаль [6; т.3; 636]. В СПЗБ: *карагодзіцца* ‘Тое ж, што і караводзіць’. *Два гады да арміі карагодзіўся із ёй. Мярэцкія Глыб*. [7; т.2; 413]. Таким образом, совершенно очевидны некоторые различия в количестве и качестве глагольных значений, затрагивающие область семантической деривации в рамках фрагмента данного лексического гнезда.

Заслуживают внимания обусловленные различием в деривационном потенциале «тождественных» корневых морфем несоответствия между объемом и составом словообразовательных парадигм, а также различия между степенью синтетизма и аналитизма в выражении определенной семантики. К примеру, в СПЗБ приводится очень интересный глагол *дубасаваць* ‘станавіцца дыбам’. Конь *дубасуе*. А также целый ряд наречий соответствующей семантики: *дубаса*, *дубасою*, *дубарам*, *дубаўя*) [7; т.2; 98–99]. Ср. в [5; т.1; 415]: *дыбиться – дыбіцца*, *дубом* (нареч.) – *ду́ба*, *дубка́*; *волосы стали дыбом – валасы дуба сталі*; *дыбы* – **на д**. прям., *на дыбкі*, *дубка́*. В русских народных говорах: *дубы*. В дубы, в знач. *нареч.* ‘На дыбы’. *Я взял лошадь закладатъ, а ена в дубы!* Луж. Петерб., Матер. Срезневского. *Дубью*, нареч. ‘дыбом, стоя’. Пск., 1855. [8; т.8; 242]. Ду́бом и дубо́м, *нареч.* 1. ‘Стоймя, стоя’. Пск. *Поставь мешок-то дубом.* Новг. Новг., 1904. 2. ‘Дыбом, торчком’. *После байни у его всида волосы дубом стоят.* Йонав. Лит. ССР [8; т.8; 239]. Анализ всего комплекса русско-белорусских соответствий, затрагивающих как литературный язык, так и

говоры, позволяет обратить внимание на отсутствующую в русском языке деривацию в глагол, в отличие от белорусских говоров (*дубасаваць*).

Приведем еще один пример своеобразного представления глагольной семантики: Яблыні і грушы ўжо *дупляваліся*, але яшчэ садавіна адцягвала ўніз іх голле. (К. Чорны). Ср. в русском языке: *дуплеть.* Обл. ‘Становиться пустым от гниения’. Старые деревья сперва выгнивают, а потом *дуплеют*. А также *дуплить.* Обл. 'выдалбливать дупло в дереве'. В этой связи хотелось бы обратить внимание на не совсем верную трактовку бел. глагола *дуплявацца* как безэквивалентного по отношению к русскому языку [9; 81]. В этом значении имеется глагол иной словообразовательной модели (*дуплеть*). С другой стороны, в бел. языке отсутствует однословное соответствие русскому глаголу *дуплить* [4; т.3; 1161].

Любопытны и многочисленные примеры слов с вполне очевидной внутренней формой: *надворяниться* ‘Пожить, как дворянин — в роскоши и почете’, *засклепіць* ‘запячатаць, зацэраваць поўныя соты з мёдам’ – *засклеп* ‘запоўненыя мёдам соты, якія запячатаны воскам’, *разгулить* ‘не дать вовремя заснуть’(*Разгулил девчонку, теперь ее не уложишь*), *разгрудить* ‘определить, пристроить на время, отправив в разные места’ (*Детвору-то разгрудили, кого в лагерь отправили, кого в деревню*) и т.п.

Диалектное словообразование заслуживает самого пристального внимания единичными «вкраплениями» в состав корневых гнезд производных, представляющих значения, своеобразно расширяющие когнитивное пространство того или иного славянского языка.

Литература

1. Никитевич, А.В. Межъязыковые лакуны и диалектное словообразование в близкородственных языках / А.В.Никитевич // Мовазнаўства. Літаратуразнаўства. Фальклярыстыка: XY Міжнар. з’езд славістаў (Минск, Беларусь, 20 – 27 жніўня 2013г.): дакл. Беларус. Дэлегацыі / Нац. акад. навук Беларусі; рэдкал.: А.А.Лукашанец (адк. рэд.) і інш. – Мінск: Беларус. Навука, 2013. – С. 109 – 122.
2. Тихонов, А.Н. Лексическое гнездо в современном русском языке / А.Н..Тихонов. – М.: Наука, 2005. – 386 с.
3. Шаброва, Е.Н. Диалектное корневое гнездо: проблемы и принципы описания: Учебное пособие к спецкурсу / Е.Н. Шаброва. – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ; Вологда: ВГПУ, 2002. – 86с.
4. Словарь современного русского литературного языка: 1950 – 1965. – Академия наук СССР. Ин-т русского языка. – М.: Изд-во Академии наук СССР. – Т.1 – 17.
5. Русско-белорусский словарь: В 3 т.: АН Беларуси, ИН-т языкознания им. Я.Коласа. – Мінск : БелЭн, 1993.
6. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. Акадэмія навук БССР. Ін-т мовазнаўства імя Я.Коласа. Галоўная рэдакцыя беларускай савецкай энцыклапедыі. – Мінск. – 1977 – 1984. – Т.1 – 5.
7. Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: У 5-ці т. Мінск.: Навука і тэхніка, 1979 – 1985.
8. Словарь русских народных говоров: 1965 – 2007. – М.- Спб : Изд-во Академии наук СССР, Институт лингв. Исследований РАН. – Вып.1 – 41.
9. Шкраба, І.Г. Слоўнік беларускай безэквівалентнай лексікі / І.Г. Шкраба. – Мінск, 2008.

А.С. Новак (Бельцкий государственный университет имени А. Руссо)

СОСТАВНОЕ ГЛАГОЛЬНОЕ СКАЗУЕМОЕ В РУССКОМ И РУМЫНСКОМ ЯЗЫКАХ: СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА

Составное глагольное сказуемое – это главный член двусоставного предложения, который определяется подлежащим (субъектом). С грамматической точки зрения субъект и предикат оказываются связанными взаимонаправленно, образуют неразрывное единство.

Составное глагольное сказуемое выделяется как в русском, так и в румынском языках. В обоих языках оно состоит из вспомогательного компонента – глагола-связки, выражающего грамматическое значение, и присвязочной части (предикативного компонента). Характерной особенностью, отличающей данную синтаксическую единицу в русском и румынском языках, является средство репрезентации присвязочной части: в русском языке присвязочная часть выражена инфинитивом, а в румынском в этой роли могут выступать также конъюнктив, супин и причастие.

В русском языке большинство исследователей утверждают, что составное глагольное сказуемое – это структура, в составе которой «основным по лексическому значению является инфинитив, обозначающий действие без указания на его отношение к действительности, а модальность получает выражение в форме одного из наклонений другого глагола, которому подчинен инфинитив» [6; 70]; «отличительным признаком этого типа сказуемого является то, что в нем в личной форме употребляются глаголы с ослабленным лексическим значением, играющие вспомогательную роль, содержание сказуемого выражается инфинитивом» [7; 364].

Вопрос о составном глагольном сказуемом в румынском языке является дискуссионным. Так, анализируя структуры, в состав которых входит вспомогательный компонент и основная часть, ряд лингвистов считают данную синтаксическую единицу неделимой, представляющей семантическое, грамматическое и функциональное единство. Другие исследователи вычленяют при анализе два компонента, полагая, что они в равной степени обладают семантической достаточностью.

Исходя из этого, необходимо отметить, что авторы Академической грамматики придерживаются точки зрения, согласно которой модальные и фазисные глаголы и следующие за ними инфинитив и супин других глаголов «в определенных ситуациях формируют вместе с последними составное глагольное сказуемое» [1; 98]. Вместе с тем здесь обращается внимание на тот факт, что категория составного сказуемого недостаточно четко определяется с точки зрения грамматической, поэтому сторонники этой точки зрения предпочитают самостоятельно анализировать эти два компонента: глагол-сказуемое + дополнение в большинстве случаев, глагол-сказуемое + субъект в случае конструкции с необходимо / требуется (+ конъюнктив или инфинитив).

Исследователь Валерия Гуцу, тщательно проанализировав различные возможности использования полузнаменательных глаголов, пришла к практическому выводу, что синтаксический анализ полузнаменательных глаголов ни в коей мере не должен отрываться от глагола или следующего устойчивого словосочетания, оба компонента должны рассматриваться, таким образом, как члены составного глагольного сказуемого [3; 57–81]. Лингвист В.Шербан определяет составное глагольное сказуемое как аналитическую структуру, состоящую из полузнаменательного глагола (аспектного или модального) и другого глагола, выраженного супином, инфинитивом, конъюнктивом, на основе общности семантики данной конструкции и общности субъекта данных глаголов [5; 97]. Д. Иримия замечает, что, как тип глагольного предиката, составное глагольное сказуемое состоит из полузнаменательного глагола, представляющего собой форму выражения, и предикативной формы глагола (или абсолютной глагольной формы), репрезентирующей семантику [4; 380].

Авторы Академической грамматики 2005 года характеризуют анализируемую синтаксическую единицу как предикативный комплекс, состоящий из модального и аспектуального оператора и семантического дополняющего (глагольной формы) [2; 253].

Составное глагольное сказуемое состоит из полузнаменательного глагола (модального или фазисного) и основного глагола. В обоих языках вспомогательный глагол выражает либо модальность, либо фазисность, в обоих языках можем констатировать бинарность данной синтаксической единицы.

1. Составное глагольное сказуемое с модальным значением состоит из вспомогательного глагола и присвязочной части – основного глагола (в форме конъюнктива, реже инфинитива, супина, причастия).

Вспомогательные модальные компоненты могут обладать следующими значениями:

а) возможности: *a putea / мочь, сметь* и др.: *Studentul acesta poate să înveţe / Этот студент может учиться*;

б) необходимости: *a trebui, a se cere, a se impune, a rămîne / должен* и др.: *Studentul acesta trebuie să înveţe / Этот студент должен учиться*;

в) желания: *a vrea, a voi, a dori, a pretinde, a se necăji / хотеть, желать* и др.: *Studentul acesta doreşte să înveţe / Этот студент хочет учиться*;

г) способности: *a şti, a se pricepe, a se dumeri, a (nu) fi capabil/ уметь* и др.: *Studentul acesta ştie să înveţe / Этот студент знает учиться*;

д) в румынском языке возможна семантика симуляции: *a se face, a se preface* и т.д.: *Studentul acesta se face a învăţa bine*. В русском языке этой конструкции соответствует либо форма с составным именным сказуемым (*притворяется добрым*) или конструкция с придаточной изъяснительной частью (*притворяется, что он учится*).

2. Составное глагольное сказуемое с фазисной семантикой состоит из вспомогательного глагола указанной семантики и основного глагола. Фазисные глаголы отражают три основные фазы осуществления действия:

а) начало: *a începe, a porni, a prinde, a se apuca, a se pune, a da/ стать, начинать, начать, собираться* и др.: *Studentul acesta a început a învăţa bine / Этот студент начал учиться хорошо*;

б) продолжение: a *continua, a prelungi, a urma, a se ţine/ продолжать, остаться* и др.: *Studentul acesta continuă să înveţe bine / Этот студент продолжает учиться хорошо*;

в) окончание: *a termina, a sfîrşi, a înceta, a conteni, a mîntui, a isprăvi, a se opri/ закончить, остановиться, перестать* и т.д.: *Studentul acesta a încetat să înveţe bine / Этот студент перестал учиться хорошо*.

В русском и румынском языках отмечаем трехкомпонентное составное глагольное сказуемое, состоящее из двух вспомогательных глаголов – модального и фазисного – и присвязочного компонента – основного глагола.

Функция первого вспомогательного глагола в выражении модального значения основного глагола (*pot să încerc a desena / могу начать рисовать*), второго – в обозначении фазы протекания действия основного глагола (*vreau să termin de scris / хочу закончить писать*). В анализируемых языках можно отметить несколько разновидностей трехчленного составного глагольного сказуемого.

Трехчленное составное глагольное сказуемое первого типа обладает следующей структурой: первый компонент – вспомогательный глагол с модальным значением необходимости (a trebui); второй компонент – вспомогательный глагол с модальным значением желания (a dori), возможности (a putea), способности (a şti); третий компонент – основной глагол (как правило, в форме инфинитива), выражающий семантику действия, состояния и различных ситуаций действия.

Данные компоненты следуют друг за другом, представляя собой цельное соединение грамматического и лексического значения: *trebuie să ştii a învăţa / должен знать учиться; trebuie să poţi cit i/ должен уметь читать.*

Трехчленное составное глагольное сказуемое второго типа выражает различные фазы совершения действия и имеет следующую структуру: первый компонент – модальный глагол; второй компонент – фазисный глагол; третий компонент – основной глагол в форме инфинитива или конъюнктива.

Фазисные глаголы обладают семантикой инхоатива, дуратива и финитива. Так, трехчленное составное глагольное сказуемое с фазисной семантикой инхоатива выражает возможность, необходимость или желание начать определенное действие, обозначенное основным глаголом: *trebuie să încerem a vorbi / надо начать говорить; trebuie să continuăm a lucra / надо продолжать работать.*

Трехчленное составное глагольное сказуемое третьего типа выражает фазисную модификацию продолжения действия. Структура составного глагольного сказуемого

данного типа такова: вспомогательный глагол фазисной семантики + вспомогательный глагол со значением способа + основной глагол: *continuă să poată a lucra / продолжает уметь работать; am terminat să doresc a cînta / закончил желать петь* и др.

Таким образом, составное глагольное сказуемое выделяется и в русском, и в румынском языках. В обоих языках его структура и семантика в основном совпадают; несовпадения касаются средств репрезентации основного глагола.

Литература

1. Gramatica limbii române, vol. II. – Bucureşti: Editura Academiei Române, 1963.
2. Gramatica limbii române, vol. II. – Bucureşti: Editura Academiei Române, 2005.
3. Guţu Romalo, V. Semiauxiliarele modale / V. Guţu Romalo // SG. – 1956. – vol. I. – P. 57-81.
4. Irimia, D. Gramatica limbii române / D Irimia. – Iaşi: Editura Polirom, 2000.
5. Şerban, V. Sintaxa limbii române / V. Şerban. – Bucureşti, 1973.
6. Гвоздев, А.Н., Современный русский литературный язык / А.Н.Гвоздев. – М.: Просвещение, 1973.
7. Современный русский язык. Часть 2. Морфология, Синтаксис / Под ред. Е.М.Галкиной-Федорук. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964.

A. Rygorowicz-Kuźma (Uniwersytet w Białymstoku)

WSPÓŁCZESNA TERMINOLOGIA PRAWOSŁAWNA W JĘZYKU POLSKIM. ZAPOŻYCZENIA GRECKIE

Prawosławie jako wschodnia gałąź chrześcijaństwa wywodzi swoje tradycje językowe z Cesarstwa Bizantyjskiego. Język grecki jest więc dla niego najstarszym i najważniejszym językiem, językiem nie tylko kultu i misji, ale też językiem, w którym zostały napisane wszystkie księgi Nowego Testamentu. Nie dziwi fakt, iż w wielu językach nowożytnych prawosławna terminologia religijna bazuje w dużym stopniu na zapożyczeniach greckich. Wyróżniają się tu kraje słowiańskie, dla których dwaj misjonarze sołuńscy Cyryl i Metody stworzyli w IX wieku własne oryginalne pismo i przetłumaczyli na zrozumiały dla Słowian język greckie księgi kościelne. Od tego czasu językiem liturgicznym prawosławnych Słowian stał się język staro-cerkiewno-słowiański. Również on niesie w sobie wyraźne ślady dziedzictwa bizantyjskiego. W jego warstwie leksykalnej obok elementów słowiańskich, rodzimych odzwierciedlenie znalazła znaczna ilość greckich zapożyczeń (np. *епископ*, *икона*, *монах*, *панихида* i in.) i kalk (np. *благовещение*, *Богородица*, *великомученик*, *славословие* i in.).

W Polsce chrześcijaństwo zostało przyjęte w X wieku z Czech, w związku z chrztem Mieszka I (966 r.) w obrządku łacińskim. Najstarsza polska leksyka religijna nosi więc w dużym stopniu cechy czeskiej proweniencji. Mimo iż wiele terminów wskazuje na etymologię grecką, są to najczęściej grecyzmy przejęte już przez łacinę kościelną, które do języka polskiego weszły poprzez pośrednictwo czeskie (np. *anioł*, *apostoł*) lub staro-wysoko-niemieckie (np. *biskup*) [1;32]. Należy tu zauważyć, że staropolska leksyka religijna jest częściowo zbieżna z językiem staro-cerkiewno-słowiańskim (zob. np.: *apostoł*, *kanonik*, *mnich*, *psalm* i in.) [2;86]. W związku z tym, iż Polska rozwijała tradycje chrześcijaństwa zachodniego, terminologia religijna stopniowo dostosowywała się do wzorca łacińskiego. Leksyka dotycząca chrześcijańskiego obrządku zachodniego i wschodniego coraz bardziej się różnicowała. Łacina pozostawała językiem liturgicznym Kościoła rzymskokatolickiego aż do lat 60-tych XX wieku. Prawosławie na terenach ziem polskich posługiwało się (i wciąż posługuje) w liturgii językiem staro-cerkiewno-słowiańskim.

We współczesnej terminologii prawosławnej w języku polskim można wydzielić dwa obszary. Pierwszy to słownictwo ogólnochrześcijańskie o różnym źródłosłowie, wspólne zarówno dla Kościoła zachodniego, jak i wschodniego, które nie będzie w tym miejscu rozpatrywane. Przedmiotem niniejszych rozważań jest leksyka związana ze specyfiką prawosławia, jego obrzędowością i duchowością.

Jak już wspomniano, językiem liturgicznym Polskiego Autokefalicznego Kościoła Prawosławnego pozostaje język staro-cerkiewno-słowiański. Oczywistym staje się fakt, iż w tej grupie terminów religijnych przeważają zapożyczenia cerkiewnosłowiańskie. Leksemy typu *agniec* (cs. агнец)*, zadostojnik* (cs. задостойник)*, łżyca* (cs. лжица), *mantija* (cs. мантия), *pokajanije* (cs. покаяние), *połunoszcznica* (cs. полунощница), *prepodobnyj* (cs. преподобный), *skit* (cs. скит), *służebnik* (cs. служебник), *swiaszczennomuczenik* (cs. священномученик), *tropar* (cs. тропарь)*, żertwiennik* (cs. жертвенник) itp., choć często wąskospecjalistyczne, „techniczne", nie są obce dla wyznawców prawosławia na terenie Polski i raczej w naturalny sposób przez nich akceptowane.

We współczesnej polskiej terminologii prawosławia, obok cerkiewnosłowianizmów, coraz bardziej zauważalną grupę stanowią bezpośrednie pożyczki z języka greckiego, zob. np.: *antidoron* (gr. αντιδωρον)*, felonion* (gr. φελόνιον)*, kondakion/kontakion* (gr. κοντάκιον)*, metanoia* (gr. μετάνοια)*, omoforion* (gr. ωμοφόριον)*, orarion* (gr. οράριον)*, Pantokrator* (gr. Παντοκράτωρ)*, sticharion* (gr. στιχαριον)*, stichera/stychera* (gr. στιχηρά)*, Teofania* (gr. Θεοφάνια), *troparion* (gr. τροπάριον) itp. Co ciekawe, zapożyczenia cerkiewnosłowiańskie i greckie funkcjonują w języku niejako równolegle, tworząc pary równoważne semantycznie. Tę dwoistość terminologii prawosławia potwierdzają źródła leksykograficzne, zob. np.: *akafist* / *akatyst* [SWaw.;25], *anałoj* / *analogion* [SWaw.;30], *daronosica* / *artoforion* [Smyk.;11], *zwiezdica* / *asterysk* [Smyk.;11], *rukopołożenije* / *chirotonia* [Smyk.;17], *czasosłow* / *horologion* [Smyk.;30], *dikirij* / *dikerion* [Smyk.;21], *sławosłowije* / *doksologia* [Smyk.;22], *płaszczanica* / *epitafion* [Smyk.;26], *ipodiakon* / *hypodiakon* [Smyk.;30], *kondak* / *kontakion* [Smyk.;41], *omofor* / *omoforion* [Smyk.;59], *Pateryk* / *Paterykon* [SCP;423], *polijelej* / *polieleos* [Smyk.;68], *sinodik* / *synodikon* [Smyk.;80], *triswiatoje* / *trisagion* [Smyk.;84], *Triod* / *Triodion* [Smyk.; 85], *ustaw* / *typikon* [Smyk.;86] i in.

Jakie są przyczyny tak aktywnego wchodzenia grecyzmów do polskiej terminologii prawosławnej? Nawiązując do historii prawosławia w Polsce należy zaznaczyć, iż jego wyraźne formowanie związane było z ekspansją polityczną Polski na Wschód. Społeczeństwo prawosławne zamieszkujące na danych terenach posługiwało się więc najczęściej językami wschodniosłowiańskimi. Terminologia religijna oparta na języku cerkiewnosłowiańskim była dla nich w naturalny sposób bliska i wystarczająco zrozumiała. Obecnie sytuacja językowa Cerkwi prawosławnej w Polsce zmienia się. Jest to wynik wielu czynników. Przemiany polityczne, otwarcie Polski na Zachód, wejście do Unii Europejskiej, a także postęp techniczny i związana z nim powszechna dostępność informacji powoduje, że społeczeństwo staje się bardziej „elastyczne" i internacjonalne. Wzrasta grupa wyznawców prawosławia utożsamiających się z narodowością polską, coraz mniejsza jest też znajomość języków wschodniosłowiańskich. Język polski odgrywa coraz większą rolę w życiu Cerkwi, dominuje między innymi na lekcjach katechezy, czy w czasopismach i publikacjach wydawnictw prawosławnych, pojawia się nawet w nabożeństwach. Nie tylko w kręgach środowiska prawosławnego, ale i poza nim wzrasta zapotrzebowanie na polskojęzyczną literaturę odnoszącą się do zagadnień duchowości chrześcijaństwa wschodniego, jego teologii, liturgiki, sztuki, obrzędowości.

Duży wpływ na rozpowszechnianie się greckich terminów prawosławia w języku polskim ma współczesna prawosławna literatura przekładowa. Na polskim rynku wydawniczym dostępna jest coraz większa liczba przekładów prac o tematyce prawosławnej z języków zachodnich (m.in. francuskiego, angielskiego, czy niemieckiego). Języki te, nazywając realia prawosławia, również czerpią z zasobów leksykalnych greki, nie posiadając odpowiedników rodzimych. Terminy greckie poprzez tłumaczenia z języków zachodnich wchodzą do języka polskiego i znajdują swoją recepcję w intelektualnym gronie nie tylko teologów i naukowców, ale też części społeczeństwa polskiego, zainteresowanego duchowością prawosławia. Co ciekawe, pożyczki greckie występują też coraz częściej w pracach tłumaczonych z oryginałów słowiańskich. Do takich należy na przykład dzieło

pt. *Nowe Tablice czyli o Cerkwi, Liturgii, nabożeństwach i utensyliach cerkiewnych. Objaśnienia Beniamina Arcybiskupa Niżnego Nowogrodu i Arzamasu. Wybór*[1], wydane przez Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego jako podręcznik akademicki [3]. Wiele terminów cerkiewnosłowiańskich zastąpiono tu bezpośrednimi zapożyczeniami greckimi, por. np.: *skewofylakion* [3; 29] (w oryginale: *сосудохранительница*), *syntronon* [3;28] (w oryginale: *сопрестолие*), *doksologia* [3;147] (w oryginale: *славословие*), *amnos* [3;183] (w oryginale: *агнец*), *Cherubikon* [3;219] (w oryginale: *Херувимская песнь*) i in. Tłumacz, stosując ekwiwalenty greckie dla terminów cerkiewnosłowiańskich czyni to zapewne świadomie i celowo. Przekład polski *Nowych Tablic*, wydany przecież jako podręcznik, nabiera dzięki temu charakteru naukowego i nawiązuje do źródeł chrześcijaństwa wschodniego, uważanego w Polsce stereotypowo za wyznanie „ruskie".

Powyższe rozważania, mimo iż prezentują dane zagadnienie w sposób wybiórczy i niepełny, pozwalają na określenie pewnych tendencji, dotyczących współczesnej terminologii prawosławnej. Mimo iż wciąż boryka się ona z problemem wariantywności, brakiem jednolitości i systematyzacji, zauważyć można, iż zapożyczenia greckie (bez pośrednictwa cerkiewnosłowiańskiego) zaczynają zajmować miejsce terminów oficjalnych, normatywnych, poświadczanych w tekstach pisanych i źródłach leksykograficznych. Cerkiewnosłowianizmy pozostają przede wszystkim w językowym uzusie.

Skróty:

SCP – Znosko, A. Słownik cerkiewnosłowiańsko-polski / A. Znosko– Białystok 1996.

Smyk. – Smykowska, E. Liturgia prawosławna. Mały słownik / E. Smykowska. – Warszawa 2008.

SWaw. – Wielki słownik rosyjsko-polski z kluczem polsko-rosyjskim / pod red. J. Wawrzyńczyka. – Warszawa ,2004.

Literatura

1. Karpluk, M. O staropolskiej terminologii chrześcijańskiej (inspiracje czeskie) / M.Karpluk // Tysiąc lat polskiego słownictwa religijnego, red. B. Kreja. – Gdańsk, 1999. – S. 29-33.
2. Klich, E. Polska terminologia chrześcijańska / E.Klich. – Poznań, 1927.
3. Nowe Tablice czyli o Cerkwi, Liturgii, nabożeństwach i utensyliach cerkiewnych. Objaśnienia Beniamina Arcybiskupa Niżnego Nowogrodu i Arzamasu. Wybór, przekład I. Petrov. – Kraków, 2007.

Krzysztof Rutkowski (Uniwersytet w Białymstoku)

POLSKO-ROSYJSKA HOMONIMIA LEKSYKALNO-GRAMATYCZNA

Badania związane z polsko-rosyjską homonimią i paronimią[2] międzyjęzykową mają już pewną tradycję – zwłaszcza w polskiej literaturze językoznawczej. Wystarczy tu przytoczyć opracowania chociażby Z. Grosbarta [1958], K. Kusala [2002], P. Stasińskiej [1990] czy K. Wojan [2010]. Niemniej jest to obszar, który wciąż jeszcze wymaga pogłębionych analiz, zwłaszcza w perspektywie diachronicznej.

Relacja homonimiczności powstaje, najprościej rzecz ujmując, wówczas, kiedy porównywane jednostki języka (lub języków) są symetryczne pod względem formy znakowej i jednocześnie pozostają wobec siebie asymetryczne treściowo. Najwyraźniej jest ona dostrzegalna na płaszczyźnie leksykalnej, kiedy to dochodzi do zasadniczych rozbieżności denotacyjnych (np. *żaba* 'płaz' i 'rodzaj klucza'), choć mówi się też o istnieniu homonimów składniowych (np. *czytanie Mickiewicza* w znacz. 'czyta Mickiewicz' bądź 'ktoś czyta Mickiewicza'), słowotwórczych (np.

[1] Jest to przekład pierwszego i częściowo drugiego rozdziału pracy pt. *Новая Скрижаль или Объяснение о Церкви, о Литургии и о всех службах и утварях церковных* autorstwa arcybiskupa Beniamina (Krasnopiewkowa), która ukazała się po raz pierwszy w druku w 1803 r. Niniejszy przekład powstał na bazie wydania z 1899 r.

[2] Homonimy w niniejszym artykule są traktowane jako jednostki pozostające w podobnych relacjach jak paronimy, różniące się jednak od nich większym stopniem podobieństwa w planie wyrażania. Szerzej na ten temat zob.: Rutkowski, 2012.

ranny w znacz. ‘zraniony’, ale też ‘poranny’), frazeologicznych (*prosto z mostu* w znacz. przen. ‘powiedzieć komuś niemiłą prawdę’ oraz dosł. ‘rzucić się z mostu do rzeki’) i w końcu gramatycznych (np. *bez* ‘roślina’ i w funkcji przyimka).

W niniejszym artykule jest poruszony problem polsko-rosyjskich homonimów leksykalnych, asymetrycznych względem siebie nie tylko pod względem znaczeniowym, ale też różniących się określonymi właściwościami gramatycznymi.

Ustalenie, czy pomiędzy zestawianymi homonimami leksykalnymi zachodzą również jakieś zasadnicze różnice gramatyczne, polega przede wszystkim na zbadaniu, jaki jest stopień zbieżności wszystkich realnie (pozostających w użyciu) i potencjalnie (hipotetycznych, ale zgodnych z regułami języka) tworzonych przez nie form fleksyjnych. W sytuacji, kiedy mamy do czynienia z homonimami i paronimami międzyjęzykowymi, takiego zestawienia możemy dokonać tylko wówczas, jeśli weźmiemy pod uwagę pewne istotne z punktu widzenia diachronii fakty. Po pierwsze – fakt historycznego pokrewieństwa współczesnych polskich i rosyjskich paradygmatów odmiany części imiennych i werbalnych. Po drugie – co nie mniej ważne – istnienie podobnych tendencji rozwojowych w historii staropolszczyzny i staroruszczyzny, w których po dekompozycji[1] względnie podobnych, bo wyniesionych z prasłowiańszczyzny, typów deklinacyjnych ostatecznie ukonstytuowały się zbliżone do siebie, choć oczywiście w szczegółach niejednolite paradygmaty fleksyjne. Innymi słowy, z trzema deklinacjami polskimi wyraźnie korespondują odpowiednie trzy rosyjskie, por.: męska: Nom. sg. *kot – кот*, Gen. sg. *kot+a – кот+а*, Dat. sg. *kot+u – кот+у*, Instr. sg. *kot+em – кот+ом* itd.; żeńska I: Nom. sg. *wod+a – вод+а*, Gen. sg. *wod+y – вод+ы*, Dat. sg. *wodzi+e – вод+е*, Instr. sg. *wod+ą – вод+ой*; żeńska II: Nom. sg. *jesień – осень*, Gen. sg. *jesien+i – осен+и*, Dat. sg. *jesien+i – осен+и*, Instr. sg. *jesieni+ą – осень+ю*.

Jeśli chodzi o koniugacje, to niezależnie zachodzące w obu językach podobne zmiany systemowe (np. zanik liczby podwójnej, uproszczenie systemu czasów przeszłych) oraz mające miejsce głównie we fleksji regularne przekształcenia fonetyczne (również te w formach bezokolicznika), zakłóciły względną tożsamość równoważnych wcześniej wzorców odmiany. Współcześnie różnice pomiędzy analogicznymi koniugacjami polskimi i rosyjskimi są znaczne, choć z drugiej strony regularne, bo zachowujące historyczną ciągłość, dlatego wydaje się, że końcówki chociażby infin. *skaza+ć – сказа+ть, myli+ć – мопи+ть* czy form odmiennych (praes. 1. os. *skaż+ę – скаж+у, myl+ę – мыл+ю*; 2. os. *skaże+sz – скаже+шь, myli+sz – мылишь*, praet. masc. *skazał+ø – сказал+ø, mylił+ø – мылил+ø* itd.) można uznać za co najmniej paronimiczne.

Do podobnych wniosków można dojść, obserwując, w jakim kierunku ewoluowała i jak się różnicowała odmiana staropolskich i staroruskich przymiotników złożonych. Przekształcenia fonetyczne, wewnątrz- i międzyparadygmatyczne wyrównania analogiczne oraz kontrakcje spowodowały, że pomiędzy językiem polskim i rosyjskim również w tej kategorii leksykalnej wzorce odmiany oddaliły się od siebie i współcześnie nie wykazują już takiej zgodności jak dawniej. Wydaje się jednak, że argumentem przemawiającym za uznaniem względnej równoważności systemów fleksyjnych przymiotnika w obu językach, nawet jeśli uwydatnimy zasadnicze różnice, znowu może być ich historycznie uzasadniona regularność, odpowiedniość, por. Nom. sg. *woln+y – вольн+ый, błędn+y – блудн+ый, grub+y – груб+ый*, Gen. sg. *woln+ego – вольн+ого, błędn+ego – блудн+ого, grub+ego – груб+ого*, Instr. sg. *z woln+ym – с вольн+ым, z błędn+ym – с блудн+ым, z grub+ym – с груб+ым* itd.

[1] W języku polskim pozostałością po przebudowie paradygmatów jest repartycja końcówek rzeczowników masc. w Gen., Dat. i Loc. sg.

Powyższe ustalenia prowadzą do konkluzji, że współcześnie w obu językach istnieją w pewnym sensie (tzn. z historycznojęzykowego punktu widzenia) i do pewnego stopnia równoważne deklinacje oraz koniugacje. Stwarza to możliwość prowadzenia badań porównawczych.

W świetle powyższych faktów polsko-rosyjskie homonimy leksykalno-gramatyczne można podzielić na trzy kategorie:

1. asymetryczne w zakresie możliwości tworzenia paradygmatów liczby mnogiej, np. *drań – дрань* (tylko sg.), *kit* (tylko sg.) – *кит*, *post* (tylko sg.) – *пост*, *pozór – позор* (tylko sg.), *upór* (tylko sg.) – *упор*, *zapinka – запинка* (tylko sg.). Różnice fleksyjne w odmianie podanych tu egzemplifikacji są znaczne z uwagi na brak w jednym z porównywanych języków realnie używanych (nie potencjalnych) form pluralis;
2. asymetryczne pod względem rodzaju gramatycznego, np. *burta* (fem.) – *бурт* (masc.), *drań* (masc.) – *дрянь* (fem.), *dur* (masc.) – *дурь* (fem.), *gar* (masc.) – *гарь* (fem.), *kryminalista* (fem.) – *криминалист* (masc.), *leń* (masc.) – *лень* (fem.), *lustro* (neutr.) – *люстра* (fem.), *osoba* (fem.) – *особь* (masc.), *ołów* (masc.) – *олово* (neutr.), *postęp* (masc.) – *поступь* (fem.), *romanista* (fem.) – *романист* (masc.), *szarża* (fem.) – *шарж* (masc.), *uroda* (fem.) – *урод* (masc.), *wieszcz* (masc.) – *вещь* (fem.). Nieuchronną konsekwencją asymetrii rodzaju gramatycznego jest oczywiście przynależność do historycznie nierównoważnych paradygmatów odmiany, co dla komponentów każdej z par homonimicznych skutkuje całkowitym bądź znaczącym brakiem analogii fleksyjnych, por. Nom. sg. *leń – лень,* Gen. sg. *lenia – лени*, Dat. sg. *leniowi – лени*, Acc. sg. *lenia – лень*, Instr. sg. *z leniem – с ленью*, Loc. sg. *o leniu – o leni*, itd.;
3. asymetryczne ze względu na przynależność do różnych kategorii leksykalnych, np. *głusz* (2. sg. imper. od *głuszyć*) – *глушь* (sub.), *podczas* (pron.) – *подчас* (adv.), *puść* (2. sg. imper. od *puścić*) – *пусть* (part.), *sprawa* (sub.) – *справа* (adv.), *syp* (2. sg. imper. od *sypać*) – *сыпь* (sub.), *znać* (inf.) – *знать* (sub.), *żaden* (pron.) – *жаден* (adj.). Zostały tu zgromadzone tzw. homoformy, czyli wyrazy należące do różnych kategorii leksykalnych. Typ relacji, w jakie wchodzą jednostki z powyższych zestawień, ze zrozumiałych względów wyklucza jakąkolwiek zbieżność w zakresie fleksji.

Podsumowując, należy podkreślić, że zaobserwowane w powyższych przykładach dysproporcje gramatyczne mają różne źródła. Mogą wynikać bądź to z odmiennych dla obu języków strategii adaptacyjnych zapożyczeń (np. *romanista – романист*) bądź też być efektem regularnych zmian gramatycznych wspólnych niegdyś leksemów, które to zaszły już po rozpadzie języka prasłowiańskiego, a zatem na gruncie staropolszczyzny i/lub staroruszczyzny (np. zmiana rodzaju gramatycznego: *wieszcz – вещь*, przejście do innej kategorii leksykalnej: współcz. *puść* (inf.) ≤ stpl. *puści* (inf.) – współcz. *пусть* (part.) ≤ strus. *пусти* (inf.)).

Literatura

1. Grosbart, Z. О межъязычных омонимах / Z. Grosbart // Język rosyjski. – 1958. – Z. 6. – S. 49–53.
2. Kusal, K. Rosyjsko-polski słownik homonimów międzyjęzykowych / K. Kusal. – Wrocław, 2002.
3. Majewska, M. Homonimia i homonimy w opisie językoznawczym / M. Majewska. – Warszawa, 2002.
4. Rutkowski, K. Od leksykalnej homonimii międzyjęzykowej do paronimii / K. Rutkowski // Studia Wschodniosłowiańskie. – Białystok, 2013 [w druku].
5. Wojan, K. Wstęp do badań wieloznaczności leksemów w ujęciu kontrastywnym / K. Wojan. – Gdańsk, 2010.
6. Стасиньска, П. Межъязыковая омонимия в русско-польском сопоставлении / П. Стасиньска. – Зелена Гура, 1990.

Е.Ф. Троицкий (Смоленский государственный университет)

СРЕДСТВА ОТРИЦАНИЯ В СОЧИНИТЕЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ

(из словаря терминов для описания сочинительной конструкции)

Сочинительная конструкция отличается от подчинительной по многим параметрам. В предлагаемой статье называются ее некоторые особенности в выражении отрицания.

Отрицание как общий элемент встречается редко. Чаще всего отрицание *не* ставится при каждом равноправном компоненте. Однако существуют примеры типа:

Я впервые видел эту ночь не над Невой и дворцам Ленинграда, а среди северных лесистых пространств и озер (К. Паустовский).

Отрицательная частица *нет*, напротив, чаще всего выступает как общий член для всех равноправных компонентов, связанных союзом *ни...ни*. Например: *Нет ни света, ни тени* (Тургенев).

Отрицание как равноправный компонент отмечается в случае употребления частицы *нет*. Например:

Петр Васильевич не отвечал ни да, ни нет (Тургенев).

Повторяющаяся отрицательная частица при однородных членах – явление типичное. Например: *Снова замерло все до рассвета – / Дверь не скрипнет, не вспыхнет огонь* (М. Исаковский).

В отличие от предлогов, отрицательная частица очень редко выступает как неповторяющаяся. Частица *не* может повторяться и вместе с тем словом, к которому она относится. Например: *Ну, а я не такой / Убедительный, / Не такой, как мой друг, / Обходительный* (М. Исаковский).

Отрицательных союзов в русском языке не существует. На статус отрицательного союза претендует союз *ни...ни*. Однако против этого есть ряд сильных аргументов.

а) Как правило, отрицание в сочинительную конструкцию вносит не союз, а отрицательные частицы *не, нет*, слово категории состояния *нельзя*. Они употребляются при общем элементе. Например:

Против смерти ни человеку, ни твари не слукавить (Тургенев). *У нас нет ни дорог, ни торговли* (Тургенев). *Состояние его нельзя было назвать ни равнодушием, ни тупостью* (Тургенев). В сложном предложении употребление отрицания тоже обязательно. Например: *Назвать ее ни она не умела, ни я не мог* (Тургенев).

При частях сложносочиненного предложения возможен повторяющийся общий член с отрицанием, например *не был(а)*: *Ни Вязовин не был незаменимым чиновником, ни Верочка не была способна посвятить себя навек одному чувству* (Тургенев).

Без отрицания в общем члене союз *ни...ни* используется редко. Например: *Он ни дерзок, ни навязчив* (Тургенев).

Такое употребление союза без отрицания лингвисты называют устаревшим или даже неправильным.

б) Весьма показательно то, что отрицание используется как бы «в стороне» от самого соединения равноправных компонентов. Отрицательные частицы ставятся перед общим элементом, а не между равноправными компонентами и даже не в начале сочиненного ряда. Отрицание «действует» не в том месте, где прилагает свою силу союз *ни...ни*. В предложениях с разными типами связи равноправные части бывают связаны союзом, в то время как отрицание находится в общей для них части. Например: *Я не знаю, ни кто вы, ни кто он* (Тургенев).

Отрицание может стоять еще дальше от однородного ряда: оно занимает место даже не перед общим членом: Например: *Но перед идолами света / Не гну колена я мои, / Как ты, не знаю в нем предмета / Ни сильной злобы, ни любви* (Лермонтов).

в) Союз *ни...ни* очень близок по своей функции к союзу *и, особенно в его перечислительной функции и...и*. Часто это доказывается возможностью преобразования. Ср.:

Не сердись ни на меня, ни на мой педантизм (Тургенев). –

Не сердись на меня и на мой педантизм.

Ни Вязовин не был незаменимым чиновником, ни Верочка не была способна посвятить себя навек одному чувству (Тургенев). –

И Вязовин не был незаменимым чиновником, И Верочка не была способна посвятить себя навек одному чувству.

Из сказанного видно, что правы те лингвисты, которые говорят об *основном и неосновном* отрицании в конструкциях с союзом *ни...ни*. Основное отрицание (*не* и др.) бывает при общем элементе (и даже далее от сочиненного ряда, как было показано выше). Сам по себе союз вносит в конструкцию то, что характерно для союза в перечислительной функции: симультанный охват названного или что ничто не упущено из виду.

Список отрицательно-утвердительных союзов уже приводился в русской лингвистике. Однако, с одной стороны, авторы не претендуют на полноту предложенного списка, с другой стороны, предложенный список, возможно, сократится, когда исследователь подойдет вооруженным новыми сведениями о сочинительной конструкции.

Бесспорным отрицательными союзом является союз *не...а.*

Сочетаемость отрицания с союзами широкая. Отрицание бывает только в одном или нескольких равноправных компонентах; только в общем элементе, только в обобщающем элементе, или сразу в равноправных компонентах и общем элементе или обобщающем элементе. Такое отрицание бывает при союзах *и, да*, *ни...ни, то ли...то ли, не только...но и, а,* и др.

См. соответственно:

В Петербурге решили не огорчать заслуженного полковника, и ему дали пожизненное место коменданта в г. К. (А.И. Куприн).

Надо быть, даже и не встал бы, да сиделка очень уж за меня хлопотала (М. Горький).

Забору этому не было конца ни вправо, ни влево (А.И. Куприн).,

Глядя на него, не знаешь, то ли плакать, то ли смеяться (Юность 1978, № 1, с. 35).

Журнал важный и нужный, особенно в нашей глубинке, где возможностей купить новую книгу нет не только потому, что негде, но и потому, что даже не знаешь, что издано в последнее время (Наука и жизнь 1998, № 9, с. 12).

Почему-то многоумный Герцев не догадался стеснуть топором похабщину, а парень, выросший в каком-то Богом забытом поселке, пытался быть деликатным (В. Астафьев).

Место отрицательной частицы (слова, приставки, элемента союза) имеет принципиально важное значение. Отрицательно-утвердительный союз помечает своим отрицательным элементом тот фрагмент общей картины, который отвергается как ложный. Например: *Постепенно понимаешь, что жизнь – это не легенда, а борьба и радость, которая бывает довольно редко* (А. Калинин). Отрицательная связь с общим элементом бывает у того равноправного компонента, в котором содержится отрицание. Например: *Достаточно вспомнить, как последнее время она не находила себе места дома, металась между верандой и Доном, островом и верандой* (А. Калинин).

В конструкциях с союзом *ни...ни*. отрицание может стоять в любом месте общего элемента и даже вне его. Например: *Не понимая ни своих, ни чужих мыслей, заспорили они о предметах отвлеченных* (Тургенев).

Существуют и другие позиции отрицания в сочинительной конструкции. Все они представляют научный интерес со стороны связи плана выражения с планом содержания.

Слова с приставкой не в сочинительной конструкции достаточно часто имеют прямое отношение к сочинительной связи. Широко известен способ отграничения частицы *не* от приставки *не*. Ср.:

Он мне не приятель, а друг.– Неприятель занял выгодную для него позицию.

Соотносительность слов, имеющих в своем составе отрицательную приставку, с отрицательно-утвердительным союзом еще требует своего изучения.

Отрицание связи в сочинительной конструкции следует отличать от отрицания равноправного компонента. Отрицание связи между общим элементом и равноправными компонентами существует тогда, когда отрицание имеется в равноправном компоненте. Например: *Коля не рисовал и не читал.* В этом предложении отрицается связь между мальчиком Колей и действиями «рисовать» и «писать».

Такого отрицания связи (общего элемента с равноправными) нет в конструкциях с отрицательно-утвердительными союзами, потому что в них отвергается не связь, а сам равноправный компонент. Ср.: *Коля не рисовал и не читал. – Коля не рисовал, а читал.*

Отрицание в первом предложении предполагает какое-то занятие или времяпрепровождение: читал, рассказывал, гулял, играл и т.д. И это самое общее утверждение имеет смысл. Отрицание во втором предложении принципиально другое. В нем отвергается не только связь Коли с рисованием, но и рисование вообще, потому что на место этого ложного мнения собеседника ставится вполне определенное: Коля читал. Подтверждением этой мысли о разных видах отрицания (союзом и средствами равноправного компонента) и мысли о том, что отрицательно-утвердительный союз не выражает отрицательной связи между общим элементом и равноправным компонентом служит то, что эти два вида отрицания легко сочетаются друг с другом.

При анализе отрицательной связи между компонентами сочинительной конструкции важен и другой момент: отрицательная связь в сочинительной конструкции, видимо, существует только между общим элементом и равноправными компонентами. Ее нет между равноправными компонентами и обобщающим элементом. Например.: *Мы не жалели ничего: ни издержек, ни попечений* (Тургенев).

Наличие нескольких средств и способов выражения отрицания в сочинительной конструкции – явление достаточно частое. Эксплицитные средства выражения отрицания свободно сочетаются с имплицитными. Например: *Кныши хи не видать: то ли в хате, то ли нет дома* (В. Нестойко).

Здесь имплицитное средство выражения возможного отрицания выражается союзами *то ли...то ли*; эксплицитным средством выступает частицами *нет, не*.

Эксплицитных средств выражения отрицания может быть несколько. Самый интересный случай здесь – почти обязательное основное средство отрицания (частицей *не*, словом *нельзя* в общем элементе) и неосновное средство – союз *ни...ни*. Например: *Я не имею ни причины, ни желания противиться вашим намерениям* (Тургенев).

Т.Г. Трофимович
(Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка)

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ СТИЛИСТИКА ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ В АРГУМЕНТАЦИИ ИХ СТАТУСА В ПЕРИОД КОНЦА XIV – XVII ВЕКА

Известно, что в историческом языкознании традиционного толка период с конца XIV до конца XVII века считается временем существования самостоятельных восточнославянских языков донационального периода, которые возникли в результате распада древнерусского (общевосточнославянского) языка [1; 531]. Старорусский, старобелорусский и староукраинский языки стали языками трех братских восточнославянских народов, а время их существования рассматривается обычно как один их этапов истории современных русского, белорусского и украинского языков [2; 11].

Сложившееся в истории восточнославянских языков представление об их поэтапном развитии (древнерусский > старорусский, старобелорусский, староукраинский > русский, белорусский, украинский), как правило, у лингвистов принципиальных возражений не вызывает. Сами же термины с компонентом *старо-* предметом споров становятся нередко. Применительно к старобелорусскому языку оспаривается не только термин, но и сама сущность того, что он называет.

Термином *старобелорусский* в русской и белорусской лингвистической традициях называют язык, функционировавший в эпоху Великого княжества Литовского, в XV –XVII вв., генетически родственный восточнославянским языкам и имевший в качестве своего источника язык древнерусский. В течение почти двухсотлетней истории изучения письменного наследия ВКЛ упомянутый язык, кроме *старобелорусского,* назывался еще *белорусским* (Сопиков В.С.), *литовско-русским* (Кеппен И.П.), *руським* (Греч Н.И.)*, польско-русским* (Востоков А.Х.)*, западнорусским* (Коялович М.)*, древнезападно-польским, юго-западно-русским, южно-русским, юго-западнорусским позднего средневековья* (Виноградов В.В.), «*проста мова»,* он имел еще несколько названий, не получивших широкого распространения. Их полный свод в хронологическом порядке содержит работа В.Мякишева «Мовы» Великого княжества Литовского в единстве своих противоположностей» (Studio Russica XVIII; Budapest, 2000).

Можно предположить, что термин *старобелорусский* возник по аналогии с термином *старорусский*, называвшим русский язык соответствующего периода (XV–XVII вв.) и пришедшим на смену классическому термину *великорусский.* Термин *старорусский* в настоящее время активно используется и не оспаривается [2; 11].

Свое название язык должен получать в зависимости от того, черты языка какого этноса он фиксирует. В белорусистике последних десятилетий время возникновение самостоятельных восточнославянских народностей и их языков отодвигается к XIII в. «В XIII в. типичные белорусские языковые черты – явление уже обычное в полоцких и смоленских грамотах» [1; 532]. Следовательно, если удается доказывать, что многочисленные кириллические памятники письменности, созданные в эпоху ВКЛ, продолжают фиксировать в еще большем объеме «типичные белорусские языковые черты», их язык с уверенностью можно называть старобелорусским. К настоящему времени существует довольно большое количество исследований, посвященных языку памятников старобелорусской деловой письменности. Все они, начиная с работ Е.Ф.Карского, доказывают наличие в этом языке белорусских черт, белорусской диалектной основы. Причем эти черты распространяются на все языковые уровни [3; 187; 4; 5].

Исследователями отмечено, что «специфические белорусские черты проникали прежде всего в памятники канцелярско-юридического содержания» [1; 532]. Признавая это, современные издатели Статута Великого Княжества Литовского 1529 года предлагают называть язык, на котором он написан старобелорусским. Во вступительных материалах к тексту статута в главе «Язык Статута» авторы анализируют предлагавшиеся и предлагаемые названия и приходят к выводу: «Таким образом, остается наиболее приемлемым, хотя и в известной мере тоже условным, название этого языка – *старобелорусский,* по крайней мере, оно оправдано этнологически…» [6; 65].

Условность термина *старобелорусский* понятна: появился он значительно позже времени существования самого языка и претендует, думаем, не безосновательно, на прямолинейную связь с белорусским национальным языком. Б.А. Успенский в одной из своих работ по истории русского литературного языка замечает, что «просту мову» в Московской Руси могли называть литовским или белорусским языком [7; 65]. К сожалению, указания на памятники письменности, где это происходит, не содержится.

Как бы там ни было, полемику вокруг термина можно трактовать по-разному, чего не скажешь о признании факта существования в полилингвизме ВКЛ особого языка

«белорусской ориентации». Существует множество лингвистических аргументов в пользу признания факта, они не одно десятилетие накапливались в русистике и белорусистике. Остановимся на том, как на решение обозначенной проблемы могут повлиять достижения сравнительно-исторической стилистики – одного из актуальных направлений современного исторического языкознания.

Если понимать стиль как совокупность композиционных и языковых способов организации текстов определенного жанра (а именно к такому пониманию склоняются историки языка), то выявление в процессе сравнения и сопоставления старорусских и старобелорусских текстов сходных жанров различий в их стилистической организации будет доказывать самостоятельность отраженных в них языков. Анализу при этом должны быть подвергнут характер различий и их статус в системе стилеобразующих средств.

Работы по сравнительно-исторической стилистике русского и белорусского языков пока единичны. Обратимся к одной из них. В диссертационном исследовании О.А. Климкович «Язык и стиль русских и белорусских актовых документов XIV–XVI вв.» (Минск, 2013) впервые разработаны принципы сравнительно-сопоставительного лингвостилистического исследования, установлен один из возможных способов описания структурно-смысловой организации актовых документов, выявлена связь между жанром памятника и системой входящих в него лексико-фразеологических и синтаксических средств. О.А. Климович проанализировано в историко-стилистическом аспекте большое количество старорусских и старобелорусских памятников письменности, на основе анализа получены аргументированные и значимые выводы. Доказано, что синтаксическое своеобразие документов проявляется в функционировании средств связи, в способах выражения главных и второстепенных членов, в распространении отдельных структурно-семантических разновидностей предложений. Автор диссертационного исследования убедительно доказывает, что различия в структурно-смысловой организации актов обусловлены уровнем сформированности оформляющей и содержательной части. Отмечены различия в составе устойчивых единиц и т.д.

Таким образом, работа О.А. Климович доказывает перспективность сравнительно-исторических стилистических исследований, их значимость в том числе и в доказательстве самобытности старобелорусского языка. Если предположить, что работ подобного рода будет много, а исторической стилистике удастся осуществить значимые обобщения, то аргументы в пользу того, что старобелорусский язык не был территориальной разновидностью тогдашнего русского языка, что это был язык, кровно связанный с белорусским языком, появятся и на уровне стилистики.

В системе стилеобразующих средств свое место, как известно, занимают лексика и фразеология. В своих опубликованных работах по исторической фразеологии нам удалось доказать, что старорусская и старобелорусская фразеология существенно отличаются. Приведем еще некоторые наблюдения.

Нами было предпринято сопоставление разделов и глав Уложения 1649 года и соответствующих артыкулов Статута 1588 года, ставших, по мнению историков, их источниками. Такое сопоставление однозначно указывает на то, что язык, на котором написан Статут, существенно отличается от языка уложенной книги и что язык Статута содержит много черт, характерных для современного белорусского языка.

Так, источником главы V Уложения «О денежных мастерех, которые учнут делать воровские денги» является артыкул 17 первого раздела Статута «О фальшованью монеты, о мынцах и о золотарах». Практически полное содержательное соответствие текстов законов (речь идет о наказании за изготовление фальшивых денег) выливается в существенно отличающуюся языковую экспликацию. Например, в тексте Уложения используется большое количество субстантивно-атрибутивных бивербов фразеологи-

зированного характера: *мастер денежный, мастер золотых дел, мастер серебреных дел, деньги медные, деньги оловянные, деньги воровские, деньги укладные, дело денежное, дело золотое, дело серебреное.* В источнике вместо единиц со словом *мастер* используются слова *золотар, мынцар,* вместо бивербов со словом *деньги* – обобщенное название *монета.* Старобелорусский текст свидетельствует о том, что старорусская единица *учинить убытки* стала соответствием старобелорусского выражения *учинить шкоду,* а старобелорусский фразеологизм *на горле огнем карати* передается в старорусском тексте при помощи устойчивого словосочетания *казнити смертию* и свободного словосочетания *залити горло*, которое эксплицирует в тексте способ смертной казни.

Артыкул 16 раздела первого Статута «Хто бы листы або печати наши и врядовые фальшовал, чим маеть быти каран» стал источником главы IV Уложения «О подпищекех и которые печати подделывают». Сопоставление текстов позволяет выявить, например, такие соответствия: *старобел. лист – старорусск. грамота, фальшовать – подделывать, фальшовать – воровством наряжати, на кшталт руки нашое подписать – своим вымыслом подписать, горлом карати – казнити смертию* и т.д.

Сопоставительный анализ терминологических указателей к текстам Статута и Уложения тоже позволяет отметить их исключительное своеобразие. Так, например, в старобелорусском тексте используются следующие термины на букву *в: вазня, валька, варстат, варунок,* ***вдова****, вдовий столец, везенье, великий князь, вено, виж, вижованое,* ***вина****, внесение,* ***внук****, воевода, воеводство, вожы, возный, война, войский, вол, воланье, волока,* ***волость****,* ***воля****, вотум, вряд, врядник, втятье, вшетеченьство, выведанье, выналязок,* ***выпис****, выправа, вырок, выробок, выслуга, выступ, выступца, вязень.* В старорусском тексте находим следующие термины на *в: варница соляная,* ***вдова****, великая княгиня, вера, верные головы, верста, верстанье, вершенье,* ***вина****, винить съездом, виноватый, вину отдати,* ***внук****, воевода, воеводсто, воинские люди, война, волокита,* ***волость****,* ***воля****, вор, воротник, вотчина, вотчинник, вотчич, вотяки, вспуды, выбор, вывод, выгон, выимка корчемная, выимщик, выкуп, выписка,* ***выпись****, вытчик, выть.* Полные совпадения мы выделили жирным шрифтом, их немного. Налицо исключительное своеобразие словарных составов.

Таким образом, есть все основания считать, что рассмотрение старорусского и старобелорусского языков в аспекте сравнительно-исторической стилистики в состоянии стать существенным аргументом в доказательстве того, что это были вполне самостоятельные языки, функционировавшие в пределах разных государственных образований и генетически связанные с поздними русским и белорусским языками.

Литература

1. Беларуская мова. Энцыклапедыя / Пад рэд. А.Я.Міхневіча. - Мінск, 1994.
2. Колесов, В.В. История русского языка / В.В.Колесов. – М., 2005.
3. Журавский, А.И. Деловая письменность в системе старобелорусского литературного языка / А.И. Журавский // Восточнославянское и общее языкознание. – М., 1978.- С.180-193.
3. Паляшчук, Н.В. Мова “Трыбунала” (1586): Автореф. дис.. канд. филол. н. / Н.В. Паляшчук. - Мінск., 1999.
4. Плотнікаў, Б.А. Кароткая гісторыя беларускай мовы і мовазнаўства / Б.А.Плотнікаў. – Мінск, 2002.
5. Лазутка, С. Первый Литовский статут (1529) / С. Лазутко, И.Валиконине, Э.Гудавичюс и др. – Вильнюс, 2004.
6. Успенский, Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка / Б.А.Успенский. – М., 1994.

Н.А. Хомула (Сумской государственный университет)

ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ НАИМЕНОВАНИЙ ЖИЛИЩ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Жилище – важный культурный концепт в человеческом сознании, один из основных архетипов славянской культуры, являющийся отражением человека в пространстве. На протяжении всего своего существования человек стремился создать свое жилище, обустроить его, защитить от холода и непогоды. В каждом названии четко отражено отношение человека к своему жилищу. В «Словаре русского языка» представлена следующая дефиниция лексемы «жилище»: помещение для жилья: дом, квартира и т.п. [2; 485]. Словарный состав современного русского языка прошел длительный путь становления. Наша лексика состоит не только из исконно русских слов, но и из слов, заимствованных русским языком в разные периоды его существования из других языков. Иноязычные источники пополняли и обогащали русский язык на протяжении всего процесса его исторического развития. Одни заимствования были сделаны еще в древности, другие произошли сравнительно недавно (ср.: *изба* и *коттедж*, *хоромы* и *фазенда*, *дом* и *шале*).

Пополнение русской лексики на протяжении веков шло двумя путями:

1. Прямым путем, при котором новые слова создавались из имеющихся в языке словообразовательных элементов (корней, суффиксов, приставок). Так расширялась и развивалась исконно русская лексика.

2. Путем заимствования, при котором новые слова вливались в русский язык из других языков в результате экономических, политических и культурных связей русского народа с другими народами. Основной причиной заимствования иноязычной лексики признается отсутствие соответствующего понятия в когнитивной базе языка и необходимость выразить при помощи заимствованного слова русские реалии, пополнить выразительные средства языка и т. д.

Содержание картины мира отражается в лексической системе языка, так как слово, как строевой элемент языковой системы является когнитивной единицей, моделирующей определённые области объективной действительности. Согласимся с точкой зрения исследователя семантических универсалий А. Вежбицкой, которая считает, что "имеется весьма тесная связь между жизнью общества и лексикой языка, на котором он [человек] говорит" [1;263].

Концепт «жилище» и его языковая репрезентация исследовался в работах Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова, Ю.М. Лотмана, Ю.С. Степанова, В.Н. Топорова, Т.В. Цивьян, А.П. Чудинова, Е.С. Яковлевой и др., рассматривавших его с позиции культурологической и лингвистической значимости. Человек всегда оценивал действительность с точки зрения ее полезности для себя, и подобный антропоцентризм не мог не найти отражения в лексике [3;179].

Русское национальное жилище в традиционной культуре, широко бытовавшей ещё в конце XIX–начале XX веков, представляло собой сооружение из дерева – *избу*, построенную по срубной или каркасной технологии. Реже, на юге, строились каменные, глинобитные жилища. В подобном виде к настоящему времени почти не встречается, но его традиции сохраняются в архитектуре сельского жилища, а также в дачном строительстве. Основа русского национального жилища – *клеть*, прямоугольный крытый однокомнатный простой бревенчатый дом без пристроек (*сруб* или *хибара*).

Тематическая группа, объединяющая слова с архисемой «жилище», в русском языке довольно обширна. Ядро группы, несомненно, представлено лексемой *дом*, являющейся стилистически нейтральной языковой единицей. В центральной части России наиболее распространено название *изба*, в южной части России и на Украине – *хата*, в некоторых районах Сибири – *хоромы*, в казачьих станицах – *курень*.

Вот что пишет в своем словаре М.Р. Фасмер по поводу слова *изба*: русское – изба (уменьш. истопка), украинское – ізба, древнерусское – истъба (дом, баня), церковнославянское – истъба, болгарское – изба (землянка, хижина), сербохорватское – изба (комната, погреб), словенское (комната) – izba, jispa, jspa, jespica, древнечешское – jistba, jizdba, чешское (комната) – jizba, словацкое (комната) – izba, польское (комната, палата) – izba, верхнелужицкое – jstwa, stwa, нижнелужицкое – spa, полабское – jazba [4;120,121]. Это свидетельствует об общности происхождения приведенных лексем в славянских языках. Подтверждением этому может служить поговорка: *Всего дороже честь сытая да изба крытая.*

Хата – слово, заимствованное славянами из иранских языков, где оно обозначало дом земляночного типа (kata – дом, яма, персидское) [4; 226].

Хоромы – общеславянское слово. По происхождению является формой множественного числа древнерусского слова хоромъ с «дом, строение», старославянское – храмъ, храмина. Восходит к *chormъ, родственному древнеиндийскому *harmyam с «замок»; сочетание изменилось в древнерусское -оро- после развития полногласия [4; 265].

Слово *курень* встречается только в говорах южного наречия, где употребляется наряду с названием *хата*. Эта лексема также имеет соответствия в других языках: украинское курінь – «изба». Лексема заимствована из чагатайского (староузбекского) языка: kuran – лагерь [5;204]. Оценив себя на определенном уровне развития, человек начинает переносить свой взгляд на наиболее близкое, «личное» пространство, осмысливая его через призму восприятия большого «жилища» – мира в целом. Так появляются слова *землянка*, *пещера*, *хижина*, *шалаш* и др. Постепенно человек начинает думать о постоянном жилье, его обустройстве, удобстве, размерах. На смену *халупе*, *конуре*, *бараку*, *лачуге* приходят роскошные, а не просто удобные для жилья помещения: *пятикомнатная квартира*, *апартаменты*, *особняк*, *вилла*, *пентхаус*, *дуплекс*, *флэтхаус* и др.

Исследование значений лексем, обозначающих «жилище», позволяет говорить об их различной стилистической окраске. Среди нейтральных по употреблению слов можно выделить лексемы *дом*, *строение*, *изба*, *хата*, *флигель*, *гостиница*, *приют*, *корпус*, *пансионат*, *детдом* и др.

В русском языке немало слов, обозначающих «жилище», которые имеют «специальное» значение: *кубрик* (общее жилое помещение на судах для команды), *зимовье* (место или помещение, где зимуют, живут или останавливаются зимой), *заимка* (отдельная усадьба, а также небольшой посёлок за пределами основного селения – обл.), *палатка* (временное, обычно летнее помещение из непромокаемой плотной ткани или шкуры), *дача* (загородный дом для летнего отдыха городских жителей), *карцер* (помещение для временного одиночного заключения лиц, провинившихся в чём-либо), *камера* (помещение специального назначения в некоторых учреждениях), *бункер* (специально оборудованное подземное укрытие, убежище). Как правило, подобные лексемы обозначают временное жильё.

Для названия дорогих жилых помещений в переносном значении могут употребляться слова *дворец*, *замок*, *терем*, *хоромы*, *Царские палаты*, *чертог*, *шатёр*.

Такие названия жилищ часто встречаются в песенном и поэтическом жанрах (*Соглашайся хотя бы на рай в шалаше*, *Если терем с дворцом кто-то занял*. – В. Высоцкий).

Негативную оценочную окраску в результате метафорического переноса приобретают слова, заимствованные из мира животных и употребляющиеся в разговорном стиле: *скворечник* (помещение для жилья очень маленьких размеров), *свинарник*, *коровник*, *хлев*, *конюшня* (грязное, неопрятное, неприбранное помещение), *будка* (небольшое помещение), *сарай* (большое, неуютное, неблагоустроенное жилище, помещение), *клоповник* (помещение, в котором много клопов), *конура* (тесное, тёмное, грязное помещение, жильё) [2,II – 60, 95.98; IV – 29,49, 603].

Коннотативное значение в подобных словах проявляется очень ярко. Оно наблюдается также в заимствованных из разных языков словах, употреблённых в переносном, зачастую ироничном, шутливом смысле: *вигвам*, *чум*, *юрта*, *сакля*, *бунгало*, *яранга* (ср., например: *В твоём однокомнатном бунгало стало тесно*).

В лексический состав тематической группы «жилище» входят слова, созданные с помощью русских словообразовательных элементов или путём аббревиации: *землянка*, *общежитие*, *богадельня*, *мазанка*, *зимовка*, *небоскрёб*, *хоромина*, *подземелье*, *ДОС*; в незначительном количестве группа представлена лексемами, образованными от русских собственных имён: *сталинка*, *хрущёвка*.

В настоящее время тематическая группа «жилище» продолжает развиваться и активно пополняться за счёт заимствований из английского языка. На рынке столичной городской и загородной недвижимости можно найти около десятка типов разного жилья, комфортабельного, роскошного и удобного для проживания одной или нескольких семей. Кроме обычных *коттеджей* появляются *твинхаусы*, *квадрохаусы*, *дуплексы*, *британхаусы*, *таунхаусы*, *лейнхаусы, форплексы.*

Таким образом, проведенное исследование названий жилищ в русском языке свидетельствует о национальной специфике языковых реалий, связанных с именованием строений, зданий, жилищ, что обусловлено их исторической ролью, назначением, архитектурным своеобразием и другими культурными факторами, и позволяет сделать вывод о трёх путях формирования названий жилищ:

- образование новых слов разными словообразовательными способами (в подавляющем большинстве – при помощи суффиксов);
- заимствования из других языков в разные исторические периоды;
- метафорический перенос.

Литература

1. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. Семантические универсалии и описание языков /Пер. с англ. А. Д. Шмелева / под ред. Т. В. Булыгиной. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С.263-305.
2. Словарь русского языка: В 4-х т. /АН СССР, Ин-т рус. яз. / [под ред.А. П. Евгеньевой].– М.: Русский язык, 1985 – 1988. Т. 2. К – О. – 1986. – 736 с. Т. 4. С – Я. – 1988. – 800 с.
3. Телия, В.Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира / В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1988. – С. 173-203.
4. Фасмер, М.Р. Этимологический словарь русского языка: Пер. с нем. (с доп.) / М.Р. Фасмер. – М.: Прогресс, 1964 – 1973. Т. 2. – 1967. – 671 с. Т. 4. – 1973. – 855 с.
5. Цыганенко, Г.П. Этимологический словарь русского языка / Г.П. Цыганенко. – Киев : Рад.шк., 1989. – 511с.

II. ПРАБЛЕМЫ САЦЫЯ-, ПСІХА-, ФУНКЦЫЯНАЛЬНАЙ І КАМУНІКАТЫЎНАЙ ЛІНГВІСТЫКІ

Н.К. Архіпава (Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава)

СЛОВАЎТВАРЭННЕ НАЗОЎНІКАЎ СА ЗНАЧЭННЕМ ’НАЗВЫ АСОБЫ ПАВОДЛЕ СПЕЦЫЯЛІЗАВАНАЙ І ІНШАЙ ПРАЦОЎНАЙ ДЗЕЙНАСЦІ Ў СФЕРЫ ПРАМЫСЛОВАЙ ВЫТВОРЧАСЦІ’

У беларускім мовазнаўстве паслядоўнае вывучэнне словаўтваральных асаблівасцей асабовых назваў пачалося з сярэдзіны дваццатага стагоддзя. У распрацоўку праблем утварэння асабовых назваў унеслі ўклад наступныя навукоўцы: Г.А. Арцямёнак, В.А. Бекіш, В.Л. Варановіч, П.В. Вярхоў, М.Р. Гарбачык, У.М. Генкін, Б.І. Касоўскі, С.С. Кацэвіч, С.С. Клундук, М.М. Круталевіч, М.Н. Крыўко, А.А. Лукашанец, В.А. Ляшчынская, А.А. Мачалава, Г.М. Мезенка, М.А. Паўленка, У.Т. Піскун, В.І. Сянкевіч, П.У. Сцяцко, В.Б. Хацкевіч і інш.

Між тым, нельга сказаць, што асноўныя пытанні, звязаныя з утварэннем назоўнікаў са значэннем асобы, разгледжаны з дастатковай ступенню паўнаты і канкрэтнасці. Як правіла, рамкі даследаванняў абмежаваны пэўнымі тыпамі, спосабамі, катэгорыямі. Мэта дадзенай працы – апісаць словаўтварэнне назоўнікаў з семантычнай прыметай ‘назва асобы паводле спецыялізаванай і іншай працоўнай дзейнасці ў сферы прамысловай вытворчасці’. Матэрыялам для даследавання паслужылі матываваныя назоўнікі адсубстантыўнага ўтварэння, атрыманыя шляхам суцэльнай выбаркі з Тлумачальнага слоўніка беларускай мовы [6] і Беларуска-рускага слоўніка [1].

Мы ў сваім даследаванні будзем браць за аснову сістэму словаўтваральных катэгорый, прапанаваную прафесарам А.А. Лукашанцам. У заяўленай даследчыкам сістэме словаўтваральных катэгорый нас цікавіць словаўтваральная катэгорыя ‘назвы асобы паводле прадметнай прыметы’[5, 66].

Калі прызнаваць іерархічны характар арганізацыі сістэмы словаўтварэння, мэтазгодна, на нашу думку, вылучаць словаўтваральныя катэгорыі двух узроўняў: словаўтваральныя катэгорыі першага ўзроўню і словаўтваральныя катэгорыі другога ўзроўню. Прапанаваныя А.А. Лукашанцам словаўтваральныя катэгорыі, мы будзем адносіць да катэгорый першага ўзроўню, бо кожная з іх “… можа разглядацца як адзінка словаўтваральнай семантыкі больш высокай ступені абстрагаванасці …” [5, 61]. Абагульненасць, абстрактнасць, характэрныя словаўтваральнай катэгорыі ‘першага ўзроўню’, робяць яе найбольш удалай адзінкай для апісання матэрыялу, але не адзінай. Для больш глыбокага пранікнення ў словаўтваральную семантыку вытворнага слова мы лічым неабходным выдзеліць словаўтваральныя катэгорыі другога ўзроўню, якія і ўтвараюць катэгорыі больш высокага (першага) ўзроўню. “Калі … ведаць ансамбль кампанентаў і адносіны, якія паміж імі існуюць, то вышэйшыя ўзроўні можна вывесці з гэтых кампанентаў” [2, 24]. Словаўтваральныя катэгорыі другога ўзроўню можна суадносіць з мінімальнымі сэнсамі, якія, услед за Г.А.Уфімцавай, мы будзем называць “семантычная прымета”. Пад “семантычнай прыметай”, на нашу думку, неабходна разумець “адлюстраванне ў свядомасці носьбітаў мовы розных рыс, якія аб’ектыўна ўласцівы дэнатату або яны яму прыпісваюцца дадзеным моўным асяроддзем і, адпаведна, яны з’яўляюцца аб’ектыўнымі па адносінах да кожнага, хто гаворыць” [3, 95].

У словаўтваральнай катэгорыі ‘назвы асобы паводле прадметнай прыметы’ (першы ўзровень), па нашым меркаванні, можна вылучыць 15 семантычных груп вытворных слоў (другі ўзровень). Напрыклад, ‘назва асобы паводле грамадскіх, палітычных,

навуковых, рэлігійных і іншых накірункаў, плыняў', 'назва асобы паводле спецыялізаванай і іншай працоўнай дзейнасці ў сферы прамысловай вытворчасці', 'назва асобы ў навуковай сферы', 'назва асобы ў сферы медыцыны' і іншыя.

Семантычная прымета 'назва асобы паводле спецыялізаванай і іншай працоўнай дзейнасці ў сферы прамысловай вытворчасці' самая шматлікая ў словаўтваральнай катэгорыі 'назвы асобы паводле прадметнай прыметы' (прыкладна 650 лексічных адзінак) і напаўняецца асабовымі назоўнікамі мужчынскага і жаночага роду. Колькасць жаночых і мужчынскіх найменняў прыкладна аднолькавая.

Мужчынскія намінацыі. Утвараюцца такія дэрываты, ў асноўным, суфіксальным спосабам. Найбольш распаўсюджаны ў сучаснай беларускай мове найменні з фармантамі:1) **-нік** (*абутак → абут**нік***, *булка → булач**нік*** і інш.), **-чык**(**-шчык**) (*абоі → абой**шчык**, арматура → арматур**шчык***, *ваганетка → ваганет**чык*** і інш.). Матывавальнымі асновамі для дэрыватаў з гэтымі суфіксамі выступаюць нематываваныя і матываваныя асновы агульных назоўнікаў мужчынскага, жаночага, ніякага роду і множналікавых назоўнікаў (Pluralia tantum); 2) **-іст**(**-ыст**) (*грэйдар → грэйдар**ыст***, *машына → машын**іст*** і інш.), **-ар**(**-яр**) (*бляха → блях**ар**, шкло → шкл**яр*** і інш.). Матывавальнымі асновамі для намінацый з суфіксамі **-іст**(**-ыст**), **-ар**(**-яр**) з'яўляюцца нематываваныя і матываваныя асновы неасабовых агульных назоўнікаў мужчынскага, жаночага і ніякага роду; 3) **-ер**(**-ёр**) (*вахта → вахц**ёр**, док → док**ер*** і інш.), **-авік**(**-явік**) (*мост → маст**авік**, пуць → пуц**явік*** і інш.), **-аўшчык** (*аўтакран → аўтакран**аўшчык**, дах → дах**аўшчык*** і інш.). Субстантывы з пералічанымі вышэй суфіксамі матывуюцца нематываванымі і матываванымі асновы неасабовых агульных назоўнікаў мужчынскага і жаночага роду.

Найменш распаўсюджаны ў сучаснай беларускай мове найменні з фармантамі: 1) **-альшчык** (*інструмент → інструмент**альшчык**, строп → строп**альшчык***), **-ец** (*аўтазавод → аўтазаводз**ец**, арсенал → арсенал**ец***). Дэрываты на **-ец**, **-альшчык** матывуюцца нематываванымі і матываванымі асновамі неасабовых агульных назоўнікаў мужчынскага роду; 2) **-ік** (*валюшня → валюшн**ік**, мытня → мыт**нік*** і інш.), **-атар** (*навігацыя → навіг**атар**, стандартызацыя → стандартыз**атар***). Дэрываты з суфіксамі **-ік, -атар** матывуюцца нематываванымі і матываванымі асновамі неасабовых агульных назоўнікаў жаночага роду.

Адзінкавымі прыкладамі прадстаўлены назоўнікі мужчынскага роду з фармантамі: **-ір** (*брыгада → брыгадз**ір***), **-ельнік** (*вапна → вап**ельнік***), **-альнік** (*золатаздабыча → золатаздабыв**альнік***), **-арыус** (*архіў → архіў**арыус***), **-ор** (*мантаж → мантаж**ор***), **-чанін** (*завод → завад**чанін***), **-аўнік** (*варта → варт**аўнік***), **-ац** (*дазор → дазор**ац***), **-мен** (*бар → бар**мен***), **-еец** (*пуць → пуц**еец***), **-вец** (*дэпо → дэпо**вец***), **-овік** (*промысел → прамысл**овік***), **-аль** (*строп → строп**аль***),**-авец** (*мартэн → мартэн**авец***). Такія намінацыі матывуюцца асновамі нематываваных і матываваных неасабовых і асабовых агульных назоўнікаў мужчынскага, жаночага і ніякага роду.

Іншыя спосабы ўтварэння мужчынскіх адсубстантыўных найменняў семантычнай прыметы 'назва асобы паводле прафесіі ў сферы прамысловай вытворчасці' рэалізуюцца праз тры лексічныя адзінкі нульсуфіксальнага (*металургія → металург, піратэхніка → піратэхнік, тэхналогія → тэхнолаг*) і дзве намінацыі прыставачна-суфіксальнага (*капёр → **за**капёр**шчык**, лес → **па**лясо**ўшчык***) спосаба ўтварэння. Дэрываты матывуюцца нематываванымі і матываванымі асновамі неасабовых агульных назоўнікаў мужчынскага і жаночага роду.

Асобныя дэрываты гэтай семантычнай прыметы могуць быць суаднесены з прыметнікавымі або дзеяслоўнымі асновамі (*атамны → атамнік, заказваць → заказчык, зрэзаць → зрэзчык, медны → меднік* і інш.).

Некаторыя назоўнікі мужчынскага роду маюць сінанімічныя адпаведнікі, якія матывуюцца адной словаўтваральнай базай, а фарманты ў іх розныя (*алей → алей**шчык*** і *алей**нік**, архіў → архіў**арыус*** і *архіў**іст**, пуць → пуц**еец*** і *пуц**явік**, парфум → парфум**ер*** і *парфум**шчык*** і інш.).

Жаночыя намінацыі пазначанай вышэй семантычнай прыметы спалучаюць мутацыйнае значэнне ’асоба паводле прадметнай прыметы’ – ‘жанчына да таго, хто названы матывавальным словам’ і дадатковае мадыфікацыйнае значэнне ’жаночасці’ – ‘асоба жаночага полу’ і ўтвараюцца толькі суфіксальным спосабам. Найбольш прадуктыўным для ўтварэння фемінінатываў семантычнай прыметы ‘назва асобы паводле спецыялізаванай і іншай працоўнай дзейнасці ў сферы прамысловай вытворчасці’ з’яўляецца суфікс **-шчыц-а** (прыкладна 140 лексічных адзінак) (*паліроўшчык → паліроў**шчыц**а, шпаклёўшчык → шпаклёў**шчыц**а* і інш.).

Менш пашыраны намінацыі з фармантамі: **-к-а** (*муляр → мулярк**а**, сувязіст → сувязістк**а*** і інш.), **-льшчыц-а** (*разразальшчык → разразальшчыц**а**, падавальшчык → падавальшчыц**а*** і інш.), **-ніц-а** (*падзённік → падзённіц**а**, панчошнік → панчошніц**а*** і інш.), **-чыц-а** (*абкатчык → абкатчыц**а**, разгрузчык → разгрузчыц**а*** і інш.), **-ых-а** (*дворнік → дворнічых**а**, ткач → ткачых**а*** і інш.), **-аўшчыц-а** (*вагаўшчык → вагаўшчыц**а**, лямпаўшчык → лямпаўшчыц**а***), **-альшчыц-а** (*стрыгальшчык → стрыгальшчыц**а**, інструментальшчык → інструментальшчыц**а***), **-іц-а** (*вышукальнік → вышукальніц**а**, многастаночнік → многастаночніц**а*** і інш.).

Адзінкавыя прыклады жаночых найменняў суфіксальнага ўтварэння – **-льніц-а** (*сартавальнік → сартавальніц**а**),* **-аўніц-а** (*вартаўнік → вартаўніц**а***).

Усе жаночыя дэрываты семантычнай прыметы ‘назва асобы паводле спецыялізаванай і іншай працоўнай дзейнасці ў сферы прамысловай вытворчасці’ ўтвораны ад асноў нематываваных і матываваных асабовых назоўнікаў мужчынскага роду. Намі знойдзены дзве намінацыі, якія матывуюцца неасабовым назоўнікам жаночага роду (*бабіна → бабіна**жніц**а* ‘работніца, якая наглядае за бабінамі’*, варта → варта**ўніч**ка* ‘жанчына, якая прыбірае школу і наглядае за ёю; тэхнічка’). Мужчынскіх намінацый да гэтых фемінінатываў у крыніцах даследавання мы не выявілі.

Такім чынам, семантычная прымета ‘назва асобы паводле спецыялізаванай і іншай працоўнай дзейнасці ў сферы прамысловай вытворчасці’ў сучаснай беларускай мове рэалізавана назоўнікамі жаночага і мужчынскага роду са значэннем персанальнасці, утварэнне якіх адпавядае граматычным мадэлям (граматычная мадэль – гэта схема ўтварэння слова з улікам часцінамоўнай прыналежнасці і класіфікацыйных граматычных катэгорый матывавальнага і матываванага слоў [4, 10]) **N. неадуш. ж. → N. адуш. м., N. неадуш. м. → N. адуш. м., N. неадуш. н. → N. адуш. м., N. неадуш. Pl.t. → N. адуш. м., N. неадуш. ж.→ N. адуш. ж., N. адуш. м. → N. адуш. ж.**

Літаратура

1. Беларуска-рускі слоўнік: у 2 т. / АН БССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа; рэд. К. К. Атраховіч (Кандрат Крапіва). – 2-е выд., перапрац. і дап. – Мінск: БелСЭ, 1988 – Т. 1. – 813 с.; 1989. – Т. 2. – 748 с.
2. Берталанфи фон Л. История и статус общей теории систем/ Берталанфи фон Л. // Системные исследования: ежегодник. – М.: Наука, 1973. – С. 24.
3. Гак, В. Г. К проблеме гноселогических аспектов семантики слова / В. Г. Гак // Вопросы описания лексико-семантической системы языка: Тез. док. – М.. 1971. – Ч. 1. – С. 95.
4. Лукашанец, А. А. Граматычны аспект славянскага словаўтварэння / А. А. Лукашанец. – Мінск: Права і эканоміка, 1998. – С. 10.
5. Лукашанец, А.А. Словаўтварэнне і граматыка / А. А. Лукашанец. – Мінск: Права і эканоміка, 2001. – С. 66.
6. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т.(6 кн.). – Мінск: БелСЭ, 1977–1984.

Г.А. Арцямёнак (Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава)

ПОЛЬСКІ ГРАМАТЫЧНЫ ЎПЛЫЎ НА СУЧАСНУЮ БЕЛАРУСКУЮ ЛІТАРАТУРНУЮ МОВУ

Беларуская літаратурная мова з самага пачатку свайго фарміравання знаходзілася пад моцным уздзеяннем заходняй мовы-суседкі, што было заканамерна абумоўлена шэрагам сацыяльна-гістарычных фактараў. Цесныя моўныя кантакты ў блізкіх культурных арэалах, а затым і ў межах адзінай дзяржавы спрыялі актыўнаму ўзаемапранікненню сродкаў, мадэлей і элементаў блізкароднасных моў на розных структурных узроўнях. Як адзначаюць даследчыкі, “у канцы XVI – пачатку XVII ст. беларуская літаратурна-пісьмовая мова была больш блізкая да польскай, чым да царкоўнаславянскай” [1; 5]. Найбольш выразна польскамоўны ўплыў выявіўся ў лексіцы як самай зменлівай і адчувальнай да знешніх уздзеянняў сферы. Разам з тым у старабеларускі перыяд назіраецца актыўнае пранікненне ў пісьмовую мову марфалагічных і сінтаксічных паланізмаў, што стала аб’ектам пільнага вывучэння беларускіх і замежных даследчыкаў (Я. Карскі, А. Мартэль, А. Жураўскі, У. Свяжынскі, Т. Ясіньска-Соха, С. Якаўлеў і інш.).

На пачатку XX стагоддзя, калі ішло актыўнае фарміраванне нацыянальнай літаратурнай мовы беларускага народа, польскамоўны ўплыў яшчэ заставаўся магутным знешнім фактарам яе станаўлення. Гэта яскрава адбілася на літаратурна-моўнай практыцы тагачасных беларускіх адраджэнцаў, на мове “Нашай нівы”, а таксама на першай спробе кадыфікацыі літаратурнага стандарту – так званай “тарашкевіцы”. Увогуле тарашкевіцкі стандарт шмат у чым якраз і арыентаваны на польскую традыцыю, у адрозненне ад афіцыйнага, які грунтуецца на актыўным перайманні рускамоўнай арыентацыі.

У савецкі перыяд, калі адбылася кардынальная змена кірунку іншамоўнага ўздзеяння і дамінантай развіцця беларускай літаратурнай нормы стала набліжэнне да рускай мовы, польскамоўны ўплыў паступова быў зведзены да мінімуму і перастаў колькінебудзь выразна адчувацца на ўсіх моўных узроўнях. Такое становішча з адноснай стабільнасцю захоўвалася прыкладна да сярэдзіны 80-х гадоў XX стагоддзя, калі ў беларускай лексіцы і граматыцы сталі назірацца некаторыя прынцыпова новыя з’явы, абумоўленыя найперш зрухамі ў грамадскім жыцці. На фоне глабальнай інтэрнацыяналізацыі (дакладней вестэрнізацыі) слоўнікавага складу ў некаторай ступені нечакана ажывіўся паланістычны трэнд. Ён быў пазначаны ўвядзеннем у актыўны ўжытак вялікай колькасці лексічных паланізмаў (тыпу *амбасада, выстава, імпрэза, наклад, перыёдык, радавод, стасунак, унёсак, цікавостка, выбітны, культуровы*), структурных калек (*выбарац, выкшталцонасць, выступовец, дабрачынец, моўнік, размоўца, супраца*) і нейтралізацыяй стылістычна маркіраваных лексем польскага паходжання (*вайсковец, высілкі, гарбата, кавярня, паганства, паходня, чыннік* і да т.п.).

Польская лексіка стала актыўна ўводзіцца ва ўжытак сучаснымі палітыкамі, журналістамі, пісьменнікамі, некаторымі мовазнаўцамі. Аднак ажыўленне польскага ўплыву не абмежавалася лексічным узроўнем мовы. Запазычванне іншамоўнай лексікі, як вядома, самы наглядны, непасрэдны і хуткі від моўных кантактаў, але і самы павярхоўны, наўпрост абумоўлены зменамі ў грамадстве. Што да граматычнага ладу, то ў сілу сваёй устойлівасці да сацыяльных зрухаў змены ў граматыцы носяць больш глыбінны, унутрымоўны характар, што ў сваю чаргу патрабуе разглядаць граматычныя запазычанні як сведчанне сур’ёзных трансфармацый у моўнай свядомасці карыстальнікаў.

Можна адзначыць наступныя разнавіднасці польскага ўплыву у марфалогіі.

1. Змена граматычнага значэння мужчынскага роду на жаночы ў некаторых назоўніках: *заля, кляса, тэза, філія.* Пры гэтым змена характару асновы ўплывае на

флексійную парадыгму: *…у судовай зал**і*** (Наша ніва, 08.07.09, с. 2); *…пойдзе ў дзявятую кля-с**у*** (http://nn.by/?c=ar&i=113922. Дата доступу да ўсіх інтэрнэт-рэсурсаў: 14.10.2013).

2. Граматычнае афармленне пры дапамозе канчатка *-а* назваў асоб мужчынскага роду, у выніку чаго перавага аддаецца польскаму паводле паходжання суфіксу *-ц(а)*: *абаронца, вядоўца, выступоўца, даўца, збаўца, злачынца, знаўца, кіроўца, пераможца, спадкаемца, творца.*

3. Пашырэнне канчатка *-у (-ю)* ў родным склоне назоўнікаў мужчынскага роду, якія называюць канкрэтныя аб'екты: *банку, вобразу, году, гораду, з'езду, інстытуту, камітэту, клубу, матчу, народу, нумару, палацу, панядзелку, плану, праекту, рэгіёну, суду, універсітэту, факультэту; Віцебску, Еўрасаюзу, Іраку, Ірану, Лондану, Мінску, Полацку, Савецкага Саюзу, Судану.*

4. Скланенне традыцыйна нязменных запазычаных назоўнікаў. Параўн. пераклад назвы кнігі М. Эдэльмана і П. Савіцкай "У *геце* было і каханне" (з польскай) або казкі Г. Кірогі "Панчохі для *фламінгаў*" (з іспанскай). У гутарковым і публіцыстычным маўленні распаўсюджаны іранічны выраз-клішэ *"кіна не будзе"* (зрэшты, апошняе тлумачыцца хутчэй прагматычнымі фактарамі, чым польскім уплывам).

У сферы сінтаксісу польскамоўны ўплыў найбольш выразна праявіўся ў пашырэнні шэрагу спецыфічных канструкцый.

1. У састаўным іменным выказніку (канструкцыі ідэнтыфікацыі) у цяперашнім часе ўжываецца дзеяслоў-звязка *ёсць*, а прызвязачны кампанент выражаны творным склонам іменнай часціны мовы (прыклады з кнігі: Н. Мячкоўская. Мовы і культура Беларусі: Нарысы. Мн., 2008). *Пераход на мову за межамі сваёй групы ёсць у пэўнай ступені выклікам і дэманстрацыяй сваёй асобнасці…* (с. 30). *"Цень" ад больш моцнай культуры, у якасці чынніка, што стрымліваў развіццё суседняй больш слабой культуры, ёсць значным фактарам і для беларуска-рускіх узаемадзеянняў…* (с. 35). *…Расія ёсць інтэрнацыянальнай краінай…* (с. 38). *Менавіта суверэнітэт ёсць падмуркам і для захавання самабытнай культуры, і для захавання і адраджэння мовы* (с. 40).

2. Ужыванне ў якасці звязкі ў састаўным выказніку дзеяслова *мець* са значэннем неабходнасці, абавязковасці або магчымасці: *мае прайсці, меў пачацца* і інш. *Дыскусія **мае быць** цікавай – вось толькі ці варта чакаць канкрэтных вынікаў?* (ЛіМ, 04.10.13, с. 5). *"Чыжоўка-арэна" ўзводзіцца на поўдні Мінска ў аднайменным мікрараёне да чэмпіянату свету па хакеі, які **мае прайсці** ў Мінску з 9 па 25 мая 2014г.* (http://nn.by/?c=ar&i=115718).

3. Канструкцыя *браць (узяць) удзел:*

*28 мая … пройдзе прэзентацыя спецыяльнага нумару часопісу ARCHE, прысвечанага БНР. **Удзел бяруць** рэдактар часопіса Валер Булгакаў, а таксама гісторыкі Алесь Пашкевіч і і Андрэй Чарнякевіч* (Наша ніва, 13.05.09, с. 1). *Актыўны **ўдзел** у форуме ["Залаты шлягер-2013"] **возьмуць** беларускія калектывы…* (ЛіМ, 04.10.13, с. 1). *Беларускія кнігавыдаўцы **ўзялі ўдзел** ва ўрачыстым закрыцці выстаўкі і былі адзначаны дыпломам* (ЛіМ, 04.10.13, с. 2). *Ён [стары дом] **браў удзел** ва ўсіх яе [дзяўчынкі] гульнях і забаўках…* (ЛіМ, 04.10.13, с. 7).

4. Канструкцыя *па* + месны склон:

*Ужо **па сканчэнні** саміту Міністэрства замежных спраўаў заявіла, што "Дэкларацыя "Усходняга партнёрства" адпавядае нацыянальным інтарэсам Беларусі"* (Наша ніва, 13.05.09, с. 1). ***Па сканчэнні** залевы праспект перакрылі каля парка Чалюскінцаў супрацоўнікі ДАІ* (http://nn.by/?c=ar&i=112595). ***Па завяршэнні** сваёй кар'еры Рафаэль Пуарэ пачаў трэнерскую ў Нарвегіі…* (http://nn.by/?c=ar&i=72293).

5. Канструкцыя з прыназоўнікам *праз* са значэннем прычыны: *супрацоўніцтва **праз запатрабаванасць; праз абвастрэнне** стасункаў Латушку некалькі разоў*

выклікалі для кансультацый у Мінск (Наша ніва, 10.06.09, с. 1). *МНС апублікавала фоты электрашчыта, **праз які** сёння спынілася метро* (http://nn.by/?c=ar&i=115620).

6. Канструкцыя з прыназоўнікам *ад* з часавым значэннем: *ад абеду, ад пачатку, ад 1991 г., ад развалу Савецкага Саюзу.*

*“Наша ніва” з’яўляецца ў кіёсках у Мінску ў сераду **ад абеду**… **Ад 1 кастрычніка** можа падаражэць бензін…* (http://nn.by/?c=ar&i=80549).

7. Канструкцыя з тэмпаральным значэннем *у часе: у часе матчу, параду, суду, шэсця, шторму, дажджоў. **У часе Бостанскага марафону** прагрымелі два выбухі* (http://nn.by/?c=ar&i=108220).

8. Канструкцыя з прыназоўнікам *цягам* (у спалучэнні з родным склонам): *твор пісаўся **цягам 15 гадоў*** (ЛіМ, 04.10.13, с. 3). Уяўляе сабой структурна-сэнсавую кантамінацыю польскіх выразаў (параўн. *w ciągu tygodnia, jednym ciągiem*). *У ЗША навучыліся рабіць хлеб, які не пакрываецца цвіллю **цягам 60 дзён*** (http://nn.by/?c=ar&i=101375). *Жыхарам Валожынскага раёна строга забаронена трымаць свіней **цягам паўгода*** (http://nn.by/?c=ar&i=112475).

9. Канструкцыя *апекавацца (кім, чым). Ён [стары дом] нязменна **апекаваўся ёю** [дзяўчынкаю] і пільна сачыў…* (ЛіМ, 04.10.13, с. 7). *Жанчыны ведалі, што іх абавязак – **апекавацца домам…*** (http://nn.by/?c=ar&i=24074). *Зразумела, што ён [музей] павінен **апекавацца дзяржавай*** (http://nn.by/?c=ar&i=33467). *А за сядзібу не хвалюйцеся – тут ёсць каму, акрамя вас, за яе хваляваццa і **ёю апекавацца*** (http://nn.by/?c=ar&i=105116&lang=ru).

Безумоўна, марфалагічныя і сінтаксічныя паланізмы не з’яўляюцца адметнай рысай усіх без выключэння беларускамоўных выданняў і электронных рэсурсаў, тым не менш гэтыя моўныя факты дастаткова частотныя і выяўляюць імкненне да пашырэння, балансавання на мяжы “рухомай нормы”. Сучаснай беларускай літаратурнай мове ў пэўнай ступені характэрна тэндэнцыя да “элітарызацыі” і паступовага аддалення ад мовы асноўнай масы насельніцтва, што выяўляецца як у згуртаванні па моўнай прыкмеце параўнальна вузкага кола носьбітаў, так і ў актывізацыі нацыянальна-пурыстычных асаблівасцей. Літаратурнай мовай сёння карыстаецца пераважна гуманітарная інтэлігенцыя, прафесійна звязаная з беларускай філалогіяй ці гісторыяй: настаўнікі і выкладчыкі, навукоўцы, пісьменнікі, журналісты, а таксама нацыянальна ангажаваныя палітыкі і грамадскія дзеячы дэмакратычнага кірунку ды арыентаваная на беларушчыну, патрыятычна настроеная моладзь.

Беларуская нацыянальная эліта падкрэслена словацэнтрычная, яна ўдзяляе павышаную ўвагу дакладнаму выбару слова, яго свежасці, арыгінальнасці і асабліва – непадобнасці на рускі эквівалент з прычыны актыўнага супрацьстаяння рускамоўнаму асімілятарскаму ўплыву. Менавіта свядомае “адштурхоўванне” ад рускай мовы сёння з’яўляецца асноўнай прычынай пашырэння польскага лексічнага і граматычнага ўздзеяння. Пры гэтым небяспека паланізацыі зусім не здаецца моўнікам рэальнай і істотнай. “…У познія пісьмовыя эпохі да сацыяльных фактараў, што вызначаюць вектары і сілы ўзаемаўплыву моў, дадаюцца нацыянальная і лінгвістычная ідэалогіі” [2; 151]. Відавочна, што многія прадстаўнікі беларускамоўнай інтэлігенцыі падсвядома ўспрымаюць польскую мову не толькі як крыніцу ўзбагачэння і моўнай разнастайнасці, але і як своеасаблівы “мост” у свет заходняй, еўрапейскай цывілізацыі.

Літаратура

1. Булыка, А.М. Гістарычная марфалогія беларускай мовы / А.М. Булыка, А.І. Жураўскі, І.І. Крамко.– Мн.: Навука і тэхніка, 1979. – 328 с.
2. Мечковская, Н.Б. История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета: курс лекций по общему языкознанию / Н.Б. Мечковская. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 584 с.

Ю.М. Бабіч (Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава)

ПАЛАНІЗМЫ Ў СУЧАСНЫМ БЕЛАРУСКІМ МЕДЫЯДЫСКУРСЕ

На пачатку XXI стагоддзя ў беларускай мове істотна пашырылася колькасць пазычанняў з польскай мовы, якія сталі дастаткова часта фіксавацца і на старонках перыядычнага друку. Менавіта ў газетным радку новае слова праходзіць своеасаблівы этап сацыялізацыі, гэта значыць, рэцыпіенты найчасцей знаёмяцца з неалагізмам менавіта ў медыях, а ўжо потым пачынаюць самі яго выкарыстоўваць.

Ужыванне наватвораў у друку мае свае дастаткова акрэсленыя мэты. Падобныя лексемы надаюць напісанаму пэўную долю экспрэсіі, часам нават маляўнічасці, якая рэалізуецца ў стылявым “эфекце навізны”. Імкненне да пошуку новых лексічных рэсурсаў, зусім незнаёмых ці малазнаёмых пакуль чытачу, у значнай ступені сведчыць пра крэатыўны падыход аўтараў да сродкаў моўнага выражэння. Такое адметнае словаўжыванне часта нівелюе магчымы афіцыёз і набліжае чытача да журналіста. Безумоўна, запазычванне – натуральны складнік працэсу функцыянавання і гістарычнага змянення мовы. Гэта таксама адна з галоўных крыніц папаўнення слоўнікавага запасу. Традыцыйна пазычаная лексіка адлюстроўвае асаблівасці міжэтнічных кантактаў, спецыфіку грамадска-эканамічных і культурных сувязяў паміж народамі. І калі тая ці іншая новая лексема рэгулярна на працягу пэўнага часу выкарыстоўваецца ў вусным маўленні, у публіцыстычным дыскурсе, гэта дае падставы трактаваць яе як фактычны кампанент мовы-рэцыпіента.

Цяпер у беларускай мове ўжываюцца дзясяткі неалагізмаў, пазычаных перадусім з англійскай мовы, якія адлюстроўваюць навацыі ў сферы навукі, тэхнікі, культуры. Зразумела, новых паланізмаў значна менш, але ў плане характарыстыкі грамадска-эканамічных ці культурных кантактаў яны ўяўляюць сабой надзвычай каштоўны матэрыял, будучы часта праз сваю навізну больш вобразнымі і яскравымі на фоне традыцыйных сінанімічных беларускіх лексем. І гэты фактар сам па сабе прываблівае рэцыпіента, павышае цікавасць да напісанага. Бо ў падобнай сітуацыі перад журналістам, як слушна заўважае Я. Клюеў, стаіць задача “даказаць, што ён сапраўды не дарэмна валодае правам ініцыяцыі моўнага ўзаемадзеяння, г. зн. што ён добра ўяўляе сабе, якім чынам адпаведны камунікацыйны акт павінен развівацца” [1; 39].

У сучасным публіцыстычным дыскурсе трывала замацавалася даволі значная група паланізмаў. Характэрна, што многія падобныя лексемы рэгулярна выкарыстоўваюцца на старонках самых розных выданняў, што дае, на наш погляд, досыць аб’ектыўную карціну прысутнасці адпаведнай лексемы ў беларускім лексіконе. Напрыклад, назоўнік *стасункі* (польск. *stosunek*), які цяпер ужываецца не радзей за слова *адносіны*: *Калісьці на нашай зямлі побач з людзьмі жылі Богі. Яны мелі паміж сабой розныя* ***стасункі*** (Віцебскі кур’ер, 28.10.10); *Мы вернікі, ходзім у касцёл, там таксама ёсць магчымасць* ***стасункаў*** (Чырвоная змена, 10.11.10); *Калі дарослы чалавек на працягу доўгага часу ні з кім не мае* ***стасункаў****, то паступова ў яго могуць парушацца вымаўленчыя здольнасці, памяншацца слоўнікавы запас* (Народная воля, 25-28.02.11); *Пакрысе абжываліся на новым месцы, абзаводзіліся сябрамі, наладзіліся* ***стасункі*** *з калегамі па рабоце* (Веснік Глыбоччыны, 23.04.11); *А цяпер раскажу пра свае* ***стасункі*** *з сучасным гандлем на працягу тыдня* (Свободные новости плюс, 3.08.11); ***Стасункамі*** *з дачкой бацька абсалютна задаволены* (Звязда, 29.07.11); *Напэўна, няблага мець цесныя сяброўскія* ***стасункі*** *з паэтамі…* (Прессбол, 13.01.12); *Пра шырокую геаграфію* ***стасункаў*** *паэта сведчаць яго ўспаміны…Дакументы пац-*

вярджаюць шырокія міжнародныя ***стасункі*** *заходнебеларускага руху…* (Роднае слова, 2013, №1, с.15). Паказальна, што дадзены назоўнік фіксуецца і ў рускамоўных выданнях, якія толькі зрэдку друкуюць матэрыялы па-беларуску (“Свободные новости плюс”, “Прессбол”).

Таксама істотна пашырылася сфера выкарыстання назоўніка *страйк* (польск. *strajk*, ад ням.*Streik*) – *забастоўка*: *Усеагульны беларускі* ***страйк****…* (Новы час, 28.01.11); *Нямецкія чыгуначнікі пачалі 60-гадзінны* ***страйк*** (Звязда, 19.04.11); ***Страйк*** *супрацоўнікаў “Мотавела”* (Наша ніва, 26.10.11). Найчасцей гэтае слова фіксуецца на старонках газеты “Звязда”, прычым нярэдка ўваходзіць у склад загалоўка, што само па сабе падкрэслівае асаблівы семантычна-прагматычны аспект лексемы: *Грэчаскі* ***страйк*** *перарос у бунт* (30.06.11); *Еўропу ліхаманіць:* ***страйкі*** *і студэнцкія пагромы* (9.11.11); *У выніку* ***страйку*** *пацярпелі шматлікія замежныя турысты* (17.06.11). З пункту гледжання прагматыкі, у падобных выпадках на першы план выходзіць рэкламная функцыя, якая, паводле меркавання расійскай даследчыцы В. Багданавай, “з’яўляецца спецыфічнай для газетных загалоўкаў, паколькі задача загалоўка не толькі інфармаваць чытача, але і выклікаць цікавасць да зместу матэрыялу. Рэкламная функцыя стварае перадумовы для ўзнікнення эфекту ўзмоцненага чакання” [2;141].

Трэба сказаць, што побач з назоўнікам *страйк* у медыях прадуктыўна ўжываюцца вытворныя *страйковец*, *страйкамавец*, а таксама дзеяслоў *страйкаваць* і прыметнік *страйкавы*, што адлюстроўвае трывалыя пазіцыі згаданых лексем у сучасным беларускім дыскурсе: ***Страйкоўцы*** *патрабуюць увядзення адзінай тарыфнай дамовы…* (Звязда, 19.04.11); ***Страйкамаўцы*** *атрымалі пісьмовы адказ ад адміністрацыі…* (Наша ніва, 25.01.12); *Аўтар ліста падкрэсліў, што кіроўцы не могуць* ***страйкаваць*** (Наша ніва, 23.11.11); *Употайкі арганізуюцца* ***страйкавыя*** *камітэты* (Новы час, 28.01.11). Тут важна яшчэ заўважыць, што паралельнае функцыянаванне ў беларускай мове лексем *страйк* і *забастоўка* істотна ўзбагачае сінанімічны патэнцыял, дазваляе пазбегнуць шмат у якіх выпадках таўталогіі: ***Страйк*** *службаў бяспекі паралізаваў працу буйных аэрапортаў Германіі* (Загаловак). *Больш за 200 авіярэйсаў адменены ў Германіі ў сувязі з* ***забастоўкай*** *работнікаў службы бяспекі ў аэрапортах…* (Звязда, 15.02.13); *У Эстоніі настаўнікі праводзяць* ***страйк*** (Загаловак*)… Падчас* ***забастоўкі*** *настаўнікаў на вуліцы і плошчы гарадоў выйдуць больш за 15 тыс. чалавек* (Звязда, 6.03.12); *Супрацоўнікі папяровых камбінатаў перадумалі ісці на* ***забастоўку*** *салідарнасці. Прафсаюзы дамовіліся з працадаўцамі літаральна за пяць з паловай гадзін да афіцыйнага аб’яўлення* ***страйку*** (Звязда, 17.04.12). У прыведзеных фрагментах назоўнікі *забастоўка* і *страйк* успрымаюцца як абсалютна сінанімічныя. Гэта тая прымета, – сцвярджае А. Фёдараў, – якая дазваляе гаварыць “пра так званую нейтралізацыю слоў-сінонімаў, г.зн. пра сціранне семантычных адрозненняў паміж імі, пра магчымасць амаль поўнай іх узаемазамяняльнасці” [3; 9], што, у сваю чаргу, пэўным чынам уплывае на стылістычную адметнасць тэксту і сінтагматычны складнік.

У асобных выпадках пад уплывам польскай мовы актывізуецца выкарыстанне раней нізкачастотных лексем, якія цяпер дапаўняюць сінанімічны рад кадыфікаваных беларускіх слоў. Так, побач з шырокаўжывальнымі прыметнікамі *вядомы*, *знакаміты*, *славуты* ў айчынных медыях усё часцей фіксуюцца лексічныя адзінкі *выбітны* (пол. *wybitny*), *знаны* (пол. *znany*), *слынны* (пол.*sławny*). Прычым – зноў жа гэта падкрэслім – названыя лексемы намі адзначаны на старонках розных выданняў, што сведчыць пра іх дастатковую ўжо распаўсюджанасць у беларускай мове: *Памятны знак на месцы будучага помніка* ***выбітнаму*** *беларускаму пісьменніку* (Караткевічу.- Ю.Б.) *быў усталяваны яшчэ каля года таму…* (Віцебскі праспект, 30.09.10); *Сцэнарый уяўляе мастацкае дас-*

ледаванне творчага і жыццёвага шляху ***выбітнага*** *дзеяча беларускай культуры XVI стагоддзя* (Новы час, 28.01.11); *Васіль Сёмуха – адзін з самых* ***выбітных*** *беларускіх перакладчыкаў…* (Звязда, 20.01.11); *Імпрэза ладзілася ў межах міжнароднага праекту "Чэслаў Мілаш у Беларусі", прысвечанага стогадоваму юбілею* ***выбітнага*** *польскага паэта і эсэіста* (Віцебскі кур'ер, 8.09.11); *Віталь Скалабан – адзін з* ***выбітных*** *беларускіх архівістаў…* (ЛіМ, 30.09.11); *У Вільні героі іншыя –* ***знаны*** *літовец Костас Калінаўскас,* ***выбітная*** *літоўка Барбара Радвілайтэ … і Адомас Міцкявічус адпаведна* (Звязда, 3.12.10); *Юбілей* ***знанага*** *краязнаўца Гарадзеншчыны* (Наша слова, 26.01.11); *Госць з Гродна –* ***знаны*** *творца Юрый Якавенка выклікаў у віцяблян шчырую цікавасць* (ЛіМ, 1.04.11); *Зборнік склалі інтэрв'ю з нашымі* ***слыннымі*** *суайчыннікамі – жанчынамі, вядомымі ў Беларусі і за яе межамі* (Наша слова, 20.10.10); ***Слынны*** *даследчык энергіі Сонца Аляксандр Чыжэўскі – з Гродзенскай вобласці* (Звязда, 3.12.10). Сярод іншых дастаткова частотных сёння ў беларускім дыскурсе паланізмаў адзначым словы *валіза* (пол. *waliza*) – *чамадан*; *замовіць* (пол. *zamówić*) – *заказаць*; *каляжанка* (пол. *koleżanka*) – *калега-жанчына*, *сяброўка*; *пастарунак* (пол. *posterunek*) – *пост*, *участак*; *танчыць* (пол. *tańczyć*) – *танцаваць* ды некаторыя яшчэ. Можна меркаваць, што мы назіраем працэс паступовага асімілявання пазычаных з польскай ці праз польскую мову слоў. Досыць часта чалавек і не здагадваецца пра іншамоўнае паходжанне той ці іншай лексемы, бо яна арганічна ўпісваецца ў роднамоўны кантэкст.

З іншага боку, у мове медыяў часам адзначаюцца выпадкі бяздумнага, штучнага калькавання асобных лексем, калі без ніякай патрэбы пэўнае польскае слова ўводзіцца ў беларускі тэкст. У прыватнасці, пашырылася выкарыстанне ў друку прыметніка *выкшталцоны* (пол. *wykształcony*) – *адукаваны*. Асабліва ў "Нашай Ніве": *Падробленыя паганскія скульптуры былі надта ўжо* ***выкшталцоныя****…* (17.08.11*); Гэта не самая* ***выкшталцоная*** *кавярня, яе трымаюць простыя пацаны* (14.11.12). І тут мусім пагадзіцца з выказваннем беларускага мастака і грамадскага дзеяча Алега Аблажэя, які заўважыў: "Асабліва камічна, калі нават інтэлектуалы ўжываюць слова "выкшталцоны" ў сэнсе "изящный", – (выкшталцоныя ногі). Між тым "wykształcony" значыць "адукаваны". "Адукаваныя ногі" – праўда, няслаба, – працягвае ён. – І цягнуць, і цягнуць "пальшчызну" ў нашу мову" [4;8].

Такім чынам, прааналізаваны матэрыял дазваляе меркаваць, што ў сённяшніх беларускамоўных медыях ужываецца значная колькасць паланізмаў, многія з якіх паспяхова асвойваюцца мовай, па сутнасці асімілююцца. Падобныя словы, як правіла, абазначаюць камунікацыйна важныя паняцці, таму адразу трапляюць у сферу сацыяльнай увагі. Гэта падкрэслівае імкненне аўтараў узбагаціць нашу мову сінонімамі, дазваляе ў многіх выпадках пазбегнуць таўталогіі, што, урэшце, павінна спрыяць павышэнню культуры маўлення. Пры гэтым неабходна карпатліва ставіцца да выбару слова, усебакова ацэньваючы яго мэтазгоднасць для нашай мовы і не захапляючыся штучным калькаваннем.

Літаратура

1. Клюев, Е.В. Речевая коммуникация. Учебное пособие для университетов и институтов / Е.В. Клюев. – М., 1998.
2. Богданова, О.Ю. Сопоставление функциональных особенностей заглавий художественных произведений и современной публицистики (на англоязычном материале) / О.Ю. Богданова // Ярославский педагогический вестник – 2012 – № 3 – Том I (Гуманитарные науки) .
3. Федоров, А.В. Основы общей теории перевода / А.В. Федоров, М.: ВШ. –1996).
4. Аблажэй, А. "Прышпільная" мова / А. Аблажэй // Беларус. –2013.– № 599 (травень).

Е.Н. Горегляд (Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)

РИТМИЧЕСКИЕ И ФОНЕТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ БЕЛАРУСИ

Стремительное развитие информационных технологий, масштабное наступление Интернета, складывающаяся на издательском рынке активная конкуренция вынуждают журналистов, работающих в современных периодических изданиях, в том числе и в белорусских, искать новые, нетрадиционные формы подачи публицистического материала.

Использование штампованных, стереотипных выражений в языке прессы уходит в прошлое, уступая место креативному потенциалу языковых средств, различным способам создания языковой игры. Тенденцию к распространению языковой игры в периодической печати отмечал еще В.Г. Костомаров: «Газетчику, настроенному на поиск экспрессии, во что бы то ни стало, непреодолимо хочется построить парадокс, игру слов» [5; 153]. Механизм языковой игры базируется на разрушении стереотипных форм выражения мысли. Языковая игра отражает творческое начало речи, стремление коммуникантов к антистандарту, речевой раскованности, речетворчеству. Авторы газетных публикаций конструируют своего рода языковые «аномалии» – фонетические, словообразовательные, синтаксические и др.

Индивидуально-авторская манера журналиста может реализовываться не только в способе подачи и структуре самой статьи, но и в манере ее озаглавливания. Значимость заголовка обусловливается тем, что он должен быть своеобразным «сгустком смысла» последующего публицистического материала, а также тем, что в подавляющем большинстве случаев читатель-реципиент принимает решение о прочтении или непрочтении газетного материала только на основании аттрактивности заголовка.

В последнее время в русскоязычной периодической печати Беларуси отмечается активизация использования ритмических средств, что пока еще является нетрадиционным способом привлечения читательского внимания. Ритмическая организация заголовочной конструкции способствует ее более легкому произнесению и запоминанию.

Ритмичность речи определяется звуковым повтором одинаковых или похожих звуков или слогов. Одним из наиболее ярких выразительных ритмических средств является рифмовка заголовочной конструкции, что важно в плане психологического восприятия адресатом: происходит разрушение шаблона, т.е. ожидаемого, привычного. В результате достигается намеченный журналистом эффект воздействия: адресат заинтригован и расположен к прочтению всего материала статьи.

Рифмой принято называть особый вид регулярного звукового повтора – повторение более или менее сходных сочетаний звуков на концах строк или в других симметрично расположенных частях текста, выполняющее организующую функцию в строфической композиции.

Фактический материал показывает, что фонетические выразительные средства, к которым можно отнести использование особого ритмического рисунка, построенного за счет привлечения различного рода повторов, придающих заголовкам выразительность, эмоциональность, достаточно активны в русскоязычной периодической печати Беларуси. Использование ритмически организованных строк в качестве заголовка наиболее частотно в изданиях «Комсомольская правда в Беларуси», «Витьбичи» (в том числе приложение «Вечерний Витебск»), «Аргументы и факты в Беларуси». Динамичность и экспрессивность подобных заголовков обеспечивается их представленностью в виде коротких ритмических групп (здесь и далее авторская пунктуация сохранена):

Бумага, газета, шпагат – подарки под елкой манят; *Готовим валентинки для любимой половинки!*; *Звонит телефон? Это фантом!*; *Закружилися на елочке игруш-*

ки… / Вызывайте-ка мне доктора, подружки! ; *Под елкой сладостей мешок…/ У чада шоколадный шок!*; *Россия, не зевай! / На клад в $3 миллиарда права предъявляй!*; *Коль духи у вас с феромонами, / Не совладать мужикам с гормонами* (все – Комсомольская правда в Беларуси);

Приходи ко мне, дружок, / Запишу тебя в кружок…; *«Базарное» раздолье ищите на подворьях* ; *Был я смел – все это ел?*; *В чистом авто – свободно и легко*; *Выпал снежок – айда за порог!*; *Казацкому роду нет переводу*; *Когда–то знаменитые, а сегодня подзабытые*; *Самба, румба, ча–ча–ча – атмосфера горяча!*; *И на катке она, как пуля, – современная бабуля*; *Купальская ночка богата на цветочки* (все – Витьбичи);

Как трудоголику не стать алкоголиком?; *Мобила мозг накрыла*; *Холодно, если голодно* (все – Аргументы и факты в Беларуси).

В издании Федерации профсоюзов Беларуси газете «Беларускі час» в рубрике «Подсказка дачнику» подавляющее большинство заголовков содержат внутреннюю рифму:

Без меры поливаем – урожай теряем; *В качестве подарка липы дарят арку* (оба – № 25, 2011);

Волшебный салат для ваших гряд; *Чтобы перец сладкий был доволен пересадкой* (оба – № 20, 2012);

Дайте солнце и тепло, чтоб арбузу повезло; *Далеко не пустяк – одолеть сорняк* (оба – № 18, 2012);

Знаем, как угодить, чтобы новоселов накормить; *И в парнике молодец рассадный огурец*; *Подсыплем грядку – и всё в порядке*; *С погодой не прогадаем – будем с урожаем* (все – № 15, 2012);

Когда сеять, копать, урожай собирать; *На необычной грядке отличные посадки* (оба – № 17, 2012).

Аттрактивный эффект рифмованных заголовков обеспечивается своеобразным фоноритмическим рисунком, который создается посредством повтора звуковых комплексов ключевых слов.

Наблюдения дают основание говорить о том, что самым распространенным видом звукового повтора в заголовках русскоязычных газет Беларуси является аллитерация – повтор согласных в начале близкорасположенных ударных слогов, что можно объяснить доминирующим положением согласных в системе звуков русского языка в целом. В заголовках аллитерация используется в качестве приема создания определенного эмоционального тона, соответствующего содержанию высказывания, и является действенным выразительным средством:

Пора, красавица, пойти попариться! (Комсомольская правда в Беларуси, № 195, 2011);

Поддержка без издержек (Советская Белоруссия, № 193, 2011);

Трафик вне графика (Советская Белоруссия, № 195, 2011).

Аллитерации близок ассонанс – концентрированное повторение гласных (часто ударных) внутри строки или фразы:

Федя уел «медведя» (Аргументы и факты в Беларуси, №39, 2011);

Лучшая для дачника награда – здоровая и крепкая рассада! (Комсомольская правда в Беларуси, №40, 2012);

Девчата фабричные – к труду привычные (Витьбичи, №71, 2011);

Я не знаю неудач, потому что я – ловкач (Комсомольская правда в Беларуси, № 73, 2012).

Особым видом рифмы является консонанс – повтор заударного согласного звука:

Караван в Ереван (Республика, №182, 2011);

Двери закрываются – культура забывается?! (Витьбичи, №133, 2011);

Оденешься в лен – красоте поклон (Витьбичи, № 61, 2011).

Анализ фактического материала позволяет говорить о том, что рифма в последнее время становится достаточно востребованным способом оформления заголовков в русскоязычной периодической печати Беларуси. Звуковые повторы придают заголовку ритмичность, выразительность, экспрессивность.

Нельзя не упомянуть и о рифмованных заголовках, которые базируются на фонетической схожести разных по значению слов и словосочетаний. В основе создания таких заголовочных конструкций лежит каламбур. Традиционно под каламбуром понимают словесную шутку, игру, основанную на столкновении разных по значению слов, имеющих звуковое сходство. Однако в проанализированных нами заголовках такая «каламбурная» рифма, не является «словесной остро́той» и не содержит в себе двойного смысла. Такие заголовки выполняют лишь контактоустанавливающую функцию, они не «нагружены» семантически:

Не забыли о «Лесной были»; *С хоккеем все о'кей*; *Пей чай и не скучай* (все – Советская Белоруссия).

Формирование заголовочной конструкции ритмическими языковыми средствами усиливает его экспрессивность, хотя, как видно из приведенных выше примеров, в большинстве случаев не формирует новые смыслы.

Литература

1. Захарова, М. Языковая игра как факт современного этапа развития русского литературного языка / М.Захарова // Знамя. – 2006. – №5. – С.159 - 168.
2. Земская, Е.А. Языковая игра / Е.А.Земская, М.В.Китайгородская, Н.Н.Розанова // Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест – М., 1983. – С. 172 - 214.
3. Клушина, Н.И. Новые штампы новой журналистики / Н.И.Клушина // Русская речь. – 2010. – № 1. – С. 61 - 64.
4. Клушина, Н.И. Язык публицистики: константы и переменные / Н.И.Клушина // Русская речь. – 2004. – № 3. – С. 51–54.
5. Костомаров, В. Г. Русский язык на газетной полосе. Некоторые особенности языка современной газетной публицистики / В.Г.Костомаров. – М.: Изд-во МГУ, 1971. – 266 с.
6. Лазарева, Э.А. Заголовок в газете / Э.А. Лазарева. – Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1989. – 96 с.
7. Лазуткина, Е.М. Публицистический стиль: новые черты / Е.М.Лазуткина. – М., 2008. – 79 с.
8. Санников, В.З. Об истории и современном состоянии русской языковой игры / В.З.Санников // Вопросы языкознания. – 2005. – №4. – С.3 - 20.
9. Сковородников, А.П. О понятии и термине «языковая игра» / А.П.Сковородников // Филологические науки. – 2004. – №2. – С.79 - 87.

С.А. Горская (Гродненский государственный университет имени Я. Купалы)

СИСТЕМНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «НАИМЕНОВАНИЯ ВОДОЕМОВ» В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ И ЕГО ГОВОРАХ

Вода – уникальное по своим свойствам вещество, благодаря которому существует жизнь на нашей планете. Россия, с её необъятными пространствами, граничит с тремя океанами, её пересекает множество великих рек, её озёра похожи на моря. Неудивительно, что в русском языке названия водоёмов составляют обширную группу. В этих наименованиях отражено стремление не только «охватить взглядом великое», но и найти достойное место малому: сказочные и песенные сюжеты повествуют о путешествиях к океану-морю и о той радости, которую дарит путнику неприметный родник в лесу.

В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова было выявлено 36 лексем русского литературного языка указанной тематической группы, из «Словаря русских народных говоров» выбрано 149 соответствующих лексем.

В данном исследовании термином *тематическая группа* мы называем совокупность слов, объединённых общей гиперсемой (‘водный’), которая наряду с тематической группой наименований рельефа местности (гиперсема ‘земной’) входит в состав более широкого лексического объединения – ЛСГ, которая объединена базовым компонентом ‘пространство’. Лексемы исследуются с точки зрения их семантической структуры. За основу взята методика анализа З.К. Тарланова [3]. Метод базируется на следующих положениях: 1) значение слова – сложный феномен; 2) этот феномен можно разложить на составляющие, для обозначения которых используются различные термины (компонента значения, семантические компоненты, дифференциальные компоненты, фигуры содержания, семантические множители, дифференциальные признаки, семы и так далее); 3) разложение слова на семантические множители основывается на предварительном распределении значений по семантическим полям.

Лексический состав тематической группы слов-наименований водоёмов весьма неоднороден. В основе классификации исследуемой тематической группы лежат два основания:

1. Сопоставив семы ‘***водный’ - ‘земной***’, которые являются гиперсемами по отношению к семе ‘***пространство***’, общей для тематических групп наименований водоёмов и наименований рельефа местности, лексемы, содержащие идею наименования водоёма, можно разделить на две подгруппы:

1) наименования собственно водоёмов (*океан, море, озеро, река* и под.);

2) наименования водоёмов, граничащие с наименованиями рельефа (*болото, топь, трясина*);

2. При сопоставлении признаков ‘***часть-целое***’ в исследуемой тематической группе выделяются следующие подгруппы: **1)** наименования целых водоёмов (*океан, море, озеро, река*)**; 2)** наименование частей водоёмов (*залив, заводь, затон, рукав, проток, пролив*).

Центральной семой, объединяющей всю тематическую группу, является сема ‘***водный***’, которая служит гиперсемой для наименований водоёмов. Помимо интегрирующей семы ‘водный’, в данной тематической группе выявлены дополнительные семантические дифференциальные признаки, которые, образуя различные комбинации, выражают множество разных лексических значений слов исследуемой тематической группы. Причём в каждой из указанной подгрупп были выявлены свои дифференциальные признаки, существенные только для лексем данной подгруппы. Поэтому семный анализ лексем каждой из вышеназванных подгрупп необходимо проводить отдельно.

Так, значение слова **океан**‘весь водный покров Земли или его часть между материками’ можно представить следующим образом:

Значение слова море ‘часть океана – большое водное пространство с горько-солёной водой’ можно представить так:

Дифференциальный признак ‘***размер’***, выделяемый при сопоставлении лексем **океан** и **море**, является градуальным, то есть имеет подразделения, которые на примере цепочки **океан-море-озеро** выглядят так: ‘***самый значительный по размеру***’ - ‘***значительный по размеру***’ - ‘***среднего размера***’, в подгруппе **река-ручей**: ‘***среднего размера***’ - ‘***небольшого размера***’.

Таким образом, признак ‘***размер***’ – четырёхступенчатый: ‘***самый значительный по размеру***’ - ‘***значительный по размеру***’ - ‘***среднего размера’ - ‘небольшого размера’***.

Для лексем исследуемой тематической группы в говорах характерна большая семантическая детализация. Так, при анализе подгруппы слов-наименований собственно водоёмов в русском литературном языке выделяются следующие семантические дифференциальные признаки: 1) размер; 2) естественный/искусственный; 3) стоячий/текучий, движущийся; 4) характер движения; 5) скорость движения; 6) начало, исток; 7) периодичность действия; 8) температура воды. Анализ лексем этой же подгруппы в говорах, кроме вышеназванных, позволяет выделить дополнительные признаки, нерелевантныме для слов данной подгруппы в литературном языке: 1) форма; 2) наличие растительности; 3) скорость движения; 4) значение для хозяйственной деятельности человека; 5) временный – постоянный; 6) наличие/отсутствие связи с другими водоёмами; 7) качество воды.

Особенно ярко семантическая детализация проявляется при сопоставлении дифференциальных признаков, выделенных при анализе подгруппы наименований водоёмов, граничащих с наименованиями рельефа. В русском литературном языке значимыми для данной подгруппы являются признаки: 1) естественный – искусственный; 2) стоячий/текучий. Анализируя семный состав лексем данной подгруппы в говорах, можно выделить, кроме уже указанных, дополнительные признаки, которые являются нерелевантными в литературном языке: 1) размер; 2) месторасположение; 3)наличие растительности; 4) временный / постоянный; 5) наличие/отсутствие связи с другими водоёмами; 6) качество воды; 7) причина образования, возникновения; 8)цвет воды.

Количественное сопоставление дифференциальных признаков лексем-наименований водоёмов в русском литературном языке и его диалектах ещё раз подтверждает факт, что наименование водоёмов в говорах детализированнее по семантике. Такая семантическая детализация подчеркивает, на наш взгляд, разницу в языковой картине мира, отражённой в литературном языке и в говорах, которая проявляется в наборе признаков, избираемых при номинации одного и того же фрагмента внеязыковой действительности.

Литература

1. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / под ред. проф. Н.Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1984. – 816 с.
2. Словарь русских народных говоров / под ред.Ф.П. Филина. – Ленинград: Наука, 1970 – 1991.
3. Тарланов, З.К. Метод компонентного анализа / З.К. Тарланов // Методы и принципы лингвистического анализа. – Петрозаводск: Издательство Петрозаводского университета, 1995. – С. 62 -67.

Т.И. Гринцевич (Белорусский государственный аграрный технический университет)

СОЦИОКОММУНИКАЦИЯ КАК СОВОКУПНОСТЬ ПРИЕМОВ И СРЕДСТВ ПЕРЕДАЧИ ИНФОРМАЦИИ

Изменения в политической, социально-экономической и культурной сферах в 90-х годах прошлого века привели не только к расширению и переосмыслению функций предмета «Русский язык как иностранный», но и к необходимости новых подходов в этой области. Изучение русского языка как иностранного в Республике Беларусь позволяет иностранным учащимся познакомиться с другой для них культурой, другим видом государственного устройства, жизнью и бытом сверстников другой страны, осознать то общее, что есть у народов, принадлежащих разным культурам.

Традиционная модель формирования коммуникативной компетенции рассматривала социокультурный аспект как вспомогательный. На первое место ставилось изучение основных видов речевой деятельности, грамматики, лексики. В настоящее время социокультурный аспект выдвигается на первый план, что повышает мотивацию обучения и способствует формированию способностей к общению на изучаемом языке.

Содержание социокультурного компонента обучения иностранному языку рассматривается по трем основным направлениям: средства социокоммуникации, национальная ментальность, национальное достояние [3; 37]. В круг социокультурных проблем включают все новые и новые объекты рассмотрения, так как культура не может быть ограничена искусственными барьерами.

Термин «социокоммуникация» мы понимаем как совокупность приемов и средств устной и письменной передачи информации представителями определенной культуры или субкультуры. Сюда входит язык (фонетика, лексика, грамматика), язык звуков (звуки, используемые носителями языка при испуге, боли, отвращении, восторге), язык жестов и невербального общения, требующий специального изучения. Язык тела, или соматический язык (греч. soma-«тело», «корпус»), включает в себя коммуникативные движения, психофизические симптомы эмоционального состояния, некоммуникативные движения [1; 164].

По своей функции соматический язык подобен вербальному языку. Коммуникативные движения включают в себя так называемые кинемы, или автоматизированные движения, которые отличаются прямой связью с речевым сообщением. Они дополняют и заменяют речевые действия.

Особого внимания преподавателя заслуживают кинемы, не совпадающие в исполнении при совпадающих смыслах в коммуникативном поведении. Например, при счете на немецком, французском, норвежском и других языках согнутые пальцы левой руки, начиная с большого пальца, разгибаются пальцами правой руки; в русском жесте пальцы, начиная с мизинца, сгибают. Жест постукивания костяшками пальцев по столу выражает в западноевропейских странах приветствие у преподавателей, а также одобрение и удовлетворение от блестяще прочитанной лекции.

Таким образом, невербальное поведение коммуникативно и национально обусловлено и должно учитываться при изучении русского языка. Однако не все понимают, что язык жестов не является общечеловеческим языком и нередко переносят символику жестов из одной культуры в другую, в результате чего происходит нарушение коммуникации.

Обучая культуре невербального общения, нельзя оставить без внимания психофизиологические симптомы эмоционального состояния и некоммуникативные движения, относящиеся к соматическому языку.

Некоммуникативные движения, сигнализирующие о внутреннем эмоциональном состоянии говорящего, встречаются тогда, когда говорящий пытается заполнить паузы в речи или испытывает затруднения в формулировке своей мысли.

Приведенное выше разделение основных типов жестов имеет следующий выход в методику: если задача состоит в том, чтобы освоить только коммуникативную систему, то можно ограничиться жестами, заменяющими вербальную речь; если же изучающий иностранный язык стремится освободиться от любого акцента, в том числе и от неправильного употребления жестов, ему приходится уделять внимание и некоммуникативным жестам.

В последнее время «жестовая» проблематика стала входить в поле зрения методистов: в учебном процессе желательно не отрывать жесты от речи, так как в естественном говорении они тесно связаны.

Социокоммуникация включает в себя и речевой этикет. На уроках необходимо уделять особое внимание использованию речевого этикета, так как он имеет свои национальные особенности и обладает рядом универсальных черт, общих для различных народов. Сюда относятся сами принципы этикетного общения: сдержанность, вежливость, использование стандартных речевых формул в стандартных ситуациях общения.

Но при этом есть своя специфика, свое конкретное речевое и поведенческое выражение в каждой лингвокультурной общности, свои табу и императивы. Важной частью речевого этикета народа являются действующие в национальном общении коммуникативные табу – запреты на употребление определенных выражений или затрагивание определенных тем в тех или иных коммуникативных ситуациях. Так, например, во всех европейских странах существует табу на вопросы, касающиеся доходов, источников существования собеседника, зарплаты. В Америке и Европе существует также табу на обсуждение проблем политики и религии дома, за столом, на работе в частной компании. У французов нельзя спрашивать о зарплате, но можно спросить о том, сколько они платят налогов: расскажут охотно, так как все считают, что платят слишком много. Живы и английские традиции: лучшая тема для разговора - о погоде.

Таким образом, знание ритуалов, речевого этикета той страны, где находится носитель другой культуры – это настоятельная необходимость, важное условие эффективной деятельности и залог успеха в общении и деловом взаимодействии с местными жителями. Незнание или невыполнение правил местного речевого этикета, неправильное понимание речевых действий той страны, где находимся, может привести к серьезным недоразумениям и даже конфликтам.

Как говорилось выше, в понятие социокультурный компонент входит и ментальность. Под национальной ментальностью мы понимаем способ мышления представителей определенной культуры или субкультуры, который определяет их поведение и ожидание подобного со стороны других [2; 48]. В соответствии с исследованиями в области ментальности, мы рассматриваем ментальность народа страны изучаемого языка в трех измерениях: общем, ситуативном и культурном самоопределении. К общим характеристикам ментальности относятся знания, поведение и отношения. Яркими примерами данных компонентов являются праздники, традиции, обряды и ритуалы носителей языка.

Ситуативные характеристики ментальности могут включать установку ментальности, восприятие и выражение. Например, для американской ментальности мы выделяем такие критерии установки, как индивидуализм, ориентация на будущее, непринужденность, соперничество, личностное пространство и др. Данные установки будут оказывать особое влияние на носителей языка и их восприятие окружающего мира. Выделенные критерии установки вовсе не означают, что русским или белорусам не свойственны черты индивидуализма или соперничества. Но на межкультурном уровне при психологическом сравнении представителей разных стран наблюдаются определенные тенденции, которым надо обучать.

Основные особенности русского коммуникативного поведения включают в себя: общительность, искренность, эмоциональность, приоритетность разговора по душам, нелюбовь к светскому общению, тематическое разнообразие, свобода подключения к общению третьих лиц, доминантность, бескомпромиссность в споре, бытовая неулыбчивость и другие.

Говоря об общих особенностях, например, скандинавского менталитета, можно выделить высокий уровень внешней приветливости, высокий уровень бытовой вежливости, этикетность общения, почтительное отношение к участникам общения, низкую степень любопытности и другие.

Английское коммуникативное поведение имеет следующие особенности: немногословие, низкий уровень громкости речи, высокий уровень самоконтроля, развитость светского общения, высокий уровень тематической табуированности, большая роль письменного общения.

Говоря о ментальности, необходимо отметить еще один элемент – культурное самоопределение, который может включать в себя вышеупомянутые общие и ситуативные характеристики. В обществе люди делятся по интересам, общим ценностям, профессии, политическим взглядам и т.п. Учащиеся могут быть ознакомлены с различными культурными группами, объединенными национальными нормами. К национальным нормам мы относим характеристики национальной ментальности, сформированные под воздействием национального достояния.

Национальное достояние – часть социокультурного компонента, в которую входят такие направления, как наука и искусство, история и религия, национальные парки, исторические заповедники и другие места. Целью социокультурного образования средствами иностранного языка будет ознакомление учащихся с той частью национального достояния, которая представляет особое значение для носителей языка.

Литература

1. Выготский, Л.С. Психология / Л.С.Выготский.– М.:ЭКСМО-Пресс, 2000. - 1008с.
2. Тер-Минасова,С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова.-- М.: Слово, 2000. - 438 с.
3. Щукин, А.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного / А.Н. Щукин. – М.: Высшая школа, 2003. – 334 с.

О.В. Долгих (Отдел психолингвистики Института языкознания РАН),
Л.П. Сальски (Институт англистики Лодзинского университета)

ПУТИ ИССЛЕДОВАНИЯ СОДЕРЖАНИЯ ЦЕННОСТЕЙ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РУССКИХ И ПОЛЯКОВ: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Стремление к диалогу и продуктивному сотрудничеству представителей разных национальных культур требует, прежде всего, осознания основных ценностных ориентиров друг друга. В философии и психологии национальные ценности рассматриваются как универсальные категории, обеспечивающие целостность культуры, её устойчивость и жизнеспособность во времени и пространстве. Мераб Мамардашвили определял ценности как некие высшие объекты, содержащие истинное предназначение человека, «фонд человеческой души и человеческого бытия», и настаивал на том, что ценности являются таковыми только в качестве реальных событий, а не нашего оценивающего отношения: «… вопрос в том, есть ли у нас деятельная сила и форма, через которую мы можем быть участниками события, которое постфактум обозначено как реализованная ценность» [2; 497]. Иными словами, ценности входят в структуру мотивации личности

и требуют не просто умозрительного признания их важности, а их деятельной реализации, и потому выступают социальными регуляторами: именно общность ценностных установок, устойчиво воплощающихся в деятельности людей, обеспечивает целостность и стабильность социума как носителя определённого культурного кода.

Социологические опросы, проведённые в России и в Польше, показывают, что существует серьёзная проблема дезориентированности русских и поляков в отношении восприятия мировоззренческих позиций друг друга. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и польский Центр исследования общественного мнения (CBOS) провели совместное российско-польское исследование (по заказу российского и польского Центров диалога и согласия) в ноябре-декабре 2012 г. для выявления общественной оценки российско-польского сотрудничества [3]. По данным этого опроса 44% россиян затрудняются описать свои ассоциации, возникающие у них в связи со словом «Польша». Кроме того наблюдается значительное несовпадение в оценках своего и чужого этноса: так, поляки в качестве своей основной национальной ценности чаще всего называют *свободу* – 66 %, в то время как русские респонденты оценивают значимость *свободы* для поляков довольно низко – всего на уровне 12%. Подобная ситуация наблюдается и в отношении ценности *честь* – 45 % поляков и только 8% русских выделили её в качестве наиболее значимой для польского сообщества. И наоборот, собственную *предприимчивость* поляки оценили невысоко – только 7% респондентов, в то время как русские посчитали польскую *предприимчивость* весьма значимой национальной чертой – на что указали 26% опрашиваемых. Русские, характеризуя себя, очень высоко оценивают своё *чувство юмора* – 34% (и только 6% поляков отметили *чувство юмора* русских), *терпимость* – 39% русских (и только 2% поляков). Такая дезориентированность в восприятии друг друга двух братских народов обусловливает актуальность и социальную значимость проблемы сопоставительного описания ценностей поляков и русских.

Понимание ключевых смыслов, которыми руководствуются люди в своём поведении, – задача настолько же важная, насколько и трудная. Разнообразные попытки выявления ценностных предпочтений осуществляются в социологии, филологии и психологии. Пути исследования сознания, несмотря на громадные и небесполезные усилия учёных, по-прежнему остаются зыбкими и окольными: мы никогда не можем судить о сознании наверняка, так как всякий раз имеем дело исключительно лишь с его проявлениями, реализациями, «овнешнениями». Исследование сознания, по сути, оказывается интерпретацией тех или иных его реализаций: слов, текстов, поступков, вербальных и невербальных реакций, – то есть в значительной степени описанием собственного сознания исследователя.

Психолингвистические методы изучения содержания ценностей в языковом сознании представляются наиболее адекватными. Психолингвистика использует совокупность лингвистических методов (компонентно-дефиниционный анализ, корпусный анализ, контекстуальный анализ и др.) и экспериментальные методы, заимствованные из психологии (свободный и направленный ассоциативный эксперимент, метод семантического дифференциала, кластерный анализ и др.). Психолингвистические исследования дают подчас неожиданные результаты, противоречащие общепринятым суждениям и ожиданиям учёных.

Сопоставительное изучение ценностей в языковом сознании поляков и русских сосредоточено на необходимости решения ряда научных задач: 1) составление списка сравниваемых ценностей (базовых ценностей русской и польской культур); 2) выявление содержания ценностей на трёх уровнях языкового сознания («официальном», «промежуточном» и «обыденном»); 3) изучение динамики, социальной изменчивости/устойчивости содержания ценностей посредством экспериментального исследова-

ния ценностей трёх поколений поляков и русских, проходящих социализацию при разных политических режимах (20-, 40- и 60-летних).

Одной из наиболее существенных является проблема номенклатуры базовых ценностей той или иной культуры. В России для определения списка и иерархии базовых ценностей россиян было проведено масштабное социологическое исследование, включающее ряд этапов, в ходе которого было опрошено более 6 тысяч респондентов [1]. В результате был составлен список базовых ценностей (38 слов) и антиценностей (30 слов) россиян. В Польше такого исследования не проводилось, поэтому перед лингвистами встала задача составления более или менее полного списка базовых ценностей поляков, который можно будет применять для сопоставительного описания ценностей поляков и русских. В аксиологии существует обоснованное мнение о том, что набор ценностей носит универсальный, общечеловеческий характер; этноспецифические различия же касаются не номенклатуры, а содержания ценностей. Однако даже весьма неполные сведения имеющихся социологических опросов, проведённых в Польше, поставили под сомнение идею использовать для исследования ценностей поляков переведённый на польский язык русский список. Например, современное российское общество никак не отрефлексировало такие ценности как *честь, совесть, гордость, чувство собственного достоинства* (ни одного из этих слов нет в списке 38 базовых ценностей россиян). Для польской культуры, скорее всего, большое значение будет иметь ценность *honor*, о чём свидетельствует и упомянутый уже соцопрос: в качестве наиболее значимой ценности для поляков *честь* (*honor*) отметили 45% польских респондентов. Таким образом, список слов, обозначающих базовые ценности, необходимо определять экспериментальным путём для каждой культуры, хоть это и потребует значительных усилий и времени.

Основной задачей российско-польского проекта является выявление содержания общечеловеческих ценностей в языковом сознании и составление словаря-справочника, содержащего сопоставительное описание ценностей поляков и русских. Отчасти содержание ценностей описано в энциклопедических и лингвистических (толковых и др.) словарях. Но уже начальный этап психолингвистического исследования выявляет несоответствие между данными словарей и экспериментальными данными, в которых раскрывается содержание ценностей в сознании живых носителей культуры. Так, например, компонентный анализ дефиниций толковых словарей (как русских, так и польских) показал, что в структуру значения слова *вера* входят семы *доверие* и *убеждения*. Однако уже на первом этапе составления списка базовых ценностей россиян русские респонденты выделили в отдельные (не синонимичные) ценности *веру*, *убеждения* и *доверие*. Далее при обследовании методом семантического дифференциала и кластерного анализа обнаружилось, что эти ценности действительно чётко разграничиваются в русском языковом сознании. По семантическим координатам значения *вера*, *убеждения* и *доверие* попали в разные кластеры: *вера* находится в семантической близости со *стабильностью* и *покоем*, *убеждения* – с *образованием* и *профессионализмом*, а *доверие* – с *дружбой*, *безопасностью* и *родиной.*

Очевидное несовпадение данных словарей и обыденных представлений носителей культуры ещё раз подтверждает мысль о неоднородности общественного сознания. При описании содержания ценностей целесообразно дифференцировать общественное языковое сознание, выделив три уровня: 1) уровень общественного официального сознания, овнешняемый в официальных документах, энциклопедических и специальных словарях и содержащий официальные (государственные) описания ценностей; 2) «промежуточный» уровень, реализующийся в лингвистических словарях, где авторы (учёные-лингвисты) дают интерпретацию обыденных представлений носителей языка; 3) уровень обыденного (профанного), выявляемый путём психолингвистических экспериментов и содержащий значения, используемые в повседневной деятельности носителями данной культуры.

Описание содержания ценностей на трёх уровнях общественного сознания даст наиболее полное представление о ключевых смыслах русской и польской культур.

Сопоставительное изучение содержания ценностей в русском и польском языковом сознании, несомненно, имеет существенную теоретическую значимость, так как позволяет прояснить ряд вопросов о закономерностях формирования, развития, функционирования языкового сознания. Не менее очевидна и практическая целесообразность подобных международных проектов. Востребованным и значимым результатом такого научного сотрудничества должно стать появление современных словарей-справочников, раскрывающих реальное содержание общечеловеческих ценностей в разных культурах. Такие словари, освоенные студентами в процессе изучения польского, русского, белорусского и любого другого языка как иностранного, позволили бы осуществлять гораздо более гармоничную межкультурную коммуникацию в связи с адекватным восприятием ценностных ориентиров партнёров по диалогу.

Литература

1. Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы. / Под ред. Рябова А.В., Курбангалиевой Е.Ш. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2003. – 448 с.
2. Мамардашвили, М.К. Философские чтения / М.К. Мамардашвили. – СПб.: Азбука-классика, 2002. – 832 с.
3. Россияне и поляки: взаимное восприятие [Электронный ресурс] / Фонд «Российско-польский центр диалога и согласия». Публикация: 03.03.2013. URL: http://www.rospolcentr.ru/TabId/227/Default.aspx?ArticleId=69 (Дата обращения: 12.10.2013).

И.С. Елисеева (Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова)

ИНОЯЗЫЧНЫЕ НЕОЛОГИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ГАЗЕТНОМ ТЕКСТЕ (КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В связи со становлением и развитием в современном языкознании коммуникативно-прагматического направления исследовательской деятельности стало возможным говорить о прагматическом подходе к изучению единиц разных языковых уровней, в том числе иноязычных неологизмов современного русского газетного текста. Обращение к исследованию прагматики функционирования иноязычий-неологизмов в газетном тексте объясняется не только тем, что данные лексические единицы характеризуются несформировавшимся семантическим объёмом и стилистической неопределённостью, но и возможностью для нового слова пройти стадию социализации, т.е. быть принятым в обществе.

Материалом для наблюдения послужили факты употребления иноязычных неологизмов в текстах современных (кон.XX - нач.XXI в.) русскоязычных периодических изданий Беларуси, ориентированных на массовую аудиторию читателей, а именно: «Советская Белоруссия» (СБ), «Аргументы и факты» (АиФ), «Знамя юности» (ЗЮ), «Рэспубліка» (Р), «Независимая газета» (НГ), «Свободные новости» (СН), «Комсомольская правда» (КП), «Белорусская газета» (БГ), «Компьютерная газета» (КГ), «Спортивная панорама» (СП) и др.

Как известно, конструктивный принцип газетного языка составляет единство экспрессии и стандарта. Иноязычия-неологизмы с точки зрения эффективности коммуникации можно отнести к особому способу речевого воздействия, так как данные лексические единицы представляют собой экспрессивные модели, которые являются более яркими на фоне нейтральных, стандартных слов и выражений.

С прагматической точки зрения употребление в газетном тексте иноязычных неологизмов сопровождается стремлением автора-адресанта быть понятым читателем-адресатом. Именно этим объясняется окружение новообразований **пояснительным**

контекстом, представленным различными текстовыми формами. Это может быть либо ссылка на лексикографическую дефиницию иноязычного слова, либо авторское разъяснительное комментирование, в котором содержится разнообразная лингвистическая информация о слове, либо метаязыковое высказывание, либо цепочка взаимосвязанных высказываний. Объединяет всю совокупность обозначенных текстовых форм общая цель – стремление адресанта избежать коммуникативной неудачи.

Включение иноязычного неологизма в газетный текст чаще всего сопровождается **ссылкой на его словарную дефиницию**, которая может быть приведена как в достаточно полном объёме, так и в сокращённом варианте, причём без чёткого указания на лексикографический источник. Типичные примеры: *В кодексе классифицированы все виды преступлений:* ***‘кракинг’*** *(взлом, уничтожение, воровство информации);* ***‘хакинг’*** *(подключение к чужим адресам, замена или изменение информации, обман телекоммуникационных служб, распространение компьютерных вирусов);* ***‘сниффинг’*** *(несанкционированное электронное прослушивание или распознание паролей)…*(СБ, №167-168, 1998); *В свете изложенного теряет значение идея проведения по всей стране* ***‘праймериза’*** *- предварительного голосования среди сторонников оппозиции для определения наиболее популярного кандидата* (СН, 2000, № 49); *В первом официальном чемпионате Беларуси по* ***драгрейсингу*** *(парные гонки на дистанции около 400 метров),…принимали участие более 40 спортсменов из нашей страны и Украины* (СБ, 2006, № 98).

Обозначенный способ включения иноязычных неологизмов в газетный текст представляется вполне логичным и уместным, поскольку обусловлен спецификой языка самой газеты, её целевыми установками, одной из которых является стремление к достижению более или менее полного, но обязательно достаточного взаимопонимания между коммуникативными партнёрами.

В некоторых случаях толкование иноязычия-неологизма может содержать **краткие энциклопедические сведения**: *Появление ‘****эр-бэга’*** *- надувной подушки безопасности для автолюбителей, ежегодно спасающей десятки тысяч жизней при автомобильных авариях, человечество обязано … жившему во второй половине 15 - начале 16 веков гениальному итальянцу Леонардо да Винчи* (СБ, 1998, №174-175); *В современном понимании* ***Spa (от латинского sanitas per aqua – здоровье через воду)*** *– это комплекс процедур с использованием воды: минеральной, морской или пресной, а также морских водорослей и соли, лечебных грязей и целебных растений* (КП, 2005, № 95).

Значение иноязычного слова в газетном тексте может истолковываться, уточняться и дополняться через соположение синонимичных, близких по смыслу единиц: *Но, на мой взгляд, ничто так не поднимает корпоративный дух, как совместные занятия* ***фитнесом*** *(или* ***аэробикой****)…* (АиФ, 2006, № 47); *Но у нас сегодня такой же капитализм, как и везде: деньги – время – деньги. Как всегда, нужен* ***меценат*** *или* ***спонсор*** (АиФ, 2004, № 46); *Следует признать, что автоматически перенесённый на белорусскую действительность термин* ***"маркетинг"*** *неудачно заменил устаревшие* ***отделы сбыта*** (СН, 2000, №17).

Подобное явление мы можем наблюдать и тогда, когда адресант стремится истолковать иноязычие путем **противопоставления** чему-то данному, хорошо известному. В результате один из членов антонимической пары оказывается семантически более «нагруженным» и информативным, что характерно именно для нового слова, например: *Утолив первый голод чипсами и гамбургерами, люди стали разборчивее. В противовес набившему оскомину* ***фастфуду*** *возникло новое движение –* ***"Sloyfood"*** *("Еда без спешки")* (АиФ, 2008, №29); ***Яппи*** *– в противовес* ***хиппи*** *– молодые люди, полностью поглощённые собственной карьерой и повышением уровня образования. В США и Европе они заявили о себе ещё в начале 80-х. Но, похоже, этот доселе невиданный тип – уни-*

верситетский ***яппи*** *– наконец появился и у нас, в среде белорусского студенчества* (ЗЮ, 1999, №5).

Форма подачи иноязычных неологизмов посредством использования **описательных конструкций** видится нам более удачной, нежели простая ссылка на лексикографическую дефиницию, поскольку в словаре могут быть отражены далеко не все оттенки значения, которые иноязычное слово приобретает в языке-реципиенте. В качестве примера приведём истолкование иноязычия-неологизма *пилатес* в газетном тексте, которое несомненно выигрывает при его сопоставлении с лексикографической дефиницией слова в электронном словаре ABBYY Lingvo 12: ***Пилатес****… Суть* ***пилатеса*** *заключается в проработке самых глубинных мышц, которые невозможно задействовать никакими физическими нагрузками. Система упражнений направлена на укрепление мышечного корсета при минимальной нагрузке на позвоночник…* ***Пилатес*** *– это сплетение системы дыхания с особенным положением тела. За внешней простотой кроется кардинальная внутренняя концентрация – ведь одновременно человек должен правильно дышать, правильно двигаться и многое другое… Ещё одно достоинство* ***пилатеса*** *– с занятий уходишь не уставшим, а наоборот, набравшимся сил* (АиФ, 2006, №42). Ср.: ***Пилатес*** *– комплекс физических упражнений; лечебная физкультура и направление в фитнесе; по имени разработчика.* ***Pilates –*** *a system of gentle exercise performed lying down that stretches and lengthens the muscles, designed to improve posture, flexibility, etc Etymology: named after Joseph Pilates (1880-1967), its German inventor* (ABBYY Lingvo 12).

Употребление новой иноязычной лексической единицы в газетном тексте ведёт к появлению так называемых «зон коммуникативного напряжения». В этом случае метаязыковой комментарий выполняет не только координирующую функцию, но и выступает как своеобразный механизм защиты, фиксируя внимание адресата, восстанавливая информативную устойчивость текста, которая может нарушаться за счет появления в нём иноязычной неолексемы: *Возможно, кто-то рассчитывает на депутатскую неприкосновенность…надеются на то, что получат ТВ и радио, в общем государственные СМИ, чтобы сделать* ***промоушн. То есть продвигать себя, становиться более известными и увеличивать шансы на президентских выборах***…(СН, 2000, №36).

Довольно часто авторский комментарий предваряет появление в газетном тексте иноязычия-неологизма, что связано со стремлением адресанта предупредить коммуникативную неудачу, истолковав значение неолексемы непосредственно перед её включением в текст: *В каждом крупном магазине есть специалисты по продвижению товара. Они занимаются его выкладкой, иначе – представлением покупателю. Это* ***мерчандайзеры****…* (АиФ, 2008, № 31); *Специалисты центра экспертизы и проверки в здравоохранении поясняют, что* ***воспроизведённые препараты – дженерики*** *точно также проходят экспертизы и проверки, даже более* (АиФ, 2005, №11).

Истолкование значения иноязычного слова в газетном тексте может сопровождаться акцентированием точки зрения адресанта, его предпочтений, оценки, эмоций: *Конечно, влияние* ***гламура*** *достаточно сильно и отрицательно. Слишком большое внимание уделяется поверхностному и наносному, неким признакам благополучия. Всё побыстрому, «любовь на бегу». Но люди уже начинают понимать, что это в значительной степени мишура. Хотя…в этой «мишуре» есть и хорошие аспекты. Следить за внешностью, например*…(АиФ, 2007, №10). Именно в контексте авторского комментария неологизм *гламур* приобретает дополнительную отрицательную коннотацию, которая отсутствует у прототипа данного иноязычия в языке-источнике. Ср.: *'****glamour*** *– сущ. 1) волшебство, чары; чарующая сила (Syn: sorcer, magic, enchantment, spell); 2) шарм, обаяние; очарование; привлекательность (Syn: charm , attractiveness , allure)'* (ABBYY Lingvo 12).

Таким образом, употребление иноязычных неологизмов в текстах русскоязычных периодических изданий Беларуси кон.XX - нач. XXI века в большинстве случаев соотносится с потребностями и мотивами аудитории, активизирует внимание читателя, становится неотъемлемым средством достижения эффективности общения.

Литература

1. ABBYY Lingvo 12.0 – Англо-русский словарь общей лексики (The Universal English-Russian Dictionary) // ABBYY Lingvo 12 [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые дан. (542 883 840 байт). – М.: ABBYY Software House, 2006. – 1 CD-ROM.
2. Москалёва, Е.В. Прагматические особенности функционирования английских и русских неологизмов: (на материале художественных и публицистических текстов): дис. … канд. филол. наук: 10.02.20 / Е.В. Москалёва. – М., 2003. – 181 с.

Е.А. Красина (Российский университет дружбы народов, Москва, РФ)

РЕЧЕВЫЕ АКТЫ КАК ОБЪЕКТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В коммуникативно-прагматическом аспекте речевые акты принято рассматривать как модельные образования, имеющие трехуровневую структуру. Их основные характеристики – интенциональность и конвенциональность – задают общий ракурс исследования, а иллокутивные цели, охарактеризованные основоположниками теории РА Дж. Остином и Дж. Сёрлем, позволяют выделить от трёх до пяти классов таких образований [2]; [4].

Интенциональность речевого акта [3] предстает как параметр говорящего субъекта **я**, как его психологическое состояние, соотносимое с пропозициональным содержанием высказывания и с условиями выполнимости, искренности речевого акта. Однако она может быть проинтерпретирована и вне речевого акта как проекция на коммуникативные цели высказывания, как анализ семантических функций грамматических форм в их отношении к смысловому наполнению высказывания говорящим субъектом. В этой связи грамматическим значением любого РА признается перформативность, переданная глаголом-предикатом речевого действия в соответствующем перформативном высказывании, семантика которого задается формулой *я – здесь – сейчас.*

Конвенциональность определяется условиями общения и аутореферентностью перформативного высказывания, которое строится по схеме: *говорящий субъект Я – речевое действие – слушающий субъект ТЫ*, и говорящий субъект оказывается ведущим участником коммуникации.

Языковая форма речевого акта представлена базовой двухкомпонентной синтаксической схемой $\mathbf{N_1V_{fin}}$, универсальной для индоевропейских языков.

В ходе сопоставительного анализа теоретических построений было выявлено, что основные различия обусловлены семантикой предикатов перформативных высказываний, их большей детализацией (см. Ю.Д. Апресян [1]), либо большей абстрактностью, связанной с тяготением к выражению иллокутивной цели и только. Если таксономии Дж. Остина [2] и Дж. Сёрля [4] в первую очередь опираются на ядерные значения иллокутивных предикатов, то Ю.Д. Апресян максимально расширяет круг значений и, фактически, приходит к анализу речевых жанров в рамках ТРА.

Сопоставительный анализ РА отдельного класса предполагает более детальный анализ семантики перформативных предикатов и высказываний, что в конечном итоге приводит к необходимости различения их дескриптивных значений и смыслов, с одной стороны, – они устанавливаются по словарям; и прагматических, структурных значений, заданных условиями коммуникации, полярностью ролей участников РА, тренарной структурой РА как такового, включающей акты локуции, иллокуции и перлокуции.

КЛАССИФИКАЦИИ ПЕРФОРМАТИВНЫХ ПРЕДИКАТОВ И РЕЧЕВЫХ АКТОВ

Таксономия		
Дж. Остин	**Дж. Серль**	**Ю.Д. Апресян**
Экспозитивы Вердиктивы	Ассертивы	Специализированные сообщения и утверждения Согласия и возражения
Комиссивы	Комиссивы	Обещания
Экзерситивы Вердиктивы	Директивы	Просьбы Предложения и советы Предупреждения и предсказания Требования и приказы Запреты и разрешения
Вердиктивы Экзерситивы	Декларативы	Признания Одобрения и осуждения Прощения Специализированные акты отчуждения Называния и назначения
Бехабитивы	Экспрессивы	Речевые ритуалы Признания Одобрения Прощения Специализированные акты отчуждения

Обратимся к конкретному классу РА – комиссивам, иллокутивная цель которых – «обязать говорящего сделать нечто». Семантическим ядром комиссивных предикатов является глагол «обещать».

На материале русского языка выделяются пять типичных структурных моделей комиссивов:

1. ***Я (Мы) X {имплицированная пропозиция}***
2. ***Я (Мы) X +Инфинитив***
3. ***Я (Мы) X + предлог N 4, 6/ Pron 4, 6 в функции дополнения***
4. ***Я (Мы) X + (что) + придаточное дополнительное предложение***
5. ***{имплицированное я (мы) X (что)} Я (Мы) + V fin (буд. вр.) + N, Pron***

Перформативная парадигма предложения в английском языке позволяет выявить несколько вариантов. В качестве типичных синтаксических структур комиссивов английского языка мы выделили следующие:

1. ***I (We) X {Implicit Proposition}***
2. ***I (We) X +Infinitive***
3. ***I (We) X + (Prep) Noun4/ (Object Pronoun)***
4. ***I (We) X + (Prep) Gerund***
5. ***I (We) X + (that) + Clause***
6. ***{Implicit I (We) X (that)} I (We) + V fin (Future) + Noun,***

Таким образом, при наблюдаемой общности базовой структурной схемы выявляются морфолого-синтаксические различия, связанные с наличием/отсутствием ряда форм, например, герундия в современном русском языке, падежных форм в английском, иными словами, проявляются такие релевантные типологические характеристики английского и русского языков, как аналитизм и синтетизм. Отдельным предметом исследования является семантические различия перформативных предикатов, как в сфере дескриптивных (словарных) значений, так и в сфере прагматически обусловленных, коннотативных смыслов.

Литература

1. Апресян, Ю.Д. Перформативы в грамматике и словаре / Ю.Д. Апресян // *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. В 2 тт. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – Т.2. – С. 199 – 218.
2. Слово как действие / Дж. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. XVII. – С. 22 – 130.
3. Природа интенционалных состояний / Дж.Р. Сёрль // Философия. Логика. Язык. – М.: Прогресс, 1987. – С. 96 – 126.
4. Сёрль Дж.Р. Классификация речевых актов. / Дж.Р. Сёрль // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. XVII. – С.170 – 194.

І.М. Курловіч (БДСГА, г. Горкі)

ПРЫСЛОЎІ З СЕМАНТЫКАЙ “ХУТКА” Ў СТАРАБЕЛАРУСКАЙ МОВЕ

Нягледзячы на тое, што прыслоўе як часціна мовы ў старабеларускай мове многімі даследчыкамі не вылучалася, тым не менш словаформы з прыслоўнай семантыкай даволі шырока ўжываліся ў помніках старабеларускага пісьменства. Яшчэ больш шырока прадстаўлены яны ў сучаснай беларускай літаратурнай мове, у якой акрамя нарматыўна-узуальных адзінак на працягу XX – пачатку XXI ст. актыўна ўтвараюцца індывідуальна-стылістычныя неалагізмы-прыслоўі.

У сучаснай беларускай літаратурнай мове паводле значэння прыслоўі дзеляцца на дзве вялікія групы. Да першай групы адносяцца прыслоўі акалічнасныя (*блізка, высока, нашто* і г.д.), да другой – прыслоўі якасныя, якія характарызуюць дзеянне або прымету з боку якасці (*боязна, хораша, цвёрда*). Звычайна вылучаецца і трэцяя, прамежкавая група прыслоўяў, у якіх значэнне якаснай характарыстыкі спалучаецца з акалічнаснымі значэннямі характару і спосабу дзеяння, параўнання або сумеснасці [1;194].

Прадметам нашага аналізу з’яўляюцца якасныя прыслоўі з семантыкай “хуткасці”, што функцыянавалі ў старабеларускай мове.

Прыслоўі са значэннем “што адбываецца з вялікай хуткасцю або ў кароткі прамежак часу, а таксама што павінна адбыцца праз невялікі прамежак часу” дастаткова часта выкарыстоўваліся ў помніках старабеларускага пісьменства. Характэрнай асаблівасцю старабеларускіх прыслоўяў з’яўляецца значная варыянтнасць словаформаў, што звязана найперш з выпрацоўкай найбольш сталых і заканамерных узораў такіх утварэнняў, а таксама тлумачыцца рознымі крыніцамі паходжання прыслоўяў. Нягледзячы на выкарыстанне шматлікіх варыянтных формаў прыслоўяў гэтай семантыкі, яны дастаткова раўнапраўна суіснавалі ў старабеларускай мове. Параўнаем:

Быстро, быстре. 1. Хутка, імкліва. *Ангел быстро летае, яко орелъ добрыи слоужитель хсъ (Чэцця, 227б). 2. Праніклівa (пра погляд). Видети остро – смотрити быстро* (Зіз.,19) [2,272]. (Тут і ў далейшым прыклады прыводзяцца паводле Гістарычнага слоўніка беларускай мовы. У дужках пазначаецца нумар выпуску і канкрэтная старонка).

Барзо, бардзо, барздо, барзе – Вельмі, надта, дужа. *Тотъ жидъ такъ барзо по собе поруки не далъ* (АВК, V, 217, 1572); *при которой папузе и иншыхъ речей бардзо много забралъ* (АВК, XX, 51, 1585);… *потомъ же обитель бардзо зруинованую* (АВК,III, 8, 1521); *иоан ст… так барзе поступил иж от самого господа ест похваленный* (Зб. 261, 74б) [2, 196].

Вборзде, вборзе,уборзе – Неўзабаве, хутка. *Къ Барану доброго чоловека приставивши, вборзде къ намъ пошлете* (КЗ, 339, 1481); *мы быхмо своего легкого человека… вборзе къ вамъ прислали прискочиша уборзде послании от стополка* (Чэцця, 241б) [3, 18].

Воборзе – Тое, што і вборзде. *Благовернии мужи… воборзде побегли кораблемъ* (Чэцця, 196) [3, 74].

Внетъ, внэтъ – Адразу,зараз жа, хутка, скора. *Былъ бы внетъ за зменника, а потомъ, подобно, и што горей бы ся зъ нимъ здеяло* (АЗР, IV, 107, 1595) [3, 59].

Впрудце, впродце – У хуткім часе. *При оповеданью оного Гошка, якось впродце и сыначекъ его Гошка малый…*(АСД, I, 296, 1636); *впрудце умер крол вандалский и бич або моц…*(Зб. 752, 500) [3, 246].

Врихле, врыхле – У хуткім часе, неўзабаве. *Ожнак же вси права до остатку врыхле не могут ся зложити* (Ст. 1529, 55); *померли теж потом врихле и два сыны Ярославови* (Стрыйк., 458б) [3, 359].

Живне, жывне – Як мага хутчэй. *Ты, Мартине Дохо… его шаблею… по плечамъ билъ, млрдовалъ и подъ нимъ яко живне хотелъ паставилъ* (АВК,I, 282, 1617); *…в чомъ же одно жывне нарушати, ино таковый кождый з нихъ…*(ИЮМ, XXI, 459, 1626) [4, 14].

Живо, жыво – Жвава, борзда. *Всякож рицерство его одно збили, другое живо поймали* (Стрыйк., 613); *…до маетности его милости Свислочы жыво утекъ* (АВК, XVIII, 209, 1607) [4, 16]. У другім значэнні прыслоеў ***живо (жыво)*** ужываецца са значэннем «жыўцом, у жывым стане».

Загоряча – Адразу, зараз жа, без затрымкі. *Па гарачаму следу тогды жъ, загоряча (кгды еще речи тыи забраны у нихъ), было прошено* (АЗР, II, 396, 1544) [4, 171].

Замалымъ – Хутка, скора. *Если бы не господь помог ми замалым мешкала бы в пекле душа моя* (Пс. XVI, 95б) [4, 284].

Квапливе – Спешна, паспешна. *Запаливши место, чолнейших з великими скарбами и лупами до руси як быдла квапливе загнали* (Стрыйк., 475) [10, 14].

Квапне, квапно – Спешна, паспешна. *Квапно того есмо не чинили, валки есмо не починали* (АЗР,II, 271, 1533–1538); *не хотячи того квапне чынити, а ни тое шкоды нашое даремно упустити* (Арх. ЮЗР, VIII–5,15, 1538) [10, 14].

Нагле, нагло – Хутка, скора, адразу, зараз жа. *С розмаитыми спижами черес тыи земле и королевства нагле шли иже оуси оных земль подлоуг слыханія старого и поведаніа творели* (Валх., 56); *так нагло млоденца згубивши* (Бельск., 27) [15, 347].

Прудко, прутко – 1. Хутка, жвава, шпарка. *Могутъ люди непріятелъскии прутко, а безъ вести прибегъши, и тамъ за острогомъ стоячи…*(Арх. ЮЗР, VIII–1,79, 1552); *…которие барзо прудко парканъ перешли* (Хр. польск., 19) [29, 14]. У другім значэнні прыслоеў ***прудко (прутко)*** ужываецца са значэннем «у кароткі час, тэрмінова».

Рыхло, рихло – Хутка, шпарка, паспешна. *…реклъ слузе своему, выйди рыхло на оулицы й на ростани места* (Еванг. Кал. II, 167); *як рихло будетъ судъ страшный остатній* (Зб. 259, 352) [30, 14].

Як вядома, якасныя адпрыметнікавыя прыслоўі маюць формы ступеней параўнання – вышэйшую і найвышэйшую, якія паказваюць на розную ступень праяўлення дзеяння, стану ці якасці. Формы ступеней параўнання прыслоўяў дастаткова шырока выкарыстоўваюцца ўжо ў помніках старабеларускага пісьменства. Параўн.:

Быстрей – Хутчэй. *Богатство которое час пригоды и надеи быстрей над учителя утекаючого утекаетъ* (Зб. 752, 593б) [2, 272].

Радей, радее – Хутчэй. *Онъ радей собравъ воиско изыиде противу имъ во пустыню* (Скар. ЛК, 47); *раде бы еси хотелъ абы ся былъ не народилъ, и дань нарожения твоего проклинеши* (Скар. ІС, 37б) [29, 433].

Найбарзей, найбардзей – Найхутчэй. *Найбарзей тые речи к новали, и словне листовне* (Апакр., 207); *въ чомъ отцове базылиане… найбардзей не будучи безпечными въ спаленю монастыра…* (АВК, I, 336, 1666) [19, 41].

Напрудшей, напрудца, напрудце, напрудчей, напрудше, напружей – Найв. ступень ад прудко. *Дружненна напрудца усела и выехали с твердого Момбрада* (Бава, 153);*…которые напрудчеи поготову были на одну громаду скласти а з них могилу учынити* (Атыла, 199); *…которую што напрудше дати прагнулъ* (Апакр., 89); *сама сторо-*

на, хотячи яко напружей при своей власности зоставать, не афектовалъ (АВК,XV, 219, 1667) [19, 241].

Найрыхлей, найрихлей – Найв. ступень ад рыхло. *Еслибы еще не спорядил дому своего, нехай што наирыхлей споряжаеть* (Навука, 125); *Александр… казалъ што наирихлей, к городу приступати і с чотырох сторонъ на город стреляти* (Алекс. 1697, 12б) [19, 76].

Найспешней – Найв. ступень ад спешно... яко найспешней бытии можетъ, на враде признать и скутечне то зыстить его милость обещать рачилъ (АВК,XI, 54, 1593) [19, 79].

Старабеларускія прыслоўі з семантыкай **хутка** далёка не ў поўным складзе сталі набыткам сучаснай беларускай літаратурнай мовы. Як сінанімічна раўнапраўныя сёння ў беларускай мове выкарыстоўваюцца такія словаформы, як *скора, спешна, паспешна, паспешліва, спехам, торапка, жвава, мігам, уміг, імкліва, умомант, бегла, маланкава, хапліва, борзда, борздка* і г.д. Такія і падобныя словаформы належаць да прадуктыўных сродкаў у мове мастацкіх твораў многіх паэтаў і празаікаў. Параўн.: Вельмі шпарка нёсся аўтамабіль (*З. Бядуля*); Развітваюцца маўкліва, паспешліва (*І. Навуменка*); Па тратуары ішла таропка жанчына з кошыкам (*П. Галавач*); Лодка шыбуе быстра, нячутна плыве, пакідаючы за сабой пасярэбраную месяцам дарожку (*А. Асіпенка*).

Нягледзячы на невысокую ступень захаванасці старабеларускіх прыслоўяў, словы гэтай групы застаюцца адным з важнейшых рэзерваў і прадуктыўных узораў папаўнення лексічнага складу сучаснай беларускай літаратурнай мовы новымі адзінкамі, большасць з якіх – індывідуальна-аўтарскага ўтварэння, паколькі менавіта «інавацыйна-аўтарскае словаўтварэнне выступае адным з найважнейшых і дзейнасных стымулятараў далейшага развіцця і ўдасканалення розных структурных узроўняў сучасных славянскіх моў» [3, 144].

Літаратура

1. Беларуская граматыка. У 2-х ч. Ч. 1. Фаналогія. Арфаэпія. Марфалогія. Словаўтварэнне. Націск / АН БССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа / Пад. рэд. М.В. Бірылы. – Мінск.: Навука і тэхніка, 1985.
2. Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 1-30 / склад.: Т.І. Блізнюк, А.М. Булыка, П.В. Вярхоў [і інш.]; Гал. рэд. А. І. Жураўскі, А.М. Булыка. – Мінск: Навука і тэхніка, Беларуская навука, 1982-2010.
3. Прыгодзіч, М.Р. Аўтарская неалагізацыя ў сучасных славянскіх мовах / М.Р. Прыгодзіч // Мовазнаўства. Літаратуразнаўства. Фальклярыстыка: XV Міжнародны з'езд славістаў (Мінск, 20-27 жніўня 2013 г.): даклады беларускай дэлегацыі; рэдкал: А. А. Лукашанец (адк. рэд.) і інш. – Мінск: Беларуская навука, 2013.

И.М. Лейко (Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)

ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА

Прагматическая лингвистика занимается исследованием проблем элементарных речевых актов, прагматического значения и речевого общения. Проблемы прагматики разрабатывали и продолжают разрабатывать многие ученые: Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, В.З. Демьянков, В.А. Звегинцев, В.И. Карасик, В.В. Красных, Г.М. Матвеева, Б.Ю. Норман, Е.В. Падучева, Г.Г. Почепцов, Л.В. Правикова, А.А. Романов, Л.П. Рыжова, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, С.А. Сухих, В.Н. Телия и др. Адресант (говорящий), адресат (слушающий), коммуникант (участник коммуникативной ситуации), интенция (цель), речевой акт – это термины, которые используются в прагмалингвистике. Целью нашей работы является определение объема понятия «прагматический уровень» применительно к изучению речевого портрета, в частности директивных речевых актов в речи студентов и старшеклассников.

Когда человек высказывает мысль, он совершает определенное действие, которое направлено на адресата. «Это действие определяется целью (намерением) говорящего и называется в прагмалингвистике речевой акт, речевой поступок или речевое действие» [6; 33]. А.А. Леонтьев отмечает, что речевому действию внутри целостного акта деятельности присущи мотивированность, целенаправленность [8; 33]. Преследуя определенные цели, человек воздействует на реальность, имея дело только лишь со знаками действительности.

Описание языкового уровня речевого портрета может включать в себя характеристику единиц одного или нескольких уровней языка. Мы рассматриваем речевой портрет как совокупность лексико-грамматических особенностей, которые делают личность узнаваемой при выборе речевого поведения. Понятие «речевой портрет» тесно связано с понятием «языковая личность», поэтому к описанию речевого портрета применима структура описания языковой личности. Одним из первых определение языковой личности дал Г.И. Богин, в соответствии с концепцией которого языковая личность – это «человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [1; 1]. Это определение является коммуникативно-прагматическим. В одной из работ В.И. Карасика языковая личность определяется как «человек, существующий в языковом пространстве – в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке, в значениях языковых единиц и смыслах текстов» [3; 8]. Данное определение также раскрывает прагматический подход к описанию речевого поведения говорящего.

Лексические особенности речевого портрета витебских студентов и старшеклассников соответствуют лексическому аспекту описания; особенности употребления фразеологических единиц, и в частности паремий отражают картину мира говорящего и его отношение к языку, соответствуют когнитивному и лингвокультурологическому подходам описания; а особенности речевого поведения студентов и старшеклассников отражают прагматический аспект описания речевого портрета. При этом мы фиксируем «яркие диагносцирующие пятна» речевого поведения, выражающие ценностный и культурологический аспекты.

Прагматическое значение языкового выражения – это содержащаяся в нем информация об условиях его употребления – многообразных аспектах коммуникативной ситуации, в которых оно используется [5;60]. Эти аспекты раскрывают отношение говорящего к предмету речи, отношения между говорящим и адресатом, обстановку общения (официальную или неофициальную) и цель, которую говорящий хочет достичь с помощью своего высказывания.

Для описания речевого портрета необходима фиксация лексико-грамматических средств, которые использует говорящий для достижения поставленных целей общения. «Для обычного человека, не лингвиста, выбор нужной формы и построение фразы в целом – преимущественно автоматизированный процесс» [7;82-83]. Б.Ю. Норман отмечает, что грамматические явления носят массовый характер, а грамматика в целом категоризирует сознание человека, предлагает для использования готовые образцы. В новой ситуации коммуникант использует готовые языковые средства, которые включают названия, способы включения этих средств в контекст и сами контексты [7; 85]. Под грамматичностью ученый понимает «степень обязательности и регулярности» грамматического явления. И чем менее строгим, менее регулярным, является грамматическое явление, тем больше оно обладает прагматическими характеристиками. Но грамматическое выражение всегда происходит лексическими средствами языка, по-

этому мы рассматриваем лексико-грамматические особенности выражения прагматического значения.

В зависимости от реализации различных условий речевого общения речевой акт может быть успешным или неуспешным. Это зависит от того, достигнуты ли коммуникативные цели общения. На успех коммуникативного общения влияют речевое поведение и сила интенции адресанта и интенция второго участника общения – адресата.

Рассмотрим директивные речевые акты студентов и старшеклассников по силе интенции. Можно выделить 3 степени различия данного признака:

1. Наиболее сильное эмоциональное побудительное значение выражается речевыми актами в форме общего вопроса и речевыми актами, имеющими в своем составе имя существительное. В данных случаях предполагается беспрекословное выполнение требования, заключенного в высказывании («*Тишина*, *я сказал*!», «*Вопросы ко мне есть*?!», «*Место*!», «*Дети на порог*!»). Как правило, все директивные речевые акты данной группы являются восклицательными по цели высказывания.

2. Высказывания с глаголами в форме повелительного наклонения, инфинитивные по форме предложения и наречия в неполных предложениях заключают в себе директивные речевые акты, которые подразумевают выполнение требования в умеренной степени («*Сюда*!», «*Не говори ничего*», «*Не отставать*!», «*Смотри*!», «*Садись, пей кофе*!»).

3. Высказывания в форме общего вопроса со словами *надо*, *нельзя*, специальные вопросы и высказывания с глаголами в личной форме используются в директивном значении для выражения директивного значения с наименьшей силой интенции («*Да куда ты*?», «*А можно мы пойдем*?», «*Может быть, это споет*?», «*Надо учить*»).

Таким образом, наибольшей силой интенции обладают директивные речевые акты, представляющие собой по цели высказывания восклицательные предложения, а по структуре – назывные односоставные предложения, неполные двусоставные предложения, предложения в форме общего вопроса. Прагматическая характеристика речевого портрета определяется намерением говорящего, его интересами, мотивами и конкретными коммуникативными установками. Особенности речевого общения определяются уровнем знания логических структур говорящего и адресата, эмоциями и ситуативными факторами общения. Для описания речевого портрета необходима фиксация лексико-грамматических средств, которые использует говорящий для достижения поставленных целей общения. Наибольшей прагматичностью обладают менее регулярные лексико-грамматические явления.

Литература

1. Богин, Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов / Г.И. Богин : автореф. дис. . д-ра филол. наук. — Л., 1984. -31 с.
2. Богин, Г.И. Модель языковой личности в её отношении к разновидностям АДД. Л., 1984.
3. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград : «Перемена», 2002. – 474 с.
4. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 264 с.
5. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика: Учебник. Изд. 2-е. — М.: Едиториал УРСС, 2004. – 52 с.
6. Маслова, А.Ю. Введение в прагмалингвистику : учеб. пособие / А.Ю. Маслова. – 3-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2010. – С. 33.
7. Норман, Б.Ю. Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков) : курс лекций / Б.Ю. Норман. – Минск, 2009. – 183 с.
8. Олешков, М.Ю. Основы функциональной лингвистики: дискурсивный аспект: Учебное пособие / М.Ю. Олешков. – Нижний Тагил : НТГСПА, 2006. – 145 с.

В.Л. Лещенко (Гродненский государственный университет имени Я. Купалы)

ВАРИАНТЫ ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ С СЕМАНТИКОЙ ЦЕЛИ В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

В русском и белорусском языках сферу назначения функционально-семантического поля цели представляют конституенты, относящиеся к различным уровням языковой системы, в том числе и к словообразовательному. В данной статье рассматриваются словообразовательные варианты с целевым назначением, которые понимаются как видоизменения слова, характеризующиеся наличием одинакового лексико-словообразовательного значения 'предназначенный, служащий для того, что названо мотивирующим словом' и различающиеся звуковым составом словообразовательного элемента, например: рус. *сушилка сушильня*; *обрезочный* // *обрезной* – бел. *сушыльня* // *сушылка* // *сушня*; *абрэзачны* // *абразны* и др. Материал для наблюдений извлечен из толковых словарей русского и белорусского языков [1; 2]. Для полноты описания единиц использовались данные двуязычных словарей [3; 4].

В обоих языках словообразовательные варианты с целевым значением представлены в основном в равной степени существительными и прилагательными. Первые обозначают приспособления, приборы, механизмы, вместилища, помещения и т.д., предназначенные для хранения, содержания, осуществления чего-л.: рус. *игольник* // *игольница*, *подвеска* // *подвес* – бел. *кафейнік* // *кафейніца*, *сухарэзка* // *сухарэз* и др. Они мотивированы конкретными, вещественными именами или являются отглагольными образованиями, например: *табачница* // *табакерка*, *молельня* // *молельная* – бел. *супнік* // *супніца*, *раздзявалка* // *раздзявальная* и т.п. Прилагательные имеют значение отношения к назначению чего-л.: рус. *фуговальный* // *фуговочный* – бел. *рыхтовачный* // *рыхтавальны* и др. В обоих источниках зафиксировано приблизительно одинаковое количество вариантных рядов. Последние чаще состоят из двух компонентов, реже – из трех. При этом параллельные образования различаются суффиксами, реже различие связано с несходством мотивирующей основы (только от именной базы или от именной и глагольной основ), например: рус. *держатель* // *держалка*, *выварной* // *выварочный*, *очистительный* // *очистный*; *умывальня* // *умывалка* // *умывальная*, *резательный* // *резальный* // *режущий* – бел. *ігольнік* // *ігольніца*, *шторны* // *шторавы*, *запарны* // *запарачны*; *сушыльня* // *сушілка* // *сушня*, *змывачны* //*змыўны* // *змывальны*.

Особую группу русских и белорусских словообразовательных вариантов существительных составляют пары и ряды, члены которых в формальном плане представляют оппозицию изменения по субстантивному // адъективному типу склонения: рус. *молельня* // *молельная*, *читалка* // *читальня* // *читальная* – бел. *каравулка* // *каравульная*, *раздзявальня* // *раздзявалка* // *раздзявальная*.

В большинстве случаев русские и белорусские вариантные прилагательные и существительные имеют лексически одинаковые основы и суффиксы и совпадают по количеству членов в ряду, например: рус. *клепальный* // *клепочный* – бел. *клепальны — клёпачны*; рус. *приемный* // *приемочный* – бел. *прыёмны* // *прыёмачны*; рус. *игольник* // *игольница* – бел. *ігольнік* // *ігольніца*; рус. *бензозаправщик* // *бензозаправка* – бел. *бензазапраўшчык* // *бензазапраўка*; рус. *подвеска* // *подвес* – бел. *падвеска* // *падвес* и др. Можно говорить о регулярности варьирования суффиксов рус. *–ник-* // *-ниц-* – бел. *–нік-* – *-ніц-* у существительных, рус. *-льн-* // *-н-* – бел. *–льн-* // *-н-* у прилагательных. У последних также преобладает параллелизм единиц, образованных от основ разных – бел. *падкладны* // *падкладачны*.

С точки зрения функционально-стилевой большинство словообразовательных вариантов также имеет одинаковые характеристики: нейтральный // нейтральный (рус. *засольный // засолочный* – бел. *засольны // засолачны*; рус. *игольник // игольница* – бел. *ігольнік // ігольніца*); специальный // специальный (рус. *фуговальный // фуговочный* – бел. *фугавальны // фуговачны*; рус. *сучкорез // сучкорезка* – бел. *сукарэз // сукарэзка*); нейтральный // специальный (рус. *запарный // запарочный* – бел. *запарны // запарачны*); нейтральный // разговорный (рус. *парильня // парилка* – бел. *парыльня* // парылка).

Сопоставление колебаний анализируемых единиц двух языков позволяет выделить следующие несходства в формальном плане:

1) члены вариативного ряда имеют разные основы и одинаковые форманты (рус. *сахарник // сахарница* – бел. *цукарнік // цукарніца*; рус. *капельник // капельница* – бел. *кропельнік // кропельніца*);

2) один из членов ряда имеет тождественную основу, но иной суффикс (рус. *разливательный // разливочный // разливной* – бел. *разлівальны // разлівачны // разліўны*).

3) вариантные ряды различаются количеством членов ряда (рус. *режущий // резальный // резательный* – бел. *рэжучы // рэзальны*; рус. *стекловаренный // стекловарный // стекловарочный* – бел. *шклаварны // шклаварачны*; рус. *читальня // читалка // читальная* – бел. *чытальня // чыталка*);

4) имеет место отсутствие колебаний в одном из языков (рус. *обдирный // обдирочный* – бел. *шатравальны*; рус. *стеклорежущий // стеклорезный // стеклорезочный* – бел. *шкларэзны*; рус. *мерильный // мерительный* – бел. *вымяральны*; бел. *талеркавы // талерачны* – рус. *тарелочный*; бел. *пясочны // пясковы* – рус. *песочный*; бел. *палатачны // палаткавы* – рус. *палаточный*; рус. *светильник // светильня* – бел. *свяцільня*; бел. *пясочнік // пясочніца* – рус. песочница; бел. *ушчыльнік // ушчыльняльнік* – рус. *уплотнитель* и др.).

У членов вариантных рядов в некоторых случаях не совпадают функционально-стилевые характеристики, например: рус. *обрезной* // спец. *обрезочный* – бел. *абразны // абрэзачны*; рус. *разливательный* // спец. *разливочный* – бел. *разлівальны* // спец. *разлівачны // разліўны*; рус. *караульня* // прост. *караулка* // устар. *караульная* – бел. *каравульня* // разг. *каравулка*.

Среди анализируемых единиц русского языка частотны варианты с пометой «устаревшее», а также со стилистическими оппозициями «разговорное : просторечное», «разговорное : разговорное», что нехарактерно для колебаний белорусского языка.

Таким образом, наблюдения над русскими и белорусскими словообразовательными вариантами производных слов с семантикой назначения позволяют сделать вывод как о значительном сходстве этих единиц, так и о частичном своеобразии в их структуре, функционально-стилевой характеристике, количественной представленности в исследованных источниках.

Литература

1. Словарь русского языка: В 4 т. / Академия наук СССР. Ин-т русского языка; гл. ред. А.П. Евгеньева. – М.: Русский язык, 1981-1984. – Т.1-4.
2. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: У 5 т. / Акадэмія Навук БССР. Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа – Мінск: Галоўная рэдакцыя Беларускай Савецкай Энцыклапедыі, 1977-1984. – Т.1-5.
3. Русско-белорусский словарь. В 2 т. / Академия наук БССР. Ин-т языкознания имени Якуба Коласа; Ред. К.К. Атрахович (Кондрат Крапива). – Минск: Белорусская Советская Энциклопедия, 1982. – Т.1-2.
4. Белорусско-русский словарь. В 2 т. / Академия наук БССР. Ин-т языкознания имени Якуба Коласа; Ред. К.К. Атрахович (Кондрат Крапива). – Минск: Белорусская Советская Энциклопедия, 1988-1989. – Т. 1-2.

Иоанна Мампе (Гданьский университет)

ОТНОШЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ФОРМЫ И КОММУНИКАТИВНОЙ ФУНКЦИИ В ДИАЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Термин “дискурс” может пониматься достаточно широко – в диапазоне от чисто социологической и социо–психологической интерпретации до собственно – лингвистического, характерно для возникшего в конце 70-х годов XX века “дискурсного анализа” (1; 288).

Мы разделяем лингвистический подход к понятию “дискурс”. Под дискурсом мы понимаем динамику построения коммуникативного продукта в аспекте потенциала характеристик языка как системы (Я-С). Например, Е. Н. Ремчукова говорит о “креативном потенциале русской грамматики” (2; 328 с.)

В отечественной лингвистике (в отличие от американской) до сих пор не принято проводить различие между понятиями “форма” и “морф”. Последнее понятие определяется в словаре Э. Хемпа как субстанциональная сущность, которая ”имеет одинаковый облик во всех своих употреблениях”. Иными словами, “морфа” предполагает материальную выраженность в устном или письменном виде (3;110). “Форма”, в отличие от “морфа”, является конструктом, т.е. результатом некоторой кристаллизации отношений между планами содержания и выражения языкового знака. Простейшим примером являются падежи русских существительных.

Окончания существительных дом, стол, мир и т.д. имеют одинаковый морф в именительном и винительном падежах, однако формы этих существительных в указанных падежах разные. Любопытно, что до начала 50-х годов XX века российская лингвистика отрицала существование “нулевых” грамматических форм (в частности, окончаний в парадигмах именных частей речи)

Отношения между планами выражения и содержания являются основными видами лингвистической функциональности. Вообще понимание функции как отношения восходит к математике и к математической логике (см. предисловие Успенского к известному учебнику Шихановича [4;18-25], что касается понимания термина “функция” в лингвистике, то мы присоединяемся к В.А. Звягинцеву, указывающему:

1. Функция принадлежит языку, а цель – человек и его речи…
2. Функция принадлежит лингвистической теории и выступает в качестве изучения языка, цель – деятельность, в которой осуществляется связь между говорящим и его высказываниями…
3. Функция есть принцип описания и классификации языковых средств в определенном (функциональном) аспекте, а цель – ориентир, указывающий способ использования языковых средств для выполнения коммуникативных заданий [5; 120-145].

После разъяснений В.А. Звегинцева становится ясным путь разведения таких категорий, как лингвистическая система функции и речевое коммуникативное задание. Это позволяет вновь вернуться к категории “языковая форма” применительно к диалогическому дискурсу. Различение значения и смысла восходит еще к классикам логической и лингвистической семантики. И. Кобозева достаточно четко сформировала сущность этих двух типов семантики внутри лингвистического плана содержания. Смыслу и значению соответствуют в сознании носителей языка два близких, но отнюдь не тождественных понятий, которые можно определить следующим образом:

Значение X-а – это информация, связываемая с X-ом конвенционально, т.е. согласно общепринятым правилам использования X-а в качестве средства передачи информации. Смысл X-а для Y-а в T – это информация, связываемая с X-ом в создании Y-ав период времени T, когда Y производит или воспринимает X в качестве средства передачи информации (6;13).

Если отталкиваться от нетождественности "значения" и "смысла", то тогда логичным становится предположение двух типов языковой формы, из которых одна имеет планом содержания значение, а вторая – смысл. Это предположение легло в основу выдвинутой А.Р. Балаяном и И.Л. Тетеровым идеи о существовании дискурсной формы. (ДФ) [1;12].

ДФ опирается на лингвистическую форму языка – системы, в которой план содержания образуют конвенциональные значения языковых средств различных уровней. В любом коммуникативном дискурсе имеет место феномен "превращенной формы", когда планом содержания единиц коммуникативного продукта становится не конвенциональные значения, а коммуникативный смысл. При этом превращение языковой формы может достигать достаточной величины, когда мы имеем дело с намеками, косвенными речевыми актами. В случае же иронии расхождение планов выражения и содержания вообще достигает максимума. Ирония как стилистическая фигура и коммуникативный прием обладает особенностью, отмеченной на материале нескольких языков – свойством структурной устойчивости. Если перевести это на язык ИИ (искусственного интеллекта), то можно говорить о существовании фреймов иронии.

Вышеуказанные фреймы – устойчивые структуры иронии – образуют план выражения единиц ДФ иронии. Каждый фрейм имеет свои устойчивые слоты, которые могут заполняться различными языковыми средствами, соответствующими коммуникативной функции в данном контексте и ситуации общения.

Литература

1. Brown, G, Yule .G .Discourse Analysis. – Cambridge university press: 1983. – 288 p.
2. Ремчукова, Е.Н. Креативный потенциал русской грамматики. / Е.Н. Ремчукова. – М. Изд–во Российского университета дружбы народов, – М. 2005; 328 с.
3. Хэмп, Э Словарь американской лингвистической терминалогии / Э. Хэмп.– М.: Прогресс, М.1964; с. 110.
4. Успенский, В.А. Предисловие / Ю. А. Шиханович. Введение в современную математику. – М.: Наука, 1968. – С.18-25.
5. Звегинцев, В.А. Функция и цель в лингвистикой теории / В.А. Звегинцев // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. – М.: изд-во Московского университета, 1977. – С. 120-145.
6. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. –Эдиториал УРСС. – М., 2000. – С.13.
7. Тетерев, И.Л. Реализация дискурсной формы в тактиках диалога. Автореферат…канд. филол. наук / И.Л. Тетерев. – М.1999. – С.12.

Л.П. Новикова (Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)

ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УСТНОЙ ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ РАБОТНИКОВ СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ Г. ВИТЕБСКА

Повышенные требования, предъявляемые к речи тех, кто работает с людьми (преподаватели вузов, школьные учителя, административные служащие и т.д.), объясняются самой спецификой данных профессий, которая заключается в постоянной организации продуктивного общения и, следовательно, предполагает наличие высокого уровня коммуникативных умений.

Объектом изучения в данной работе является устная публичная речь (УПР) работников сферы образования г. Витебска.

Цель исследования – изучение особенностей русской УПР работников сферы образования г. Витебска с точки зрения ее соответствия нормам литературного языка в рамках произносительного аспекта, а также выявление специфических характеристик данной речи, в том числе, обусловленных близкородственным двуязычием.

Материалом исследования послужили фрагменты русской УПР лиц с высшим образованием, записанные на различных собраниях, советах, заседаниях и конференциях. Все респонденты (52 человека) являются работниками различных учреждений образования г. Витебска: высших учебных заведений, средних школ, центров развития детей

и др. Подчеркнем, что проанализированные нами фрагменты УПР представляют собой речь заранее продуманную, но не читаемую с листа.

В первую очередь при изучении устной речи привлекает внимание произносительный аспект. По мнению В.Д. Стариченка, задачей каждого культурного человека является постоянное обращение внимания на правильность произношения и постановки ударения, так как любое отклонение от орфоэпических норм отвлекает внимание аудитории, мешает восприятию смысла и создает негативный психологический фон [1]. Данное утверждение представляется особенно актуальным для работников сферы образования.

В проанализированных нами фрагментах у 50 % респондентов выявлены отступления от орфоэпических норм русского литературного языка, которые можно разделить на две группы: нарушения, не связанные с интерференцией белорусского языка, и нарушения, обусловленные указанной интерференцией.

Нарушения нормативного произношения, не связанные с интерференцией, отмечены в речи 33 % респондентов. Среди них можно выделить: 1) акцентологические нарушения, выявленные у 17 % респондентов; 2) орфоэпические нарушения, зафиксированные в речи 16 % респондентов.

В области акцентологии приведем следующие примеры нормативных нарушений: *обеспече́ние* (правильно *обеспе́чение*) (отмечено у трех респондентов), *бы́ла* (правильно *была́*), *при́нял* (правильно *приня́л*), *обле́гчить* (правильно *облегчи́ть*) и т.д.

Среди выявленных нами орфоэпических нарушений особенно привлекают внимание следующие случаи: 1) у пяти респондентов зафиксировано произношение двух звуков на месте буквы *е* в слове *проект [пр^йэ́кт]* (правильно *[пр^э́кт]*); 2) у трех респондентов отмечен твердый согласный *[т]* в слове *термин [тэ́рм'ин]* (правильно *[т'э́рм'ин]*). Н.С. Валгина, анализируя поэтапное изменение отношения лексикологов к становлению произношения заимствований со звуком [э] в разных позициях, подчеркивает, что «произносительная вариантность «э» и «е» в современном языке в целом оказывается непоследовательной и противоречивой не только в массовом употреблении, но и в нормативных рекомендациях словарей» [2; 57]. Проанализированный материал показывает, что практически все выступающие, употребившие указанные слова в речи, использовали ненормативный произносительный вариант, что отражает существующее противоречие между узусом, или реальной речевой практикой, и нормативными предписаниями словарей. Кроме того, употребление в УПР подобных вариантов лицами, считающимися носителями образцовой речи, способствует их распространению и, следовательно, постепенно может привести к обновлению нормы.

Кроме того, выступающие публично работники сферы образования часто находятся в области разговорной фонетики: у 52 % респондентов наблюдается пропуск звуков и целых слогов. Например: *пятьдесят [п'ьис'а́т], когда [к^да́], Витебска [в'и́т'ьскъ], сказать [ск^а́т'], материала [мът'ир'а́лъ], есть [йэ́с']* и т.д. Отметим, что О.А. Лаптева называет усиление звуковой редукции одной из характерных особенностей современной УПР [3].

Исследователями установлено, что на степень интерференции оказывают наибольшее влияние следующие социальные факторы: 1) уровень образования (у лиц с высшим образованием наблюдается в речи меньше интерферентных явлений); 2) степень владения близкородственными языками; 3) место проживания (речь сельских жителей более подвержена интерферирующему влиянию, чем речь горожан); 4) языковое окружение; 5) место наиболее длительного проживания [4]. Исходя из того, что объектом нашего исследования послужила публичная речь проживающей в городе образованной личности, являющейся потенциальным носителем русского литературного языка, действие трех из отмеченных выше социальных факторов (уровень образования респондентов, место их проживания и языковое окружение) предполагает меньшее интерферирующее воздействие белорусского языка.

(Информация о степени владения близкородственными языками, а также месте наиболее длительного проживания респондентов отсутствует).

Вместе с тем, многие нарушения правил орфоэпии в проанализированном материале объясняются русско-белорусским билингвизмом: в речи 25 % респондентов выявлена фонетическая интерференция. Наиболее распространенными ее случаями являются следующие: 1) подмена смычного согласного [г] фрикативным [ɣ] (*группа [ɣру́пъ], говоришь [уъв^р'и́ш], коллеги [к^л'э́ɣ'и]*), зафиксированная у 17% респондентов; 2) произношение твёрдого [ч] на месте [ч'] (*обучаются [^бучáйуц:ъ], изучение [изучэ́н'ийь], научных [н^у́чных]*), выявленное в речи 13 % респондентов; 3) употребление на конце слов специфического белорусского звука [ў] на месте [ф] (*выпускников [выпускн'ико́ў], фактов [фáктъў], документов [дъкум'э́нтъў]*), отмеченное у 8 % респондентов.

Имеются также случаи произношения под влиянием белорусского языка твёрдого [р] на месте [р'] (*в сфере [ф_сф'э́р'ь], безбарьерная [б'ъзб^рйэ́рнъйь]*), долгого [ш:] вместо долгого [ш':] (*воплощение [въпл^ш:э́н'ийь], общество [о́пщ:ъствъ], посвященные [пъсв'иш:о́н:ыйь]*), а также употребления на конце слова или перед согласными в середине слова твердого [м] вместо мягкого (*семь [с'э́м]*, *семьдесят [с'э́мд'ьс'ьт]*). Результатом фонетической интерференции является ошибочная для русского языка акцентологическая форма *прове́дено* (правильно *проведено́*).

Таким образом, в рамках произносительного аспекта русская УПР работников сферы образования г. Витебска характеризуется наличием ненормативных явлений, не обусловленных влиянием белорусского языка, а также присутствием фонетической интерференции. Результаты исследования свидетельствуют о необходимости повышения уровня речевой культуры лиц, вербально активных в сфере образования. Как подчеркивает Г.П. Нещименко, «при определении приоритетов в области языковой культуры важно обращать особое внимание именно на культивирование устного литературного (а не разговорного литературного) языка, воспитание навыков его использования» [5; 263].

Литература

1. Стариченок, В.Д. Деловое общение и речевая культура современного преподавателя / В.Д. Стариченок. – Минск : БГПУ, 2010. – 260 с.
2. Валгина, Н.С. Активные процессы в современном русском языке / Н.С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – 304 с.
3. Лаптева, О.А. Живая русская речь с телеэкрана: Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте / О.А. Лаптева. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 520 с.
4. Типология двуязычия и многоязычия в Беларуси. – Минск: Беларуская навука, 1999. – 246 с.
5. Нещименко, Г.П. Языковая ситуация в славянских странах : Опыт описания. Анализ концепций / Г.П. Нещименко; Ин-т славяноведения. – М.: Наука, 2003. – 279 с.

А.Е. Оксенчук (Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)

УЧЕБНЫЙ ТЕКСТ В ПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ: КОММУНИКАТИВНО-ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ

В прагматическом аспекте исследования речевой деятельности в различных коммуникативных ситуациях под текстом понимают отрезок письменной или устной речи, в котором получает языковую реализацию некая ситуация как относительно законченное содержательное единство, построенное по определённому плану для реализации определённого коммуникативного намерения (З. Шмидт, Б.Совински, Р. Глэзер, Р. Эккард и др.).

Прагматический подход к учебному тексту был нами выбран, поскольку учебное общение связано с принципиально различными по своим целям и адресатам ситуациями. И хотя сами по себе комбинации коммуникативно-речевых признаков не объясняют, какова коммуникация в действительности, в современной лингвистике текста вы-

работаны базы признаков типологизации текстов, порождённых в той или иной ситуации. В эту типологизацию представляется возможным включить и учебные ситуации, которые, хотя и связаны с различными референтами, скорее типичны, формальны, институциональны и достаточно строго конвенциональны.

Сама **учебная ситуация** является ситуацией взаимодействия. Если рассматривать учебную ситуацию как текст, то речь должна идти о **коммуникативной организации такого текста** (см. подробнее [1,1997]). Учебная ситуация, т.е. **ситуация по обучению**, имеет сложную деятельностную и коммуникативную структуры. В деятельностную структуру помимо традиционно выделяемых компонентов (мотив, анализ ситуации, планирование: выбор стратегии и тактик, отбор речевых актов и их использование, контроль за приближением к цели) обязательно будут встраиваться **модели реальных ситуаций** профессионального общения – ***обучающие модель-ситуации***. Сама же учебная ситуация как прагматический контекст может быть охарактеризована по следующим параметрам:

1. **Тип социальной ситуации:** учебная по ведущей функции, общественная, институциональная, формальная, с личностным компонентом, конвенциональная.
2. **Фрейм:** обучение кого-либо.
3. **Структура фрейма:** учебное учреждение, аудитория
4. **По составу участников**: x - **обучающий субъект** – человек, выступающий в функции «учителя», имеющий специальное высшее образование, обладающий набором специальных и психолого-педагогических профессиональных компетенций, с высоким уровнем гуманистического сознания, хорошо развитой языковой способностью и высокими этическими требованиями к себе. Характеристики обучающего субъекта влияют на успешность и развитие учебной ситуации. Y - о**бучаемый субъект** (субъекты) – по функции – «ученик», с любыми социальными и индивидуальными параметрами, которые в целом не влияют на развитие ситуации и её эффективность.
5. **Позиция**: X обучает Y
6. **Конвенции**:

- X желает обучать Y, тот желает получить знания, навыки и умения, т.е. свои профессиональные компетенции;
- Строгое обозначение начала и конца коммуникации (звонок + подкрепляющее приветствие) в императивном режиме: формы приветствия и прощания (вербальные и невербальные).
- Обозначение функционально-ролевой рамки проксемальными знаками: при приветствии и прощании реализаторы роли «ученика» встают, а во время коммуникации между субъектами коммуникации устанавливается зеркальная пространственная позиция.
- Режим диалога, но не полилога (императив).
- Макродействие (основные события взаимодействия): мотивировать, планировать, информировать, проверять, помогать, контролировать, консультировать.

Коммуникативная структура учебной ситуации характеризуется: 1) по **регистровой организации** учебная ситуация – текст **полирегистровый** (репродуктивно-описательный, репродуктивно-повествовательный, информативно-описательный, информативно-повествовательный, генеритивный, волюнтивный и реактивный)**;** 2) **тема-рематическое развёртывание** имеет каноническое ступенчатое развёртывание или может иметь и веерную структуру (с многокомпонентной тематической частью); 3) р**ематическая доминанта**, как правило, комбинированная или сугубо предметная.

Ситуации учебного взаимодействия включают обсуждение и моделирование реальных коммуникативных ситуаций. Последние отображают события и действия, определяемые конкретными пространственными и временными параметрами, а так же уникальной последовательностью событий и действий их участников. **Модель** уникальных ситуаций конструируется из:1) фрагментов уже имеющихся общих моделей;

2) информации, полученной из данного дискурса или из непосредственных наблюдений; 3) актуализированных фрагментов общего семантического знания (см.подробнее [2,1989]). Эти модели в свою очередь являются **как бы** ситуациями, **вторичными** ситуациями и маркируются в учебном взаимодействии нарративной рамкой, которая определяется и накладывается таким субъектом взаимодействия как преподаватель (см.[3, 2008]).

Обучающая модель-ситуация сохраняет главные характеристики реальной (по функции, участникам, институциальности и др.), приближена к её коммуникативной структуре (требует соблюдения регистровой организации и рематической доминанты) и сохраняет её речевой инструментарий: основные виды иллокутивных и других речевых актов (перлокутивных, перформативных, косвенных) [4,1980]. Модель ситуации есть унифицированное знание, как и всякое знание, модели в ходе обучения используются **стратегически.** Стратегии использования моделей направлены на эффективное использование личного профессионального знания. Шаги использования модели в общем виде были намечены Ван Дейком и применительно к обучающей коммуникативной ситуации имеют последовательность:

1. **Создание коммуникативного контекста.** Участники коммуникативного контекста воспринимают и **понимают** этот контекст (поэтому формирование коммуникативных умений целесообразно производить методом коммуникативного праксиса в его различных вариантах: кейс-метода, «ролевой игры», драматизации и проч.). Они извлекают из памяти частные или общие модели сходных прежних контекстов и служат для того, чтобы закрепить уже имеющийся опыт и преобразовать его в компетенцию.
2. **Обозначение целей и интересов.** В модель-ситуации цели и интересы формулируются обучающим субъектом. Именно он активизирует в памяти частные ситуационные модели из реальной жизни.
3. **Заголовки, анонсы, тематические предложения.** Способы выражения фрагментов макроситуации используются для восстановления в памяти прежних моделей, касающихся профессионального общения.
4. **Предложения.** Понимание предложений осуществляется посредством стратегического конструирования пропозиций, которые составляют связную последовательность между событиями и фактами. Категории: место, время, обстоятельства и участники определяют возможность использования учебной модели.
5. **Управление.** Процесс понимания модели-ситуации нуждается в управлении. Управляющий учебной ситуацией отвечает за стратегическое комбинирование нескольких типичных ситуаций.
6. **Обновление.** Использование учебных моделей не предполагает, что вся информация должна активизироваться сразу. Динамическая природа понимания такова, что любая частная модель строиться постепенно как на основе новой, так и в той же мере на основе уже имеющейся. Благодаря этому новая информация включается в частную модель именно там, где она необходима, а не произвольным образом. Крайне редко поэтому необходима полная информация старой модели.
7. **Оценка.** Любой дискурс и учебная модель-ситуация оцениваются не только в категориях истинности/ложности, но и в отношении к индивидуальным нормам и ценностям участников дискурса, оцениваются также и факты, которые описываются.

Обучающая модель-ситуация, имеющая свою коммуникативную структуру, обусловливает основу фонологической, морфологической, синтаксической и семантической обработки высказываний, образующих ситуативный текст.

Семантическая структура обучающей модель-ситуации, её лексико-грамматическая специфика выявляется в результате анализа высказываний текста.

Литература

1. Золотова, Г.А. Время в мире и в тексте / Г.А. Золотова // Категоризация мира: пространство и время, М.,1997
2. Дейк, Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. Дейк / Сост. Петрова В.В., Под ред. В.И.Герасимова. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
3. Оксенчук, А.Е. Учебная коммуникация: основные речевые стратегии: Учебно-методическое пособие / А.Е. Оксенчук. – Витебск, 2008, – 75 с.
4. Остин, Дж.Л. Слово как действие / Дж.Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике, Вып. 17. Теория речевых актов. Сб. – М, 1980. – 424 с.

О.Б. Переход, Е.Е. Вертейко
(Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина)

ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ГЛАГОЛОВ ПСИХИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ)

Предметом анализа в данной статье является определенный аспект идиоматики языка, который связан с семантикой и синтактикой глагола, – глагольное управление. Статья написана на основе лексического материала двух языков – восточнославянского (русского) и западнославянского (польского), лексико-тематическая группа глаголов ограничена глаголами со значением психической деятельности (глаголы восприятия, внимания, эмоционального состояния и отношения, знания, мышления). Выбор языков не случаен: помимо генетического родства и типологического сходства, выбранные языки на протяжении многовековой истории связаны между собой тесными социально-историческими и ареальными контактами. Вследствие этого в значении и употреблении глаголов в исследуемых славянских языках много схожего, но внешнее сходство обманчиво, оно и помогает изучать родственные языки, и зачастую вводит в заблуждение единством формы глагольной лексемы при различной семантике и синтактике.

Одна и та же реальная ситуация и соответствующая ей пропозиция получает в славянских языках различное морфологическое оформление. Диапазон формальных средств весьма широк. Однако несмотря на то, что особенности синтаксического выражения семантических функций в разных языках труднообозримы, в сфере плана выражения синтаксических моделей можно говорить об определенных универсальных синтаксических явлениях. Рассмотрим общие и дифференциальные синтаксические модели глаголов психической деятельности в исследуемых славянских языках.

Общей обязательной позицией при глаголах со значением психической деятельности в русском и польском языках является позиция субъекта/агенса, выраженная преимущественно именной частью речи в именительном падеже, а также общей является позиция прямого объекта, выраженная винительным падежом без предлога (любить ***кого-что*** – kochać ***kogo-co***, видеть ***кого-что*** – widzieć ***kogo-co***). Общей факультативной позицией является позиция объектного актанта со значением средства в форме творительного падежа, например, воспринимать ***чем*** – postrzegać ***czym***.

Для называния адресата действия в русском языке при глаголах со значением психической деятельности используется предложно-падежная конструкция ***к+dat***, в то время как в польском языке используется генитивная конструкция ***do+gen,*** например, чувствовать ***к кому-чему*** – czuć ***do kogo-czego***. Лицо, с которым взаимодействует субъект, при глаголах психической деятельности в исследуемых языках также имеет различное формальное выражение: в русском языке оно выражается предложно-падежной конструкцией ***у+gen*** (неметь, онемевать ***у кого***), в свою очередь, в польском языке распространена преимущественно беспредложная дативная конструкция (niemieć, drętwieć ***komu***), а глаголы ***boleć*** и ***swędzieć***, также являющиеся глаголами

ощущения, используются лишь в третьем лице и управляют винительным падежом без предлога (boleć, swędzieć ***kogo***).

В русском языке глаголы с общим значением восприятия образуют две возможные (предложную и беспредложную) модели обязательного управления ***za+instr*** (следить ***за кем-чем***) и ***Sacc*** (сторожить ***кого-что***), в то время как в польском языке глаголы этой же семантической подгруппы образуют четыре возможных варианта обязательного управления: беспредложные ***Sacc*** (śledzić ***kogo-co***) и ***Sgen*** (stróżować ***kogo-czego***), предложные – ***над+Sinstr*** (czuwać ***nad kim***) и ***на+Sacc*** (czychać ***na kogo***). Глаголы, обозначающие способность слухового восприятия, имеют в русском и польском языках различные синтаксические валентности. Объектные актанты при данных глаголах в русском языке имеют традиционную форму винительного падежа без предлога (слушать ***кого-что***), в польском – родительного падежа без предлога (słuchać ***kogo-czego***). Данные генитивные формы в современном польском синтаксисе имеют статус традиционных, мотивированных семантически.

Ядерные предикаты внимания образуют в исследуемых языках одинаковые модели управления: обращать внимание ***на кого-что*** – zwracać uwagę ***na kogo-co***. Периферийные, в свою очередь, как общие, например, бояться ***кого-чего*** – obawiać się ***kogo-czego***, так и дифференциальные, например, ***присматриваться*** к кому-л. – ***przyglądać się*** komu. Группа глаголов внимания со значением «*трактовать кого-л., что-л. с пренебрежением*» в исследуемых языках образует беспредложную модель управления дополнением в творительном падеже (пренебрегать ***кем-чем*** – gardzić ***kim-czym***), исключение составляет польский глагол ***lekceważyć***, который, требуя дополнения в винительном падеже, выбивается из общей тенденции развития польского синтаксиса.

Проанализировав особенности управления глаголов эмоционального состояния, мы пришли к выводу, что доминирующими среди данных глаголов являются дифференциальные модели управления. В русском языке глаголы эмоционального состояния употребляются в вариативных предложных конструкциях типа *Он грустит о родине (по родине)*. В польском языке формальные схемы выражения эмоционального состояния иные, кроме того, они часто зависят от временных границ, содержащихся в семантике глагола, например, глагол ***tęsknić*** в зависимости от значения вариативно управляет объектным актантом либо по синтаксической модели ***do+Sgen***, либо ***za+Sinstr***. Глагол ***cieszyć się*** управляет объектным актантом по трем семантически дифференцированным моделям: ***z kogoś, z czegoś*** (в значении ‘радоваться настоящим или ожидаемым в будущем событиям’); cieszyć się ***na co*** (в значении ‘радоваться наступающим событиям’); cieszyć się ***czym, kim*** (в значении ‘радоваться событиям, длящимся какой-либо промежуток времени’). В русском языке глаголы с инвариантным значением ‘страдать, мучиться’ образуют факультативные модели управления: Я мучился сомнением, тоской, лихорадкой (из-за/от сомнения тоски, лихорадки), в свою очередь, в польском языке глаголы, например, cierpieć, męczyć się, образуют модель ***cierpieć*** *na co*, свойственную глаголам с общим значением ‘болеть, испытывать физическую боль’: chorować ***na co***, umierać ***na co***.

Глаголы мышления в русском языке чаще всего управляют формами ***о ком – о чем*** (рассуждать ***о чем-л.***) и ***что-л***. (анализировать ***что-л.***), реже – формами ***над чем-л.*** (раздумывать ***над чем-л.***), ***во что-л.*** (вникать ***во что-л.***). В польском языке в общие с русскими модели обязательного объектного управления входят глаголы: rozprawiać ***o czym***, wnikać ***w co,*** analizować ***co,*** zamyślać się ***nad czym***. Дифференциальные модели управления образуют предикаты: rozważać ***co*** (рус. рассуждать ***о чем)*** и rozumieć się ***na czym*** (рус. соображать ***в чем***).

Глаголы знания образуют в исследуемых языках преимущественно различные модели управления – дативную и генитивную: Он учится стрельбе из лука – uczyć się

czego, nauczyć się ***czego***. В дифференциальные модели управления также входят такие глаголы знания, как спрашивать ***о чем*** – pytać ***o co***, славиться ***чем*** – słynąć ***z czego***.

Таким образом, большинство глаголов, принадлежащих к лексико-семантическому полю психической деятельности человека, образуют примерно одинаковое количество сходных и различных моделей управления. Выделяются глаголы восприятия (например, приглядывать – pilnować, слушать – słuchać), образующие лишь 2 модели общего управления и 6 моделей дифференциального управления, и глаголы эмоционального состояния и эмоционального переживания (например, грустить – tęsknić, мучиться – cierpieć), у которых количество дифференциальных моделей превосходит количество общих в 2,5 раза и составляет 15. Рассмотренные в статье коррелятивные глаголы отбирались на основе принадлежности к указанной лексико-семантической группе, общеупотребительности в обоих языках, а также разницы между русскими и польскими соответствиями, поскольку именно такие соответствия необходимы в первую очередь при изучении и преподавании иностранных языков в Беларуси. В целом в сфере синтаксических моделей славянских языков мы сталкиваемся с некоторыми универсальными, имеющими общеславянский характер явлениями, относящимися в большей степени к плану содержания синтаксических моделей, и с их составляющими – синтаксическими позициями, отличающимися специфическими, уникальными чертами. Поскольку структурные схемы представляют единство этих двух планов, то правомерно рассматривать универсальность и специфичность моделей управления как диалектически дополняющие друг друга свойства.

Е.И. Попова (Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НЕКОДИФИЦИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Исследование функционирования некодифицированной лексики в молодежной среде позволяет наблюдать за развитием языка в целом. Э.М. Береговская сравнивает молодежный сленг с лабораторией, «в которой все, свойственные естественному языку процессы, не сдерживаемые давлением нормы, происходят во много раз быстрее и доступны непосредственному наблюдению» [2; 40].

Уточним некоторые термины, используемые нами в работе. Некодифицированное слово – слово, находящееся за гранью русского литературного языка, то есть за пределами лексической нормы языка, но являющееся либо лексической единицей русского национального языка, либо его потенциальной языковой единицей. Сленг представляет собой социальную и возрастную разновидность речи, характеризующуюся экспрессией, метафорической лексикой и фразеологией и особым использованием словообразовательных средств [1; 12-13]. В качестве объекта настоящего исследования выступили студенты одного из смоленских вузов. Методом анкетирования был проведен опрос ста студентов с целью выявить особенности функционирования некодифицированной лексики в данной социально-возрастной группе.

Согласно результатам исследования лишь 7% опрошенных студентов относятся негативно к использованию в речи некодифицированной лексики: *считаю употребление нелитературных слов проявлением скудоумия человека; люди, которые употребляют некодифицированную лексику, коверкают русский язык; я считаю, что некодифицированная лексика вышла из моды; уверена, что всегда можно подобрать более приемлемые слова, близкие по смыслу.*

10% ответили, что неоднозначно относятся к употреблению в речи некодифицированной лексики. Судя по комментариям, которыми студенты сопровождали свои ответы, они не возражают против использования этой лексики как таковой, но только при условии ее уме-

стности и умеренности в ее употреблении, при отсутствии негативной реакции со стороны других участников общения: *с одной стороны, это здорово, т.к. люди в своей группе пользуются определенной лексикой, хорошо понимают друг друга, им комфортно и уютно, с другой стороны, остальные люди могут этого не понять и плохо к ним относиться; отношусь ровно, если количество некодифицированных слов относительно невелико, и отрицательно, если человек использует их слишком часто; в некоторых ситуациях ее можно использовать, она помогает лучше узнать современное молодое поколение, но ее не должно быть в официальных ситуациях и в детской литературе.*

20% указали, что относятся положительно (или *только положительно)* к функционированию в речи некодифицированной лексики; 63% – нормально или нейтрально. Комментарии к ответам студентов позволяют говорить о том, что они действительно считают некодифицированную лексику важной, неотъемлемой частью своего общения: *без нее было бы скучно и неинтересно!; у каждого возраста есть свой язык, не зная его, ты можешь стать непопулярным, смешным или просто не будешь понимать своих друзей и ровесников; она очень помогает нам выразить какие-либо эмоции, чувства, это неотъемлемая часть жизни нашей молодежи; это способ общения молодежи, способ быть понятым сверстниками.*

Многие опрошенные указывали, что некодифицированная лексика уместна только в *своем* кругу. Более того, некоторые студенты отметили, что положительно относятся к употреблению некодифицированных слов только сверстниками и только в кругу сверстников: *да пусть молодые говорят на этом языке, но, когда пожилой человек начинает разговаривать на языке молодежи, – вот это жуть как раздражает!!!* Таким образом, можно говорить о том, что некодифицированная лексика, как правило, воспринимается опрошенными именно как *свой язык, язык молодежи*, способствующий не только объединению группы, но и противопоставлению ее старшему поколению, всему официальному: *молодежь хочет не просто выделиться, но и отстраниться от других, некодифицированная лексика помогает нам стать более продвинутой, закрытой, универсальной группой.*

Студенты выделили следующие причины функционирования некодифицированной лексики в речи современной молодежи:

– стремление к упрощению языка – 47% *(слова сокращаются, а это экономит время, облегчает общение; речь упрощается, а значит, это отличный, довольно быстрый и легкий, доступный способ донести до кого-либо информацию);*

– следование моде – 25%;

– стремление выделиться (эта причина во многом связана с предыдущей) – 22% *(чтобы выделиться из «серой массы»; таким образом многие люди пытаются показать остальным: «вот, смотрите, я такой крутой!»; современная молодежь – это, прежде всего, личности, каждая из которых хочет как-то выделиться и показать себя, ведь молодость это такое время, когда хочется, чтобы все было круто, необычно и интересно!);*

– влияние СМИ, Интернета – 20%.

Е.Н. Беглова отмечает, что «необходимо учитывать разграничение нормы письменной и нормы устной форм реализации русского литературного языка. В устной форме реализации преобладают узуальные языковые единицы, а в письменной – кодифицированные» [1; 54]. Необходимо отметить, что для современной молодежи письменная форма реализации языка – это, как правило, именно неформальное общение посредством социальных сетей, одной из особенностей которого является использование некодифицированной лексики;

– влияние сверстников, стремление быть «своим» в компании – 12%;

– необразованность (небольшой словарный запас, отказ от чтения) – 9%.

Используют в своей речи некодифицированную лексику 93% опрошенных студентов. Практически все указали, что происходит это только в ситуациях неформального общения с близкими друзьями. На наш взгляд, это является свидетельством того, что подобная лексика – это лишь «один из функциональных стилей, к которому прибегают носители языка с относительно высоким уровнем образования только в определенной ситуации общения» [2; 40].

Вторая часть предложенной молодым людям анкеты была посвящена выявлению известных студентам некодифицированных наименований человека.

Самые распространенные варианты наименований:

– *чувак* (согласно комментариям студентов употребляется в следующих значениях: *человек; приятель; друг*) – 60%;

– *чел (любой человек; друг; знакомый)* – 42%;

– *бро (друг; брат)* – 28%;

– *няша/няшка (милый(ая); добрый человек; хороший человек; симпатичный человек)* – 20%;

– *перец (крутой человек; популярный человек; приятель; человек, считающийся лидером в своей компании; пафосный человек)* – 16%;

– *кореш (друг)* – 10%;

– *тормоз (человек, который медленно думает; глупый человек; человек с медленной реакцией)* – 7%;

– *овощ (пассивный человек; бездарный человек; больной человек; неэмоциональный человек)* – 6%.

Обращает на себя внимание тот факт, что среди самых распространенных некодифицированных наименований преобладают те, которые либо содержат положительную характеристику человека, указание на близость отношений, либо используются в качестве нейтральных наименований.

Среди единичных наименований: *кент, Вася, братиш, френд* – друг (подруга); *курица, валенок, пень, дятел, тупень, тупак, тугой, мракобес* – глупый(ая); *ботан* – умный(ая); *реклама, краля, красава, красавелла* – красивый(ая); *жиробас, кабан, танк, пельмень, пончита, Биг-Мак* – толстый(ая); *дрищ/дрыщ/дрища, сухостой, глист* – худой(ая); *валенок, тюлень, медуза* – неуклюжий(ая); *клава* – рассеянная; *филимон* – бездарность; *утка – девушка с надутыми губами, обычно такие фотографируются в туалете на iPhone; ТП – типичные глупые гламурные девушки (iPhone, фото в зеркале туалета); кэп – капитан очевидность, или человек, говорящий очевидные вещи; царь – крутой староста* и другие.

Большое число одиночных наименований, на наш взгляд, может свидетельствовать о том, что многие молодые люди, используя в речи некодифицированную лексику, стремятся к творческому самовыражению, к тому, чтобы выделиться в своей группе: *употребляя некодифицированную лексику в кругу друзей, я показываю, что я одна из них, но я старюсь делать это умело и к месту, и поэтому одни говорят, что я прикольная, а другие мне завидуют.*

Безусловно, одной из ярких черт некодифицированной лексики, функционирующей в речи современной молодежи, является ее метафоричность.

Э.М. Береговская в качестве особенности, характеризующей молодежный сленг, называет его людическую направленность. «Игровой принцип реализуется в массированной, гипертрофированной энглизированности сленга, которая служит как бы коллективной маской, приемом карнавализации» [2; 40].

Итак, несомненно, функционирование некодифицированной лексики в молодежной среде имеет свои особенности, которые во многом обусловлены отношением молодых людей к ее использованию в речи. Признавая важность некодифицированных слов

для полноценного общения в своей социально-возрастной группе, современная молодежь определяет сферу для функционирования этой лексики – непринужденное, неформальное общение со сверстниками.

Литература

1. Беглова, Е.И. Семантико-прагматический потенциал некодифицированного слова в публицистике постсоветской эпохи: Монография / Е.И. Беглова. – М.: Моск. гос. областной ун-т; Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. акад., 2007. – 353 с.
2. Береговская, Э.М. Молодежный сленг: формирование и функционирование / Э.М. Береговская // Вопросы языкознания. – 1996. – № 3. – С. 32-41.

Л.У. Селібірава (Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт)

ПЫТАННЕ АБ УНІКАЛЬНЫХ МАРФЕМАХ У СУЧАСНАЙ ЛІНГВІСТЫЧНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

На сучасным этапе развіцця мовазнаўства аб’ектам пільнай увагі з’яўляюцца адзінкавыя, унікальныя марфемы, ці уніфіксы, якія выдзяляюцца ў складзе слоў. У навуковых даследаваннях і спецыяльнай літаратуры ўнікальныя элементы разглядаюцца як часткі, што сустракаюцца толькі ў адным слове (калі не лічыць словы, матываваныя непасрэдна гэтым словам). Напрыклад, *архів-**арыус*** (пар. *архіў*), *генерал-**ісімус*** (пар. *генерал*), *нав-**ічок*** (пар. *новы*), *пашт-**альён*** (пар. *пошта*), *пап-**аддз-я*** (пар. *поп*).

Вядома, што нерэгулярныя, адзінкавыя элементы даўно звяртаюць на сябе ўвагу даследчыкаў словаўтварэння. Працы вядомых лінгвістаў Р.О. Вінакура, М.М. Шанскага, А.М. Ціханава, А.І. Смірніцкага, А.А. Земскай, Л.В. Рацыбурскай і іншых вучоных прысвечаны вызначэнню спецыфікі такіх сродкаў дэрывацыі.

“Пытанне аб унікальных марфемах у сучаснай лінгвістыцы з’яўляецца дыскусійным і звязана перш за ўсё з праблемай вызначэння марфемы як адзінкі мовы, з праблемай вызначэння яе асноўных прыкмет” [3;10]. Адзінкавыя марфемы (каранёвыя і афіксальныя) выдзяляюцца ў залежнасці ад прынцыпу выдзялення марфем. На думку Л.В. Рацыбурскай, “у адрозненне ад паўтаральных частак слова, якія маюць дадатковую выдзяляльнасць (іх існаванне пацвярджаецца наяўнасцю аналагічных частак у іншых словах), адзінкавыя кампаненты валодаюць так званай астаткавай выдзяляльнасцю са складу слова: яны не маюць фармальна-семантычных аналагаў у іншых словах, і іх мяжа вызначаецца мяжой суседняга сегмента” [3;25].

У лінгвістычнай літаратуры існуюць розныя погляды на наяўнасць у словах унікальных афіксаў і ўнікальных каранёў. Напрыклад, Р.О. Вінакур і М.М. Шанскі прызнаюць унікальныя афіксы і адмаўляюць унікальныя карані. Як лічыць М.М. Шанскі, “вытворных слоў і асноў з ізаляванымі, адзінкавымі, невытворнымі асновамі няма і быць не можа, але ёсць вытворныя асновы і словы, у якіх выдзяляюцца толькі ў іх саставе жывыя зараз афіксы” [5;53]. А.М. Ціханаў і А.А. Земская, наадварот, вызначаюць у слове ўнікальныя карані і адмаўляюць унікальныя афіксы. А.І. Смірніцкі лічыць, што ў слове можна выдзеліць як адзінкавыя каранёвыя марфемы, так і адзінкавыя афіксальныя марфемы.

Унікальныя элементы ў складзе слова (уніфіксы) лічацца марфемамі, але асобага тыпу. Уніфіксы адрозніваюцца ад “звычайных” каранёвых і афіксальных марфем; яны адзінкавыя, не ўжываюцца ў свабодным выглядзе і не паўтараюцца ў іншых словах [1;59]. У той жа час многія даследчыкі не лічаць прыкмету паўтаральнасці абавязковай для марфемы. На думку М.М. Шанскага, “адзінкавы характар элементаў слова не сведчыць пра адсутнасць у іх значэння і, адпаведна, марфемнага статуса; службовыя мар-

фемы, што выдзяляюцца ў слове, зусім не абавязкова павінны рэгулярна паўтарацца ў іншых словах, яны могуць сустракацца толькі ў адным слове" [5;53].

Унікальныя марфемы могуць узнікаць рознымі шляхамі. Паводле класіфікацыі М.М. Шанскага, адну групу складаюць былыя рэгулярныя афіксы, якія ў сувязі са зменамі ў лексіцы і граматыцы захаваліся толькі ў адзінкавых словах. Другую групу ўнікальных частак слова "утвараюць марфемы, што ўзніклі ў выніку разнастайных працэсаў у словаўтваральнай структуры слова" [5;151]. Да іх адносяцца афіксы, якія ўзніклі ў выніку перараскладання, афіксы, што з'явіліся ў запазычаных словах у выніку ўскладнення, і афіксы, якія ўяўляюць сабой марфемізацыю кораня або нязначнага гукавога адрэзка [5;151].

Як лічыць Л.В. Рацыбурская, пры вылучэнні ў слове ўнікальных афіксаў трэба ўлічваць наступныя крытэрыі:

а) размежаванне сінхроннага і дыяхроннага аспектаў аналізу моўных з'яў (калі ўтваральная аснова з'яўляецца ўстарэлай, то яна не можа ўлічвацца пры ўстанаўленні сінхронных словаўтваральных сувязяў);

б) сфера ўжывання – слова агульнаўжывальнае або належыць да лексікі абмежаванага ўжытку (пры ўтварэнні слоў не павінна ўлічвацца лексіка абмежаванага ўжытку);

в) стылістычная афарбоўка – слова стылістычна нейтральнае або стылістычна афарбаванае (стылістычна афарбаванае слова не можа быць утваральнай асновай для слова, стылістычна нейтральнага) [3; 108-110].

Такім чынам, калі вызначаць словаўтваральныя адносіны паміж словамі сучаснай беларускай літаратурнай мовы, то пры выбары ўтваральнай асновы трэба ўлічваць толькі агульнаўжывальныя словы, што складаюць літаратурную частку агульнанароднай мовы; тэрытарыяльна і сацыяльна абмежаваную лексіку, якая знаходзіцца па-за межамі сучасных літаратурных норм, разглядаць немэтазгодна.

У працах многіх даследчыкаў размяжоўваецца фармальная і семантычная ўнікальнасць афіксаў [1, 3, 4, 5]. Унікальныя па форме афіксы – гэта такія афіксы, якія не маюць аналагічных па фанемным складзе афіксаў у іншых словах [3;98].

Л.В. Рацыбурская падзяляе ўнікальныя па форме афіксы на абсалютна ўнікальныя і адносна ўнікальныя. Абсалютна ўнікальнымі з'яўляюцца афіксы, якія, пры наяўнасці семантычных аналагаў (пар. *пап-**аддз**-я і аптэкар-**к**-а*), не маюць фармальных аналагаў у іншых словах (суфікс ***-аддз-*** у беларускай мове мае месца толькі ў слове *пап**аддзя***). Адносна ўнікальныя афіксы, у адрозненне ад абсалютна ўнікальных, маюць як семантычныя (пар. *камент-**арый** і тлумач-**энн**-е*), так і фармальныя (пар. *камент-**арый** і інструмент-**арый***) аналагі ў іншых словах. Таму адносна ўнікальныя па форме афіксы адрозніваюцца ад неўнікальных у меншай ступені, чым афіксы, абсалютна ўнікальныя па форме [3;99].

Побач з афіксамі, унікальнымі па форме, даследчыкі выдзяляюць афіксы, унікальныя па семантыцы. На думку Л.В. Рацыбурскай, "значэнне, што выражаецца семантычна ўнікальным афіксам, адсутнічае ў фармальна тоесных афіксах слоў пэўных словаўтваральных тыпаў; семантычная ўнікальнасць афіксаў тым самым з'яўляецца адноснай" [3;100].

Такім чынам, калі фармальная ўнікальнасць афіксаў можа быць як абсалютнай, так і адноснай, то іх семантычная ўнікальнасць з'яўляецца ў асноўным адноснай. Адпаведна выдзяляюцца афіксы, абсалютна ўнікальныя па форме, афіксы, адносна ўнікальныя па форме, і афіксы, адносна ўнікальныя па семантыцы. Аднак афіксы апошніх двух відаў шчыльна звязаны паміж сабой. У сувязі з гэтым Л.В. Рацыбурская падзяляе ўсе ўнікальныя афіксы на дзве групы: 1) абсалютна ўнікальныя афіксы (па форме); 2) адносна ўнікальныя афіксы (па форме і значэнні) [3;103].

Падзел марфем на ўнікальныя па форме і ўнікальныя па значэнні ахоплівае не толькі афіксальныя, але і каранёвыя марфемы. Л.В. Рацыбурская таксама выдзяляе карані ўнікальныя па форме і ўнікальныя па значэнні [3;143].

Вылучэнне ўнікальных каранёў у невытворных словах (напрыклад, *бужаніна*) магчыма толькі пры ўмове чляненне такіх слоў на аснове супастаўлення іх з іншымі словамі з тоеснымі ў фармальных і семантычных адносінах часткамі ў пазіцыі афікса (пар. *бужаніна і бараніна*). Калі ж пры чляненні слова абапіраццa на яго словаўтваральныя сувязі з іншымі словамі, то ўнікальнымі трэба лічыць перш за ўсё афіксальныя марфемы (*пашт-**альён**, свет-**ач***). Унікальныя карані атрымаюцца магчымымі толькі пры наяўнасці ў слове іншага кораня, гэта значыць толькі ў вытворных, складаных словах [3;155].

Такім чынам, унікальныя марфемы, розныя па паходжанні, з'яўляюцца рэальным фактам сучаснай беларускай мовы. Пытанне аб дадзеных марфемах у лінгвістыцы вырашаецца па-рознаму ў залежнасці ад прынцыпаў выдзялення марфем. У той жа час на дадзеным этапе існавання мовы немагчыма ўстанавіць дакладны склад унікальных марфем. Межы дадзенай моўнай з'явы мяняюцца ў залежнасці ад падыходаў даследчыкаў да вылучэння марфем, вызначэння іх семантыкі. Акрамя таго, з цягам часу інвентар марфем змяняецца: унікальныя марфемы могуць перайсці ў разрад неўнікальных, з другога боку, рэгулярныя марфемы могуць набыць статус унікальных. Таму на кожным новым этапе развіцця мовы склад унікальных марфем патрабуе ўдакладнення з улікам тых прынцыпаў навуковага аналізу, якія адлюстроўваюць адпаведны дадзенаму этапу стан лінгвістыкі.

Літаратура

1. Земская, Е.А. Современный русский язык. Словообразование / Е.А. Земская. – М., 2008.
2. Рацибурская, Л.В. Словарь уникальных морфем современного русского языка / Л.В. Рацибурская. – М., 2009.
3. Рацибурская, Л.В. Уникальные морфемы в современном русском языке / Л.В. Рацибурская. – М., 1998.
4. Тихонов, А.Н. Словообразовательный словарь русского языка / А.Н. Тихонов. – М., 1990.
5. Шанский, Н.М. Очерки по русскому словообразованию/ Н.М. Шанский. – М., 1968.

Е.В. Сирота (Бельцкий государственный университет имени А. Руссо)

ПРИНЦИПЫ ОПИСАНИЯ СЛОЖНОСОЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Наше исследование посвящено оптимизации принципов описания сложносочиненного предложения, ориентированных на строгую дифференциацию таких понятий, как единицы мышления, отношения между объектами языка и явлениями континуума; четкое разграничение типов отношений, связанных с концептами «тождество», «контраст», «различие», «чередование», «виды темпоральной связи». В рамках строгой модели отображающей грамматики мы предлагаем рубрикацию типов паратаксиса с точки зрения характера отношений между событиями, маркированными предикативными единицами в составе сложносочиненного предложения.

Терминологический аппарат науки о языке не должен быть противоречивым в том плане, что дефинирование единиц, связанных родо-видовыми отношениями, не может находиться в отношениях дизъюнкции. К сожалению, и в научной, и в учебной литературе примеры таких противоречий многочисленны, в частности, в «Русской грамматике-80» сложносочиненными называют такие сложные предложения, в которых части соединены сочинительными союзами и «грамматически не зависят друг от друга, то есть находятся в отношениях равноправия, равнозначности» [4; 464], но здесь же подчеркивается, что в составе сложного предложения его части характеризуются грамматической и интонационной взаимосвязанностью, а также взаимообусловленностью содержания. Противоречие данных де-

финиций не требует комментария. Традиционно лингвисты отмечают, что части сложносочиненного предложения грамматически не зависят друг от друга, являются равнозначными. Данная концепция восходит к Ф.И. Буслаеву, который назвал компоненты сложносочиненного предложения «равнословными», и разделяется такими языковедами, как В.А. Богородицкий, А.Н. Гвоздев. На некорректность этой точки зрения обратили внимание Т.А. Колосова, М.И. Черемисина [1], И. Наумова [3].

А.М. Ломов и Р. Гусман Тирадо дифференциацию между сложносочиненными и сложноподчиненными предложениями видят в том, что паратаксис упорядочивает информацию на основе простого соположения двух или более информационных блоков, которые интерпретируются как явления одного ранга (но не обязательно как равноправные). Характер информации в сложном предложении не задается инвариантно: сведения о характере организации информации зависят от учета «реальных отношений, существующих между ситуациями, различных пресуппозиций, сопутствующих речевому акту и, наконец, опыта человеческого сознания» [2; 106-108].

В сложносочиненном предложении абсолютно недопустимо говорить о сочетании двух предложений. Статус компонентов таксиса ошибочно определять как предложение, потому что, даже имея строение простых предложений, в составе сложных предложений их интонационный рисунок не соответствует стандарту интонирования автономных простых предложений. Еще В.А. Богородицкий доказывал некорректность такой интерпретации синтаксического статуса частей сложного предложения, проводя аналогию со структурой сложных существительных.

Дискуссионным является вопрос об описании отношений между предикативными единицами сложносочиненных предложений. Так, традиционно отмечается, что сложносочиненные предложения выражают соединительные, разделительные, противительные, пояснительные и присоединительные отношения. Соединительные отношения рассматриваются с точки зрения их разновидности, среди которых отмечается одновременность, последовательность событий, причинно-следственные отношения. Однако, на наш взгляд, так как соединительные отношения являются принадлежностью структуры мыслительного процесса, а одновременность, последовательность и причинно-следственная связь наблюдаются в реальной действительности, то нельзя одни отношения считать разновидностью других. В этом случае разрушается гомогенность отображаемого объекта. Соблюдая единый принцип описания, следовало бы отметить, что сложносочиненные предложения выражают: 1) однородность, тождество, сходство; 2) различие, контраст; 3) чередование реализаций возможностей или событий.

При рубрикации типов паратаксиса, к сожалению, не разграничиваются такие понятия, как отношения между событиями, фактами, объектами континуума и типами предикативных единиц, входящих в состав сложносочиненного предложения. Временные, причинные и другие отношения могут соединять не только сегменты континуума, но и явления языка. Так, причинными отношениями связаны процессы эмиграционной и иммиграционной трансформации на уровне частей речи и особенности синтаксического функционирования слов с разным морфологическим статусом. Определенные темпоральные отношения между первой и второй палатализацией заднеязычных согласных нашли отражение в законе «относительной хронологии» академика Ф.Ф. Фортунатова. Несомненна временная связь между процессом падения редуцированных и звуковыми законами в области консонантизма. Однако недопустимо смешивание таких отношений между явлениями языка и теми связями, которые характеризуют явления континуума. Так, абсолютно некорректным представляется утверждение о наличии противительных отношений между компонентами сложносочиненного предложения, между предикативными единицами не может быть каких-либо смысловых

отношений – противопоставляются два факта континуума, а между предикативными единицами могут быть только отношения порядковой последовательности.

Исходя из теоретических позиций, на основе которых разрабатывалась строгая модель отображающей грамматики, мы попытаемся описать комплекс значений сложносочиненных предложений. В процессе нашего исследования мы будем идти от значений к формам. Четко выделяющимся типом смысловых отношений в сложносочиненных предложениях являются значения тождества, однородности, сходства. Эти значения выражаются с помощью союзов *и, да (и)*:

Тут тоже теснились подстриженные акации у деревянной ограды, и сирени переплетали жгуты своих стволов, напоминавшие обнаженные мышцы, и росли вязы, и старились липы (К.Федин).

И холодок, и вода течет, и ягоды поспевают (А. Мусатов).

Другим важным типом смысловых отношений являются значения различия, контраста:

Утро было пасмурно, словно как бы на дождь, а теперь солнце (А.Чехов).

Оленька полнела и вся сияла от счастья, а Кукин худел и желтел и жаловался на страшные убытки (А. Чехов).

Важно обратить внимание на то, что различия могут быть представлены в разной степени. Высшая степень различия – контраст, противоположные стороны признака. Для выражения разных градаций различия наряду с союзами *а, но, да, однако* и другими используются и дополнительные средства: конкретизаторы, структурный параллелизм, антонимические лексемы.

Так как различия легко переходят в противоречие и нарушение естественного хода событий, то сложносочиненные предложения этого типа в семантическом отношении сближаются со сложноподчиненными с союзом *хотя*.

Следующий важный тип смысловых отношений – это значение чередования событий, попеременной их реализации, реализация одной из ряда возможностей. Эти значения выражаются союзами *или, либо, то-то*:

То иволга заплачет, то зашепчут кроны берез, то запутается в траве ветер, то зазвенит прозрачный ручей – рождается прекрасная симфония леса.

Те значения, которые репрезентируются сложносочиненным предложением, представлены не только основными типами, но и их разновидностями. Комментариев требует тот тип сложных предложений, где выражается тождество, однородность, сходство:

Язык мой немеет, и взор мой угас (М. Лермонтов).

Попытка субституции союза *и* союзом *а* в данном случае оказывается невозможной, так как автор стремится показать, что рассматриваемые им события являются маркираторами отношений одного и того же эмоционального состояния субъекта. Это один из случаев проявления однородности событий. Такие оппозиции, как тождество-сходство, с одной стороны, и различие-контраст, с другой, достаточно строго дифференцируются, так как их осознание опирается на объективные основания:

Я молод, а ты стар.

Я молод, и ты молод.

Сопоставление таких высказываний, несомненно, дает основание утверждать, что существует строгая корреляция между типом союза и характером реализованной оппозиции. Таким образом, недостатком традиционного описания сложносочиненных предложений является смешение формы мышления с объективными связями событий действительности. Соединительные отношения – это определенная форма мышления, которая в логике называется конъюнкцией, а одновременность или последовательность – это реальные связи, характеризующие объективную действительность. Поэтому, избегая смешения явлений разных планов, следует утверждать, что сложносочиненные предложения с данными союзами служат для выражения тождества, сходства. Например, одновременность – это тождество с точ-

ки зрения реализации во времени последовательность – это тоже однородность событий в плане протекания явлений во времени.

Противопоставление – это форма мышления, а различие – это то, что касается отношений между явлениями действительности. Поэтому противопоставление и различие рассматривать в одной плоскости нельзя. Строгая модель отображающей грамматики не исключает возможности использования значения в разных классах терминов. Она только требует отказа от разных принципов описания объекта языка.

Литература

1. Колосова, Т.А. О принципах классификации сложных предложений / Т.А.Колосова, М.И.Черемисина // Вопросы языкознания. – 1984. - №6. – С. 69-80.
2. Ломов, А.М.. К интерпретации русского сложноподчиненного предложения / А.М.Ломов, Р. Гусман Тирадо // Вестник Воронежского гос. ун-та. – Серия 1. Гуманитарные науки. – 2001. - №1. – С. 106-108.
3. Наумова, И.Ю. Сложные предложения промежуточного типа (сочиненно-подчиненные конструкции): автореф.дис. …канд.филол.наук. / И.Ю.Наумова. – Липецк, 1995. – С.9.
4. Русская грамматика: в 2-х т. – М., 1980. – Т. II. – С.464.

Л.И. Смольская (Гродненский государственный университет имени Я. Купалы)

ЗНАЧЕНИЕ ВРЕМЕНИ И ЕГО ВЫРАЖЕНИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В анализе литературного произведения как художественного целого важнейшую роль играет выявление его отношения к реальности, которое, будучи реализовано в разных формах и на разных уровнях, предполагает, соответственно, и различные аспекты исследования.

Воспроизведение времени в художественном тексте не является зеркальным отражением реального времени или его простым аналогом. В современном литературоведении широко используется понятие художественного времени. Оно трактуется как принципиально значимая характеристика художественного образа, организующая композицию и всю структуру произведения и необходимая для рецепции художественного мира, актуализируемого в тексте.

Объективные временные отношения в языке могут передаваться различными средствами: морфолого-синтаксическими, лексическими, в устной речи интонационными.

В языке художественного произведения к этим средствам добавляются поэтические средства. К ним следует отнести, во-первых, тропы (метафоры, эпитеты, сравнения, метонимию, оксюморон и др.), во-вторых, устойчивые фразеологические словосочетания, в-третьих, ритм (ритм фразы, ритм речи, ритм развития сюжета), наконец, в-четвертых, художественное время произведения, которое не является простым зеркальным отражением реального времени, а находится с ним в символическом отношении, то есть имеет собственную структуру, не изоморфную реальному времени, но вместе с тем может что-то сообщать о нем.

Разработке проблемы литературного времени много внимания уделяли представители «формальной школы», в частности В.Б. Шкловский. Анализируя сюжетное построение романов Филдинга, Сервантеса, Пушкина, ученый отметил, что «литературное время – чистая условность и законы его не совпадают с законами прозаического времени» [8, 186]. В.Б.Шкловскому принадлежит заслуга введения ряда понятий, используемых при анализе художественного времени прозы, таких как *пунктирное* время, *условное (предметное)* время, *параллельное* время, время *перебивочное,* время *рассказываемое* и др. По мнению ученого, арсенал художественных средств прозы позволяет изображать как текущие события, так и

более глобальный срез времени: «существует два компонента времени, пишет он, – компонент сегодняшнего времени и константа вечного времени».

Д.С.Лихачев ввел понятия *закрытого* и *открытого* времени: «Время произведения может быть закрытым, замкнутым в себе, не связанным с историческим временем, или «открытым», протекающем на фоне исторической эпохи. «Закрытое» время совершается только в пределах сюжета, не связано с историческим временем вне пределов произведения. «Открытое» время предполагает наличие других событий, совершающихся одновременно за пределами произведения, его сюжета» [4, 214].

По своей структуре временная лексика русского языка представляет собой не просто неупорядоченное множество слов, а **семантическое поле**.

По определению А.А. Реформатского, «лексическое поле – это не область однородных предметов действительности и область однородных понятий, а сектор лексики, объединенный отношениями параллелизма (синонимы), контраста (антонимы) и сопутствования (метонимические и синекдохические связи слов), а главное, различного рода противопоставлениями <...> Ни в коем случае не следует смешивать понятие контекста и поля. Контекст – это область употребления слова речи, а поле – сфера его существования в системе языка» [6, 148-149].

Сравним несколько тематических рядов, которые можно выделить в лексическом поле *времени.* «Время как последовательность событий, в том числе жизненных». В этот тематический ряд входят такие лексемы, как *жизнь, судьба*, а также слова, с которыми они сочетаются.

«Время как шкала изменений состояний»: *молодость, старость, детство, древность, современность и др.;*

«Промежутки времени»: срок, год, день, неделя, месяц, час, минута и др.

Очевидно, что тот или иной способ выделения тематических рядов зависит от принятой концепции времени.

В современном русском языке лексема *время*, как правило, ассоциируется с линейной моделью времени. Ср.: «*Николай Ефимыч долгое **время** проживал с женой у моей тети Иры в деревянном домике на улице Засухина» (Е. Попов. Как съели петуха»)* [2, 334].

В противоположность ей, лексема *пора* указывает на циклическую модель времени [5, 274]. Ср.: «*И вспомнилось мне, как прошлогодним предлетним вечером майской **поры** того же числа 30 марта ходили мы втроем я, а по бокам движения меня – двигались Булатов и другой – Эрик Владимирович»* (Д.А. Пригов. «Встречи и поперечи. Предуведомление»).

Интересно, что и в некоторых современных диалектах сохранились слова, имеющие одновременно значение силы и временное (возрастное) значение: *поровой (человек*) – «не старый, а в поре, во всей силе», *порный* – 1) «дающий хороший урожай с крупным колосом» (о хлебе), 2) «крепкий, пенистый» (о квасе) [6].

Наиболее сложной и емкой по семантике лексемой, сыгравшей в свое время активнейшую роль во временной лексике, является лексема *век.* Вместе со своими производными (прежде всего прилагательными) она составила главную опору модели христианского времени, став организующим центром русской сакральной лексики.

Именно лексема *век,* как считает В.Г. Звездова, «отражает попытки и стремление средневекового человека разобраться в своем житье-бытье (и в целом – жизни), в бытии вселенной вообще, желание соединить и разделить живое и неживое. Безусловно, с этим связано и широкое функционирование слова в области сакральной» [3, 60].

В словаре Ушакова находим следующие фразеологические комплексы со словом «век»: «**В кои веки** (разг.) наконец-то, после большого промежутка времени, очень редко. **Во веки** или **во веки веков** (церк.) – вечно, во все время бытия мира. **На век**

(или навек), **на веки** (или навеки) или **на веки вечные** (разг.) – навсегда. **До скончания века** (церк.) – до конца мира. **От века** (книжн). – от начала бытия мира, вечно. **Отныне и до века** (церк. и разг. шутл.) – навсегда, навеки» [7, 241-242].

Следует заметить, что слово «время», будучи центральной лексемой тематического ряда, в то же время используется в языке русской художественной прозы XX века сравнительно редко. В этом можно видесть не только следствие естественной *спасиализации* времени, о которой писал Г. Гийом [1], но и проявление новых, отличных от рационалистической, философских интерпретаций этой категории, навеянных еще в конце прошлого века философией жизни (на которую во многом опирался литературный символизм), и подтверждаемых в большинстве философских систем XX века. Как мыслители, так и художники слова в XX веке предпочитают говорить не о времени самом по себе (в ньютоновском его понимании), а о том, что его наполняет или образует (чаще всего это понимается как *жизнь),* либо предпочитают вообще обходиться без этого концепта.

Если рассматривать всю совокупность значений лексемы *жизнь* в тексте романа А. Платонова, то мы видим, что она по своей структуре образует, условно говоря, четырехугольник, крайние точки которого образованы комбинациями двух пар значений: одна «диагональ» (назовем ее шкалой субъективности) пролегает между значением 10 и 7 по Ушакову (с одной стороны, то, что присуще человеку, его собственная энергия, «полнота духовных и нравственных сил», с другой стороны – внешняя по отношению к человеку «реальная действительность»). Другая диагональ представляет собой аксиологическую (оценочную) шкалу, на одном конце которой стоит крайне негативная, а на другом конце - высшая позитивная оценка *жизни.*

На пересечении «диагоналей» находятся значения, сближающие *жизнь* и *время.*

Совокупность значений лексемы *жизнь* в тексте романа включает практически все значения, зафиксированные в словаре Ушакова. Кроме того, эти значения обогащены оценочными коннотациями. Таким образом, возникает двумерная структура семантического поля. Одно ее измерение определяется шкалой значений, которую мы назвали шкалой субъективности. Она пролегает между значением 10 и 7, по Ушакову, то есть, одним ее полюсом является значение, которое можно определить как «проявление субъективности человеческого индивида» (его собственная энергия, «полнота духовных и нравственных сил» и т.п.); другим, противоположным – внешняя по отношению к человеку «реальная действительность» [7, 241].

Второе измерение семантического поля значений слова «жизнь» в анализируемом тексте А. Платонова представляет собой аксиологическую (оценочную) шкалу, на одном конце которой стоит крайне негативная, а на другом конце – высшая позитивная оценка *жизни.*

Таким образом, это семантическое поле, если изобразить его графически, должно выглядеть как неправильный четырехугольник, диагоналями которого будут две названные шкалы: шкала субъективности и аксиологическая шкала. «Четырехугольник» был бы правильным (квадратом), если бы все значения были представлены в тексте равномерно. «Неправильность» же его проистекает из того, что в платоновском тексте наиболее широко представлены «субъективные» и «негативные» значения. Иными словами, лексема *жизнь*, при том, что семантика ее, в силу многозначности, в целом является неопределенной, «мерцающей», все-таки больше ассоциируется с субъективностью человека, окрашенной скорее в мрачные, чем в светлые тона.

Литература

1. Гийом, Г. Принципы теоретической лингвистики / Г. Гийом. – М., 1992.
2. Ерофеев, В. Русские цветы зла: Антология / В. Ерофеев. – М., 1997.– С. 334.

3. Звездова, Г.В. Русская именная темпоральность в историческом и функциональном аспектах / Г.В. Звездова. – Воронеж, 1996. – С. 47.
4. Лихачев, Д.С. Поэтика дневнерусской литературы / Д.С. Лихачев. – М., 1979.
5. Пригов, Д.А. Написанное с 1975 по 1989 г. / Д.А. Пригов – М., 1997. –С. 274.
6. Реформатский, А.А. Введение в языкознание / А.А.Реформатский – М., 1967. – С. 148 – 149.
7. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н.Ушакова. – Т. 1. – М., 1994. – С. 241 – 241.
8. Шкловский, В.Б. О теории прозы / В.Б. Шкловский. – М., 1939. – 249 с.

М.П. Цыбульская (Белорусский государственный университет)

ДИСКУРСНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ТИПОЛОГИИ БЕЛОРУССКИХ СМИ

С появлением новейших медиатехнологий вновь и вновь встает вопрос о взаимодействии средств массовой коммуникации с социумом и индивидуумом. Дискурсный подход в изучении современных средств массовой информации приобретает особую актуальность: журналистский текст в новой коммуникативной парадигме рассматривается как продукт перлокутивных актов и когнитивных стратегий. При этом производство и интерпретация текста может вестись на нескольких уровнях одновременно, описать которые можно посредством дискурс-анализа: особенности медиатекста как сложного коммуникативного явления находят выражение в языковой форме, в свою очередь языковая форма, представленная в медиатексте, репрезентирует особенности дискурса СМИ. Кроме языковой формы, по мнению австралийского исследователя дискурса Г. Кресса, роль посредника в дихотомии социальный опыт – текстовая деятельность выполняет жанр. Жанры рождаются, чтобы обеспечить оформление и выражение определенного дискурса [5]. Ведь в условиях нарастающих IT-тенденций, общественное сознание и речевое поведение носителей языка выражается особенно ярко именно в текстах СМИ.

Для текстов средств массовой информации чрезвычайно важно различать устный и письменный состав дискурса. По мнению О.В. Александровой «с одной стороны, в печатных изданиях мы имеем дело с письменными текстами, но даже пролистав одноединственное издание, можно увидеть все разнообразие представленных в нем материалов: это и серьезные, написанные по всем правилам данного языка статьи и рассказы, это и тексты, по своему языку и манере построения приближающиеся к устной речи. То же можно сказать и об устном языке СМИ, где представлено огромное разнообразие материалов, построенных по законам письменной речи» [1; 337]. Дискурсный анализ СМИ проводится на основе текстов СМИ, однако трудно определить некие обобщенные свойства дискурса, которые бы позволили систематизировать тексты СМИ по стилям и жанрам. Нам представляется актуальным попытаться определить некие типичные признаки текста, благодаря которым возможно будет говорить о тенденциях дискурса СМИ, его структуре и типологии. Журналистский текст наиболее подвержен влиянию исторических, политических, социальных, психологических факторов, происходящих в обществе, являясь лакмусовой бумагой данных процессов. Так, по мнению И.П. Лысаковой, «за годы Советской власти канцелярит и стереотипы настолько утвердились в советской прессе, что отступление от канцелярита цензорами расценивалось как инакомыслие. Безопаснее было писать стандартные сочетания с лексически опустошенными прилагательными (достигнутые успехи, чем просто успехи; настоящее мастерство, чем мастерство), а длинные блоки из абстрактных существительных в цепочках родительных падежей были предпочтительнее конкретного вопроса» [6; 41]. Так советская эпоха ознаменовалась преобладанием письменного элемента в текстах СМИ.

Количество информации, циркулирующее в обществе, стремительно растет, что и позволило в конце XX века говорить об "информационном взрыве". Стало очевидным,

что справиться с такой лавиной информации человек не сможет. Для этого нужны специальные средства ее обработки, хранения и использования, необходимо создать глобальное информационное пространство, которое обеспечивало бы эффективное информационное взаимодействие людей, их доступ к мировым информационным ресурсам и удовлетворяло бы потребности в информационных продуктах и услугах. В силу этих процессов стало фактом возникновение «народной» (по определению проф. В.Ивченкова – массовой) журналистики, вобравшей в себя новую парадигму сбора, обработки и подачи информации. Такие понятия, как блогосфера, моблогинги, онлайновые конференции и проч. стали реальностью, активно входят в журналистскую практику. Это не могло не отразиться на языке и в первую очередь, на «соразмерности» письменного и устного элементов. Даже традиционные издания концептуально поменяли свой речевой облик, в котором проглядывается смелое для русскоязычных газет введение устной лексики.

Наиболее существенные отличия в лексическом строе русского и белорусского языков проявились в период формирования и становления этих языков как национальных: «Узнікненне новага беларускага пісьменства і складванне новай беларускай літаратурнай мовы звязана з нацыянальным адраджэннем беларускага народа, з вызваленчым рухам народаў Расійскай імперыі, які адбываўся на працягу XIX – пачатку XX ст. Паколькі пісьмовая традыцыя аказалася перарванай, новая літаратурная мова ўзнікла на народна-гутарковай аснове» [2; 15]. В силу официального запрета белорусского языка более двух столетий в нем доминировал не письменный элемент, а устный. В XX столетии соотношение письменного и устного элементов в белорусском языке стало выравниваться, и современная литературная форма белорусского языка органично сочетает эти два элемента, тогда как в основе русского литературного языка лежит книжно-письменная традиция, которая и сформировала соотношение устного и письменного элементов в нем в пользу последнего. В связи с этим уникальна ситуация, сложившаяся в нашей стране. Попробуем предположить, что речевой строй национального языка отражается на парадигме речевых процессов реципиентов. На практике это означает, что белорусские журналисты, работающие в русскоязычной газете, все равно привносят в манеру подачи информационного продукта значение онтологической природы национального языка. Исследователи отмечают: «Назіраецца даволі цікавая залежнасць: традыцыя фарміравання беларускай літаратурнай мовы – размоўна-літаратурная – праектуецца на маўленчую традыцыю сучаснай рускай мовы, у якой моцна трымаецца кніжна-пісьмовая» [3; 43]. Белорусские русскоязычные журналисты не сознательно, а по причине речемыслительного устройства привносят в русские тексты оптимальный режим соотношения устного и письменного элементов.

Сложности, с которыми сегодня сталкиваются ученые в попытке систематизировать современные СМИ, выявить их типологические отличия посредством использования знаковых систем, связаны еще и с изменением самого представления о массовой коммуникации в XXI веке. Сегодня «массовая» аудитория – это не аудитория, одновременно потребляющая «массовый» продукт из одного источника, одного монополиста-производителя. Сегодня потребитель информационного продукта самостоятельно выбирает не только само сообщение, но и его источник.

В таком русле можно говорить о типологических изменениях медиатекстов в ключе все более набирающей темп индивидуализации их: творческий потенциал журналиста объемно раскрывается в блогах, колумнистике, где подается «свой взгляд» на злободневную тему. Этим обеспечивается неведомая ранее возможность активной диалогичности, причем расширяется право на самостоятельный выбор информации. Отсюда увеличивается степень риска чрезмерной стратификации общества медиапотребителей. Джозеф Клаппер предупреждает: «люди стремятся иметь дело с теми массовыми

коммуникациями, которые совпадают с имеющимися у них установками и интересами. Сознательно или неосознанно, они избегают сообщений противоположного толка. Если же они все-таки сталкиваются с неприятным для них материалом, они его не воспринимают вовсе или переделывают, или интерпретируют так, чтобы он соответствовал имеющимся у них установкам» [4; 18-19].

Благодаря интернет-коммуникации человек интенсивно погружается в производство текста. Сегодня мы можем говорить о новых способах взаимодействия СМК, социума и индивидуума, о новых типах отношений между ними, в конечном итоге, – о новых модификациях текстов СМИ. Медиадискурс, таким образом, в его жанровом своеобразии нуждается в исследовании экстралингвистических факторов и описании языковых закономерностей построения типологической модели белорусских СМИ, в основу чего могут быть положены критерии выявления как сугубо индивидуального, нерегулярного в журналистском творчестве, так и системного, общего, определяющего закономерности развития вербальной практики в целом.

Литература

1. Александрова, О.В. Соотношение устной и письменной речи и язык СМИ / О.В. Александрова // Язык средств массовой информации: Учебное пособие для вузов / Под.ред. М.Н. Володиной. – М., 2008. – С. 337 – 348.
2. Беларуская мова / Red. naukowy: Aljaksandr Lukašanec, Mikalaj Prigodzič, Lidzija Sjameška. – Opole, 1998.
3. Іўчанкаў, В. Грамадзянская сталасць «Звязды» і маўленчая парадыгма «СБ. Беларусь сегодня» / В. Іўчанкаў // Матэрыялы Рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 90-годдзю газеты «Звязда» і 80-годдзю газеты «Советская Белоруссия»/ Рэд.кал.: С.В. Дубовік (адк. рэд.) і інш. – Мінск, 2007. – С. 40-43.
4. Klapper, J.T. The Effects of Mass Communication / J.T. Klapper. - N.Y., 1960.
5. Kress, G. Ideological Structures in Discourse // Handbook of Discourse Analysis. Vol. 4. Discourse Analysis in Society. - London, 1985. - P. 28-29.
6. Лысакова, И. Язык современной русской прессы: социолингвистический аспект / И. Лысакова // Язык массовой и межличностной коммуникации / Ред. кол.: Я.С. Засурский и др. – М., 2008. – С. 40-53.

Ю.В. Шарец (Гродненский государственный университет имени Я. Купалы)

КАТЕГОРИЯ ФАЗОВОСТИ И ЕЕ ВЫРАЖЕНИЕ В БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Под фазовостью (или фазисностью) обычно понимают значение начала, продолжения и конца какого-нибудь процесса или действия. Действие, протекающее в фазах начала, продолжения и завершения, имеет место в любом языке. Так, изучению категории фазовости в русском языке посвящены работы О.М. Соколова, Е.Я. Титаренко, Т.В. Лариной, В.М. Дерибаса и др [3; 4]. В.М. Рагимова, например, в своих работах сопоставляет фазовые глаголы в лезгинском и немецком языках.

На словообразовательном уровне фазовая семантика прежде всего заключена в так называемых фазовых глаголах (ФГ), которые передают все оттенки смысловой категоризации действия и делают это точнее, чем видовые пары глаголов.

Если фазовость является категорией универсальной, то она должна прослеживаться во всех языках. Область наших интересов – белорусский язык. В белорусском языкознании проблемам словообразования всегда уделялось большое внимание, однако фазовость как целостная, формально организованная категория не являлась предметом отдельного, самостоятельного исследования. Хотя налицо наличие словообразовательного инвентаря белорусских глаголов, представленного целой группой глагольных приставок; белорусских фразеологических единиц, в состав которых входят глаголы, и сам универсальный характер таких значений, как ‘начало действия’, ‘продолжение действия’ и ‘конец действия’.

Глаголы белорусского языка могут дифференцировать самые различные аспекты глагольной семантики, что находит отражение в их отнесенности к тому или иному разряду. Ср.: глаголы действия и деятельности, глаголы бытия, состояния, глаголы отношения и др. [Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. – М., 1999]. Классификация подобных лексико-семантических групп подробно и основательно изучена еще советскими лингвистами (Л.В. Щерба, В.В. Виноградов, Е.А. Земская и др.). Производные глаголы в составе каждой из этих групп системой языка так или иначе «запрограммированы» на представление значений начала названного действия, его продолжения или завершения (*за-звінець – звінець – ад-звінець*).

Известно, что те или иные префиксы белорусского языка в сочетании с конкретными глаголами определенных лексико-семантических групп способны выражать указанные фазовые значения. Правда, следует обратить внимание на «избирательность» префиксов по отношению к конкретным представителям тех или иных лексико–семантических групп глагола. К примеру, в белорусском языке весьма обширна префиксальная периферия группы глаголов физического действия (*аб-церці*, *за-туманіць*, *вы-сечы* и т.д.). В сочетании с глаголами названной лексико-семантической группы префиксы *аб-, вы-, у-, с-, да-* передают значение «доведения действия до предела»: *у-качаць, да-габляваць*. Приведём примеры функционирования перечисленных словообразовательных производных в речи: *У 1829 году арабскі правадыр Абдэль-Гелиль атачыў горад Сокку. Для таго каб голадам прымусіць жыхароў здацца, ён загадаў* ***высечы*** *ўсе навакольныя фінікавыя пальмы* (prilesie.by). *Мне патрэбен яшчэ год, а мо і болей, каб* ***дагабляваць*** *тэкст* (www.svaboda.org).

‘Начинательность’ в той же группе глаголов физического действия выражена посредством префиксов за- или раз-: *за-гуляць*, *за-вярцецца*, *раз-бушавацца*: *Работы няма, толькі зладзейства. А выпіць,* ***загуляць*** *хочацца. І невядома, ці такую разбазараную моладзь утрымаюць* (niva.iig.pl). *... калі падзеі цягнуцца адна за адной, віруюць, імкліва змяняюцца, а ядро, вакол якога пэўным з гэтых аскепкаў час бы ўжо* ***завярцеца****, не з'яўляецца?* (ales-sushceuski.livejour). *Толькі а чацвертай яна дазволіла сабе* ***разбушавацца*** (nastauka.livejournal.com).

Если говорить о группе глаголов речевой деятельности и их префиксальных эквивалентах, то она представлена следующими производными: *за-балабоніць* (*З выгляду замухрышка, але добры авантурыст і шчасліўчык, які ўмеў добра* ***забалабоніць*** (kamunikat.org); *за-балбатаць* (*Што-то я* ***забалбатаць****, хочацца сказаць і за хадавыя якасці.* (animezen.ru); за-журчаць (*Арганізатары запэўнілі, што ўсе створаныя кампазіцыі знікнуць з тэрыторыі сада толькі тады, калі* ***зажурчаць*** *першыя вясновыя ручаі* (tvr.by); за-званіць; за-лямантаваць; раз-бубніцца (*Калі яшчэ раз такое пачую, то торбачкаю па галаве дам. Янка паўшчуваў:- Вы не вельмі.* ***Разбубніліся****, што чмялі* (globallib.ru), раз-гусціся и т. д. Перечисленные глагольные производные содержат значение начала действия, передаваемое преимущественно префиксом *за-*, который весьма продуктивен в выражении начинательного значения и в сочетании с глаголами “становления признака”:

Перажытае адбілася і на яе абліччы, абрысы твару ***завастрыліся,*** *пад вачыма праляглі цёмныя кругі* (lyban2009.narod.ru).

Пры чыгуначных пераездах і скрыжаваннях дарог ***зажаўцелі*** *зрубленыя...* (dyatlovo.info).

В этой же лексико-семантической группе глаголов речевой деятельности можно проследить значение завершения действия, доведение действия до предела: *да-гаварыцца, за-моўкнуць, з-лаяць*.

Префиксальные производные от глаголов движения могут представлять значение начала действия: *за-бегаць (- Смаргонцы ў 1/16 кубка Беларусі па футболе стварылі*

мінчанам праблемы. Першы тайм гаспадары выйгралі 1:0, чым прымусілі гасцей хутчэй ***забегаць*** *па полі* (rh.by›by)*, за-вярцецца, па-ехаць, па-ляцець, па-несціся*. Завершительное значение представлено в таких глагольных формах, как: *пры-бегчы, прыбыць, да-гуляцца*.

Отметим, что фазовые значения передаются не только префиксами, но и суффиксами, весьма частотными в образовании фазовых глаголов. Особенно это характерно для глаголов, в составе которых есть префиксы *вы–* или *за–: вычэрпваць-вычарпаць, выратоўваць- выратаваць, вымешваць- вымешаць, забяспечваць- забяспечыць* и др. Например:

ВЫЧАРПАЦЬ

(дзеяслоў | закончанае трыванне)

1. Чэрпаючы, выдаліць, выбраць усё, да канца. В. ваду з вядра. 2. пераноснае значэнне: Зрасходаваць поўнасцю, давесці да канца. В. усе запасы. В. праграму. 3. пераноснае значэнне: Уладзіўшы, вырашыўшы, пакласці канец чаму-н. (кніжнае). Інцыдэнт вычарпаны. || незакончанае трыванне: вычэрпваць (rv-blr.com/slounik).

ВЫРАТАВАЦЬ

(дзеяслоў | закончанае трыванне)

1. Пазбавіць ад чаго-н. (страшнага, небяспечнага і пад.). В. тапельца. Захаваць у цэласці, зберагчы. В. рукапіс ад знішчэння. || незакончанае трыванне: выратоўваць. || назоўнік: выратаванне (rv-blr.com/slounik).

ВЫМЕСІЦЬ

(дзеяслоў | закончанае трыванне)

Месячы, размінаючы, канчаткова прыгатаваць. В. цеста, гліну. || незакончанае трыванне: вымешваць (rv-blr.com/slounik).

ЗАГАРАДЗІЦЬ

(дзеяслоў | закончанае трыванне)

Зрабіць агароджу, плот, абнесці якой-н. перашкодай. З. плот. З. уваход. З. сабой каго-н. || незакончанае трыванне: загароджваць. || зваротны стан: загарадзіцца. || незакончанае трыванне: загароджвацца (rv-blr.com/slounik).

Фазовость – категория, функционирующая не только на уровне словообразования. К средствам выражения данной категории относятся и несловообразовательные единицы – деривационные сочетания. Поскольку в языке (не только в белорусском) существуют несоотносительные глаголы несовершенного вида со значением непредельности (что препятствует аффиксальному образованию видовой пары), необходимо средство, позволяющее передать фазовые значения таких глаголов. Вот здесь-то и нужны деривационные сочетания, включающие собственно фазовый глагол (*пачаць, працягваць, перастаць, скончыць*) и непредельный глагол (или глагольную связку): *быць, знаходзіцца, з'яўляцца, складацца, лічыцца, значыць, азначаць, ставіцца, каштаваць* и др. Приведем примеры аналитических сочетаний с фазовыми значениями:

З распаўсюджаннем хрысціянства законным ***пачаў лічыцца*** *царкоўны шлюб, заключаны паводле норм кананічнага права* (be.wikipedia.org).

Падчас яго кіравання Бутан ***працягваў знаходзіцца*** *практычна ў поўнай ізаляцыі ад знешняга свету, абмяжоўваючыся вельмі беднымі адносінамі з Брытаніяй...* (be.wikipedia.org).

Пачынаючы з XVI стагоддзя тытул эрцгерцага ***перастаў азначаць*** *выключна манарха Аўстрыі, а стаў выкарыстоўвацца ўсімі членамі дынастыі Габсбургаў* (be.wikipedia.org).

В выражении фазовых значений активно участвуют устойчивые глагольно-именные сочетания, многочисленные примеры которых можно найти во фразеологическом словаре И.Я. Лепешева [1; 2]. Особенность таких сочетаний заключается в том, что входящий в их

состав глагол обозначает фазу протекания действия, названного именной частью этих сочетаний. Приведем некоторые примеры таких словосочетаний:

*Канкурсантам аж двойчы прыйшлося **брацца за пяро**: акрамя гэтага выпрабавання, у іх было хатняе заданне – сачыненне-эсэ на тэму "Мой мир – без войны!"* (brsu.by).

*Думаю так: сам **заварыў** гэтую **кашу**, самому трэба тэрмінова ратаваць хлопца. Бяру паперу і падрабязна пішу...* (zvyazda.minsk.by).

*Апостал **падводзіць рысу** свайго жыцця і піша, што ён выканаў свой абавязак, як атлет на спаборніцтвах, ён прабяжаў забег даўжынёй у жыццё…* (be.wikipedia.org).

В белорусском языке категория фазовости представлена разнообразными средствами как синтетического, так и аналитического характера. Эти средства характеризуются определенными особенностями образования, употребления в речи, что, безусловно, заслуживает дальнейшего комплексного исследования.

Литература

1. Лепешаў, І. Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы. У 2 ч. Т.1. / І. Я Лепешаў.- Мінск. – 1993. – 590 с.
2. Лепешаў, І. Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы. У 2 т. Т. 2 / І. Я Лепешаў. - Мінск. – 1993. – 607 с.
3. Соколов, О.М. Фазовость как лексико-грамматическая категория русского глагола / О.М. Соколов // Русское языкознание. – Вып. 10. – Киев, 1985. - С. 51-58.
4. Титаренко, Е.Я. Об универсальной категории фазовости и фазовой парадигматике глаголов / Е.Я. Титаренко // Типология вида / аспекта: проблемы, поиски, решения: Тезисы II Международной научной конференции (22-26 сентября 2009г., Симферополь – Гаспра). М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. – С.89-92.

Н.В. Яненка (Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт)

ДА ПЫТАННЯ АБ ФАНЕТЫЧНЫМ ВАР'ІРАВАННІ Ў ВУСНЫМ ГАРАДСКІМ МАЎЛЕННІ (НА МАТЭРЫЯЛЕ ЗАПІСАЎ У Г.П. ХОЦІМСКУ)

Артыкул прысвечаны аналізу вуснага маўлення жыхароў г.п. Хоцімска Магілёўскай вобласці – членаў сям'і, іх сяброў і калег [некаторыя з папярэдніх вынікаў гл. у 1; 2]. У рамках даследавання рабіліся аўдыязапісы вуснага бытавога маўлення інфармантаў у камунікатыўных сітуацыях двух тыпаў: падчас сямейных размоў дома і ў сітуацыі неафіцыйных размоў на рабоце з калегамі, з якімі інфарманты маюць сяброўскія адносіны. Запісы транскрыбаваліся і апрацоўваліся. Нас цікавіць варыянтнасць ужывання інфармантамі моўных пераменных. Тут мы звернемся да фанетычнага боку маўлення інфармантаў, а менавіта да варыянтнасці наступных пераменных: цвёрды [р] vs мяккі [р'], афрыкаты [дз'], [ц'] vs змычныя [д'], [т'].

1. Варыянтнасць гукаў [р] vs [р']

Хоцімскім гаворкам уласціва наяўнасць мяккага зычнага [р']. Аднак у нашых матэрыялах (як у сямейным, так і ў службовым корпусе) сустракаюцца выпадкі ўжывання інфармантамі цвёрдага [р] на месцы мяккага [р'], што характэрна для беларускай літаратурнай мовы. Разгледзім гэтыя выпадкі.

1.1. Ужыванне інфармантамі цвёрдага [р] на месцы мяккага [р'] у сямейным корпусе (13 выпадкаў)

1.1.1. Цвёрды [р] у прыназоўніку *цераз* стабільна ўжывае інфармант С (мужчына 44 гадоў, будаўнік):

О, дык таб'е` мо`жна ц'і`**р**аз О`ршу йе`хац'. (10: 39; С)

*Заб'ару`ц', ч'і`**р**аз час адпу`с'ц'ац'. (16: 10; С)*

Папо́зжы, ц'е`**р**аз тр'і`ццыц' м'іну́т. (15: 44; С)

Назіраецца варыянтнасць фанетычнага аблічча прыназоўніка ў маўленні гэтага інфарманта, якая абумоўлена вар'іраваннем першага і другога гукаў. Гук [р] пры гэтым стабільна застаецца цвёрдым.

1.1.2. Для гэтага ж інфарманта характэрна ўжыванне цвёрдага [р] у слове *кастрюля:*

Так'е`йа во каст**р**у`л'і. (4: 8; С)

1.1.3. Варыянтнасць цвёрдага [р] vs мяккага [р'] у слове *воскресенье*

1.1.3.1. У слове *воскресенье* інфармант С ужывае як цвёрды [р], так і мяккі [р'], параўн.:

*Та ў васк**р**ыс'е`н'н'а ба`н'у тап'і`ў там. (68: 23; С)*

*Йа ў васк**р'**іс'е`н'н'а то`л'ка. (68: 33; С)*

1.1.3.2. Варыянтнасць [р] vs [р'] у слове *воскресенье* назіраецца і ў маўленні інфарманта А (жанчына 41 года, настаўніца, жонка інфарманта С):

*За`ўтра ж васк**р**ыс'ен'н'а. (31: 49; А)*

*Ў васк**р'**іс'е`н'н'а. (7: 4; А)*

1.1.3.3. Сустракаецца адзін выпадак вымаўлення слова *воскресенье* з цвёрдым [р] інфармантам Р (жанчына 69 гадоў, пенсіянерка, цётка інфарманта С):

Н'а ўчо`ра, а у васк**р**ыс'е`н'н'а. (68: 74; Р).

1.1.4. Цвёрды [р] быў таксама ўжыты інфармантам А ў форме загаднага ладу множнага ліку дзеяслова:

Прав'е`**р**ц'і пра`в'іл'нас'ц'… (37: 47; А)

У дадзеным выпадку інфармант зачытвае рускамоўны тэкст смс-паведамлення і, нягледзячы на правапіс, выкарыстоўвае цвёрды [р].

1.1.5. Варыянтнасць [р] vs [р'] назіраецца ў маўленні інфарманта М (мужчына 46 гадоў, будаўнік, брат інфарманта С). У большасці выпадкаў ён выкарыстоўвае мяккі [р'], аднак у адным з выказванняў двойчы ўжыў цвёрды [р]:

Смотр'у`, э`тый, ў канцыл'а`**р**ыйі га**р**ы`ц' с'в'ет. (62: 40; М)

1.2. Ужыванне інфармантамі цвёрдага [р] на месцы мяккага [р'] у службовым корпусе (3 выпадкі)

1.2.1. Варыянтнасць [р] vs [р'] у слове *воскресенье* ў маўленні інфарманта С

Сустракаюцца два выпадкі выкарыстання гэтым інфармантам слова *воскресенье*, у абодвух з якіх мужчына ўжывае цвёрды [р]:

*Йа ў васк**р**ыс'е`н'н'а скам'е`йк'і капа`ў. (87: 13; С)*

Ў субо`ту, васк**р**ыс'е`н'н'а бу`дз'іц' лав'і`ц'. (87: 478; С)

1.2.2. Варыянтнасць [р] vs [р'] у маўленні інфарманта L (жанчына 38 гадоў, настаўніца, сяброўка інфарманта А)

У маўленні гэтага інфарманта назіраецца два выпадкі (у межах аднаго выказвання) выкарыстання цвёрдага [р] на месцы мяккага [р']:

*Т**р**ы, т**р**ы мыл… л'імо`на ў м'ан'е` йос'ц'. (82: 178; L)*

Інфармантка падлічвае свой даход і, жадаючы падкрэсліць яго невялікі памер, для экспрэсіі ўжывае цвёрды [р]. Экспрэсіўны, іранічны характар выказвання падкрэсліваецца таксама выкарыстаннем цвёрдага [м] на месцы мяккага [м'] у слове *мільён* (*мыл…*) і ўжываннем замест яго слова *лімон*.

Аналіз выкарыстання інфармантам С цвёрдага [р] замест мяккага [р'] сведчыць пра тое, што некаторыя формы, ужытыя з мяккім [р'], мужчына ўспрымае як знак празмернай культурнасці і высокай стылістыкі, якія ў межах сямейных размоў і размоў на рабоце з калегамі-сябрамі выглядаюць не вельмі дарэчнымі. Трэба адзначыць, што не назіраецца розніцы ў характары выкарыстання гэтай пераменнай у маўленні мужчыны дома і на рабоце, што, аднак, не з'яўляецца нечаканым для гэтага інфарманта.

У маўленні інфарманта А назіраем значную перавагу формы *воскресенье* з мяккім [р']. Форма з цвёрдым [р] была ўжыта жанчынай падчас тэлефоннай размовы з сястрой з Расіі і выступае, магчыма, у якасці сродку выражэння ёй сваёй ідэнтычнасці як

носьбіта “хоцімска-беларускай” мовы ў параўнанні з сястрой, цяперашнім носьбітам рускай мовы.

Інфармант L выкарыстоўвае форму з нехарактэрным для гаворкі цвёрдым [р] для перадачы экспрэсіі.

2. Варыянтнасць [дз’] vs [д’], [ц’] vs [т’]

2.1. Варыянтнасць пераменнай у сямейным корпусе

Назіраецца значная перавага дзекання і цекання над выкарыстаннем [д’] і [т’] (колькасныя паказчыкі ўжыванняў [дз’] і [д’] 1759 і 5, [ц’] і [т’] – 2810 і 26 адпаведна). Толькі інфармант К (жанчына 42 гадоў, медсястра) пастаянна (ёсць толькі адно выключэнне) вымаўляе [т’]. Знайсці абгрунтаванне ўжыванняў для ўсіх выпадкаў цяжка, часта ў межах аднаго або суседніх выказванняў выкарыстоўваюцца розныя варыянты. Тут прывядзем толькі тыя выпадкі, якія на першы погляд паддаюцца тлумачэнню.

2.1.1. Выкарыстання інфармантамі гука [д’]

2.1.1.1. Пад уплывам “сталічнай” тэмы размовы:

Ната`ш, а ты пр’ійе`дз’іш, і сра`зу экза`м’ін? (10: 5; С)

Ну бу`**д’**іт **в**р’е`м’а ішчэ`. (10: 7; N)

Пераходзячы да расказу пра навучанне ва ўніверсітэце, інфармант N (дзяўчына 19 гадоў, студэнтка, дачка інфармантаў А і С) як бы часткова пераключылася на гарадскую, “афіцыйную” абстаноўку ў маўленні, якая вымагае ўжывання рысаў рускай мовы, і выкарыстала [д’]. Гэта ж падкрэсліваецца і выкарыстаннем гука [в] у слове *время.* Аднак трэба адзначыць, што пераключэнне адбылося не ў поўнай меры (параўн. цвёрды [ч] у словаформе *часа*, форма *ішчэ*).

2.1.1.2. Для экспрэсіі:

***Д’**ілавы`йе! (таму што ў вас хутка канікулы) (13: 50; N)*

А, ў мла`дшых кла`сах. (заўсёды больш канікул, чым у старэйшых) (13: 51; N)

Ужыванне інфармантам гука [д’] абумоўлена, відаць, жаданнем дзяўчыны падкрэсліць здзіўленне ад таго, што вучні пачатковых класаў хутка будуць мець канікулы, хоць правучыліся яшчэ не шмат.

2.1.2. Выпадкі выкарыстання інфармантамі гука [т’]

2.1.2.1. Афіцыйны характар размовы:

Гук [т’] некалькі разоў ужыў інфармант А падчас тэлефоннай размовы з супрацоўніцай Камунгаса:

***Т’**і`ха. (3: 11; А) (набірае тэлефонны нумар)*

Камунхо`з? (3: 13; А)

*Здра`ствуй**м’**е. (3: 14; А)*

Падскажы`**м’**е, пажа`луста. (3: 15; А)

*Ў каво` та мн’е мо`жна узна`**м’**? (3: 16; А)*

*Запла**ц’**і`ла йа за **дз’**іка`бр’ м’е`с’іц за квар**ц’**і`ру?(3: 17; А)*

Тр’і`ццы**т’** тр’і, с’ем, пас’і`ба. (3: 18; А)

Жанчына ўспрымае дадзеную сітуацыю размовы з незнаёмым чалавекам як афіцыйную, што пацвярджаецца выкарыстаннем ёй зваротаў ветлівасці, гука [в] у канчатку займенніка *каго.* Толькі адно выказванне (17) не адлюстроўвае гэта. Выказванне 18 з’яўляецца пераходным ад афіцыйнай да звычайнай бытавой размовы, і тут назіраюцца прыкметы абодвух стыляў: з аднаго боку, [т’] як элемент афіцыйнага стылю, з другога боку, цвёрды [м] у лічэбніку *семь* і скарочаная, размоўная версія выразу *спасибо.*

2.1.2.2. Уплыў тэмы размовы:

Там жа ж на`да **м’**іп’е`р’ р’іф’іра`т, нав’е`рна?(53: 57; А)

*Пр'ілажэ`н'ійа там ра`зныйа, уро`к, вс'о э`**м'**і са`мыйа, там што-н'ібу`дз' – э`та н'і в сч'от. (53: 68; А)*

Інфармант А расказвае пра курсы павышэння кваліфікацыі, на якія збіраецца ехаць, і з дапамогай выкарыстання [т'] своеасаблівым спосабам "узмацняе" афіцыйны характар будучай сітуацыі, дзе, напэўна, будзе культывавацца руская мова.

2.2. Варыянтнасць пераменнай у службовым корпусе

Не сустракаецца выпадкаў адсутнасці ў маўленні інфармантаў дзекання/цекання.

З вышэйпаказанага бачна, што выпадкі адсутнасці ў маўленні інфармантаў дзекання і цекання абумоўлены пэўнай спецыфічнасцю сітуацый. Трэба адзначыць, што гэтыя заканамернасці працуюць не заўсёды. Праведзены аналіз дазваляе гаварыць пра наяўнасць у маўленні інфармантаў варыянтнасці ў выкарыстанні пэўных моўных адзінак. Яна абумоўлена дзеяннем знешніх фактараў, прынамсі асобныя з якіх працуюць як у сямейным, так і ў службовым корпусе.

Літаратура

1. Яненка, Н.В. Маўленчы партрэт білінгва (на прыкладзе запісаў у г.п. Хоцімску) / Н.В. Яненка // Мова і літаратура ў XXI ст.: актуальныя аспекты даследавання : матэрыялы II Рэсп. навук.-практ. канф. маладых вучоных, Мінск, 22 сакавіка 2013 г. / адк. рэд. : П.І. Навойчык; Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск : Выд. цэнтр БДУ, 2013. – 335 с. – С. 323–328.
2. Яненка, Н.В. Моўцы перад выбарам варыянтаў асабовых займеннікаў 3-й асобы (на матэрыяле запісаў у гарадскім пасёлку Хоцімску) / Н.В. Яненка // Русский язык: система и функционирование (к 90-летию БГУ и 85-летию профессора П.П. Шубы) : сб. материалов V Междунар. науч. конф., 11–12 окт. 2011 г., Минск / редкол.: И.С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2011. – С. 377–380.

III. ПРАБЛЕМЫ ЛІНГВАКУЛЬТУРАЛОГІІ І КАГНІТЫЎНАЙ ЛІНГВІСТЫКІ

А.І. Белая (Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт)

МЯЖА ЯК НАЦЫЯНАЛЬНЫ ЛОКУС КУЛЬТУРЫ Ў ТВОРАХ БЕЛАРУСКАЙ МАСТАЦКАЙ ПРОЗЫ

Сённяшняя цікавасць да спецыфікі нацыянальнага мыслення ў пэўнай меры ёсць неўсвядомленае супрацьстаянне і адначасова выклік ідэям глабалізму, рэалізацыя якіх вядзе да нівеліроўкі нацыянальных культур. «Мы інтуітыўна адчуваем адрозненні ў тым, як успрымаюць свет розныя народы, можам суаднесці пэўныя светапоглядныя рысы з тымі або іншымі… якасцямі нацыянальнага, аднак на аналітычным узроўні вызначэнне тыпалогіі нацыянальнага светабачання з'яўляецца ўсё ж не такой лёгкай справай. … І тут, думаецца, вялікую карысць можа прынесці вывучэнне таго, якім чынам праламляецца нацыянальны вобраз свету праз прызму мастацтва…» [1; 68]. Адметнасцю мастацкай парадыгмы беларускай літаратуры, адзначае Я. Гарадніцкі, з'яўляецца яе схільнасць да прадметнага бачання, што, на думку даследчыка, надзвычай яскрава рэпрэзентуе проза К. Чорнага, герой якога часцей за ўсё «ўпершыню сустракаецца чытачу звычайна на нейкім вельмі канкрэтным, паказаным аўтарам з усёй скрупулёзнасцю, дэталёва апісаным месцы… Прыкметы канкрэтнай мясціны… падаюцца ва ўсёй падрабязнасці і рэальнай увасобленасці», але разам з тым прасякнуты і сімвалічнымі адценнямі» [2; 144]. Якасць нацыянальна адметнага прадметнага бачання эфектыўна забяспечваюць локусы культуры - канкрэтныя назоўнікі, якія абазначаюць прасторавыя паняцці, што рэгулярна ўзнаўляюцца «ў тэкстах культуры» і «надзяляюцца сімвалічным значэннем, г.зн. метафарызуюць нейкую ўласцівасць быцця» [3; 138]. Локусы культуры, найбольш арганічныя для беларускай прозы, безумоўна, з'яўляюцца ўніверсальна-прэцэдэнтнымі феноменамі, але ў яе кантэксце набываюць адметныя сэнсавыя канатацыі, абумоўленыя нацыянальным гісторыка-культурным вопытам, якія ўплывае на характар аўтарскай канцэпцыі свету і чалавека.

Адным з ключавых прасторавых паняццяў беларускай літаратуры першай трэці XX стагоддзя з'яўляецца паняцце «мяжа», якое ў мастацкіх тэкстах набывае багатыя і рознаскіраваныя экспрэсіўныя і сэнсава-каштоўнасныя канатацыі. У вершы М. Багдановіча «Мяжы» грамадзянская (дэмакратычная і гуманістычная) пазіцыя аўтара рэалізуецца праз адмаўленне межаў, што падзяляюць людзей, народы і дзяржавы, скоўваючы іх магчымасці на шляху да хараства і дабрабыту «багацця і красы». Але М. Багдановіч, як трапна сказаў А. Бабарэка, прыйшоў не з вёскі ў горад, а «з гораду ў Беларусь» [4; 635]. Для большасці ж нацыянальных творцаў, з іх вясковай, а часцей хутаранскай свядомасцю, межы – гэта не так сацыяльнае зло, як «прыватная тэрыторыя» чалавечай душы. Безумоўна, проза часоў «вялікага пералому» вымушана была кіравацца пераважна негатыўнымі тэндэнцыямі ў адлюстраванні праблемы сялянскіх межаў. Аднак «непадробным і сапраўдным» у жыцці і праўдзівым мастацтве, як лічыў А. Блок, можа быць толькі «дваістае (любоў – варожасць)» [5; 276] пачуццё. Яно настойліва прабіваецца скрозь стандарты нарматыўнай эстэтыкі. Яўгену Бурцеліку, герою аповесці С. Баранавых «Межы», мяжа напачатку ўяўляецца маленькім ручайком, якога і не заўважыш у добрым жыце. А вось для «чалавека з раёна», які агітуе за калектыў у вёсцы Брод, гэта плошча каля пяцідзесяці дзесяцін, і зарастае яна дзікай травой. У роздуме, выкліканым падлікамі агітатара, Яўген згадвае, што межы не про-

ста без карысці займаюць усё поле, а падзяляюць непадзельнае (багдановічаўскі свет, поўны багацця і красы…) на «тваё» і «маё». У свядомасці героя паўстала пытанне: «Дык што ж такое – “тваё” і “маё”»?» [6; 70]. Гэтым пытаннем пісьменнік акцэнтуе сацыяльнае напаўненне локуса межаў, хоць тут досыць адчувальны і філасофскі матыў. У словах іншага героя аповесці, «справядлівага чалавека» Лявона Махавіка, мяжа выступае як сімвал аксіялагічнай пераемнасці, і не толькі ў плане ўніверсальна пазітыўнага разумення «ўлады зямлі», як яе вызначыў Г. Успенскі. Топас мяжы якраз і рэалізуецца як «локус», яскравы прэцэдэнт нацыянальнай культуры, адно з «азначаемых бацькаўшчыны». «…Як я тую бацькаўскую зямельку злучу… з нечаю чужою? Мне думаецца – грэх гэта нават. Тут ведаеш, што, гэта, мая палоска, мая тая мяжа. Дык як успамянеш – як жа… тады нават і следу не застанецца – не знойдзеш, не ўбачыш сваёй роднай зямелькі» [6; 51]. Ва ўсхваляваным маналогу малапісьменнага селяніна можна пазнаць ахарактарызаванае І. Буніным філасофскае адчуванне сувязі з былым, далёкім, агульным, якое «пашырае нашу душу, наша асабістае існаванне, нагадвае нашу далучанасць да гэтага агульнага» [7; 49].

Калі Яўген Бурцелік уступае ў «калектыў Аніся», яму даручана злучыць у адно сваю і Анісеву палосы. Яўген уяўляе, з якім задавальненнем, нават злосцю, бліскучы лямех разарве мяжу. Аднак надта глыбока ў яе ўрасло роднае карэнне! «Успаміны ўзялі душу ў палон і не давалі Яўгену пагнаць каня». Малады араты згадвае, як у дзяцінстве маці пасылала яго на мяжу рваць купалкі, а на змярканні часта выпраўляла прынесці дзевяць каменьчыкаў – па тры з трох межаў, – выпарвала імі гладышы і клала гэтыя каменьчыкі ў малако. Тады яно доўга не скісала і было шмат смятаны. У купальскую ноч па межах нібыта хадзілі ведзьмы і пырскалі на іх малаком, надоеным ад кароў у тых хлявах, дзе вароты не пазатыканы крапівой-пякучкай. У выніку малако рабілася пустым, бескарысным. Яўген думае і пра сваю жонку Макрыну: «Залетась яна палола лён, а я касіў канюшыну… Сядзелі на гэтай мяжы. <…> Я тады першы раз… пацалаваў яе» [6; 70]. Не дзіва, што канюшыну Яўген у той дзень так і не скасіў. Мяжою да грушы-дзічкі вядзе свайго «ідэалагічна бездакорнага» героя на спатканне да Зосі Прыдатнай Ц. Гартны («Сокі цаліны»). Душэўны стан Рыгора Нязвычнага ў гэтым эпізодзе надзвычай суладны наваколлю: «Разгойданае цюканне сэрца, ненасытная прага салодкага эфірнага паветра, подыхі лёгкага ветрыку…» [8; 190]. У спадзяванні ўбачыць Рыгора перад ад’ездам Зося таксама «ішла мяжою, між зялёнага… ячменю. Яе абдавала густым салодкім водырам зялёных палёў; надавала бадзёрасці і маладога дзявочага задзёру» [8; 212]. Межы выяўляюцца часткай агульнай гарманічнай карціны светабудовы, асабліва ў час жніва, калі «жанцы», паяднаныя супольным пачуццём, па словах Ц. Гартнага, «як жрацы перад алтаром» [8; 463]. Шырокае палатно жытніх ніў на першы погляд здаецца злітным, суцэльным. «Але роўныя ніткі-межы ўдаўжкі рэжуць цэлы кусок на вузкія шнуркі-палоскі. Многа іх выразана з гэтага палатна. І кожная палоска з далёкага далёка, з дому, заве да сябе гаспадара…» [8; 463].

У аповесці С. Баранавых фінал сюжэтнага дзеяння, звязанага з заворваннем мяжы, выразна не акрэслены. Ва ўспрыманні Яўгена яе лірызаваны вобраз (спелая канюшына, сінія кветкі лёну, гуд рупных пчол) робіцца непадзельным з вобразам жыцця і кахання. «…Мяжа такая доўгая-доўгая! Калі сядзіш на ёй – не відаць канца…» [6; 70]. П. Галавач («Спалох на загонах») ставіць локус мяжы ў кантэкст класавай барацьбы на вёсцы, што і вызначае арсенал мастацкіх сродкаў у аўтарскіх апісаннях. «…Плугі ўздымалі зямлю. Зямля лёгка выпроставала грудзі, раскрывала нутро сваё людзям… што прыйшлі… разарваць на ёй векавыя ланцугі меж» [10; 210]. Між тым мяжа «настаражылася, ашчацінілася леташняй сухой дзікай травой»; «выпрасталася, выгнулася на сярэдзіне…». Яна ўпарта не здаецца, і ўсё ж урэшце рэшт «на раллі, парванай на кавалкі, ляжала праз увесь узгорак цела былой мяжы» [10; 211-212]. У сімвалічным

полі палягае вобраз мяжы і ў аповесці Я. Коласа «Адшчапенец». У вёсцы Затонне пасля запісу ў калгас «лёгкага на руку» Амялляна Нічыпарука каля стала робіцца чарга. «Парог… між сходам і калгасам, пяройдзены, людзі апынуліся на другім боку мяжы» [11; 129].

На мяжы спрадвеку знаходзілася месца захавання беларусамі скарбаў. Міхалка (К. Чорны, «Трэцяе пакаленне») назірае, як Скуратовіч закопвае гаршчок пад палявой грушай-дзічкай, што расла паміж лесам і хутарам. Калі Скуратовіч апынуўся пад следствам, хлопец часта ўпотай ад усіх хадзіў да дзічкі, «глядзеў, як больш і больш пад ёю дзірванее зямля…» [9; 61]. Месца, дзе Скуратовіч закапаў золата, вядома і Толіку, і Наўмысніку. У свой час і Сэдас сказаў Скуратовічу-малодшаму: «Пад вашай дзічкай закапана маё золата, повен гаршчок» [9; 205]. Калі ім урэшце давялося трапіць на былы хутар, то ўбачылі, што і самой дзічкі, і шырокай мяжы, на якой яна расла, няма. «Месца… пазналі па пяньку ад дзічкі» [9; 205]. Праз сюжэт «казкі выхаднога дня», якую зазвычай расказвае дзецям Ірына Назарэўская, у рамане таксама праходзіць матыў скарбу, знойдзенага дзяўчынкай у навальніцу пад вывернутым дрэвам. Самыя каштоўныя скарбы, як пераконвае айчынная літаратура, – скарбы чалавечай памяці. Нездарма да сімволікі мяжы звяртаецца ў рэтраспекцыі пачуццяў дзядзькі Антося Я. Колас: «Даўно пажалі тое жыта і тыя межы зараслі, што дзядзькаў смутак калыхалі…».

Такім чынам, мяжа як нацыянальны локус культуры метафарызуе, з аднаго боку, гуманістычныя каштоўнасці асобы, выступае як тэрыторыя любові і ўдзячнай шчымлівай памяці, сінтэз пачуцця, працы і хараства, паўнаты жыцця. З другога боку, мяжа ўвасабляе сацыяльнае зло, і гэта асабліва актуальна ў прозе часоў «вялікага пералому». Мастацкая сімволіка працэсу барацьбы з межамі схіляе да думкі аб складанасці шляхоў да новага жыцця і аб сумніўнай вартасці перамен, якія цягнуць за сабой знішчэнне пэўных сутнасных асноў, размыванне індывідуальнасці, робяць замах на чалавечую самасць.

Літаратура

1. Гарадніцкі, Я. А. Паэтыка беларускай літаратуры XX стагоддзя : суб'ектна-аб'ектныя адносіны / Я. А. Гарадніцкі. — Мінск : Беларус. навука, 2010. — 332 с.
2. Гарадніцкі, Я. А. Структурны аналіз літаратурнага твора: стылявы і светапоглядны аспекты / Я. А. Гарадніцкі // Актуальныя праблемы літаратурнай адукацыі на сучасным этапе рэформы школы: Зб. навук. арт. / Склад. А. І. Бельскі, М. Ф. Пячанко. — Мн. : НІА, 2003. — С. 144 — 148.
3. Лассан, Э. Лінгвокультурология. Очерк русской концептологии: Учебное пособие для студентов / Э. Лассан. — Vilnius : Vilniaus pedagoginio universiteto leidukla, 2008. — 140 p.
4. Бабарэка, А. Збор твораў. У 2 т: Том 1. Літаратурна-крытычныя працы. — Вільня : Інстытут беларусістыкі, 2011. Беласток : Беларускае гістарычнае таварыства. — 939 с.
5. Чуковский, К. Современники: Портреты и этюды / К. Чуковский. — Минск : Нар асвета, 1985. – 575 с.
6. Баранавых, С. Дзве аповесці / С. Баранавых. — Мінск : Беларусь, 1967. — 316 с.
7. Бунин, И. А. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 5. Жизнь Арсеньева. Тёмные аллеи; Рассказы 1932-1952. / Редкол.: Ю. Бондарев и др.; Подгот. текста и коммент. А Бабореко; статья-послесловие А. Саакянц / И. А. Бунин. – М.: Худож. лит., 1988. – 639 с.
8. Гартны, Ц. Сокі цаліны : Раман у чатырох квадрах / Ц. Гартны. — Т. 1. — Мінск: Дзярж. выд-ва БССР, 1957. — 479 с.
9. Чорны, К. Збор твораў. У 8 т. / К. Чорны. — Т. 5. Раман, дзве аповесці. — Мінск: Маст. літ., 1974. — 446 с.
10. Галавач, П. Спалох на загонах: Аповесць. Для ст. шк. узросту. / Прадм. А. Марціновіча. // П. Галавач.— Мн. : Маст. літ., 1996 — 222 с.
11. Колас, Я. Адшчапенец / Я. Колас. Збор твораў. У 20 т. Т. 12. Аповесці. // Якуб Колас; рэд. тома Т.С. Голуб, М.І. Мушынскі ; падрыхт. тэкстаў і камент. Т. Р. Строевай ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовы і літ. імя Я. Коласа і Я.Купалы. — Мінск : Беларус. навука, 2010. — 518 с.

А.А. Буевич (Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ НОВОЙ ИНТЕГРИРОВАННОЙ ДИСЦИПЛИНЫ – ТЕОЛИНГВИСТИКИ

В современном языкознании неоднократно утверждалось, что адекватное изучение языка непременно должно осуществляться в тесной связи с сознанием и мышлением человека, его культурной и духовной жизнью (А. Вежбицкая, С.Г. Воркачев, В.А. Маслова, Н.Б. Мечковская, В.И. Постовалова, Ю.С. Степанов и др.). В связи с этим в науке о языке наблюдается тенденция к созданию новых интегрированных дисциплин, в рамках которых фундаментальные стороны бытия человека – сознание, культура, духовная деятельность – рассматриваются сквозь призму его национального языка. В русле указанной тенденции активно развиваются такие дисциплины, как лингвокультурология, юрислингвистика, этнолингвистика, когнитивная лингвистика, психолингвистика и др.

В настоящей статье речь пойдёт о новой теолого-лингвистической дисциплине – теолингвистике, возникшей вследствие взаимодействия языка и религии и исследующей «проявления религии, которые закрепились и отразились в языке» [1, с.166].

Термин «теолингвистика» (theolinguistics) впервые появился в работах бельгийского лингвиста Жан-Пьера ван Ноппена[1] (Jean-Pier van Noppen), а в 1987 году всемирно известный английский лингвист Дэвид Кристал[2] (D. Crystal) включил его в свою знаменитую Кэмбриджскую энциклопедию (The Cambridge Encyclopedia of Language), а в издании 1995 года определил теолингвистику как дисциплину, изучающую «язык библеистов, теологов и прочих специалистов, занимающихся теорией религии, и язык практикующих верующих» [5, с. 412]. Сравнительно недавно термин «теолингвистика» начал входить в научный аппарат польского языкознания. В 2006 году во Вроцлаве вышел первый сборник научных трудов «Theolinguistica», в котором были опубликованы статьи Михаэля Тиля / Michael Thiele**:** «Речевые акты в проповеди» (Sprechakte beim Predigen), Альбрэхта Гройле / Albrecht Greule: «Эмоции в сакральном языке» (Emotionen und Sakralsprache), Эльжбеты Кухарской-Дрейсс / Elżbieta Kucharska-Dreiß: «Человек и Бог в современной немецкой и польской проповеди (некоторые примеры)» (Mensch und Gott in deutschen und polnischen Predigten der Gegenwart (an ausgewählten Beispielen)), Александра Гадомского: «Теонема как языковая единица» (Teonem jako jednostka lingwistyczna) и др.

Под влиянием теоретических разработок польского языкознания активизировался интерес к проблемам теолингвистики в Украине (А.К.Гадомский), Сербии (К. Кончаревич), России (В.И. Постовалова, И.В. Бугаева, Е.В. Бобырева, О.А. Прохватилова, В.А. Степаненко и др.) и других странах.

Так, по инициативе украинского филолога, автора многочисленных публикаций по теолингвистике А.К. Гадомского, с 2004 года в Таврическом национальном университете имени В.И. Вернадского на филологическом факультете преподаются спецкурс

[1] Жан-Пьер ван Ноппен / Jean-Piere van Noppen (р.1946) – выдающийся бельгийский лингвист, лексикограф, профессор кафедры английского языкознания брюссельского университета Université Libre de Bruxelles, автор многочисленных работ на английском, французском и немецком языках в области лингвистики, в частности теолингвистики [www.vannoppen.eu].

[2] Дэвид Кристал / D. Crystal (р.1941) – заслуженный профессор лингвистики, член Мировой ассоциации учителей английского языка как второго языка, заслуженный вице-президент сообщества для издателей и читателей, член Университета лингвистов и Британской академии, основатель Научного сообщества Уэльса, автор ряда энциклопедий: The Cambridge Encyclopedia of Language (1987, 1997, 2010), The Cambridge Encyclopedia of the English Language (1995, 2003), The Cambridge Biographical Dictionary (2003),The New Penguin Encyclopedia (2003) и др.
[http://en.wikipedia.org/wiki/David_Crystal].

и спецсеминар «Основы теолингвистики», а с 2008 года под редакцией Ч. Лапича и А.К. Гадомского выходит Хрестоматия теолингвистики (Chrestomatia teolingwistyki).

В России научная работа в области новой интегрированной дисциплины получает широкое развитие на кафедрах общего и русского языкознания, иностранных языков в Москве, Санкт-Петербурге, Волгограде, Воронеже, Иркутске, Екатеринбурге и др. В Институте Языкознания РАН под руководством доктора филологических наук В.И. Постоваловой формируется «Московская школа» теолингвистики, исследующая лингвистические аспекты православного миросозерцания и духовной практики, представленная в рамках философии имени и школы всеединства (П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков, А.Ф. Лосев).

Опираясь на существующие дефиниции этой дисциплины, представляется возможным определить её предмет, задачи и перспективы развития. На современном этапе своего становления теолингвистику можно определить как дисциплину, возникшую вследствие взаимодействия языка и религии и исследующую проявления религии, которые нашли свое отражение в языке. Следовательно, в качестве предмета теолингвистики мы предлагаем рассматривать религиозный (сакральный, литургический, молитвенный) язык, религиозный дискурс и религиозную коммуникацию, где понятие религиозной картины мира рассматривается как момент религиозного миросозерцания homo religiosus′a [3]. Таким образом, главной целью теолингвистики является изучение с помощью и на основе языковых средств проявлений религии, закреплённых в языке и отражающихся в религиозном дискурсе и религиозной картине мира. Данная цель определяет следующие задачи: 1) исследование этимологии и развития религиозной лексики; 2) комплексное изучение религиозной картины мира; 3) аналитическое описание мистико-аскетического и богословского опытов осмысления литургического языка в его сопоставлении с обыденным языком; 4) исследование духовно-религиозного кода культуры и его составляющих (религиозных символов, текстов, концептов и т.д.); 5) выбор, дифференциация, систематизация и рецензирование материалов и публикаций, связанных с религией и церковью (толкование слов и религиозных концептов, правильное употребление религиозных терминов, цитирование Священного Писания).

Для обозначения языковых средств, предназначенных для передачи религиозного содержания, А.К. Гадомским в научный оборот введен термин «теонема» – функциональная языковая единица теологического содержания, которая может быть «представлена в виде синтаксических, фразеологических, лексических, словообразовательных, морфологических, морфонологических, фонологических вариантов на соответствующих ярусах языковой системы» [2, с. 291]. Так, например, чередования в морфемах религиозного содержания *ц//ч, г//ж* (*отец – отче, Бог – Боже*) представляют теонему на морфонологическом уровне языка, а такие существительные, как *батюшки, боже, господи* оказываются задействованными в процессах переходности и авторами «Русской грамматики» относятся к непервообразным междометиям, что позволяет выделять теонему на морфологическом уровне слова.

Поскольку теолингвистика — интегративная дисциплина, включающая в себя результаты исследования в лингвистике и теологии, то здесь, на наш взгляд, следует применять как лингвистические, так и теологические методы, способствующие наилучшему пониманию и объяснению взаимодействия языка и религии. Однако исследование религиозных концептов, как считает В.И. Постовалова и мы полностью с ней солидарны, следует осуществлять с помощью специального теоконцептологического анализа, позволяющего описать содержание религиозного концепта на духовно-мировоззренческом, культурно-историческом и лингво-семиотическом уровнях, проникнув, таким образом, в смысл «духовного космоса» того вероучения, которое яви-

лось источником для создания концептуальной системы определенного типа конфессионального мировоззрения.

Рассмотрение и разрешение различных языковедческих проблем с позиции теолингвистики с привлечением как лингвистических, так и теологических знаний, является, на наш взгляд, перспективным, так как с учетом новых открытий в различных областях знания позволяет по-новому взглянуть на язык, в котором, по словам П.А.Флоренского, «заложено объяснение бытия»[4, с. 143].

Литература

1. Гадомский, А.К. О лакунах в системе лингвистической науки: проблема взаимодействия языка и религии / А.К. Гадомский // Культура народов Причерноморья. – 2004. – Т. 1. – № 49. – С. 164-166.
2. Гадомский, А.К. Религиозный язык – теолингвистика − языкознание / А.К. Гадомский // Учёные записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». Том 20(59), №1 . – 2007. – С. 287-292.
3. Постовалова, В.И. Теолингвистика в современном гуманитарном познании: истоки, основные идеи и направления / В.И. Постовалова // Magister Dixit: электронный научно-педагогический журнал Восточной Сибири. – 2012, №4(12) [Электронный ресурс] / Режим доступа: http//md.islu.ru – Дата доступа: 26.09.2013.
4. Флоренский, П.А. У водоразделов мысли: IV. Мысль и язык Текст. / П.А. Флоренский // Христианство и культура. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2001. – С. 102-340.
5. Crystal, D. The Cambridge Encyclopedia of Language / D. Crystal. – Cambridge University Press, 1995. – 829 p.

О.И. Валентинова (Российский университет дружбы народов)

РИТОРИЧЕСКИЕ ПРАВИЛА «ВЫСОКОГО СЛОГА» КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ КЛЮЧ К МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОМУ КОДУ ЯЗЫКА

Противостояние Ломоносова и Сумарокова закончилось жизненным поражением последнего и его же исторической победою. Логика развития русского литературного языка, который принято называть современным и основателем которого принято считать Пушкина, была задана эстетической и мировоззренческой позицией Сумарокова. Но прежде чем обсуждать то, что было приобретено этою исторической победою, нам хотелось бы понять, что с нею было утрачено.

Попробуем отвлечься от хорошо узнаваемого алгоритма мыслей, вроде *«Кодифицированные Ломоносовым три контекста, три стиля литературно-книжного языка не покрывали жанров переводной «европейской» литературы»* или *«Разграничение стилей в этой теории было не историческое, не этимологическое, а нормативно систематизирующее»* [1].

В заданном Ломоносовым различении трех слогов его самого - и как теоретика, и как литератора, и как человека – увлекал только слог высокий. Всецелое обращение к высокому слогу «Риторики» Ломоносова – зримое тому доказательство. Литература и жизнь нераздельно соединялись в сознании русского человека XVIII века, как в сознании средневекового человека нераздельно соединились слово и поступок.

«У Ломоносова было две страсти: патриотизм и любовь к науке» (Святополк-Мирский 2008, с. 64). Жанры высокого слога стали единственно возможными формами тех переживаний, которые тревожили Ломоносова, а высокая интеллектуальная семантика церковнославянского языка – единственно возможным способом их словесного выражения. В такой модели мироощущения высокое было, скорее, величиной онтологической, неизменной, а не результатом субъективного отношения личности к чему бы то ни было. Так понимание «блага» или «зла» в богословском пространстве не есть результат субъективного - положительного или отрицательного – отношения автора к

объекту изображения, а есть удостоверение не зависящей от сознания человека сущности этого объекта, таковой, какова она есть.

Но как вписываются в онтологическое мировосприятие высокого слога практические принципы построения текста? К чему приводит предопределенная риторическими правилами необходимость установить для каждого элемента исходного утверждения соотношение рода и вида, части и целого, необходимость подобрать слова, сходные по значению и противоположные, необходимость обратиться к этимологии, необходимость очертить круг определений для каждого элемента и к каждому дать ряд уточнений, последовательно отвечая на вопросы «кто?», «что?», «каким образом?», «для чего?», «как?», «когда?».

«Добро побеждает зло. Духовное начало данного суждения двояко: умственное и нравственное. Тема «добро» относится к истине, а термин темы «зло» ко лжи. Всякое зло противно божескому порядку. В отвлеченном виде зло олицетворяется духом тьмы. В духовном значении благо - что честно и полезно, все, чего требует от нас долг человека, гражданина, семьянина. Благо противоположно худу и злу.

Таким образом, тема обрастает со всех сторон соответствующими образами, терминами, идеями» [3].

Это едва начатое и еще столь далекое до риторической полноты рассуждение по поводу известной сентенции «добро побеждает зло» успело ошеломить своего автора не только неожиданным для него (точнее – для нее) совершенством мысли и формы, но и непроизвольностью своего появления. Но какая сила, кроме направленной воли автора, готова привести к созданию текста?

Умозрительный ответ на этот вопрос не только не может соперничать по мере убедительности с личными ощущениями, но и не обладает той доказательной силой, какую дает только личный опыт. Этот опыт можем получить и мы, стоит нам проделать хотя бы часть того пути, который очерчен в «Риторике» Ломоносова:

«Тема «Добро побеждает зло» через «изображение» идей по принципу синонимии и антонимии обставляется такими словесными рядами.

Добро. Находим подобозначащие слова: *доброе (полезное) дело, благо, благодать, благодеяние, благотворение, пожертвование, одолжение, благотворение, услуга, истина…*

Находим синонимические выражения: *всё хорошее, положительное, направленное на благо; строгая богобоязненность в поступках; что честно и полезно; все, чего требует от нас долг …*

Подбираем имена прилагательные: *добрый, хороший, благотворный, благодатный, благодушный, жертвенный, благой, добродетельный, доблестный, добродушный, добросердечный, гуманный, человечный, душевный, жалостливый, сердечный, отзывчивый, чувствительный…*

Противоположные понятия: *зло, злость, злоба, злобность, несчастье, горе…*

Ответим на вопросы.

Кто? - *Добросердечный человек.*

Что? - *Готов придти на помощь.*

Каким способом? - *Быть полезным.*

Как? - *Проявляя жалость, отзывчивость, сердечность.*

Когда? - *Когда человек в этом нуждается.*

Зло. Снова находим подобозначащие слова: *худо, лихо, горе, беда, несчастье, неприятность, недовольство, гнев, досада, раздражение, ложь, злодеянье, злочинство…*

Снова подбираем синонимические выражения: *источник бед; сделать что-то на зло другому, в досаду, в противность, в обиду…*

Подбираем имена прилагательные: *злой, дурной, плохой, причиняющий боль, вред; жестокий, причиняющий зло другим; вредный, пагубный, губительный, бедственный, гневливый, мстительный, зложелательный, злопамятный…*

Противоположные понятия: *добро, добродетель, истина.*

Находим ответы на вопросы.

Кто? - *Бес, дьявол; у кого душа обратилась к злу, противник всякого блага.*

Что? - *Стремится сделать плохо людям.*

Каким способом? - *Причиняя боль, тешась страданьями других.*

Как? - *Вызывая раздражение, зля*» [3].

Те же шаги стоит проделать и с глаголом «побеждает».

Конечно, значение слова формируется только в контексте. И лишь, ставшее общим, многократное воспроизведение контекста позволяет значению контекстуальному стать значением словарным, а значит, узнаваемым уже и вне контекстуальной поддержки. Подыскивание же к слову схожих по значению (подобозначащих) или противоположных (противных) слов и выражений возвращает нас к тому, с чего все начиналось: к непроизвольному восстановлению утраченных «дневным сознанием» контекстов. Чем более длительным удается выстроить ряд взаимокорректирующих друг друга соположенных и противоположенных по значению слов, тем более полно проясняются очертания исходных смыслоформирующих контекстов. Казавшаяся бесплодной схема ***«какое-то там добро как-то там побеждает какое-то там зло»*** заполняется напряженным содержанием, одухотворяется. Борьба между добром и злом обретает субстанциональный, сущностный характер, становится борьбой между Добром и Злом. Проясняется содержание зла – абстракция делается видимой, предметной. Зло не может быть малозаметным, незначительным - оно всегда огромно: не просто зло, а *зло**деяние**, зло**чинство***. Оно всегда направле**нно** и направле**но** против кого-то: *во зло, во вред, в разрушение, в уничтожение, в противность, в досаду, в обиду* – и потому влечет за собой глубокие страдания: *худо, лихо, горе, беду, несчастье.* Зло – всегда *ложь*. А ложь, как то, чего на самом деле нет, всегда от кого-то, от того, кто ее придумал. Ложь из небытия, и зло из небытия.

Теперь зло становится не только тем, **что** надо *победить, одолеть, преодолеть, развеять, обессилить*, но и тем, **кого** надо *побеждать, одолевать, преодолевать, развеивать и обессиливать.*

Но побеждает зло и вне нас, и внутри нас не физическая сила, а духовная: *жертвенность, жалость, сердечность, человечность, доблесть…*

Чем более мы уточняем, тем очевиднее становится предопределенность истолкования, обусловленная семантической структурой языка, системой смысловых оппозиций, в которых еще удерживаются реликтовые остатки давно утратившегося миросозерцания. Так шаг за шагом риторические правила «высокого слога» обнаруживают себя как ключ, вскрывающий, а по отношению к нашему времени – реанимирующий, имманентный мировоззренческий код языка.

Многомерное, сложнозависимое закрепление этого кода наделяет запускаемый риторическими правилами вектор истолкования столь деятельной силой, что он свободно преодолевает более чем две сотни лет и сообщает свою волю далекому от метафизических раздумий о добре и зле юному человеку, буднично выполняющему в десятых годах XXI века университетское задание по экспериментальной риторике.

Теперь высказанные Ломоносову с высоты исторической перспективы упреки в ограниченности и схематизме его «теории трех стилей» если и не снимаются, то приобретают хорошо разбеленную пастельную тональность. Выведенные Ломоносовым три контекста, действительно, не покрывали жанров переводной европейской литературы, но эти жанры Ломоносов, «одворяненный службою, усвоивший дворянский быт, но

внутренне остававшийся чужим дворянской среде» (Чернов 1935, с. 135), осознанно исключал из поля своего внимания.

Разграничение же стилей в этой теории и в самом деле не было ни «историческим», ни «этимологическим». Оно было сущностным, но внешнею своею стороною выделялось как «нормативно систематизирующее». «Риторика» Ломоносова, написанная на русском, а не на «церковном» языке, «славянском» или латыни, воспринималась как проявление исключительной демократической дерзости. Но нарушив – внешне – многовековое установление, по которому «словосложение» было органической частью богословия и потому сохранялось в ведении высшего церковного образования, своею внутренней настроенностью на «высокий слог» Ломоносов обнаруживал непрерываемую связь с интеллектуальным и духовным наследием средневекового миросозерцания. Механика «высокого слога» непроизвольно выводила на поверхность и еще и теперь продолжает выводить – даже помимо нашей воли – прежние, устойчивые основания этических начал, в которых еще не было смещения добра и зла.

Литературные усилия русских авторов XVIII и начала XIX века будут нацелены на «преодоление искусственного разделения трех стилей», начавшееся с разрушения границ между высоким и средним стилем. Это разрушение границ будет означать разрушение высокого слога. А за разрушением высокого слога последует не просто разрушение целостности некоторой языковой субстанции, генетически вытекающей из церковнославянского языка, но и общественная утрата закодированной в языке нравственной мысли, динамически раскрываемой в динамическом развитии конструктивных моделей, выработанных риторическими правилами высокого слога.

Литература

1. Виноградов, В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX веков / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1982. – 528 с.
2. Святополк-Мирский, Д.П. История русской литературы с древнейших времен / Д.П. Святополк-Мирский. – М.: Эксмо, 2008. – 608 с.
3. Фрагменты работы по экспериментальной риторике, выполненной слушательницей магистерского отделения филологического факультета Российского университета дружбы народов Субботиной Анной (зима 2011 года) на занятиях по курсу истории русского литературного языка.
4. Чернов, С.И. М.В. Ломоносов в одах 1762 г. // XVIII век: Сборник статей и материалов / Под ред. акад. А.С. Орлова. – М.-Л.: АН СССР, 1935. – С. 133-180.

А.С. Дзядова (Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава)

МЕТАФАРА ЯК СРОДАК РЭПРЭЗЕНТАЦЫІ КАНЦЭПТУ “ВАДА” Ў МОВЕ ПАЭТЫЧНЫХ ТВОРАЎ Р. БАРАДУЛІНА

Важную ролю ў станаўленні Р. Барадуліна як паэта, якога ў беларускай літаратуры называюць “каралём метафары”, адыграла яго малая радзіма – Ушаччына, край рэк і азёр. На працягу ўсёй сваёй творчай дзейнасці выдатны майстар слова праз стварэнне яркіх індывідуальна-аўтарскіх метафар, у аснове якіх ляжаць беларускія нацыянальныя рэаліі, паэтызуе прыроду Беларусі, захапляецца яе краявідамі і воднымі аб’ектамі, што вербалізуюцца ў моўным кантэксце яго вершаў пры дапамозе лексем *рака*, *возера*, *мора*, *акіян*, а таксама *ручай, крыніца, затока*.

Вада складае неад’емную частку навакольнага асяроддзя чалавека. У адпаведнасці са старажытнымі міфалагічнымі ўяўленнямі славян, вада – адна з асноўных стыхій, якая прымала ўдзел у стварэнні Сусвету і дала жыццё ўсяму жывому на Зямлі. Прыродны аб’ект – рака (вада) – асэнсоўваецца ў філасофіі культуры як канцэпт. На тэрыторыі Беларусі больш за дзесяць тысяч азёр і каля дваццаці тысяч рэк і

ручаёў. Асабліва шмат іх у паўночнай частцы нашай краіны, якая носіць назву Беларускага Паазер'я.

У традыцыйнай беларускай сімволіцы рака – гэта сімвал хуткаплыннасці і зменлівасці часу. Так, рэчышчы ў свядомасці паэта паўстаюць у метафарычным вобразе *ліній лёсу на далані зямлі,* якія захоўваюць гістарычную памяць: ***У зямлі на*** *цвёрдай* ***далані / Рэчышчы – працягам ліній лёсу*** [6; 35]. Пры рэпрэзентацыі водных аб'ектаў аўтар акцэнтуе ўвагу на пераасэнсаванні знешніх характарыстык ракі на аснове нечаканых і трапных асацыятыўных сувязей. Так, у вершы "Над хмарамі" Р. Барадулін ужывае трапны метафарычны выраз *згаладнела-танклявая рэчка*, які служыць для характарыстыкі вузкай, амаль поўнасцю перасохлай ракі. Аўтар параўноўвае яе з худым галодным чалавекам, узмацняючы гэтым параўнаннем мастацкі вобраз: *Дзе-нідзе вывіваецца* ***/ рэчка згаладнела-танклявая*** [2; 325]. У мове аднаго з вершаў сустракаецца таксама метафара *сукаватая рачулка* 'рака са шматлікімі прытокамі і рукавамі', створаная на аснове знешняга падабенства ракі з галінастым дрэвам і выкарыстаная для апісання знешняга выгляду рэчышча ракі: *Бегла ў свет* ***рачулка сукаватая*** [2; 21].

У аснове пераважнай большасці метафарычных выразаў

Р. Барадуліна ляжаць асацыятыўныя сувязі з рэаліямі беларускай культуры. Так, пойма ракі асацыіруецца ім з кашуляй, падперазанай поясам, што семантызавана ў метафарычным выразе *пойма, падперазаная рэчкай*: *Унізе* ***на пойме, падперазанай рэчкай****, / Бляе навязаная авечка* [9; 284]. У моўнай тканіне вершаў Р. Барадуліна прадстаўлены і метафарычныя вобразы шумнай, неспакойнай ракі. У якасці моўных рэпрэзентантаў дадзенага вобраза часцей за ўсё выступаюць назоўнікі *хвалі* і *пена.* Так, паэт выкарыстоўвае трапны індывідуальна-аўтарскі неалагізм *белапенна*, утвораны ад словазлучэння *белая пена*, які семантызуе неўтаймаваную водную стыхію: ***Рэчка б'ецца белапенна*** [5; 21]. Пена на неспакойнай воднай паверхні асацыіруецца ў свядомасці паэта з *белымі зубамі хваль*: *І ад берага да берага /* ***Зубы белых хваль*** *відны* [3; 214]. Пры характарыстыцы ракі, якая "пагражае" выйсці з берагоў, Р. Барадулін выкарыстаў трапную метафару *рака ўскрые сабе вены*: *Здаецца,* ***рака сабе вены ўскрые*** [4; 113].

Адной з адметнасцей барадулінскай паэзіі з'яўляецца персаніфікацыя з'яў жывой і нежывой прыроды. Так, вячэрні шум хваль нагадвае паэту стомленае дыханне людзей-працаўнікоў – грузчыкаў: ***Стамлёна дыхаюць хвалі****, як грузчыкі, – / На плячах гарачае сонца насілі* [4; 25]. Лёд з надыходам вясны пачынае трашчаць, асядаць, і гэтыя гукі падобныя да стогну і кряктання старога хворага чалавека – *лёд стогне*: *А на возеры* ***стогне лёд*** [1; 71]; *лёд закрэктаў, заныў*: ***Лёд*** *затрэскаў,* ***закрэктаў, заныў****…– / і вада на прасторы* [4; 15]; *ахрыплы голас крыгалому*: *Чуваць* ***ахрыплы голас крыгалому*** [9; 470]. Шум крыг у час паводкі падобны да глухога кашлю чалавека, які хварэе на сухоты, пра што сведчыць ужыты паэтам метафарычны эпітэт ***сухотныя*** *крыгі* [4; 100]. Часам у аснове метафарычнага выразу ляжыць асацыятыўнае падабенства паміж з'явай прыроды і звычкамі пэўных жывёл. Так, гул крыгалому можа асацыіравацца з рыкам мядзведзя: ***Медзвядзём*** *заспаным* ***зарыкае / Крыгалом****…* [2; 419], а ільдзінкі ўяўляюцца паэту рыбай падчас нерасту: ***Нерастуюць ільдзінкі*** */ халоднымі плоткамі* [4; 25].

Нярэдка канцэпт "вада" вербалізуецца праз увядзенне ў структуру метафарычных выразаў назоўніка *возера* на аснове асацыятыўных сувязей гэтага воднага аб'екта з асноўнымі відамі сельскагаспадарчай дзейнасці беларусаў – жнівом, касавіцай і інш.: ***Возера сярпом*** *маладога* ***лядку / Дажынае*** *апошнія* ***травы*** [4; 35] ці ***На возе возера вязецца / Аблокаў*** *малады* ***мурог*** [5; 151], дзе возера семантызуецца праз лексему *воз*, а аблокі – праз метафарычны вобраз скошанай травы. У вершы "Васількі" азёры Ушаччыны на аснове колеравага падабенства параўноўваюцца з сімвалам Беларусі – васільком, што адлюстравана ў метафары ***азёр*** *вушацкіх* ***васількі*** [5; 182]. У свядомасці паэта рэкі і азёры Беларусі – гэта нібы ўзыходы зярнят, пасеяных рукой Усявышняга: *З*

*нябеснае сяўні / Ва ўпартыя разоры / **Ляцелі з вышыні / Зярнятамі азёры**. / Зярняты прараслі / І **зарунелі рэкі*** [7; 217].

Сярод даследаванага моўнага матэрыялу выяўлены метафары-рэпрэзентанты канцэпту “вада”, якія надаюць дадзенай стыхіі ўласцівасці свойскіх жывёл, найперш такіх, як карова і конь, на якіх у мінулым трымалася сялянская гаспадарка і якія гарантавалі гаспадарам матэрыяльны дабрабыт: *Як камень-лізун карова, / **мора языком** ад пяску казытлівым / **бераг ліжа**, жмурачыся / белаброва* [9; 29]. У метафарычным вобразе каня паўстае луг, які *капытом хоча біць азяро*: ***Капытом хоча біць азяро / Луг**, уздымлены туманамі* [1; 88]. Лексема *мора* рэпрэзентуе стыхію вады і ў іншых паэтычных кантэкстах Р. Барадуліна. Так, мора, паводле трапнага вызначэння паэта, у адрозненне ад ракі, *не можа вырвацца з каморы*: ***Мора** – вясляр, што не ведае зморы, / вяслуе, вяслуе, вяслуе, / ды нікуды **не вырвецца з** цеснай **каморы*** [8; 32], дзе *камора* – гэта марскія берагі.У мове паэзіі Р. Барадуліна ўжываюцца і метафары-перыфразы, у склад якіх уваходзіць лексема *мора*, у значэнні якой актуалізуецца семантычны кампанент ‘прастора, вялікая па памерах’. Так, жыта ў свядомасці паэта асацыюецца з ***морам буйнымі*** [8; 31], а лес – гэта ***мора зялёнае*** [8; 31]. У аснове дадзеных метафар-перыфраз ляжаць колеравыя характарыстыкі прыродных аб’ектаў Беларусі – жыта і лесу.

Канцэпт “вада” ў моўнай тканіне паэтычных твораў Р. Барадуліна вербалізуецца таксама праз ланцужок семантычна блізкіх лексем *крыніца – ручай – затока*. Так, аўтар выкарыстоўвае наступныя метафарычныя выразы з гэтымі структурнымі кампанентамі: ***Даліны** ўвесь **экран / Ручай прарэзаў** хітры* [3; 132]; ***Небасхілу б’ецца крыніца ў скронь*** [4; 177]. У вершы “Вечалле” паэт успамінае сваё роднае возера Вечалле, з якім звязана яго дзяцінства, і вёску Кавалеўшчыну. У сувязі з успамінамі пра родныя мясціны паэт прыгадвае і дзеда Грышку, які на чаўне плаваў у *затоку ўаўсачэлую*, дзе метафарычны эпітэт *ўаўсачэлы* мае значэнне ‘зарослы асакой’: *Човен дзеда Грышкі / Лёгкім сном / Торкаўся ў **затоку ўаўсачэлую*** [3; 307].

У мове паэзіі Р. Барадуліна лексічнымі рэпрэзентантамі канцэпту “вада” з’яўляюцца таксама найменні атмасферных з’яў – *дождж*, *лівень, туман*. У творах паэта дождж, як правіла, персаніфікуецца, набываючы чалавечыя якасці. Так, у вершы “Прапажа” гэтая з’ява прыроды семантызуецца ў якасці худога чалавека-ўцекача: ***Бліскаюць босыя пяткі / дажджу**… / А **ён зніцелы, худы / Уцякае** куды?* [9; 448]. У якасці прыкладаў, якія ў метафарычнай форме вербалізуюць дождж, прывядзём іншыя паэтычныя кантэксты: ***Сонны дождж /** Марасіста **датушвае /** Галавешкі варон на раллі* [5; 192]; ***Матаюць ніткі дажджу / Навальніцы*** [9; 49]; ***Лівень лету надламаў плячо**, / І надлом зялёным болем ные* [2; 35]. У вершы “Арцель інвалідаў” лівень называецца *цыбатым* па аналогіі з даўганогім буслом ці цапляй: *За вокнамі ходзяць **цыбатыя ліўні*** [7; 38], а град – *буйнакаліберным*: ***Град буйнакаліберны** шчапае гонту* [7; 38]. У аснове семантыкі апошняга метафарычнага эпітэта ляжыць не толькі вялікі памер граду, які нагадвае буйнакаліберныя кулі. Аўтар улічвае і функцыянальны аспект: падобна да кулі, град “шчапае” гонту. Паказальным для мовы паэзіі Р. Барадуліна з’яўляецца выкарыстанне лексемы *лівень* у дачыненні да характарыстыкі лістападу, як прыроднай з’явы, што і семантызуецца праз метафарычны эпітэт-неалагізм *ліставейны лівень*: ***Ліставейны лівень** Белавежы, / Цёплы град зрудзелых жалудоў* [5; 193].

Туман, як з’ява прыроды, у мове паэтычных твораў Р. Барадуліна ў пераважнай большасці выпадкаў метафарызуецца ў вобразе каня або статка хатняй жывёлы. Так, паэт выкарыстоўвае метафарычныя выразы *ходзяць туманоў статкі* [7; 219] і *туман фыркае на атаву* [4; 43]. Даволі часта аўтар акцэнтуе ўвагу на колеравых асаблівасцях гэтай атмасфернай з’явы, вобразна называючы туман *сівавусым* або *белабародым*, напрыклад: *Зман **туман сівавусы** выткаў* [4; 227].

Такім чынам, метафары, якія выступаюць як сродак рэпрэзентацыі канцэпту “вада”, адыгрываюць выключна важную ролю ў выяўленні аўтарскай канцэптасферы Р. Барадуліна. Заснаваныя на глыбока нацыянальнай беларускай глебе, яны з’яўляюцца адлюстраваннем жыцця і побыту беларускага народа, яго разнастайных жыццёвых назіранняў за навакольным асяроддзем, жывёльным і раслінным светам. Метафарычныя выразы, створаныя паэтам, дапамагаюць выявіць асаблівасці нацыянальнай свядомасці і этнапсіхічныя адметнасці беларусаў як самастойнай нацыі, асаблівасці іх духоўнага свету, а таксама рэпрэзентуюць не толькі аўтарскую канцэптасферу, але і спецыфічную моўную карціну нашага народа.

Літаратура

1. Барадулін, Р. Адам і Ева. Лірыка / Р. Барадулін. – Мінск: Беларусь,1968. – 256 с.
2. Барадулін, Р. Амплітуда смеласці: І лірыка, і гумар / Р. Барадулін. – Мінск: Маст. літ., 1983. – 222 с.
3. Барадулін, Р. Вечалле: Кніга паэзіі / Р. Барадулін. –Мінск: Маст. літ., 1980.– 336 с.
4. Барадулін, Р. Выбраныя творы / Р. Барадулін; уклад., прадм., камент. М. Скоблы. – Мінск: Кнігазбор, 2008. – 600 с.
5. Барадулін, Р. Евангелле ад Мамы: Кніга паэзіі / Р. Барадулін. – Мінск: Маст. літ., 1995. – 462 с.
6. Барадулін, Р. Ксты / Р. Барадулін. – 2-ое дапоўн. выд. – Мінск: Рым.-катал. парафія св. Сымона і св. Алены, 2006. – 528 с.
7. Барадулін, Р. Маўчанне перуна: Новая кніга / Р. Барадулін. – Мінск: Маст. літ., 1986. – 302 с.
8. Барадулін, Р. Міласэрнасць плахі: Кніга паэзіі / Р. Барадулін. – Мінск: Маст. літ., 1992. – 302 с.
9. Барадулін, Р. Руны Перуновы: Выбр. тв. / Р. Барадулін; уклад. А. Камоцкі, У. Сіўчыкаў. – Мінск: Радыёла-плюс, 2006. – 496 с.

И.Н. Завязкина (Северо-Кавказский федеральный университет)

ГРАММАТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОВЕСНОГО НАТЮРМОРТА В НАЗВАНИЯХ КАРТИН КУЛИНАРНОЙ ЖИВОПИСИ РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ

Объектом исследования в данной статье избраны не названия живописных произведений, изображающих процесс принятия и приготовления пищи, а наименования кулинарных натюрмортов русских художников XIX – начала XXI в., изображающих продукты питания. Метод сплошной выборки (см.: art/gallery.html) позволил сделать следующие выводы.

Средством построения словесного натюрморта в названии картины является слово. С помощью различных лингвистических средств словесный натюрморт формирует зрительные образы, которые накладываются на живописные, совпадают или не совпадают с последними. Предметом анализа в этой работе явились грамматико-стилистические особенности вербального натюрморта.

Среди картин кулинарной живописи особое место занимают кулинарные натюрморты, в названиях которых представлен эскизный словесный натюрморт, чаще состоящий только из наименований предметов, их перечисления, что, конечно, закономерно и обусловлено жанровой принадлежностью живописных произведений.

Эскизный словесный натюрморт в заголовках полотен имеет именной характер. Наиболее употребительной частью речи является имя существительное, обладающее потенциальными изобразительно-выразительными возможностями. Введение данной части речи в названия картин закономерно и обусловлено жанром живописи и семантическими свойствами самого существительного. Его конкретное предметное значение способствует созданию зримой картины.

Доминирует использование существительного «натюрморт» в именительном падеже или других имен существительных как гиперонимов (слов с родовой интегри-

рующей семой, «свойственной всем единицам определенного класса и отражающей их общие категориальные свойства и признаки» [7;451]), так и гипонимов (слов с видовой семой, являющейся «семой конкретного характера, которая обозначает дифференциальные признаки предмета, признака и др. и различает объекты одного и того же класса» [9; 215-216]) в именительном падеже и творительном с предлогами «с», «со» по формуле «натюрморт с (со) + им. сущ. в тв. п.». Ср.:

1) *А. Волков. Натюрморт. 1839; Натюрморт. 1854; Императрица Мария Федоровна. Натюрморт. 1869; Н. Богданов-Бельский. Натюрморт; И. Машков. Натюрморт. 1930; И. Хруцкий. Овощи и фрукты. 1830; В. Стожаров. Фрукты. 1951; А. Чередниченко. Омары. 1950; И. Машков. Ананасы и бананы. 1938; Апельсины, лимоны и вино. 1938; Натюрморт. Рыбы. 1910; Тыква. 1914; Хлебы. 1912; К. Коровин. Рыба. 1916; К. Петров-Водкин. Виноград и яблоко. 1921; Селедка. 1918; Ф. Шапаев. Овощи. 1967; С. Андрияка. Раки и пиво. 1990* и другие;

2) *И. Хруцкий. Натюрморт со свечой. 1830; Ю. Клевер. Натюрморт с рыбой; М. Шапошников. Натюрморт с дыней. 1960; И. Машков. Натюрморт с крабами. 1925; Натюрморт с виноградом и раком; Натюрморт с красной рыбой. 1923; Натюрморт с деревянной посудой и рыбой. 1917; Натюрморт. Рыбы. 1910; К. Коровин. Натюрморт с лобстером. 1930; С. Андрияка. Натюрморт с фруктами. 2000; Восточный натюрморт с дыней; П. Кончаловский. Натюрморт с заварными чайниками. 1946; А. Червоненко. Натюрморт с овощами. 1957; В. Скуридин. Натюрморт с арбузом. 1965; И. Кугач. Натюрморт с гранатом и виноградом. 1998; Натюрморт с лимоном. 1998; А. Осмерин. Натюрморт с фруктами и вином. 1923; Натюрморт с яичницей. 1950; Н. Калмыков. Натюрморт с виноградом и арбузом. 1969; Натюрморт с хлебом, яйцами и заварным чайником. 1958* и другие.

Такая часть речи, как имя прилагательное, дополняет значение предметов, вынесенных в название картин, конкретизируя и сужая объем понятия, выраженного существительным. (См.: *И. Машков. Яблоки и груши на белом. 1908; В. Стожаров. Московская сдоба. 1964; Романовский лук. 1970; З. Попова. Вечерний чай. 1966; С. Андрияка. Домашние пироги. 1996; И. Машков. Натюрморт с красной рыбой. 1923* и другие).

Особенности синтаксиса проявляются в использовании номинативных предложений, поскольку в них заложены большие описательно-изобразительные возможности, они отражают статическую картину самого натюрморта как живописного жанра. В то же время главные определяющие предметы-номинативы, вынесенные художником в заглавие картины, создают особенный динамизм.

В структуре названия живописного натюрморта характерно использование однородных членов (существительных). Им отводится роль действенного изобразительного средства, которые наглядно конкретизируют изображаемое художником. Нередко из множества предметов на холсте в заглавие выносятся только два или три. Автором тем самым подчеркивается смысловая градация. (См.: *И. Машков. Снедь московская. Мясо, дичь. 1924 (однородные члены с обобщающим словом); Ананасы и бананы. 1938; К. Петров-Водкин. Виноград и яблоко. 1921; С. Андрияка. Раки и пиво. 1990; П. Кончаловский. Мясо, дичь и капуста. 1937; Хлеб, ветчина и вино. 1948* и другие).

При отсутствии союза (первый пример) конструкция образует так называемый незамкнутый ряд и не имеет характера исчерпывающего перечисления. При постановке союза «и» между однородными членами или перед последним однородным членом образуется замкнутый ряд, имеющий значение исчерпывающего перечисления.

Частотны названия кулинарных натюрмортов, в структуру которых входят несогласованные одиночные или несогласованные однородные определения. Реже встречаются названия с согласованными определениями. Это обосновано, безусловно, жанровой принадлежностью картин и предметной характеристикой слов, входящих в их за-

главия. (См.: *И. Хруцкий. Натюрморт со свечой. 1830; Ю. Клевер. Натюрморт с рыбой; М. Шапошников. Натюрморт с дыней. 1960; И. Машков. Натюрморт с крабами. 1925; Натюрморт с виноградом и раком; Натюрморт с красной рыбой. 1923; Натюрморт с деревянной посудой и рыбой. 1917; Натюрморт. Рыбы. 1910; К. Коровин. Натюрморт с лобстером. 1930; С. Андрияка. Натюрморт с фруктами. 2000; Восточный натюрморт с дыней; П. Кончаловский. Натюрморт с заварными чайниками. 1946; А. Червоненко. Натюрморт с овощами. 1957; В. Скуридин. Натюрморт с арбузом. 1965; И. Кугач. Натюрморт с гранатом и виноградом. 1998; Натюрморт с лимоном. 1998; А. Осмерин. Натюрморт с фруктами и вином. 1923; Натюрморт с яичницей. 1950; Н. Калмыков. Натюрморт с виноградом и арбузом. 1969; Натюрморт с хлебом, яйцами и заварным чайником. 1958* и другие).

Интересно употребление в названиях кулинарных натюрмортов в качестве однородных членов предложения вещественно неоднородных, несопоставимых понятий. (См.: *В. Бакшеев. Посуда и апельсины. 1936; И. Машков. Натюрморт с виноградом и раком; Натюрморт с деревянной посудой и рыбой. 1917; П. Кончаловский. Мясо, дичь и капуста; Н. Калмыков. Натюрморт с хлебом, яйцами и заварным чайником. 1958* и др.). Думается, эти отступления от общепринятых логических и грамматических норм имеют характер специального стилистического задания (усиление экспрессивности в названии картин, индивидуализация жанра натюрморта, так называемый прием «натюрмортного каламбура»).

Таким образом, грамматико-стилистические особенности вербального натюрморта в названиях кулинарных натюрмортов русских художников XIX – начала XXI в., изображающих продукты питания, обусловлены жанровой принадлежностью самих живописных произведений.

Литература

1. Бабенко, Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник; Практикум / Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 496 с.
2. Болотнова, Н.С. Филологический анализ текста: учеб.пособие / Н.С. Болотнова. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 520 с.
3. Завязкина, И.Н Аллегорический «чайный» натюрморт в эпистолярных текстах и произведениях живописи художника Б.М. Кустодиева / И.Н. Завязкина // Литература в искусстве, искусство в литературе – 2013: сб. науч. ст. /редкол.: П.А. Моисеев, Н.А. Полякова, А.С. Черноусова; Перм. Гос. Акад. Искусства и культуры. – Пермь, 2013. – 31-36.
4. Завязкина, И.Н. Прагматография купеческого чаепития: А.Н. Островский и Б.М. Кустодиев / И.Н. Завязкина // Филология, журналистика, культурология: инновационные аспекты гуманитарного знания: материалы 54-й научно-методической конференции преподавателей и студентов «Университетская наука – региону». – Ставрополь: Альфа Принт, 2009. – С. 65-69.
5. Лотман, Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) / Ю.М. Лотман. – СПб., 1996. – 399 с.
6. Манкевич, И.А. «Повседневные тексты» художественной литературы как источники культурологической информации / И. А. Манкевич // Язык, культура, общество: Тезисы докладов IV Международной научной конференции. - М., 2007. - С.207.
7. Новиков, Л.А. Сема / Л.А. Новиков // Русский язык: Энциклопедия. – М., 1998. – С. 451.
8. Розенталь, Д.Э. Справочник по русскому языку. Практическая стилистика / Д.Э. Розенталь. – М.: Издательский дом «ОНИКС» 21 век»: Мир и образование, 2001. – 381 с.
9. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц: В 2 ч. Ч.1 / Под ред. Е.И. Дибровой. – М., 2001. – С. 215-216.
10. Чулкина, Н. Л. Мир повседневности в языковом сознании русских: Лингвокультурологическое описание. Изд. 2. / Н. Л. Чулкина. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 256 с. 11. art/gallery.html.

Л.П. Иванова
(Национальный педагогический университет имени М.П. Драгоманова, г. Киев)

ЛИНГВОИМАГОЛОГИЯ КАК СИНТЕЗИРУЮЩЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Имагология – сложившееся и утвердившееся направление сравнительного литературоведения (на Украине – Д.С. Наливайко, В.В. Орехов). Как свидетельствует весьма прозрачная внутренняя форма данного термина, имагология призвана изучать имиджи народов и государств в зеркальном отображении (например, русские и Россия во Франции и Франция и французы глазами русских).

Имидж традиционно трактуется следующим образом: «Имидж, а, м. [<англ. image образ]. Представление (часто целенаправленно создаваемое) о чьем-н. внутреннем и внешнем облике, образе» [1, 295].

Поскольку образ обязательно вербализируется, есть основания для создания лингвистической имагологии – лингвоимагологии.

В соответствии с требованиями наукологии, всякое направление обретает самостоятельность, когда у него есть свой объект, предмет, метод, добавим от себя понятийный аппарат.

Объект лингвоимагологии – национальное мировидение, проявляющееся в особенностях восприятия чужой страны и народа представителями данного народа. В идеале характеристики должны быть зеркальными.

Предмет лингвоимагологии – **оценка** страны и народа, причем она дробится на оценку животного и растительного мира, природы, географических особенностей, социального устройства, этнической специфики, культуры и науки. Напомним мысль А.С. Пушкина о роли климата, веры, традиций и обычаев для формирования национального характера.

Приведем примеры оценки из произведений Н.С. Гумилева, носителя элитарной русской культуры и заядлого путешественника, творчество которого мы детально проанализировали: «*День, когда ты узнала впервые, Что есть Индия, чудо чудес*» – о стране; «*Те же выходили из кустов, Улыбаясь и крича о чуде, Красные, как медь, нагие люди*» – восторженные краснокожие индейцы наивно встречают конквистадоров, принесших им горе; «*Львом ты был между яростных львов*» – характеристика животного перерастает в символ; «*А когда на изумрудах Нила Месяц покачался и поблек*» – акмеистическая оценка главной реки Африки; «*Скитальцы арабы, искатели веры И первые люди на первом плоту!*» – подчеркнуто особое отношение к вере, страсть к путешествиям и морские достижения арабов.

В ходе размышлений мы пришли к выводу, что оценка характеризует оцениваемое, но в большей мере оценивающего. Так, например, Н.С. Гумилев, участник первой мировой войны, пишет о Париже и Франции: «*О Франция, ты призрак сна, Ты только образ вечно милый, Ты только слабая жена Народов грубости и силы. Когда примчалася война С железной тучей иноземцев, То ты была покорена И ты была в плену у немцев. Где пел Гюго, где жил Вольтер, Страдал Бодлер, богов товарищ, Там не посмеет изувер Плясать на зареве пожарищ. Твоя война – для нас война. Покинь же сумрачные станы – Чтоб песней, звонкой как струна, Целить запекшиеся раны. Что значит в битве алость губ? Ты только сказка, отойди же. Лишь через наш холодный труп Пройдут враги, чтоб быть в Париже*» [2, 335–336]. Несмотря на наполеоновские войны, участие Франции в русско-турецкой войне на стороне Турции, поэт готов погибнуть за страну, ставшую символом культуры и искусства. Думается, это не отсутствие историче-

ской памяти, а исконная наша доброжелательность и чувство самопожертвования во имя великих идей, примером чему может служить Великая Отечественная война.

Предметом лингвоимагологии являются также прецедентные феномены («*…Волчица, твой город тот же … И город цезарей дивных, Святых и великих пап, Он крепок следом призывных, косматых звериных лап*» – Рим характеризуется сквозь призму легенды о волчице, вскормившей его основателей – Ромула и Рема); стереотипы («*свирепый гунн*»), личности («*Тимур в унылой злобе Народы бросил к их мете*»), религия («*Чтоб войти не во всем открытый, Протестантский прибранный рай*»); культура и искусство («*Судьба Италии – в судьбе ее торжественных поэтов*»); символы («*Кровь лиловая немцев, голубая – французов, и славянская красная кровь*»).

Метод лингвоимагологии только формируется. Ясно, что он будет объединять приемы описательного, сравнительного и сопоставительного.

Таким образом, лингвоимагология вполне может претендовать на статус нового самостоятельного направления языкознания.

Каково же его место среди других новых направлений? Подчеркнем, что все они находятся в стадии становления, поэтому не всегда четко разграничиваются категории и единицы, перекрещиваются цели и задачи, а также предметы анализа.

Так, например, Е.С. Кубрякова определяет когнитивную лингвистику как «лингвистическое направление, в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент – система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и трансформировании информации», т.е., по мысли Е.А. Селивановой, способы получения, сохранения, обработки, переработки и использования знаний, направленных на исследование способов концептуализации определенным языком действительности и внутреннего рефлексионного опыта. Лингвоимагология тоже изучает способы обработки, переработки и использования знаний, но предметом ее изучения не являются концепты, концептосфера, концептная картина мира, фреймы.

Предмет лингвокультурологии в формулировке В.А. Масловой: 1) лингвострановедение; 2) мифологизированные языковые единицы: архетипы и мифологемы, образы и поверия, ритуалы и обычаи, закрепленные в языке; 3) фразеологический фонд языка; 4) эталоны, стереотипы, символы; 5) метафоры и образы языка; 5) стилистический уклад языков; 7) речевое поведение. Лингвоимагология изучает четвертую группу вопросов.

В сферу теории коммуникации входят категории и понятия, актуальные для лингвоимагологии: текст, дискурс, пресуппозиция, фоновые знания, прецедентные феномены (прецедентный текст, прецедентное имя, прецедентное событие). Особенно важна межкультурная коммуникация, хотя для последней принципиально актуальны результаты лингвоимагологического исследования.

Оценка является важной текстообразующей категорией, то есть относится к сфере теории текста. Некоторые лингвисты трактуют оценку как аспект прагмалингвистики.

Следовательно, несмотря на очевидное «родство» с новыми современными направлениями языкознания, у лингвоимагологии есть свое лицо, что дает основание трактовать ее как синтезирующее отдельные аспекты и категории когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, теории текста, теории коммуникации и прагмалингвистики направление.

Литература

1. Крысин, Л.П. Толковый словарь иноязычных слов / Л.П. Крысин. – М.: ЭКСМО, 2007. – 994 с.

А.А. Калеснікава (Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава)

СРОДКІ АБ'ЕКТЫВАЦЫІ КАНЦЭПТУ "СЯМ'Я" Ў БЕЛАРУСКАЙ МОЎНАЙ КАРЦІНЕ СВЕТУ

У рамках антрапацэнтрычнай парадыгмы мова вывучаецца ў цеснай узаемасувязі з мысленнем чалавека, яго духоўным светам, з'яўляецца ўнікальным сродкам доступу да складаных ментальных працэсаў, што працякаюць у свядомасці.

Канцэпт як ментальнае ўтварэнне можа быць апісаны праз аналіз сродкаў яго моўнай аб'ектывацыі. Сукупнасць моўных сродкаў (лексічных, фразеалагічных, парэміялагічных і інш.), што служаць для вербалізацыі канцэпту, вызначаецца лінгвістамі як намінатыўнае поле [5]. Камунікатыўна рэлевантныя канцэпты (напрыклад, "дом", "радзіма", "праца", "свабода", "каханне", "мужчына", "жанчына", "шчасце") маюць шырокае намінатыўнае поле, якое лёгка выяўляецца падчас аналізу і можа ўключаць у свой склад прамыя і ўскосныя намінацыі канцэпту, сінонімы і сіміляры, сістэму дэрыватаў, метафарычныя і індывідуальна-аўтарскія намінацыі, устойлівыя спалучэнні слоў, парэміі, асацыятыўнае поле і г.д.

Камунікатыўна маларэлевантныя канцэпты характарызуюцца абмежаваным намінатыўным полем. Ключавыя словы-рэпрэзентанты такіх адзінак часта не маюць сінанімічных радоў, не ўваходзяць у склад устойлівых спалучэнняў. Некаторыя канцэпты могуць мець толькі суб'ектыўныя, аказіянальныя, індывідуальна-аўтарскія намінацыі. Ключавое слова-рэпрэзентант у такіх канцэптаў адсутнічае. Напрыклад, існуе канцэпт "маладажоны" і супрацьлеглы яму канцэпт, які абазначае людзей, што даўно жывуць у шлюбе. Апошні канцэпт камунікатыўна нерэлевантны, аднак пры неабходнасці для яго называння можа быць выкарыстаны шэраг аказіянальных адзінак або сітуатыўных намінацый – *"старажоны", муж і жонка са стажам, яны не першы год жанатыя, яны муж і жонка з вопытам, муж і жонка з вялікім вопытам сямейнага жыцця, у іх вялікі сямейны вопыт* і г.д. [5;67-68].

Мэта нашага даследавання заключаецца ў выяўленні асноўных моўных сродкаў, якія ўтвараюць намінатыўнае поле канцэпту "сям'я".

Нагадаем, што ў сучаснай беларускай мове лексема *сям'я* мае наступныя значэнні:

1. Група людзей, якая складаецца з мужа, жонкі, дзяцей і іншых сваякоў, якія жывуць разам.

2. Група, арганізацыя людзей, аб'яднаных агульнымі інтарэсамі, дзейнасцю, дружбай.

3. Група жывёл, птушак, якая складаецца з самца, адной або некалькіх самак і дзіцянят, што жывуць разам. / Пра пчол. // Група раслін аднаго віду, якія растуць разам. // *перан.* Сукупнасць аднародных, падобных прадметаў, з'яў.

4. У лінгвістыцы – група роднасных моў [9;450].

Апошнія слоўнікі фіксуюць і новыя значэнні. Так, напрыклад, выраз *шведская сям'я* мае значэнне 'сумеснае пражыванне (у адным доме) трох і болей асоб рознага полу, якія знаходзяцца ў стане фактычнага шлюбу' [10;355].

Пералічым вылучаныя падчас даследавання асноўныя моўныя сродкі, якія ўваходзяць у намінатыўнае поле канцэпту "сям'я":

а) прамыя намінацыі канцэпту: ключавое слова-рэпрэзентант (*сям'я*) і яго сістэмныя сінонімы (*дом, фамілія, двор (перан.)* [3;294]);

б) аднакаранёвыя словы, адзінкі розных часцін мовы, словаўтваральна звязаныя з ключавым словам-рэпрэзентантам канцэпту (было зафіксавана больш за 20 дэрыватаў): *агульнасямейны, бессямейны, маласямейнасць, маласямейны, многасямейнасць, многасямейны, несямейны, падсямейства, пасямейна, па-сямейнаму, пасямейны, пчоласям'я,*

сем'янін, сем'янінка, сямейка, сямейна, сямейна-бытавы, сямейнасць, сямейнік, сямейны, сямейства [1], [8]. Лексема *сямейнік* са значэннем 'член сям'і' з'яўляецца безэквівалентнай у рускамоўным дачыненні [11;275];

в) тэрміны і тэрміналагічныя спалучэнні слоў, што абслугоўваюць самыя розныя сферы жыцця і фіксуюцца спецыяльнымі слоўнікамі, напрыклад, *сям'я (сямейства) камп'ютараў (computer family)* 'група камп'ютараў, сканструяваных на базе аднаго і таго ж мікрапрацэсара або на базе роднасных мікрапрацэсараў адной серыі і асноўных аналагічных элементаў архітэктуры' [7;259];

г) парэміялагічныя адзінкі (каля 60 парэмій з лексемай *сям'я* і яе дэрыватамі): *Добрае на людзі ідзе з добрай сям'і* [2;118]; *Калі сям'я ціхая, то маеш шчасце* [2;123]; *У таго сям'я, у каго ёсць каму араць, касіць і песню запяваць* [2;136]; *У харошай сям'і хто каваль, хто стругаль і няма няўмекі* [2;136]; *Разумны тата робіць сям'і свята* [2;131]; *У добрай сям'і ніхто не лішні* [2;135]; *У вялікай сям'і цяжкае гора лягчэйшае* [2;134]; *І сын пяты ў сям'і (у людскай сям'і) не пракляты* [2;122]; *У добрых людзей і хата з дзвюх хат і сям'я з дзвюх сямей* [2;135]; *У якой сям'і сварацца, там страва нішчымная варыцца* [2;136]; *Чужую галубіць – сваю сям'ю згубіць* [2;139]; *Пчолка адзін вулей знае і толькі з адною сямейкаю дажывае* [2;130]; *Нашто клад, калі ў сям'і лад* [6;40]; *Сам бог рад, калі ў сям'і лад* [6;40]; *Дружная сям'я і ад бога ўкрадзе* [6;40]; *Сямейка малая – работы ўсім хапáе* [6;41]; *Сям'я без галавы – не сям'я* [6;59]; *Лішні чалавек у сям'і не згуба* [6;41]; *У балоце не без чорта, а ў сям'і не без вырадка* [6;44] і інш. Аднак трэба мець на ўвазе, што парэміі не заўсёды адлюстроўваюць сэнс, актуальны для сучаснага стану свядомасці: *Багаты калгас – сям'я дружная* [6;513]; *У Савецкую Армію пайшоў – родную сям'ю знайшоў* [6;528]; *Камуністы – самая дружная сям'я* [6;501];

д) крылатыя выразы і афарызмы: *У сям'і толькі здраду нельга дараваць* [4;54]*; У кожнай сям'і – свая музыка* [4;55]*; Сямейнае шчасце – разуменне, для праверкі якога патрабуецца час. І немалы.* І. Шамякін [4;91]; *Палітыка без любові, без адчування сям'і – нішто.* В. Іпатава [4;23]) і інш.

Акрамя пералічаных моўных сродкаў, у намінатыўнае поле канцэпту таксама ўваходзяць сукупнасць асацыяцый, атрыманых у выніку правядзення эксперыментаў са словам-стымулам, якое называе канцэпт, сістэма навуковых, публіцыстычных, мастацкіх тэкстаў, што ўласцівымі ім сродкамі раскрываюць змест канцэпту і інш.

Шырокае намінатыўнае поле канцэпту "сям'я" сведчыць пра працяглы час яго функцыянавання, каштоўнасную значнасць, камунікатыўную рэлевантнасць сферы рэчаіснасці, звязанай з адпаведным канцэптам. Разнастайнасць моўных сродкаў прадстаўленага намінатыўнага поля дае вялікія магчымасці для далейшага даследавання канцэпту, апісання яго зместу і структуры.

Літаратура

1. Бардовіч, А.М. Словаўтваральны слоўнік беларускай мовы / А.М. Бардовіч, М.М. Круталевіч, А.А. Лукашанец. – Мінск: Беларуская навука, 2000. – 413 с.
2. Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / склад. Ф. Янкоўскі. – 3-е выд., дапрац., дап. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992. – 491 с.
3. Клышка, М.К. Слоўнік сінонімаў і блізказначных слоў / М.К. Клышка; пад рэд. Л.А. Антанюк. – 2-е выд., выпр. і дапоўн. – Мінск: Вышэйшая школа, 1993. – 445 с.
4. Леванюк, А.Я. Майстры кажуць... Беларускія літаратурныя афарыстычныя выслоўі: слоўнік афарызмаў / А.Я. Леванюк; Брэст. дзярж. ун-т імя А.С. Пушкіна, каф. бел. і рус. моў з метод. выкладання. – Брэст: БрДУ, 2010. – 161 с.
5. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2010. – 314 с.
6. Прыказкі і прымаўкі: у 2 кн. / рэд. А.С. Фядосік. – Мінск: Навука і тэхніка, 1976. – Кн. 2. – 616 с.
7. Савіцкі, М. Тлумачальны слоўнік па інфарматыцы / М. Савіцкі. – Мінск: "Энцыклапедыкс", 2009. – 300 с.

8. Слоўнік беларускай мовы / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовы і літ. імя Я. Коласа і Я. Купалы; уклад. Н.П. Еўсіевіч [і інш.]; навук. рэд. А.А. Лукашанец, В.П. Русак. – Мінск: Беларус. навука, 2012. – 916 с.
9. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5-ці т. / пад агульн. рэд. К.К. Атраховіча (К. Крапівы); рэдкал.: А.Я. Баханькоў, П.М. Гапановіч, М.П. Лобан, М.Р. Суднік; АН БССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа. – Мінск: БелСЭ, 1977-1984. – Т. 5, кн. 1: С – У / рэд. тома М.Р. Суднік. – 1982. – 663 с.
10. Уласевіч, В.І. Слоўнік новых слоў беларускай мовы / В.І. Уласевіч, Н.М. Даўгулевіч. – Мінск: ТетраСистемс, 2009. – 448 с.
11. Шкраба, І.Р. Слоўнік беларускай безэквівалентнай лексікі / І.Р. Шкраба. – Мінск: Беларус. энцыклапедыя імя П.Броўкі, 2008. – 320 с.

Р.В. Козак
(Каменец-Подольский национальный университет имени Ивана Огиенко, Украина)

ЭКСПРЕССИВНОСТЬ ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ ’НЕОБХОДИМОСТЬ’ В РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

На современном этапе развития лингвистических знаний о речевом воздействии и лингвокультурологической направленности высказывания актуальность исследования категории синтаксической экспрессивности в связи с модальным значением аргументируется её значимостью как в процессе организации письменного дискурса, в частности художественного, так и в процессе порождения устного речевого высказывания. Антропоцентрическая парадигма акцентирует на человеке как творце языковой и речевой деятельности в национальном языке и этнической культуре. Приверженцами такой мысли являются В. Гумбольдт, Э. Бенвенист, В.В.Виноградов, Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова, Е.А. Селиванова, В.М. Брицын и др.

“Изучение модальности как компонента дискурсивной семантики требует ответа на вопрос об определении разновидностей таких текстов, к которым можно применять предлагаемый подход, – подчеркивает В.М. Брицын. – Наиболее простым является определение модальных пресуппозиций в устно-разговорном стиле, где наблюдаются разнообразные рисунки, создаваемые предложениями, которые передают как чувственно-изобразительную, так и ментальную деятельность собеседника” [1, 109]. К.М. Виноградова и А.В. Сытар правомерно считают, что “средства выражения модальности в украинском и русском языках образуют сложную разветвленную систему, основой дифференциации которой является наличие / отсутствие специальных лексем, то есть эксплицитность / имплицитность выражения модальности. Имплицитные модели предложений образуют периферию функционального поля модальности и требуют пристального внимания ввиду своей экспрессивности и эмоциональной окраски, активного функционирования в разговорной речи, художественном и публицистическом стилях” [3, 62].

Каждый конкретный язык восточнославянского языкового пространства (украинский, русский, белорусский) представляет собой самобытную систему, которая накладывает свой национальный отпечаток на сознание его носителей и формирует их картину мира. А. Вежбицкая, анализируя взаимосвязь семантики, культуры и познания, ориентируется на антропоцентричность и этноцентричность (конкретный этнос) и подчеркивает, что язык задает своим носителям определенную картину мира, причем каждый язык свою [2].

Выработанные культурные ценности могут быть представлены как ментальные модели, формирующие модальную целостность высказывания. Языковая сознательность тоже соотносится с мировоззрением, отображаемом и фиксированном как ментальные модели (фоновые знания) картины мира, включающей и культурные ценности.

Фоновые знания коммуникантов – субъектов одной культуры способствуют осознанному общению и восприятию языка, а у субъектов разных культур часто возникают трудности при общении. Поэтому в современном языкознании взаимная связь языка и

культуры не вызывает сомнений. Важным, нужным и практически необходимым считаем в этой связи изучение сходства и различия синтаксической системы русского и украинского языков, в частности, конструкций экспрессивного синтаксиса (ЭС).

Центральным понятием концепции человека является понятие картины мира. Картина мира, отображающая культурное познание, как отмечают специалисты в области психосемантики, «представляет собой сложное, многоуровневое образование, которое вбирает в себя и сознаваемые, и несознаваемые пласты познания», характеризуется не только разноуровневостью построения и различной степенью осознанности ее составляющих, но и разной степенью их адекватности бытию [7]. При изучении закрепленного в определенном языке описания мира одним из направлений исследования является рассмотрение закономерностей организации действительности, предпочитаемых данным языком, как самим его строем, так и национально-культурным сознанием его носителей. Рациональное и субъективное в аспекте человеческого языка неразрывно связано с явлением экспрессивности, характерной для процесса речетворчества. Каждый национальный язык характеризуется своими экспрессивными средствами, поэтому то, что будет экспрессивным для представителя одного языка, для другого может не быть таким.

Каждый человек постоянно осуществляет познавательную деятельность, результаты которой отражают индивидуальное, а иногда и индивидуально-неповторимое видение того или иного фрагмента действительности. Психолог Ю. М. Орлов отмечает: “То, что мы увидим, намного больше зависит от нас самих, чем от объекта восприятия” [6, 29]. Ведь для языка характерно наличие не только объективного, но и субъективного начала [4; 8], поэтому требует исследования и подробного описания специфика языкового выражения мысли, проявляющаяся в грамматическом выражении модальных значений и дополняющих их элементов содержания, обусловливающих экспрессивность элементарных предикативных единиц, в которых грамматически выражаются модальные значения. Интеграция текста как лингвокультурологическая проблема является одним из основных его признаков, формирующихся системой связей, регламентируемых разными уровнями, среди которых экспрессивный синтаксис – важный компонент тематической, концептуальной и модальной целостности. Мы в рамках статьи остановимся на модальном значении ’**необходимость’**, которое толкуется в русском и украинском языках так: **необходимость**, -и, ж. Надобность, потребность. Н. в помощи, совете. Предметы первой необходимости (самые необходимые для жизни). Сделать что-н. по необходимости [5, 527] // **необхідність**, ності, жін. 1. Потреба в чому-небудь. Речі (предмети, товари) першої необхідності — продукти харчування, одяг і предмети домашнього вжитку, без яких не можна обійтися [9, 346]. Анализируемое значение модальности ’**необходимость**’ одинаково понимается в русском и украинском языках.

Модальное значение ’**необходимость’** состоит из ряда подзначений:

– внешняя необходимость (в силу состояния мира, внешних условий);

– внутренняя необходимость (в силу внутренних потребностей, моральных обязанностей субъекта); – деонтическая необходимость (в силу социальных норм); – эпистемическая «необходимость» (уверенность говорящего в достоверности события); – физическая необходимость (необходимость по законам природы, общепринятые истины); – необходимость при отрицательном отношении партиципанта к ситуации. Основанием для такой классификации явились различные средства выражения перечисленных значений в русском и украинском языках. Что касается внешней, внутренней и деонтической необходимости, то не всегда можно однозначно определить, какой из данных типов встречается в художественном дискурсе или в устном высказывании. Так, например, необходимость в дискурсах: – ***Бежим!*** *– командует Игорь, и они с Надей бросаются к лестнице* (О. Зайончковский) // *Ви тут ще хвилин двадцять* ***поспілкуйтеся****, – сказав зухвало. – А я вас обох заміню* (Люко Дашвар) можно истол-

ковать как внутреннюю (в силу внутреннего отношения говорящих друг к другу), как деонтическую необходимость (если необходимость данного действия обусловлена общественными, культурными нормами) или как внешнюю необходимость (если акцент делается на некотором внешнем событии, которое влечет эту необходимость).

Модальное значение ’**необходимость’** в русском и украинском языках выражается прежде всего в предикативных единицах с предикатом – глаголом в форме изъявительного или повелительного наклонения настоящего времени. Например: – *Ладно, рада была познакомиться и все такое. Можешь забрать бутылку с собой.* ***Главное, выходи из подъезда осторожнее****. Мало ли что.* ***Ну и …береги себя*** *(Т. Веденская) // –* ***Заїдь в аптеку перед цим. Тільки, заради Бога, не розтуляй надовго рота.*** *Мовчки. Вийди з машини і мовчки принеси мені ліки, і мовчки віддай (О. Чорногуз).* Рассмотренные предикативные единицы в русском и украинском языках являются **экспрессивными**. Экспрессивность мотивирована тем, что действие, осуществление которого является только необходимым, но еще не является реальным в момент речи, представлено как реальное действие, которое осуществляется в момент речи. Такому языковому выражению мысли способствует инвариантная семантика глаголов. Выражение модального значения ’**необходимость**’ в русском и украинском языках достаточно активно представлено прежде всего в условиях непосредственного непринужденного общения носителей языков.

Итак, в русском и украинском языках элементы содержания, дополняющие в элементарных предикативных единицах грамматически выраженное модальное значение ’**необходимость**’ и проявляющие экспрессивность элементарных предикативных единиц, используются с определенной целью: коммуникатор, говорящий либо пишущий, обращаясь к реципиенту (слушающему / читающему), не просто выражает в элементарной предикативной единице модальное значение ’**необходимость**’, а показывает, в каком смысловом ракурсе, сопровождающем это модальное значение, он его видит. Более того, используя дополнительные элементы содержания, сопровождающие (дополняющие) модальное значение ’**необходимость**’ и проявляющие экспрессивность элементарной предикативной единицы, коммуникатор, говорящий или пишущий, стремится к тому, чтобы в этом же смысловом ракурсе увидел (воспринял / понял / интерпретировал) выражаемое в используемой им элементарной предикативной единице модальное значение и реципиент (слушающий / читающий).

Литература

1. Брицин, В.М. Модальна граматика дискурсу як один із напрямів семантико-синтаксичних досліджень / В.М. Брицин // Мовознавство. – 2006. – №2-3. – С. 101-110.
2. Вежбицкая А. К. Семантика, культура и познание: общечеловеческие понятия в культурноспецифических контекстах / А. К. Вежбицкая. – М.: Мысль, 1993. – 206 с.
3. Виноградова, К.М. Модальні модифікації необхідності: моделі імпліцитного типу / К.М. Виноградова, Г.В. Ситар // XII Международная конференция по функциональной лингвистике. “Функционализм как основа лингвистических исследований” / Сборник научных докладов (Ялта, 3-7 октября 2005 года). – Симферополь: изд-во Симферопольского университета, 2005. – С. 62-63.
4. Колшанский, Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1975. – 231 с.
5. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов; под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1981. – 816 с.
6. Орлов, Ю.М. Восхождение к индивидуальности: книга для учителя / Ю.М. Орлов. – М.: Просвещение, 1991. – 287 с.
7. Петренко, В.Ф. Анализ динамики общественного сознания / В.Ф. Петренко, О.В. Митина. – Смоленск: изд-во СПИ, 1997. – 320 с.
8. Серебренников, Б.А. Роль человеческого фактора в языке: язык и мышление / отв. ред. В.М. Солнцев. – М.: Наука, 1988. –247 с.
9. Словник української мови: в 11 томах. — К.: Наукова думка, 1974. –Том 5. — 840 с.

С.А. Королевич (Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина)

АРХАИЗАЦИЯ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ: НЕКОТОРЫЕ ФАКТОРЫ И ПРИЧИНЫ

Во все времена пословицы привлекали носителей языка своей семантической ёмкостью и значимостью для выражения разных прагматических целей в процессе коммуникации. Эти замкнутые устойчивые фразы имеют статус языкового знака, так как выступают маркёрами ситуаций или отношений между реалиями.

В силу сложного характера семантики и формы пословицу считают специфическим языковым знаком. В лингвистической прагматике пословица определяется «как замкнутая предикативная единица гибридного типа, совмещающая признаки языкового знака и мини-текста, как оценочное суждение, используемое в речи для достижения разных коммуникативных целей и реализации соответствующих коммуникативных стратегий» [1;105]. При этом пословицы можно квалифицировать и как языковые знаки вторичной номинации. Под знаками вторичной номинации, как известно, понимаются номинативные единицы, содержащие в своем значении смысловую связь с семантикой знаков первичной номинации. Образный смысл пословицы, подобно смыслу метафоры, является производным от прямого смысла слов, составляющих пословичный текст.

Будучи специфическими языковыми знаками, пословицы образуют особую семиотическую подсистему. При этом, как и лексическая система, паремиологический фонд русского языка является системой динамично функционирующей, что обусловливает наличие в ней активной и пассивной части. Л.Б. Савенкова отмечает, что приблизительно три четверти паремий, бытовавших, судя по материалам сборников пословиц и поговорок, ещё сто пятьдесят лет назад, оказываются неизвестными нынешним носителям русского языка [2].

Предпосылки архаизации пословиц кроются именно в двойственной природе их содержания. Значение пословицы складывается из языковой семантики составляющих ее компонентов. Устойчивость пословичной структуры и семантики, воспроизводимость их в речи, а также номинативность служат доказательством принадлежности пословицы к числу языковых знаков. Однако обобщенный смысл пословицы как семиотического знака вытекает из ее функционирования как текста. Текстовыми характеристиками пословицы выступают ее предикативность, автосемантичность, то есть относительная независимость от текста; обобщенность семантики; наличие коммуникативной установки.

Поскольку лексическое наполнение паремического текста – это своего рода основа производного, обобщенного пословичного смысла, то важнейшим условием перехода пословиц в пассивный запас становится разрушение или утрата этой основы, приводящие к затемнению исходного семантического плана паремии. Экстралингвистическими факторами, способствующими этому, выступают ключевые экономические, социальные и культурные изменения в русском обществе. Причины, порожденные названными факторами, могут быть разными.

Одной из причин является исчезновение в наши дни ряда реалий, наименования которых в прошлом создавали образную основу пословиц. Так, например, в наше время стали неактуальными многие из паремических текстов, входящие в «Сборник российских пословиц и поговорок», изданный в 1904 году [3]. Составитель сборника И.И. Иллюстров, юрист по образованию и роду деятельности, отдает предпочтение изречениям, выражающим воззрения народа на общественные отношения и различные стороны правового быта дореволюционной России. Как следствие, в текстах сборника содержится большое число слов, после Октябрьской революции отошедших к устаревшей общественно-политической лексике. Обозначения утраченных реалий в пословицах сборника Иллюстрова настолько часты, что здесь можно выделить устаревшие обо-

значения разных тематических групп. Это номинации социального статуса лица (*царь, боярин, воевода* и др.): *Без бога свет не стоит, без* ***царя*** *земля не правится*; *Народ – тело, а* ***царь*** *– голова*; *Поля хранятся огородою, а люди – добрым* ***воеводою***; сословного статуса, типичного для дореволюционной России (*барин, однодворец, дворянин, поп, холоп, старец, чернец*): *Каков* ***барин –*** *таков и* ***крестьянин***; *От горя – в солдаты, от беды – в* ***чернецы***; должностного статуса (*дьяк, подьячий, становой, городовой, будочник*): ***Дьяк*** *у места – что кот у теста*; ***Подьячий –*** *породы собачьей;* ***приказный –*** *народ пролазный*; *Бог сотворил два зла:* ***приказнаго*** *да козла*; разного рода повинностей (*оброк, дань, тягло, недоимки* и др.): ***Монастырщина*** *– что* ***барщина***; *С одного* ***тягла*** *по две* ***дани*** *не берут*; *Дожил до зазимок – нет* ***недоимок*** и др. Например, в пословице *Поля хранятся огородою, а люди – добрым* ***воеводою*** речь идет о городовом воеводе, задачей которого была организация защиты города в случае нападения неприятеля. От деятельности такого воеводы зависела безопасность горожан. Забвение пословицы обусловила архаизация слова *воевода* в названном значении. По этой же причине устарела и пословица *Конь любит овес, а* ***воевода –*** *принос*, в составе которой слово *воевода* употреблено с более поздним значением ‘градоправитель’ (эта должность была упразднена в 1775 году).

Утрата реалий, наименования которых составляли основу общего смысла пословицы, превращает паремический текст в «содержательно неполноценный» для современных коммуникантов семиотический знак и отодвигает пословицу на периферию паремиологической системы.

Забвение пословиц может быть связано также с утратой пресуппозиций – невыражаемых, однако существенных для коммуникантов знаний, когда общий смысл пословицы становится непонятен, даже если устаревшие слова в ее структуре отсутствуют. Так, например, устарела пословица *Борода – лишняя тягота*, возникшая как реакция на установленную царем Петром в 1705 году пошлину за ношение бород, которая позже была отменена. Аналогична причина ухода в пассивный запас пословицы *По улице едешь, хоть шапки не надевай*, иронически оценивающей многоначалие в дореволюционном селе, и др. Архаизация пословиц *Каковы дядьки – таковы и дитятки*, *У кого есть дядька – у того цел и дитятка* вызвана утратой обычая прикреплять к подросшим мальчикам дядьку – мужчину-воспитателя, хотя, например, во времена Пушкина это было обычным явлением.

Весьма заметными могут быть изменения в составе пословиц, если вследствие социокультурных перемен меняются ценностные приоритеты общества. Так, например, в русской пословичной картине мира, сформировавшейся к XIX веку, наиболее значимым блоком ценностей был морально-нравственный, связанный с семьей. Соответственно, пословиц о семье в прошлом было намного больше, чем теперь. Во-первых, как свидетельствуют материалы сборника И. Иллюстрова, дореволюционная семья была патриархальной, и пословицы, помимо привычных номинаций семейного статуса (*муж, жена, ребенок, дети, сын, дочка*), включали названия родственников по восходящей или нисходящей линии (*отец, мать, дед*, *бабушка*, *прадед, брат, сестра, внук, внучка*), а также родственников по боковым линиям (*дядя, тетка, племянник, племянница, пасынок, падчерица, отчим*), названия родственников и свойственников мужа или жены (*деверь, золовка, зять, невестка, сват, свекор, свекровь, свояк, сноха, тесть, тёща, шурин*). Во-вторых, в старинных пословицах широко использовались варианты обозначений лица с уменьшительно-ласкательными суффиксами, например, в текстах сборника Иллюстрова: *мать – мама, маменька, матушка; бабушка – бабка, бабуся; вдова – вдовица, вдовушка; дети – детки, детушки, дитятко; муж – муженек, мужилка, мужичок, мужишко; сноха – сношка, сношенька* и др., что в патриархальной семье было обусловлено требованием соблюдать определенные правила поведения, в том

числе речевого (члены этой семьи, будучи связанными ведением совместного хозяйства и общностью быта, как правило, жили под одной крышей). Наконец, в старых сборниках были широко представлены пословицы, в которых отражалось традиционное распределение ролей в сложной семейной иерархии. Однако в XX веке в связи с кризисом патриархальной семьи большая часть изречений о семье стала достоянием пассивного фонда. Ушли из речевого обихода пословицы о родственниках и свойственниках мужа и жены (***Зять*** *любит взять, а* ***тесть*** *любит честь, а* ***шурин*** *глаза щурит*; ***Золовка*** *– хитра на уловки*). Устарели паремические тексты, содержащие дериваты с оценочными суффиксами: *Дочку сватать – за* ***матушкой*** *волочиться*; *Богоданны* ***сестрицы*** [золовки] *– крапива жгучая*; ***Сношенька*** *– у свекра госпоженька*; *Хоть плох* ***муженек****, да затулье мое, завалюсь за него, не боюсь никого* и мн. др. Утратили актуальность пословицы, в которых выступает нормативная положительная оценка мужа: ***Муж*** *в дому, что глава на церкви*; ***Муж*** *жене пастырь, а жена ему – пластырь* и т.п.), отрицается возможность развода (***Муж*** *– не сапог, не скидается с ног*; ***Жена*** *– не рукавица, с руки не скинешь, да за забор не кинешь*) и т.п.

Смысловое содержание пословиц как знаков косвенной номинации детерминировано их внеязыковыми связями и отношениями [4;7] в первую очередь. Следовательно, и уход пословиц в пассивный запас обусловлен главным образом социокультурными причинами. Однако архаизация пословиц связана и с интралингвистическими факторами. В частности, устаревают пословицы, содержащие лексические архаизмы: *С* ***подружьем*** *и горе пополам разгорюешь* (*подружье* ‘супруг или супруга’); грамматические архаизмы: ***Наказуй*** *детей в юности – успокоют* ***тя*** *на старости*; *Каково* ***племятко*** *– таково и* ***ягнятко***; диалектные названия: *За добрым мужиком и* ***чулинда*** *– жена, а за дурным и поповна – раба* (*чулинда* ‘чучело’); *Нужда –* ***мизгирь****, а заемщик – что муха* (*мизгирь* ‘паук’); окказиональные номинации: ***Дорожиться*** *– товар залежится* (*дорожиться* ‘дорого запрашивать за товар’) и др.

Достоянием пассивной части пословичного фонда становятся также изречения, сохраняющие в структуре образные сопоставления, впоследствии утраченные, например: *Рука руку моет, вор вора кроет*; *По Сеньке и шапка, по горшку и крышка; В семье не без урода, на войне не без урона*. В актуальный пословичный фонд вошла лишь первая часть вследствие смещения акцентов, обеспечивающих лаконизм паремии и усиливающих ее образность.

Факт ухода в пассивный запас и даже забвения многих народных изречений отнюдь не означает, что пословица как тип языкового знака теряет свою весомость в современной системе языка. В устной речи наших дней используются новые устойчивые словесные комплексы, соотносимые с актуальными реалиями общественной, экономической и культурной жизни.

Литература

1. Абакумова, О.Б. Семантика и прагматика пословиц в дискурсе / О.Б. Абакумова. – Вектор науки ТГУ. № 4 (14). – 2010. С. 105–107.
2. Савенкова, Л.Б. Русские паремии как функционирующая система: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д. филол. н.: Спец. 10.02.01 / Л.Б.Савенкова; [Рост. гос. ун-т]. – Ростов н/Д, 2002. – 46 с.
3. Иллюстров, И.И. Сборник российских пословиц и поговорок / И.И. Иллюстров. – Киев: Типография С.В. Кульженко, 1904 г. – 475 с.
4. Алефиренко, Н.Ф. Когнитивно-прагматические истоки внутренней формы знаков косвенной номинации / Н.Ф. Алефиренко. – Гуманитарные исследования. Журнал фундаментальных и прикладных исследований. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет».— 2012.— № 4. – Вып. 44. – С. 7–14

О.Н. Кулиева (Белорусский государственный университет)

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ НЕСОВПАДЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Лингвокультурология как новая область междисциплинарных гуманитарных исследований, в центре которой находятся язык и культура, активно развивается уже на протяжении почти двух десятилетий. Это новое направление в языкознании имеет синхронную направленность и определенный пограничный статус, которые проявляются в разных подходах к определению лингвокультурологии как науки, тесно связанной с лингвострановедением и этнолингвистикой. В.А. Маслова считает лингвокультурологию «наукой, возникшей на стыке лингвистики и культурологии и исследующей проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке» [1; 8]. Действительно, на сегодняшний день можно рассматривать лингвокультурологию как самостоятельный раздел языкознания, как научную дисциплину, изучающую взаимосвязанное функционирование языка и культуры и целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового содержания.

Объектом лингвокультурологии является взаимодействие языка как транслятора культурной информации и культуры, представляющей собой историческую память народа. Предмет исследования – единицы языка, которые имеют символическое, эталонное или метафорическое значение. Особый интерес для изучения и описания представляют собой те слова и выражения, которые вообще не имеют или имеют полные или частичные эквиваленты в других языках. Именно они являются «камнем преткновения» в межкультурной коммуникации. Таким образом, проблема межкультурных несовпадений является центральным вопросом лингвокультурологии.

Межкультурные несовпадениях могут быть отмечены на разных уровнях языка, в том числе и на невербальном. Традиционно выделяются следующие группы межкультурных несоответствий:

– предметы и явления, уникальные для отдельной культуры (например, *pub, darts, ale, double-deckers, whiskey, Yorkshire pudding, kilt, bagpipes* – в английской культуре; *самовар, лапти, квас, борщ, кафтан* – в русской культуре; *cowboy, lasso, applejack, ranch, scout* – в американской; *siesta, torero* – в испанской и т.д.);

– концепты, определяющие специфику поведения данного народа (щедрость – для русских, пунктуальность – для немцев, традиционализм и вежливость – для англичан, страстность – для итальянцев, бравурность – для французов и т.д.);

– мифология, отраженная в легендах, сказаниях, пословицах и поговорках, других фольклорных формах;

– прецедентные тексты, своего рода культурный минимум, знание которого является обязательным для всех представителей данной культуры (это, например, детские считалки и дразнилки, слова из песен и мультфильмов, популярные произведения литературы, высказывания великих людей и т.д.);

– национальные символы, т.е. образы, с которыми ассоциируют себя представители того или иного этноса (*oak tree, the Tower of London, English rose; береза, Кремль, пятиконечная звезда* для Советского Союза);

– имена собственные, т.е. имена людей, животных, населенных пунктов, рек и гор, а также названия газет, гостиниц, фирм, магазинов, праздников и др. (*Дед Мороз, Кощей Бессмертный, Царевна Лягушка, Shylock, Cinderella, Thanksgiving Day, Boxing Day*);

– правила этикета, свойственные той или иной культуре, во всей совокупности слов, жестов и мимики.

Лингвокультурный анализ языка дает возможность выделить три типа языковых единиц:

1) слова и выражения, полностью совпадающие по своему значению в сравниваемых языках (например, *термины в точных науках; to lead a cat and a dog life – жить как кошка с собакой; a mother's boy – маменькин сынок; as busy as a bee – трудолюбивый, как пчела; as thin as a rake – худой, как грабли*). Например, поговорка *Love is blind* существует также во французском, испанском, итальянском, немецком, русском (*Любовь слепа*), японском и других языках;

2) слова и выражения, не совпадающие в сравниваемых языках (*You cannot judge a tree by its trunk. – Встречают по одежке, а провожают по уму* (досл.: *Не судите о дереве по его стволу*). *Still waters run fast. – В тихом омуте черти водятся* (досл.: *Тихие воды текут быстро*). *As neat as a new pin. – Чистый, как стеклышко* (досл.: *Чистый, как новая булавка*). *To be under smb's thumb – Быть под каблуком* (досл.: *Быть под пальцем*);

3) слова и выражения, частично совпадающие в сравниваемых языках (сюда относится значительная часть обиходного словаря, многозначные слова, совпадающие в основном значении и не совпадающие в производных значениях, например, *a hand of a clock – стрелка часов, as slippery as an eel – скользкий как змея* (досл. – *уж*), *Better an egg today than a hen tomorrow. – Лучше синица в руках, чем журавль в небе* (досл.: *Лучше яйцо сегодня, чем курица завтра); Better pay the butcher than the doctor. – Добрый повар стоит доктора* (досл.: *Лучше заплатить мяснику, чем доктору*).

Особый интерес представляют несовпадающие коннотации. Например, в русском языке слово “свинья” обозначает нечистоплотного человека, в английском – обжору или полицейского, а в китайском – развратника.

Некоторые исследователи считают основной задачей лингвокультурологии изучение мифов, которые, на их взгляд, наиболее четко отражены во фразеологии. Большое значение для анализа лингвокультурной специфики языка имеют пословицы и афоризмы, которые широко используются в общении и тем самым формируют ценностные установки у носителей соответствующей культуры. Чаще всего в таких высказываниях можно проследить национальный колорит, особенности поведения и образа мыслей народа. К примеру, английская пословица *To be born with a silver spoon in one’s mouth* и русский вариант *Родиться в сорочке* или *Родиться под счастливой звездой* различаются в интерпретации. В обеих культурах рождение ребенка определяет его судьбу: если родиться «в сорочке», «под счастливой звездой» или «с серебряной ложкой во рту», то будешь счастлив в жизни. Но для англичан удача и счастье неотделимы от богатства и социального статуса семьи, в то время как для русского человека деньги не играют большой роли, удача может прийти к любому. Иногда случается, что одна и та же поговорка или пословица в разных регионах страны приобретает свой смысл или коннотацию. В таком случае национальность и менталитет непосредственно влияют на их интерпретацию. Например, английскую пословицу *A rolling stone gathers no moss (*досл.*: Катящийся камень не соберет мха)* понимают по-разному: шотландцы восхваляют в ней преимущества подвижного образа жизни в противовес пассивности; для англичан рост мха на камне является метафорой, обозначающей традиции, стабильность. Выявление и изучение межкультурных несовпадений в языке помогают не только проследить особенности менталитета и поведения разных народов, но и правильно интерпретировать их.

На сегодняшний день уже общепризнано, что нужно учить не говорению, а богатству культуры страны изучаемого языка (об этом говорил еще К.Д.Ушинский). В связи с этим нельзя не отметить ту важную роль, которую играет лингвокультурология в процессе обучения иностранным языкам. Многочисленные межкультурные несовпадения приводят к возникновению коммуникативных барьеров и «столкновению» культур при непосредственном живом общении, переводческих «ляпов» [2] при переводе художественных текстов. Вот почему лингвокультурология должна стать обязательным предметом при обучении иностранным языкам.

Литература

1. Маслова, В.А. Введение в лингвокультурологию / В.А.Маслова. – М.: Наследие, 1997. – 207 с.
2. Чуковский, К.И. Высокое искусство / К.И.Чуковский / Собр.соч. в 6-ти т. – Т.3. – М.: Худ. лит-ра, 1966. – 834 с.

А.А. Лавицкий (Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МЕДИАКОНЦЕПТА «СЛАВЯНСКИЙ БАЗАР» В ВИТЕБСКОМ РЕГИОНАЛЬНОМ ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ

В современной лингвистической науке заметно смещение исследовательских акцентов в сторону рассмотрения региональной специфики функционирования языкового пространства. В этой связи нам представляется актуальным изучение особенностей вербализации различных концептов в границах определенного региона. Особый интерес при этом вызывают концепты, имеющие не только особое региональное значение, но и происхождение. С этой точки зрения хорошим примером можно считать концепт «Славянский базар», который связан с одноименным Международным фестивалем искусств, ежегодно проходящим в центре северного региона Беларуси – Витебске.

Основываясь на теоретико-методологических исследованиях по концептологии таких ученых, как Н.Д. Арутюнова, А.П. Бабушкин, А. Вежбицкая, Ю.Н. Караулов, В.И. Карасик, В.А. Маслова, И.А. Стернин и др., мы попытаемся в представленной работе верифицировать на практическом материале исследования (крупнейшие печатные периодические издания Витебщины: «Витебский рабочий» (ВР) и «Народное слово» (НС) (с июля 2013 г. объединенные в одно издание «Витебские вести» (ВВ)), а также «Витьбичи» (В)), гипотезу об особой вербализации в дискурсивном медиапространстве концепта, сформированного в языковом общественном сознании региональной (территориально обусловленной) языковой личности. Кроме этого, изучение печатных публикаций с помощью методов сравнительного, контекстуального, структурно-смыслового, контент- и дискурс-анализа, сплошной выборки языкового материала позволяет в значительной степени продвинуться в вопросе рассмотрения особенностей репрезентации концептосферы в системе функционирования журналистских стратегий и тактик воздействия региональных медиаизданий на массовую аудиторию.

Разработанный алгоритм научно-исследовательской работы на данном этапе изучения концепта «Славянский базар» включал следующие этапы: 1) теоретическое определение основного понятийного аппарата исследуемой проблемы; 2) выделение ключевых коннотативных сегментов как структурных единиц смысло-содержательного контекста концепта «Славянский базар», представленных в публикациях местной прессы; 3) выявление важнейших лексем, репрезентующих отдельные коннотативные сегменты и концепт в общем.

Следуя намеченному плану, остановимся подробнее на основных категориях нашего исследования, требующих дополнительного разъяснения. К таковым следует отнести:

1. *Медиаконцепт*, как не просто модель соответствующего концепта, вербализованная в медийном пространстве, но и особый социокультурный феномен, сформированный в языковом сознании во многом благодаря усиленному вниманию со стороны СМИ. С нашей точки зрения, как невозможно представить себе культуру без концепта [1; 27], так невозможно и рассмотреть особенности публицистического дискурса без изучения медиаконцепта.

2. Понимание концепта (медиаконцепта) личностью происходит на уровне отражения в ее языковом сознании *коннотативных сегментов,* представляющих собой элементы, ассоциативно наполняющие содержательную структуру концепта. Т.е., кон-

нотативные сегменты – это базовые элементы осмысления, возникающие у человека при обращении к определенному явлению (концепту). В зависимости от личностного опыта, особенностей восприятия окружающей реальности коннотативные сегменты индивидуальны, однако в совокупности понимаются как единое и общее субстантирование концепта в рамках определенной культурной и духовной общности.

3. В пространстве печатных СМИ значение коннотативных сегментов отражается в контекстуальной среде медиатекстов. При этом ключевое значение имеют *лексемы-репрезентанты*, составляющие общую полевую структуру коннотативной сегментации концепта. К таким элементам мы относим не только отдельные слова, имеющие ярко выраженное эмоционально-выразительное значение, но и словосочетания, крылатые выражения, фразеологизмы и другие языковые единицы, позволяющие определить чувственно-содержательное понимание коннотативного сегмента, а соответственно и общее восприятие концепта в языковом сознании личности.

Реализация следующего пункта выстроенного исследовательского алгоритма заключалась в выделении важнейших коннотативных сегментов медиаконцепта «Славянский базар», способных отразить особенности его смысло-содержательной репрезентации в сознании языковой личности. Нами было выделено более десяти таких сегментов (*Летний амфитеатр, конкурс исполнителей эстрадной песни, детский музыкальный конкурс, «Город мастеров», концертная программа, «Сельские подворья», «Театральные встречи», фестивальная инфраструктура* и др.). Как отмечалось ранее, общее смысловое наполнение коннотативных элементов отражается в контекстуальной структуре публицистического материала, где ключевое значение имеют лексемы-репрезентанты. Рассмотрим примеры некоторых коннотативных сегментов изучаемого концепта:

Летний амфитеатр. Несмотря на то, что в региональных газетных материалах за исследованный период практически отсутствуют публикации, полностью посвященные главной сценической площадке фестиваля, во многих из них амфитеатр, так или иначе, упоминается. При этом коннотативный сегмент в описании журналистов представляется не просто сценой, а центром событий, особым динамичным (практически живым) субъектом фестивальных мероприятий с контекстуально положительной семантикой: А) *«За кулисами Летнего амфитеатра царит особая атмосфера. Здесь можно узнать самые невероятные подробности о творческой и личной жизни любимых артистов, увидеть кумиров, задать волнующие вопросы и получить ответы, как говорится, из первых уст»* (НС); Б) *«На сцене Летнего амфитеатра действительно было представлено созвездие всех искусств: оперного пения, джаза, популярной музыки, современной молодой эстрады и хореографии»* (ВР); В) *«Еще в конце 1980-х годов здесь было установлено самое современное на тот момент акустическое оборудование. <…> в амфитеатре была установлена эксклюзивная музыкальная техника одной из лучших в мире французских компаний. До этого она вообще никогда ее не продавала, а лишь сдавала в аренду звукозаписывающим компаниям. Так что сейчас амфитеатр обладает современным звуковым оборудованием высокого европейского уровня. Здесь 48 акустических систем; микшерный пульт позволяет подключить со сцены сразу 112 микрофонов»* (В); Г) *«В эту сцену не возможно не влюбиться»* (В).

Об эмоционально положительной коннотации сегмента можно судить и по лексемам, репрезентующим в региональном печатном медиадискурсе «Летний амфитеатр»: *уникальный, уютный, многофункциональный, современный, отвечающий всем требованиям, чарующий взгляд, величественный, лучшая сценическая площадка Европы* и др.

Конкурс исполнителей эстрадной песни как главное событийное мероприятие культурного форума в региональной прессе контекстуально маркировано с точки зрения положительного восприятия как журналистской публикой, так и жителями област-

ного центра. Важность конкурса подчеркивается во многих публикациях: А) <…>*самое главное событие фестиваля «Славянский базар в Витебске» – Международный конкурс исполнителей эстрадной песни* (ВВ); Б) <…> *самых крупных и интригующих проектов этого творческого форума* (НС); В) *Это важнейшее событие фестиваля <…> скорее не конкурс, а праздник дружбы и творчества* (В).

Отрицательная коннотация рассматриваемого сегмента в медиаматериалах минимальна и встречается довольно редко: А) <…> *оценка жюри вызвала неоднозначное отношение и в зале, и за кулисами* (В); Б) *Музыкантовед <…> обвиняла жюри в необъективности* (НС); В) *Зрительный зал тоже выражал свое отношение шумом неодобрения низких оценок некоторым конкурсантам и завышенных – другим* (НС). Стоит отметить, что эмоционально-отрицательное восприятие фестивального мероприятия в газетном тексте журналистами сглаживается: А) <…> *у каждого есть шанс завоевать публику и получить самые высокие балы жюри* (НС); Б) *Несмотря ни на что конкурс запомнится созвездием новых талантов* (В); В) *Витебские зрители бурными овациями наградили самых, по их мнению, достойных. А такое признание дороже любых призов* (НС).

Среди лексем-репрезентантов выбранного коннотационного сегмента превалирует лексика с положительной эмоциональной окраской. Это не только распространенные прилагательные: *интригующий, уникальный, престижный, чарующий* и др., но и различные авторские журналистские словосочетания и выражения: *оазис музыки и любви, сделано с душой, славянский калейдоскоп, культурный десант фестиваля, атмосфера славянского единства* и др.

Полный анализ изученных коннотативных сегментов концепта «Славянский базар» делает возможным сделать следующие выводы:

- в рассмотренных периодических печатных изданиях изучаемый медаконцепт репрезентуется посредством более десяти различных коннотативных сегментов, характеризующих основные мероприятия Международного фестиваля искусств, его участников, а также праздничную инфраструктуру;

- в содержательном наполнении публицистического материала прослеживается явное доминирование положительного описания коннотативных сегментов, создающих общий положительный имидж культурного форума;

- формирование эмоционально-положительного восприятия концепта прослеживается и в детальном анализе репрезентующих лексем, одними из самых частотных по употреблению среди которых являются прилагательные (*уникальный, престижный, добрый, светлый, чарующий, узнаваемый* и др.);

- для дополнительной эмоционально-оценочной коннотации концепта в журналистском тексте, заголовке используются различные фигуры и тропы: восклицания (*Браво, фестиваль!; Будут аншлаги!*), эпитеты (*событие планетарного масштаба*), метафоры (*покорение искусством; «звездный» дождь; палитра эмоций*), сравнения (*пейзажи <…> напоминают виды Шотландии и Канады; Витебск – не Канны*), игра слов (*«по Базарили»*), рифмы (*Базарное раздолье ищем на подворьях; Полная чаша в городе нашем*) и др.

Литература

1. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие / В.А. Маслова. – Минск: ТетраСистемс, 2005. – 256 с.

А.И. Лазовская
(Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка)

СООТНОШЕНИЕ ТЕКСТА БЕЛОРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И ТЕКСТА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В УЧЕБНЫХ ИЗДАНИЯХ БЕЛАРУСИ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Современные учебные издания Беларуси по русскому языку как иностранному помимо функции собственно языковой подготовки ставят цель социальной и культурной адаптации иностранных учащихся. Придерживаясь социокультурного подхода к преподаванию русского языка, авторы пособий по РКИ создают на страницах учебников модель белорусского социокультурного пространства. Если обратиться к базовым изданиям для начального этапа обучения [1, 2, 3, 4], то можно отметить, что его описание (в географическом, природном, культурном плане) становится все более тщательным и подробным, заменяя и вытесняя информацию о пространстве России. Так, если пособие В.Г. Будая [1] содержит самые фрагментарные сведения о Беларуси и большее внимание уделяет России и российским городам, то в пособиях последних лет белорусский национальный компонент становится основным, а информация о русском культурном пространстве дополнительной. В основе этого феномена, позитивная или негативная природа которого может являться предметом обсуждения, лежит огромный коммуникативный вес русского языка в Беларуси, в которой он, помимо официального статуса государственного языка, приобрел характер родного языка для большинства населения. Все это не случайно привело к осознанию Беларуси в качестве страны изучаемого языка и разработке нового подхода к преподаванию и изучению языка.

Описание пространства Беларуси происходит, в первую очередь, при помощи различных имен собственных: условный герой современных учебных изданий – иностранный студент, который живет в белорусском городе и учится в белорусском вузе, он посещает белорусские театры и музеи, делает покупки в белорусских магазинах, читает местные газеты и журналы, смотрит транслируемые в стране телеканалы и т.д. Можно говорить о картографически верно воспроизводимом пространстве белорусских городов (в первую очередь, белорусской столицы, но также Витебска, Бреста, Гродно и др.), с размещением важных в плане образования, спорта, культуры и т.д. объектов именно в тех местах, где они реально расположены. Подробно описанный городской ландшафт дополняет информация о природном ландшафте и местах отдыха, которые могут посетить иностранцы (наиболее крупные реки и озеро Нарочь, Беловежская пуща и т.д.).

Белорусские учебники содержат в небольшом объеме информацию о российских городах, учреждениях образования, наиболее известных культурных и исторических объектах. Основным критерием отбора материала здесь выступает известность того или иного объекта. В связи с тем, что иностранные студенты, обучающиеся в Беларуси, имеют возможность посетить российские города (как правило, Москву и Санкт-Петербург) с экскурсионной целью, предлагается описание их внутригородского пространства.

Культурный фон создает информация об отмечаемых в Беларуси праздниках и памятных датах, различных белорусских национальных традициях и т.д. Иногда (крайне редко) авторы включают в текст пособия белорусизмы, объясняемые в контексте: данный прием оправдан в случае явного соотнесения с русским языком (к примеру, в тексте о погоде встречается название месяца «люты», сопоставленное с русским словом «лютый» [4; 22] и т.п.), однако в курсе РКИ такие приемы, на наш взгляд, следует тщательно дозировать, как и тексты, предлагаемые на белорусском языке. Пособие, подготовленное коллективом авторов БГУ, предлагает студентам работу с оригинальными белорусскими текстами: стихотворение Михася Шушкевича «Ты мне вясною прыснiлася» [2; 153] и «Раманс» [2; 153] Максима Богдановича на белорусском языке (без перевода на русский язык, но с

предтекстовой работой), отрывок из поэмы Якуба Коласа «Новая зямля» на языке оригинала и в переводе С. Городецкого на русский язык [2; 166], белорусскую народную сказку «Старый отец» [2; 217]; пересказывают белорусские легенды («Как появилось чудо-озеро» [2; 204], «Почему озеро так называется»… [2; 205] об озере Нарочь). В то же время пособие «Русский язык как иностранный для начинающих» предлагает ознакомиться со стихотворением Максима Богдановича «Романс» в переводе на русский язык [4; 25], которое выступает как дополнение к тексту о молодом белорусском поэте. Более работа с собственно белорусской литературой в этом пособии не предлагается.

Если использование оригинальных или переводных текстов на уроках РКИ вызывает споры, то привлечение текстов популярных в Беларуси песен на русском языке («Беловежская пуща» [2; 158], «Мы вместе» [2; 116], «С друзьями» [4; 170]) представляется вполне уместным. Возможно, было бы логично использовать на занятиях также и произведения русскоязычной литературы Беларуси, однако она еще не столь известна, изучена, концептуально значима (в сравнении с русской литературой и белорусской литературой) для того, чтобы активно включать подобные тексты (или отрывки) в курс РКИ. Возможно, данные произведения еще станут материалом для использования на занятиях по РКИ в будущем.

Пособие «Русский язык как иностранный для начинающих» [3, 4] предлагает активную работу с русскими пословицами и поговорками, анекдотами; большинство авторских поэтических произведений, включенных в него, также принадлежат перу русских и советских писателей – С.Я. Маршака, Е. Евтушенко, Д. Кедрина и др.

Текст белорусской культуры в белорусских учебниках по РКИ предполагает знакомство с известными белорусами – учеными, спортсменами, писателями и поэтами, музыкантами. Данная установка реализуется в последних изданиях на примере разнообразного текстового материала и заданий. Жизненный путь, работа и творчество многих известных людей, о которых идет речь в учебных изданиях, часто являются достоянием и наследием не только Беларуси, но также Польши, России, Литвы и т.д., демонстрируя многонациональный характер нашей страны, ее положение на границе западной и восточной традиций. Таким образом, текст русской культуры зачастую представлен в той мере, в которой можно найти его связи и параллели с белорусской действительностью. Так, говоря об известном еврейском художнике Марке Шагале, вспоминают его годы учебы в Санкт-Петербурге, предлагают прочитать стихотворение «Марк Шагал» Роберта Рождественского [4;159]; рассказывая об Адаме Мицкевиче – польском поэте, родившимся на территории Беларуси, вспоминают о его дружбе с Александром Сергеевичем Пушкиным и приводят в пример стихотворение А.С. Пушкина «Он между нами жил»… [2; 176] и т.п.

Таким образом, в изданиях Беларуси по русскому языку как иностранному бывает трудно разграничить пространство русской культуры и пространство белорусской культуры. Исторически сложилась ситуация, когда произведения русской классической литературы, русские пословицы и поговорки, песни, произведения литературы и искусства советского времени и т.д. являются хорошо знакомыми и любимыми, активно используются нами в повседневном языковом общении, поэтому в изданиях по РКИ авторы, не задумываясь, отсылают к этим языковым и культурным явлениям как самим собой разумеющимся.

Иностранному студенту бывает трудно без помощи преподавателя понять, как и почему в Беларуси сложилась ситуация двуязычия, реалии какой культуры перед ним. Данную ситуацию можно рассматривать как в положительном, так и в отрицательном ключе. Невозможность четко разграничить пространство русской и белорусской культуры является специфической особенностью нашей страны и отразилось в изданиях Беларуси по РКИ. Однако преподавание русского языка в Беларуси должно учитывать его статус национального языка русского народа, активно привлекая на занятия текст русской культуры, знаковую, концептуальную информацию о России.

Литература

1. Будай, В.Г. Русский с алфавита: Практ. курс рус. яз.: Учеб. пособие для иностр. студентов / В.Г. Будай. – Минск: Изд. центр БГУ, 2003.
2. Вариченко, Г.В. Русский язык как иностранный (базовый уровень) : учеб. пособие / Г.В. Вариченко, Е.В. Кишкевич, Ж.В. Проконина. – Минск : БГУ, 2012. – 235 с.
3. Лазовская, А.И Русский язык как иностранный для начинающих : учеб. пособие: в 2 ч. / А.И. Лазовская, Е.В. Тихоненко. – Минск : РИВШ, 2011. – Ч. 1. – 282 с.; ч. 2. – 232 с.
4. Меренкова, Л.А. Русский язык как иностранный (начальный курс): учеб. пособие / Л.А. Меренкова [и др.]. – Минск: Элайда, 2010. – 432 с.

А.Я. Леванюк (Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна)

АФАРЫСТЫЧНАЕ ВЫСЛОЎЕ ЯК НАЦЫЯНАЛЬНА-КУЛЬТУРНАЯ СПАДЧЫНА

Пад афарызмам (ад грэч. – aphorismos – літар. “абмежаванне”, “азначэнне”) разумеюць звычайна абагульненне жыццёвага вопыту, павучанне, выкладзенае ў сціслай, зручнай для запамінання форме. У залежнасці ад характару традыцыі – вуснафальклорнай ці пісьмовай – афарызмы блізкія, з аднаго боку, прыказкам, прымаўкам, з другога – сентэнцыям, выслоўям.

Як асобы жанр літаратурнай творчасці афарыстыка знаёмая літаральна ўсім народам, якія маюць хоць якую-небудзь пісьмовую традыцыю. У спецыяльных зборніках ці асобных выслоўях яна сустракаецца ўжо ў Егіпце, у вавілонскіх клінапісных таблічках, у старажытнагрэчаскай паэзіі, у скандынаўскім эпасе. На Беларусі трэба вызначыць першага стваральніка выслоўяў Яна Ліцынія Намыслоўскага, які ў 1585 г. працаваў выкладчыкам школы ў Еўі. Ён аўтар адзінага ў сваім родзе зборніка маралістычных выказванняў-сентэнцый “Павучанні для ўсеагульнага карыстання ў жыццці” (1589). Частка выказванняў сабраная самім аўтарам, а частка – з іншых літаратурных крыніц. Гэты зборнік змяшчае 225 выказванняў, напрыклад: *51 Язык. Раніць Бязлітасны меч цела жывое не гэтак, як непавіннага – ядам смяртэльным злачынны язык. 55. Час. Каб выпадковым не стаў той час, калі справу пачнеш ты, Ведай: для кожнай са спраў тэрмін дакладны, свой ёсць*. Даследчыкі лічаць, што гэты зборнік быў першым беларускім падручнікам жывых замежных моў, таму што ў ім чаргаваліся аналагічныя па змесце выказванні на лацінскай, польскай і нямецкай мовах.

Варта прыгадаць таксама фальклорны зборнік “Выслоўі” (1979, з акадэмічнай серыі “Беларуская народная творчасць”). Склаў яго вядомы беларускі фалькларыст і этнограф М.Я. Грынблат. Адзначыўшы, што выслоўі складаюць асобны вялізарны пласт народнай словатворчай культуры, М.Я. Грынблат слушна заўважае, што, на жаль, гэты пласт яшчэ слаба ўзараны збіральнікамі і даследчыкамі беларускай вуснапаэтычнай творчасці. Можна прывесці наступныя прыклады з гэтага зборніка: *Дай, божа, у добры час гаварыць, у благі маўчаць; Калі няпраўду кажу, то праваліся пада мною зямля!; Без люлькі як без жонкі* і інш.Неабходна ўзгадаць тут і зборнік беларускіх літаратурных выслоўяў Ф.М. Янкоўскага «Крылатыя словы і афарызмы» (1960).

У адрозненне ад філалагічнай і выдавецкай практыкі іншых славянскіх краін, у Беларусі надзвычай мала выданняў нацыянальнай афарыстыкі, хоць яна не ў меншай ступені адлюстроўвае дух народа, чым неаўтарскія афарызмы – народныя прыказкі. Сучасныя зборы прадстаўлены наступнымі працамі: Леванюк, А.Я. Час, жыццё, людзі…Беларускі літаратурны афарызм / А.Я. Леванюк.– Брэст: Выдавец Лаўроў С.Б., 2001. – 112с.; Міхневіч, А.Я. Якуб Колас разважае, радзіць, смяецца… Выбраныя выслоўі народнага песняра / А.Я. Міхневіч. – Мн., 2002. – 108 с.; Леванюк, А.Я. Майстры кажуць… Беларускія літаратурныя афарыстычныя выслоўі : слоўнік афарызмаў / А.Я. Леванюк.– Брэст: БрДУ, 2010. – 161 с.

Сярод беларускіх аўтараў, што працуюць зараз у жанры афарызма, вядомыя М. Коўзкі, Я. Рагін, М. Мірановіч, Ул. Дуктаў, А. Цыркуноў, Б. Беляжэнка, Н. Сандамірскі і інш. У друку сустракаюцца цэлыя раздзелы афарызмаў гэтых аўтараў, якія носяць разнастайныя назвы: “Абыпраштоскі” (Я. Рагін), “Доля праўды” (М. Коўзкі), “Фрашкі” (М. Мірановіч), “Мімаходзь” (Ул. Дуктаў), “Вясёлыя дробязі” (Н. Сандамірскі) і проста “Афарызмы” (Б. Беляжэнка). Тэматыка сучасных афарызмаў самая разнастайная: *Нябожчыка не любіў, а пайшоў на набажэнства – усё ж “мерапрыемства”; Пустое месца заўважаюць тады, калі яно знікае* (М. Коўзкі); *Мае талент ставіць людзей у залежнасць ад сябе; Лепш за напісанае захоўваецца толькі надрукаванае* (Ул. Дуктаў); *Мне не вельмі спакойна ў краіне, дзе шмат пузатых міліцыянтаў і вайскоўцаў* (Я. Рагін); *Сам недарэчы на ўласнай печы; Не ўсякі кашаль ад прастуды; Не бездарожжа зло, а безгалоўе* (Б. Беляжэнка); *Сярод здабыткаў рознай масці Так мала поўных, больш пустых, Бо ўсе жадаюць толькі шчасця, А дзе яго ўзяць на ўсіх?* (Н. Сандамірскі) і інш.

Афарыстыка, праблемы якой вывучаюцца незаслужана мала, дапамагае па-новаму асвятліць шэраг важных гісторыка-культурных з’яў. Лепш за ўсё гэта паказвае вывучэнне жыцця афарызма ў грамадстве, яго месца ў культуры і гісторыі народа. Дастаткова сказаць пра ступень уздзеяння афарызма на чалавечыя паводзіны, пра фетышызацыю асобных выслоўяў і запаведзяў, якія набываюць пры пэўных абставінах сапраўды “магічную” моц. Можна было б напісаць цэлую гісторыю такіх, напрыклад, выказванняў, як “Любі бліжняга свайго, як самога сябе” ці “Хто не працуе, той не есць” у іх перадачы ад пакалення да пакалення, у іх сувязях з грамадскімі рухамі, з інтэлектуальным жыццём розных краін і часоў. Наогул, любая мова – вельмі разнародны сплаў свайго і чужога. У мове, як і наогул у культуры таго ці іншага народа, даволі цяжка правесці дакладную мяжу паміж сваім і несваім. Уласна кажучы, не існуе якой-небудзь яркай і унікальнай прыметы, па якой нацыянальнае можна адразу ж і беспамылкова аддзяліць ад інтэрнацыянальнага. І тым не менш нацыянальнае існуе. Адметныя рысы мовы таго ці іншага народа выразна адлюстроўваюцца ў моўных зваротах. Гэта і звароты з асаблівасцямі кіравання і дапасавання (*смяяцца з кагосьці, пайсці ў грыбы, хварэць на грып* і інш.), і розныя фразеалагізаваныя формулы маўленчага этыкету для выражэння прывітанняў, пажаданняў, падзякі і г.д. (*Спажывайце на здароўе! Добра гадуйся! Каб быў здаровы, як дуб скарбовы! Гладкай дарогі! Да пабачэння! Дзіўная рэч!* і інш.), і фразеалагічныя звароты (*біць бібікі, сам-насам, за рубель жабу ў Вільню пагоніць*, *як кату пад’есці з жабінай прыгаршчы* і інш.). Вядомыя таксама шматлікія моўныя афарызмы (прыказкі і прымаўкі), на якія асабліва багаты беларускі народ. Усім знаёмыя наступныя выразы: *Які музыка, такое гранне; Добры чалавек і сабакі дражніць не будзе* і інш. Нацыянальна-культурнае значэнне афарыстычнага выслоўя выступае пры звужэнні аб’екта даследавання, пры разглядзе афарызма самога па сябе – як у заканамернасцях яго выразных сродкаў: фанетыкі і рытмікі, якія ствараюць гукавую тканіну выслоўя, сінтаксісу, так і ў якасцях яго зместу (сэнсавага, семантычнага боку выслоўя).

Кожная мова захоўвае ў адзінках, якія набылі вобразна-метафарычнае, сімвалічнае значэнне, культурна-значную для носьбітаў гэтай мовы інфармацыю, зберагае культуру як гістарычную памяць народа. Менавіта да такіх адзінак належаць афарыстычныя выслоўі. Яны могуць накіраваць чалавека на жыццёвы шлях, заспакоіць у бядзе, падштурнуць да барацьбы з перашкодамі. Таксама трэба сказаць і пра выхаваўчую ролю такіх выразаў: яны пашыраюць духоўны свет чалавека, фарміруюць маральныя якасці. Значная эканамічнасць слоў, глыбіня семантыкі, яркая вобразнасць робяць выслоўі стылістычнымі шэдэўрамі, што вельмі ўзбагачае маўленне. У лінгвістычным плане выслоўі валодаюць шэрагам рыс, якія дазваляюць адносіць іх да моўных з’яў. Гэта ўстойлівасць, узнаўляльнасць, наяўнасць шэрага мастацка-стылістычных сродкаў, маўленчая варыятыўнасць. Сведчаннем жа таго, што выслоўі адносяц-

ца да сістэмы культуры, з'яўляюцца такія ўласцівасці, як сэнсавая завершанасць, вобразнасць і лаканізм выражэння, прыналежнасць пэўнаму аўтару, уваходжанне ў культурную "спадчыну" асобы. Нацыянальна-культурная каштоўнасць афрыстычных выслоўяў праяўляецца ў тым, што яны адлюстроўваюць нацыянальную культуру непадзельна, комплексна, усімі сваімі элементамі, усімі адзінкамі свайго складу: *Творчасць – гэта вечны сыход упрочкі ад тых, каго любіш* (В. Акудовіч);*Як страшна жыць усё ж у прошлым часе!* (А. Белая); *Прозвішча – гэта падручнік, па якім можна вывучаць чалавека...* (У. Ліпскі); *Будзь сам сабою, Беларус...*(З. Бядуля); *Грошы раз-два – і з'еў чалавек, а разумнае слова жыве цэлы век*(З. Бядуля);*...у гультая заўсёды гэтак: "Ат! я потым", а той "потым", як яўрэйскае "пачакай"*(Л. Калюга); *Народ і ў грубасці сваёй мудры* (Я. Брыль) і інш.

Да культурнай традыцыі многіх народаў належыць збіранне выслоўяў вядомых дзеячаў культуры. Доказам таго, што яны адносяцца менавіта да сферы культуры, з'яўляюцца зборы выказванняў і афарызмаў аўтараў самых розных часоў і краін. Найбагацейшай крыніцай выслоўяў з'яўляюцца творы беларускіх паэтаў і пісьменнікаў: М. Танка, Р. Барадуліна, З. Дудзюк, Я. Купалы, В. Зуёнка, П. Панчанкі, І. Мележа, В. Іпатавай і інш. Сярод выслоўяў беларускіх творцаў слова можна знайсці наступныя малыя шэдэўры слоўнай творчасці:*Трэба не смерці баяцца, а – пустога жыцця* (А. Карпюк); *Усе мы неяк адчуваем страты, Але ніяк не пазбягаем страт* (У. Някляеў); *Удары лёсу часам бываюць аплявухамі анёла-ахоўніка. Каб апамятаўся* (А. Аблажэй); *Памылкі часам памагаюць жыццю* (А. Кулакоўскі); *Страта за стратай – вось што такое жыццё* (В. Іпатава); *Кім ты б ні стаў – Адной рукой гайдай калыску сына, Другой – магілу дзедаву папраў…* (М. Рудкоўскі); *Галоўнае, які пакінеш след, – Па ім ступаць твайму нашчадку* (С. Законнікаў); *Хто жэніцца – у таго жыццё сабачае, затое смерць чалавечая, а хто не – у таго сабачая смерць, але затое чалавечае жыццё* (У. Караткевіч); *Без радзімы народа няма, Без народа няма радзімы* (Р. Барадулін); *Не цурайцесь роднай песні Ў шчасці і ў жалобе* (Я. Купала); *Без адчування малой зямлі няма адчування вялікай* (І. Шамякін) і інш.

Бясспрэчна, афарыстыка з даўніх часоў была найбольш папулярным відам літаратуры. Цікавасць да яе вядомая нам яшчэ са старажытнасці. У наш час яна набывае актуальнасць дзякуючы сваёй ёмістасці, лаканічнасці, злабадзённасці. Афарыстычныя выслоўі з'яўляюцца нацыянальна-культурным кампанентам літаратурнай мовы, таму што яны сітуацыйна запатрабаваныя, павінны складаць культурную спадчыну асобы з мэтай надання нашаму маўленню нацыянальнай адметнасці. Вывучэнне выслоўяў пачалося ўжо даўно, тэарэтычнае даследаванне працягваецца, з'яўляюцца новыя канцэпцыі, ідэі, фарміруюцца сістэмныя погляды на дадзеную праблему. Але, на нашу думку, перш чым перасягнуць нацыянальныя межы і перайсці ў разрад агульначалавечых феноменаў, аўтарскія выслоўі павінны быць "апрацаваны" ў межах нацыянальнай філалогіі і нацыянальнай культуры.

Д.В. Майданюк (Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова)

ЛОГОЭПИСТЕМА КАК ЕДИНИЦА ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ФОНА

Современный этап развития лингвистической науки характеризуется усиленным интересом к языковым единицам, которые могут выражать закрепленный общественной культурной памятью след и отражать действительность в сознании носителей языка в результате постижения ими духовных ценностей отечественной и мировой культур. Предложено несколько терминов для обозначения данного явления: «лингвокультурема» (В.В. Воробьев), «лингвострановедчески ценная единица» (Е.М. Верещагин,

В.Г. Костомаров), «культурно-этнологическая единица» (Л.А. Шейман), «прецедентный текст» (Ю.Н. Караулов).

Одной из наиболее удачных терминологических и методологических находок последних лет можно считать выделение логоэпистемы как существенной категории в парадигме научного знания, функционирующей на уровне языка и культуры. Авторы термина В.Г. Костомаров и Н.Д. Бурвикова понимают под логоэпистемой «разноуровневые лингвострановедчески ценные единицы, которые являются стандартным типом языковой реакции на внешние стимулы» [4; 37]. Речь идет о знании, которое несёт некоторая языковая единица с её скрытой «внутренней формой», индивидуальной культурной историей и собственными связями с национальной культурой.

Появление логоэпистемы как нового термина и понятия вызвало дискуссии лингвистов и методистов. Некоторые считают, что по своей природе логоэпистемы – это общее название таких языковых единиц, как слово, словосочетание, фразеологизм, крылатое выражение и прецедентные тексты, обеспечивающие культурную и страноведческую информацию. Однако авторы этого термина отмечают, что «логоэпистемы несводимы к известным лингвистическим категориям: это не слово или словосочетание, не фразеологизм или клише, не метафора или аллегория и т.д.; это знание, «несомое словом как таковым» – его скрытой внутренней формой, его индивидуальной историей, его собственными связями с культурой» [1; 7].

В статье «Как тексты становятся прецедентными» В.Г. Костомаров и Н.Д. Бурвикова предлагают различать:
– слово – единицу, значение которой является обобщением примеров её употребления;
– логоэпистему – единицу, значение которой есть некая репрезентация какого-то культурно значимого текста [3].

Исследователи отмечают, что реальность таких единиц культурного знания, необходимого для адекватного пользования изучаемым языком, с самого начала интуитивно ощущалась разработчиками лингвострановедческих работ – работ, стремящихся методически осмыслить изучение языка в естественных для него культурных условиях, т.е. соизучение иностранного языка и соответствующей культуры.

За логоэпистемой стоит некоторый когнитивный смысл, некоторое знание, некоторая информация (зачастую оформленные как текст). Логоэпистема есть культурно-ценностный смысл как знак образованности человека. Отметим, что в этом плане лингвокультурема и логоэпистема принципиально расходятся: лингвокультурема представляет собой концентрат этнокультуры в сознании человека, а логоэпистема – концентрат общекультурной грамотности.

Являясь составляющими когнитивной базы носителей языка, логоэпистемы обладают широким ассоциативным потенциалом и делают речь экспрессивной и эмоционально окрашенной [2; 3]. Они усваиваются в процессе социализации и являются средством познания действительности.

Анализ таких единиц авторы считают отдельным направлением науки – лингвоэпистемологией или логоэпистематикой.

В.Г. Костомаров и Н.Д. Бурвикова характеризуют логоэпистему с разных точек зрения. Так, с точки зрения лингвистики логоэпистема обладает следующими признаками:
– имеет словесное выражение, причем может быть выраженной не только в слове, но и в словосочетании, предложении, сверхфразовом единстве;
– характеризуется отнесенностью к конкретному языку;
– является указанием на породивший её текст или ситуацию;
– в процессе коммуникации не создается заново, но возобновляется;
– в процессе коммуникации может видоизменяться в пределах сохранения познаваемости; в этом случае она приобретает текстообразующую силу.

Нужно отметить, что предлагаемые авторами лингвистические характеристики логоэпистемы соответствуют некоторым важнейшим признакам современной парадигмы научного поиска в науке.

Так, во второй характеристике имплицитно содержится разрабатываемое в лингвистике последних десятилетий представление о диалектической взаимосвязи в любом языке типологического и конкретно-языкового. Да и сама логоэпистема, как подчеркивали Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, образуется как результат перехода от конъюнкции (копуляции) идей – их эпистем, которая представляет собой общечеловеческую ментальную структуру, к логоэпистеме, оформляющей эту ментальную структуру средствами конкретного языка.

Третий лингвистический признак логоэпистемы является указанием на референциальный характер логоэпистем. Каждая логоэпистема образует систему потенциальных вхождений в тексты, дискурсы, как и всякая языковая единица языковой системы.

Четвертый и пятый признаки связаны с третьим. В них важно, во-первых, то, что логоэпистема представляет собой некоторую инвариантную структуру (реализующуюся в конкретных вариантах – «в пределах сохранения опознаваемости»), а во-вторых, указание на постоянную воспроизводимость логоэпистем.

Воспроизводимость в языковой системе бывает двух типов:

– воспроизводимость языковой структуры с конкретным наполнением образующих её структурно-функциональных позиций (как в переходе от минимальной схемы предложения к реальному предложению в реальном тексте или дискурсе);

– воспроизводимость различных стереотипных образований – от простейших этикетных формул до дискурсных схем.

Промежуточное положение между этими «полюсами» стереотипности занимают фразеологические образования, идиомы, коллокации, а также устойчивые конструкции, не относящиеся к вышеперечисленным единицам (различные дискурсные маркеры).

Особенность логоэпистем в том, что они соединяют оба типа стереотипности. Представляется возможным говорить даже об уникальности этих образований, поскольку ни одно другое языковое явление не соединяет обе существующие в языке разновидности стереотипности таким образом, когда прослеживается путь от начальной ментальной категории («идеи») до устойчивого стереотипного языкового образования. Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров предлагают называть этот порождающий процесс «грессусом» [1].

С точки зрения культурологии логоэпистема характеризуется:

– наполненностью некоторым знанием культурного характера;

– семиотичностью и символичностью, поскольку является элементом системы знаков и символов, используемых обществом;

– герменевтичностью, так как для её понимания требуется соотнесение с иными текстами как артефактами культуры;

– дидактичностью, так как овладение ею возможно в процессе получения образования в смысле «врастания» в культуру.

Эти признаки логоэпистемы указывают на то, что она является материальным воплощением знаний, мыслей, традиций, обычаев, примет, представлений. Логоэпистема передает особенности национального характера, будучи единственным способом его наивной экспликации.

Таким образом, логоэпистема – это «языковое выражение закрепленного общественной памятью следа отражения действительности в сознании носителей языка в результате постижения (или создания) ими духовных ценностей отечественной и мировой культур» [4; 39].

В.Г. Костомаров и Н.Д. Бурвикова отмечают, что значение логоэпистем освящено социально-исторически и важнейшими источниками, в которых формируется их семантиче-

ская потенция, являются: фольклор и народно-поэтические образы; общеевропейские античные и христианские библейские выражения; тексты фильмов, рекламы, анекдотов, модных фильмов; лозунги, призывы; социально-исторические мифы.

Исследователи называют логоэпистемы символами некоторого стоящего за ними содержания, сигналами, заставляющими вспомнить определенное фоновое знание, опирающееся на некоторый текст, сама же логоэпистема представляется ими эмблемой, сверткой символики текста, единицей описания текста в лингвокультурном аспекте. Однако исследователи подчеркивают, что назвать логоэпистему сверткой текста можно только условно. Любой текст многозначен и по содержанию богаче, шире, чем его свертка, являющаяся словом, словосочетанием, кратким предложением, в лучшем случае небольшим отрывком-цитатой.

Логоэпистемы играют существенную роль в построении коммуникативного акта, в структуризации новых текстов, особенно в публицистике и художественных произведениях, так как они способны сжато, образно, ярко выразить какое-то значение, мнение, причем, не прямо, а отсылая к общему культурному знанию, свойственному данному народу.

Следует заметить, что не все фразеологизмы, крылатые слова и выражения можно назвать источниками логоэпистем, так как они не все знакомы и понятны народу и не все являются языковыми носителями специфики национальной культуры и тем самым выразителями фоновых знаний данного народа.

Литература

1. Верещагин, Е.М. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2002. – 84 с.
2. Канаева, Е.Н. Текстовые функции логоэпистемы (на материале газетных заголовков): Автореф. дис. … канд. филол. наук / Е.Н. Канаева. – М., 2007. – 27 с.
3. Костомаров, В.Г. Как тексты становятся прецедентными / В.Г. Костамаров, Н.Д. Бурвикова // Русский язык за рубежом, 1994. – № 1. – С. 73–76.
4. Костомаров, В.Г. Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века / В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова. – СПб.: Златоуст, 2001. – 72 с.

В.А. Маслова (Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)

НОВЫЕ СЛАВЯНСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ ИЛИ «АНТИПОСЛОВИЦЫ»?

Пословица создается естественным путем, формулируется в выводах из повторяющихся жизненных ситуаций, фактически это актуализация коллективного опыта в конкретной речевой ситуации, сжатая характеристика регулярно воспроизводимых ситуаций. Если слова обобщают признаки предметов, явлений, понятий, то пословицы обобщают признаки повторяющихся однопорядковых ситуаций.

До недавнего времени пословицы рассматривались как произведения малых форм народного устного творчества и изучались фольклористикой, теперь это предмет прагмалингвистики, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики.

С позиции когнитивной лингвистики вместо ситуации используется когнитивный фрейм или когнитивный сценарий, который помогает формированию новых мыслительных схем. Схемы включают в себя также совокупность условий речевого акта, говорящего и адресата, характеристику их отношений, обстановку, в которой осуществляется речевой акт, тему речевого произведения и лингвистическую принадлежность речевого произведения.

Мы живем, сообразуясь со смыслами пословиц, часто не отдавая себе отчета в этом. Так, Игорь Губерман с иронией пишет: «*Послушные пословицам России,/ живя под неусыпным их надзором,/ мы сора из избы не выносили, а тихо отравлялись этим*

сором». И это действительно так, хотя, как считает Б.Ю. Норман [3, с. 313], не всегда следует искать в пословицах особый мудрый смысл. Иногда они создаются просто на созвучии: *Муж и жена – одна сатана.*

В то время как когнитивный анализ их смысла показывает, что во многих пословицах нарушается элементарный здравый смысл: можно переливать из пустого в порожнее, быть не живым и не мертвым и т.д.

Следовательно, пословицами создается собственный мир, который не подчиняется законам формальной логики, у пословиц своя логика, свои когнитивные задачи. С.Е. Лем (польский афорист): «Пословицы противоречат друг другу. В этом-то и заключается народная мудрость». И действительно, окружающий нас мир сложен и противоречив, а пословицы лишь обращают на это наше внимание.

При интерпретации пословиц часто обращают внимание на их архаичность, т.е. отражение устаревшего коллективного опыта. Тогда, может быть, пословицы уйдут из нашего языка?

Думается, что этого не случится по сумме различных причин. Во-первых, потому, что пословица – порождение игровой стихии языка в целом. А игра – одна из первейших потребностей человека. Психологи считают, что игра является прообразом труда, это – первичная деятельность человека, создавшая его самого. Поэтому игра будет интересна человеку всегда: играют боги и дети, животные и актеры, спортивные состязания и карнавалы – это тоже игры, есть азартные игры и священные игрища. В пословицах сочетается языковая игра и игра реальности (*Кому что, а лысому гребень*. *У больного здоровья спрашивать*). В них нарушаются принципы установления отношений между явлениями, отношения одного основания, части и целого, причины и следствия: так, «свое» включает в себя и «твое», а в пословицах – нет: *Сначала пьём твое, а потом каждый свое. Семь пятниц на неделе. Без году неделя. Держать себя в руках.* И это зачем-то нужно человеку. Н.Д. Арутюнова пишет: «Для того, чтобы открыть нерушимые законы мирозданья, человек строит модели альтернативных миров, в корне отличных от реального» [1, с. 141].

Во-вторых, для отдельного человека и этноса в целом важна эстетическая функция пословиц. А.А. Потебня писал: «Язык не есть только известная система приемов познания… Язык есть вместе с тем путь осознания эстетических и нравственных идеалов» [4, с. 78]. Эта сентенция имеет прямое отношение и к пословицам, в которых отражены эстетические взгляды и представления, художественные вкусы и идеалы и т.д.: *Дальше едешь – тише будешь.* Здесь, кроме параллелизма, на эстетическую функцию работает выражение *тише будешь*, которое имеет поверхностный и глубинный смысл.

В-третьих, пословицы рождает наша жизнь, ее позитивный и негативный опыт: *По очкам оправа, по делам слава. Если гора не идет к Магомету, значит, Моисей больше заплатил.*

О новой жизни пословицы, а не просто о бессмертии старой, свидетельствует обилие появившихся словарей, названных почему-то словарями антипословиц [2], В. Белянин и др. Данный термин, являющийся калькой с немецкого, хорош как термин, но не вскрывает сути явления. Если это антипословицы, то они должны вступать в конфронтацию с классическими пословицами, с системой ценностей, представленных в них. Но мы этого не наблюдаем: *Не можешь петь, не пей; Кто спер, тому пер* (удача); *Не порно – не задорно* и др. Факт появления новых пословиц был зафиксирован словарями XX века: *Лучшая рыба – это колбаса; Больше народу – меньше кислороду* и др. Думается, точнее было бы назвать их новыми пословицами рубежа тысячелетий, потому что они отвечают основным признакам, выделенным при анализе классических пословиц: устойчивость и воспроизводимость, наличие образного плана, высокая степень

обобщенности значения, в котором актуализируется накопленный опыт, особенности синтаксической структуры – форма предложения и др.

Сам факт их появления и достаточно широкого распространения доказывает: они нужны языку и человеку.

Сейчас активно проходит процесс либерализации языка: в 90-х годах прошлого века на смену правильной и чистой речи пришел раскрепощенный, свободный язык, который Т. Шкапенко и Ф. Хюбнер назвали "карнавалом вербальной свободы". СМИ освободились от цензуры и подхватили новшества, тем самым помогли сформировать "языковой вкус эпохи" (по В.Г. Костомарову), помогли внедрить в широкие слои населения различные нововведения: *Держи себя в руках, пока ноги не держат*. На формирование пословиц оказал влияние также язык рекламы, уровень политической риторики и др. факторы. Так рекламный слоган о колготках превратился в пословицу: *От Парижа до Находки с водкой лучше, чем без водки*. Появилось несколько ее вариантов.

Но в современной культуре не только появились новые, но получили распространение старые прецедентные пословицы, которые трансформируются к новым условиям:

Любишь кататься – люби и катайся!

Любишь кататься – так катись к чертовой матери!

Любишь кататься – люби и самочек возить!

Более того, часто в новых происходит контаминация нескольких старых: *Любишь кататься – имей сто рублей! Баба с воза – семеро одного не ждут! Голод не тетка – в лес не убежит!*

Такие пословицы вторичны, при их восприятии неизменно в сознании носителя языка просматривается пословица-источник.

Б. Норман писал, что «пословицы структурно незыблемы и неприкосновенны» [3, с. 313], с чем нельзя согласиться. В современных пословицах происходят самые различные трансформации классических: по созвучию*: Каждой твари – по харе! Обещанного три года ждут!* По игре словами: *Не йоги горшки обжигают!* По противопоставлению игрового / серьёзного: *Играть играй, да дело знай.* По замене одного или нескольких компонентов: *Еще не старость, но уже и не радость* и т.д.

По семантике и тематике – это тоже самые разные типы: шутливые дефиниции: *Возраст – это когда стоимость свечей превышает стоимость торта;* шутливые сентенции: *Чтобы узнать себе цену, нужно продаться;* трансформирование прецедентных высказываний, афоризмов: *Трое в лодке, не стесняясь собаки; Пока красота спасет мир, красотки его погубят; Культура, как бутерброд, падает вниз интеллигенцией.*

При этом по своей структуре и семантике новые пословицы довольно близки классическим: *Кто быстро гонит, того медленно несут*. Их смысловой эффект рождается в результате особого стяжения синтаксической и лексической формы, призванного закрепить некое содержание: *А лез такой загадочный, а слез такой задумчивый*. В них преобладают краткие предложения на фоне сочетания неопределенно-личных форм и глагола в настоящем времени или повелительном наклонении; параллелизм; аллитерация, ассонанс, рифма и иные звуковые механизмы, делающие высказывание ритмическим и сжатым.

Все эти приемы помогают обобщить утверждение, поднять его до пословицы, то есть превратить в эквивалент практически бесконечного числа ситуаций. Сочетание нескольких таких приемов становится для слушателя сигналом, фиксирующим нечто вроде дискурсивной изотопии. Можно говорить о «пословичном стиле», существующем как бы вне времени. Причины широкого распространения новых пословиц в том, что с их помощью наша психика защищает себя от того гротескного и алогичного времени, которое мы переживаем. Современная пословица, назвав всю «дурь» человеческую своими именами, рождает из хаоса смысл. Иначе бы психика не выдержала.

Литература

1. Арутюнова, Н.Д. Ненормативные явления и язык / Н.Д.Арутюнова // Язык и логическая теория. – М., 1987. – С.140-152.
2. Вальтер, Х. Антипословицы русского народа / Х.Вальтер, В.М.Мокиенко. – СПб., 2005.
3. Норман, Б.Ю. Почему антипословицы – «анти»? / Б.Ю. Норман // Slowo. Tekst. Czas X. Szczecin – Greifswald, 2010. – С.308-316.
4. Потебня, А.А. Эстетика и поэтика / А.А. Потебня. – М., 1976.

С.В. Николаенко (Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА ВИТЕБЩИНЫ

Предметом лингвокультурологии, наряду с концептами и метафорой, являются **образы.** Образ – это важнейшая языковая сущность, в которой содержится основная информация о связи слова с культурой. Традиционно под образностью понимается способность языковых единиц создавать наглядно-чувственные представления о предметах и явлениях действительности.

Современное состояние научной мысли по разному трактует понятие «образ», а в научной литературе представлены различные взгляды на это сложное явление. Зачастую между понятиями «образ» и «имидж» ставится знак равенства. Так, В.А. Адилов полагает, что имидж это, прежде всего, моделируемый образ [1]. В.М. Шепель приходит к выводу о том, что имидж часто выступает как образ, наделённый определенными характеристиками [11]. А.П. Панкрухин определяет имидж как «сформированный в психике людей образ объекта, к которому возникает оценочное отношение» [5]. Как видно из определений авторов, понятия «образ» и «имидж» практически не разграничиваются, а слово «образ несет объяснительное значение определения имиджа» и никогда наоборот [4]. Существует и другая точка зрения, согласно которой понятия имидж и образ имеют достаточно значимые отличия, и при всей их внешней близости разделяются. В.В. Печаткин и И.С. Фархутдинов в работе по изучению имиджа региона расширяют трактовку понятия «имидж» и не сводят его определение к образу [6]. Т.Э. Гринберг рассматривает имидж как «рабочий конструкт в формировании необходимого образа», а под образом понимает «отраженные в сознании участников коммуникации с разной степенью адекватности фрагменты реальности» [3].

В последнее время наряду с понятиями образ и имидж активно используется понятие «бренд». Ю.В. Быба подчеркивает, что, несмотря на то, что эти понятия являются однопорядковыми, каждое из них имеет свои особенности. Под образом страны понимается «произвольно сформировавшееся представление» о ней, имидж страны – это «отражение реального образа», бренд страны «имеет повсеместную известность и устойчивую фиксацию в массовом сознании» [2]. В своей работе по имиджеологии и маркетингу территорий А.П. Панкрухин разграничивает совсем близкие по значению понятия «имидж» и «бренд» страны [5]. Автор считает, что имидж – это комплексное образование, существующее в психике реципиента и включающее в себя семиотическую, когнитивную, образную и эмоциональную составляющие. Имидж может быть «неустойчивым, противоречивым и даже сугубо негативным» [5]. Бренд страны, напротив, характеризуется «наличием устойчивых положительных эмоциональных связей» с целевой аудиторией – потенциальными туристами [5: 5]. Таким образом, бренд страны (региона) является наиболее значимым по отношению к имиджу, поскольку в отличие от имиджа, бренд всегда намеренно создается с целью привлечения потенциальных туристов, у бренда может быть несколько имиджей, причем только положительных.

Поскольку, на наш взгляд, отличия в интерпретации и определении имиджа, образа и бренда являются незначительными, мы считаем целесообразным оперировать

понятием «образ», как наиболее часто употребляемым, общепринятым многими авторами и наиболее полно разработанным в лингвистике.

Образность – это реальное свойство языковых единиц, проявляющееся в способности вызывать в нашем сознании «картинки». Существуют также мыслеобразы, т.е. обобщенные и абстрагированные представления, которые продолжают оставаться картинкой. Образ метафоры, фразеологизма “считывается” не по словарному толкованию, не по раскодированному их значению, а по их внутренней форме (ВФ). Внутреняя форма это, по словам И. Бродского, след, оставленный взглядом на вещи.

Образ региона может быть рассмотрен как комплексная ментальная структура. Представления о регионе могут быть основаны, с одной стороны, на его объективных характеристиках, включая его народ, культуру, менталитет, традиции, а также исторические особенности развития, политические, географические и др. параметры, с другой стороны, образ может создаваться намеренно с помощью СМИ и лингвокультурологических словарей, которые должны использоваться туристическими фирмами. Существующий словарь «Культурное пространство Витебщины» включает в себя персоналии наиболее известных на Витебщине людей, знаковые природные объекты (река Двина, озеро Белое, Березенский заповедник), образцы материальной культуры (города региона, музеи, памятники архитектуры, культовая архитектура, скульптура, парково-усадебная архитектура и др.). Однако наиболее значимы для построения образа данного региона духовная культура – литература, музыка, фольклорное и обрядовое творчество, обычаи, заговоры, приметы, предания, легенды и т.п.

Без этой информации невозможно сформировать положительный образ региона, привлечь в него туристов, сделать его привлекательным для иностранцев.

Литература

1. Адилов, В.А. Казахстан: Подходы к формированию и разработке имиджа страны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ia-centr.ru/expert/909/#_edn2. – Дата доступа: 12.09.2013.
2. Быба, Ю.В. Имидж современного Российского государства: состояние и перспективы формирования: автореф. дис. канд. … полит. наук: 23.00.02 / Ю.В. Быба; ФГОУ ВПО «РАГСпПРФ». – Москва, 2008. – 28 с.
3. Гринберг, Т.Э. Образ страны или имидж государства: поиск конструктивной модели [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mediascope.ru/node/252. – Дата доступа: 18.08.2013.
4. Лозовский, Ю.Г. Языковые средства создания имиджа известной личности: на материале СМИ Приморского края: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Ю.Г. Лоховский; ГОУ ВПО «ДГУ». – Владивосток, 2009. – 200 с.
5. Панкрухин, А.П. Территориальный маркетинг // Маркетинг в России и за рубежом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.koism.rags.ru/publ/articles/01.php. – Дата доступа:12.10.2011.
6. Печаткин, В.В. Фархутдинов, И.С. Имидж региона как важнейший конкурентный ресурс для повышения эффективности межрегиональных взаимодействий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://isei.communityhost.ru/thread/?thread__mid=125119515. – Дата доступа: 18.12.2008.
7. Рогозина, И.В.. Медиа-картина мира: когнитивно-семиотический аспект: дис. … д-ра филол. наук / И.В. Рогозина; ФГОУ ВПО «АГУ». – Барнаул, 2003. – 430 с.
8. Таранова, Ю. В. Туристический имидж страны // Имидж государства / региона: современные подходы: новые идеи в теории и практике коммуникации: сб. науч. трудов. Вып. 3 / отв. ред. Д. П. Гавра. – СПб.: Роза мира, 2009. – С. 235 – 241.
9. Филология и человек: журнал. – 2001. – Вып. 3.
10. Чернявская, В.Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учеб. пособие / В.Е. Чернявская. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 248 с.
11. Шепель, В.М. Имиджелогия. Как нравиться людям [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.victoria.lviv.ua/html/interesno/image.html. – Дата доступа: 03.09.2013.

Е.И. Романовская (Белорусский государственный университет культуры и искусств)

ЗЛО В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ БЕЛОРУСОВ

(по данным ассоциативного эксперимента)

Концепт *зло* представляет собой мегаконцепт. Он присутствует в сознании всех народов и относится к универсальным концептам-регулятивам, которые содержат оценочный кодекс той или иной лингвокультуры [1].

В нашей статье мы поставили задачу сравнить словарную дефиницию зла с современной языковой концептуализацией белорусов, выявить коннотации концепта *зло*.

В качестве основного метода исследования языкового сознания нами был принят свободный ассоциативный эксперимент. Каждому испытуемому предлагалось отреагировать первым пришедшим на ум словом или словосочетанием. Теоретические основы эксперимента базируются на положениях об образе языкового сознания, разработанных Е.Ф. Тарасовым, Н.В. Уфимцевой [2, 3].

Испытуемым предлагалось записать 3-5 первых пришедших им в голову реакций (слов, словосочетаний) на слово-стимул *зло*. При обработке результатов эксперимента учитывались наиболее частотные ассоциации. В эксперименте участвовали 600 испытуемых: 100 студентов V курса факультета русской филологии УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка», 100 студентов I курса факультета информационно-документных коммуникаций УО «Белорусский государственный университет культуры и искусств», 100 студентов I курса химического и физико-математического факультетов УО «Белорусский государственный университет», 100 учащихся 1-х классов СШ № 1, СШ № 10 г. Слуцка, 100 медсестёр и врачей городской поликлиники № 32 г. Минска, 100 учителей СШ № 160, СШ № 165 г. Минска.

У большей части респондентов *зло* ассоциируется с абстрактными понятиями, такими как *ненависть* (118); *зависть* (100); *предательство* (88); *война* (77); *обман* (57); *болезнь* (48); *ложь* (42)*; измена* (41); *смерть* (34); *страх* (29); *жестокость* (26); *враг, грубость* (25); *тьма* (24); *эгоизм* (19); *боль* (17); *убийство, холод* (16); *насилие, подлость* (15); *месть, плохой* (14). Самая частотная реакция большинства опрошенных респондентов – *ненависть* (отрицательные эмоции).

Обратимся к ассоциациям по возрасту. Для белорусских детей *зло* – это *война* (17); *убивать* (12); *плохой* (11); *вор*, *ругаются* (10); *ссоры* (9); *пожар* (7); *Баба Яга*, *стрелять* (6); *враг*, *драка*, *обижаться*, *обман*, *смерть*, *украсть деньги* (5); *биться*, *бой*, *болезнь*, *бьют*, *грубость*, *драться*, *забрал*, *злиться*, *злой*, *кричать*, *ломаться*, *намусорить на пол*, *обзываться*, *обманывать, порвать книгу*, *рвать*, *толкнуть*, *ударить*, *холод* (3).

Среди антиценностей у младших школьников на первом месте стоит *война*. *Зло* у детей связано с разрушением, насилием (*война*, *бой*, *ссоры*, *драка*); действиями, направленными на конфликт (*убивать*, *биться*, *бьют*, *ломаться*, *рвать*, *стрелять*, *ударить*, *толкнуть*, *ругаются*, *кричать*); с поступками, являющимися отклонением от нормы (*намусорить на пол*, *обманывать*, *украсть деньги*). *Зло* соотносится с состоянием природы (*холод*); со стихией (*пожар*); с людьми, нарушающими нормы поведения (*вор*, *враг*); с отрицательными сказочными персонажами (*Баба Яга*). Единичные реакции выявили, что дети представляют зло в образе животного и птицы (*волк*, *вороны*, *злая собака*, *змея*, *кошка*, *крысы*, *летучая мышь*, *медведи*, *сова*, *филин* (1)).

Ассоциативный эксперимент, проведённый нами среди белорусских студентов, показал, что молодёжь представляет *зло* как *ненависть* (79); *зависть* (55); *предательство* (50); *война* (36); *ложь* (30); *обман* (29); *жестокость, страх* (22); *смерть* (20); *враг*, *тьма* (19); *грубость* (18); *эгоизм* (17); *боль*, *гнев*, *подлость* (12); *корысть*, *месть*, *ужас* (11); *болезнь*, *жадность* (10); *горе*, *дьявол*, *коварство*, *ночь*, *плохое*, *убийство*,

убийца (9); *алчность*, *злость*, *одиночество*, *слёзы*, *чёрный цвет* (8); *вражда*, *глупость*, *лицемерие*, *наркотики*, *насилие*, *обида*, *печаль*, *равнодушие*, *тёмное*, *холод* (7).

Зло у студентов, как и у младших школьников, связано со всем враждебным (*война*, *убийство*); с людьми, нарушающими нормы поведения (*вор*, *враг*), с состоянием природы (*тьма*, *холод*). Единичные реакции студентов и детей показали, что *зло – Баба Яга*, *Змей Горыныч*, *змея*, *Кощей Бессмертный*, у студентов *зло* – люди и персонажи, связанные с колдовством (*Саурон*, *Дима Колдун*); природные явления и стихийные бедствия (*гроза*, *гром*, *огонь*, *пожар*, *смерч*). У студентов и детей представления о зле как материальных предметах, людях единичны (студенты: *зло – богатство*, *водка*, *грязь*, *деньги* (3); *люди*, *маньяк* (3); *нелюди* (2); дети: *зло – брат*, *дедушка*, *дом*, *драчун*, *дядя*, *злая собака*, *злой папа*, *тётя Света* (1)).

Несмотря на сходство ассоциаций студентов и школьников, можно обнаружить отличия. Если у студентов на первом месте находятся отрицательные эмоции – *ненависть*, *зависть*, то у детей наиболее частотные реакции на стимул *зло* – разрушительный поступок. В единичных ответах студентов присутствует много слов, попадающих в семантическое поле *наука* (*дифференциальные уравнения*, *знания*, *контрольная работа*, *наука*, *непоставленный зачёт, физика, химия*, *ум, экзамены* (1)).

Для учителей *зло – предательство* (21); *измена* (18); *война*, *ненависть*, *обман* (17); *зависть* (13); *ложь* (10); *смерть* (7); *тьма*, *холод* (5); *безденежье*, *боль*, *воровство*, *насилие*, *нищета* (4); *лицемерие*, *неприятность*, *пьянство*, *разлука*, *страх*, *трусость*, *убийство*, *чёрное* (3). Для врачей *зло – болезнь* (33); *зависть* (32); *ненависть* (21); *измена, предательство* (17); *деньги* (9); *хамство* (8); *война* (7); *воровство*, *обман* (6); *плохое настроение* (5); *насилие*, *пьянство* (4); *агрессия*, *грубость*, *клевета*, *неуважение*, *нечестные люди*, *одиночество* (3). Для учителей и врачей *зло* связано с антиценностями (*война*, *воровство*, *зависть*, *ложь*, *ненависть*, *обман*, *предательство*, *смерть*); с состоянием природы (*тьма*, *холод*). Сходство данных ассоциативного эксперимента учителей, врачей, студентов, младших школьников позволяет сделать вывод о том, что представления о зле универсальны.

Но профессиональная деятельность оказывает влияние на концептуализацию зла. Учителя на первое место среди антиценностей ставят *измену*, *предательство*, врачи – *болезнь*. К злу медики относят *пьянство*. У учителей и медиков ассоциации *зло как материальный предмет*, *поступки*, *люди* единичны (для учителей – *маленькая зарплата*, *плохие поступки* (1); для медиков – *деньги* (9); *нечестные люди* (3); *бедность*, *безденежье*, *плохой начальник* (2); *мало денег*, *машины*, *злые люди*, *плохой любовник*, *плохой сосед* (1)). Стоит отметить, что в реакциях медиков на стимул *зло* проявилась связь с оппозицией *богатство – бедность*.

Сравним словарную дефиницию концепта *зло* с данными ассоциативного эксперимента.

Словарная дефиниция зла	Общие данные проведённого ассоциативного эксперимента
1) Всё плохое, вредное, противоположное добру; 2) Беда, несчастье, неприятность; 3) разг. Злость [4; 243]	1) Отрицательные эмоции (ненависть(118); зависть (100); страх (29)); 2) Всё плохое, дурное, вредное (предательство (88); война (77); обман (57); болезнь (48); ложь (42), измена (41)); 3) Беда, горе (горе (12); беда (9)); 4) Действия, связанные с разрушением (убивать (12); ругаются (11); стрелять (6)).

Данные проведённого ассоциативного эксперимента подтвердили, что *зло* – это универсальный (общечеловеческий) концепт. Он связан с такими антиценностями, как ненависть, зависть, предательство, болезнь, обман, ложь, страх, смерть, грубость, жестокость, измена, эгоизм. Возраст и профессия людей влияют на концептуализацию зла.

Как видим, в словарной дефиниции и в современной языковой концептуализации *зло* выступает как нечто абстрактное, однако по сравнению со словарной дефиницией в современной языковой картине мира на первом месте идут отрицательные эмоции. Кроме того, коннотации концепта *зло* значительно объёмнее, чем словарная дефиниция. *Зло* – это не только абстрактное понятие, но и поступки, материальные предметы, люди, мифологический персонаж.

Представления о зле связаны с возрастом и отношением к какому-либо социуму. В мировидении детей и студентов ярче всего сохранились представление о зле. *Зло* – отрицательный мифологический образ (*Баба Яга*, *Кощей Бессмертный*). В детском восприятии ярче отражёно *зло – животное* (оно *летает*, *ползает*), агрессивные *поступки*, направленные на разрушение (*биться*, *рвать*, *стрелять*, *убивать*), у студентов – *наука*, *учение*, у врачей – *болезнь*, *пьянство*.

Таким образом, данные свободного ассоциативного эксперимента показали, что концепт *зло* универсальный концепт. В современной языковой концептуализации *зла* присутствует образная составляющая, однако коннотации данного концепта в зависимости от возраста и профессии несколько отличаются.

Литература

1. Карасик, В.И. Разновидности лингвокультурных концептов // Иная ментальность / В.И. Карасик, О.Г.Прохвачёва, Я.В.Зубкова. – М.: Гнозис, 2005. – С. 33 - 44.
2. Ахутина, Т.В. Экспериментальные методики изучения речевого мышления // Исследование речевого мышления в психолингвистике / Т.В. Ахутина, И.Н. Горелов, А.А. Залевская; отв. ред. Е.Ф. Тарасов. – М.: Наука, 1985. – С. 203-224.
3. Уфимцева, Н. В. Культура и проблема заимствования // Встречи этнических культур в зеркале языка: (в сопоставительном лингвокультурном аспекте). – М.: Наука, 2002. – С. 152-170.
4. Суднік, М.Р. Зло // Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / пад рэд. М.Р. Судніка. – Мінск : Бел. энцыкл. імя П. Броўкі, 1996. – С. 243.

А.Л. Садоўская, Г.П. Латушка (Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт)

ДА РАЗУМЕННЯ КАНЦЭПТУ *“ГОСЦЬ”* У БЕЛАРУСКАЙ ЭТНАКУЛЬТУРНАЙ ПРАСТОРЫ

Галоўнае ў нашым характары – гасціннасць добрага да добрых.
У. Караткевіч

Адной з дамінантных рыс беларускага нацыянальнага характару традыцыйна лічыцца гасціннасць. Аднак гэта сапраўды канцэптуальнае для беларускай этнакультуры паняцце з’яўляецца на сённяшні дзень недастаткова даследаваным, чым і абумоўлены прадстаўлены даклад. Канцэпт разумеецца намі, услед за Б.Ю. Норманам, як вербалізаваны ў свядомасці згустак культуры, у структуру якога ўключаюцца наступныя базавыя кампаненты: паняційная база (інтэлектуальная частка), па азначэнні некаторых іншых вучоных – інфармацыйны змест; пачуццёва-эмпірычная інфармацыя (так званы вобразны кампанент); культурныя традыцыі, уласцівыя дадзенаму соцыуму, у тым ліку і фальклорна-літаратурны фон, і, урэшце, ацэнкава-аксіялагічны кампанент (ацэнкавы вопыт па лініі “добра – дрэнна”), які ўключаецца іншымі даследчыкамі ў інтэрпрэтацыйнае поле канцэпту. Адразу папярэдзім, што праведзенае даследаванне не прэтэнтуе на цэласнае апісанне абранага для аналізу канцэпту, але дае некаторыя

штрыхі да яго разумення ў беларускай этнакультурнай прасторы, на што звернута ўвага і ў назве прапанаванай працы.

Лексічная адзінка *госць* зафіксавана ва ўсіх славянскіх мовах, некаторых раманагерманскіх і мовах іншых сем'яў. Аднак готскае *gasts* мае значэнне 'чужы, чужаземец', лацінскае *hostis* – 'чужы, госць, чужаземец, вораг' [10; 103]. Сема 'нядобры, вораг', зафіксаваная ў іншых нацыянальных мовах, у беларускай лексеме ўзнікае толькі ў фразеалагічным кантэксце, ды і то імпліцытна: *Нядобрыя госці – аставілі мёртвых ды косці* або *Не сабраць касцей пасля гасцей*. У тлумачальным слоўніку беларускай мовы семантыка лексемы *госць* падаецца наступным чынам: 1. Чалавек, запрошаны сваімі блізкімі ці знаёмымі на якую-небудзь урачыстасць, частаванне. 2. Чалавек, які наведаў каго-небудзь выпадкам ці з пэўнай мэтай. 3. Асоба, афіцыйна запрошаная на якое-небудзь паседжанне, канферэнцыю, урачыстасць. 4. (гіст.) Іншаземны купец [9; 123].

У міфалогіі рэалія *госць* у большай ступені мае адмоўную канатацыю: часцей за ўсё ў беларускай традыцыі *госцем* называюць памерлага [1; 72]. У фальклорных творах госць знаходзіцца на сумежжы некалькіх сусветаў. Гасцінец, які ён прыносіць з сабою, і ёсць сувяззю бінарных апазіцый "свой – чужы", "той свет – гэты". Так, парэмія *Госць мілы, і хлеба шкода*, акрамя свайго звыклага значэння, мае яшчэ і іншы сэнс: так кажуць пра мерцвяка, з якім не трэба марудзіць. У госці прымаюць *дзядоў*, душы памерлых продкаў [1; 72]. У народнай прозе беларусаў утрымліваецца немалая колькасць апавяданняў пра *гасцей з таго свету* [гл. напрыклад: 4]. Сувязь госця з іншасветам пацвярджаецца і народным соннікам: гасцей бачыць у сне – мярцвяк будзе ў двары [2; 24]. Іншыя тлумачэнні такога сну таксама адмоўныя: злодзеі абкрадуць, сварка, выдаткі, дасада [2; 22–25]. Гэта гаворыць пра тое, што стаўленне ў беларусаў да госця было насцярожаным, бо невядома, хто ён, таму лепш было не гнявіць госця.

Калі гаварыць пра культурныя традыцыі, звязаныя з гасцяваннем на Беларусі, то не варта забывацца на тое, што перад сялянамі, якія складалі пераважную большасць насельніцтва Беларусі, пытанне арганізацыі вольнага часу, неад'емным скаднікам якога было і гасцяванне, амаль не паўставала, бо гэтага часу проста не было: дарослыя члены сялянскай сям'і працавалі ад зары да зары, вольнымі ў лепшым выпадку заставаліся толькі нядзелі. Тады сяляне па вечарах збіраліся ў карчме, танцавалі пад гукі скрыпкі, дуды або цымбал, пілі гарэлку і піва. "Аднак і ў прыгоннага селяніна былі свае светлыя дні. Сумесна, усёй вёскай адзначалі хрэсьбіны і вяселлі. Святкавалі святы – традыцыйныя і хрысціянскія. Нягледзячы на забарону царкоўнікаў, збіраліся на Купалле. ‹...› На дажынках цешыліся працай сваіх рук. На Каляды і Вялікдзень хадзілі з песнямі і «казой» ад хаты да хаты, наладжвалі цэлыя прадстаўленні. Уся вёска дружна збіралася, калі ў карчму прыходзілі скамарохі, мядзведнікі, сляпыя лірнікі. А ў зімовыя вечары праводзілі «папрадушкі»" [7; 199–200].

Куды больш вольнага часу было ў шляхты і асабліва магнатаў, якія траціліся якраз на гасцяванне, баляванне і паляванне. Таму ў шляхецкай Рэчы Паспалітай існаваў своеасаблівы культ госця: *Госць у дом – Бог у дом; Пайшлі, Бог, гасцей часцей; Госць у дом – Бог у дом; Дзе госць, там і Бог ёсць; Пашлі, Бог, гасцей – і хазяін будзе святей; Паздароў, божа, гасцей, каб ездзілі часцей; Госць на парог – радасць у хату*. "У шляхціца ... «ледзь сэрца не выскоквала з радасці», калі ён бачыў пыл на дарозе. Гасцей чакалі, сілай заварочвалі ў дом, віталі доўгімі прамовамі, а потым днямі не адпускалі – здымалі і хавалі колы, спойвалі фурмана" [7; 200]. Відаць, менавіта такія сітуацыі засведчыла прыказка *Так у госці звалі, аж рукавы адарвалі*.

Праўда, некаторыя падарожнікі злоўжывалі звычаямі. Гэта пра іх тады склалі прымаўкі: *Госць не ў пару горш татарына; Госць і рыба на трэці дзень смярдзяць (псуюцца); Госць першы дзень – золата, другі дзень – срэбра, трэці – медзь і дамоў едзь.* Рахманым беларусам, відавочна, была не ў радасць сітуацыя *"не ў час, не ў раз*

госці”. Называлі іх па-рознаму: нязваны (*Нязваны госць горш ваўка*); няпрошаны (*Няпрошанага госця за парог выводзяць*); лішні (*Госці за стол, а лішні хоць і пад стол*); нялюбы (*Нялюбаму госцю лыжкі няма*); нямілы (*Не міл госць, не міл і гасцінец*); не ў пору госць (*Госць не ў пору – горш ворага*); госць, які сам прыходзіць (*Хто сам прыходзіць, таго не надта просяць*). Адмоўна беларус таксама ставіцца і да апошняга госця, які спазняецца: *Хто сераду – таму мёду чэрап, хто ззаду – жабу; Хто позна прыязжае, той косці агрызае*. Няўчасны госць задаваў гаспадарам нямала клопату*: Быў квас – не было вас, засталіся квасіны – вас чэрці ўзнасілі*; *Быў кус, да гасця не было, прыйшоў госць – куса няма*. Таму госцю раілі выбраць правільны дзень і час для візіту *(Добрыя госці, ды ў сераду завіталі*; *І любаму госцю пятніца бывае)*, што ўлічвалася далёка не заўсёды.

Як засведчыў у сваім эсэ “Як жылі нашы продкі ў XVIII стагоддзі”, заснаваным на мемуарнай літаратуры адпаведнага перыяду, А.В. Мальдзіс, “асабліва нахабна паводзілі сябе госці ў час «карнавала» – ад Каляд да Вялікага посту. Перад запустамі (Масленіцай) шляхта наладжвала так званыя кулігі. ‹...› Яны выглядалі прыкладна так: два або тры суседы дамаўляліся паміж сабой, бралі з сабой жонак, дачок, сыноў, слуг – усіх дарослых, што былі ў доме, пакідалі ў ім толькі малых дзяцей пад наглядам якіх двух чалавек, мужчыны і жанчыны. Самі ж ‹...› кіраваліся да бліжэйшага суседа, які ані прасіў іх, ані папярэджваўся (бо мог скрыцца ці з’ехаць з хаты). Там, застаўшы яго знячэўку, загадвалі даваць ім піць, есці, коням і людзям, без ніякай цырымоніі – як салдаты ў час збору падаткаў. Да таго часу ў яго дэбашырылі, пакуль не апаражнілі склеп, камору, свіран. Калі ж ужо выелі і выпілі ўсё, што было, бралі таго небараку з сабой з цэлай яго сям’ёй і цягнуліся да іншага суседа, якому рабілі такое ж спусташэнне, затым ехалі далей, пакуль не даходзіла чарга да тых, хто пачаў куліг” [7; 200–201]. Магчыма, яшчэ з тых часоў пайшлі выразы кшталту: *Сёння тут, а заўтра ў другі кут*; *Спасіба гэтаму дому, пойдзем к другому; Ліхая сіла гасцей узнасіла; Госць на двор, і бяда на двор; Бясстыднага госця півам не выгнаць; Пусці суседа ў хату, то сам выбірайся з хаты; Хто мае суседку ў хату пусціць, то няхай лепей борану на том месцы паставіць*, апошнія з якіх засведчылі негатыўнае стаўленне да гасцяванння суседзяў праз іх нахабства і надакучлівасць. Але ж суседзі ў цяжкія часы дапамагалі адзін аднаму, дзяліліся апошнім, таму бачым і іншую ідыёму: *Бліжняга суседа пасадзі ўпярод усіх*. Пра бясстыднага госця казалі таксама: *Горла, як прорва, праглынець, што ў рот пападзець*; яму ж іранічна нагадвалі, што *з адным брухам на два абеды не паспееш*.

У шэрагу беларускіх устойлівых выразаў падкрэсліваецца, што сітуацыя гасцявання дадае, бясспрэчна, гаспадару клопату: *Які госць, а ўсё суяты досць; Без гасцей нам прасцей*, таму пэўныя моўныя адзінкі засведчылі сітуацыі, калі гаспадар, запрасіўшы гасцей, сыходзіў здому: *Прыхадзі ў госці, кума, калі мяне дома няма*; *Мы да варот, а ён цераз плот*; *Гасцей назваў, а сам да суседа ўцёк.* Такія свае паводзіны ён тлумачыць наступным чынам*: На прошанага госця многа трэб; Любы госць здалёк харош.*

Вялікі пласт парэмій складаюць адзінкі, якія прызваныя рэгламентаваць паводзіны запрошаных у госці. Так, трэба быць рахманым і не “лезці на ражон”, хоць і не адмаўляцца ад прапанаванага: *Дзе ядуць, туды ідзі, а дзе дзяруцца, адтуль ухадзі*. Трэба выбіраць час, калі наведванне будзе дарэчным: *У вялікім посце не хадзі ў госці, бо нечым частаваць*. Нельга адразу напрошвацца на пачастунак: *Не пастаяўшы ля парога, не сядзеш за сталом*. Трэба прыносіць з сабой гасцінец, але памятаць, што *Гасцінца назад не бяруць*. З павагай госць мусіць паставіцца да гасціннасці гаспадара: *Чужога абеда не лянісь дажыдаць*. Падчас сталавання раілі наступнае: *У гасцінах за яду астатні прымайся, а першы перастаўвай; Калі цябе частуюць, еш, хоць трэсні, але ў кішэню не кладзі*. Варта быць удзячным гаспадарам, але не празмерна ліслівым: *Калі да цябе не п’юць, не кажы дзякуй* або *Не кажы дзякуй, калі цябе не частуюць.* Не трэба дакучаць гаспадарам: *Дзе любяць, не ўчашчай, дзе не любяць,*

не бывай. Зрэшты, варта прытрымлівацца галоўнага правіла – *Будзьце, як дома, але не забывайцеся, што ў гасцях.*

Нават прапанаваны матэрыял паказвае на тое, што традыцыі гасцявання займаюць важнае месца ў беларускай этнакультурнай прасторы. Цікавымі ў гэтым плане будуць і народныя прыкметы – знакі, якія папярэджвалі гаспадара пра мажлівы прыход госця: *Кошка мыецца – гасцей кажыць*; *Кот мурлыча – гасцей кліча*; *У гаршку вада калышацца – госці будуць*; *З рук што падае – госць спяшыць*; *Нос свярбіць – гасціны чуе* і інш.

Што датычыць асноўнага прынцыпу беларускай гасціннасці, то, мы мяркуем, ён як нельга лепш перададзены ў выслоўі У. Караткевіча, прыведзеным намі ў пачатку працы ў якасці эпіграфа і своеасаблівага тэзіса, які атрымаў разгорнутую аргументацыю падчас аналізу моўных і культурных фактаў, – гэта *"гасціннасць добрага да добрых"*. Беларусы, безумоўна, вызначаюцца гасціннасцю, маюць трывалыя культурныя традыцыі ў гэтым напрамку, у тым ліку выразны этыкет гасціннасці і багаты застольны рытуал, аднак яны выразна негатыўна ставяцца да *няпрошаных, нямілых, нялюбых, няўчасных* і *бясстыдных* гасцей, якія злоўжываюць звычаямі і гасціннасцю гаспадара. Такім чынам, беларуская гасціннасць грунтуецца на разумным падыходзе і справядлівасці (*Любіў гасцяваць, любі і прымаць*) і паважлівым стаўленні да агульных маральных каштоўнасцей (*Дзякуй таму, хто хлебам корміць, а больш таму, хто хлеб-соль помніць*). Таму казаць пра бездакорную альтруістычную гасціннасць беларуса, яго бязмежную рахманасць і памяркоўнасць будзе немэтазгодным, што і паказала вышэй праведзенае даследаванне.

Літаратура

1. Беларуская міфалогія : энцыклапедычны слоўнік / С. Санько, Т. Валодзіна, У. Васілевіч [і інш.]. – Мінск : Беларусь, 2004. – 592 с.
2. Беларускі народны соннік / укл. і прадм. У. Васілевіча. – Мінск : Выд. цэнтр "Бацькаўшчына", 1995. – 127 с.
3. Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / склад. Ф. М. Янкоўскі. — 3-е выд., дап. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – 491 с.
4. Госці з таго свету // Полацкі этнаграфічны зборнік / уклад., прадм. і паказ. У. А. Лобача. – Вып. 2: Народная проза беларусаў Падзвіння. У 2 ч. Ч. 2. – Наваполацк : ПДУ, 2011. – С. 218 – 227.
5. Касько, У. К. Палескі дзівасіл : Бел. нар. прыказкі, прымаўкі, выслоўі : са скарбніцы А. К. Сержпутоўскага / У. К. Касько. — Мінск : Вышэйшая школа, 2005. – 383 с.
6. Лепешаў, І. Я. Слоўнік беларускіх прыказак / І. Я. Лепешаў, М. А. Якалцэвіч. – Мінск : Беларуская навука, 2002. – 511 с.
7. Мальдзіс, А. В. Як жылі нашы продкі ў XVIII стагоддзі : эсэ; Восень пасярод вясны : аповесць, сатканая з гістарычных матэрыялаў і мясцовых паданняў / Адам Мальдзіс. – Мінск : Маст. літ., 2009. – 479 с.
8. Прыказкі і прымаўкі : у 2 кн. / пад рэд. А. С. Фядосіка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976. – Кн. 1. – 559 с.; Кн. 2. – 620 с.
9. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / пад агульн. рэд. К. К. Атраховіча. – Мінск : Беларуская Савецкая Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі. – Т. 2, 1978. – 768 с.
10. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. — Мінск : Навука і тэхніка, 1985. — Т. 3. — 408 с.

Т.В. Сивова (Гродненский государственный университет имени Я. Купалы)

КОЛОРИСТИЧЕСКАЯ ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ВРЕМЕНИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ К.Г. ПАУСТОВСКОГО

Значимость феномена *время* обусловливает пристальный разноаспектный интерес к нему лингвистов (Н.Д. Арутюнова, В.Г. Гак, Е.В. Рахилина, Е.В. Падучева, Е.С. Яковлева, М.В. Всеволодова, М.И. Конюшкевич и др.). Один из аспектов – рассмотрение темпоральной составляющей в ходе изучения идиолекта писателя. Выявление авторского представления о времени важно для реконструкции художественной картины мира писателя.

Авторская модель времени К.Г. Паустовского, воплощённая им в ранних произведениях[1], может быть представлена в виде развитой многофункциональной системы темпоральных координат, разнообразных по содержанию и формам выражения временного значения. В авторском воплощении время наделяется колористической, световой, пространственной, одоративной, вкусовой, оценочной характеристиками [1, 2, 3, 4]. Время в творчестве К.Г. Паустовского, признанного мастера художественного слова, отмечено особым, эмоциональным отношением автора: ***Прошлое*** *надо* ***почувствовать***; ***Чувства прошлого*** *у меня не было*; *... замечательное* ***ощущение древности***; *Воспитайте в себе* ***чувство времени*** *и* ***чувство будущего***. В свете этого колористическая визуализация времени в творчестве писателя с «живописным» видением мира, тонким и разнообразным ощущением цвета [5;181], представляет несомненный лингвистический интерес.

Опишем здесь основные приёмы и способы создания колористической характеристики времени, выявленные нами в ранних произведениях К.Г. Паустовского.

Автор маркирует цветом некоторые темпоральные координаты (выделение темпоральных координат осуществляется с опорой на классификацию М.В. Всеволодовой [6]):

1. Время суток: ***белёсый рассвет***; ***день*** *приобрёл* ***сизый цвет пороха***; ***оранжевый вечер***; ***сизый закат***; *«Сколько времени?» – спросил он* [Жучок] *сиплым голосом. –* ***«Половина второго»****. –* ***«Через час*** *ломать будем.* ***Как только зачнёт сереть***. Темпоральная характеристика обусловливается пространственной: ***ночь Африки, блестящая чёрным лаком***; ***серость московского дня***; ***зелёные морские дни***;

2. Время года: ***рыжая осень***; *листья каштанов,* ***уже тронутые ржавчиной***; ***чёрная весна***; ***пышное золото осеннего леса***; ***белые сентябрьские звёзды***. Цветовая характеристика темпорального отрезка обусловливается пространственной: ***лиловая южная осень***; ***северная бледная осень***. Также автор прибегает к созданию опосредованной окраски времени года: *А теперь –* ***осень*** *в польских полях. ... У каменной каплицы* ***краснеют клены***;

3. Возраст, причём не только персонажей, но и предметов, артефактов: *голова* ***серебрилась*** *сухой* ***сединой***; *сухой* ***старик с воспалёнными глазами*** *и* ***копной серых волос***; ***желтоватая рукопись***; ***пожелтевшие чашки***; *... три* ***тутовых дерева, настолько древних****, что сердцевина их походила на* ***старое серебро***. Колористическая оценка может строиться на ассоциативных связях: *Жизнь в Пушкине, Миссури,* ***жёлтое солнце на снегу*** *казались замысловатым* ***детством***;

4. Состояние физического тела человека (*жизнь*, *смерть*, *болезнь*): *большая и* ***пёстрая жизнь***; ***белая горячка***; ***синие****, заострённые* ***лица мертвецов***; ***жёлтые*** *выпученные* ***глаза трупов***. Колористическая характеристика данного темпорального отрезка может быть также ассоциативно обусловлена: *«Вот она –* ***лихорадка*** [жёлтая]*», – подумал я и вспомнил, что в детстве я все лодки из дощечек, и пароходы, и людей, и небо* ***красил в жёлтый цвет****. Может быть, потому, что вырос я в каменистых* ***жёлтых местах*** *и часто ездил к бабушке в заросшие бурьяном* ***жёлтые степи****, где пыль со шляхов ветер подымал до самого неба*.

Цветовая оценка времени выражается с помощью авторского словообразования: *В* ***иссиня-древнем тумане*** *темнели берега….* Ср. модель ***иссиня-****зелёный*, ***иссиня-****бледный*, где *иссиня-* вносит значение ‘с синеватым оттенком’ [7;402].

Колористический образ времени строится на основе авторских ассоциаций: ***Прошлое*** *вспыхнуло в памяти капитана. Оно* ***было окрашено в три цвета****:* ***синий****,* ***белый*** *и* ***коричневый****. Это был океан, паруса и* ***белые*** *корабли,* ***коричневые*** *люди и плоды*; *Пустыня переливалась через город с бухарского берега на европейский, неся с собою глинистую пыль,* ***рыжий цвет опалённой шерсти*** *и жажду. Стада долго сосали грязь-*

[1] Материалом для нашего исследования послужили ранние произведения К.Г. Паустовского, несущие на себе отпечаток романтического мировидения автора: «Романтики», «Блистающие облака», «Колхида», «Кара-Бугаз».

ную уральскую воду ***жёлтыми от полыни губами***. *«****Ветхозаветное зрелище****!» – усмехнулся лейтенант Жеребцов*.

К.Г. Паустовский апеллирует к знаковым личностям как выразительным приметам времени: ***Тогда*** *над Москвой стояла густая, как запах духов, певучая экстравагантность стихов Северянина. Трагическое его лицо плыло по Кузнецкому мосту* ***рядом с жёлтой*** *и тревожной* ***кофтой Маяковского***.

Колористическая характеристика времени создаётся путём пересечения времени и пространства (пространства творчества): *Она* [картина Бечо] *изображала* ***Колхиду в будущем****, когда вместо обширных тёплых болот эта земля зацветёт садами апельсинов.* ***Золотые плоды****, похожие на электрические лампочки, горели* ***в чёрной листве****.* ***Розовые горы*** *дымились, как пожарище.* ***Белые пароходы*** *проплывали среди пышных лотосов и лодок с нарядными женщинами… «Что вы находите в этой мазне?» – «****Будущее****, – ответил Габуния»*; *Они* [***образы***] *были ещё далеки от нужной чёткости, мутны,* ***как цвет ветренных дней*** (подробнее о типах пространства в нашей статье [8]).

Закономерная взаимосвязь цветовой и световой характеристик проявляется и в колористической визуализации времени: *Там* [на юге] *глухим и мрачным* ***огнём горело зарево восходившей луны***; *небо горело* ***алой****,* ***ещё бессветной зарёй***. Диапазон дополнительных (к цветовой) характеристик времени расширяется за счёт одоративной характеристики (*синяя, ранняя* ***ночь****,* ***пахнущая порохом и вином***); аудиальной (***гул*** *зелёного* ***утра*** *за дверью*); температурной (*желтела* ***ледяная заря***, *сизая* ***холодная заря***); модальной (*серенькое* ***ремесленное утро***, *синий и* ***тягучий рассвет***); за счёт указания на степень насыщенности, концентрации цвета (*морской водой зеленели* ***глухие закаты***, ***скупой рассвет*** *синел на первом снегу*).

В создании темпоральных колористических описаний автор широко использует выразительные средства художественной речи: ***ночь, как бы разведённая на саже***; ***кровяной раной истлевал закат***; ***сумерки сеялись голубой небесной манной***; ***солнце, как красный шмель****, летело на* ***вечерние*** *сырые травы*; *величавость* ***ночи, синей, как кобальт***. К.Г. Паустовский активно вводит в текст развёрнутые сравнения: *Бывает такая* ***ткань****, она* ***отливает двумя красками*** *–* ***золотой*** *и* ***синей***. ***Вечера в Севастополе были из этой ткани***; *... на востоке, над Кара-Бугазом, сметая звёзды, стремительно раскрывала небо* ***высокая морская голубизна****, – над пустынями Хорезма поды-мался один из бесчисленных прекрасных дней* [утро].

Даже в рамках минимального контекста (одного предложения) К.Г. Паустовский стремится создать выразительную колористическую зарисовку времени, используя для этого несколько имён цвета: ***Красные полотна*** *тропических* ***вечеров****, их грубая и пышная* ***позолота***…. Часто в основе подобных зарисовок лежит цветовой контраст, в чём, на наш взгляд, отражается романтическое мироощущение раннего Паустовского: ***Всё состояло из красок****, – ночь нависла кущами* ***чёрной сирени****, мигали* ***белые зарницы****,* ***ртутные капли дождя*** *падали с листьев, лампы зажглись в глубине окон, и комнаты казались сделанными из воска* [ночь].

К.Г. Паустовский широко использует эффект отражения цвета (в стекле, в воде): *Он* [голубой вечер] ***поблёскивал*** *в стеклах окон…*; *Белая ночь* ***поблёскивает*** *в чёрной воде*; *Жёлтый свет, густо смешанный с сумерками и шумом листвы,* ***отражался*** *в поспешно захлопнутых окнах*, экспериментирует с окрашенной жидкостью в прозрачном сосуде: *...* ***севастопольский день****,* ***как хрустальный стакан****,* ***налитый синей водой***.

На основании многочисленности и разнообразия приёмов и способов колористической визуализации времени в ранних произведениях К.Г. Паустовского мы можем заключить, что цветовая составляющая времени важна для автора. Более того, восприятие времени через призму цвета можно назвать одной из черт идиостиля

К.Г. Паустовского, его авторской манеры цветописи, в которой отразилось романтическое мировосприятие автора.

Литература

1. Сивова, Т.В. Авторская концептуализация осени в романе К.Г. Паустовского «Романтики» / Т.В. Сивова // Материалы X Международной конференции «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект», посвящённой 60-летию кафедры русского языка (сентябрь, Владимир, 2013 г.). В печати.
2. Сивова, Т.В. Авторское восприятие ночного времени в романе К.Г. Паустовского «Романтики» / Т.В. Сивова // Вопросы языка в современных исследованиях. Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIV Кирилло-Мефодиевские чтения». – М. – Ярославль: Ремдер, 2013. – С. 264-268.
3. Сивова, Т.В. Система темпоральных координат в романе К.Г. Паустовского «Романтики» / Т.В. Сивова // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І.П. Шамякіна. Серыя 1. Гуманітарныя навукі. В печати.
4. Сивова, Т.В. Суточное время в «Романтиках» К.Г. Паустовского: дискретизация и цветовое воплощение / Т.В. Сивова // Труды молодых учёных Воронежского государственного университета: науч. журнал / [гл. ред. Д.А. Ендовицкий]. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2012. В печати.
5. Миронова, Л.Н. Семантика цвета в эволюции психики человека / Л.Н. Миронова // Проблема цвета в психологии. – М.: Наука, 1993. – С. 172-188.
6. Всеволодова, М.В. Способы выражения временных отношений в современном русском языке / М.В. Всеволодова. – М.: Изд-во МГУ, 1975. – 281 с.
7. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
8. Сивова, Т.В. Пространство в романе К.Г. Паустовского «Романтики» / Т.В. Сивова // Лінгвістичні студії: зб. наук. праць / Донецький нац. ун-т; гол. ред. А.П. Загнітко. – Донецьк: ДонНУ, 2013. – Вип. 26. – С. 199-204.

С.Н. Стародубец

(Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, РФ)

СПЕЦИФИКА ОПИСАНИЯ ДИАЛЕКТНОЙ СИСТЕМЫ ПОГРАНИЧНОГО РЕГИОНА: РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКО-УКРАИНСКОЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

Российско-белорусско-украинское пограничье – это уникальная территория с точки зрения культуры, религии, фольклора, языка. В течение длительного времени на приграничье России, Беларуси и Украины складывался оригинальный интегративный социокультурный комплекс с неповторимыми, своеобразными чертами. При этом в таком взаимодействии укреплялась национальная индентичность названных восточнославянских народов. Как подчеркивает О.В. Белова, «традиционная культура пограничья благодаря разнообразному этническому окружению и разветвленным внутренним связям не только приобрела своеобразные черты, вобрав в себя элементы разных традиций, но и сформировала уникальную межэтническую коммуникативную модель (фольклор, устная история), отражающую специфику духовной культуры во всем ее многообразии» [1; 51].

Кроме того, небезызвестна и конфессиональная специфика названного региона: "Будучи крупным регионом расселения старообрядцев России во второй половине XVII – начале XX вв., Стародубье и Ветка в настоящее время не утратили свою роль в сохранении живых традиций русского старообрядчества. Сегодня к ним относятся Стародубский, Климовский, Новозыбковский, Клинцовский, Злынковский районы Брянской области (Российская Федерация), Ветковский район Гомельской области (Республика Беларусь), Городнянский район Черниговской области" [2; 54].

Соответственно необходимо констатировать, что культура пограничных районов (брянско-гомельско-черниговский ареал) представляет собой локус, в котором, с одной сто-

роны, эксплицирован синтез славянской ментальности, с другой стороны, репрезентированы артефакты народной культуры (в исконном либо трансформированном виде).

На сегодняшний день существует ряд немаловажных исследований русско-белорусского пограничья, которые проводились в рамках проектов, поддержанных в течение ряда последних лет РГНФ и БРФФИ: "Традиционный фольклор на территории Брянско-Гомельского пограничья в условиях социально-экономических и экологических преобразований в славянских государствах: фольклорно-этнолингвистическое исследование", выполненное научно-исследовательскими коллективами Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского и Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины в 2006 году (научные руководители: проф. С.Н. Стародубец и проф. А.А. Станкевич), в 2008 году – "Современное состояние духовной культуры малых городов брянско-гомельского пограничья: традиции и новации" (научные руководители: проф. С.Н. Стародубец и проф. В.С. Новак), в 2010 году – "Формирование и функционирование традиционной культуры на территории Российско-Белорусского пограничья: межкультурное взаимодействие в диахронии и синхронии" (научные руководители: проф. С.Н. Стародубец и проф. А.А. Станкевич), в 2012 году – "Особенности традиционного жилища на территории Российско-Белорусского пограничья: этнографический и лингвокультурологический аспекты" (научные руководители: доцент Т.А. Мищенко и проф. А.А. Станкевич).

Кроме того, 24 и 25 мая 2012 года в стенах филиала Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского работал круглый стол "Нормативность в условиях смешения восточнославянских языков на территории российско-белорусско-украинского пограничья", приуроченный к Дню славянской письменности и культуры, давший возможность проанализировать имеющийся опыт и выработать наиболее эффективные направления работы преподавателей вузов и средних учебных заведений по овладению нормами литературного языка студентами и учащимися, обогащению их грамматического строя речи в условиях смешения восточнославянских языков, нормативных, разговорных и диалектных (ненормативных) явлений. Проведение круглого стола было поддержано Фондом "Русский мир".

Все названные аспекты исследований представляются особенно актуальными в контексте системного историко-этнографического и лингвокультурологического освещения фактов традиционной духовной и материальной культуры русско-белорусско-украинского пограничья.

Бесспорно, что наиболее важной проблемой по-прежнему является лингвокультурологическое описание пограничных диалектов. Как справедливо отмечает В.И. Елатов, "национальная характеристика элементов языка, быта, культуры, искусства во многом и сейчас еще проявляется здесь на уровне как бы диалектных различий и позволяет подходить к данному региону как к цельному культурно-этническому образованию" [3; 277]. В этой связи мы проанализировали диалектный лексический материал (86 лексических единиц тематической группы «Предметы быта»), зафиксированный в юго-западных районах Брянской области, граничащих с Белоруссией и Украиной, с точки зрения нормативной фиксации в близкородственных языках пограничного региона – белорусском и украинском, посредством сопоставительного анализа лексикографических источников – словарей брянских говоров (П.А. Расторгуева [4], Н.И. Курганской [5]) и нормативных словарей белорусского и украинского языков [6], [7].

Мы выделили: диалектно – просторечные (то есть зафиксированные как в диалектологических словарях (под редакцией Н.И Курганской и П.А. Расторгуева), так и в Толковом словаре русского языка (под редакцией С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [8]), их одиннадцать (*закут, заслонка, камора, кулеш, куток, печурка, прясло, сенцы, склянка, ухват, хата*) и собственно диалектные лексические единицы, их семьдесят пять: *анучка, апценьки, апцуги, бахилы, бидон, бриль, быконки, вильчик, водняка, вышки,*

гарба, глек, горище, даенка, дёжка, драчка, дровник, дярюга, жниво, загавалина, запина, запон, кавга, камы, карес, карец, катанки, качурки, клямка, кобыла, комен, кузик, куфайка, магазея, манарка, мамура, махотка, мост, навильник, начёвки, обутка, олей, опашинь, пеколок, пральник, прасадник, притвор,прясница, пуня, саян, распашка, сенник, сеники, скрынка, сподница,столешник, танчурка, толкушка, третчик, урыльник, услон, фатырка, хвортка, хренч, хустка, царапки, цеберь, чарень, чебаты, чипела, чирики, чуни, шандер, шибка, японец.

Таким образом, мы разграничили: во-первых, диалектные номинации, являющиеся литературными в белорусском языке (двенадцать ЛЕ): *анучка, апцуги, вильчик, вышки, дёжка, куфайка, манарка, махотка, пеколок, саян, услон, ухват;* во-вторых, диалектные номинации, являющиеся литературными в украинском языке (шесть ЛЕ): *апеньки, бриль, дровник, дерюга, фатырка, чоботы, шибка;* в-третьих, диалектные номинации, являющиеся литературными и в белорусском и в украинском языке (двадцать девять): *бахилы, бидон, вышки, горище, глек, жниво, запина, запон, заслонка,камора, карец, клямка, комен, кузик, куток, кулеш, начёвки, обутка, олей, печурка, пуня, склянка, сподница, тын, хата, хвортка, хустка, цеберь, чирики.*

С позиции эквивалентности исследуемый материал был описан следующим образом:

1) Группа фонетически и лексически эквивалентных диалектных, белорусских и украинских лексем (восемь лексических единиц): *бидон, глек, жниво, махотка, клямка, ухват, хата, хустка.*

В этой группе выделены две подгруппы, где:

- устанавливается фонетическая и лексическая эквивалентность диалектных и белорусских номинаций (шесть лексических единиц): *бахилы, заслонка, камы, куток, куфайка, сенцы.*
- устанавливается фонетическая и лексическая эквивалентность диалектных и украинских номинаций (три лексические единицы): *бриль, горище, шибка.*

2) Группа номинаций с вариативным написанием, но с одинаковым лексическим значением: *анучка* (белорусское *ануча*), *апеньки* (украинское *обценьки), бахилы* (украинское *бахили*), *вильчик* (белорусское *вільчак*), *вышки* (белорусское *вышкі*), *горище* (белорусское *горышча*), *дежка* (белорусское *дежа*), *заслонка* (украинское *заслон*), *карец* (белорусское *карэц,* украинское *корец*), *комен (белорусское комін, украинское комин), кузик* (белорусское *гузік,* украинское *гудзик*), *кулеш* (украиснкое *кулиш*), *куток* (украинское *кут*), *начёвки* (белорусское *начоЎкі,* украинское *ночовки*), *обутка* (белорусское *абутак,* украинское *обуття*), олей (белорусское *алей*, украинское *олія*), *пеколок* (белорусское *пяколак*), *содница* (белорусское спадніца, украинское спідниця), *тын* (украинское *тин*), *фатырка* (украинское *кватирка*), *хвортка* (белорусское *фортка,* украинское *хвіртка*), *чебаты* (украинское чоботи), *чирики* (белорусское *чаравік*, украинское *черевики*).

3) Группа номинаций, с одинаковым произношением и написанием, но разным лексическим значением: диалектное и украинское слово *склянка*, диалектная и белорусская номинация *саян.*

4) Группа номинаций с вариативным написанием и разным лексическим значением: диалектное *цеберь* (украинское *цебер*), диалектное *кулеш* (украинское *куліш*), диалектное *запон* (украинское *запона*), диалектное *апцуги* (белорусское *апцугі*).

В зависимости от особенностей белорусского и украинского языка лексемы могут иметь вариативное написание и произношение, но совпадать в лексическом значении, например: *кузик* (белорусское *гузік,* украинское *гудзик*), с одинаковым лексическим значением – пуговица, а могут различаться и в написании, и в лексическом значении: диалектное *апцуги* (белорусское *апцугі*), диалектное *цеберь* (украинское *цебер*).

Данные исследования показывают, что проанализированные диалектные слова тематической группы «Предметы быта» брянских говоров, в большей части, а именно сорок семь (55%) являются литературными в белорусском и/или украинском языке (47/86).

Общность смежных лексических единиц, являющихся литературными в белорусском и украинском языке, составляет 62% (29/47), литературными только в белорусском языке – 26% (12/47) и литературными только в украинском языке – 12% (6/47).

Использованная в работе методика в исследовании лексического состава брянских говоров применяется впервые. Её апробация посредством лексического и сравнительно – сопоставительного анализа диалектных лексических единиц, бытующих на территории российско-белорусско-украинского пограничья, позволит анализировать в дальнейшем более обширный языковой материал других тематических групп с целью установления базовых закономерностей развития диалектной системы пограничного региона, языковой чертой которого является смешение близкородственных языков.

Литература

1. Антропов, Н.П. Исследование традиционной культуры белорусско-русского пограничья: проблемы и перспективы / Н.П. Антропов, О.В. Белова и др. // Межакадемический совет по проблемам развития Союзного государства. Научные материалы. Выпуск четвертый. Гуманитарное сотрудничество – основа углубления интеграции и инновационного развития Союзного государства. / Под ред. С.М. Дедкова, В.К. Егорова. – Минск: Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси, 2012. – С. 49-60.
2. Кочергина, М.В. Проблемы сохранения духовной и художественной культуры русского старообрядчества пограничных территорий России, Украины и Белоруссии / М.В. Кочергина // Русское наследие в странах Восточной и Центральной Европы. Материалы межгосударственной научной конференции 5-8 июля 2010 года (г. Брянск), приуроченной к 600-летию битвы при Грюнвальде / Фонд «Русский мир»; Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского. – Брянск: РИО БГУ, 2010. – С. 54-58.
3. Елатов, В.И. Песни восточнославянской общности. Минск: Наука и техника, 1977.
4. Расторгуев, П.А. Словарь народных говоров Западной Брянщины (Материалы для истории словарного состава говоров) / Ред. Е. М. Романович. – Минск, 1973. – 294 с.
5. Брянский областной словарь / Отв. ред. Н.И. Курганская. Изд. 2, испр. и доп. – Брянск, 2011. – 361 с.
6. Русско-белорусский словарь в 3 т. – Минск: БелЭн. – 2002.
7. Головащук, С. И. Російсько-український словник сталихсловосполучень у 2 т. 1969.
8. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азъ, 1992. – 982 с.

Г.С. Сырица (Даугавпилсский университет, Латвия)

КОНЦЕПТ *СОН/SEN* В РУССКОЙ И ПОЛЬСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ПАРЕМИЙ)

Загадочная и во многом неисследимая природа сна находит отражение в специфике вербализации данного концепта. Лексема *сон* как в русском, так и в польском языках имеет достаточно развернутую семантическую структуру, базирующуюся прежде всего на осмыслении двух аспектов: «сон – состояние» (физиологический процесс, периодически наступающее состояние покоя) и «сон – сновидение» (видения, порождаемые спящим сознанием). Оба значения способствуют развитию переносных наименований: на основе первого - «состояние покоя», «состояние бездействия», на основе второго - «мечта» (нечто прекрасное, желаемое). Оба значения находят отражение во фразео-паремиологической системе двух языков, на базе которой выявляется ряд соотносительных концептуальных признаков.

Позитивно-оценочный потенциал концепта *сон* предопределен наличием универсальной оппозиции *сон – бессонница*, на основе которой во многом и выявляется аксиологическая составляющая концепта. *Сон* (в первом значении) предстает как несомненная ценность (ср. устойчивые сочетания терминологического характера: *здоровый сон, нарушение сна*). Концептуальный признак, отражающий важность сна (и времени

перед сном) закреплен в устойчивых сочетаниях *приятного сна, на сон грядущий.* С этими фразеологизмами в польском языке соотносятся лексема с живой внутренней формой *dobranoc,* а также устойчивое сочетание *na dobranoc*, в структуре значения которых есть семы «пожелание спокойного сна» (ср.: „dobranoc - forma pożegnania przed nocą, formuła wyrażająca życzenie pomyślnej nocy, spokojnego snu" [7; 378]). Следует отметить коннотативный фон фразеологизма *на сон грядущий,* восходящий к церковному выражению о молитве перед сном (ср. также: *отойти ко сну, восстать (воспрянуть) ото сна*). Концептуальный признак «невозможность уснуть» имеет отрицательные коннотации и отражен во фразеологизмах *сна ни в одном глазу, не сомкнуть глаз,* а также в польских устойчивых сочетаниях: *coś odbiera komuś sen (coś płoszy, spędza komuś sen z oczu), wybiłem się ze snu* [7;466].

Ценность сна отражена в компаративных конструкциях оценочного характера: *сон милее отца и матери; сон лучше всякого лекарства; сон дороже лекаря* (ср. также: *милая подружка подушка).* Оздоровительная природа сна (утро вечера мудренее) отражена в паремиях *ляг да усни; встань да будь здоров! Выспишься – помолодеешь; ляг, опочинься, ни о чем не кручинься! Ночь матка – выспишься, все гладко* [1;320]. При этом выявляется зависимость сна от качества жизни: *каково живется (можется), таково и спится; совесть спать не дает; у меня подушка в головах не вертится (совесть чиста); перинка совести не замена; не всяку кручину заспать можно* [1; 320]. Этот концептуальный признак закреплен также в поэтическом дискурсе. В известном пушкинском афоризме *и сон, дневных трудов награда* («Воспоминание») способность уснуть предстает как то, что следует заслужить. Кроме того, нравственный аспект сна отражен во фразеологизме *уснуть сном праведника,* в польском языке - *spać snem sprawiedliwego.*

Одновременно сон не зависит от человека, он предстает в виде живого существа, которое может прийти (или не зайти), при этом персонифицированным предстает не только образ сна, но и дремы: *ходит сон по сенюшкам, дрема по новым; прошлась дрема по сенюшкам, а до нас не дошла* [1; 320]; сон обладает силой: *sen kogoś morzy* [6; 381].

Бессонница – востребованная тема в русской лирике (Пушкин, Баратынский, Тютчев, Вяземский, Апухтин, Цветаева, Ахматова, Пастернак, Мандельштам и мн. др.). При этом аксиологический аспект бессонницы в рамках конкретных идиостилей и литературно-художественных направлений является не столь однозначным (ср., например, в цикле «Бессонница» М. Цветаевой: с одной стороны, *Обвела мне глаза кольцом/ Теневым – бессонница; После бессонной ночи слабеет тело; После бессонной ночи слабеют руки;* с другой – *Сплю почти /Где-то в ночи/ Человек тонет*; *Не спи! крепись! говорю добром!А то – вечный сон! а то – вечный дом!* [4;65-70]) и мн.др.

Концептуальный признак «сон подобен смерти» отражен в паремиях: *спать (заснуть, уснуть, почить) вечным сном; спать сном могилы сон смерти брат; спит человек – не живой; сонный, что мертвый; уснешь, что умрешь.* Этот же признак отражен в польской фразеологии*: sen śmiertelny (wieczny, grobowy, nieprzespany*). Фразеологизм *уснуть вечным сном* находится в одном ряду с целой группой других единиц вторичной номинации, табуирующих слово *смерть.*

Качество сна определяется его глубиной: *заснуть беспробудным сном*; *głeboki, mocny, twardy sen.* Как в русском, так и в польском языках признак «неглубокий сон» отражен во фразеологизмах: *одним ухом спит, другим слышит, płytki sen; как (точно, будто) сквозь сон (помнить, чувствовать и т.п.), pamiętać, słyszeć, widzieć jak przez sen.* Качество сна может характеризовать не только сам физиологический процесс, но и сновидение, которое также может быть плохим или хорошим. Именные словосочетания *тяжкий сон* (*ciężki sen)* в обоих языках могут определять как качество сна, так и в широком смысле – обстоятельства жизни. В польском языке это значение передается также фразеологизмом *coś jak zły sen.*

Концептуальный признак «много спать – плохо», отражен в ряде паремий, при этом подчеркнуты последствия этого: «много спать –укоротить себе жизнь» - *кто больше всех спит, тот меньше всех живет; много спать — мало жить: что проспано, то прожито* [1;320], в польском языке - *długi sen, krótkie życie* [6;381]; «много спать – обеднеть» - *кто долго спит, тому денег не скопить; долго спать — с долгом встать; кто поздно встает, у того хлеба нестает* [1;320]. Сон – синоним лени: *сонлив, так и ленив.*

Сон (сновидение) характеризуется тщательным вглядыванием в него, прочитывается или разгадывается с точки зрения его связей с реальной действительностью (*вещий сон, сон в руку).* С одной стороны, сон может предвосхищать события, предрекать их (*вещий сон*), с другой - концептуальный признак «сновидениям не надо придавать значения» отражен в паремиях *куда ночь, туда и сон; грозен сон, да милостив бог* [1; 320]. В польском языке этот признак закреплен в культурно-специфичной паремии с внутренней рифмой *sen mara - Bóg wiara* [8; 466].

Характер сновидения (прекрасный сон), а также состояние, позволяющее уйти от реальной действительности, во многом предопределил развитие переносного значения лексемы «сон» – *мечта.* Концептуальный признак «сон – мечта, нечто прекрасное" закреплен во фразеологизмах *и во сне не снилось*, *być, zdawać się snem.* В польской фразеологии лексема *сон* выступает в компаративном устойчивом сочетании: *piękny jak sen.* Сон характеризуется быстротечностью, имеет ограниченные временные рамки, быстро проходит. В польском языке это отражено во фразеологизме *niknąć, przeminąć, zniknąć jak sen* [8; 466].

Как показал анализ, вербализация концепта *сон/sen* в русской и польской фразеопаремиологической системе характеризуется высокой степенью близости, что находит отражение как в общих концептуальных признаках, так и в амбивалентной аксиологичности концепта. Культурно-специфические особенности во многом предопределены внутренней формой фразеологизмов и паремий, а также лакунарностью некоторых концептуальных признаков.

Литература

1. Даль, В.И. Пословицы русского народа / В.И. Даль.- М.: Олма – Пресс, 1999.
2. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – М., 1986 .
3. Кожевникова, Н. А. Словоупотребление в русской поэзии начала XX века / Н. А. Кожевникова. – М.: Наука, 1986.
4. Цветаева, М. Сочинения в 2-х т. / М.Цветаева. – М.: Худож. литература, 1980. – Т.1.
5. Черкашина, Э.А. Концепт сон / dream: лингвокультурологическая специфика / Э.А. Черкашина // Вестник Ставропольского гос. университета. – 49. – 2007. – С. 172 – 177.
6. Dereń, E. Słownik języka polskiego z frazeologizmami i przysłowiami / E. Dereń, T. Nowak, E. Polański. – Warshawa, 2005.
7. Słownik języka polskiego PWN.- Wydawnictwo naukowe PWN .- Warshawa 2002.
8. Wielki słownik frazeologiczny PWN z przysłowiami. - Warshawa : Wydawnictwo naukowe PWN, 2011.

З.К. Темиргазина (Павлодарский государственный педагогический институт)

ЗАПАХ КАК ОБЪЕКТ И СУБЪЕКТ В ПРОТОТИПИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ ОБОНЯНИЯ

Изначально в прототипической ситуации обоняния запах выполнял функцию непосредственного объекта обонятельного восприятия, которая является для него первичной и основной. Именно эта роль запаха вербализована прежде всего в ситуации обоняния, затем в ходе развития лексической и грамматической системы языка, углубления и обобщения содержательно-смысловых связей и логических отношений в ней

роль запаха была переосмыслена носителями языка и ему была присвоена функция субъекта, способного к самостоятельному существованию и действию.

На семантико-грамматическом уровне глубинная структура пропозиции обонятельного восприятия была, таким образом, преобразована в две основные поверхностные структуры, в первой из которых субъектом восприятия выступал человек, объектом – запах, во второй, производной от первой, запах выполнял роль субъекта.

Первая поверхностная структура непосредственно отражает прототипическую ситуация обоняния, предикатами в ней выступают глаголы восприятия *обонять, нюхать, чуять, пахнуть,* актантами – субъект и объект восприятия [S + P + O]. Субъект обоняния – это живое существо: человек или животное. Сфера объекта обонятельного восприятия практически ничем не ограничена, им может быть любая реалия: предмет, вещество, живое существо, обладающие запахом. С семантической точки зрения его также можно квалифицировать как источник, т.е. каузатор запаха, или его носитель. Грамматически позицию объекта занимает имя существительное, называющее источник запаха, иногда вместе с существительным с семой 'запах' (*аромат, запах, смрад, вонь, дух* и проч.): *Собака обнюхивает соседние* ***кусты****; Он чуял* ***запах крови***.

В семантике глаголов *нюхать, обонять* отражена специфика грамматической категоризации субъекта восприятия – во-первых, как активного деятеля, субъекта действия в глаголе *нюхать* и производных от него *обнюхать, понюхать, унюхать, принюхаться, нанюхаться* (*Ты лучше в избе* ***понюхай****. И дай гостю* ***понюхать*** (Вл. Войнович)) и, во-вторых, как пассивного субъекта в глаголах *обонять, чуять,* глаголах общей перцептивной семантики *чувствовать, воспринимать, ощущать,* глаголе слухового восприятия *слышать*. Иначе говоря, в русской языковой картине мира обоняние представлено как два разных типа восприятия - активный и пассивный: обоняние-действие и обоняние-состояние. Оно, на взгляд носителей русского языка, может иметь синестетический характер, действуя в комплексе со слуховым восприятием, что отражено в использовании предиката *слышать*: *От него уже был* ***слышен*** *сильный трупный* ***запах*** (В.М. Гаршин).

Отглагольные имена *нюх, чутье, обоняние* характеризуют способность субъекта - одушевленного лица к осуществлению восприятия как действия. Так, высокая способность к обонятельному восприятию описывается как *тонкий/ острый нюх, тонкое/ острое чутье, развитое обоняние*. Метафорически они могут обозначать способность человека к интуитивному восприятию, угадыванию: *Осторожный по привычке, молчаливый из расчета, генерал Ратмиров, подобно трудолюбивой пчеле, извлекающей сок из самых даже плохих цветков, постоянно обращался в высшем свете – и без нравственности, безо всяких сведений, но с репутацией дельца,* ***с чутьем на людей*** *и пониманьем обстоятельств, а главное – с неуклонно-твердым желанием добра самому себе – видел наконец перед собою все пути открытыми…* (И.С. Тургенев. Дым); *У него* ***нюх*** *на такие дела* ***ого какой****!* (Вл. Мирнев). См. также устойчивое выражение *нюхом чувствовать* «*что*. Прост. Воспринимать что-либо чутьём, интуицией. *Воропаев отлично знал по карте и ещё более* ***нюхом чувствовал*** *те места. Сколько раз исходил он долину Дуная в своём воображении* (П. Павленко. Счастье)» [4].

Аналогичную метафоризацию обонятельного восприятия находим и в английском языке: *to have a nose for*, эквивалентное русскому *иметь* ***нюх*** *(на)*, например: *As a journalist, she has always* ***had a nose for*** *a good story*. В английском языке, в отличие от русского, семантика способности к обонянию метонимически развилась у наименования органа обоняния *a nose*, у которого появилось вторичное значение «нюх, чутье»: *a keen nose for absurdity* ≈ острое чутье на глупость; *The crowds who always have a nose for personality*.

Глагол *снюхаться* в русском языке приобрел метафорическое значение «сблизиться, сдружиться» в результате переноса характеристики поведения животных при встрече, в первую очередь собак, на действия людей: *Получил он свое воспитание в*

Москве, сперва на счет какого-то дяди, а потом, когда он подрос и оперился, на счет одного богатого князька, с которым ***снюхался****… ну, извините, не буду… с которым сдружился* (И.С. Тургенев. Рудин).

Фразеологизм *понюхать пороху* имеет значение «испытать трудности, приобрести опыт в опасных, сложных ситуациях», восходящее к более раннему значению «принять участие в военных действиях, повоевать», см., например: *Пускай послужит он в армии, да потянет лямку, да* ***понюхает пороху…*** (А.С. Пушкин) [2]. Эта идиома имеет эквивалент в английском языке *to smell gunpowder* (дословно: понюхать пороху) с аналогичным значением.

Семантика глагола *пахнуть* "издавать, источать какой-либо запах" исключает из поверхностной структуры субъект обоняния и переводит объект восприятия в основную грамматическую позицию, т.е. он относится к глаголам проявления запаха. Ситуация обоняния, закодированная в глаголе *пахнуть*, выглядит следующим образом: субъект восприятия не эксплицируется в поверхностной структуре, объект восприятия (источник запаха) занимает позицию грамматического субъекта – подлежащего, в качестве второго актанта может выступать квалификатор – наречие или существительное в тв.п.: *Весь пропах дегтем, табаком* (А.Н. Толстой); *Лес пах смолой и прелой листвой; Рубашка пахла дорогим одеколоном*.

Отсутствие валентности субъекта в глаголе *пахнуть* ослабляет процессуальную семантику активного действия в нем, одновременно усиливая значение статальности, что приводит к частотности его безличного употребления для обозначения состояния окружающей среды: *В лесу пахло смолой и прелой листвой; В спальне пахнет свежевыстиранным бельем*. Как мы видим, в безличных конструкциях объект восприятия - источник запаха смещается с позиции подлежащего и занимает позицию актанта, обозначающего среду проявления запаха, который репрезентируется либо предложно-падежными словоформами, либо локальными наречиями *вокруг, всюду, везде, здесь, тут* и т.п.: *Всюду пахнет дымом; Но и там еще пахло русским духом* (А.Н. Толстой).

Причину подобных семантико-синтаксических преобразований объекта в ситуации обонятельного восприятия исследователи объясняют семантической недостаточностью базовых номинаций *запах, аромат, пахнуть*, которая восполняется употреблением различных квалификаторов объекта, называющих источник запаха, его каузатор, качественные характеристики, что придает комплексный характер объектному актанту [1].

К группе глаголов проявления запаха как свойства относятся *разить, благоухать, вонять, смердеть.* Запах в позиции субъекта функционирует в двух основных синтаксических моделях: [S + V + квалификатор], [S + cop + Adj].

В первой он выполняет функцию субъекта действия, а позицию предиката занимают глаголы с семантикой возникновения, исчезновения, распространения запаха, в нее также включаются различные квалификаторы (*Аромат цветов заполнил все вокруг*); во второй запах выступает носителем признака, а в качестве предиката выступают прилагательные различной квалифицирующей семантики (*Даже запах от платья Лефорта был не русский, иной, весьма приятный*…(А.Н. Толстой); *Вонь в цеху была невыносимая*).

Для носителя русской лингвокультуры характерно феноменологическое понимание запаха как субстанции, которая может существовать и действовать автономно от человека, самостоятельно появляться, распространяться, исчезать, может обладать собственными признаками и свойствами и т.п. Это представление о запахе эксплицируется в способности его обозначений сочетаться в речи с глагольными предикатами возникновения, распространения, проникновения, исчезновения: *возникать, появляться, рождаться, порождаться, разноситься, распространяться, наполнять, заполнять, проникать, пропитывать, исчезать, пропадать, улетучиваться* и т.п.

Динамичный характер запаха как субъекта проявляется в метафорических сочетаниях с глаголами, обозначающими движение воды: *струиться, литься, сочиться, нахлынуть, пропитывать*; движение воздуха, ветра: *обдавать, веять, пахну́ть, опахнуть*. Как одушевленное существо запах предстает в метафорах с глаголами физического движения: *запах движется/ идет/ стоит*; а метафорические выражения *запах ударил в нос/ бьет в нос/ шибает в нос* описывают запах как агрессивное живое существо, способное к нападению. Например: *Гладышев растворил эту дверь, и оттуда сразу шибануло таким запахом, что Чонкина зашатало от неожиданности, так что если бы он сразу не зажал нос двумя пальцами, то, может быть, и упал бы* (Вл. Войнович).

Прототипическая ситуация обонятельного восприятия реализуется на синтаксическом уровне в нескольких поверхностных структурах и моделях, в которых позиция субъекта обоняния может быть формально не замещенной, но на глубинном уровне позиции субъекта и объекта восприятия сохраняются неизменными, отражая в имплицитном виде типические представления носителей русского языка.

В функции предиката в предложениях, содержащих ситуацию обонятельного восприятия, могут использоваться глаголы с семантикой эмоциональной оценки (*наслаждаться, восторгаться, получать удовольствие, восхищаться, вызывать отвращение* и т.п.), эмоционального отношения (*любить, нравиться, ненавидеть* и т.п.), интеллектуальной деятельности (*напоминать, вспомнить, узнать, угадать, хранить в памяти* и т.п.): *Помнится утро с запахом соломы, которою топили дом* (В.М. Гаршин). В них, как мы видим, содержание предложения носит полипропозитивный характер, пропозиция обоняния (*с запахом соломы*) свернута, а на первый план выдвинута пропозиция интеллектуального действия (*помнится*), связанного с восприятием.

Исследователи отмечают национальную специфичность языковой концептуализации ситуации восприятия запаха носителями русского языка. В частности, основные глагольные предикаты представляют разные способы восприятия запаха: активное восприятие в глаголе *нюхать*, пассивное восприятие в глаголе *обонять* и проявление запаха как свойства в глаголе *пахнуть* [3]. Заметим, что подобная дифференциация способов восприятия характерна не для всех языков. Например, в немецком языке значения активного, пассивного восприятия и проявления запаха выражается одним полисемантичным глаголом *riechen*; в казахском языке не дифференцируются активный и пассивный способы обоняния, они представлены в одном глаголе *иіскеу*, а проявление запаха как свойства фиксируется с помощью вспомогательного глагола *шығу/ шығару* при существительном *иіс* со значением "запах": *иіс шығу, иіс шығару*.

Таким образом, мы рассмотрели специфику семантико-синтаксических функций запаха как объекта и субъекта в пропозиции обонятельного восприятия, которая репрезентируется в русском языке в нескольких синтаксических моделях, базовой из которых является модель [S + P + O]. На дальнейшее развитие синтаксических репрезентаций ситуации обонятельного восприятия существенное влияние оказало концептуальное содержание и лингвокультурологическая нагруженность лексических номинаций компонентов этой ситуации.

Литература

1. Кундик, О.И. Специфика синестезийных словосочетаний в русском и английском языках/ О.И. Кундик: Автореф. … дис. канд. филол. наук. – Саратов, 1997. – 18 с.
2. Мокиенко, В.М. Большой словарь русских поговорок / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина // М: Олма Медиа Групп, 2007.
3. Рузин, И.Г. Модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке / И.Г. Рузин: Автореф. … дис. канд. филол. наук. – М., 1995.
4. Фёдоров, А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А.И. Федоров.– М.: Астрель, АСТ, 2008.

М.Б. Халимоне (Даугавпилсский университет, Латвия)

ИНТЕНСИВНОСТЬ ПРОЯВЛЕНИЯ ЭМОЦИИ «ГНЕВ» В РУССКИХ И ЛАТЫШСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ: ПАРАМЕТР «НАПРАВЛЕННОСТЬ НА СЕБЯ – НАПРАВЛЕННОСТЬ ВОВНЕ»

Настоящая статья посвящена сопоставлению фразеологических единиц (далее ФЕ) с семантикой «гнев/dusmas» в русском и латышском языках. Характерной особенностью данной эмоции является интенсивность, проявляющаяся в параметре «направленность на себя – направленность вовне». В ряде работ указывается на значимость данного параметра в изучении языковых единиц, которые «отражают внешние проявления эмоций или душевные ненаблюдаемые процессы и состояния» и «подразделяются по их направленности на тот или иной объект» [2;137].

Наблюдения показали, что параметру «направленности эмоции на себя» в русском и в латышском языках соответствуют ФЕ с компонентом *сердце*. В ряде исследований отмечается, что *сердце* является местом локализации эмоций. В.Маслова, например, утверждает, что «слово *сердце* в составе идиом обозначает не только орган кровообращения, но и «центр эмоциональных переживаний», «источник чувств» [1; 70]. Особенность ФЕ с компонентом *сердце* заключается в размытой семантике, так как в их семном составе представлены, наряду с «гневом», семы «возмущение», «раздражение», «ярость». Следует отметить, что определить интенсивность проявления эмоции помогает контекстное окружение фразеологизма.

В ходе анализа было выявлено, что в данной группе ФЕ *кипит/ закипело, накипало/накипело на сердце* и *sirds vārās (букв.сердце закипает)* являются эквивалентными. Их внутренняя форма указывает на процесс кипения, при котором жидкость интенсивно превращается в пар, следовательно, эмоция, отраженная в ФЕ, характеризуется высокой силой протекания. Во внутренней форме ФЕ закреплены также текучесть, изменчивость, динамика, предельные формы протекания действия. В латышском языке рассматриваемая группа представлена достаточно большим количеством безэквивалентных ФЕ: *sirds aptekas (apskrienas) kādam (сердце кровью обливается); sirds lec no krūtīm (reti pa kaklu, pa muti) laukā (ārā) (сердце выпрыгиваем из груди); sirds pukst (sitas, dauzās) kaklā (сердце бьется (стучит) в горле); sirds kāpj vai pa muti (retāk kaklu) laukā (ārā) (сердце выходит вон через рот),* в значении которых есть сема «dusmas». Обращает на себя внимание вариативность глаголов движения в данных ФЕ (ср.: *aptekas (apskrienas) (перетекает, обегает); pukst (sitas, dauzas) (стучит,бьет, бьется).* Семантика ФЕ идентична, однако о разной степени интенсивности описываемой эмоции может свидетельствовать внутренняя форма глагольного компонента в составе ФЕ. Особенно ярко это прослеживается на примере ФЕ *sirds aptekas (apskrienas) kādam*, где в рамках вариантов одной ФЕ наблюдается высокая (*sirds aptekas kādam*) и предельная (*sirds apskrienas kādam*) степени проявления эмоции «гнев». Показателем более высокой степени испытываемой эмоции, кроме живой внутренней формы, является сема „straujš" («быстрый»), входящая в структуру значений таких глаголов, как: *apskrieties (обегать), lēkt (выпрыгивать), dauzīties (биться)*. Разная степень эмоционального состояния представлена также и другими компонентами ФЕ, в которых содержится указание на «эталон физического предела»: *kaklā, pa muti.* Лексемы *kaklā (в горле), pa muti (до рта)* демонстрируют представление о «верхе» как о мере полноты, высокой степени чего-либо, играют роль эталона, т.е. предела возможностей человека [7; 132]. Отметим, что в русском языке компонент *по горло* встречается в ФЕ *сыт по горло* с семантикой «что-либо надоело, раздражает, нет возможности терпеть что-либо», где эталонное значение проявляется в другом смысле [5; 2, 225].

В латышском языке с параметром «направленность эмоции на себя» связана ФЕ с компонентом «желчь» *žults apskrienas (aptekas) kādam (букв.желчь перетекается в комто)*, где в семном составе, кроме „dusmas", есть семы „sašutums"(«возмущение»), „ļoti

sarūgtināts”(«очень огорченный» [6;2,659]. На сильную степень протекания эмоции указывает как семантика глагольного компонента «apskrienas», так и интенсификатор семантики „ļoti”(«очень»). В русском языке ФЕ с компонентом «желчь» *изливать/излить желчь* имеет значение «срывать на ком-либо раздражение, гнев» [5;1,231]. Глагольный компонент в структуре значения имеет сему «сильный», что является показателем интенсивности эмоции. Следует обратить внимание, что эмоция в данной ФЕ направлена на других, а не на себя, как в ФЕ латышского языка с этим же компонентом. Специфичным также является наличие в русском языке ФЕ с компонентом *сердц*е, где в значении отражена «направленность эмоции на других»: *сорвать/срывать сердце на ком, на чем* – «вымещать свой гнев»[5; 2, 272]. В латышском языке ФЕ с компонентом *сердце* и параметром «направленность на других» не выявлены.

По параметру «направленности эмоции на других» в русском и латышском языках ФЕ *грызть зубы на кого* и *griezt zobus uz kādu, pret kādu* являются эквивалентными. Обе ФЕ многозначны и совпадают в одном из значений: *«гневаться, сердиться на кого-либо, стремясь причинить вред, неприятность*» [5;1,165] - «*būt ļoti sadusmotam un censties kaitēt, atriebties»*[6;2,642]. В русском языке встречается еще одна ФЕ с компонентом «зубы» – *скрипеть зубами,* в семном составе которой есть семы «выражать злость», «сильное недовольство» [5;2,244].

В русском и в латышском языках по параметру «направленности эмоции на других – направленности на себя» встречаются ФЕ с компонентами - зоонимами. Так, в обоих языках есть ФЕ с орнитонимами: *дразнить/раздразнить гусей, lasa dusmas kā gailis (собирает гнев как петух).* Введение орнитонимов в компонентный состав ФЕ изначально указывает на высокую степень проявления эмоций, т.к. «сравнение, посредством которого субъект может соотнести свое эмоциональное состояние с какой-либо прототипической ситуацией, подчеркивает высокую степень эмоционального состояния» [3;94]. В семном составе ФЕ *дразнить гусей* есть семы «преднамеренно», «вызывать гнев», которые связаны с ответной реакцией на провокацию [5;1,215]. В основе ФЕ лежит прототипическая ситуация, когда гусь начинает шипеть и щипает своего обидчика. В семном составе ФЕ *lasa dusmas kā gailis* есть семы «tīšuprāt dusmoties»(букв. «намеренно гневаться»), «meklēt dusmošanas ieganstus» (букв. «искать повод для гнева»), указывающие на эмоцию, которая может не проявиться[6;1,328]. Обращает на себя внимание компонентный состав *lasa dusmas kā gailis*, где эмоция названа прямо *(dusmas)*, а компонент *lasa* указывает на первоначальное «собирание» негативных эмоций и последующее их обращение на противника. В основе данной ФЕ прототипическая ситуация, основанная на наблюдениях за петухом, который сначала надувается, затем демонстрирует распушенные перья и поднимающийся над головой гребень, но, оценив противника, может отказаться от борьбы. Любопытно отметить, что в русском языке нет ФЕ с компонентом *петух* в описанном значении (ср.: *пустить петуха* (о певце); *пустить красного петуха* (поджечь); *с петухами* (рано) *вставать; до петухов* (до зари) *не спать, засидеться).* В русском языке накапливаемое состояние, а не спонтанную реакцию отражает ФЕ *держать камень за пазухой*, в семном составе которой есть семы «таить злобу», «быть готовым причинить зло».

В процессе работы были обнаружены как универсальные, так и культурноспецифичные вторичные номинаций с семантикой «гнев». В результате исследования ФЕ русского и латышского языков наряду с эквивалентными были выявлены и безэквивалентные ФЕ. По параметру «направленность эмоции на себя» эквивалентными являются ФЕ *сердце кипит / закипело, накипало/накипело на сердце - sirds vārās,* а по параметру «направленность эмоции на других» - *грызть зубы на кого - griezt zobus uz kādu, pret kādu*. Следует отметить, что в латышском языке преобладают ФЕ, соответствующие параметру «направленность эмоции на себя». Они представлены ФЕ с компонентами *sirds (сердце), zobi (зубы), žults (желчь), (gailis) pетух.* Как показал анализ, ФЕ латышского языка с компонентом *sirds (сердце)* отличаются не только большим коли-

чеством, но и вариативностью глагольного компонента. Наличие вариантов в компонентном составе ФЕ позволяет делать выводы о разной степени интенсивности исследуемой эмоции (ср.: *sirds pukst (sitas, dauzas) kaklā (букв.сердце стучит, бьется в горле) - sirds lec no krūtīm (букв.сердце выпрыгивает из груди)*, равно как и о частотности их использования. Об интенсивности изучаемой эмоции свидетельствуют и другие компоненты в составе ФЕ, указывающие на эталон физического предела: *kaklā, pa muti*.В русском языке ФЕ с компонентами *сердце, зубы* могут означать как эмоцию, направленную на себя, так и на других (ср.: *кипит/закипело, накипало/накипело на сердце - сорвать/срывать сердце на ком, на чем).* ФЕ с компонентами *желчь* есть в обоих языках, но в латышском языке они соответствуют параметру «направленность на себя», а в русском языке – «направленность на других» (ср.: *žults apskrienas (aptekas) kādam - изливать/излить желчь)*. В обоих языках встречаются ФЕ с зоонимными компонентами: *дразнить/раздразнить гусей, lasa dusmas kā gailis.* В основе данных ФЕ лежат прототипические ситуации, базирующиеся на наблюдениях за поведением птиц. В русском языке ФЕ с орнитонимом соответствует параметру «направленность эмоции на других», а в латышском языке - «направленность на себя». В ФЕ *lasa dusmas kā gailis* специфичным является компонент *lasa*, указывающий на «собирательный» характер эмоций. В русском языке ФЕ *держать камень за пазухой* также отражает не сиюминутную реакцию, а накапливаемое состояние. По меткому замечанию В.Н. Телия, образы, лежащие в основе фразеологизмов, в большинстве своем прозрачны для данной лингвокультурной общности, т.к. отражают характерные для нее мировидение и миропонимание, что и позволяет говорить о культурно-национальной специфике фразеологического состава языка, проявляющейся более ярко, чем в его словарном запасе [4;9]. Изучение особенностей эмоциональной сферы балто-славянских языков будет продолжено на материале сопоставления ФЕ с семантикой «гнев», соответствующих параметру «контролируемость – неконтролируемость эмоции».

Литература

1. Маслова, В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений /.В.А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001.
2. Силин, А.А. Средства описания эмоциональных состояний (на материале португальского языка) / А.А. Силин : дис….канд.филол.наук. М.: 1988.
3. Петрова, Л.И. Человеческое тело и эмоции в контексте лингвокультурологии / Л.И. Петрова // Вестник Псковского государственного университета. – 2007.– №1.
4. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н.Телия. – М.: Шк.языки русской культуры, 1996.
5. Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2 т. / Сост. А.И.Федоров. – М.: Цитадель, 1997.
6. Laua, A. Latviešu frazeoloģijas vārdnīca: divos sējumos / A. Laua. - Rīga, 2000.
7. Большой фразеологический словарь русского языка / Отв.редактор В.Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006.

IV. ПРАБЛЕМЫ АНАМАСТЫКІ, ЭТНАЛІНГВІСТЫКІ І ДЫЯЛЕКТАЛОГІІ

Zofia Abramowicz (Uniwersytet w Białymstoku)

LOSY MIASTECZEK KRESOWYCH W POLSCE I NA BIAŁORUSI

Współczesne pokolenia Polaków, podobnie jak w II RP, z Kresami utożsamiają ziemie położone na wschód od linii Curzona. A więc pojęcie „miasteczko kresowe" dla każdego Polaka łączy się historią wielu mniejszych lub większych osad położonych na wschodzie kraju, które uzyskały status miasta jeszcze w czasach I Rzeczpospolitej. Były to czasy, kiedy wschodnie rubieże państwa Polskiego cechowała wielokulturowość wynikająca z niezwykłej tolerancji i zamiłowania do wolności. Na terenach wschodniej Polski często osiedlała się ludność prześladowana w innych rejonach Europy. Dlatego miasteczka kresowe charakteryzowała wieloetniczność, wielowyznaniowość i wielojęzyczność. Zazwyczaj w każdym miasteczku był kościół (wierni wyznania katolickiego), cerkiew (wyznawcy prawosławia), kircha (ludność protestancka) oraz synagoga lub dom modlitwy (Żydzi). Miasteczka miały ogromny wpływ na rozwój ekonomiczny, kulturowy i polityczny Kresów. W dobie Wielkiego Księstwa Litewskiego często odgrywały ważne role polityczne. Odbywały się w nich spotkania posłów Rady WXL, dyskusje dotyczące wyborów króla itp. W tym miejscu skupię się na losach dwóch typowych miasteczek kresowych z terenu Podlasia – Jałówki i Wołpy, które po drugiej wojnie światowej znalazły się w obrębie dwóch państw: Polski i Białorusi. Są to miasteczka o podobnej historii, położone blisko siebie i zbliżone pod względem wielkości. We wczesnym średniowieczu nastąpiło na omawianym obszarze przemieszanie kulturowe ludności litewskiej i wschodnio-słowiańskiej, a od XI wieku datuje się powolne, ale stopniowe, osiedlanie ludności pochodzącej z Mazowsza. Najstarsze trwałe osadnictwo tych stron sięga XV - XVI wieku. Było ono wynikiem wcześniejszej stabilizacji politycznej WX L oraz działań Kazimierza Jagiellończyka, który podzielił te tereny na części zwane puszczami. Północno-wschodnią część puszczy przydzielono do dworu w Wołpie, stąd nazwano ją początkowo Puszczą Wołpiańską, która znalazła się w zasięgu oddziaływania ludności nadroskiej i nadswisłockiej oraz ludności białoruskiej**.**

Historia miasteczek w I Rzeczpospolitej

Dwór Wołpa leżał najdalej na północy puszczy Wołpiańskiej. Pierwsze wzmianki o Wołpie pochodzą z 1492 roku. Początkowo dwór i sioło były we władaniu Wielkiego Księcia Kazimierza Jagiellończyka, który w 1449 roku podarował go kanclerzowi Olechnowi Sudymontowiczowi. Nowy właściciel Wołpy ufundował drewniany kościół pod wezwaniem Św. Jana Chrzciciela, który był konsekrowany w 1478 roku przez biskupa wileńskiego Jana Łosowicza. Kiedy córka Olechny Sudymontowicza, Zofia, wyszła za mąż za Aleksandra Holszańskiego, Wołpę wniosła mu w posagu. Następnie Wołpę odziedziczył Paweł Holszański, najstarszy syn tej pary. Będąc biskupem wileńskim zadbał o powiększenie uposażenia parafii i w istotny sposób przyczynił się do jej rozkwitu. Po jego śmierci Wołpa wróciła do dóbr królewskich. W XVI wieku z inicjatywy królowej Bony zostało utworzone starostwo Wołpiańskie wchodzące w skład powiatu Wołkowyskiego województwa Nowogrodzkiego. W 1624 roku starostwo Wołpiańskie nabył kanclerz Lew Sapieha dla swego syna Kazimierza. W XVIII wieku starostwo Wołpiańskie przeszło w ręce Józefa Aleksandra Jabłonowskiego. Na sejmie w 1773-1775 starostwo Wołpiańskie otrzymał Józef Wincenty Plater. W 1773 roku na miejscu starego kościoła wybudowano nowy drewniany kościół pod wezwaniem Św. Jana Chrzciciela. W 1792 król Stanisław August Poniatowski nadał miasteczku Wołpie prawo Magdeburskie i herb „na błękitnym polu bóbr naturalnej barwy".

Drugie miasteczko podlaskie – Jałówka położona była na południowym zachodzie Puszczy Wołpiańskiej. Pierwsze wzmianki o Jałówce pochodzą z XVI wieku jako o miasteczku położonym w powiecie Wołkowyskim w województwie Nowogródzkim WXL. W XVI w. utworzono osobne starostwo Jałowskie. Jedną z pierwszych stałych budowli tych terenów był książęcy dwór Jałówka, założony najprawdopodobniej w drugiej połowie XV wieku. Nazwa Jałówka pochodzi od nazwy rzeki, natomiast zachodnia część Puszczy Wołpiańskiej z czasem od nazwy dworu przyjęła nazwę Puszczy Jałowskiej. We wsiach starostwa Jałowskiego zamieszkiwała ludność białoruska, pochodząca ze starszych wsi włości wołpiańskiej i mścibohowskiej, a także z innych wsi na wschód od Swisłoczy. W 1545 r. za rządów królowej Bony Jałówka otrzymała prawa miejskie magdeburskie. Lokacja miasta Jałówki z cerkwią i kościołem w 1545 r. jest dowodem, że już w tym roku osadnictwo było dostatecznie rozwinięte. Jałówka leżała na szlaku podróży władców i stanowiła tzw. "dwór etapowy". Po śmierci Zygmunta Augusta w 1572 r. dobra hospodarskie (włość jałowska i inne) przeszły na własność państwa i powstały starostwa, a w ich obrębie niewielkie folwarki. W XVIII wieku Jałówka stała się centrum starostwa niegrodowego we władaniu Horajnów. W 1792 roku król Stanisław August Poniatowski nadał miasteczku herb: „na błękitnym polu postać świętego Mateusza”

W pierwszych latach XVII wieku na te tereny rozpoczął się napływ Żydów, którzy osiedlali się na podstawie zezwoleń królewskich. Przybywała tu również szlachta polska wraz ze służbą polskiego pochodzenia. Coraz częściej osiedlali się też rzemieślnicy pochodzenia polskiego. Napływowa ludność trudniła się głównie handlem i rzemiosłem. Wielu z nich pracowało w przemyśle. Proces zasiedlania tych ziem zakończył się definitywnie w końcu XVIII w.

Zabór carski

Po utracie niepodległości ziemie te znalazły się w zaborze rosyjskim. W wyniku represji po powstaniu listopadowym i styczniowym oba miasteczka utraciły swoją dawną rangę. Władze carskie skonfiskowały Wołpę, Jałówka utraciła prawa miejskie, została centrum włości powiatu Wołkowyskiego w Grodzieńskiej guberni.

Wołpa i Jałówka były typowymi kresowymi, wielokulturowymi miasteczkami. U schyłku XIX wieku w Wołpie było 110 dworów, kościół, 2 prawosławne kaplice, synagoga, 2 domy modlitwy, szkoła, browar, 2 garbarnie, farbiarnia, 25 sklepów. Regularnie odbywało się 5 jarmarków. Jałówka posiadała cerkiew, kościół i dwie synagogi. Mieszkańcami miasteczek byli przeważnie mieszczanie i chłopi. Szlachta, duchowieństwo czy urzędnicy stanowili znikomy procent ludności. W tym czasie Wołpa liczyła 2027 mieszkańców, z czego znaczną część stanowili Żydzi. W końcu XIX wieku w Jałówce było 1311 mieszkańców, z czego 743 osoby to Żydzi.

II Rzeczpospolita

Po I wojnie światowej Wołpa i Jałówka znalazły się w granicach II Rzeczpospolitej. Oba miasteczka wchodziły w skład przedwojennego województwa białostockiego. W dobie II RP zarówno Jałówkę jak i Wołpę zamieszkiwała ludność katolicka, prawosławna oraz żydowska. W 1921 roku liczyła Wołpa 1731 mieszkańców. Według spisu powszechnego z tamtego okresu gminę wołpiańską zamieszkiwało 5 115 osób, z czego najliczebniejszą grupę stanowili Polacy (3697), następnie Białorusini (739), Żydzi (675), Rosjanie (3) i Litwini (1). Jałówka w 1939 roku miała już 5000 mieszkańców.

Lata II wojny światowej i okupacji

Żydów spacyfikowano podczas II wojny światowej. Większość zabudowań żydowskich w obu miasteczkach spalili Niemcy podczas pacyfikacji, które nigdy już nie zostały odbudowane. Spuścizną po tej grupie etnicznej zostały jedynie cmentarze, tzw. kirkuty: w Wołpie położony przy drodze do Wołkowyska, w Jałówce trudny do odnalezienia na wzgórzach przy drodze do Kondratek. Nie odbudowano też innych budowli sakralnych zniszczonych podczas II wojny światowej: w Wołpie położonej w centrummiasteczka cerkwi prawosławnej, zaś w Jałówce kościoła św. Antoniego Padewskiego, które zostały zbombardowane przez Niemców.

Czasy powojenne

Po drugiej wojnie światowej miasteczka rozdzieliła granica państwowa. Wołpa jako miejscowość bardziej wysunięta na wschód znalazła się w granicach ZSRR w Republice Białoruskiej, zaś Jałówka w granicach państwa Polskiego. Jest położona na terenie gminy Michałowo. To ostatnia miejscowość przed granicą państwową na trasie z Michałowa przez Nową Wolę i Juszkowy Gród w kierunku na Swisłocz. Obie miejscowości utraciły status miasteczek. Dzisiaj to niewielkie wioski ze znacznie mniejszą liczbą mieszkańców niż w czasach międzywojennych. Ubytek ludności powodowały różne czynniki. Po wojnie w latach 50-tych w ramach repatriacji Wołpę masowo opuszczała ludność katolicka, która utożsamiała się z kulturą polską, modliła się po polsku i w domu często posługiwała się językiem polskim. Na jej miejsce napływała ludność z pobliskich wsi, przeważnie prawosławna. Jednak decydującym czynnikiem emigracji ludności z obu miasteczek był brak perspektyw ekonomicznego rozwoju tych miejscowości. W Wołpie jedynym miejscem pracy stał się kołchoz, sielsowiet, szkoła, punkt apteczny, niewielki szpital i kilka sklepów. Położona na tzw. ścianie wschodniej tuż przy granicy państwowej Jałówka nie oferowała młodzieży niczego, co mogłoby ją powstrzymać przed emigracją do wielkich miast. Dlatego miasteczka opuszczali młodzi ludzie, a to hamowało ich dalszy rozwój. Dzisiaj obie miejscowości mają status wsi, chociaż w ostatnich latach Wołpa awansowała do rangi ‘agrogorodka’ czyli miasteczka rolniczego.

W dużym stopniu zmienił się również charakter architektoniczny miasteczek, zwłaszcza Wołpy. Podczas II wojny światowej centralna część Wołpy została zrównana z ziemią. Utracona spuścizna to przede wszystkim uznawana za najpiękniejszą w Europie drewniana synagoga z XVII-XVIII ww. oraz położona w centralnej części miasteczka piękna drewniana cerkiew z pięcioma kopułami. Nie zostało śladu po tradycyjnej zabudowie rynku. Dzisiaj na miejscu cerkwi znajduje się klub oraz sielsowiet ‘rada gminy’. Z pożogi wojennej w Wołpie ocalał jedynie kościół pod wezwaniem Św. Jana Chrzciciela, który dzisiaj stanowi największą atrakcję turystyczną i jest świadectwem dawnej świetności miasteczka. Do zabytków należy jeszcze zaliczyć drewnianą cerkiew pod wezwaniem Śww. App. Piotra i Pawła z 1859 roku oraz kaplicę katolicką z 1900 roku. Oba zabytki znajdują się na cmentarzach: katolickim i prawosławnym. W odróżnieniu od Wołpy w Jałówce zachował się do dziś dawny układ zabudowy – duży, zadrzewiony rynek pośrodku miejscowości i rozbiegające się od niego uliczki zabudowane ładnymi, drewnianymi domami. Przy rynku mieszkała głównie ludność żydowska. Ostały się cerkiew Podwyższenia Krzyża Świętego (położona tuż przy rynku) i XIX-wieczny kościół Przemienienia Pańskiego, który po powstaniu styczniowym przebudowano na cerkiew, a w 1922 r. ponownie przywrócono katolikom. Wieś, licząca dziś niewiele ponad 300 mieszkańców, oprócz resztek kirkutu posiada dwa duże cmentarze. Na katolickim, leżącym przy drodze prowadzącej do granicy, wśród starych nagrobków natrafić możemy na dalekie echo twórczości Orzeszkowej – groby Bohatyrowiczów. W pobliżu cmentarza warto odwiedzić imponujące ruiny kościoła św. Antoniego Padewskiego. Świadectwem historii na terenie byłego starostwa jałowskiego oprócz miejskiego układu zabudowy są także resztki ruin zamku w Jałówce, wyniosłości w terenie wskazujące na lokalizację młynów, karczm lub dworków folwarcznych, cmentarz, cerkiew i kościół drewniany (skasowany w 1866 r.).

Literatura

1. Baliński, M. Starożytna Polska, t. 3 / M.Baliński, T.Lipiński. – Warszawa, 1846.
2. Durydiwka, M., Kociszewski P., Wielokulturowość Podlasia i możliwości jej wykorzystania w turystyce Turystyka Kulturowa / M.Durydiwka, P. Kociszewski // www.turystykakulturowa.org Nr 6/2013 (czerwiec 2013) (dostęp 14.10.2013).
3. Gloger Z. Budownictwo drewniane i wyroby z drzewa w dawnej Polsce, t. 1 / Z.Gloger. –Warszawa, 1907.
4. Hubka, T. C. Resplendent Synagogue / T.C.Hubka // Architecture and Worship in an Eighteenth Century Polish Community, Brandeis University Press, 2003.
5. Karpyza, W. Ziemia wołkowyska, t. 1 / W. Karpyza. – Miejska Biblioteka Publiczna w Lęborku, 2005.

6. Krinsky, C. H. Synagogues of Europe / C.H.Krinsky // Architecture. History. Meaning., Dover Publications Inc., 1996.
7. Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej. Tom V: Województwo Białostockie. – Warszawa: Główny Urząd Statystyczny Rzeczypospolitej Polskiej, 1924.
8. Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich, t. III (Jałówka), t. XIII (Wołpa). – Warszawa, 1882, 1893.
9. Wołyniak. Z przeszłości powiatu Wołkowyskiego. – Kraków, 1905.
10. Папко, І.В.МястэчкіВаўкавышчыныўканцы XVIII-першайпалове XIX ст. / І.В. Папко // Ваўкавышчына: згісторыікраюілёсулюдей. – Ваўкавыск, 1997. – С. 87-94.
11. Семянчук, Г.Воўпа. ВКЛ / Г.Семяньчук // Энцыклапедыя, т. 3 /рэд. Пашкоў Г.П. і інш.ДадатакА-Я, Мінск, 2010.
12. Соркіна, І.МястэчкіБеларусі ў канцы XVIII - першайпалове XIX ст. / І.Соркіна. –Вільня: ЕГУ, 2010.

Н.В. Бубнова
(Военная академия ВПВО ВС РФ имени А.М. Василевского, г. Смоленск)

СМОЛЕНСКИЕ АНТРОПОНИМЫ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОГО УРОВНЯ

Одним из приоритетных направлений современной лингвистики является ***антропоцентрический подход***, при котором, по замечанию В.А. Масловой, «анализируется человек в языке и язык в человеке» [6; 6].

Языковой единицей, изучение которой наиболее продуктивно именно в русле антропоцентрической парадигмы, на наш взгляд, является ***имя собственное***. Это обусловлено тем, что «ни в одной другой языковой единице не проявляются с такой полнотой знания и представления человека» [1; 206]. Ещё М.Я. Морошкин отмечал: «Где молчат хроники и исторические памятники, там начинает говорить одно слово, там, где безмолвствуют саги, начинают повесть собственные имена» [7; 6]. Действительно, в современной науке имя собственное можно назвать культурным знаком; при этом для наименования национально-культурного компонента в семантике онима используются различные термины: *ономастическая коннотация* (Л.М. Буштян), *ономастическая информация* (Н.В. Васильева), *денотативный* и *коннотативный макрокомпоненты значения* (В.И. Супрун) и др.

В данной работе будем использовать термин ***ассоциативно-культурный фон*** (АКФ), предложенный Н.А. Максимчук. АКФ – это вся сопутствующая ониму информация, при этом «компонент *культурный* указывает на то, что фоновые знания ([2; 498] – Н. Б.), сопровождающие имя собственное, носят прежде всего культурологический характер (культура в данном случае понимается максимально широко). Компонент *ассоциативный* называет основной путь формирования, расширения и затем выявления фоновых знаний» [5; 166-167].

В стратификации ономастических единиц на основании их лингвокультурологической ценности могут быть выделены три уровня: *общечеловеческий* (онимы, принадлежащие мировому социуму); *общенациональный* (онимы, являющиеся достоянием определенной нации, народа); *региональный* / *краеведческий*, представленный онимами *областного* / *краевого*, *районного* и *местного* масштабов [5; 110]. В данной работе мы рассмотрим взаимосвязь регионального и общенационального уровней, а именно то, какие смоленские имена (в частности, антропонимы) перешли на общенациональный уровень и стали «именами России».

С целью выявления региональных ономастических фоновых знаний смолян нами был проведён ассоциативный эксперимент, в котором приняли участие 1650 респондентов. В начале эксперимента его участникам была предложена анонимная анкета, содержащая следующие характеристики: пол, возраст, место рождения, уровень образования, сфера профессиональной деятельности, время проживания на Смоленщине и место жительства (город Смоленск или один из районов Смоленской области). Собственно эксперимент заключался

в том, что его участникам было необходимо в течение одной минуты записать имена собственные, с которыми у них ассоциируется стимул *Смоленщина*.

В результате была составлена База данных, включающая 1212 реакций (13471 употребление), среди которых 250 относятся к разряду антропонимов (3740 употреблений). При анализе использовался полный корпус полученных данных (от частотных до единичных реакций), поскольку модели связей между словами позволяют выявить тенденции, характерные для увязывания слов в лексиконе, а малочастотные или единичные реакции могут реализовать одну и ту же модель связи за счёт субъективного переживания близости их значения по тому или иному параметру [3;101].

Для того чтобы сопоставить, совпадает ли представление смолян о своём крае с представлением о Смоленщине у жителей других регионов России, мы проанализировали три источника общенациональных фоновых знаний:

– Русский ассоциативный словарь (РАС), подготовленный коллективом основоположников отечественной психолингвистики (Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов) и изданный в двух томах (том I «От стимула к реакции», том II «От реакции к стимулу») [9], [10];

– Большой лингвострановедческий словарь «Россия», созданный в Государственном институте русского языка имени А.С. Пушкина и изданный в серии «Фундаментальные словари» [8];

– книгу «Имя Россия. Исторический выбор 2008», отражающую итоги национального проекта «Имя Россия» [4] и содержащую 500 «историй отдельных людей», которые «способствовали продвижению по ступеням цивилизации своего народа, страны, государства» [11;3].

В данной работе рассмотрим, насколько представлены в указанных источниках имена людей, родившихся на Смоленщине. Нами было выявлено 16 ономастических единиц, соответствующих заданному критерию (в скобках указаны расположенные на территории Смоленской области места рождения носителей имён):

– писателей и поэтов (5): *А.Р. Беляев* (г. Смоленск), *Б.Л. Васильев* (г. Смоленск), *Ф.Н. Глинка* (с. Сутоки), *М.В. Исаковский* (д. Глотовка), *А.Т. Твардовский* (хут. Загорье);

– военнослужащих (4): *М.А. Егоров* (д. Ермошенки), *П.С. Нахимов* (с. Городок), *Г.А. Потёмкин* (с. Чижево), *М.Н. Тухачевский* (с. Александровское);

– актёров (2): *Ю.В. Никулин* (г. Демидов), *А.Д. Папанов* (г. Вязьма);

– декабриста: *П.Г. Каховский* (с. Преображенское);

– исследователя: *Н.М. Пржевальский* (д. Кимборово);

– композитора: *М.И. Глинка* (с. Новоспасское);

– космонавта: *Ю.А. Гагарин* (д. Клушино);

– скульптора: *М.О. Микешин* (д. Максимково).

Смолянами было названо 15 из 16 перечисленных смоленских онимов общенационального уровня. В списках реакций испытуемых отсутствует только имя поэта-декабриста *Ф.Н. Глинки*, которое в представлениях смолян о своём крае уступает место имени композитора *М.И. Глинки*.

К числу названных смолянами относятся следующие ономастические единицы, классифицированные нами по типу источника (в скобках указан индекс частотности реакций респондентов):

I. Во всех трёх источниках (РАС, словарь «Россия» и книга «Имя Россия») представлены смоленские имена – 4: *Ю.А. Гагарин* (596); *М.И. Глинка* (492); *П.С. Нахимов* (54); *Г.А. Потёмкин* (33);

II. Смоленские онимы, вошедшие в состав двух источников – 3:

– в книгу «Имя Россия» и в словарь «Россия» (1): *А.Т. Твардовский* (466);

– в словарь «Россия» и в РАС (1): *Ю.В. Никулин* (56);

– в книгу «Имя Россия» и в РАС (1): *Н.М. Пржевальский* (143).

III. Смоленские имена, выявленные в одном источнике – 8:

– в книге «Имя Россия» (2): *М.А. Егоров* (68); *М.Н. Тухачевский* (36);

– в словаре «Россия» (5): *М.В. Исаковский* (273); *А.Д. Папанов* (2); *М.О. Микешин* (6); *Б.Л. Васильев* (4); *П.Г. Каховский* (2);

– в РАС (1): *А.Р. Беляев* (22).

Особо отметим, что 4 из перечисленных выше смоленских антропонимов общенационального уровня – *Ю.А. Гагарин*, *М.И. Глинка*, *А.Т. Твардовский*, *М.В. Исаковский* – входят в состав ***ядра*** региональных ономастических фоновых знаний смолян, т.е. они названы всеми группами испытуемых независимо от пола, возраста, места рождения, уровня образования и других характеристик.

Кроме того, к ядру фоновых знаний смолян, по данным проведённого нами эксперимента, относятся 8 онимов (в скобках также указан индекс частотности реакций):

– *Днепр* (953), *Смоленск* (345), *Василий Тёркин* (124) – представлены в словаре «Россия» и в РАС;

– *Успенский собор* (725), *Крепостная стена* (695), *М.К. Тенишева* (166) – названы в тексте словарной статьи «Смоленск» Большого лингвострановедческого словаря «Россия»;

– *Ф.С. Конь* (232) и *Н.И. Рыленков* (154) – ни в одном из трёх источников общенациональных фоновых знаний не упомянуты.

Наличие перечисленных ядерных онимов в списке реакций всех групп испытуемых подтверждает правомерность выделения понятия ***языковая личность смолянина***.

Как видим, разряды топонимов (*Днепр*), религионимов (*Успенский собор*), хрематонимов (*Крепостная стена*) и литературных имён (*Василий Тёркин*) в составе ядра региональных ономастических фоновых знаний смолян представлены единично. Антропонимы же (*Ю.А. Гагарин*, *М.И. Глинка*, *А.Т. Твардовский*, *М.В. Исаковский*, *Ф.С. Конь*, *М.К. Тенишева*, *Н.И. Рыленков*) являются самым распространённым разрядом, что снова доказывает их центральное место в ономастиконе языка. Следует отметить, что по данным второго этапа эксперимента, в котором мы выявляли состав АКФ ядерных смоленских онимов, нами была замечена зависимость «популярности» антропонимов от того, что данными именами названы улицы, памятники и другие городские объекты, непосредственно окружающие языковую личность, попавшую в смоленский региональный социум. В структуре АКФ каждого смоленского ядерного антропонима нами была выделена группа семантически однородных реакций, которую условно можно обозначить как «Памятные места и события, связанные с именем»; более того, для некоторых антропонимов (*Н.И. Рыленков*, *М.К. Тенишева*) данная группа реакций является наиболее распространённой по количеству реакций и их частотности.

Таким образом, исследование места «смоленских» имён собственных в структуре общенациональных и региональных фоновых знаний необходимо для описания и структурирования состава фоновых знаний не только языковой личности смолянина, но и общерусской языковой личности.

Литература

1. Альдингер, О.П. Фразеономастическая картина мира в «Пословицах русского народа» В.И. Даля. Дисс. … канд. филол. наук. – Смоленск, 2006. – 232 с.
2. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е / О.С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 448 с.
3. Залевская, А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. – М.: Гнозис, 2005. – 543 с.
4. Имя Россия. Исторический выбор 2008 / Под ред. А.Н. Сахарова. – М.: Астрель, АСТ, 2008. – 383 с.
5. Максимчук, Н.А. Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении: в 2 ч. / Н.А. Максимчук. – Смоленск: Изд-во СГПУ, 2002. Ч. 1. – 204 с.

6. Маслова, В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
7. Морошкин, М.Я. Славянский именослов, или Собрание славянских личных имен в алфавитном порядке / М.Я. Морошкин. – СПб: Изд-во СПбГУ, 1867. – 357 с.
8. Россия. Большой лингвострановедческий словарь / под ред. Ю.Е. Прохорова. – М.: АСТ-Пресс, 2007. – 736 с.
9. Русский ассоциативный словарь / под ред. Ю.Н. Караулова и др.: в 2 т. – М.: Астрель, АСТ, 2002. Т. 1. От стимула к реакции. – 784 с.
10. Русский ассоциативный словарь / под ред. Ю.Н. Караулова и др.: в 2 т. – М.: Астрель, АСТ, 2002. Т. 2. От реакции к стимулу. – 992с.
11. Сахаров, А.Н. Предисловие / А.Н. Сахаров // Имя Россия. Исторический выбор 2008. – М.: Астрель, АСТ, 2008. – С. 3-4.

В.Л. Васильев (Великий Новгород)

О БАЛТО-СЛАВЯНСКИХ ИСТОКАХ *СОМИН*-ГИДРОНИМИИ*

Географические имена с основой *Сомин-* (*Самин-*) рассеяны на значительных пространствах России, Белоруссии, Украины и Польши. Особенно много их на Русском Северо-Западе, где они фиксируются десятки раз, обычно в прикреплении к озерам, реже – к рекам, а порой и к селениям. Приведу (сокращенно) конкретный материал, который весьма обширен[1]. На севере Новгородской и Ленинградской обл. имеется оз. *Сомино*, стекающее в р. *Сominка* (*Сомина*) бассейна Мологи. Южнее г. Валдай одно из оз. *Сомино* стекает в р. Березайка бассейна Мсты, а второе, вместе с р. *Сominка*, впадает в р. Черная бассейна Полы. К течению Мсты относятся оз. *Сомино* со стоком в р. Сивельба вблизи г. Боровичи и оз. *Сомино* со стоком в оз. Волошно, лежащее к северо-востоку от Вышнего Волочка. Оз. *Сомино* известно в верховьях р. Луги к северо-западу от Новгорода, залив *Сомин* рядом с островом *Сомино* принадлежит акватории оз. Ильмень. Неподалеку от г. Бологое Тверской обл. есть оз. *Сомиха*, которое в конце XV в. именовалось *Сominец*; вблизи этого озера писцовые книги указывают еще деревни с производными названиями *Сominцов Конец* и *Сominец* [1. Т. I. С. 195, 196, 208]. Д. *Сомёнка* имеется в Крестецком р-не Новгородской обл.; она приравнивается к д. *Сominица* 1495 г. [1. Т. I. С. 815], где указана и р. *Соменка* под 1550/51 г. [2. Вып. 5. С. 104]. Одно из озер, именуемых *Сominское*, лежит вблизи Боровичей (оно соединено короткой протокой *Сominка* с крупным оз. Пирос бассейна Мсты), другое, относящееся к бассейну Волхова, – в районе г. Чудово Новгородской обл., третье, имеющее сток в р. *Сominка*, иначе *Сомина*, бассейна Чагоды, лежит в окрестностях г. Бокситогорск Ленинградской обл. Озёра, называемые *Сominец*, или *Саминец*, известны в Удомельском р-не Тверской обл., в Демянском и Мошенском р-нах Новгородской обл., а также у северного плеса оз. Селигер. Неподалеку от райцентра Окуловка на Новгородчине в конце XVIII в. значилась пустошь *Сominец* [3. Т. 1. С. 263], названная по оз. *Сominцо* 1495 г. [1. Т. I. С. 559, 582], иначе – *Соменец* 1550/51 г. [2. Вып. 5. С. 11]. Близ г. Старая Русса течет р. *Сominка* среди притоков Ловати, здесь же руч. *Сominский*, приток Сominки, и оз. *Сominое*, являющееся расширением русла Сominки. В районе г. Торопец Тверской обл. течет р. *Саминка* (*Сominка*) бассейна Ловати; она начинается из оз. *Саман*, которое дано писцовой книгой 1540/41 г. под названием *Сомино* [2. Вып. 4. С. 619, 587, 589]. Также в Торопецком р-не, юго-восточнее Торопца, расположены озера *Верхнее Сомино* и *Большое Сомино*. На сопредельной Псковщине имеются: пара несмежных озер *Сомино* в бассейне Великой, оба в ее верховьях к северу от г. Пустошка, и пара озер *Сомино* в течении Западной Двины: одно, со стоком в оз. Ребельское, лежит вос-

* Статья написана при поддержке гранта РГНФ (проект № 12-04-00173).

[1] Современные гидронимы Русского Северо-Запада преимущественно сняты с географических карт масштаба 1:100 000 (в дальнейшем ссылки на карты опускаются).

точнее Пустошки, второе (при нем д. *Сомино* и р. *Сóминка*), текущее в Паниклевку, находится восточнее Себежа. Есть еще пск. озера *Сами́ниц* неподалеку от Новоржева и *Самин* в истоках Великой.

Некоторые из таких названий на Русском Северо-Западе сохранились лишь в средневековой документации региона. Такова д. *Сомино* под 1495 г., она же *Сóминица*, *Сомино, Сóминско, Сóминцы* под 1538, 1550/51 гг., данная только в описаниях Шегринского погоста Новгородской земли [1. Т. II. С. 208; 2. Вып. 4. С. 69., Вып. 5. С. 13, 23, 24]. Р. *Сомынка* отмечалась в Ручьевском погосте под 1539 г. [2. Вып. 4. С. 56], средневековая волость *Сомино* указана в Спасском Молдинском погосте 1498/99 г. [2. Вып. 1. С. 229], а р. *Сóминец* значится в погосте Никольском в Морозовичах под 1563/64 г. [2. Вып. 2. С. 148].

За пределами Русского Северо-Запада, по современным данным, фиксируются: оз. *Сомино* у Переславля-Залесского Ярославской обл. (это, пожалуй, самый известный в России лимноним с основой *Сомин-*), р. *Сомина* и р. *Сóминка*, обе – правые притоки Днепра в районе Смоленска, р. *Сóминка* среди притоков Тверцы бассейна Волги (на окраине Твери), оз. *Сáминец* оз. в среднем левобережном Поочье, р. *Сомина*, правый приток Москвы-реки [4. С. 375, 381]. Кроме них, указывают р. *Сóминка* среди притоков Быстрой Сосны в бассейне Дона.

В Белоруссии отмечают: оз. и село *Сомино* в Пинском уезде Минской губ., оз. *Сомино* и рядом р. *Сомница* в Полоцком уезде Витебской губ., оз. *Sominoje* (*Somitoje*) в окрестностях Мозыря Минской губ. [5. Bd. IV. S. 350, 351]. На территории Украины имеются пара озёр *Сомино*: одно в Турийском р-не Волынской обл. (на нем стоит село *Сомин*), другое – в Сарненском р-не Ровенской обл., есть также оз. *Сóминец* в Любомльском р-не Волынской обл.

На территории Польши по разным частям Повисленья локализуются озёра с названиями *Somin, Sominiec, Sominko, Duże Sominko* и рядом *Małe Sominko, Sominy, Somińskie* и рядом *Małe Somińskie* [6. S. 411], а на северо-западе Польши есть населенный пункт *Somin* неподалеку от Старгарда-Щецинского.

Приведенные материалы выявляют главной у географических имен на *Сомин-* (реже *Самин-* в условиях аканья при безударности первого слога) гидронимическую функцию, прикрепление же к селениям и урочищам для них вторично и, как правило, определяется наличием смежных гидрообъектов. Для данной гидронимии проблематично найти бесспорные апеллятивные или антропонимические мотиваторы на славянской языковой почве. Сама основа разлагается на корневую и суффиксальную части с выделением суффиксы *-ин-* (иногда *-ын-, -ен-*, *-н-*, как в *Сомынка, Сомёнка, Сомница*, но эти суффиксы явно модифицировались из первоначального *-ин-*). На первый взгляд, напрашивается сравнение с обозначением сома (Silurus glanis) – крупной усатой рыбы, живущей в больших водоемах в умеренном поясе Европы. Так, М. Фасмер объясняет гидронимию *Сомина, Сóминка* по рус. диал. *сомúна* ‘большой сом’ [7. Т. III С. 716]. Х. Гурнович связывает повисленские лимнонимы на *Somin-,* равно как на *Sumin-*, в частности *Sominko, Somińskie Jezioro* (*Zomyn* под 1313 г.), *Sumino*, *Sumińskie Jezioro*, с др.-польск. *som*, совр. польск. *sum* [8. S. 141, 146]. Мысль о том, что такие названия указывают именно на сомовьи водоемы выглядит для многих самоочевидной, поэтому каких-либо иных предположений почти не появлялось. Топооснову *Сомин-* возводили еще к личным именам **Сом(а)* (так А.П. Корепанова) или **Сойма*, которое мотивируется глаголом *яти, иму* [9. С. 129], однако отантропонимная трактовка без дополнительных письменных подтверждений сомнительна даже для одного водного названия и тем более для всего выявленного гидронимического массива.

Вместе с тем признанию однозначной связи названий на *Сомин-* с обозначением рыбы Silurus glanis мешает характер деривации исходной адъективной формы. Суф-

фикс *-ин-* присоединяется к основам слов жен. р., тогда как основа муж. р. на твердую согласную обычно осложняется суффиксом *-ов-*, поэтому в русском языке обнаруживаются *сомóвый* или *сомóвий* (но не *сомúный, сóминый*). Отмечено, впрочем, единичное диал. *сóмин* ‘относящийся к сому’ («Лопушок растет на сомином месте», р. Урал) [10. Вып. 39. С. 315], но оно выглядит окказиональным и несет ударение на первом слоге. В наибольшей же степени сближению с обозначением сома противоречат физико-географические особенности водоемов, носящих названия на *Сомин-, Самин-*. Известно, что в новгородско-псковских землях, где рассматриваемых гидронимов особенно много, все связанные с ними водоемы очень незначительны по размерам, расположены в болотистых местах, и сомы в них не водятся. Вообще, на Русском Северо-Западе сом – редкая рыба, здесь она хотя и встречается иногда в крупных водоемах (например, в оз. Ильмень), но предпочитает более южные широты. Даже если допустить, что в древности сом был распространен здесь шире, чем сейчас, все равно трудно ожидать его появления в маленьких озерах и речках. В любом случае очевидно, что для большинства водных названий на *Сомин-* «сомовья» этимология не находит реальной опоры в местной ихтиофауне.

Названия *Сомина* и *Соминка* для двух притоков Днепра на Смоленщине рассматривались среди гидронимических балтизмов неясной этимологии: наряду с верхнеднепровск. *Смонка*, они возводились к некой балт. праформе **Sumina* (?) ввиду др.-прус. *Sumyn* оз. [11. С. 208–209]; см. также отнесение к ряду балтизмов подмосковной р. *Соминка* и одной из новгородских рр. *Соминка*, но без изложения этимологических аргументов в [12. С. 7; 13. С. 281]. В самом деле, на балтийские отношения *Сомин-*названий намекает уже тот факт, что они в целом локализуются на территории бывшего распространения балтов в Восточной Европе, хотя преимущественно встречены на периферии балтийского этноисторического ареала. Но при этом совершенно очевидно, что весь массив перечисленной гидронимии, достаточно плотный и выразительный особенно в области новгородских пятин, в том числе к востоку и северо-востоку от оз. Ильмень, доходящий на северо-востоке до Ярославской обл., на юго-западе до правобережных притоков Припяти, на западе до нижнего течения Вислы, не может быть квалифицирован как древнебалтийский субстрат, одним из характерных признаков которого являются разрозненные и редкие проявления.

Существует возможность предложить иную, балто-славянскую, версию происхождения гидронимической основы *Сомин-*, а именно сближение ее с балт. *sam(-an)-* в лит. *sãmana* ‘мох’, *samãnis, samanìnis* ‘моховой’, *samanynė* ‘место, поросшее мхом’, *apsamanóti, samanóti, sãmanoti* ‘обомшеть, замшеть, покрываться мхом’, *samėti* то же. Основа в сущ. *sãmana* является первоначальной основой адъектива, образованного с суф. *-an-* от корня **sam-*, не находящего, однако, приемлемой этимологии [14. Bd. II. S. 761]. Данный корень отложился во многих балтийских названиях вод, таких как лит. *Sãmė* р., *Samavà* р., *Sãmis* оз., *Samãvas* оз., ятв. *Samle,* оз. *Sumovo*, данное под 1569 г. в форме *Somonis,* – их предположительно связывают с обозначением мха [15. P. 289–290] наряду с лит. гидронимией *Samanėlis, Samanìnė, Samanìnis, Samanýno ežeras, Samãnis, Samanių ežeras*, *Samãnius, Samanùpis* [16. P. 141–142], прус. *Samnicz* руч. [17. S. 150], возможно, сюда и *Соматенка*, *Соматик* рр. в Поочье [18. С. 303]. Как вероятный балтизм такой же суффиксальной структуры допустимо квалифицировать и название оз. *Саман* (иначе *Сомино*) у Торопца, из которого вытекает р. *Соминка*, см. выше. Гидронимические основы – слав. *Сомин-* и балт. *Saman-* – различаются лишь деталью деривации, схожими адъективными суффиксами *-in-, -an-* при общем корне, функционально тождественными, порой пересекающимися в изосемантических образованиях, ср. лит. *sãmana* ‘мох’ при лит. *kiminaĩ* (и *kimonaĩ*) ‘мох’. Следовательно, привлечение балтийских апеллятивов позволяет предположить существование у ранних восточных славян

адъективной основы **som-in-* ‘моховой, мшаный’ и считать, что гидронимы типа *Сомино*, *Соминка* изначально указывали на заросшие мхами или иной похожей растительностью озера и реки.

В рамках предлагаемой версии эта первичная семантика соответствующих гидронимов находит безусловное подтверждение в ландшафтных реалиях. Обозначенные *Сомин*-гидронимией озера и речки все расположены в низменных, покрытых болотной растительностью и мхами местах, в речных поймах и долинах более крупных водоемов. Такие гидронимы обычно прикреплены к небольшим водоемам у торфяных болот, они также маркируют водоемы с топкими берегами, заросшими осокой, заливаемыми в половодье. Так, известное оз. *Сомино* в Ярославской обл., является мелководным, заросшим тростником, с сорокаметровым слоем сапропеля на дне, для карстового укр. оз. *Сомино* на Волыни характерны залесенные топкие берега, поросшие мхом и камышом, новг. р. *Соминка* и оз. *Соминое* вблизи Старой Руссы расположены в затопляемой низменности, остров *Сомино* на Ильмене постоянно заливается водой. Примеры легко умножить. Дополнительно об особенностях топографии этих водоемов сигнализирует отвечающая тельмографическим реалиям топонимия, например, у оз. *Саминец* протекает рч. *Замошенка* в оз. Селигер, из торфяного оз. *Сомино* на Валдае течет речка с «болотным» названием *Черная*, оз. *Соминец* в водосборе Мологи стекает в болотное оз. *Черное*, оз. *Сомино* бассейна Мсты лежит в *Гладком* болоте, псковские озера *Саменец* и *Сомино* в бассейне Великой примыкают к озёрам, которые называются *Чернозерье* и *Черное*.

Таким образом, основы слав. *Сомин-* и балт. *Saman-* следует квалифицировать как совместные балто-славянские производные от общего новообразованного корня, появившиеся сравнительно поздно на территории этноязыкового пересечения и контактирования балтов и ранних славян в Восточной Европе (в окрестностях озер Ильмень и Чудско-Псковское, в верхнем Поднепровье, верхнем Подвинье, верхнем Поволжье, в Повисленье), чем объясняется, во-первых, отчетливо региональный характер и, во-вторых, отсутствие более ранних достоверных этимологических связей этих основ. Рассматриваемые балто-славянские соответствия, впрочем, не являются абсолютными, поскольку расходятся вокализмом адъективных суффиксов; данное структурное расхождение препятствует, в свою очередь, версии о прямом лексическом заимствовании, в частности об усвоении ранними восточными славянами балтийской основы. В части балтийских языков, именно в литовском, суффиксальная основа отражена и апеллятивной лексикой, тогда как слав. *Сомин-* сохранилась лишь в составе географических названий.

Литература

1. Новгородские писцовые книги. – СПб., 1859–1910. Т. I–VI.
2. Писцовые книги Новгородской земли / сост. К.В. Баранов. – М., 1999–2009. – Т. 1–6.
3. Фролов, А.А. Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли (по писцовым книгам письма 1495–1496 годов) / А.А. Фролов, Н.В. Пиотух. – М.; СПб., 2008. – Т. 1–3.
4. Смолицкая, Г.П. Гидронимия бассейна Оки / Г.П. Смолицкая. – М., 1976.
5. Wörterbuch der russischen Gewässernamen / Begr. von M. Vasmer. Berlin – Wiesbaden, 1961–1969. Bd. I–V.
6. Hydronimia Wisły. Cz. I. Wykaz nazw w układzie hydrograficznym / pod red. P. Zwolińskiego. – Wrocław etc., 1965.
7. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачев / М. Фасмер. – М., 1986–1987. – Т. 1–4.
8. Górnowicz, H. Gewässernamen im Flussgebiet der unteren Weichsel / H. Górnowicz. – Stuttgart, 1985.
9. Шульгач, В.П. Ойконімія Волині. Етимологічний словник-довідник / В.П. Шульгач. – Київ, 2001.
10. Словарь русских народных говоров. 2-е изд., исправленное / ред. Ф.П. Сороколетов. – СПб., 2002–2010. – Вып. 1–43.
11. Топоров, В.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья / В.Н. Топоров, О.Н. Трубачев. – М., 1962.
12. Топоров, О.Н. Древняя Москва в балтийской перспективе // Балто-славянские исследования 1981 / О.Н. Топоров. – М., 1982. – С. 3–61.

13. *Топоров, В.Н.* Балтийский элемент в Новгородско-Псковском ареале (общий взгляд) // Великий Новгород в истории средневековой Европы / В.Н. Топоров. – М., 1999. – С. 276–292.
14. *Fraenkel, E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg / E. Fraenkel. – Göttingen, 1955. – Bd. I–II.
15. *Vanagas, A.* Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas / A. Vanagas. – Vilnius, 1981.
16. Lietuvos TSR upių ir ežerų vardynas. – Vilnius, 1963.
17. *Gerullis, G.* Die altpreussischen Ortsnamen / G. Gerullis. – Berlin; Leipzig, 1922.
18. *Топоров, О.Н.* Балтийский элемент в гидронимии Поочья. III // Балто-славянские исследования 1988–1996 /О.Н. Топоров. – М., 1997. – С. 276–310.

Т.Ю. Васильева (Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)

ПОНЯТИЕ «ТОПОНИМИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА» В СОВРЕМЕННОЙ ОНОМАСТИКЕ

Современный этап развития ономастической науки характеризуется повышенным вниманием к лингвокультурологической проблематике, в рамках которой имена собственные рассматриваются как своеобразные знаки культуры, в которых «закодирована система ценностей и опыта данного общества, восприятие пространства, времени, количества и качества, словом, видение мира данной языковой общностью» [3; 135].

Конец XX – начало XXI в. ознаменовалось активизацией лингвокультурологических изысканий в российской, польской и белорусской ономастике. Внимание российских исследователей в данный период привлекает урбанонимия (работы Ю.В. Вайрах, Е.В. Ворошиловой, А.С. Гальцовой, Н.Ю. Забелина, Е.Ю. Позднякова, Е.А. Сизовой, Н.В. Шимкевича), антропонимия (исследования Г.Р. Галлиулиной, Л.И. Зубковой, Л.В. Окуневой), топонимия (работы Л.Г. Гулиевой, И.А. Дамбуева, А.С. Жилиной, Г.С. Сударь). В работах польских ученых осуществляется культурологическая интерпретация антропонимов (книги и статьи М. Малец, З. Калеты) и топонимов (работы Э. Жетельской-Фелешко). Проблемы взаимосвязи онимической лексики и культуры освещаются в книгах «Имена собственные и культура» (Варшава, 2003), «Прошлое, настоящее и будущее польской ономастики» (Вроцлав, 2003), «Имена собственные в языке, культуре и социальной коммуникации» (Катовице, 2004). В белорусской ономастике вопросы лингвокультурологической проблематики рассматриваются на материале антропонимов (исследования Ю.А. Гурской), внутригородских названий (работы А.М. Мезенко), топонимов (публикации Е.А. Валасенко, И.Л. Копылова, В.М. Генкина).

Особую популярность в современных исследованиях приобретает тематика языковой картины мира, частью которой является ономастическая (онимическая) картина мира, представляющая собой систему всех онимов, функционирующих в языке и вербализующих, наряду с другими элементами языка, содержание концептуальной картины мира. В зависимости от разрядов онимов в ономастической картине мира выделяются частные: антропонимическая, топонимическая, зоонимическая и др. Цель настоящей работы – дескриптивный анализ современных ономастических публикаций, посвященных исследованию и описанию топонимической картины мира.

Изучение топонимической картины мира проводится в трудах российских исследователей М.В. Голомидовой (ландшафтная (топографическая) картина мира), Е.Л. Березович (топонимическая версия картины мира), С.П. Васильевой, Л.М. Дмитриевой, Л.А. Климковой, Е.Ф. Ковлакас, А.В. Правдиковой и др.

Данное понятие впервые вводится в научный оборот и обосновывается Л.М. Дмитриевой. По мнению ученого, топонимическая картина мира представляет собой модель реальной действительности, наиболее значимое место в которой занимает категория пространства как фундаментальная категория, определяющая отношение человека к окружающему миру. Будучи связанной с пространственным концептом, топонимическая картина мира «имеет территориальный характер, региональные особенно-

сти, которые принято рассматривать в качестве регионального менталитета, то есть биологически, исторически и социально обусловленной системы стереотипов, функционирующей в данном регионе» [2; 15]. Формирование топонимической картины мира как системы представлений человека об окружающей действительности обусловливается, по замечанию исследователя, экстралингвистическими (экономическими, политическими, социальными и др.) и интралингвистическими факторами.

Диалектная, региональная и топонимическая картины мира как компоненты русской языковой картины мира выделяются и интерпретируются в работе Л.А. Климковой. Диалектная языковая картина мира, по определению исследователя, – это диалектный язык, выступающий как средство вербализации концептуальной картины мира и объединяющий в себе частные диалектные системы различного объема. Фрагментом диалектной языковой картины мира является региональная, которая в то же время имеет и более широкий характер, поскольку включает кроме диалектного и другие компоненты – литературный, просторечный, жаргонный. В топонимической картине мира, понимаемой как система всех топонимов в языке, исследователем выделяются, как и в диалектной языковой картине мира, региональные картины мира, соответствующие определенному региону как историко-культурной зоне. Во втором разделе работы описываются основные параметры картины мира – концепты «Пространство»; «Время»; «Человек»; «Число», «Сакральность», реконструируемые на основе микротопонимических данных. По замечанию автора, исследование микротопонимической системы в плане отражения картины мира может проводиться в двух аспектах: статическом, предполагающем изучение самой номенклатуры микротопонимов, очерчивающих физическое пространство жизнедеятельности коллектива, и динамическом (дискурсном), направленном на исследование специфики функционирования языковых единиц в высказываниях [4].

Исследованию роли микротопонимов в отражении национальной и индивидуально-авторской картины мира на материале произведений английских авторов XIX-XX вв. посвящена диссертация А.В. Правдиковой. По мнению исследователя, микротопонимы отражают национальную картину мира двояким способом: национально-специфическим является как набор объектов, которым присваиваются имена собственные, так и принципы и мотивы номинации. Следовательно, изучение разрядов и семантики микротопонимов позволяет описывать ценностные ориентиры, лежащие в основе национальной картины мира. Кроме того, автор указывает, что микротопонимия является одним из способов языковой репрезентации таких базовых концептов, как пространство, место и предмет [6].

В докторских диссертациях С.П. Васильевой и Е.Ф. Ковлакас, посвященных описанию топонимической картины мира конкретного региона, в качестве репрезентативной единицы избирается ментальный образ, представляющий собой сложную единицу ментального уровня, сложившуюся на основе перцептивных ощущений и практического опыта человека и выраженную в дискретных номинативных единицах – топонимах. Ментальные образы «отражают характер восприятия человеком реальных природных объектов и явлений, обладают наглядностью, синтетичностью и синкретизмом» [1; 247]. В работе С.П. Васильевой выявляются специфические черты топонимической картины мира Приенисейской Сибири на основе моделирования ментальных образов Человека, Пространства, Реки.

Топонимическая картина мира Краснодарского края (Кубани) и Республики Адыгея является предметом исследования в диссертации Е.Ф. Ковлакас. Концептосферу топонимической картины мира, по данным автора, образуют взаимосвязанные концепты «Человек», «Земля», «Гора», «Вода», «Имя», «Река», «Пространство», «Время», «Движение». «Моделирование топонимической картины мира на основе ментальных образов, сформированных обобщением представлений человека о географических объектах действительности и выраженных в топонимах, позволяет выявить и эксплицировать этнокультурную информацию, связанную с социальной структурой общества, межэтническими и межкультурными отно-

шениями, с системой нравственных ценностей и оценок» [5; 9]. Во второй главе «Топонимическая концептосфера как отражение мировосприятия и аксиологически-оценочной системы этноса» работы Е.Ф. Ковлакас описываются концепты «Человек», «Гора», «Река» как специфические формы ментального бытия топонимической системы. Концепт «Человек» рассматривается на основе анализа антропонимов и этнонимов, выявленных в основах топонимов Краснодарского края и Республики Адыгея, концепт «Гора» исследуется на материале оронимов, «Река» – гидронимов.

Таким образом, анализ ономастических публикаций, посвященных описанию топонимической картины мира, свидетельствует о том, что обращение к данному понятию позволяет ученым выйти на новый уровень исследования топонимической системы, когда во главу угла ставятся вопросы отражения топонимами ценностных приоритетов и особенностей мировидения конкретного лингвокультурного сообщества. Исследование топонимической картины мира открывает доступ к познанию идеоэтнической языковой картины мира, представляющей собой сложную иерархическую систему, полная реконструкция которой является трудновыполнимой задачей, так как «даже при целенаправленной рефлексии картина мира познается и осознается человеком только фрагментарно, в ее отдельных компонентах, участках, не может быть охвачена полностью, во всей своей целостности» [4; 15]. Моделирование и изучение топонимической картины мира представляется перспективным направлением исследования картины мира в целом.

Литература

1. Васильева, С.П. Русская топонимия Приенисейской Сибири: картина мира [Электронный ресурс] : дис. … д-ра филол. наук : 10.02.01 / С.П. Васильева. – Красноярск, 2005. – Режим доступа : http://www.rsl.ru. – Дата доступа : 12.05.2011.
2. Дмитриева, Л.М. Онтологическое и ментальное бытие топонимической системы (на материале русской топонимии Алтая) [Электронный ресурс] : дис. … д-ра филол. наук : 10.02.01 / Л.М. Дмитриева. – Барнаул, 2002. – Режим доступа : http://www.rsl.ru. – Дата доступа : 25.05.2012.
3. Жетельска-Фелешко, Э. Глядя на имена собственные / Э. Жетельска-Фелешко // Вопросы ономастики. – 2010. – № 2. – С. 124-138.
4. Климкова, Л.А. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Моск. пед. гос. ун-т ; Л.А. Климкова. – М., 2008. – 65 с.
5. Ковлакас, Е.Ф. Особенности формирования топонимической картины мира: лексико-прагматический и этнокультурный аспекты [Электронный ресурс] : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Е.Ф. Ковлакас. – Краснодар, 2009. – Режим доступа : http://www.rsl.ru. – Дата доступа : 18.01.2012.
6. Правдикова, А.В. Микротопонимия как отражение картины мира : На материале английской литературы XIX-XX вв. [Электронный ресурс] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А.В. Правдикова. – Волгоград, 2009. – Режим доступа : http://www.rsl.ru. – Дата доступа : 07.05.2013.

О.Н. Волкова (Сумкой государственный университет, Украина)

ОПРОЩЕНИЕ В СФЕРЕ НАИМЕНОВАНИЙ ЖИВОТНЫХ ВСЛЕДСТВИЕ РАЗРЫВА СЕМАНТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

Опрощение – это один из исторических процессов трансформации морфемной структуры, отличающийся длительностью и сложностью, т.к. он не является сугубо деривационным явлением, а включает в себя семантические, исторические и другие явления, без комплексного анализа которых невозможно его полное научное понимание. Благодаря данному процессу в языке появляются новые корневые слова, выходят из употребления непродуктивные аффиксы.

Опрощение считают наиболее распространенным и наиболее важным изменением состава слова, которое в большинстве случаев «сопровождается деэтимологизацией слова как номинативной единицы, в результате которой оно из мотивированного названия … становится немотивированным» [7, 121].

В настоящее время лингвисты выделяют несколько степеней этого процесса, исследуют причины опрощения с градацией их важности [1; 3; 7]. Утрата смысловой связи между деривационными коррелятами является, по мнению О.Е. Ольшанского, «наиболее общим проявлением семантических изменений, приведших к опрощению суффиксальных существительных» [2, 90].

В момент возникновения лексемы, как правило, являются мотивированными, однако в процессе функционирования их значение подвергается различным семантическим трансформациям. Это приводит к разрыву этимологических связей между ранее родственными словами. Именной суффиксальный дериват утрачивает связь с производящим словом, теряет свою «внутреннюю форму», а суффикс десемантизируется и сливается с корневой морфемой. Такое опрощение может происходить в результате сдвига в семантике производящего слова, производного слова или в двух таких лексемах одновременно.

Сам термин ***животное*** пережил несколько фаз опрощения такого типа. Исконно слово ***животное*** (др.-р. форма **животьное**) – это суффиксальное (*-ьн-*) производное от существительного *живот*, которое ранее имело такие значения, как*«жизнь»* (ср. *не щадя живота своего*), *«источник жизни»*, откуда *«имущество, богатство»* (ср. укр. *ледве животіти «плохо жить»*) и *«часть тела человека и животного»*.

В свою очередь существительное *живот* было произведено посредством суффикса *-от-* (ср. *робот*) от прилагательного *живой*. Оно исконно тоже было мотивированным и произведённым от глагола *жить* с помощью суффикса *-в-*. Словообразовательная и семантическая история слова ***животное*** такова: др.р. **жити «***быть живым***» > жи-в-ыи «***живой***» > жи-в-от-ъ «***источник жизни, богатство, часть тела***» > жи-в-от-ьн-ое «***живое существо***»**. Затем субстантивация и терминологизация привели к ослаблению семантических и деривационных связей с производящими основами и опрощению, поэтому данная лексема в русском языке считается непроизводной: *животное* [5,I, 347; 8, 130; 9, II, 52; 6, I, 539-540; 4, 178].

Такой мотивирующий признак, как *«рогатый»* послужил основой для возникновения наименования ***зубр***, родственного слову *зуб*. Форма этих слов развилась из праславянского корня **zobъ* (ср.: польск. *zab,* слвц., чеш. *zub,* др.р. **зоубъ** *«зуб»*), первоначально обозначавшего что-то *«выросшее; выступ»*. Этимологи связывают этот корень с и.-е. глаголом **gentī «рождать, расти»*, где чередование *е/о* в корне сочеталось с разными носовыми согласными: *on/om*. В индоевропейских языках им соответствуют: лит. *Žembetī «прорастать»*, *žambas «рог»*; греч. *Gomphos «зуб»* и *«гвоздь»*. Из этого следует, что корень *зуб* исконно имел более широкую семантику, обозначая твердый острый выступ (*зуб, рог, гвоздь*), а потом в результате сужения значения стал обозначать только костные образования во рту. Семантическая и деривационная связь между словами ***зуб*** и ***зубр*** была утрачена, что привело к опрощению последней основы, которая в современном русском языке стала непроизводной: *зубр, зубриха* [5, I, 379, 8, 165; 9, II, 107;6, I, 695].

Наименование животного, покрытого костным панцирем, ***черепаха*** этимологически представляет собой производное (суфф. *-ах-*, как в слове *рубаха*) от слова *череп* в первичном значении *«скорлупа, покрытие»*. Первоначально лексема ***черепаха*** и обозначала *«костную оболочку, панцирь»*, а к современному значению привело метонимическое переосмысление. В слове *череп* произошли сужение и специализация значения *«скелет головы у позвоночных животных и человека»* [8, 535; 5, II, 366; 9, IV, 341;6, IV, 593]. Все это способствовало тому, что два этих слова – ***череп*** и ***черепаха*** – оказались не связанными друг с другом, а существительное ***черепаха*** утратило суффикс: *черепаха* [5, II, 366].

Суффиксальные дериваты ***змей***, ***змея*** (суфф. *-ьj-*ь) восходят к тому же корню, что и слово *земля* (**zem «низ»* в звуковой разновидности **zьm*), т.к. они обозначали *«пол-*

зающую по земле тварь».Фонетические изменения способствовали утрате семантических связей между ними, поэтому в современном русском языке слова ***змей*** и ***змея*** являются непроизводными, их основа заканчивается согласным [*j*], который ранее был суффиксальным [5, I, 372; 8, 162; 9, II, 100; 6, I, 686].

Интересна история слова ***хорь***, обозначающего того же *«хищного зверька с ценным мехом»*, что и слово ***хорек*** [4, 797]. Существительное ***хорь*** является фонетическим видоизменением др.р. **дъхорь**, засвидетельствованного древнейшими памятниками славянской письменности и сохранившегося в ряде славянских языков (укр. *mxip*, др.-чеш. *dchoř,* чеш. *tchoř;* слвц. *tchor*). Древнерусская лексема была образована с помощью предметного суффикса *–орь* от основы **дъх/дых**, которая легко семантизируется, т.к. представлена и в глаголе **дъхнути** *«пахнуть, издавать неприятный запах»*. Таким образом, животное получило наименование потому, что издавало неприятный запах, буквально *«пахнущий(зверь)»*. Дальнейшая история этого слова в русском языке такова: **дъхорь > дхорь** (после утраты редуцированных в слабой позиции); **дхорь > тхорь** (после ассимиляции по глухости); **тхорь** > **хорь** (после упрощения групп согласных). Такие же процессы произошли как в др.р. глаголе **дъхнути >** совр. *тхнуть «плохо пахнуть»*, так и в причастии **задъхлыи -** совр. прилагательное *затхлый «дурно пахнущий»*.

Вследствие указанных процессов основа слова ***хорь*** в сознании носителей языка перестала ассоциироваться со звуковым обликом и значением производящей основы, подверглась опрощению и перестала быть производной: *хорь, хорек* [8, 523; 9, IV, 270; 6, IV, 561; 5, II, 343].

Современное слово ***мотыль*** представляет собой немотивированную лексему, обозначая *«личинку комара красного цвета, служащую наживкой при ловле рыбы»* [4, 333]. Исторически же эта лексема была семантически и деривационно связана с глаголом *мотать «махать, вертеть, колебать»* и входила в обширное число лексем, производных от этого глагола [6, II, 350-352]. Слово *мотыль* имело ряд словообразовательных вариантов и синонимов (*мотыль, мотылек, мотылечек, метляк, метелок; бабочка, порхунок* и др.), которые подтверждают более широкую его семантику в древности. Основным, первичным значением было то же, что в современном слове ***мотылек*** *«небольшая бабочка»*; другим – *«плоская глиста в печени овец»* (это значение сохранилось в некоторых славянских языках: сербохорв. *метиль «глист, печеночный червь»*). Но фиксировались и такие, как *«ветреный непостоянный человек»*, *«лебедка, рукоять для кругооборота, рычаг в машинах и механизмах»,* ***токарный мотылек*** *«хомутик с винтом»* для укрепления предмета в токарном станке и т.п. Первое значение сохранилось только у слова ***мотылек***, техническое значение архаизировалось, заменившись новыми терминами. За словом ***мотыль*** закрепилось второе и то сузившееся значение *«червь»* определенного вида. Все это привело к разрыву связей этого слова со всеми словами, производными от глагола ***мотать***, в том числе и со словом ***мотылек***. Оба они подверглись опрощению морфемной структуры, поэтому являются с точки зрения современного русского языка самостоятельными, не родственными и не мотивированными [8, 273; 5, I, 633; 9, I, 665; 6, II, 351].

Для современных носителей языка слово ***белка*** совсем не ассоциируется с признаком, который положен в основу его названия (по цвету меха), т.к. белки имеют мех коричневого цвета. Такой зверек ранее имел другие наименования: **веверица** и **векша** [9, I, 282, 287; 6, I, 175]. Название по цвету меха «белая» относилось первоначально к редкой и дорогой породе этих зверьков с белым мехом и передавалось словосочетанием **бела веверица**, т.е. белая векша. Потом в результате сжатия словосочетания и суффиксации образовалась лексема ***белка***, вначале включавшая семантику исходного словосочетания, а затем расширила значение и стала обозначать любую белку без указания на породу и цвет шерсти. Это привело к разрыву родственных связей с производящей

основой слова *белый* и к утрате суффиксальной морфемы: *белка, белочка* [5, I,90; 8, 28; 6, I, 155; 9, I, 148].

Имеет непроизводную основу и лексема ***гадюка*** [5, I, 208], хотя была образована путем суффиксации от слова *гад*. Утрате связей этих дериватов способствовали семантические сдвиги в производящем слове, развитие яркой коннотации и ограничение сферы его употребления. Существительное *гад* обозначало любых ползающих животных, противных человеку, позже было вытеснено такими терминами, как земноводные и пресмыкающиеся. Благодаря яркой отрицательной коннотации слово *гад* сохранилось в сниженных стилях речи для характеристики людей. Слово же ***гадюка*** осталось названием только одного вида ползающих животных [6, I, 340; 9, I, 381; 4, 116].

Исследование подтвердило, что одной из главных причин, которая провоцировала забвение исконного морфемного состава слов, является потеря мотивационных связей между родственными лексемами.

Литература

1. Земская, Е.А. Современный русский язык. Словообразование / Е.А. Земская. – М.: Просвещение, 1973.
2. Ольшанский, О.Е. Опрощение в результате семантического преобразования слова / О.Е. Ольшанский // Русский язык в школе. – 1975. - №6.
3. Ольшанский, О.Е. Опрощение в результате семантического преобразования слова / О.Е. Ольшанский // Русский язык в школе. – 1977. - №1.
4. Словарь русского языка / Сост. Е.И. Ожегов. – М.: Русский язык, 1978.
5. Словообразовательный словарь русского языка. В двух томах / сост. А.Н. Тихонов. – М.: Русский язык, 1985.
6. Толковый словарь живого великорусского языка / сост. В.Н. Даль. – М.: Русский язык, 1978.
7. Шанский, Н.М. Очерки по русскому словообразованию / Н.М. Шанский. – М.: Изд-во Московского университета, 1968.
8. Этимологический словарь русского языка. Более 5000 слов / Сост. Г.П. Цыганенко. – Киев: Радянська школа, 1989.
9. Этимологический словарь русского языка: В 4 томах /Под ред. М.Фасмера. – М.: Прогресс, 1964.

Ю.М. Галковская (Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)

СОВРЕМЕННЫЕ АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ ЖИТЕЛЕЙ ПРИГРАНИЧЬЯ

Средством выражения содержательного отношения человека к социальной действительности является система ценностных ориентаций. Невзирая на тот факт, что проблеме социального кода жизнедеятельности отведена одна из ведущих ролей в современном социо-гуманитарном знании (исследования И.К. Комаровой, С.В. Рыбчак, Л.Г. Титаренко, Л.И. Науменко и мн. др.), изучение личностных аксиологических установок сквозь призму номинативных приоритетов человека до настоящего времени не предпринималось. Вместе с тем номинативная сфера может служить источником информации о духовной культуре народа и являться своеобразным «зеркалом», отражающим ракурс восприятия событий и явлений действительности. Такой подход к исследованию внесет вклад в составление лингвокультурного портрета жителя определенной территории, а также будет способствовать выявлению специфики национального мировидения в единицах, менее всего изученных с этих позиций.

Каждое общество характеризуется своей аксиологической структурой, иллюстрирующей его самобытность. Витебский приграничный регион является той маргинальной областью, население которой на протяжении длительного времени тесно взаимодействует с западными (Литва, Латвия) и восточными (Россия) соседями. В условиях близости межгосударственной границы и высокой межнациональной контактности образовалась «специфиче-

ская социокультурная и психологическая общность людей» [1, 98], у которой имеются свои ценностные ориентиры, выступающие как устойчивые доминанты.

Цель данной работы состоит в выявлении доминирующих ценностей жителей приграничья в начале XXI в., формирующих иерархию жизненных установок и предпочтений, сквозь призму номинативно-мотивационной сферы.

Источником изучения аксиологических доминант жителей приграничья послужили материалы очного и заочного анкетирования, проведенного в 2011-2012 гг. и охватившего **200** жителей приграничных населенных пунктов Витебской области: гг. Браслав, Верхнедвинск, Городок, Дубровно, Мёры, Поставы, г.п. Видзы, Езерище, Лёзно, Лынтупы, Россоны, Сураж. Количественное ранжирование фактического материала исследования – мотивов выбора личного имени новорожденному – демонстрирует иерархию номинативных приоритетов жителей приграничья и позволяет выявить систему аксиологических ориентиров.

На пороге третьего тысячелетия в условиях развития нового типа мирового устройства и «установления глобальной формы сообщества – мегаобщества» [2, 94] происходят изменения в аксиологической системе. Социальная массовизация приводит к стандартизации духовной и материальной сфер жизни по неким образцам. В результате даже в номинативной практике прослеживается стремление к типизации, проявляющееся в выборе личного имени новорожденному в соответствии с антропонимной модой и модными тенденциями. Данный мотив занимает **2-е** место в системе номинативных приоритетов жителей северо-западного приграничья и **3-е** место среди анкетируемых из северо-восточного приграничья. Коммертизация СМИ как один из факторов, оказывающих влияние на трансформацию аксиологических ориентиров, также отражается на номинативных интенциях жителей приграничья. В исследуемом ареале зафиксированы случаи именования в честь героев телевизионных сериалов и известных представителей шоу-бизнеса: А. Домогарова, А. Волочковой, Н. Уваровой и др., – а также случай выбора личного имени под влиянием рекламы детского питания «БелЛакт» («*Маша, Маша, кушай кашу*…»).

Несмотря на стандартизацию образа жизни, доминантой в системе новых базовых ценностей жителей порубежья становится *индивидуальность*. Свобода выбора, стремление к уникальности и оригинальности становятся одним их главных номинативных приоритетов в приграничье в начале XXI в. и выражаются в выборе редких или оригинальных, по мнению родителей, имен (**16%** респондентов в белорусско-литовско-латышском приграничье и **16%** анкетируемых из белорусско-российского приграничья отдали предпочтение малораспространенным и оригинальным именам).

О подверженности номинативной сферы все более мощной интернационализации и глобализации свидетельствует ослабление национально-ориентированных интенций жителей приграничья (см. подробнее [2]). Только **4%** опрошенных в белорусско-литовско-латышском приграничье и **1%** респондентов из белорусско-российского приграничья выбрали имя новорожденному, следуя национальной традиции.

В условиях формирования новой системы жизненных ценностей в начале XXI в. устойчивой аксиологической доминантой как для представителей белорусско-литовско-латышского приграничья, так и для жителей белорусско-российского порубежья является *религия*. Количество случаев выбора личного имени новорожденному в соответствии с церковным календарем возросло почти в 4 раза по сравнению с 1990-ми гг. в северо-западном приграничье (с **3,19%** до **12%**) и в 7 раз в северо-восточном (с **0,95%** до **7%**). Данная количественная прогрессия в конфессионально-ориентированной мотивации свидетельствует об усилении религиозного самосознания жителей приграничного региона. Вполне вероятно также, что фонетическая нестандартность некоторых церковных форм личных имен стано-

вится более предпочтительной для родителей, желающих наречь новорожденных оригинальными, по их мнению, именами.

Устойчивой аксиологической доминантой в номинативной сфере является также *семья*. Именование в честь старших родственников (дедушек, бабушек, прадедов, реже – отцов и матерей) – приоритетный мотив в приграничье. **8%** анкетируемых из белорусско-литовско-латышского приграничного ареала и **13%** жителей белорусско-российского приграничья руководствовались данным мотивом при выборе личных имен своим детям. Интерес номинаторов к личным именам старшего поколения может быть рассмотрен как стремление сохранить семейные традиции и связи между поколениями.

Таким образом, анализ мотивов выбора личных имен жителями приграничных населенных пунктов Витебской области в начале третьего тысячелетия позволил констатировать противоречивый характер формирующейся системы аксиологических ориентиров и ее нестабильность. С одной стороны, в условиях новых социально-экономических реалий начала XXI в. номинативные приоритеты жителей приграничья подвержены социальной массовизации. С другой стороны, для представителей периферийной зоны особую роль продолжает играет традиция, частным случаем проявления которой является учет номинативного опыта старшего поколения и наречение в честь родственников. Заметное усиление конфессиональных приоритетов свидетельствует о важности еще одной аксиологической доминанты – религии, которая, вполне вероятно, будет способствовать усилению нравственной составляющей духовности нации.

Литература

1. Слемнев, М.А. Белорусско-российское приграничье как объект комплексного научного исследования / М.А. Слемнев // Актуальные проблемы приграничных районов Беларуси и Российской Федерации : материалы междунар. научн.-практич. конф., Витебск, 27 мая 2011 г. / Вит. гос. ун-т ; редкол.: А.П. Солодков [и др.]. – Витебск: УО «ВГУ им.П.М. Машерова», 2011. – С. 97–99.
2. Комарова, И.К. Социальные доминанты в условиях глобализации / И.К. Комарова // Народы, культуры и социальные процессы на пограничье : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Гродно, 22–23 февраля 2010 г. / редкол.: Е.М. Бабосов (отв.ред.) [и др.]. – Гродно: ГрГУ, 2010. – С. 94–97.
3. Галковкая, Ю.М. Национальные номинативные приоритеты жителей приграничья / Ю.М. Галковская // Слова ў мове, маўленні, тэксце: зб. навук. арт. / Брэсц. дзярж. ун-т імя А.С. Пушкіна / пад агульнай рэд. Н.Р. Якубук; рэдкал.: В.Б. Пераход [і інш.]. – Брэст: БрДУ, 2012. – С. 32–34.

В.М. Генкин (Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)

ЭТНИЧЕСКАЯ И КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ В ОЙКОНИМИИ И КАТОЙКОНИМИИ СЕВЕРО-ЗАПАДА ВИТЕБЩИНЫ

Цель нашего исследования – проследить, как в ойконимии и катойконимии отражаются национальные и иные дифференциальные признаки проживающего на определенной территории населения. Лингвокультурологический подход, актуальный для современной ономастики, направлен, в том числе, на изучение универсалий, одной из которых является достаточно широко представленная в топонимии оппозиция *свой – чужой*.

В качестве объекта выступает топонимическая система северо-запада Витебщины. Для удобства сбора и статической обработки материала топонимы и оттопонимные дериваты брались в переделах 7-и административных районов Витебской области: Браславского (далее – Бр.), Верхнедвинского (Верх.), Глубокского (Гл.), Докшицкого (Док.), Мёрского (Мёр.), Поставского (Пост.), Шарковщинского (Шарк.). Выбор региона, разумеется, не является случайным: данная территория создала благодатную почву для подобных наблюдений, так как в силу ряда историко-политических причин и своего географического положения стала местом компактного проживания людей разных национальностей и религиозных взглядов. Основу населения повсеместно составляют

этнические белорусы, вторую и третью позиции занимают соответственно поляки и русские либо русские и поляки. Так, например, в Браславском районе количество белорусов от общего числа населения составляет 64,59 %, поляков – 18,66 %, русских – 14,26 %; Глубокском: белорусов – 84,51 %, поляков – 10,25 %, русских – 3,2 %; Поставском: белорусов – 85,81 %, русских – 8,99 %, поляков – 2,73 %. Кроме того, близость к территориям Литвы и Латвии способствовала расселению представителей этих народов на территории региона, а также активному проникновению литовских и латышских языковых элементов в его топонимию. Абсолютное большинство жителей причисляет себя к одной из двух христианских конфессий: католицизму или православию, причем, в отличие от остальной части Витебщины, католицизм в большинстве этих районов превалирует над православием по числу верующих.

Следует отметить и еще один важный исторический фактор, повлиявший на формирование топонимии и внутри нее на активизацию интересующей нас семантической оппозиции: регион в разные периоды являлся составной частью таких государств, как Великое княжество Литовское, Речь Посполитая, Российская империя, Советский Союз, причем в состав Советского Союза эти районы вошли позже других (в основном, в 1940 году). Естественно, каждый исторический период оставил свой след в языке, культуре и топонимии, которая как раз и является их важной составной частью. Например, отличительной диалектной чертой северо-запада Витебщины является значительное число фонетических, лексических и грамматических полонизмов.

Ономасты, изучавшие восточнославянскую ойконимию, неоднократно отмечали наличие в ней системных отношений, причем часто системность поддерживается как раз благодаря оппозиционным моделям именования объектов: *большой – малый*, *старый – новый*, *близкий – далёкий, верхний – нижний* и т.д. В этом ряду оппозиция *свой – чужой* является наиболее информативной в лингвокультурологическом аспекте. Анализ топонимического материала позволяет утверждать: дифференциация по принципу *свой – чужой* может проявляться как на эксплицитном, так и на имплицитном уровне. Эксплицитным, достаточно очевидным и ярким примером рассматриваемой оппозиции служат этнотопонимы, возникновение которых, по наблюдениям лингвистов, изучавших эту группу названий, возможно при следующих условиях: «оседлый образ жизни определенного населения, выраженное этническое самосознание, соседство и контакты с населением иной этнической принадлежности, наличие черт, выделяющих данную группу населения из окружающего этнического большинства и проявляющихся в особенностях одежды, языка, духовной культуры, вероисповедания» [1, с.7]. В случае несоблюдения данных условий мы, скорее всего, будем иметь дело с искусственным названием, примером чему может служить ойконим *Беларуская* (Мёр.), возникший как результат переименования населенного пункта *Мацюкі* и явно выбивающийся из топонимической системы региона.

Большинство же отэтнических названий населенных пунктов региона сформировалось естественным путем и содержит информацию о реально существующих или ранее существовавших этносах: *Відзы*, *Відзішкі*, *Відзы-Лаўчынскія* (Бр.); *Латышы* (Гл., Мёр., Шарк.), *Латышкі* (Бр.); *Літоўшчына* (Бр.); *Маскавічы* (Бр.); *Маскалёнкі* (Верх.); *Рускае Сяло* (Мёр.), *Завулак Рускі* (Гл.), *Татары* (Мёр.); *Прусы* (Пост.); *Швяды* (Бр.) и др. Собирая материал в полевых условиях, мы неоднократно имели возможность убедиться в том, что исчезновение этноса, давшего название населенному пункту, постепенно приводит к ситуации, когда ойконим переосмысливается жителями и обретает, как правило, народную этимологию. В Браславском районе бытуют топонимические легенды, связанные с названиями поселка *Відзы* и деревень *Відзішкі*, *Відзы-Лаўчынскія*. Сюжеты этих историй основываются на созвучии ойконимов с корнем глагола *видеть*

и повествуют о прозревших. Научный подход увязывает названия с этнонимом *видзы*, которым обозначали жителей исторической области северной Латвии – *Видземе*.

Не слишком активно в регионе представлены названия, указывающие на выходцев из Польши: *Ляхаўшчына* (Пост.), *Мазурка* (Пост.), *Мазурова* (Гл.), *Мазурына* (Бр., Верх., Мёр.). При этом нужно отметить, что северо-западные районы Витебской области являются местом концентрации этнотопонимов, отражающих названия русского населения: *Русакі* (1 населенный пункт в Глубокском районе и 2 в Поставском), *Русіны* (Пост.), *Рускае Сяло* (Мёр.), Русачкі (Мёр.) *Маскавічы* (Бр.), *Маскалёнкі* (Верх.), *Маскалішкі* (Пост.) и др. В восточных районах, расположенных ближе к России или непосредственного граничащих с ней, подобного рода ойконимы редки. Очевидно, именно на исследуемой территории более актуально выделение русских по этническому и, подчеркнем особо, конфессиональному принципам. Как уже отмечали исследователи, название *русские* часто дифференцирует православное население [2, с. 153], что весьма заметно в католическом окружении.

Разница между православными и католическими поселениями региона иногда прослеживается в характере антропонимных основ ойконимов, но в большинстве случаев утановить различия невозможно, в первую очередь из-за того, что православный и католический именники имеют больше сходств, чем различий. Только небольшая часть имен относится к числу конфессионально маркированных. Так, католические имена послужили основами для образования ойконимов *Альбінаўшчына, Альбінаўка* (Бр.) – от *Альбин*; Альбрэхтава (Рос.) – от *Альбрехт*; *Барбарышкі* (Бр.), *Барбарына (Мёр.)*– от *Барбара*, *Вацлавова* (Уш.) – от *Вацлав*, *Германавічы* (Шарк.), *Вінцэнтава* (Шарк.) – от *Винцент*; *Германоўшчына* (Бр., Гл.) – от *Герман*; *Казімерцы* (Пост.), *Казімірова* (Бр.) – от *Казимир*; *Марцінаўцы* (Бр.), *Марцінелевічы* (Пост.) – от *Мартин*, *Мар'янполле* (Бр., Пост., Шарк.) – от *Марьян* или *Марьяна* и т.д.

Учитывая, что имена *Абрам* (*Авраам, Авраамий, Абрамий*), *Гавриил* (*Гаврил*, *Гаврила*) зафиксированы только в православных святцах, можно говорить о том, что ойконимы *Абрамова* (Верх.), *Гаўрылаўцы* (Бр.), *Гаўрыліна* (Верх.) опосредованно связаны с православием. Некоторые имена представлены в обоих именниках, но у католиков и православных имеют разные фонетические или орфографические варианты. Различаются православное *Фома* (*Хома*) и католическое *Томаш*, что позволяет увидеть подобные расхождения и в ойконимии: *Хаміно* (Шарк.), *Хамічы* (Мёр), *Хомкаўшчына* (Бр.) – *Тумашы* (Гл.; сейчас не существует). Католическому имени *Юзэф* в православии соответствует имя *Осип*. Показательно, что в ойконимии региона зафиксировалось только католическое имя – *Юзафова* (Гл., Верх., Шарк.).

Попытка определить дифференциальные признаки населения на уровне топонимических формантов реальных результатов не принесла. С одной стороны, ойконимия региона богата названия с формантами литовского и латышского происхождения (*-ішкі*, *-аны*, *-яны*, *-уны*, *-ейкі*, *-ейшы*, *-елі*, *-ойці*, *-улі*, *-укі*, *-іні* и др.). С другой стороны, ойконимы, оформленные этими аффиксами, выступают в качестве названий поселений с разным национальным и конфессиональным составом, присоединяются к различным основам. Проиюллюстрируем валентность топонимического суффикса *-ішкі* примерами названий населенных пунктов Браславского района: *Балундзішкі*, *Бержанішкі*, *Бікішкі*, *Бялюнішкі*, *Васількішкі, Гадуцішкі*, *Гробішкі*, *Груштэлішкі, Жалабішкі, Жвірблішкі, Кардэлішкі, Кецішкі, Кузьмішкі*, *Леванішкі, Любішкі, Снегішкі, Стунжышкі* и др.

Дифференциальные признаки выявляются не только на уровне ойконимии, но и в системе оттопонимных производных. Как известно, на одной ступени деривации от ойконимов образуются две группы лексем: адъектонимы и катойконимы. Отметим, что для региона использование существительных-катойконимов для именования жителей по местности малохарактерно, гораздо чаще катойконимическую функцию выполняют

семантизированные оттопонимные прилагательные. В регионе, в первую очередь на Браславщине, нами зафиксирована уникальная словообразовательная особенность: от названий с формантами *-ішкі* часто образуются и используются в речи местных жителей два прилагательных, одно из которых имеет типичный для восточнославянской топонимии суффикс *-ск-* (*Астравішкі – астравішскі*, *Бартэлішкі – бартэлішскі, Растанішкі – растанішскі* и т.п.), второе образовано при помощи суффикса *-ов-* (*астравішковы, бартэлішковы, растанішковы* и т.д.). Адъектонимы первой группы, как правило, выполняют свою основную функцию относительных прилагательных, в то время как производные с суффиксом *-ов-* субстантивируются и используются в качестве катойконимов. Показателен тот факт, что население деревень и хуторов, которое именуется по модели *астравішковы(-ыя), бартэлішковы(-ыя), растанішковы(-ыя)* и т.д., является католическим и, как правило, польским. Вероятно, названия с суффиксом *-ов-* первоначально появились в польскоязычной среде, где данный формант является обычным, а уже затем распространились в речи остального населения, Правда, формант *-ов-* в отличие от других топонимических элементов, не расширил сферы своего использования.

Литература

1. Рогалев, А.Ф. Этнотопонимия Беларуси (на фоне этнической истории) / А.Ф, Рогалев. – Гомель, 1993. –168 с.
2. Гринблат, М.Я. Белорусы. Очерки происхождения и этнической истории / М.Я. Гринблат. – Минск, 1968.

Т.А. Грачыха (Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава)

ДЫЯЛЕКТНЫЯ АСАБЛІВАСЦІ ЛЕКСІКІ МЁРСКАГА РАЁНА ВІЦЕБСКАЙ ВОБЛАСЦІ

Збор, фіксацыя і даследаванне лексічнага дыялектнага матэрыялу розных рэгіёнаў мае вялікае навуковае і практычнае значэнне як у лінгвістыцы, так у гісторыі і культуры народа, паколькі абласныя словы ўзбагачаюць літаратурную мову, выяўляюць міжмоўныя і міждыялектныя паралелі. Намі прааналізавана лексіка, зафіксаваная ў “Рэгіянальным слоўніку Віцебшчыны”[1], а таксама ў час выязных дыялекталагічных практык у населеных пунктах Язна, Цвеціна, Туркова, Гараўцы, Іванькі, Дрыгучы, Цімошкава, Вянужа, Старыя Крукі, Новыя Крукі, Новы Пагост Мёрскага раёна Віцебскай вобласці. Тэрыторыя, на якой знаходзяцца ўказаныя вёскі, уваходзіць у склад заходняй (полацкай) групы беларускіх гаворак.

Адметнымі ў народнай мове дадзеных населеных пунктаў з’яўляюцца мясцовыя словы розных прадметна-тэматычных груп, якія прадстаўляюць лексічныя супрацьстаўленыя адрозненні ў адносінах да літаратурных адпаведнікаў: фанетычныя, словаўтваральныя, уласналексічныя, семантычныя. Гэта лексемы-назоўнікі, якія абазначаюць назвы жывёльнага свету: *авýлечка ж.*’авечка’, *паца́* м. ‘пацук’, *кірга́* ж. ‘чайка’, *асва́* ж. ‘аса’; найменні расліннага свету: *аржавíны* мн. ‘ажыны’, *баруўка* ж. ‘брусніцы’, *п’янíцы* ‘ягады буякі’, *верабíна* ж. ‘рабіна’, *земнякí* мн. ‘бульба’, *нéрадзь* ж. ‘дробныя ягады’; побытавыя найменні: *стóлак* м. ‘зэдлік’, *галéнь* м. ‘венік без лісця, дзяркач’, *ашэ́стак* м. ‘дошчачка пад столлю для рэчаў’, *стáвы* мн. ‘кросны’, *рóвар* м. ‘веласіпед’, *днішкó н.* і *дэ́нца* н. ‘драўляная дошчачка для наразання прадуктаў харчавання’, *суды́* мн. ‘вёдры з вадой на каромысле’; назвы страў: *калатýха* ж. ‘брудная вада’, *драчóна* ж. ‘дранік’, *камы́* мн. ‘клёцкі’, *дурмáнка* ж. ‘гарэлка’, *капýснік* м. ‘боршч’, *мліны́* мн. ‘бліны’, *лапуны́* мн. ‘мучныя бліны на содзе’, *лíпец* м. ‘ліпавы мёд’, *медзьвядзí* мн.’дранікі з мясам ці фаршам’, *халадзёнка* ж. ‘халодная вада’, назвы пабудоў: *жардзя́нік* м. ‘плот з жардзін’, *дравáрка* ж. ‘дрывотнік, павець для дроў’, назвы

людзей паводле розных характарыстык: *браце́нік* м. ‘стрыечны брат’, *свякро́ўка* ж. ‘свякроў’, *навучы́цель* м. ‘настаўнік’, *падуле́так* м. ‘падлетак’, *зяме́ц* м. ‘пчаляр’ і інш. У складзе дзеясловаў, якія характарызуюць дзеянні чалавека паводле пэўнага занятку, адмысловымі з’яўляюцца наступныя лексемы: *апраста́цца* зак. ‘нарадзіць’, *дэ́чыць* незак. ‘казаць што-небудзь’, *стро́іць* незак. ‘гатаваць ежу’, *зня́ньчыцца* зак. ‘памерці, загінуць’, *замудо́хацца* зак. ‘стаміцца’, *завуўрзацца* зак. ‘вымазацца’, *заганза́ць* зак. ‘вымазаць’, *зверада́зіць* зак. ‘пашкодзіць’, *іна́чыць* незак. ‘рабіць па-іншаму’, *кня́гаць* незак. ‘паўтараць што-небудзь некалькі разоў’, *навуўхацца* зак. ‘наесціся’, *но́хацца* незак. ‘бегаць’, *пасялу́шнічаць* незак. ‘наведацца ў госці з мэтай прабавіць вольны час у размовах’, *перадкава́ць* незак. ‘замінаць каму-небудзь у працы’, *прыхаху́ліць* зак. ‘прыбраць’, *спахо́дзіць* зак. ‘зрасходаваць грошы на што-небудзь’, *сусто́іцца* зак. ‘угаманіцца’, *тру́хнуць* незак. ‘баяцца’ і інш. У гаворках дадзеных населеных пунктаў прадстаўлены таксама спецыфічныя прыметнікі, якія характарызуюць чалавека паводле знешніх і ўнутраных якасцей: *амя́глы* ‘вялы’, *забадзя́ны* ‘брудны’, *хапатлі́вы* ‘паспешлівы’, *шы́бкі* ‘хуткі’, *дубульто́вы* ‘вельмі цёплы (пра адзенне)’, *хіпа́цкі* ‘модны’, *пука́тая* ‘цяжарная’ і інш. Таксама адзначаны своеасаблівыя прыслоўі і ступені параўнання да некаторых з іх: *та́мака* ’там’, *цяпе́рака* ‘цяпер’, *на́дабі* ‘трэба, патрэбна’, *ада́ле* ‘потым’, *во́бмельгам* ‘імгненна’, *кабзюко́м* ‘моўчкі’, *бо́лі* ‘больш’, *ле́пі* ‘лепш’, *ху́жы* ‘горш’, *да́лі* ‘далей’ і інш. (*Тыя дохтаркі ху́жы чаго зробюць – ле́пі я на сваіх нагах паміраць буду.* Новы Пагост. *Урэмя ідзець, цяпе́рака бальшыя грошы на́дабі.* Туркова).

У абследаваных населеных пунктах засведчаны этнаграфізмы, якія ўказваюць на несупрацьстаўленыя дыялектныя адрозненні: *ва́рыўня* ж. ‘невялікі будынак для захоўвання агародніны’, *рэ́згенне* н.‘вялікі кош для пераносу сена’, *стру́цель* м. ‘булачкі з макам, якія пяклі на Каляды’, *алілу́йнікі* мн. ‘дзеці, якія на Вялікдзень спявалі песні, прысвечаныя Богу’ (*Ні лажы сена, а то вельмі цяжкое рэ́згенне.* Старыя Крукі. *Стру́целі абязательна пячы к Калядам: макам цеста пасцеліш, скруціш яго, і вот такія во доўганькія булачкі.* Язна. *На Пасху хадзілі алілу́йнікі – дзеці алілуя піялі, Бога праслаўлялі*. Язна).

У мясцовых гаворках выяўлены словы з эмацыянальна-экспрэсіўнай афарбоўкай, некаторыя з іх ужываюцца ў пераносным значэнні і маюць лексіка-семантычныя адрозненні ў параўнанні з літаратурнымі адпаведнікамі: *абарба́л* м.‘бесталковы, прыдуркаваты мужчына’, *бадзя́ўка* ж. ’дзяўчына-гультайка, не занятая працай’, *лы́тка* ж. ‘паласа поля, засеяная збожжам’, *хвост* м. ‘крайні ўчастак поля’, *капшу́к аг.* ‘поўнае дзіця’, *нае́дываць* ‘есці з прагнасцю’, *упераза́ць* зак. ‘з’есці з апетытам’, *прылупі́ць* зак. ‘прыйсці без запрашэння’, *цуге́ліць* незак. ‘ісці павольна’, *шва́ркнуць* зак. ‘кінуць што-небудзь куды-небудзь’, *швэ́ндацца* незак. ‘бавіць час, хадзіць дзе-небудзь без пэўнай мэты, без справы’, *габлява́ць* незак. ‘ісці напрасткі’, *лапшы́вы* прым. ‘пра сквапнага чалавека’ і інш. (*Ужо відаць, што бадзя́ўка расцець.* Іванькі. *Куды гэта баба так габлю́е? Толькі спадніца відаць.* Новы Пагост). Лексема *бадзя́ўка* ў гаворках раёна адлюстроўвае аманімічныя адносіны, паколькі абазначае не толькі лянівую дзяўчыну, але і анучу, прызначаную для выцірання вельмі брудных, замазучаных рук (*Дай мне бадзя́ўкі, рукі вытраць ад мазуты.* Іванькі).

Адзначаныя ў гаворках Мёрскага раёна лексіка-фанетычныя варыянты да літаратурных адпаведнікаў звязаны з дысімілятыўна-недысімілятыўным яканнем пераходнага тыпу, пашыраным у полацкіх гаворках паўночна-ўсходняга дыялекту: *цілёнак, вічаро́к, грэ́бінь, пірасяле́нцы, бідá, цігáць, пасéіць, дзéсіць, во́сім, інá, сібé, нільзя́, німá,* але *янá, сястрá, мянé, спявáць* і інш. У асобных словах пад уплывам рэдукцыі ненаціскныя галосныя [а], [ы] пасля цвёрдых зычных у суседстве з губнымі зычнымі змяняюць сваю артыкуляцыю і пераходзяць у лабіяльны [у]: *бувáла, танцувáць, сувáць, хувáць* і інш.

Лексіка-словаўтваральныя адрозненні ў лексічным складзе мясцовых гаворак таксама маюць месца: *абле́так – перале́так* ‘жывёліна, якая пералетавала’, *кравя́нка – крывяні́ца* ‘каўбаса са свіной крыві і круп’, *асавік – асо́нік* ‘грыб падасінавік’, *жы́ганка – жы́гаўка* ж. ‘крапіва’, *Каляды – Каляднiца* і інш. (*Ідзі сярпом хоть жы́ганку зрэж.* Цімошкава. *Усе рукі апякла гэтай жы́гаўкай.* Туркова).

Трэба зазначыць, што багацце і разнастайнасць мясцовых гаворак выяўляюць сінанімічныя рады, якія складаюцца з дублетаў, розных паводле паходжання і стылёвай афарбоўкі: *ба́рдзо – пазарэ́з* ‘вельмі’, *аву́лечкі – кузю́ткі* ‘авечкі’, *бжух – бумбэ́лак* ‘жывот, набіты ежай’, *адраза́нікі – чы́пчыкі* ‘галошы’, *го́пікі – шайлю́ква* ‘мёрзлая бульба’, *гультрэ́с – сачо́к* ‘лянівы чалавек, гультай’, *дурні́цы – п’яні́цы* ‘ягады буякі’, *спо́дкі – спіцо́ўкі* ‘рукавіцы’, *забадзя́ны – завýрзаны – заганза́ны* ‘брудны’, *замудо́хацца – схадзі́цца* ‘стаміцца’, *лапану́ць – матану́ць* ‘без ведама пайсці куды-небудзь’, *ляскота́ць – тарадэ́іць* ‘шмат і без толку гаварыць, балбатаць’, *наéдываць – ха́маць* ‘прагна есці’ і інш. (*Наеў свой бумбэ́лак, аж хадзіць трудна.* Туркова. *Дзе мае адраза́нікі, у хлеў у чым пайду?* Новы Пагост).

Уплыў рускай мовы адзначаны ў гаворках раёна ў наступных лексемах: *цвяты́, жы́зня, хазя́ін, дзярэ́ўня, тра́пка, благада́рнасць, урэ́мя, кали́тка, забо́р, а́ўгуст, лук, батва́, скаварада́, сва́дзьба, ло́шадь, кла́дбішча, дзе́ла, судзьба́, інцірэ́сны, укýсны, жы́дкі, жале́ць, ждаць, шчыта́ць, атлуча́ць, дзе́лаць, акала́чвацца, сматрэ́ць, спра́шываць, клюва́ць, рабо́таць, падзержа́ць, спратаць, краси́ва, крэ́пка, на́да, апя́ць, навó́шчуп* і інш. (*А ў царкве жджэш, жджэш, каб скарэй крэст пацалаваць, каб уперад дамоў прыехаць.* Язна. *Ва ўрэ́мя перастройкі на прылаўках тавараў не было. Туркова)*. На сучасным этапе пад уплывам экстралінгвістычных фактараў русізмы адзначаюцца ў маўленні вясковых жыхароў рознага ўзросту, у тым ліку і старэйшага пакалення.

У дыялектнай лексіцы Мёрскага раёна сустракаюцца запазычанні з польскай мовы ў наступных лексемах: *бару́вка* ‘брусніцы’, *капу́снік* ‘боршч’, *земнякí* ‘бульба’, *радзі́на* ‘сям’я’, *тлум* ‘натоўп’, *ро́вар* ‘веласіпед’, *рок* ‘год’, *навучы́цель* ‘настаўнік’, *цу́рка* ‘дачка’, *ба́рдзо* ‘вельмі’, *гло́сна* ‘гучна’, *ніц* ‘нічога’, *о́то* ‘вось’, *цо* ‘што’ і інш. (*Заўтра пойдзем па бару́вкі з Марусяй, ты з намі пойдзеш?* Дрыгучы. *О́то то было раней, не тое, цо зараз.* Гараўцы). Найбольш слоў польскага паходжання занатавана ў вёсцы Дрыгучы. Разам з польскімі адпаведнікамі ў гаворках раёна ўжываюцца агульнавядомыя беларускія словы.

Такім чынам, даследаванне дыялектнай лексікі населеных пунктаў Мёрскага раёна Віцебскай вобласці выявіла яе спецыфічныя рысы, паказала адметнасць, багацце, вобразнасць мясцовых гаворак, адлюстравала ўплыў на іх суседніх моў і гаворак.

Літаратура

1. Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны: у 2 ч. / Л.І. Злобін (рэд.) [і інш.]. – Віцебск: УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”, 2012. – Ч. 1. – 304 с.

Леонарда Дацевич (Университет в Белостоке)

ИЗ ПРОБЛЕМАТИКИ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТИПОВ СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ И ПОЛЬСКИХ ЭТНОНИМОВ

На протяжении XX века, а в особенности второй его половины, русское и польское языкознание уделяло большое внимание вопросам этнонимики. Исследованием этого разряда онимов, особенно в диахроническом плане, занимались известные лингвисты. Перечень трудов на эту тему найдем в работах Г.Ф. Ковалева, В. Супруна, М. Сулиш, Б. Линдерт и многих других исследователей [7, 8, 10; 181-190].

В лингвистике этнонимы традиционно трактуются как особый разряд исторической лексики, названия различных видов этнических общностей: наций, народов, народностей, племен, племенных союзов, родов и т.п. Таким образом, этнонимы являются языковым средством репрезентации этнической идентичности. Наряду с этнической идентичностью в современных общественных науках выделяют идентичность политическую, территориальную, конфессиональную. Однако в силу того что границы между этнонимами, политонимами и другими единицами этого ряда становятся размытыми, в результате в лингвистике происходит расширение значения категории этноним. К ним сейчас относят такие единицы, как американец, араб, швейцарец,хотя с точки зрения традиционной отечественной этнографии, ни американцы, ни арабы, ни швейцарцы этнической общностью не являются [1].

В данной работе этноним также трактуется в широком смысле как лексическая единица, в которой репрезентируется признак этнической, политической, религиозной или территориальной идентичности.

Вопрос о языковом статусе этнонимов является спорным. Точки зрения по этому поводу разделяются следующим образом: одни лингвисты полагают, что этнонимы относятся к именам собственным и являются частью ономастики (В.А. Никонов, О.Н. Трубачев), другие относят их к апеллятивам (А.В. Суперанская, Н.В. Подольская). Однако есть ряд исследователей, которые считают, что этнонимы занимают промежуточное положение между именами собственными и именами нарицательными (А.А. Реформатский, Я. Матейчик, В.И. Супрун) и др.) [3]. Успехи в изучении этнонимии, сделанные прежде всего советскими языковедами в 60-70-е гг. XX в., позволяют выделить этнонимику в самостоятельный раздел ономастики [5; 3].

В результате, по словам Г.Ф. Ковалева, «этнонимы оказались словами не совсем апеллятивного характера, поэтому авторы и составители лингвистических словарей, относя их к разряду ономастической лексики, включают в корпус словарей лишь небольшую, наиболее употребительную часть этнонимов. С другой стороны, ономасты привыкли рассматривать этнонимы не как имена собственные, поэтому ономастические словари лишены такого материала» [7; 108].

Процесс восстановления этнонимов в основном кажется уже завершенным, поскольку эпоха географический открытий уже прошла, история цивилизации также достаточно внимательно разработана, а все народы и племена на земном шаре уже являются названными и описанными. Однако только за последние три столетия в истории человечества политическая карта мира менялась до неузнаваемости, возникали десятки новых государств, а впоследствии новых этнонимов. Перед Второй мировой войной в мире насчитывалось около 50 государств, сейчас их более 250. При создании ООН в ней было представлено 51 государство, на сегодня - почти 190. По некоторым оценкам, через четверть века на Земле может существовать до 500 стран [4; 5-8].

Сегодня не только политическая карта может подвергаться изменениям: процесс перестройки мира и утверждения новых государств далек от завершения. Возможно, будут появляться новые этнонимы.

Сопоставительному анализу современной русской и польской этнонимической лексики некоторое внимание посвятил В. Супрун. Он отметил случаи совпадения и несовпадения мужских форм русских и польских этнонимов, объяснил причины этих несовпадений, а также обратил внимание на частотность употребления суффиксов, образующих этнонимы в обоих языках. Несовпадение большинства русских и польских этнонимов заключается прежде всего в различии этнонимических суффиксов в обоих языках. В русском языке наиболее продуктивным является формант *-ец* и его производные *–анец*, *-инец*, а в польском языке самую большую частотность употребления

проявляют формы, образованные суффиксом *–czyk*, например: *афганец – Afgańczyk*, *исландец – Islandczyk*, *японец - Japończyk* [8; 119-126].

Г.Ф. Ковалев обратил внимание на общие тенденции в развитии русских и польских этнонимов, а также на особенности их словообразования [6].

Источником материала для настоящего исследования является большой русско-польский словарь (*Wielki słownik polsko-rosyjski*, см. нр 12). В отличие от многих других лексикографических работ в корпус этого двуязычного словаря включено довольно большое число этнонимов, в том числе самые новейшие или менее известные, например, *алеуты*, *коми*, *манси*, *мордва*. К тому же в большинстве случаев приводятся все формы на русском языке, например, *француз*, *француженка*, *французы*, формы мужского и женского рода на польском языке, например, *Francuz*, *Francuzka*. Отсутствие польской формы множественного можно считать недостатком названного словаря. Трудно понять, почему авторы приняли такое решение, тем более что имеются в виду такие польские и русские этнонимы, формы которых отличаются друг от друга, например, *австриец – Austriak*, *австрийка – Austriaczka*, *австрийцы - Austriacy*; *курд - Kurd*, *курдянка - Kurdyjka*, *курды* - (*Kurdowie*). Отсутствующие формы можно найти в работе *Nowy słownik poprawnej polszczyzny PWN* [см. нр 9], например, *Adżarowie* (*аджарцы*), *Awarowie* (*аварцы*), *Aztekowie*/*Aztecy* (*ацтеки*).

В собранном материале можно выделить два главных типа этнонимов: структурно совпадающие (с возможными небольшими фонетическими разницами) и различающиеся этнонимическими суффиксами. К первой группе зачислим следующие этнонимы (выбранные примеры): *грузин – Gruzin*, *грузинка – Gruzinka*, *грузины – Gruzini*, *словак – Słowak*, *словачка – Słowaczka*, *словаки – Słowacy*, *словенец – Słoweniec*, *словенка – Słowenka*, *словенцы – Słoweńcy*, *туркмен – Turkmen*, *туркменка – Turkmenka*, *туркмены – Turkmeni*, *украинец – Ukrainiec*, *украинка – Ukrainka*, *украинцы – Ukraińcy*; *швед*, *шведка*, *шведы – Szwed*, *Szwedka*, *Szwedzi*; *армянин*, *армянка*, *армяне - Ormianin*, *Ormianka*, *Ormianie*; *египтянин – Egipcjanin*, *египтянка - Egipcjanka*, *египтяне - Egipcjanie*, *славянин – Słowianin*, *славянка - Słowianka*, *славяне - Słowianie*.

Во второй группе, если возьмем во внимание все три формы, можно отметить довольно большое разнообразие. Итак, отмечаем:

- несовпадение форм мн. числа, напр, *араб*, *арабка*, *арабы – Arab*, *Arabka*, *Arabowie*; *монгол*, *монголка*, *монголы – Mongoł*, *Mongołka*, *Mongołowie*; *серб*, *сербка*, *сербы – Serb*, *Serbka*, *Serbowie*; *мордвин*, *мордвинка*, *мордва - Mordwin*, *Mordwinka*, *Mordwinie*/*Mordwini*; *кельт*, *кельты – Celt*, *Celtowie*; женская форма не употребляется [см. 9; 1402].

- несовпадение форм ед.ч. муж. р. и формы мн.ч., напр., *аварец*, *аварка*, *аварцы – Awar*, *Awarka*, *Awarowie*; *алжирец*, *алжирка*, *алжирцы – Algierczyk*, *Algierka*, *Algierczycy*; *афганец*, *афганка*, *афганцы - Afgańczyk*, *Afganka*, *Afgańczycy*; *американец*, *американка*, *американцы - Amerykanin*, *Amerykanka*, *Amerykanie*; *бельгиец*, *бельгийка*, *бельгийцы - Belgijczyk*, *Belgijka*, *Belgijczycy*; *исландец*, *исландка*, *исландцы - Islandczyk*, *Islandka*, *Islandczycy*; несовпадение вариантной мужской формы: *абхаз*/*абхазец*, *абхазка*, *абхазцы – Abchaz*, *Abchazka*, *Abchazowie*; *мансиец*, *мансийка*, *манси* (мн. ч. неизм.) - *Mans* (*Wogуł*), *Mansyjka* (*Wogułka*), *Mansowie* (*Wogułowie*); совсем разные вариантные названия: Wogуł, Wogułka, Wogułowie;

- несовпадение всех трех форм, напр, *англианин*, *англичанка*, *англичане – Anglik*, *Angielka*, *Anglicy*; *датчанин, датчанка, датчане – Duńczyk*, *Dunka*, *Duńczycy*; *австриец*, *австрийка*, *австрийцы – Austriak*, *Austriaczka*, *Austriacy*; *тибетец*, *тибетка*, *тибетцы - Tybetańczyk*, *Tybetanka*, *Tybetańczycy*; *белорус*, *белоруска*, *белорусы – Białorusin*, *Białorusinka*, *Białorusini*.

- несовпадение форм ед.ч. жен. р. и формы мн.ч., напр., *курд*, *курдянка*, *курды* - *Kurd*, *Kurdyjka*, *Kurdowie*.

- несовпадение форм ед.ч. муж. и жен. р.: *коми* (нескл.) - *Komiak*, *Komiaczka*, *Komi*.

В богатом и разнообразном материале, каким являются этнонимические названия, можно отметить еще другие случаи несовпадений или особенностей, но из-за ограниченного объема статьи на этом надо остановится.

Существуют совсем различающиеся русские и польские этнонимы, напр. *евреи – Żydzi*, *итальянцы – Włosi*, *китайцы – Chińczycy*. Причины таких различий объясняет в своей статье В. Супрун [8; 119-126].

Из наблюдений языковедов вытекает, что „…przyrostek –ianin (-anin) jest żywotny prawie we wszystkich językach słowiańskich, natomiast sufiks -‘ec produktywny jest w nazwach mieszkańców w językach wschodniosłowiańskich i południowosłowiańskich, a z zachodniosłowiańskich w języku czeskim i słowackim. /…/ przyrostek –ak wykazuje szczególnie dużą żywotność w języku czeskim, słowackim, a specjalnie w języku polskim” [11; 290]. Кроме того в структуре польских этнонимов часто выступает суффикс *–czyk.*

Литература

1. Апанасенко, Э.Г. Россия-Восток-Запад в зеркале русских этнонимов / Э.Г.Апанасенко. – Владивосток, 2009, http://www.dissercat.com 24.09.2013.
2. Большой толковый словарь русских существительных / ред. Л.Г.Бабенко. – М., 2005.
3. Буряковская, В. А. Признак этничности в семантике языка (на материале русского и английского языков) / В.А.Буряковская. – Волгоград, 2000, http://31f.ru/dissertation/100-dissertaciya-priznak-etnichnosti-v-semantike-yazyka.html, 10.09.2013.
4. Енгибарян, Р.В. Этнос в современном мире / Р.В. Енгибарян, Ю.К. Краснов // Право и управление. XXI век. – 2008. – №2 (7). – С. 5-8.
5. Ковалев, Г.Ф. История русских этнических названий / Г.Ф.Ковалев. – Воронеж, 1982.
2. Ковалев, Г. Ф. Общие тенденции в развитии русских и польских этнонимов / Г.Ф.Ковалев // Przegląd Rusycystyczny. – 1983. – Z. 3-4.
3. Ковалев, Г.Ф. Этнос и имя / Г.Ф.Ковалев. – Воронеж, 2003.
4. Супрун, В. Сопоставительный анализ современной польской и русской этнонимии / В.Супрун // Studia Rossica Posnaniensia, т. VIII. – Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 1977. – С.119-126.
5. Nowy słownik poprawnej polszczyzny PWN, red. A. Markowski, Warszawa 2002.
6. Polskie nazwy własne. Encyklopedia. / ответст. ред. Rzetelska-Feleszko E./ Kraków: Wydawnictwo Instytutu Języka Polskiego PAN, 1998. – С.181-190.
7. Sulisz, M. Budowa słowotwórcza nazw etnicznych w języku polskim / M.Sulisz // Wrocławskie Towarzystwo Naukowe. Rozprawy Komisji Językowej VIII, 1969. – С. 287-341.
8. Wielki słownik rosyjsko-polski z kluczem polsko-rosyjskim. Русско-польский словарь / ответст. ред. Jan Wawrzyńczyk. – Warszawa: PWN, 2004.

А.Н. Деревяго (Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)

АНТРОПОНИМНЫЕ КОДЫ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА Л. ДРАНЬКО-МАЙСЮКА В АСПЕКТЕ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ

Художественный текст есть сложная система, функционирование которой связано с взаимодействием и взаимовлиянием как минимум двух основных структур – семантической, организующей разрозненные смыслы отдельных лексем в общий объём внутренней формы, и архитектонической, формирующей внешний облик текста, чувственно воспринимаемый. Если рассматривать свойства текста как знаковой последовательности, то художественный текст есть «полная и связная последовательность знаков, которая может быть обозначена как автономная реальность со своей внутренней структурой» [1;1022]. Последовательность знаков, именуемая текстом, является ком-

муникативной единицей высшего уровня и проявляет качество смысловой завершенности, выступая как цельное произведение.

Таким образом, как продукт мыслительной деятельности автора и материал мыслительной деятельности субъекта восприятия и интерпретации, текст является знанием, в основном вербализованным, но включающим в себя и такой сегмент, который вербальными средствами не выражается. Обязательным элементом внутренней формы текста выступают смысловые разрывы, наполнение которых обеспечивается непрерывным внутренним текстом, содержащимся в мышлении познающего субъекта и основывающимся на его фоновых знаниях. Если рассматривать процесс восприятия художественного текста, то наиболее ценна здесь литературно-художественная фоновая информация, выявляющаяся через систему разного рода литературных реминисценций, текстовых ассоциаций, объединяющих единородные тексты в глобальный аксиологический интертекст.

Среди текстовых индикаторов, активизирующих создание внутреннего текста и налаживание векторов интертекстуальности, особое место занимают имена собственные. В семантике любой онимической единицы можно отметить три базисных компонента – денотативный, сигнификативный и прагматический. При этом объем, весомость и значимость каждого из них для конкретной единицы коммуникативного контекста будут различаться. В случае доминирования исходного обширного прагматического семантического сектора вне зависимости от его контекстуального приращения наблюдается феномен появления ономастического кода. Наиболее активными элементами этого кода являются антропонимные единицы, что вполне объяснимо: художественный текст, прозаический или поэтический, максимально антропоцентричен в своем генеральном направлении от создателя текста к воспринимающему субъекту. При этом случаи, когда статусом элемента ономастического кода наделяются и другие составляющие ономастического инструментария того или иного автора, не единичны. Так, И.Бродский как средство манифестации интертестуальных связей довольно часто использовал заголовки.Именование цикла *Новые стансы к Августе* аллюзивно связывают нас с созданными ранее стихотворными произведениями, которые в истории литературы известны как прекрасный образец любовной лирики, – «Стансы к Августе» Д.Г. Байрона. И. Бродский создает свои стансы – стихотворение и целый сборник из шестидесяти стихотворений любовной лирики – при этом именуя их «новыми»: изменились времена, но незыблемым осталось главное – чувство любви, восхищения, почитания и обожествления своей возлюбленной, а также особое видение мира глазами влюбленного человека, чья судьба не бесприютна, а соединена с другой: *«Сентябрь. Ночь. Все общество – свеча. / Но тень еще глядит из-за плеча / в мои листы и роется в корнях /оборванных. И призрак твой в сенях / шуршит и булькает водою, / и улыбается звездою / в распахнутых рывком дверях»* [2; 47].

Наиболее продуктивным импульсом обнаружения интертекстуальных связей является признак прецедентности имен собственных поэтического текста XX в. Возможность проявления межкодовых культурных связей обусловлена семантическим наполнением прецедентных антропонимов, так как прецедентное имя есть «индивидуальное имя, связанное с широко известным текстом… или прецедентной ситуацией; это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату, а к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени» [3; 52].

Белорусский поэтический текст выступает неотъемлемой частью текстового пространства XX в., и особо тесные связи обнаруживаются в границах русско-белорусского текстового континуума. Сходные черты и общие тенденции исторического развития, особенности этнического самосознания, в том числе проявляющиеся в области культурных связей, не могли не найти отражение на качестве литературно-художественной фоновой информации в той ее части, которая соотносится с белорусской и русской реальностью.

В поэтическом тексте Л.Дранько-Майсюка ономастический инструментарий достаточно разнообразен для того, чтобы связать в текстовом пространстве имен собственных образы вымышленных субъектов (*Максім, Люба, Абрам, Вольга, Васіль* и др.), проекции реально существовавших людей (*Купала, УладзімірДубоўка, Доўнар-Запольскі, Пілсудскі, Шагал, Дастаеўскі, Дантэ, Гумілёў* и др.) с моделью реального географического пространства, которое представляется посредством топонимов разных семантических типов –*хоронимов* административных и природных *Еўропа, Егіпет, Беларусь, Палессе, Беластоцкі павет*; *астионимов Давыд-Гарадок, Пінск, Брэст, Віцебск, Петраград, Менск, Гародня, Беласток, Варшава, Коўна, Венецыя, Вільня, Берлін, Парыж, Афіны, Рым*; *гидронимов–Буг, Прыпяць,Чаква, Гарынь, Рэйн, Ніл, Свіслач*; *урбанонимов – Кафедральны, Старавіленская, Курасоўшчына, Траецкае прадмесце, Ракаўскае прадмесце* и др.

В числе прецедентных антропонимов, представляющих ономастическое пространство авторского текста Л. Дранько-Майсюка, статус элементов интертестуальногоантропонимного кода имеют по меньшей мере две единицы –***Данте*** и ***Гумилев***, при этом последняя отличается индивидуально авторским приращением прагмакомпонента семантики.

Антропоним ***Гумилев*** входит в состав системы именований стихотворения «Кола» на правах одного из элементов ономастического фона (*Менск – УладзімірДубоўка – Беларусь – Гумілёў – Заходняя Беларусь – Варшава – Пінск – Брэст – Давыд-Гарадок – Абрам – Максім – Дубоўка*). Несмотря на обилие имен собственных, механизм актуализации интертекстуальных смысловых связей реализуется именно прецедентным именованием ***Гумилев***: центральным образом названного текста является образ трамвайного колеса, которое «*"Ты, пэўна, з таго трамваю / Якога апеў Гумілёў"...*» [4, 115]. В прагмакомпоненте антропонима благодаря приведенному контекстуактуализируется энциклопедическая информация, связанная с творчеством Н. Гумилёва – одного из выдающихся русских поэтов начала XX века и, в частности, с самым загадочным его стихотворением из последнего сборника «Огненный столп».

В тексте Н. Гумилева образ трамвая соединяет в себе черты механизмов начала XX в. с плавностью движения корабля. Как писал один из исследователей творчества поэта, Р.Д. Тименчик, «сравнительная плавность движения нового транспортного средства окружила его ассоциациями с лодкой… равно как… с обитателями подводного мира… Это отчасти объясняет ориентацию «Заблудившегося трамвая» на «Пьяный корабль» Артюра Рембо…» [5]. Поэтому в стихотворении обнаруживается и мотив мореплавания, который был важен для поэта, вдохновленного «музой дальних странствий».Его стремление в Абиссинию и Центральную Африку основано на ряде параллелей, прежде всего с поисками неведомой земли в центре Африки, которая таит в себе сокровенное знание какой-то из предшествующих рас, а также с судьбой Артюра Рембо, который остался в истории литературы «путником в башмаках, подбитых ветром» (Верлен) [6].

Вслед за антропонимом ***Гумилев*** в текстовое пространство Л.Дранько-Майсюка привносятся и сопутствующие ему смысловые мотивы и образы: «*Цябе вандраваці няспынна / Палохаці і чараваць/ Па золаце кожнай краіны, / Нібы па смерці, імчаць/ … / Ёсць нешта ў тваім абліччы / Ад п'янага карабля*» [4; 116]. Образ трамвая, корабля-призрака в стихотворении Н. Гумилева связан с идеей онтологического путешествия человека, ведомого роком, без локализации в пространстве и времени. И если обычно странствия в лирике поэта описываются как необходимый духовный опыт для поэта, без которого не могло бы быть его творчества, то в «Заблудившемся трамвае» путь вне времени и через пространства очевидно является смертельным. Е.Вагин называет стихотворение «поразительным сюрреалистическим синтезом прошлой культурной эпохи, убийственной современности и трагических предчувствий близкого будущего» [5]. В стихотворении «Кола» Л. Дранько-Майсюка семантика апеллятивных и отчасти ономастических конструктов ретранслирует смысловые блоки безвременья, фатумных преобразований, которые вмещает в себе прагматоним*Гуми-*

лев в приведенном контексте; дополняет их семой катастрофичности исторических преобразований (колесо трамвая путешествует по Беларуси самостоятельно, оторвавшись от трамвая); преобразует сему «трагичность предчувствия будущего» в «вера в будущее, воплощенное в созидательном творчестве личности»: «*Ён смехам ратуецца бедаў, / Ён вершыкі складвае сам, / Яму сваю кнігу "Credo" / Учора паэт падпісаў*» [4; 118].

Таким образом, текст создается при появлении определенной установки его создателя и функционирует в области коммуникации. Он одновременно демонстрирует качества и единицы информации, и продукта деятельности субъекта по осмыслению онтологических основ своего существования, и материала для восприятия и интерпретации. Антропонимный код, элементы которого обладают обширным объемом прагматической информации, энциклопедичность характера которой усиливается от текста к тексту, позволяет автору нового контекста не только ретранслировать семантическую константу, но и преобразовывать ее в соответствии с собственным замыслом.

Литература

1. Новейший философский словарь / А.А.Грицанов [и др.]; под ред. А.А.Грицанова. — 2-е изд., перераб и доп. — Минск: Интерпрессервис, 2001. — 1280 с.
2. Бродский, И. Новые стансы к Августе: Стихи к М.Б., 1962 –1982 / И.Бродский. – СПб.: Пушкинский фонд, 2000. — 144 с.
3. Красных, В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация) / В.В.Красных.— М.: Наука, 1998. — 263 с.
4. Дранько-Майсюк, Л. Гаспода: выбранае / Л.Дранько-Майсюк. – Мінск: Маст. літ., 1998. – 382 с.
5. Николай Гумилев: электронное собрание сочинений [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: www.portal-slovo.ru/philology/37243.php. – Дата доступа: 10.10. 2013.
6. Лекманов, О. Из заметок об акмеизме / О.Лекманов // Новое литературное обозрение, 1998. – №3. – С.263 – 271.

М.Л. Дорофеенко (Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)

НОМИНАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОТАНТРОПОНИМНОЙ ВИКОНИМИИ БЕЛАРУСИ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

На современном этапе развития ономастики наряду с изучением урбанонимов возникает необходимость исследования виконимов (внутрисельских названий). О культуре, истории, духовном развитии каждого народа свидетельствуют те имена собственные, которые люди присваивают различным объектам, в том числе улицам.

По источникам происхождения виконимы делятся на две группы – отапеллятивные, образованные от имен нарицательных, и отонимные, основой для образования которых стали имена собственные. Разновидностью последних являются отантропонимные виконимы, выступающие объектом настоящего исследования. Сформированы они преимущественно на базе фамилий и псевдонимов.

Цель исследования – выявление номинативных особенностей отантропонимной виконимии Беларуси.

Составным элементом восприятия и интерпретации виконимов в общем и отантропонимных внутрисельских названий в частности являются фоновые знания. Внутрисельские наименования наделены не только лингвистической, но и многослойной культурологической информацией, экспонируют важнейшие историко-культурные сведения. Для уточнения семантики виконима недостаточно общих лингвострановедческих знаний, необходимо привлечение данных регионального краеведения.

Придерживаясь семантической классификации урбанонимов, выдвинутой А.М. Мезенко [1, с. 112-123], разделим проанализированные отантропонимные виконимы на три группы.

Первая группа объединяет названия, основой для номинации которых послужили имена различных государственных и политических деятелей: *ул. Ленина* – аг. Большое Можейково Щуч. р-на Гр. обл., *ул. Бестужева* – дер. Выгоничи Волож. р-на Мн. обл., *ул. Димитрова* (в честь деятеля болгарского и международного рабочего движения Димитрова Георгия Михайловича) – дер. Ольшаники 2 Кругл. р-на Мг. обл.

Общими для виконимии шести областей явились виконимы *ул. Дзержинского, ул. Калинина, ул. Кирова, ул. Ленина / Ленинская улица, ул. Маркса, ул. Машерова, ул. Энгельса*. В пяти областях зафиксирована *ул. Фрунзе*. Предложенный список включает виконимы, эксплицирующие преимущественно советский текст культуры и образованные от фамильных антропонимов основоположников научного коммунизма и советских государственных деятелей. Высоким показателем частотности на фоне остальных названий обладают виконимы *ул. Ленина / Ленинская ул.* (Бр. обл. – 128/5 населенных пунктов (далее – н.п.), Вт. обл. – 14/12 н.п., Гм. обл. – 95/49 н.п., Гр. обл. – 24/8 н.п., Мг. обл. – 20/16 н.п., Мн. обл. – 48/27 н.п.).

Внутрисельские названия данной группы являются меморативами, так как присваивались в честь людей, известных за пределами населенного пункта или страны.

Вторую группу составляют наименования в честь участников военных событий: *ул. Багратиона* – аг. Ленино Слуцк. р-на Мн. обл., *ул. Будённого* – аг. Присно Ветк. р-на Гм. обл., *ул. Берзарина* (по фамилии Николая Эрастовича Берзарина, советского военачальника, Героя Советского Союза) – аг. Копти Вт. р-на Вт. обл., *ул. Гриба* (в честь Гриба Ивана Прохоровича, одного из организаторов и участников партизанского движения на территории Минской области в годы Великой Отечественной войны, родившегося в дер. Новосёлки) – дер. Новосёлки Коп. р-на Мн. обл., *ул. Братьев Миховичей* (по фамилии братьев Степана Максимовича и Петра Максимовича Миховичей, уроженцев дер. Мотоль, участников партизанского движения на территории Беларуси и Чехословакии в годы Великой Отечественной войны) – аг. Мотоль Иван. р-на Бр. обл., *ул. Марии Кирейчук* (в честь Кирейчук Марии Николаевны, участницы Великой Отечественной войны, уроженки дер. Шалыпы) – дер. Шалыпы Калинк. р-на Гм. обл., *ул. Петрусевича* (по фамилии Петрусевича Петра Викторовича, воина-интернационалиста, родившегося в дер. Стража) – дер. Стража Кир. р-на Мг. обл.

Общими для всех областей являются виконимы *ул. Заслонова, ул. Суворова, ул. Чапаева*; в пяти областях встречаются *ул. Будённого, ул. Гастелло, ул. Космодемьянской, ул. Матросова*. Перечисленные виконимы образованы от фамилий участников Великой Отечественной войны (4), гражданской войны (2), один мотивирован фамилией русского полководца XVIII в. Данные названия внутрисельских линейных объектов характеризуются невысоким уровнем частотности. Из них особо распространены следующие два: *ул. Чапаева* (Бр. обл. – 26 н.п., Вт. обл. – 1 н.п., Гм. обл. – 33 н.п., Гр. обл. – 4 н.п., Мг. обл. – 3 н.п., Мн. обл. – 13 н.п.) и *ул. Заслонова / пер. Заслонова* (Бр. обл. – 16 н.п., Вт. обл. – 7 н.п., Гм. обл. – 10 / 1 н.п., Гр. обл. – 2 н.п., Мг. обл. – 8 н.п., Мн. обл. – 9 н.п.).

Особенностью представленной подгруппы названий является многочисленность онимов, связанных с историей региона, в котором они зафиксированы. Данная характеристика отличает виконимию от урбанонимии, где используются наименования, отмеченные высоким уровнем прецедентности. Так, наряду с широко известными названиями (*ул. Матросова, ул. Чапаева,*) функционируют виконимы региональной прецедентности, отличающиеся бóльшим количеством, однако низкой степенью распространения, поскольку зарегистрированы чаще всего только в одном населенном пункте. В этом случае можно говорить о виконимах, увековечивающих память уроженцев населенного пункта или тех, кто внес свой вклад в историю и культуру региона. Особым местным колоритом маркированы улицы, основой для образования которых послужили имена участников Великой Отечественной войны, воинов-интернационалистов.

В третью группу входят наименования, в основе которых лежат фамилии деятелей науки, культуры, искусства, героев мирного времени: *ул. Алеся Адамовича* – аг. Колодищи Мн. р-на Мн. обл., *ул. Пушкина* – аг. Брашевичи Дрог. р-на Бр. обл., *ул. Хруцкого* – аг. Улла Беш. р-на Вт. обл. (по фамилии Ивана Фомича (Трофимовича) Хруцкого, художника, живописца XIX в., известного своими натюрмортами и групповыми портретами, уроженца п. Улла), *ул. Могилевчика* (в честь Могилевчика Захара Кузьмича, белорусского советского ученого в области гигиены и санитарии, родившегося в дер. Головчин) – аг. Головчин Бел. р-на Мг. обл., *ул. Гагарина* – аг. Городец Кобр. р-на Бр. обл.

В шести областях Беларуси функционируют десять общих названий: *ул. Гагарина, ул. Горького, ул. Есенина, ул. Коласа, ул. Купалы, ул. Мичурина, ул. Пушкина, ул. Скорины, ул. Титова, ул. Толстого*. В пяти областях задействованы *ул. Гоголя, ул. Лермонтова, ул. Маяковского, ул. Некрасова*. Среди данных наименований находим виконимы, мотивированные фамильными антропонимами писателей (10), летчиков-космонавтов (2), просветителя (1), ученого (1). Наиболее частотными из перечисленных выступили виконимы *ул. Гагарина* (Бр. обл. – 127 н.п., Вт. обл. – 16 н.п., Гм. обл. – 98 н.п., Гр. обл. – 41 н.п., Мг. обл. – 14 н.п., Мн. обл. – 79 н.п.); *ул. Коласа* (Бр. обл. – 37 н.п., Вт. обл. – 3 н.п., Гм. обл. – 15 н.п., Гр. обл. – 4 н.п., Мг. обл. – 3 н.п., Мн. обл. – 31 н.п.); *ул. Купалы* (Бр. обл. – 29 н.п., Вт. обл. – 3 н.п., Гм. обл. – 12 н.п., Гр. обл. – 2 н.п., Мг. обл. – 4 н.п., Мн. обл. – 33 н.п.); *ул. Пушкина* (Бр. обл. – 32 н.п., Вт. обл. – 6 н.п., Гм. обл. – 19 н.п., Гр. обл. – 10 н.п., Мг. обл. – 6 н.п., Мн. обл. – 23 н.п.). Белорусский текст культуры представлен только двумя распространенными названиями, однако это не свидетельствует о приоритетности русского текста: подгруппа наименований, мотивированных фамилиями белорусских литераторов, отличается большим разнообразием. Так, помимо вышеперечисленных национально прецедентных виконимов в каждой области зафиксированы названия, данные в честь региональных писателей и поэтов.

Таким образом, в состав каждой группы отантропонимных виконимов входят общие для всех областей Беларуси единицы, имеющие высокий индекс частотности. При этом количественные показатели данных названий различны во всех регионах Беларуси. Причинами выступают такие экстралингвистические факторы, как географическое положение, исторические особенности региона или страны в целом и т.д. Частотные названия внутрисельских линейных объектов обладают высоким уровнем прецедентности, что сближает виконимную систему с урбанонимной, в которой в качестве основы для номинации задействованы широко известные имена. Однако специфической чертой рассмотренного разряда онимов является значительный спектр названий, отражающих региональную картину мира, при этом их состав в каждой области варьируется.

Литература

1. Мезенко, А.М. Урбанонимия Белоруссии / А.М. Мезенко. – Минск: Университетское, 1991. – 167 с.

О.С. Евсеева (Смоленский государственный университет)

ТОПОНИМИЯ СМОЛЕНСКО-ВИТЕБСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ, ОТРАЖАЮЩАЯ ЦВЕТОВОЕ ВОСПРИЯТИЕ МИРА, В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Топонимия (термин топоним восходит к греческому topos «место»), под которой понимается совокупность названий населенных пунктов определенной территории, представляет особый интерес для научного изучения. В ней отражаются важнейшие этапы истории материальной и духовной культуры создавшего ее народа и проявляются языковые закономерности, в связи с чем топонимия представляет интерес для исследования как историко-географический материал и как лингвистический источник [6; 7].

Топонимия любого региона – сложное явление, анализ которого представляет определенные трудности и предполагает различные пути исследования в зависимости от специфики материала и поставленных задач. В основе нашего исследования лежит топонимия смоленско-витебского пограничья. Со стороны Смоленщины сюда входят Демидовский, Велижский и Руднянский районы, которые объединены в единый внутриобластной район, именуемый Северо-западным. Со стороны Витебщины нами рассмотрены Лиозненский, Городокский и Витебский районы. Отметим, что на сегодняшний день общая протяженность границы Смоленской области с Беларусью составляет 463 км.

Данное топонимическое пространство представлено разнообразием лексико-семантических групп топонимов. В настоящей статье мы подробнее остановимся на анализе одной из малочисленных групп топонимов – онимических единиц, которые содержат в своих названиях характеристики цвета (черный, белый, красный), или цветовые прилагательные (5 % от общего числа топонимов (673 единицы), попавших в сферу исследования). Несмотря на свою малочисленность, они представляет собой ценный лингвистический и этнолингвистический материал.

В колористической картине смоленско-витебского пограничья преобладают черный, белый и красные цвета. По мнению Ф.Н. Шемякина, любой цвет может быть охарактеризован по «светлоте», цвету, насыщенности. Так, по признаку «светлоты» самым светлым является *белый*, темным – *черный*, что нашло отражение и в топонимах. Кроме того, для этих прилагательных характерно развитие и переносных значений; *белый* обладает значением «чистый», *черный* – «грязный, плохой» [7; 16].

Самыми многочисленными являются топонимы, содержащие в своих названиях черный цвет, – *Черново, Черное, Черняны*, *Чернейка.* Обратимся к их описанию.

Как известно, прилагательное *черный* имеет около 13 значений, но чаще всего используются следующие: 1) «самого темного из существующих цветов, цвета сажи, угля»; 2) «темный, более темный по сравнению с обычным цветом» [3; 870]. Однако существуют определения, характеризующие понятие «*черный»* и с других позиций. Так, в словаре С.И. Ожегова среди нескольких определений мы находим следующее: «*черный* – на Руси в 12-17 вв.: государственный, не частновладельческий» [3; 870]. В словаре под редакцией А.П. Евгеньевой имеются следующие определения, которые не имеют отношения к цвету: «*черный* – в дореволюционной России: принадлежавший к низшим, не привилегированным сословиям, к простонародью»; «мрачный, безрадостный, тяжелый» [4; 667]. Как видим из определений, топонимы, содержащие в себе понятие «*черный»*, могут иметь не цветовое обоснование номинации. Скорее всего, в семантике корня реализуется значение социальное, т.е. значение принадлежности либо к государственному владению, либо к низкому сословию.

Обратим внимание на словообразовательный аспект в топонимах с корнем -*черн-*.

Черново - суффикс -ов- в данном топониме имеет старое значение принадлежности. В древности -ов- означал определённый звуковой символ, указывающий на отнесение объекта к "беженцам" или выходцам из определённых мест и сообществ. Со временем это значение утратилось, оставшись в современных онимах в виде стандартного суффикса фамилий, таким образом, данный топоним имеет отантропонимическое происхождение [2; 167].

Черняны – суффикс -ян- имеет значение «новый». Исходя из значения, данного в словаре С.И. Ожегова, – «государственный, не частновладельческий», мы можем предположить, что название этого населенного пункта могло дословно означать «новый, государственный населенный пункт» [2; 169].

Чернейка – суффикс -ейк- в русском языке является суффиксом субъективной оценки, который образует не новые слова, а их формы, нередко отличающиеся от тех

слов, на базе которых они возникли, только с эмоционально-экспрессивной окраской. В данном случае суффикс дает положительную оценку.

Как видим, топонимы, содержащие в себе основу *-черн-,* не всегда имеют отношение к цветовому восприятию мира.

Разнообразно использование в топонимии прилагательного «белый»: *Беляево, Беляки, Беленькие, Бель, Белогузово, Белоусово*.

Словарь Ожегова С.И. предлагает 11 определений прилагательного «белый», два из которых связаны с цветообозначением и активно используются в речи: 1) «цвета снега, молока, мела»; 2) «очень светлый». В этом же словаре мы находим и не цветовое определение, которое возникло после 1917 года: «*белый* – в первые годы Советской власти: контрреволюционный, действующий против советской власти или направленный против нее» [3; 78]. Но чаще прилагательное «белый» имеет не цветовое значение, а социальный смысл: указывает на свободу, вольность, откуда пошли выражения *Белая нива, Белое место*. Из русского фольклора известно *Беловодье*, легендарная страна мужицкой вольности, «никем не занятая, вольная земля».

Наименование деревни *Бель* Демидовского района, по-нашему мнению, связано с промыслами. Так, в Словаре смоленских говоров *белью* называется «отбеленная льняная пряжа» [5; 159]. Можно предположить, что свое название деревня получила именно таким образом.

Обратим внимание на словообразовательный аспект топонимов с основой *-бел-*. Названия *Беляево, Белогузово, Белоусово,* в своем составе имеют суффиксы -ов-,/-ев-, со значением принадлежности и являются топонимами отантропонимического происхождения.

В топониме *Беленькие* вычленяется суффикс *-еньк-,* имеющий уменьшительно-ласкательное значение в именах нарицательных, оттуда это значение пришло и в сферу имен собственных.

В топониме *Беляки* выделяется суффикс *-як-*, указывающий на эмоционально экспрессивную окраску.

На исследуемой территории интересен топоним Красное, в семантике которого, на первый взгляд, имеется значение красного цвета. Например, в словаре С.И. Ожегова дается такое определение: «*красный* – имеющий окраску одного из основных цветов спектра, идущего перед оранжевым; цвета крови» [3;304]. Однако такое толкование скорее всего спорное. Обратим внимание на такие случаи, где прилагательное красный употребляется в старом русском значении «красивый»: «красный угол в избе», «красная девица», «красное солнышко». Такое же значение имеет место и в названиях *Красный луг и Красный Двор*. Помимо старорусского значения «красный – красивый» встречается и революционное: «относящийся к революционной деятельности, к советскому социалистическому строю, к Красной Армии» [3; 304].

Для того чтобы определить, как принимается значение топонимов, отражающих цветовое восприятие мира, современными житеями приграничья, нами был проведен ассоциативный эксперимент. Респондентам был предложен ряд топонимов, имеющих в своем составе цветообозначения (*черный, белый, красный*). 90% опрошенных считают, что топонимы *Черново, Черное, Черняны*, *Чернейка* образованы от прилагательного «черный» в его цветовом значении; 10% респондентов затруднились ответить на поставленный вопрос. 80% опрошенных считают, что топонимы *Беляево, Беляки, Беленькие, Бель, Белогузово, Белоусово* образованы от прилагательного «белый»; 20% – либо затруднились ответить на вопрос, либо имели индивидуальные ассоциации. По-иному воспринимали современные носители языка топонимы с прилагательным «красный»: *Красное, Красный. Красный Двор.* По мнению 70% опрошенных, они образованы от прилагательного «красный» в значении «красивый». Возможно, это связано с тем, что это значение часто используется в фольклорных текстах и в диалектах.

Таким образом, наименование населенных пунктов, в основе которых лежат цвета черный, белый и красный, в основной своей части не имеют цветового значения, а реальные значения данных топонимов на сегодняшний день, к сожалению, забыты.

Литература

1. Административно-территориальное устройство Смоленской области: Справочник. – М.: Московский рабочий, 1981. – 416 с.
2. Земская, Е.А. Современный русский язык. Словообразование / Е.В. Земская. – М.: Просвещение, 1973. – 304 с.
3. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1990 . – 921 с.
4. Словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд., – М.: Русский язык, 1985. – 800 с.
5. Словарь смоленских говоров. – Выпуск 1. – Смоленск: СГПИ, 1974. – 310 с.
6. Суперанская, А.В. Что такое топонимика? / А.В Суперанская. – М.: Институт языкознания, 1985. – 130 с.
7. Шемякин, Ф.Н. Язык и чувственное познание. / Ф.Н Шемякин //Язык и мышление. – М.: Русск.яз., 1965. – С. 16-18.

И.А. Ионова (Славянский университет, Кишинев, Молдова)

РУССКОЕ КИШИНЕВСКОЕ ПРОСТОРЕЧИЕ: ЗАМЕТКИ ОБ ИСТОЧНИКАХ СВОЕОБРАЗИЯ

В Кишиневе, как и в любом большом городе с многонациональным населением, для межэтнической коммуникации в неофициальных сферах используется просторечие, колоритность которого обусловлена взаимовлиянием контактирующих языков и культур. Уникальной в этом плане является лингвистическая ситуация в Одессе, которая с момента ее основания, заселялась людьми разных национальностей. Под влиянием цивилизационных, экономических, социально-политических и этнических процессов, влиявших на жизнь городской общины, здесь на лексической базе русского языка сформировалось городское койне [8]. В Кишиневе подобного общего языка не существует. Однако местное русское просторечие, как и в Одессе, выплавлялось в поликультурном многоязычном социуме. Но состав культур и языков, взаимодействующих в этом котле, их пропорции, были иными.

Основные ингредиенты получившегося языкового коктейля называет в своем стихотворении Александра Юнко: *Перекресток бессарабский, // Переулок тарабарский, // Где звучит, куда ни выйдешь, // Русский, что ли, чи молдавский, // Украинский, то ль болгарский // С переходами на идиш. … // С детства этот сочный суржик // Я жевала, точно коржик, // Разноречьем упиваясь. // До сих пор в стихотвореньях // Расставляю ударенья // По наитию, покаюсь! … // Где же ты, мой бессарабский, // Горький, нищий, но не рабский, // В Бога, душу и царя, // Магальской, блатной, армянский, // Гагаузский да цыганский?.. // Нет такого словаря* [10; 13]. «Переулок тарабарский», видимо, не только улочка на Пушкинской (раньше Инзовой) горке в Кишиневе, но и вся Молдова – своего рода перекресток Запада и Востока, Севера и Юга. В ряду определений у А.Юнко важно слово «магальской». «Магальской» язык – это язык магалы (махалы). В русском языке такого слова нет; отсутствует оно и в популярном «словаре» В.Смирнова [6], хотя одна из колоритных одесских реалий может быть названа именно так. В. Смирнов пишет: *«Мы росли в пропитанных одесским духом, кулинарией и языком дворах, за черту которых изначально была выведена национальная составляющая, и все были друг другу своими, роднее любой мишпухи»* [7; 64]. Т.В.Зайковская, исследующая языковые картины мира этносов Молдовы, определяет понятие так: *«Магала – это часть села, часть довольно большая, по тем или иным признакам (местонахождение в верхней или нижней части поселения, граница в виде речки или ручья, преобладание жителей определенной национальности – ср. болг.* ***циганска махала*** *– и т.п.), обособленная от других его частей, где жи-*

вут, в основном, дружелюбно настроенные по отношению друг к другу люди, ощущающие, что все вместе они составляют некое единство, общность» [2; 61].

Слово *магала* часто встречается в произведениях молдавских писателей, повествующих о жизни села или поселка: *Василе Гацапук … не из нашей махалы, хотя наполовину как бы и свой. Его летняя кухня выходит к нам, а дом – на другую сторону, в соседнюю махалу. И ворот у него тоже двое – на две махалы. Через одни входят слухи и враки с нашего конца, через другие – с ихнего* [3; 39].

Понятие «магала» было актуальным для жителей Кишинева в XIX в. и имело выраженную этническую окраску. Об этом свидетельствует, например, рассказ В.Малиновского (псевдоним *Тартарен из Тараскона*) «Баба Чана» (подзаголовок «Из кишиневских нравов»), опубликованный в 1889 г. в «Бессарабском вестнике». Действие происходит в болгарской магале, которая является не столько местом, сколько коллективным персонажем – свидетелем событий, их участником и судьей.

В рассказе отразилось стирание этнокультурного своеобразия магалы: *«Свадьбу отпраздновали на славу, но, к великому огорчению магалы, а ла франко, по-европейски…»* [9, 206]. Имена, характеры, род занятий обитателей магалы даже не обозначены. Она предстает неким организмом, который отторгает от себя человека, нарушившего нравственные законы сообщества. Молодая жена героя рассказа Михалуцэ (сына болгарского переселенца бай Стефана) невзлюбила его мать бабу Чану и, при попустительстве мужа, свела ее со света: *«Если магала при жизни бабы Чаны открыто не выражала Михалуцэ порицание за его обхождение с матерью, за такое явное пренебрежение баштинскими* [отцовскими – И.И.] *обычаями, твердо коренящимися еще в быту как задунайских, так и местных болгар, то поступала так единственно из уважения к старухе. … Но после смерти бабы Чаны … магала круто изменила с ним свое обращение. На поклоны Михалуцы отвечали неохотно; … все избегали вступать с ним в новые сделки … и Михалуца очень скоро сделался отрезанным ломтем на магале, где он родился и вырос … Если он отправлялся к кому-нибудь в гости – его принимали так сухо, что он не решался заглянуть туда в другой раз. К нему никто не заглядывал, и даже на Великий день, когда вся магала, по заведенному исстари обычаю, обменивалась визитами, ему пришлось проскучать одному …»* После смерти дочери герой спился, забросил дела и, наконец, *«исчез из дома, исчез из магалы, исчез из города»* [9; 208-210].

Слово «магала», видимо занесенное в эти края османскими завоевателями, прочно укоренилось на молдавской земле. Приехавший в Молдавию в середине 50-х годов XX в. Леонид Казаков, комментируя его употребление в одном из стихотворений, где *«на праздник пришла вся магала»,* пишет: «*Я успел застать время, когда обитатели отдельно взятой магалы казались не столько соседями, сколько родственниками. Впрочем, родственников среди них тоже было немало»* [4; 64].

В Кишиневе и сегодня есть микрорайоны (не в административном, а в территориальном понимании), внешне напоминающие село, с одноэтажными домами, сохранившимися с XIX в.; есть такие даже в центральной, исторической части города. «Статус» магалы получали пригородные села, которые постепенно вживлялись в растущий город, а также кварталы сравнительно новой (второй половины XX в.) застройки, где селились приезжие из сел Молдовы и рабочие близлежащих промышленных предприятий. Современная кишиневская магала лишена национального колорита; у слова актуализировались социальные коннотации, оно может употребляться в значении «окраина города». Своего рода ячейка магалы – это «двор», обычно многонациональный и многоязыкий, в котором обитатели старых одноэтажных домиков знают о соседях всю подноготную. Характерное для послевоенного Кишинева русско-украинско-еврейско-молдавское просторечие зафиксировано в повести Александра Гольдмана «Монолог»: *Я говорю, что у Пилины* (Полины – И. И.) *был муж, по двум причинам. Во-первых, у*

Сашки много лет была зазноба – проводница по имени Верка (мать и дочь называли разлучницу, как немецкую промышленность, – Вэркэ). Во-вторых, Сашка умер. В тюрьме. … Все вышеизложенное как-то раз дало Доре Моисеевне толчок для следующего монолога во дворе: – Когда Сашке первый раз увзяли, то Пилина пойшла ык товарищ прикороль, и сказала, что Сашке – честный человек. А что он повез ыв Одессе камеру от МАЗ, полную ыс водкой, так его просили передать… Так товарищ прикороль понял, что Пилина – честная женщина, и сказал ей: "Пилина, идите домой. И как вы придете домой, фуражка вашего Сашке будет висеть на вешалку, как и висела!" И Пилина пойшла домой, и фуражка таки висела, как и висела… но Сашке не было. Он уже опьять ушел ык своей Вэркэ [1; 22].

Очевидно, что Дора Моисеевна – человек малообразованный: чего стоит только «товарищ прикороль» (прокурор). В ее речи чувствуется влияние украинского языка (*увзяли, пойшла, опьять*), молдавский отразился неправильными предложно-падежными сочетаниями *полная с водкой, висеть на вешалку* и др. Монолог свидетельствует и о некотором сходстве кишиневского просторечия с одесским койне: фуражка беспутного Сашке *«таки висела»* на вешалке. Заключая один из эпизодов «с речеведческим уклоном», А.Гольдман резюмирует: *«…если говорить честно, "той"* (укр. – И.И.) *у нас еще в Кишиневе русский язык»* [1; 22].

Свой лексический, грамматический и фонетический вклад в «тот еще язык» внесла и еврейская магала. Р.Я.Клейман и И.Э.Шихова пишут о строках Д. Кнута *«особенный еврейско-русский воздух…// Блажен, кто им когда-либо дышал…»*, что в них выражена «своеобразная этнокультурная самоидентификация автора, рожденная бессарабской реальностью … Эта формула, вероятно, может быть воплощена во многих вариантах: особенный, молдавско-русский воздух; или, например, особенный, цыганско-русский воздух и т.д. Ибо этот своеобразный этнокультурный интеграл – наше общее достояние. Это тот воздух нашей духовной культуры, тот исторический "дым отечества", которым все мы дышим, естественно и органично» [5; 71].

Законодательно прописанная фильтрация «воздуха духовной культуры» Республики Молдова от русского компонента за последние два десятилетия заметно изменила языковую атмосферу страны и города. Это в полной мере проявилось в подотчетных государству сферах – официально-деловой, образовательной, агитационно-массовой. Русская речь стала реже звучать и на улицах столицы. *«Мой город // меня не узнает // не говорит по-русски»*, – пишет сегодня А. Юнко [11; 78]. Однако лингвистическое законодательство не властно в нерегламентируемых сферах, где неизбежно непосредственное человеческое общение, в условиях Молдовы – всегда межэтническое. Очень показательный пример: на табличках маршруток, следующих к главному вещевому рынку Кишинева «Calea Basarabiei», водители пишут понятное всем слово «Tolciоc» («толчок»). Кишиневский двор отчасти остается хранителем общего языка, основой которого чаще является все же русский; впрочем, это зависит от этнического состава жильцов. Однако таких дворов становится все меньше: подавляющая часть населения столицы живет в современных многоэтажных районах, где степень общительности соседей не столь высока.

Литература

1. Гольдман, А. Монолог / А.Гольдман // Ветка Иерусалима. Альманах писателей-евреев Молдовы. № 2. – Кишинев, 2000.
2. Зайковская, Т.В. Доминанты национальной ментальности и коммуникативное пространство / Т.В.Зайковская // Вестник Славянского университета. Вып. 15. Серия «Филология». – Кишинэу, 2008.
3. Иовицэ, Влад. По ту сторону дождя. Перевод А.Бродского // Влад Иовицэ // Повести и рассказы. – Кишинев, 1981.
4. Казаков, Л. Апрельская акварель // Л. Казаков // Моя Голгофа. Стихи над пропастью. – Кишинев, 2010.

5. Клейман, Р.Я. Культурное наследие евреев Молдовы / Р.Я.Клейман, И.Э.Шихова. – Кишинев: 2010.
6. Смирнов, Валерий. Таки да большой полутолковый словарь одесского языка. В 4-х т. / Валерий Смирнов. – Одесса, 2005.
7. Смирнов, Валерий. Одесский язык / Валерий Смирнов. – Одесса, 2008.
8. Степанов, Є.М. Російське мовлення Одеси / Є.М.Степанов. – Одеса, 2004.
9. Тартарен из Тараскона (Малиновский Виктор). Баба Чана // Ижболдина, И.А. «Живая старина» в произведениях русских литераторов Бессарабии конца XIX-начала XX вв. Исследования и материалы / И.А. Ижболдина. – Кишинев, 2012.
10. Юнко, Александра. Переулок бессарабский… / Александра Юнко // Связь времен. – Кишинев, 2010.
11. Юнко, Александра. Мой город / Александра Юнко // Русское поле. Литературно-художественный и публицистический журнал ассоциации русских писателей Республики Молдова. № 1 (3). – Кишинев, 2011.

М.П. Кажарновіч (Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт)

СТРУКТУРА І ФУНКЦЫІ АНАМАСТЫЧНАЙ МЕТАФАРЫ ПУБЛІЦЫСТЫЧНАГА ДЫСКУРСУ

Публіцыстычны дыскурс займае адметнае месца сярод іншых відаў дыскурсу. Ён уключае ў сябе шырокае кола рознатэматычных тэкстаў, якія тычацца культурнага, палітычнага, эканамічнага, сацыяльнага жыцця грамадства. Публіцыстычныя тэксты закліканы не толькі інфармаваць пра пэўную падзею, але і даць ёй ацэнку, уздзейнічаць на рэцыпіента. У сувязі з гэтым у публіцыстычных тэкстах побач з інфарматыўнасцю зместу важная роля надаецца форме, моўным сродкам, якія б дазволілі не толькі данесці да шырокай аўдыторыі пэўную інфармацыю, але і выклікаць адпаведную рэакцыю. У публіцыстычным дыскурсе назіраюцца дзве выразныя тэндэнцыі: з аднаго боку, гэта імкненне аўтара да максімальнай свабоды, да выражэння сваёй індывідуальнасці, адметнасці аўтарскай манеры, але з іншага – гэта ўжыванне апрабаваных, добра вядомых сродкаў, якія дазваляюць прыхаваць сваю суб’ектыўнасць і суаднесці тэкст з агульнапрынятымі традыцыямі. Шырокае ўжыванне анамастычнай метафары ў публіцыстычных тэкстах з’яўляецца яскравым пацвярджэннем актуальнасці названых тэндэнцый.

Варта адзначыць, што выкарыстанне канататыўных магчымасцей уласнага імя заўсёды было пашыранай з’явай у масавай камунікацыі. Пра гэта сведчыць цэлы шэраг уласных імёнаў, якія на сённяшні дзень перайшлі ў склад апелятыўных адзінак. Па сутнасці гаворка ідзе пра канвенцыяналізаваныя анамастычныя метафары, сігніфікат якіх замацаваны ў слоўніках: “донкіхот – фантазёр, які самааддана змагаецца за адцягненыя ідэалы дабра” [4; 182] (*Мікалай Матукоўскі – беларускі Дон Кіхот (Звязда 12.09.2009)*), “донжуан – шукальнік любоўных прыгод, спакуснік жанчын” [4; 181] (*Быць Дон Жуанам сёння прэстыжна (Звязда 16.02.2007)*).

Анамастычная метафара фарміруецца на аснове прэцэдэнтнага імя – агульнавядомага, пашыранага ў камунікацыі, актуальнага ў кагнітыўным плане оніма, які выкарыстоўваецца ў тэксце як культурны знак, своеасаблівы сімвал пэўных якасцей, характарыстык, спосабу паводзінаў. Безумоўна, не кожнае прэцэдэнтнае імя ў публіцыстычным тэксце фарміруе метафарычны кантэкст. Д.Б. Гудкоў вылучыў дэнататыўнае (інтэнсіянальнае) і канататыўнае (экстэнсіянальнае) ужыванне прэцэдэнтнага імя [2; 154]. Пры дэнататыўным ужыванні, як і кожнае ўласнае імя, прэцэдэнтны онім абазначае канкрэтную рэалію. Напрыклад, у кантэксце *Пасля выбуху на атамнай электрастанцыі ў Чарнобылі мінула ўжо 27 гадоў (Звязда 26.04.2013)* тапонім *Чарнобыль* абазначае населены пункт, у якім адбылася аварыя на атамнай электрастанцыі. Пры канататыўным ужыванні ў оніме *Чарнобыль* выразна актуалізуюцца семы ‘страшная трагедыя, смяротная катастрофа’: *Не хочам другога Чарнобыля (Звязда 26.04.2006)*. Але часам адзначаюцца абсалютна іншыя шляхі развіцця семантыкі прэцэдэнтнага імя, што стварае нечаканы метафарычны эфект: *А*

зараз адбываецца Чарнобыль духоўны, ад якога Беларусь можа знікнуць як нацыя і як дзяржава (Наша Ніва 14.05.1997), Духоўны Чарнобыль вакол нас (Наша Ніва 12.10.2002). У гэтым выпадку онім *Чарнобыль* аплікуецца на абсалютна іншы дэнатат, які не мае непасрэднай сувязі з горадам, што пацярпеў ад наступстваў аварыі на атамнай электрастанцыі. Такім чынам, анамастычная метафара фарміруецца на аснове ўжывання прэцэдэнтнага імя ў метафарычным кантэксце. Паспрабуем акрэсліць структуру і функцыі анамастычнай метафары публіцыстычнага дыскурсу.

У адпаведнасці з кагнітыўнай тэорыяй кожная метафара з'яўляецца вынікам праекцыі ведаў з адной паняційнай сферы ў іншую: са сферы-вытоку ў сферу-мішэнь [3]. У выніку такога ўзаемадзеяння элементы сферы-вытоку структуруюць больш складаную сферу-мішэнь. У выпадку анамастычнай метафары варта казаць пра метафарызацыю не ізаляванага імя, а цэласнай канцэптуальнай структуры з пэўным кагнітыўным кантэкстам, які актывізуецца ў свядомасці носьбітаў мовы.

Для анамастычнай метафары публіцыстычнага дыскурсу сферай- вытокам з'яўляецца прэцэдэнтнае імя, за якім можа стаяць канкрэтная асоба з шэрагам трывала замацаваных характарыстык (*Міхаэль-Ёсеф Гузікаў – беларускі Паганіні (ЛіМ 31.08.2007)* на аснове асацыяцыі 'выдатны скрыпач, музычны віртуоз'), пэўная агульнавядомая сітуацыя (*Новыя Маўродзі ўжо ў інтэрнэце (Звязда 18.11.2008)* на аснове асацыяцыі з фактам пабудовы махлярскіх эканамічных пірамід) або прэцэдэнтны тэкст (*Састарэлыя Рамэо і Джульета сённяшняга дня (Звязда 10.02.2007)*).

Анамастычная метафара публіцыстычнага дыскурсу фарміруецца на аснове оніма, які можа паходзіць з самых розных сфер чалавечай дзейнасці: палітыкі (*Намеснік старшыні БСДП(Г) Нісцюк хоча стаць Гайдукевічам (Наша Ніва 20.10.2006)*), міфалогіі (*Гераклы новага часу: удзельнікі спартакіяды (Звязда 08.09.2006)*), літаратуры (*Алесь Разанаў – Апалінэр і Брэтон у сучаснасці (ЛіМ 07.12.2007)*), эканомікі (*Беларуская культура чакае свайго Бальцэровіча (Наша Ніва 21.08.2000)*), спорту (*Другога Шчэрбу нам пакуль не вырасціць (Звязда 15.08.2008)*) і інш.

Унутраная форма анамастычнай метафары, якая фарміруецца шляхам пераносу ўласцівасцей са сферы-вытоку на сферу-мішэнь, раскрываецца без усялякіх цяжкасцей у тым выпадку, калі экстрапаляцыя імя адбываецца ў межах аднаго сэнсавага поля (дыкурсу). Напрыклад, метафара *Нездарма Эмілію Плятэр называюць беларускай Жаннай д'Арк (ЛіМ 27.10.1998)* сфарміравана ў межах культурна-гістарычнага кантэксту, які звязаны з постаццю жанчыны-змагара ў нацыянальна-вызваленчым руху. Перанясенне ўласцівасцей імя за межы адной сэнсавай прасторы (у іншы дыскурс) узмацняе метафарычны кантраст, а адпаведна і экспрэсіўнасць анамастычнай метафары: *Кася Камоцкая – Жанна д'Арк беларускага року (Наша Ніва 17.03.2000)*, *Сокалаў-Воюш – музыкальны Пазняк (Наша Ніва 17.09.2000)*. У такім выпадку рэлят і рэферэнт анамастычнай метафары належаць да розных паняційных сфер.

Для ідэнтыфікацыі анамастычнай метафары прынцыпова важным з'яўляецца кантэкст. Прыхільнікі лагічнага накірунку разглядаюць метафару ў межах тэорыі рэферэнцыі і яе ўтварэнне звязваюць з такімі паняццямі, як *фокус метафары (plowed)* і *рамка (frame)*. "Фокус – гэта слова з метафарычным значэннем, а рамка – кантэкст" [1; 156]. У выпадку анамастычнай метафары фокусам з'яўляецца прэцэдэнтны онім, а рамкай – той мінімальны кантэкст, які фарміруе метафару і дапамагае яе ідэнтыфікаваць. Напрыклад, у кантэксце *Віктар Казько – беларускі Маркес (ЛіМ 30.01.2009)* азначэнне *беларускі* якраз і з'яўляецца той рамкай, якая дазваляе нам казаць пра метафарычнае ўжыванне оніма *Маркес*. Рамка анамастычнай метафары можа быць прадстаўлена не толькі атрыбутыўнымі, але і адвербіяльнымі *("Магутны Божа" – гэта "Ойча наш" па-беларуску (Наша Ніва 28.02.2009)*) і субстантыўнымі канструкцыямі (*Робін Гуд з банка: супрацоўнік банка ўкраў грошы, каб дапамагчы бедным (Звязда 08.10.2009)*).

Анамастычная метафара ў публіцыстычным дыскурсе выконвае цэлы шэраг функцый. Перш за ўсё варта ўзгадаць, што метафара з'яўляецца вобразным сродкам

мовы, закліканым упрыгожыць нашае маўленне, зрабіць яго больш эмацыянальным, вобразным і пераканальным, што дазваляе казаць пра эстэтычную, эмацыянальную і рытарычную функцыі анамастычнай метафары ў публіцыстычным дыскурсе.

З эстэтычнай функцыяй цесна звязана эўфемістычная функцыя анамастычнай метафары. Гэтая моўная адзінка дазваляе прыхаваць непажаданы, непрымальны, адмоўны канататыўны змест за ўласным імем. Напрыклад, замест адмоўнай характарыстыкі ‘сквапны чалавек’ ужываецца онім *Плюшкін* (*Плюшкіным на заметку (Звязда 13.03.2008)*), замест ‘махляр, які зарабляе на пабудове эканамічных пірамід’ – *Маўродзі* (*Віртуальны Маўродзі (Звязда 25.08.2006)*).

Анамастычная метафара з’яўляецца сродкам аксіялагічнага асэнсавання рэчаіснасці, выконваючы функцыю ацэнкі пэўнай рэаліі. Напрыклад, называючы Янку Купалу *беларускім Дантэ* (*Янка Купала – беларускі Дантэ (ЛіМ 26.10.2007)*), мы адначасова акрэсліваем значэнне постаці пісьменніка для беларускай літаратуры ў прыватнасці і беларускай культуры ўвогуле. Такая анамастычная метафара выклікае ў моўцаў адназначныя асацыяцыі, звязаныя з антрапонімам *Дантэ*: ‘выбітная постаць, прарок сваёй нацыі, заснавальнік літаратуры на нацыянальнай мове’ – у святле якіх мы ацэньваем значнасць постаці Янкі Купалы ў беларускім культурным жыцці.

Анамастычная метафара – гэта моўная адзінка, у якой закадаваны пэўны аб’ём інфармацыі, што дазваляе казаць пра яе кумулятыўную функцыю. Яна з’яўляецца сродкам захавання ведаў, назапашаных чалавекам шляхам індывідуальнага і калектыўнага пачуццёвага, практычнага і інтэлектуальнага вопыту. Гаворка ідзе пра тое, што анамастычная метафара фарміруецца на аснове оніма, за якім у свядомасці моўцаў замацаваны цэлы шэраг асацыяцый, што звязаны з нашымі ведамі, уяўленнямі пра носьбіта імя. Яна з’яўляецца не толькі сродкам, але і вынікам пазнавальнай дзейнасці чалавека.

Анамастычная метафара фарміруецца ў межах пэўнай лінгвакультурнай супольнасці, што дазваляе разглядаць яе як кампанент нацыянальна-культурнага дыскурсу і казаць пра тое, што яна выконвае функцыю культурнага маркёра. Напрыклад, прадстаўніку беларускай лінгвакультурнай супольнасці будзе цалкам зразумелы змест метафары *Кафка – чэшскі Багдановіч (Звязда 23.10.2009)*, таму што ў нацыянальнай свядомасці антрапонім *Багдановіч* мае вызначаны інфармацыйна-асацыятыўны змест: ‘паэт, грамадска-культурны дзеяч беларускага Адраджэння пачатку XX ст., першаадкрывальнік новых паэтычных жанраў у беларускай літаратуры, чалавек з трагічным лёсам, класік айчыннай літаратуры, імя на тысячагоддзі’. У прадстаўнікоў іншай лінгвакультурнай супольнасці дэкадаванне такой анамастычнай метафары можа выклікаць цяжкасці, але несумненна знойдзецца сваё нацыянальна-прэцэдэнтнае імя для асэнсавання адпаведнай рэаліі.

Такім чынам, анамастычная метафара фарміруецца на аснове метафарычнага ўжывання прэцэдэнтнага імя. Яна з’яўляецца важным складнікам публіцыстычнага дыскурсу, дзейсным лінгвістычным сродкам для адлюстравання жыццёвых рэалій, іх ацэнкі і фарміравання грамадскага меркавання. Анамастычная метафара дазваляе ацаніць актуальныя праблемы грамадска-палітычнага, эканамічнага і сацыяльнага жыцця ў кантэксце як нацыянальнага, так і сусветнага культурна-гістарычнага вопыту.

Літаратура

1. Блэк, М. Метафора / М. Блэк // Теория метафоры: сб. – М.: Прогресс, 1990. – С. 153 – 172.
2. Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. – М.: Гнозис, 2003. – 288 с.
3. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
4. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы: Больш за 65 000 слоў / Пад рэд. М.Р. Судніка, М.Н. Крыўко; Афармленне А.М. Хількевіча. – 3-е выд. – Мн.: БелЭн, 2002. – 784 с.

І.Л. Капылоў
(Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі)

НАРМАТЫЎНА-ПРАВАВАЯ БАЗА РУСКА-БЕЛАРУСКАЙ І ПОЛЬСКА-БЕЛАРУСКАЙ ПЕРАДАЧЫ ЎЛАСНЫХ ГЕАГРАФІЧНЫХ НАЗВАЎ

У апошнія дзесяцігоддзі ў Рэспубліцы Беларусь праводзіцца вялікая работа па стандартызацыі нацыянальнай тапанімііі, вынікам якой стала падрыхтоўка і прыняцце шэрагу нарматыўных прававых актаў. Асноўным дакументам, які вызначае прававыя асновы дзейнасці па выяўленні, нармалізацыі і прысваенні назваў геаграфічным аб'ектам, а таксама садзейнічае іх захаванню як неад'емнай часткі гісторыка-культурнай спадчыны, з'яўляецца Закон Рэспублікі Беларусь "Аб найменнях геаграфічных аб'ектаў" [1]. З мэтай рэалізацыі палажэнняў Закона распрацаваны і зацверджаны ў якасці нарматыўных інструкцыі, якія рэгулююць парадак выяўлення і ўнармавання найменняў геаграфічных аб'ектаў, іх дзяржаўнага ўліку, а таксама правілы перадачы геаграфічных назваў пры стварэнні картаграфічных і іншых матэрыялаў на замежных мовах, прызначаных для міжнароднага карыстання. Цэнтральнае месца ў праграме стандартызацыі займаюць пытанні міжмоўнай перадачы тапанімііі. Актуальнасць дадзенага напрамку абумоўлена ўваходжаннем Рэспублікі Беларусь як самастойнага, незалежнага суб'екта ў сусветную інфармацыйную прастору і пашырэннем міжнародных кантактаў, што ў сваю чаргу выклікала неабходнасць аднастайнай пісьмовай перадачы замежных уласных геаграфічных назваў у міжнародных дагаворах і прававых актах, у матэрыялах дэлімітацыі і дэмаркацыі дзяржаўнай мяжы, пры выданні геаграфічных карт і атласаў, пры размяшчэнні тапанімічнай інфармацыі ў электронных рэсурсах. Аднак для таго, каб служыць надзейным арыенцірам, кожны тапонім павінен мець у той або іншай мове адзіную гукаграфічную форму, пазбаўленую варыянтаў.

Забеспячэнне стабільнай пісьмовай перадачы замежнай тапанімііі патрабуе распрацоўкі навукова абгрунтаваных прынцыпаў і стварэння на іх базе правілаў перадачы назваў з адной мовы на іншую, а таксама замацавання стандартызаваных форм геаграфічных назваў у нарматыўных дакументах. Агульныя рэкамендацыі па міжнароднай стандартызацыі тапанімііі змяшчае "Кіраўніцтва па нацыянальнай стандартызацыі геаграфічных назваў" [3, 9], распрацаванае Групай экспертаў па геаграфічных назвах Арганізацыі Аб'яднаных Нацый. З улікам міжнародных стандартаў і нацыянальнай моўнай спецыфікі на сучасным этапе ў Рэспубліцы Беларусь складзены і зацверджаны тэхнічныя кодэксы ўстаноўленай практыкі, якія рэгламентуюць правілы афармлення геаграфічных найменняў розных краін на беларускай мове. У першую чаргу была праведзена работа па ўнармаванні міжмоўнай перадачы тапанімііі памежных тэрыторый: Расіі [4], Украіны [5] , Латвіі [6], Літвы [7] і Польшчы [8]. Нарматыўна-прававыя дакументы былі распрацаваны Рэспубліканскім унітарным прадпрыемствам «Белкартаграфія» сумесна з Рэспубліканскай тапанімічнай камісіяй пры НАН Беларусі і з удзелам спецыялістаў Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Асаблівай увагі заслугоўваюць тэхнічныя прававыя акты па міжмоўнай руска-беларускай і польска-беларускай тапанімііі, якія дазваляюць прасачыць асаблівасці ўзаемадзеяння розных моўных сістэм, устанавіць прынцыпы і спосабы фарміравання міжмоўных (іншаславянска-беларускіх) тапанімічных адпаведнікаў. У дадзеных дакументах адлюстраваны асноўныя спосабы перадачы назваў геаграфічных аб'ектаў, правілы перадачы галосных і зычных літар, канчаткаў і суфіксаў, а таксама выпадкі адступлення ад асноўных норм, адлюстраваны таксама асаблівасці напісання складаных і састаўных назваў і адтапанімічных прыметнікаў. Кодэксы і інструкцыі рэгламентуюць перадачу з рускай і польскай моў на беларускую ўласных геаграфічных найменняў фізіка-геаграфічных і сацыяльна-эканамічных аб'ектаў: населеных пунктаў, іх

састаўных частак (вуліц, плошчаў, завулкаў і да т.п.), аб’ектаў транспартнай інфраструктуры (станцый, пунктаў прыпынку і да т.п.), водных аб’ектаў, урочышч, іншых фізіка-геаграфічных аб’ектаў.

Алгарытм перадачы тапаніміі дзвюх славянскіх краін на беларускую мову фарміраваўся з улікам прынцыпаў графічнага і фанетычнага падабенства і адрознення, этымалагічнай адпаведнасці, традыцыі. Паводле гэтых кодэксаў агульныя прынцыпы перадачы замежных уласных геаграфічных назваў на беларускую мову зводзяцца да наступнага:

1. Замежныя геаграфічныя назвы ў асноўным перадаюцца на беларускую мову паводле прынцыпаў транслітарацыі і практычнай транскрыпцыі, зыходзячы з іх нацыянальных форм напісання, прызнаных афіцыйнымі. Асноўнымі афіцыйнымі крыніцамі для ўстанаўлення стандартызаванай формы рускіх або польскіх тапонімаў паслужылі выдадзеныя ў апошнія гады нацыянальныя буйнамаштабныя карты, атласы, а таксама турыстычныя даведнікі, даведнікі населеных пунктаў, даведнікі адміністрацыйна-тэрытарыяльнага падзелу і іншыя нарматыўныя выданні. Пры фарміраванні корпуса афіцыйных расійскіх геаграфічных назваў асноўнай крыніцай паслужыў “Аўтаматызаваны дзяржаўны каталог геаграфічных назваў Расіі”, а таксама “Агульнарасійскі класіфікатар аб’ектаў адміністрацыйна-тэрытарыяльнага дзялення”, які налічвае больш за 500 тысяч аб’ектаў. Афіцыйна прынятае напісанне польскіх геаграфічных назваў устанаўлівалася на падставе даведніка “Nazwy geograficzne Rzeczypospolitej Polskiej”, дакументаў Камісіі па ўстанаўленні геаграфічных назваў, публікацый урадавага выдання «Манітор Польскі» і інш. Важнай дадатковай крыніцай афіцыйнай тапаніміі сталі таксама даведнікі, падрыхтаваныя Рускім і Польскім геаграфічнымі таварыствамі.

2. Дыялектныя асаблівасці геаграфічных назваў адлюстроўваюцца пры перадачы на беларускую мову толькі ў тым выпадку, калі яны замацаваліся ў афіцыйных тапанімічных формах.

3. Абавязковай умовай пры перадачы з рускай мовы на беларускую найменняў геаграфічных аб’ектаў з’яўляецца наяўнасць націску. Пры гэтым змена націску, прынятага ў зыходнай назве, не дапускаецца, за выключэннем састаўных назваў, у складзе якіх змяшчаюцца прыметнікі *малый, старый*. Напрыклад: *Ма́лая Бе́лая – Мала'я Бе'лая*; *Ста́рый Пруд – Стары́ Пруд*; *Ста́рая Ми́левка – Стара'я Мі'леўка*. Неабходнасць у перакладзе прапрыяльнай часткі ў назвах лінейных і тэрытарыяльных аб’ектаў, як слушна адзначае Г.М. Мезенка, узнікае ў выпадку, калі яна выражана распазнавальнымі азначэннямі, звязанымі з геаграфічнай арыентацыі: *Юго-Западаная улица – Паўднёва-Заходняя вуліца*, *Восточная улица – Усходняя вуліца* [2, 47].

Пры транслітарацыі *польскіх* геаграфічных назваў улічваецца фіксаваны (на перадапошнім складзе) націск у польскай мове, месца якога захоўваецца і пры перадачы на беларускую мову: *Wejhe̲ro'wo – Вэйхе̲ро'ва; Sze̲pieto'wo – Шэ̲пято'ва.*

4. Не дапускаецца перадача тапонімаў з адной мовы на іншую шляхам прамога перакладу, напрыклад: *Побе́да – Перамо́га; Кра́сная Звезда' – Чырво́ная Зо́рка; Железнодоро'жная – Чыгу'начная*. Выключэнні складаюць традыцыйна замацаваныя на картах формы напісання па-беларуску польскіх тапонімаў: *Białystok – Беласток (не Бялыстак); Łódź – Лодзь (не Лудзь); Śląsk – Сіле'зія (не Слёнск).*

Асноўныя прынцыпы перадачы рускамоўнай тапаніміі на беларускую мову

Для перадачы найменняў геаграфічных аб’ектаў з рускай мовы на беларускую выкарыстоўваецца камбінацыя з двух спосабаў: транслітарацыя (*Са'вишки – Са'вішкі*); транслітарацыя з заменай асобных элементаў марфем (*Селе'ц – Сяле'ц*; *Подли'пки – Падлі'пкі*).

1. У працэсе перадачы рускамоўных геаграфічных назваў улічваюцца наступныя фанетыка-арфаграфічныя асаблівасці беларускай мовы: цвёрдасць шыпячых, [р], [ц] спрадвечнага, аканне, яканне, пераход [у], [в] у [ў], пераход [д] у [дз] у пазіцыі перад памякчальнымі галоснымі (дзеканне), пераход [т] у [ц] у пазіцыі перад памякчальнымі галоснымі (цеканне): *Щи'тники – Шчы'тнікі*; *Гряда' – Града'*; *Цы'нное – Цы'ннае*; *Новосёлки – Навасёлкі; Берёзовка – Бяро'заўка; Щётовка – Шчо'таўка*; *Дикое – Дзі'кае*; *Ти'хая – Ці'хая*.

2. Рускамоўныя тапонімы, якія суадносяцца з агульнымі словамі, асабовымі імёнамі, прозвішчамі, імёнамі-мянушкамі перадаюцца па-беларуску ў адпаведнасці з прынцыпамі беларускай арфаграфіі: *Волчки – Ваўчкі́; Крыло́во – Крыло́ва; Ере́мичи – Ярэ́мічы*.

3. Пры перадачы з рускай мовы на беларускую прыстаўны гук [в] адлюстроўваецца праз літару *в* у пачатку і ў сярэдзіне слова: *О́стров – Во́страў; У́зкое – Ву́зкае; Зао́зерье – Завóзер'е.* Зычная літара *в* перадаецца праз літару *у* ў назвах, утвораных ад асабовых імён, якія ў беларускай мове традыцыйна пішуцца з ініцыяльнай літарай *у* (*Влади'мировка*, п. – *Уладзі'міраўка*, п.), а таксама ў назвах, якія суадносяцца з агульнымі словамі, што па-беларуску пішуцца з літарай *у* (*Взлётная – Узлётная*.). Спалучэнні літар *жье, шье, чье, чьё, тье, дье, зье, сье, лье, нье* у канцы слова на беларускую мову перадаюцца адпаведна праз *жжа, шша, чча, ччо, цце, ддзе, ззе, ссе, лле, нне* (*Замо'шье – Замо́шша*; *Подле́сье – Падле́ссе* і інш.). Спалучэнні літар *вье, вьё, вьи, вья* перадаюцца адпаведна праз *ўе, ўё, ўі, ўя* (*Крапи́вье – Крапі́ўе; Соловьи – Салаўі'*).

4. Канчаткі якасных і адносных прыметнікаў, якія з'яўляюцца адным з кампанентаў рускамоўных састаўных назваў, замяняюцца адпаведнымі беларускімі канчаткамі: м.р. – *-ый, -ий* адпаведна на *-ы, -і* (*Горя́чий Лес – Гара́чы Лес*), ж.р. – *-ая, -яя* адпаведна на *-ая, -яя* (*За́дняя Гряда' – За́дняя Града'*), н.р. – *-ое, -ее* адпаведна на *-ае, -яе* (*Бе́лое Боло́то – Бе́лае Бало́та*), мн. л. – *-ые, -ие* адпаведна на *-ыя, -ія* (*Ста'рые Доро́ги – Стары́я Даро□гі*).

Асноўныя прынцыпы перадачы польскамоўнай тапанімii на беларускую мову

У тэхнічным кодэксе польскія геаграфічныя назвы перадаюцца па-беларуску паводле прынцыпу практычнай транскрыпцыі і транслітарацыі. Пры адсутнасці прамых адназначных графічных адпаведнікаў літар польскай лацінкі і беларускай кірыліцы пад увагу бяруцца асаблівасці вымаўлення назвы ў польскай мове. У асобных выпадках улічваюцца традыцыі перадачы польскіх гукаў. Зыходнай формай пры перадачы польскіх геаграфічных назваў з'яўляюцца польскія назвы ў форме назоўнага склону (*Międzylesie – Мендзыле'ссе*[1]; *Ciechocinek – Цехаці'нак*), а таксама роднага склону (тыпу: *Rzeszów, Rzeszowa – Жэ'шаў*).

Пры міжмоўнай перадачы польскіх галосных на беларускую мову ўлічваюцца наступныя асаблівасці польскай графікі: графічнае атачэнне літары; пазіцыя ў абсалютным пачатку і ў абсалютным канцы слова. Пры транслітарацыі зычных на беларускую мову ўлічваюцца наступныя асаблівасці польскай графікі: графічнае атачэнне літары (па-рознаму перадаюцца асобныя зычныя, якія выступаюць у пазіцыі паміж галоснымі, зычныя ў пачатку і на канцы слова; спалучэнні дзвюх зычных літар; спалучэнні зычных літар з «*i*»), наяўнасць над польскай літарай дыякрытычнага знака. Пры транслітарацыі польскіх геаграфічных назваў улічваюцца наступныя асаблівасці беларускай фанетыкі і арфаграфіі: аканне, а менавіта пераход [о] і [э] у [а]; яканне; пазіцыя галоснага адносна месца націску (адрозніваюцца пазіцыі галосных у націскным, паслянаціскным, пераднаціскным (першым і няпершым) складзе); зацвярдзеласць шыпячых, [р] і спрадвечнага [ц]; дзеканне; цеканне; пераход [у], [в] у [ў]

[1] Ілюстрацыі прыводзяцца з Тэхнічнага кодэкса ўстаноўленай практыкі. Геаграфічныя назвы. Спосабы і правілы перадачы геаграфічных назваў і тэрмінаў Рэспублікі Польшча на беларускую мову. Выданне афіцыйнае. Мінск: Дзяржаўны камітэт па маёмасці Рэспублікі Беларусь, 2010. – 52 с.

згодна з прынцыпамі беларускай фанетыкі: *Czeczewo – Чачэ'ва; Szelków – Шэ'лькаў; Ostoja – Асто'я; Mieczkowo – Мячко'ва; Milejów – Міле'еў, Chodzież – Хо'дзеж; Kociewie – Коце'ве.*

У транслітараваных назвах з мэтай максімальнага захавання знешняга выгляду зыходнай назвы не адлюстроўваюцца наступныя беларускія асаблівасці: часткова аканне, а менавіта пераход [э] у [а] (*Rzesznikowo – Жэшніко'ва; Żelazowa Wola – Жэлязо'ва Во'ля*); узнікненне прыстаўных гукаў перад пачатковымі [о], [у] (*Olsztyn – О'льштын; Ojców – О'цаў*), што дапускаецца правіламі беларускай арфаграфіі пры пісьмовай перадачы іншамоўных слоў.

Літары польскага алфавіта *«Bb», «Ff», «Gg», «Kk», «Łł», «Mm», «Nn», «Pp», «Tt», «Yy», «Żż»* маюць прамыя адназначныя кірылічныя адпаведнікі ў беларускім алфавіце і перадаюцца паводле прынцыпу транслітарацыі. Літары *«Cc», «Dd», «Rr», «Ss», «Zz»* маюць прамыя адназначныя кірылічныя адпаведнікі ў беларускім алфавіце, калі выступаюць у спалучэнні з наступным галосным ці на канцы слова, але ў складзе дыграфа, г.зн. у спалучэнні з наступным зычным, перадаюцца паводле прынцыпу транслітарацыі спалучэнняў літар (Літары *«Aa», «Ąą», «Ćć», «Ee», «Ęę», «Hh», «Ii», «Jj», «Ll», «Ńń», «Oo», «Óó», «Śś», «Uu», «Ww», «Źź»* могуць мець некалькі адпаведнікаў у беларускім алфавіце. Пры іх перадачы ўлічваюцца традыцыі беларускамоўнага адлюстравання польскіх гукаў. Літары *«Ąą», «Ęę»* ў польскай мове служаць для выражэння асаблівасцей польскіх насавых гукаў [о^{н}] і [э^{н}] і дапамагаюць адрозніць значэнні слоў. Пры перадачы на беларускую мову гэтыя асаблівасці ўлічваюцца: *Ząbki – Зо'мбкі; Dąbrowa – Дамбро'ва; Łąg – Лонг; Kąkolewo – Канкале'ва; Miąsowa – Мянсо'ва; Lubiąż – Любёнж; Występ – Вы'стэмп; Będzin – Бэндзін; Zięby – Зембы; Ziębice – Зямбіцы; Oświęcim – Асве'нцім; Miękinia – Мянкі'ня.* Пры гэтым падрабязна адлюстроўваецца спецыфіка вымаўлення насавых, што з'яўляецца важнай акалічнасцю пры вывучэнні фанетыкі і арфаэпіі польскай мовы і менш важнай пры перадачы польскіх насавых па-беларуску пры падрыхтоўцы картаграфічнай прадукцыі.

Перадача спалучэнняў «*ce», «dze», «cze», «rze», «że»* ў абсалютным канцы слова патрабуе ўлічваць граматычную форму геаграфічнай назвы (множны лік ці ніякі род): *Mostowice – Маставі'цы; Bógwidze – Бугві'дзы Kołacze – Кала'чы; Budziarze – Будзя'жы; Mircze – Мі'рчэ; Wilcze – Ві'льчэ.* У тэхнічным кодэксе ўстаноўленай практыкі правілы перадачы літары «*ó»* надзвычай дыферэнцыраваныя [7, 10]: *Górawino – Гураві'на; Kozłówka – Казло'ўка; Główczyce – Глаўчы'цы; Leśniówka – Леснёўка; Dzierżoniów – Дзяржо'неў.* Такі падыход у значнай ступені можа ўскладніць работу картографаў-практыкаў, якія не маюць спецыяльнай падрыхтоўкі ў галіне польскага мовазнаўства. Пры перадачы на беларускую мову ў пазіцыі паміж галоснымі могуць падвойвацца зычныя *[z], [s], [dz], [c], [l], [n], [ż], [cz], [sz]*. Падваенне зычных адбываецца ў геаграфічных назвах ніякага роду: *Galwiecie – Гальве'цце; Międzywodzie – Мендзыво'ддзе; Zaosie – Заво'ссе; Kaziopole – Казяпо'лле.*

На практыцы пры перадачы на беларускую мову геаграфічных назваў, якія з'яўляюцца словазлучэннямі з наменклатурным тэрмінам у сваім складзе, пераважна прымяняецца спосаб частковай транслітарацыі, паводле якога анамастычная частка назвы транслітаруецца, а наменклатурны тэрмін перакладаецца: *wybrzeże Gdańskie – Гданьскае ўзбярэжжа; Dukielska przełęcz – Дукельскі перашыек; nizina Mazowiecka – Мазавецкая нізіна; pojezierze Mazurskie – Мазурскае паазер'е.* Пры перадачы традыцыйных, устойлівых для беларускай нормы геаграфічных назваў (назваў некаторых фізіка-геаграфічных аб'ектаў і адміністрацыйна-тэрытарыяльных адзінак) польскую тапанімічную форму па традыцыі прынята перакладаць, а менавіта замяняць беларускім адтапанімічным прыметнікам, дадаючы да яго наменклатурны тэрмін: *Może Bałtyckie – Балтыйскае мора; województwo śląskie – Сілезскае ваяводства.*

Стварэнне нарматыўна-прававых актаў па руска-беларускай і польска-беларускай міжмоўнай перадачы тапанімii садзейнічае эфектыўнасці працы органаў дзяржаўнага і мясцовага кіравання, картаграфічных, дарожных, пашпартна-візавых службаў, міждзяржаўных устаноў і сродкаў масавай інфармацыі, а таксама служыць узорам для перспектыўнай распрацоўкі аналагічных дакументаў па міжмоўнай перадачы ўласных геаграфічных назваў іншых славянскіх краін.

Літаратура

1. Закон Рэспублікі Беларусь “Аб найменнях геаграфічных аб’ектаў”, 16 лістапада 2010 г. № 190-З. Мінск, 2010. – 15 с.
2. Мезенка, Г.М. Руская перадача назваў унутрыгарадскіх аб’ектаў Беларусі / Г.М. Мезенка //Беларуская лінгвістыка. Выпуск 42. – Мінск, 1993. – С. 45 – 51.
3. Руководство по национальной стандартизации географических названий. Группа экспертов Организации Объединенных Наций по географическим названиям. – Нью-Йорк, 2007. – 181 с.
4. Техническая инструкция по передаче наименований географических объектов с русского языка на белорусский. Издание официальное. – Минск: Научно-исследовательское республиканское унитарное предприятие по землеустройству, геодезии и картографии «БелНИЦзем». – 34 с.
5. Тэхнічны кодэкс установіўленай практыкі. Геаграфічныя назвы. Способы і правілы перадачы геаграфічных назваў і тэрмінаў Украіны на беларускую мову. Выданне афіцыйнае.– Мінск: Дзяржаўны камітэт па маёмасці Рэспублікі Беларусь. – 52 с. (выканаўца – В.П. Лемцюгова).
6. Тэхнічны кодэкс установіўленай практыкі. Геаграфічныя назвы. Способы і правілы перадачы геаграфічных назваў і тэрмінаў Латвійскай Рэспублікі на беларускую мову. Выданне афіцыйнае.– Мінск: Дзяржаўны камітэт па маёмасці Рэспублікі Беларусь. – 52 с. (выканаўца – І.А. Гапоненка).
7. Тэхнічны кодэкс установіўленай практыкі. Геаграфічныя назвы. Способы і правілы перадачы геаграфічных назваў і тэрмінаў Літоўскай Рэспублікі на беларускую мову. Выданне афіцыйнае. – Мінск: Дзяржаўны камітэт па маёмасці Рэспублікі Беларусь. – 52 с. (выканаўца – І.Л. Капылоў).
8. Тэхнічны кодэкс установіўленай практыкі. Геаграфічныя назвы. Способы і правілы перадачы геаграфічных назваў і тэрмінаў Рэспублікі Польшча на беларускую мову. Выданне афіцыйнае. – Мінск: Дзяржаўны камітэт па маёмасці Рэспублікі Беларусь. – 52 с. (выканаўца А.А. Казанцава).

В.С. Картавенко (Смоленский государственный университет)

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКОЛОГИЯ ТОПОНИМОВ

В настоящее время экологией принято называть науку о взаимоотношениях человека с окружающей его природной средой, включая использование природных ресурсов, их охрану и восстановление. Под природными ресурсами обычно понимают средства, запасы, источники чего-либо. Следовательно, самые различные географические объекты (реки, озера, леса и т.д.) также относятся к природным ресурсам, а значит, требуют охраны и подлежат восстановлению. Но охрана нужна не только им. Необходимо сохранять и охранять от различного рода посягательств и названия, имена собственные таких объектов, т.е. топонимы. В свое время еще Н. Надеждин указывал, что «топонимия – это язык земли, а земля есть книга, где история человечества записана в географической номенклатуре». Топонимы отражают, запечатлевают, несут и надолго сохраняют в себе память о природе края, об исторических событиях, о культурных традициях народа. Иногда они остаются единственными свидетельствами о прошлой жизни, быте и укладе того или иного племени, народа. Именно поэтому бережное отношение к именам собственным географических объектов – топонимам – должно культивироваться и поддерживаться.

Из далекой древности пришли к нам названия городов, сел, деревень, связанные с водно-волоковыми путями, бывшими тогда важнейшими средствами сообщения между отдаленными территориями. «Обычно констатируют (кто – с горечью, кто – с чувством превосходства), что в России дороги всегда были плохие. Но сказанное справедливо лишь о сухопутных наших дорогах, и в какой-то степени это компенсируется (а, возможно, и объясняется?) тем иногда недооцениваемым обстоятельством, что наши вод-

ные пути оказались лучшими из мыслимых и именно на этих путях Русь стала Русью, Россией» [4; 110].

Слово *волок* имело в древнерусском языке следующие значения: «1. Пространство земли, водораздел между двумя судоходными реками и путь, по которому перетаскивали суда, грузы. 2. Место скопления грузов и товаров для перевозки по волоку; поселение на волоке» [2, вып. 3; 5-6]. Один из участков волокового пути проходил по смоленской земле, о чем свидетельствует, например, «Торговый договор Смоленска с Ригой и Готским берегом» 1229 года: *Которыи волочанинъ възьмьтъ латиньскыи товаръ чересъ вълъкъ вести а что погынеть от того товара что ему приказано тъ платити всемъ вълъчанъмъ* (список А) [3].

Слова *волок*, *волочок* послужили основой для имен собственных, благодаря им возникли многочисленные названия городов, сёл и деревень: *Волоколамск* (*Волок Ламский*), *Вышний Волочёк*; а также д. *Волочок*, д. *Волоковая*, д. *Волоково*, с. *Волочек*, д. *Переволочье*, д. *Волочня Первая* и д. *Волочня Вторая*, д. *Волохово*, д. *Волоховщина* (деревни отмечены в Смоленской области) (ср. улица *Волхонка* в Москве).

В глубокой древности недалеко от города Смоленска был небольшой волок, поднимавшийся от Днепра выше на равнину к одному из озер. На этом сухопутном участке приходилось тащить суда с помощью несложных приспособлений (воротов, катков) или просто мускульной силой. В настоящее время место, где был древний волок, находится в пределах города, и две улицы, расположенные здесь, носят названия *1-й Верхний Волок* и *2-й Верхний Волок*. Эти названия – ценнейшие свидетельства прошлой жизни города и края, они заслуживают того, чтобы их знали, бережно хранили и оберегали. Но приходится признать, что далеко не все горожане знают и понимают то, что означают эти названия. Так как значение слова *волок* многим сегодня неизвестно, названия улиц произносят неправильно, а именно: *1-й Верхний Воло'к* и *2-й Верхний Воло'к* (т.е. слово *волок* с ударением на втором слоге).

Не избежали забвения и многие другие смоленские улицы, но уже по иным причинам.

Новый период в переименовании улиц начинается после Октябрьской революции, когда топонимический принцип сменяется идеологическим, и названия улиц предписываются советскими и партийными органами. «Первым же и распространенным стереотипом стала сама замена исторических названий на «созвучные эпохе» – переименование улиц, площадей, переулков. Ведь это тоже был важный идеологический прием в системе коммунистической мифологии: не просто создавать новые памятники и символы на новом месте, а разрушать прежние и уже на их месте создавать свои новые – советские» [1; 20].

В Смоленске все улицы, названия которых были связаны с религиозными понятиями, были переименованы: улица *Большая Благовещенская* стала называться *Большой Советской*, улица *Ильинская* превратилась в улицу *Октябрьской революции*, улица *Нижняя Ильинская* получила название улицы *Реввоенсовета* и т.д. Возникли также фамильные названия улиц в честь революционных деятелей: улица *Воскресенская* была переименована в улицу *Войкова*, улица *Казанская* – в улицу *Бакунина*, улица *Пятницкая* – в улицу *Воровского*, улица *Никольская* – в улицу *Тухачевского*. Появились названия улиц, посвященные основоположникам научного коммунизма и представителям рабочего движения: название улицы *Королевская* изменилось на *Карла Маркса*, улица *Большая Никольская* превратилась в улицу *Энгельса*, а улица *Петропавловская* – в улицу *Кашена*).

В 90-е годы прошлого века началось движение за возвращение исконных названий. Правительство Москвы приняло постановление «О возвращении исторических наименований, присвоении новых наименований и переименовании московских улиц». Благодаря этому постановлению 150 улиц Москвы возвратили исконные наименования:

Варварка, *Воздвиженка*, *Большая Лубянка*, *Маросейка*, *Моховая*, *Мясницкая*, *Остоженка*, *Охотный ряд*, *Пречистенка*, *Тверская*, *Якиманка* и многие другие.

В Смоленске в 1990 году вернула свое название улица, которая издавна носила имя известной меценатки, княгини М.К. Тенишевой (в советское время ее переименовали в улицу *Крупской*). К сожалению, на этом переименования и закончились. Однако совсем недавно на центральных улицах города рядом с табличками, на которых значатся названия современных улиц, появились таблички с указанием того, как называлась та или иная улица раньше.

Новых улиц за последние годы в Смоленске появилось немного. Вновь появившиеся улицы получили названия отыменные (отфамильные) (улица *Шкадова*, улица *Генерала Трошева*). И лишь в одном из названий новой улицы отразилась история и культура края. Улица *Тушемлинская* была названа так по названию городища *Тушемля*, расположенного на берегу реки *Тушемли* (приток Сожа) в Починковском районе Смоленской области. По укрепленному городищу и племена, населявшие Смоленское Поднепровье и смежные территории Подвинья в третьей четверти I тысячелетия н.э., получили название тушемлинских племен. Кстати, всегда названия улиц считаются удачными, если они отражают особенные, индивидуальные черты края.

Значительно пострадал после 1917 года и ойконимный фонд. Прежде всего переименованиям подверглись названия населенных пунктов, связанные с явлениями религиозного характера: село *Воскресенск* переименовали в село *Андреевское*, деревня *Покров* получила название *Восток*, деревня *Кресты* превратилась в *Лесную*, деревня *Пустой Вторник* стала называться деревня *Всходы*. Деревня под названием *Всех Святых* также была переименована и получила название *Светлая.*

Некоторые названия деревень показались неблагозвучными, и такие населенные пункты были переименованы: *Брехаловка – Березовка*, *Воровская Буда – Березовка*, *Самодурово – Васильки*, *Немытьки – Вишневка*, *Козлы – Зеленая Поляна*, *Тютьково – Малиновка*, *Трутни – Рассвет*, *Чертовщина – Дружба*, *Свиноройка – Яблонька*.

В результате подобных переименований наряду с указанными названиями ушли в прошлое и названия, отразившие определенные этапы истории, хозяйствования, культуры. Так, в одном из районов Смоленской области существовала деревня *Ледище*, которую в 1962 году переименовали в деревню *Роща*. Когда-то на обширных территориях Руси пашни распахивали на расчищенных от леса участках, которые назывались *ляда* (*лядо*). Слово *лядо* обозначало на территории Смоленского края «участок земли, предназначенный для расчистки и – затем – для посева» и «участок, уже расчищенный и обработанный под пашню». В Словаре русского языка XI-XVII вв. слово *ляда* (*лядо*) представлено со значениями «поле или запущенная пашня, поросшие молодым лесом», «место, расчищенное под луг или пашню» [2, вып. 8; 349]. Слово *лядище* (*ледище*) обозначало, по-видимому, место, где было лядо. Известны слова *ляд*, *ляда*, *лядечко*, *лядина*, *лядинник*, *лядо* и в современном смоленском диалекте.

Те люди, которые переименовали деревню *Лядище*, не знали и не учитывали всех этих сведений, сязанных со словом *лядо*, и поэтому, не задумываясь, переименовали данный населенный пункт, нарушив тем самым историческую связь времен.

Существует много легенд, сказок, мифов о существовавших когда-то и исчезнувших по тем или иным причинам городах, они всегда привлекали и продолжают привлекать внимание ученых и обычных людей.

Большой интерес вызывают те из древних городов, которые на протяжении столетий не раскрыли свои тайны и продолжают волновать исследователей.

Были подобные города и в древней Смоленской земле – *Вержавск*, *Воищина*, *Зарой* (или *Заруб*). Самым известным и самым загадочным, самым таинственным был и остается древнерусский город *Вержавск*. Сейчас на месте, где он когда-то располагал-

ся, остались лишь руины городища, находящегося между озерами *Ржавец* и *Поганое*, недалеко от современной деревни Городище Демидовского района.

Не только месторасположение древнего города до сих пор вызывает споры и неподдельный интерес ученых, но и смысл самого названия *Вержавск* по-прежнему остается загадкой, хотя существует несколько версий (славянские и балтийские).

К сожалению, всего этого не знают, а часто и не хотят знать коренные жители города, как молодые, так и люди старшего возраста.

Необходимо бережно относиться к подобным названиям, не допускать их забвения, стараться пропагандировать топонимические знания среди школьников, студентов, взрослого населения. С этой целью следует вести активную работу в школах, в средних учебных заведениях, в вузах, воспитывать экологическое отношение к топонимам.

Литература

1. Горбаневский, М.В. Москвоведение: учебное пособие для начальной и средней школы / М.В. Горбаневский. – М.: Издательский дом «Московский учебник – 2000», 1997. – 368 с.
2. Словарь русского языка XI-XVII вв. – Вып. 1-... – М.: Наука, 1976-... (продолжающееся издание).
3. Смоленские грамоты XII-XIV вв. / под ред. Р.И. Аванесова. – М.: Изд-во АН СССР, 1963.
4. Трубачев, О.Н. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси / О.Н. Трубачев. – 3-е изд., доп. – М.: Наука, 2005. – 286 с.

И.А. Королева (Смоленский государственный университет)

ТОПОНИМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА ПОСЛЕВОЕННОЙ ЛИРИКИ А.Т. ТВАРДОВСКОГО (ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ)

Настоящая статья продолжает цикл статей автора о роли имен собственных (ИС) в творчестве известного русского поэта XX в., уроженца Смоленского края, одного из основоположников Смоленской поэтической школы А.Т.Твардовского [2]. Представлен анализ топонимической лексики его лирики, причем для рассмотрения взяты именно стихи поэта, хотя хорошо известно, что в послевоенный период значительное место занимали проза и поэмы.

В современном литературоведении существуют различные принципы периодизации творчества А.Т.Твардовского. Наиболее распространенной является периодизация А.В.Македонова, известного советского критика, определившего Смоленскую поэтическую школу и выделившего поэта как одного из ее основателей:

1) до 1933 года. Истоки и начало. Ранний Твардовский;

2) 1933 – 1939 гг. «Страна Муравия». Лирика и рассказы в стихах;

3) 1940 – 1945 гг. Военная лирика и поэмы. Военная проза;

4) 1946 – 1961 гг. Первый послевоенный путь. Лирика и «За далью – даль». Послевоенная проза;

5) 1961 – 1970 гг. Последняя зрелость и последний путь [4;55-56].

Для анализа системы ИС в творчестве А.Т.Твардовского мы укрупняем периодизацию, выбрав главной вехой Великую Отечественную войну как событие, явившееся эпохальным и для страны, и для поэта: 1) довоенный период творчества:1926 – 1939 гг.; 2) военный период:1940 – 1945 гг.; 3) послевоенный период: 1946 – 1970 гг.

К рассматриваемому периоду (1946 – 1970 гг.) творчества А.Т.Твардовского относятся стихотворения «Кремль зимней ночью» (1946), «Москва» (1947), «В сторожке на даче» (1947), «На платформе поезда» (1949), «Свет – всему свету» (1949), «Порог Падун» (1957), «В тайге Приморья» (1959), «Дорога дорог» (1959), «Горные тропы» (1960), «Слово о словах» (1962), цикл «Памяти матери» (1965) и др.

Следует отметить основные темы этого периода, в раскрытии которых принимают участие имена собственные, в частности – топонимы, то есть названия географических объектов:

–Тема войны и послевоенных первых лет: война явилась страшным ударом и для страны, и для каждого советского человека, поэтому радость победы и боль потерь не утихает.

–Тема освоения новых пространств, созидательного строительства, покорения новых просторов и далей.

–Тема Большой и Малой родины поэта; география жизни.

–Тема философского осмысления бытия.

Говоря о лирике, один из ведущих исследователей творчества Твардовского – В.М. Акаткин – писал: «Поэт умеет в малом сказать о большом, потому что у него активна сама форма стиха, она сливается со смыслом строк и несет в себе дополнительное содержание» [1;149]. Именно эта «активность форм» проявилась и на уровне ИС, особенно топонимической лексики.

Приведем количественный анализ всех ИС по трем периодам (не включая ИС из поэм Твардовского), разделяя их на антропонимы, топонимы и ономастический фон.

Довоенный период: антропонимы – 43 единицы, 141 словоупотребление; топонимы – 19 единиц, 41 словоупотребление; фоновые онимы – 10 единиц, 10 словоупотреблений.

Военный период: антропонимы – 79 единиц, 135 словоупотреблений; топонимы – 30 единиц, 86 словоупотреблений; фоновые онимы – 9 единиц, 12 словоупотреблений.

Послевоенный период: антропонимы – 13 единиц, 20 словоупотреблений; топонимы – 45 единиц, 138 словоупотреблений; фоновые онимы – 31 единица, 40 словоупотреблений.

Как видим из приведенных данных, в послевоенный период резко снижается количество используемых поэтом антропонимов, именований героев, и возрастает число и единиц, и словоупотреблений топонимов. В целом соотношение антропонимов и топонимов почти 1 к 3,5. Это, безусловно, связано с изменением идейно-тематического наполнения текстов. Так, конкретный герой-труженик новой колхозной деревни не находит продолжения в именованиях нового героя-труженика, осваивающего целину и покоряющего Сибирь. Многие исследователи отмечают усиление лирического *Я* в стихотворных текстах, что свидетельствует об углублении философской линии в лирике позднего Твардовского. Естественно, это заметно снижает употребление антропонимов. Топонимы же, обозначающие место действия и в целом хронотоп произведения, наоборот, активно используются поэтом для показа новых просторов и новых далей. Тема Большой родины, реализованная в макротопонимах российских просторов, в послевоенный период творчества поэта является ведущей.

Обратимся к анализу ключевых топонимов лирики А.Т. Твардовского.

По частоте употребления доминирует топоним *Москва* – 34 раза он встречается в лирических стихотворениях. Название столицы – многофункциональный оним, использующийся поэтом для реализации всех тем.

Так, в первые послевоенные годы *Москва* воспринимается и автором, и читателем как столица государства-победителя, России (имплицитно выражено противопоставление другой столице – Берлину):

И вовек не склонится
Твоя голова,
Мать родная, столица,
Москва, Москва!.. («Москва», 1947) [5]

В этом же стихотворении называется и *Берлин*:

…Ехал я под Берлином

В сорок пятом году….

Прославление *Москвы*, трепетное отношение к ней поэта подчеркивается повтором названия, вынесением его в ключевую позицию заглавия, а также семантическим окружением топонима: столица – родная мать.

С *Москвой* связаны все этапы жизненного пути поэта: приезд из провинции в столицу, вхождение в новую жизнь, течение этой бурной творческой жизни… *Москва* становится для А.Т. Твардовского второй родиной:

Два города самых любимых,
Два самых родных у меня.
…Один – это город Москва,
Другой – это город Починок («Новый мир», 1958) [5].

Москва – символ российского государства, символ Большой родины. Именно этот город определяет жизнь каждого человека в новом мире, в том числе и жизнь поэта:

Москва, моя мать приемная,
С тех пор и до наших дней
Уже без тебя не помню я
Себя и судьбы своей («Песнь о Москве», 1952)[5].

В этом же стихотворении образ столицы представляется как символ всеобъемлющей любви к человеку:

Беру целиком. И еду я
На Запад ли, на Восток,
И чую, за мною следуя,
Течет ее ровный ток!...

Москва Твардовского – это живой организм, развивающийся вместе со страной:

Москва по утрам
Обновляется чудно…
Москва поднялась,
Зашумела, запела… («Московское утро», 1957 – 1959)[5].

Тема освоения новых далей очерчивается через употребление целого ряда топонимов, называющих города Сибири (Иркутск, Братск), самого топонима Сибирь (10 словоупотреблений), названием сибирских гидронимов (вслед за В.Д. Бондалетовым гидронимы в рассмотрении роли ключевых онимов в художественном тексте мы относим к топонимической лексике) Волга, Ангара, Енисей, Байкал, Ока, Падун, Шилка и др. Появляются стихи, в названия которых вынесены ключевые онимы, раскрывающие тему освоения Сибири: «Две Оки» (1957), «Порог Падун» (1957), «В тайге Приморья» (1959), «У Падуна» (1959) и др.

В стихотворениях Твардовский как бы «репетирует» употребление топонимов поэмы «За далью – даль» (1960): многие из ключевых слов повторяются в тексте поэмы, отражая реалии эпохи, большую стройку великой страны, эти топонимы приобретают в рамках контекста особый коннотативный фон. Поэт гордится подвигом и самоотверженностью советских людей и прославляет его.

Топонимы, связанные со Смоленщиной, в послевоенный период творчества Твардовского немногочисленны: Вязьма, Ельня связаны с реализацией военной тематики, Гжатск обозначен как Малая родина первого космонавта планеты Юрия Гагарина (отметим, что среди антропонимов Гагарин по частоте употребления занимает в послевоенных стихах первое место), родное Загорье, Десна и Днепр. Микротопоним *Загорье* и гидроним *Днепр* являются ключевыми в целом во всем творчестве Твардовского:

Как с земли родного края
Вдаль спровадила пора.
Там текла река другая –

Шире нащего Днепра. (Цикл «Память о матери», 1965) [5].

Гжать, Десна – реки Смоленщины, напоминающие именно о Малой родине и ее людях:

Ах, этот день с апрельской благодатью.
Цветет ветла в кустах над речкой Гжатью,
Где он мальчонкой лазал босиком… («Памяти Гагарина», 1968) [5].

Таким образом, топонимы послевоенного периода творчества А.Т.Твардовского участвуют в реализации всех основных тем его стихов. Ключевые позиции занимают топоним Москва и «сибирские» названия. На первый план выходят онимы, раскрывающие понятие «Большая родина», в целом реализуя одну главную тему послевоенного творчества – тему родины в лирике Твардовского.

Литература

1. Акаткин, В.М. Ранний Твардовский. Проблемы становления / В.М. Акаткин. – Воронеж: ВГУ, 1986. – 211с.
2. Королева, И.А. А.Т.Твардовский и Смоленская поэтическая школа: через призму имен собственных / И.А.Королева. – Смоленск: Изд-во «Смядынь», 2010. – 156 с.
3. Македонов, А.В. Очерки советской поэзии / А.В. Македонов. – Смоленск: Смоленское книжное изд-во, 1960. – 244 с.
4. Македонов, А.В. Творческий путь Твардовского / А.В. Македонов. – М.: Художественная литература, 1981. – 367 с.
5. Твардовский, А.Т. Собрание сочинений: в 6 т. / А.Т. Твардовский. – М.: Художественная литература, 1977–1983.

И.Я. Кураш (Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)

ДИНАМИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ИМЕННИКЕ СТАРООБРЯДЦЕВ ВИТЕБЩИНЫ

Ономастика представляет собой такую часть лексики, которая чрезвычайно тесно связана с потребностями общества и во многом обусловлена социальными, экономическими и культурными факторами. В особенности это утверждение справедливо для антропонимии, так как система личных имен, тесно связанная с жизнью и бытом людей, является отражением взаимосвязей культур и народов, проживающих на одной территории. Целью данной статьи является изучение влияния социокультурных процессов на именную систему старообрядцев Видзовской общины, расположенной в Браславском районе Витебской области.

Динамические изменения в именнике старообрядцев касаются в первую очередь количественного и качественного состава имен, использующихся при наречении младенцев, а также условий их выбора. К исследованию привлекались имеющиеся в архивах актовые записи о рождении и крещении, относящиеся к периоду с 1900 по 1954 г. Записи в сохранившихся метрических книгах позволяют выделить имена, которые составляли группу наиболее устойчивых на протяжении двух десятков лет (1900–1920 гг.). Это мужские имена *Иоанн, Василий, Феодор, Фома, Григорий, Петр* и женские *Анна, Евдокия, Екатерина, Парасковия, Мария, Марфа.* Лидирующую позицию занимали имена *Иоанн, Василий, Анна*, встречавшиеся каждый год и обладавшие большой частотностью (например, в 1904 году на 38 родившихся мальчиков приходилось 10 случаев наречения именем *Иоанн*).

В период с 1920 по 1940 гг. наблюдается некоторое изменение состава наиболее употребительных имен. В мужском именнике по-прежнему доминировали имена *Иоанн, Василий, Григорий, Феодор,* к ним примыкали *Арсений, Иосиф, Леонтий, Михаил, Савва.* Среди женских имен неизменно популярными оставались имена *Анна, Екатерина, Мария, Марфа, Парасковия,* появились *Анастасия, Антонина, Евгения, Елена, Мелания, Наталия, Феодосия.*

В военные и послевоенные годы ситуация изменилась. На передний план вышли мужские имена *Михаил, Николай, Александр,* распространенным осталось имя *Иоанн*; широко использовались при наречении женские имена *Надежда, Татьяна, Анна, Мария, Валентина.*

Популярность того или иного имени может определяться несколькими факторами. Прежде всего это влияние церковного календаря. В определенной степени частотность имени в святцах диктует и частоту его употребления при крещении. Так, имя *Василий* указывается в календаре 14 раз, имя *Мария* – 9 раз. С другой стороны, имя *Кирилл,* встречающееся 13 раз, не входит в число распространенных в общине, а имя *Екатерина,* зафиксированное в календаре лишь 24 ноября, регулярно используется при выборе имени. Поэтому популярность имен не следует объяснять лишь их повторяемостью в календаре, необходимо учитывать и традиции именования, которые накладываются на определенный культурно-исторический фон.

Исследование традиций именования и репертуара имен, бытующих на отдельно взятой территории, будет неполным без сопоставления с восточнославянской антропонимической ситуацией в различные периоды. Сравнительный анализ позволит не только ответить на вопросы, касающиеся уровня популярности тех или иных имен, но и установить степень соответствия состава личных имен исследуемого говора общим закономерностям развития и изменения русского именника с конца XIX в. по начало XX в.

По данным В.Д. Бондалетова, в XVII в. в городах России самыми распространенными именами были следующие: *Иван, Федор, Василий, Григорий, Петр, Андрей, Семен, Степан, Михаил, Никита* [2; 109]. С.И. Зинин включает в эту группу те же имена, добавляя имя *Алексей* [5; 76]. А.М. Мезенко, анализируя мужской именник г. Витебска XVII в., выделяет наиболее распространенные мужские имена того времени: *Иван, Федор.* В десятку самых употребительных, кроме вышеназванных, вошли также *Андрей, Григорий, Богдан, Василий, Михаил, Семен, Степан, Яков* [7; 67]. Изучение именника переселенцев с. Михайловское (Ставрополье) за 1811 год позволило Т.Б. Блевцак выявить следующие пятерки наиболее распространенных женских и мужских имен: *Иоанн, Петр, Василий, Григорий, Федор; Мария, Евдокия, Анна, Матрена, Прасковья* [1; 472]. По свидетельству А.Ю. Карпенко, в женском именнике русских переселенческих говоров юга Украины наиболее употребительными именами с конца XIX в. до 30-х гг. XX в. были имена *Мария* и *Анна,* а в различные периоды к ним добавлялись имена *Евдокия, Прасковья, Пелагея* (конец XIX в.), *Матрена, Прасковья, Евдокия* (1900 г.), *Евдокия, Александра, Вера* (10-е гг. XX в.), *Евдокия, Екатерина, Вера* (20-е гг. XX в.) [6; 65]. В работе И.В. Даниловой, посвященной изучению особенностей функционирования личных имен Смоленского региона в XX веке, приводятся следующие данные: в 1908 г. в первую пятерку наиболее востребованных имен входят *Иван, Николай, Василий, Александр, Петр* и *Мария, Анна, Александра, Анастасия, Екатерина.* В 1928 году первая пятерка включает имена *Александр, Петр, Владимир, Иван, Николай* и *Мария, Валентина, Александра, Анна, Татьяна* [4; 12]. Данные по г.Витебску за 1945 – 1950 гг., приведенные А.М. Мезенко, позволяют назвать в числе распространенных имен такие, как *Владимир, Александр, Валерий, Анатолий, Виктор, Николай; Людмила, Валентина, Галина, Тамара, Светлана, Лариса* [8; 50].

Сопоставление всех данных позволяет выявить такую особенность именника старообрядцев, как консерватизм. Он проявляется прежде всего в том, что именной репертуар начала XX в. в большей степени сопоставим с данными XVII в., нежели с современными ему. Такая асинхронность объясняется социальными и культурными причинами. Переселяясь на белорусские земли, старообрядцы создавали общины и поселения, представляющие собой замкнутые системы, члены которых неохотно шли на контакт с местным населением. Закрытость и обособленность общин, браки только между

одноверцами, неприятие нового и чуждого помогли староверам сохранить самобытность культуры и именника, не ассимилироваться с белорусским окружением. Особое отношение к религии, неукоснительное соблюдение всех церковных обрядов, в том числе и традиции именования детей в соответствии с требованиями церкви, позволило на долгое время сохранить именную систему в застывшем виде.

Строгий подход к наречению младенцев определил наличие в именнике большого количества редких имен, не популярных среди русского населения. Так, в 20-е – 30-е гг. в актовых записях о рождении встречаются имена *Елезвой, Неофит, Полиект, Пров, Увеналий, Апфия, Киликия, Неонила, Феопистия.* Приверженность староверов к выбору редких имен объясняется следующими причинами. С 1920 по 1939 г., в период вхождения земель Западной Белоруссии в состав Польши, активно проводилась политика ополячивания населения. В результате увеличилось число католиков и католических храмов. Неприязненное отношение к католицизму, к насаждению польского языка и культуры, стремление противопоставить себя носителям другой веры выразилось в обращении к старым, редким именам, которые в большинстве своем не имели соответствий в католическом календаре. При этом имел место сознательный выбор редкого имени, так как в календаре в один день чествуют, как правило, нескольких святых. Кроме того, государственная и территориальная изоляция в течение двух десятилетий не позволила основным антропонимическим тенденциям проникнуть на территорию Западной Белоруссии.

По этой причине в старообрядческой среде процесс секуляризации именника начался лишь в 40-е гг. Снижение церковного влияния сказалось на составе именника, в него проникли неканонические имена: *Всеволод, Нина, Светлана.* Вследствие влияния конфессионального окружения появились случаи наречения детей именами, распространенными у католиков: *Гвидон, Чеслав, Ядвига.* Однако процесс унификации не был всеобщим, и наряду с употребительными именами в 50-х гг. встречались и такие, как *Анфиса, Домника, Леонтий, Пелагия.*

В этот период широкое распространение получает явление двуименности, выражающееся в сосуществовании крестильного имени и официального. Это стало возможным прежде всего с утратой церковными книгами статуса официального документа. При крещении ребенок получал каноническое имя, но в документах и в быту оно заменялось другим, либо неканоническим, либо просто более распространенным. Обязательным условием было фонетическое подобие: *Алевтина – Валентина, Еликомида – Лилия, Пелагия – Полина, Силуан – Славик.*

Начиная с 60-х гг., церковные традиции наречения перестают существовать, выбор имени осуществляется произвольно, а именной репертуар соответствует общим закономерностям развития именника. Наблюдаются случаи официальной замены редких имен на созвучные им общеупотребительные. Так, мужское имя *Варсанофий* в 1972 г. изменено на *Арсений*, женское имя *Васса* – на *Валентина* (1977 г.), *Соломония* – на *София* (1990 г.). Подобные явления единичны, но происходят они, как правило, при переезде в города (г.Архангельск, г. Даугавпилс), и в городской среде такие имена воспринимаются как архаичные, устаревшие. Таким образом, унификация именника, происходившая под влиянием социокультурных процессов в обществе, позволила сократить разрыв между общерусской системой именования и локальным именником.

Литература

1. Блевцак, Т.Б. Особенности именника переселенцев конца XVIII – начала XIX веков / Т.Б. Блевцак // Сельская Россия: прошлое и настоящее. – М.: Энциклопедия российских деревень, 2004. – С. 472-473.
2. Бондалетов, В.Д. Русская ономастика / В.Д. Бондалетов. – М., 1983.
3. Данилова, И.В. Особенности функционирования системы личных имен Смоленского региона в XX в.: автореф. дис. … канд. филол. наук / И.В. Данилова. – Смоленск, 2004.
4. Зинин, С.И. Ведение в русскую антропонимию / С.И. Зинин. – Ташкент, 1972.
5. Карпенко, М.В. Русская антропонимика: Конспект лекций спецкурса / М.В. Карпенко. – Одесса, 1970.

6. Мезенка, Г. Мужчынскія ўласныя імёны гараджан Віцебска ў сярэдзіне XVII ст. / Г. Мезенка // Віцебскі сшытак. – 1998. – № 2. – С. 64-69.
7. Мезенка, Г.М. Беларуская анамастыка / Г.М. Мезенка. – Мінск, 1997.

С.П. Куркина
(Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского)

ПАТРОНИМИЧЕСКИЕ ФАМИЛИИ РУССКОГО ТИПА, ОБРАЗОВАННЫЕ ОТ ПОЛНЫХ ФОРМ ЛИЧНЫХ ХРИСТИАНСКИХ ИМЕН (НА МАТЕРИАЛЕ ФАМИЛИЙ ЖИТЕЛЕЙ Г. НОВОЗЫБКОВА БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ)

В современном мире особый интерес вызывает изучение антропонимического пространства того или иного региона страны.

Данная статья посвящена анализу семантики и структуры русского типа патронимических фамилий, бытующих на территории г. Новозыбкова Брянской области. Цель статьи – определить семантические и формальные показатели, которые присущи антропонимам данного типа.

Одним из первых изучать фамилии в региональном аспекте стал В.А. Никонов. Хотя изучение фамильных особенностей различных регионов Российского государства охватывает далеко не все территории, но данное направление ономастического исследования стало развиваться стремительно и активно. Так, известен ряд монографий, в которых анализируются фамилии определенного населенного пункта страны в историческом аспекте, а также рассматривается их современный план выражения: Тамбовской области (А.С. Щербак), Смоленского края (И.А. Королева), Волгограда (В.И. Супрун), Вологды (Ю.И. Чайкина), Твери (И.М. Ганжина), Перми (Е.Н. Полякова) и др.

Материалом нашего исследования послужили патронимические фамилии русского типа, зафиксированные на территории г. Новозыбкова Брянской области. Источником фамилий является «Справочник абонентов Новозыбковской телефонной сети».

Русскими принято считать фамилии, которые образованы от слов русского языка и с помощью русских словообразовательных средств [7, с. 3], а также все виды фамилий, образованные от личных христианских имен.

На территории города Новозыбкова Брянской области доминирующей является группа патронимических фамилий преимущественно русского типа с суффиксами *-ов (-ев)*, *-ин (-ын)* в основе. В своих истоках эти антропонимы являются притяжательными прилагательными.

По характеру антропообразующей основы патронимические фамилии русского типа подразделяются на две группы:

- патронимические фамилии русского типа, образованные от полных и народно-разговорных форм личного имени;
- патронимические фамилии, образованные от мирских имен и/или прозвищ.

Достаточно объемную группу в количественном отношении составляют фамилии отыменного происхождения. Данная группа антропонимов в зависимости от формы словообразовательной основы подразделяется на две подгруппы:

1. Фамилии, образованные от крестильного имени в полной (в том числе канонической, официальной, документальной) форме.

2. Фамилии, образованные от крестильного имени в деминутивной (народно-разговорной, просторечной, усеченной и т.д.) форме.

Первая группа антропонимов является немногочисленной. В ее состав входит 136 наименований. Среди них: *Авдеев (Авдеенков)*, *Аврамов*, *Агапов*, *Адамов*, *Александров*, *Алексеев*, *Андреев*, *Антипин*, *Антонов, Арефин*, *Артамонов, Артемьев, Афанасьев*,

Афиногенов, Борисов (Борисенков), Васильев, *Венедиктов*, *Владимиров, Власов, Всеволодов*, *Гаев, Германов*, *Глебов*, *Гордеев*, *Гранов, Григорьев*, *Деев*, *Дементьев*, *Денисов*, *Дмитриев*, *Евдокимов*, *Евстратов*, *Егоров (*образована от имени *Егор* – народно-разговорной формы имени *Георгий*, ставшей документальной)*, Емельянов* (*Емельяненков)*, *Епимахов*, *Ермаков* (образована от имени *Ермак* – народно-разговорной формы имени *Ермолай*, ставшей документальной)*, Ермилов*, *Ефимов*, *Ефремов* (*Ефременков*), *Захаров*, *Зорин, Зосимов*, *Иванов*, *Игнатьев*, *Изотов, Ильин*, *Ильичев, Ипполитов*, *Исаев*, *Казимиров*, *Карпов*, *Касьянов*, *Кириков*, *Кириллов*, *Климин (Климов), Кондратьев*, *Константинов*, *Космин* (*Кузьмин, Кузьменков, Кузьмичев*) < Косма (русифицированная форма – Кузьма), *Лаврентьев*, *Лавров*, *Лазарев*, *Левин* (*Львов*) < Лев (*Леонов* < Леон, *Леонтьев* < Леонтий), *Лукьяненков*, *Макаров* (*Макаренков*), *Максимов* (*Максименков), Малеев*, *Маринин*, *Маркин (Марков)*, *Марфенков, Матвеев*, *Меркурьев*, *Миронов, Митрофанов*, *Михаилов*, *Михеев, Моисеев, Назаров, Наумов, Нестеров, Никитин* (*Никитов*), *Никифоров*, *Николаев*, *Никонов*, *Павлов*, *Парменов*, *Парфенов* < Парфен (старый вариант имени, а возможно, и разговорная форма имени *Парфений*, следовательно, словообразовательная модель соответствует схеме: Парфенов < Парфен < Парфентий), *Пахомов*, *Петров*, *Платонов*, *Потапов*, *Прохоров*, *Родионов*, *Романов*, *Саввичев, Савельев*, *Савинов, Самсонов*, *Северинов*, *Селиванов* < *Селиван* (русский в-т им. *Сильван*), *Семенов*, *Сергеев*, *Симонов*, *Спиридонов, Степанов* (*Стефанов)*, *Тарасов*, *Терентьев*, *Тимофеев*, *Титов*, *Тихонов*, *Трофимов*, *Фалов*, *Федоров*, *Федотов, Феоктистов*, *Филимонов*, *Филонов, Фирсов*, *Фокин*, *Фомин (Фомичев)*, *Яковлев*.

Фамилии *Авдеенков, Борисенков, Емельяненков, Ефременков, Кузьменков, Лукьяненков, Макаренков* и *Максименков* с лексико-семантической точки зрения представляют собой русифицированный вариант патронимических фамилий украинского типа на *-енко*: *Авдеенко, Борисенко, Емельяненко, Ефременко, Кузьменко, Лукьяненко* и *Макаренко*. Русификация происходит на основе присоединения к украинской форме русского словообразовательного форманта *-ов*: *Емельяненко+-ов→Емельяненков*.

Патронимические фамилии белорусского типа *Ильичев, Кузьмичев* и *Фомичев* являются русифицированными по структуре на основе присоединения к белорусской форме на *-ич* русского суффикса *-ов*: Кузьмич+*-ов*.

Тем не менее, подобного рода фамилии в ономастических исследованиях рассматриваются как отчества третьего порядка: *Емельяненков – сын Емельяненко – внук Емельяна, Фомичев – сын Фомича – внук Фомы*.

С точки зрения этимологического анализа, фамилии, образованные от полных форм календарных имен, не представляют сложности. Хотя и здесь есть исключения. Так, фамилия *Андронов* восходит к канонической форме календарного имени *Андрон*. Возможно также, что *Андрон* – это усеченная форма имени *Андроник*. Следовательно, образование фамилии *Андронов* в данном случае соответствует модели *Андронов < Андрон < Андроник*. Аналогичная словообразовательная вариативность представлена и в фамилиях *Агапов, Борисов (Борисенков), Германов, Зорин, Климин (Климов), Леонов, Никитин (Никитов)* и *Филонов*.

Таким образом, произведенный нами анализ патронимических фамилий, зафиксированных в г. Новозыбкове Брянской области, показал, что среди фамилий, образованных от крестильного имени, встречаются русифицированные варианты патронимических фамилий украинского и белорусского типов, что обусловлено географическим расположением данного населенного пункта (на границе России, Белоруссии и Украи-

ны) и вытекающей из этого общностью в историческом, культурном, этническом и языковом планах.

Литература

1. Королева, И.А. Словарь фамилий Смоленского края / И.А. Королева // URL: http://planeta-imen.narod.ru/slovar-smolenskich-familij/o-slovare.html
2. Петровский, Н.А. Словарь русских личных имен / Н.А. Петровский. – М.: АСТ, Астрель, Русские словари, 2005. –480 с.
3. Рогалев, А.Ф. Введение в антропонимику. Именование людей с древнейших времен до конца XVIII века (на белорусском антропонимическом материале) / А.Ф. Рогалев. – Брянск: Группа компаний "Десяточка", 2009.– 146 с.
4. Справочник абонентов Новозыбковской телефонной сети / Сост. Н.Н.Попченко, И.Е. Хабичева, А.Н. Гутникова. – 2002.– 312 с.
5. Суперанская, А.В. Современный словарь личных имен / А.В. Суперанская. – М.: Айрис-пресс, 2005. –384 с.
6. Суперанская, А.В. О русских именах / А.В. Суперанская, А.В. Суслова. – СПб.: Авалонъ. Азбука-классика, 2008.– 304 с.
7. Суперанская, А.В. О русских фамилиях / А.В.Суперанская, А.В. Суслова. – СПб.: Авалонъ. Азбука-классика, 2008. – 288с.
8. Унбегаун, Б.О. Русские фамилии / Б.О. Унбегаун. – М.: Прогресс, 1989. –443 с.
9. Федосюк, Ю.А. Что означает ваша фамилия? / Ю.А. Федосюк. – М.: Флинта. Наука, 2008. – 88 с.

И.Н. Лапицкая (Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова)

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ГОВОРАХ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

В составе диалектной лексики могилевско-смоленского пограничного региона, как и в литературных русском и белорусском языках, существует большое количество эмоционально окрашенной оценочной лексики, образование которой связано с метафорическим переносом наименований. Особый интерес представляют диалектные метафоры, значения которых обращены к человеку. Подобного рода метафорические единицы иллюстрируют собой антропоцентрическую направленность метафоризации – наименование человека именами других объектов с целью его эмоционально-оценочной характеристики.

Антропоцентрическая метафора базируется на образном складе народного мышления и является результатом постепенного накопления информации, закрепления определенных смыслов за наименованиями каких-либо предметов, существ в процессе формирования коллективных языковых представлений.

Источником языкового материала послужил электронный вариант «Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров», подготовленный преподавателями Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова.

Анализ диалектного языкового материала показывает, что в говорах могилевско-смоленского пограничья номинации, относящиеся к образной характеристике человека, создаются, как правило, по следующим метафорическим моделям: «животное → человек» (*рудка* 1) ‘корова, лошадь рыжей масти’, 2) ‘рыжеволосый человек’); «предмет → человек» (*дерюга* 1) ‘грубое самотканое одеяло, сшитое в виде мешка из двух полотнищ’, 2) ‘о толстом человеке’); «растение → человек» (*беляшка* 1) ‘гриб волнушка белая’, 2) ‘о светловолосом, белокуром ребенке’); «человек → человек» (*байдус* 1) ‘крупный, здоровый ребенок, подросток’, 2) ‘лентяй, бездельник, лежебока’).

В основе метафорического переноса наименования лежат разнообразные мотивационные признаки. Например, у существительных, принадлежащих к семантической сфере «предметы обихода», основанием для метафоризации могут служить внешний вид предмета (*глёк* 1) ‘глиняный кувшин с узким горлом’, 2) ‘толстый человек; тол-

стяк’), его свойство (*барабол* 1) ‘колокольчик, привязываемый на шею скотине’, 2) ‘болтун, краснобай’) или значимость (*гнилушка* 1) ‘старое, ветхое жилище; халупа’, 2) ‘хилый, болезненный человек’).

Антропоморфная метафора отличается богатством семантических оттенков, характеризующих разнообразные стороны личности человека: его внешний облик (*кавэшка* 1) ‘жирная курица’, 2) ‘о полном, тучном человеке; *горбыль* 1) ‘небольшая возвышенность, пригорок, холм’, 2) ‘горбатый или сутулый человек’); психические свойства (*бандура* 1) ‘длинная дубовая лавка’, 2) ‘об упрямом человеке’); интеллектуальные качества (*балдава* 1) ‘трость с набалдашником’, 2) ‘о бестолковом, глуповатом человеке’).

Как видно из уже приведенных примеров, подобного рода словам-характеристикам присуще наличие, помимо денотативного, коннотативного компонента в структуре значения. При этом подавляющее большинство диалектных метафор демонстрируют преобладание отрицательной, пейоративной оценки над положительной, мелиоративной. Вместе с тем, следует отметить, подобное преобладание негативной оценки личностного типа является отличительной чертой метафорических номинаций человека не только в говорах могилевско-смоленского пограничья, это «языковая универсалия» [1; 63]. Положительные качества как будто не замечаются субъектами номинации, поскольку воспринимаются как норма. Отклонения же от нее оцениваются отрицательно, что и находит отражение в семантике диалектных метафор.

В свою очередь метафорические номинации пейоративной оценки обнаруживают большое семантическое разнообразие и языковую устойчивость. Например, отрицательно могут оцениваться такие внутренние и внешние качества человека, как глупость (*балдавешка* 1) ‘обрубок дерева, бревна; чурбан’, 2) ‘обгоревшее полено, головня’, 3) ‘голова’, 4) ‘о бестолковом, глуповатом человеке’); лень (*абалок* 1) ‘куча земли’, 2) ‘количество груза, которое может поместиться на одном возу’, 3) ‘ленивый человек, увалень’); болтливость (*балабайка* 1) ‘балалайка’, 2) ‘болтун, пустозвон’); сварливость, придирчивость (*бубнила* 1) ‘человек, играющий на бубне’, 2) ‘ворчун, бормотун, брюзга’); грубость (*рюховка* 1) ‘свинья’, 2) ‘о грубом, невоспитанном человеке’); злость, вспыльчивость (*биток* 1) ‘яйцо, которым бьются в пасхальных играх’, 2) ‘драчун’); жадность (*бериха* 1) ‘женщина, теребящая вручную лен’, 2) ‘о жадном, скупом человеке’); ненасытность (*мялица* 1) ‘самодельный деревянный станок, на котором мяли лен или коноплю’, 2) ‘обжора’); упрямство (*бутян* 1) ‘аист’, 2) ‘об упрямом, своевольном человеке’); легкомысленность (*пустушка* 1) ‘непаханая, не подвергавшаяся обработке земля, целина’, 2) ‘неплодородная земля’, 3) ‘несамостоятельный, легкомысленный человек’); неряшливость (*отопок* 1) ‘сношенная обувь’, 2) ‘неряха, грязнуля’); медлительность, нерасторопность, бестолковость (*остатуй* 1) ‘истукан’, 2) ‘о неповоротливом, медлительном человеке’; *гламазда* 1) ‘плохо, кое-как сделанная вещь’, 2) ‘растяпа’); иждивенство (*хлебник* 1) ‘пекарь’, 2) ‘тот, кто развозит хлеб по деревням’, 3) ‘емкость для хранения хлеба; хлебница’, 4) ‘нахлебник’).

Подвергаются порицанию и некоторые физические качества, объективно не являющиеся отрицательными, но проявляющиеся избыточно, а именно: чрезмерная худоба или полнота (*хлобостина* 1) ‘прут, хворостина’, 2) ‘высокий, худой человек’; *пехтерь* 1) ‘веревочная сетка, в которую накладывали сено’, 2) ‘о толстом человеке’); чрезмерно высокий рост (*поплетина* 1) ‘длинная жердь’, 2) ‘человек высокого роста’); внешняя непривлекательность (*рябуха* 1) ‘рябая курица’, 2) ‘женщина с лицом, усеянным веснушками’); дряхлость, немощность (*трухлё* 1) ‘сухое, сгнившее дерево’, 2) ‘болезненный, слабый, немощный человек’).

Анализ диалектного лексического материала показывает, что наиболее часто человек осуждается по таким личностным качествам, как «отношение к труду» (в говорах отмечается большое количество слов для номинации ленивого человека), «отношение к материальному миру» (осуждается неряшливость и жадность). Большим числом лексем представлены также характеристики глупого, тучного, медлительного и болтливого человека.

Обращает на себя внимание активное использование в качестве антропоцентрических метафор диалектной лексики, принадлежащей к тематической группе «дерево / часть дерева / изделия из дерева»: *тельпух* 1) колода, 2) толстый, неуклюжий человек; увалень; *баклуша* 1) ‘обрубок дерева, чурка’, 2) ‘лентяй, бездельник’; *осколёпок* и *осклёпок* 1) ‘древесная щепа’, 2) ‘недотепа’; *бирюлька* 1) ‘деревянная застежка’, 2) ‘непостоянный, ветреный, легкомысленный человек’; *трепышка* 1) ‘деревянная лопатка для трепания льна, волокна; колотушка’, 2) ‘приспособление для затачивания косы’, 3) ‘болтун, пустослов; *рассоха* 1) ‘рабочая часть сохи в виде деревянного бруса с изогнутыми и раздвигающимися концами, на которые набивались сошники’, 2) ‘разновидность сохи’, 3) ‘неловкий, неуклюжий человек’ и др.

Мелиоративный характер оценки свойствен лишь небольшому количеству слов, например: *аксамитка* 1) ‘ткань бархат’, 2) ‘изделие из бархата’, 3) ‘о красивой девушке’; *анчутик* 1) ‘нечистая сила, черт, бес’, 2) *шутл*. ‘маленький ребенок’; *бабушечка* 1) ‘булка, лепешка из муки; пампушка’, 2) ‘о полном, упитанном ребенке’ и др.

В целом, изучение данного разряда диалектных лексических единиц способствует выработке научного представления о многоаспектной природе слова, а сами метафорические номинации лица выступают как оригинальный материал для осмысления материальной культуры человека, его мировосприятия, интеллектуальной и эмоциональной жизни.

Литература

1. Лукьянова, Н. А. Лексика современных говоров как объект изучения: учебное пособие / Н. А. Лукьянова. – Новосибирск: Новосибирский университет, 1983. – 79 с.

И.А. Лисова (Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)

ПАТРОНИМЫ И КВАЗИПАТРОНИМЫ В НЕОФИЦИАЛЬНОМ ИМЕННИКЕ БЕЛОРУССКОГО ПООЗЕРЬЯ

Некоторые исследователи полагают, что отчество теряет актуальность в современной речи. М.В. Школьникова, подтверждая мнение В.П. Беркова, отмечает, что однословная модель именования, представленная патронимическим именем, употребляется при обращении к лицам среднего и особенно – пожилого возраста, используется все реже, преимущественно в сельской местности [1; 276-277]. Функционирование отчества в неофициальной речевой практике до сих пор полного освещения не имеет. Поэтому исследование патронимных и псевдопатронимных номинаций ***актуально***. ***С целью*** выявления особенностей функционирования патронимных и псевдопатронимных именований в речи жителей Белорусского Поозерья была проведена сплошная выборка по материалам анкетирования и интервьюирования (2012-2013 гг.). Зафиксировано 175 патронимов и квазипатронимов, рассмотренных нами в структурно-семантическом и социолингвистическом ***аспектах***.

Для анализа названных неофициальных антропонимов применялись словообразовательный и формантный, корреляционный анализ, а также описательный метод с элементами обобщения и теоретизации, элементы количественной интерпретации данных. Важной стороной анализа является установление трансляции патронимными номинативными формулами информации о стремлении именующих и именуемых к социальной идентичности.«Социальная идентичность – знание индивида о том, что он принадлежит к определенной группе, и эмоциональная значимость для него группового членства» [2; 155].

Согласно словарю Н.В. Подольской, «отчество – именование, произведенное от имени отца» [3; 107]. В современной ономастике термины «отчество» и «патроним» синонимичны. Для уточнения семантики двух функционирующих терминов в отношении современной антропонимной лексики предлагаем под патронимом понимать обо-

собленное, единичное использование отчества в речи (*Вацлавовна, Колошевна, Казимирович*). Н.М. Тупиков пишет: «Иногда мы встречаем самостоятельное употребление отчеств, которые в таком случае как бы заменяют имена» [4; 25]. Основанием для такого разграничения является различие в семантике формул с использованием отчеств и патронимов (ср.: *Антоновна и Валентина Антоновна, Валентина Антоновна Иванова*). Как правило, патронимы используются в отношении взрослых людей как в семейной коммуникации, так и в рабочем коллективе.

«В соответствии с нормами русского литературного языка многие отчества произносятся несколько иначе, чем пишутся, например формы *Николаевич* и *Николаевна* произносятся *Николаич* и *Николавна*» [5; 190]. Подобные формы (*Палыч, Саныч*) принадлежат неофициальной сфере общения, их мы называем ***аллегроформы*** (allegroform (нем.) – редуцированная, беглая форма). «В истории русского языка уже несколько столетий происходит процесс, который можно назвать «аллегризацией» фонетики: allegro-формы, или формы быстрой речи, характерные для живой беседы, вытесняют lento-формы, формы медленного, «полного» произношения, связанные с речью ораторской и вообще монологической» [6; 39]. Данный тип патронимов фиксируется и в письменной, и в устной речи. Однако письменное закрепление таких форм невозможно, так как они являются отступлением от нормы. М.В. Школьникова полагает, что усеченная, разговорная форма патронима указывает на неофициальность, непринужденность речевой ситуации [1; 277].

На территории Белорусского Поозерья аллегроформы образуются усечением основы патронима на -вич (*Дмитрич, Виталич*) или заменой его финали на -ыч (*Глебыч, Иваныч*), реже усекаются женские патронимы (*Сановна, Санна*). Аллегроформы используются как в однокомпонентной (*Витальич, Палыч*), так и в двухкомпонентной модели именования (*Игорь Михайлыч, Диан Сергевна*). Использование аллегороформы или патронима в неофициальной коммуникации обусловливает возможность ее сочетания с гипокористической формой личного имени (*Сан Саныч, Пал Палыч, Юля Юрьевна, Юра Иосифович*). Патронимы и аллегроформы употребляются при номинации в среде друзей и коллег в отношении людей старше 40 лет, в основном пенсионного и предпенсионного возраста в речи сельских и городских жителей.Социальный статус именуемых при таком способе номинации – рабочие промышленности или сельского и лесного хозяйства.

С.Н. Смольников, предлагая дифференцировать антропонимы на актуальные и потенциальные, отмечает, что «потенциальный характер имеют современные отчества, которые не создаются каждый раз заново, а воспроизводятся в готовом виде, закрепленном в языке (*Михайлович, а не Михаилович; Яковлевич, а не Яковович; Кузьмич, а не Кузьмович* и т. д.)» [7; 32]. Однако в данном случае важно подчеркнуть, что к потенциальной антропонимии можно отнести только отчества, аллегроформы же принадлежат сфере актуальной антропонимии, как и квазипатронимы.

Квазипатронимы – это квалитативы, образованные от полной либо усеченной основы личного имени (мужского или женского), реже фамилии (*Плавиныч, Сивыч*), внешним обликом сходные с аллегроформами или образованные по их моделям с помощью суффиксов -ыч- или -ич- (*Артёмыч, Тёмыч, Евгенич, Женич, Леныч*). Причем данный тип неофициальных антропонимов образуется и от форм, уже имеющих в своей структуре суффикс, придающий ей мелиоративную семантику (*Костяныч,Коляныч, Боряныч*). Квазипатронимы являются пограничным пластом неофициальной антропонимии для патронимов и модификатов личных имен.

С точки зрения образования квазипатронимы можно разделить на <u>две группы</u>: полученные путем трансонимизации (перехода аллегроформы в разряд личных имен): *Вадимыч,* а также суффиксации (добавления типичных для патронимов или аллегроформ финалей): *Кирыч*. Второй способ продуктивен для женских (*Сабиныч*) и мужских (*Вованыч*) неофициальных антропонимов. Появление подобных модификатов в жен-

ском неофициальном именнике свидетельствует, с нашей точки зрения, о проявлениимаскулинности в характере именуемой.

Э.О. Гаврикова относит модификаты с финалями -ыч/-ич (*Димыч, Вовыч, Иваныч, Ильич, Костяныч, Максимыч, Сашич*), наиболее продуктивными, по ее матриалу, к аугментативным [8; 15], однако исследователь рассматривает формы имен в речи детей до 11 лет. В речи респондентов старшего возраста данные неофициальные антропонимы не несут в себе устрашающего оттенка, даже отмечаются как «модные, современные». А.В. Суперанская справедливо отмечает, что «в настоящее время одни и те же словообразовательные формы в зависимости от интонации и логического ударения могут получать одобрительный или неодобрительный оттенки значения, поскольку прямой зависимости между суффиксами и субъективной оценкой нет» [9; 22].

Большая часть квазиантропонимов (более 85%) функционирует в среде дружеского общения. Кроме того, их используют коллеги, братья и сестры, т.е. группы сверстников. Возраст жителей Белорусского Поозерья, которых именуют с помощью данного типа неофициальных антропонимов, не превышает 19 лет. Квазипатронимы зафиксированы нами в речи жителей г. Браслав, г. Витебск, г. Лепель, г. Орша, г. Верхнедвинск, г.п. Россоны, г.п. Ушачи, д. Новый Погост Миорского района, их значительное количество (около 40%) приходится на Ушачский район.

Таким образом, патронимы, аллегроформы и квазипатронимы отражают информацию о принадлежности именуемого к определенной социальной группе. Большинство из них представляют мужской неофициальный именник. Патронимы актуальны для неофициального именника Белорусского Поозерья в рамках коммуникации жителей сельского и городского населения. Квазипатронимы используются в отношениях «на равных» в речи подростков, отражают отношения панибратства и стремление подростков выглядеть в глазах окружающих старше, так как патронимы и аллегроформы, по моделям которых они образованы, функционируют в номинации людей старшего поколения.

Литература

1. Школьникова, М.В. Функции патронимов в романе А.С. Иванова «Тени исчезают в полдень» / М.В. Школьникова // Вестник Тюменского государственного университета. – 2010. – № 1. – С. 275-278.
2. Андреева, Г.М. Психология социального познания: уч. пос. для высших учебных заведений / Г.М. Андреева. – М., 1997. – 239 с.
3. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А.В. Суперанская. – М.: : Наука, 1978. – 200 с.
4. Тупиков, Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен / Н.М. Тупиков. – Санкт-Петербург, 1903. – 864 с.
5. Суслова, А. В. О русских именах / А.В. Суслова, А.В. Суперанская. – Л. :Лениздат , 1991. – 112 с.
6. Леонтьев, А.А. Язык, речь, речевая деятельность / А.А. Леонтьев. – М. : Просвещение, 1969. – 214 с.
7. Смольников, С. Н. Актуальная и потенциальная русская антропонимия / С.Н. Смольников // Вопросы ономастики. – 2005. – № 2. – С. 23-35.
8. Гаврикова, Э.О. Формирование антропонимии в детском речевом сознании: автореф. … канд. филол. наук (10.02.01) / Э.О. Гаврикова. – Тюмень, 2005. – 22 с.
9. Суперанская, А.В. Словарь народных форм русских имен / А.В. Суперанская. – М.: URSS, 2010. – 368 с.

О.А. Лукина (Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)

РЕЛИГИОЗНАЯ ЛЕКСИКА В СОСТАВЕ ХРИСТИАНСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ КУЛЬТОВЫХ СООРУЖЕНИЙ БЕЛАРУСИ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Отличительной чертой христианских экклезионимов является наличие в их составе религионимов. Р.И. Горюшина (2002 г.) определяет религионим как «слово или составное именование (устойчивое словосочетание), предназначенное для религиозной сферы употребления, являющееся обозначением конфессионального понятия (в другой понятийной системе – термин конфессионального характера)» [2].

В настоящее время в русскоязычной лингвистической науке сакральная лексика подверглась многоаспектному рассмотрению. Существует несколько научных направлений, в рамках которых проведены новейшие исследования религионимов русского языка:

1) лингвистический когнитивизм (С.В. Булавина, В.В. Воробьёв, Л.И. Зубкова, Ю.Т. Листрова-Правда, И.В. Бугаева);

2) лексико-семантические исследования (С.С. Волков, Р.И. Горюшина, М.А. Москвина, О.А. Радутная, Е.В. Сергеева);

3) лингво- и социокультурологическое направление (Н.А. Купина, Л.М. Майданова, О.В. Милованова, О.Н. Романенко, Г.Н. Скляревская);

4) риторико-стилистический аспект (С.Я. Гольберг, С.А. Гостеева, О.С. Прибытко).

Исследователями выделяется разное количество семантических групп религионимов. Например, В.В. Морковкиным – 24, О.В. Миловановой – 7, Р.И. Горюшиной – 9.

Семантические группы религионимов, участвующие в образовании экклезионимов, условно (вслед за Е.П. Арининой [1]) могут быть разделены на две зоны – зону «Религия» и зону «Церковь». Зона «Религия» включает 4 семантические группы: «божественное», «чудесное», «благочестие», «суеверие». В экклезионимии Беларуси представлены 3 из них (см. табл.1).

Таблица 1 – Семантические группы религионимов,
входящих в экклезионимию Беларуси (зона «Религия»)

Семантическая группа	Православие, старообрядчество	Католичество, грекокатолики	Протестантизм
«божественное»	Всевышний, Господь, Христос, Спаситель, Пресвятая Богородица, апостол, пророк, Троица	Матерь Божья, Дева Мария, Господь, Троица, Спаситель, архангел, апостол	Иисус Христос, Господь, Бог
«чудесное»	воскресение, преображение, богоявление, вознесение	воскресение, вознесение	
«благочестие»	святой (-ая), пресвятой (-ая), праведный (-ая), блаженный (-ая), равноапостольный (-ая), благоверный (-ая), мученик (-ница), великомученик (-ница), священномученик (-ница)	Святой (-ая), пресвятой (-ая)	святой (-ая)

Данные таблицы свидетельствуют, что семантическая группа «божественное» включает номинации Верховного Божества, Иисуса Христа, Богородицы, служителей Бога. Наибольшее количество номинаций представлено в православной экклезионимии, наименьшее – в протестантской, что связано со спецификой вероучения различных направлений христианства. Особое отношение к Деве Марии в католичестве нашло отражение в многообразии номинаций, связанных с Богоматерью.

Семантическая группа «чудесное» представлена наименованиями, связанными с проявлениями всемогущества Бога и религиозными чудесами, такими, как воскресение, вознесение и др. Семантическая группа «благочестие» представлена лексемами, обозначающими святых, не имеющих священного и монашеского сана; данные слова характеризуют святых в зависимости от того, какой жизненный подвиг они совершили. Например, святой (-ая), пресвятой (-ая) – человек, посвятивший свою жизнь церкви, религии, а после смерти признанный образцом праведной жизни и носителем чудодейственной силы. Праведный (-ая), праведник (-ница) – благочестивый, безгрешный, соответствующий религиозным правилам; святой, живший не в отшельничестве (монашестве), а в обычных условиях семейной и праведной жизни. Блаженный (-ая) – святой-юродивый или святой, святость которого засвидетельствована не славой его дел, оставшихся скрытыми, а свидетельством других [136]. Равноапостольный (-ая) – святой прославитель христианской веры, распространяющий, утверждающий и насаждающий

христианство, подобно апостолам. Благоверный (-ая) – эпитет князя-святого. Мученик (-ница), великомученик (-ница), священномученик (-ница) – святой, подвергшийся мучениям (особо тяжким), лишившийся жизни за веру.

Семантическая зона «Церковь» представлена пятью группами (см. табл. 2).

Таблица 2 – Семантические группы религионимов, входящих в экклезионимию Беларуси (зона «Церковь»)

Семантическая группа	Православие	Католичество	Протестантизм
«праздники»	Преображение Господне, Покров Богородицы, Святая Троица	Святая Троица, Божьего Тела, Вознесение Господне	Рождество Христово
«религиозные таинства»	крещение		
«храм» (наименования храма, храмовых святынь)	храм, церковь, собор, икона, крест	костёл, крест	церковь христиан веры евангельской, церковь христиан полного евангелия, евангельская церковь, церковь евангельских христиан баптистов
«структурные подразделения церкви»	монастырь, скит, пустынь, часовня	каплица, кляштар (монастырь)	молитвенный дом
«духовенство, иноки»	патриарх, епископ, митрополит		

Как видно из таблицы, семантическая зона «Церковь» наиболее полно отражает различия в трёх рассматриваемых нами направлениях христианства. Простота убранства протестантских молитвенных домов, отрицательное отношение к духовенству приводят к минимальному количеству лексических единиц церковной тематики в протестантских экклезионимах. В наименованиях православных культовых сооружений представлены лексические единицы из всех семантических групп зоны «Церковь» во всём их многообразии.

Таким образом, экклезионимы как наименования церковных объектов в содержательном аспекте включаются в сферу «религия», что находит выражение в лексическом составе имени. Практически все христианские экклезионимы характеризуются наличием слов религиозной семантики и религиозной сферы употребления – религионимов.

Литература

1. Аринина, Е.П. Содержательное и структурное своеобразие русских экклезионимов в типологическом аспекте: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Е.П. Аринина; Самар. гос. ун-т. – Самара, 2008. – 19 с.
2. Горюшина, Р.И. Лексика христианства в русском языке (системные отношения прямых конфессиональных и производных светских значений слов): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Р.И. Горюшина. – Волгоград, 2002. – 21 с.

А.С. Мазур (Смоленский государственный университет)

РОЛЬ ТОПОНИМОВ В ПОВЕСТИ Б.Л. ВАСИЛЬЕВА «А ЗОРИ ЗДЕСЬ ТИХИЕ…»

В настоящее время одним из наименее разработанных разделов поэтической ономастики является поэтическая топонимика, которая изучает топонимы в составе художественных произведений. До сих пор нет достаточно полного и цельного представления о специфике и закономерностях употребления топонимов в художественно-литературных текстах. Так, в современной лингвистической литературе очень мало внимания уделяется вопросу о стилистических возможностях топонимической лексики и основным принципам описания системы географических объектов в художественной

литературе, несмотря на то, что наименования этих объектов, как правило, составляют значительную часть всего ономастикона текста.

Э.М. Мурзаев, известный советский топонимист-географ, следующим образом охарактеризовал роль топонимов в жизни человека и их количественный состав: «Невозможно представить себе жизнь современного общества без географических названий. Они повсеместны и всегда сопровождают наше мышление с самого раннего детства. Все на земле имеет свой адрес, и этот адрес начинается с места рождения человека. Родное село, улица, на которой он живет, город, страна – все имеет свои имена. Ежедневное чтение газет, классической литературы, изучение истории культуры и развитие науки приводят к новому, все расширяющемуся запасу географических названий в нашем языке» [3; 24].

В настоящей статье мы рассматриваем топонимию повести Б.Л. Васильева «А зори здесь тихие…» и ее роль в раскрытии художественного замысла автора. Уже с первых строк повести автор погружает нас во время Великой отечественной войны с точным указанием даты и места развития событий, тем самым наполняя страницы реалиями жизни; обозначается хронотоп повести, в реализации которого используется два ключевых имени собственных (ИС):

«Шел май 1942 года. На западе обе стороны, на два метра врывшись в землю, окончательно завязли в позиционной войне; на востоке немцы день и ночь бомбили канал и Мурманскую дорогу; на севере шла ожесточенная борьба за морские пути; на юге продолжал упорную борьбу блокированный Ленинград» [1; 3].

Действительно, ситуация в мае 1942 года складывалась именно так: «Лето 1942 г. – время наивысшего накала боев. Налеты немецкой авиации были ежедневно, часто по нескольку раз в день. Самые ожесточенные бои шли в районе Мурманска» [5]; именно по *Мурманской железной дороге*, как ее еще называли «дороге жизни», переправляли все важные стратегические грузы, и Гитлер уже в директиве № 36 от 22 сентября 1941 г. приказал перерезать этот железнодорожный путь; 1942 г. – продолжается блокада *Ленинграда*.

Помимо названных топонимов, автор использует целую группу реально существующих названий, которые выполняют номинативную функцию и отражают локализацию конкретных географических объектов: *Кировская железная дорога* – самая северная железная дорога, выходящая к северному Ледовитому океану, существовала с 1914 по 1959 г.; *Беломорско-Балтийский канал* – канал, соединяющий Белое море с Онежским озером и имеющий выход в Балтийское море; *Москва, Минск* и т.д. Таким образом, автор стремится не только к художественности, но и топонимической точности, конечно, не абсолютной.

По характеру контекста и стилистической роли мы выделили несколько типов употребления топонимов:

1. Употребление топонимов в воспоминаниях, с целью воссоздания более реальной картины прошлого: *«В Минске мои родители…Я в Москве училась, готовилась к сессии, а тут…»* [1; 22].

2. Употребление топонимов, которые представляют собой в тексте сквозные географические названия, связанные с сюжетом, с изображением пространства, в котором разворачиваются события повести: *«Сейчас же, сию секунду доложить по команде, что обстановка изменилась, что своими силами ему уже на заслонить ни Кировской железной дороги, ни канала имени товарища Сталина»* [1; 41].

3. Употребление топонимов, связанных с боевыми действиями в тексте и являющихся центральными в номинации задействованных географических объектов повести:

«Противник силою до двух вооруженных до зубов фрицев движется в район Вопь-озера…» [1; 32]*;*

« - Так, по следам, выбрался он на опушку, откуда опять распахнулись и Вопь-озеро, и Синюхина гряда, и кустарнички с соснячком, что уходили правее» [1; 83];

Однако не все географические названия используются автором с целью указания пространства и времени развития событий. Так, название уездного города Уральской области *Лбищенска*, где в 1919 г. находился штаб В.И. Чапаева, выполняет две функции – идентифицирующую и аллюзивную: смысловая нагрузка топонима строится по модели «место – историческое событие», тем самым косвенно характеризует возраст главного героя по отношению к своим подчиненным: *«Поэтому и на девчат, которыми командовать пришлось, он смотрел словно из другого поколения. Словно был он участником гражданской войны и лично чай пил с Василием Ивановичем Чапаевым под городом Лбищенском»* [1; 31].

Как отмечает известный исследователь художественного текста Э.М. Левина, «авторы посредством номинации географического пространства приближают нас, читателей, к окружающей среде той или иной местности, способствуют сохранению особенностей определенной исторической эпохи, традиций культуры. Все это заставляет читателя вчитываться, вслушиваться в названия, вдумываться в них и размышлять над историей их появления» [2; 38].

Среди топонимов есть реально существующие (*Минск, Ленинград, Кировская железная дорога* и т.д.) и те, существование которых не подтверждено - возможно, они вымышлены автором: Вопь-озеро, Синюхина гряда, Легонтово озеро. В докладе мы делаем попытку обосновать образование их автором. Приведем лишь один пример. Можно предположить, что название Легонтово озеро произошло от имени собственного Флегонт: Флегонт – имя греческое, значение основы – «горящий» [4; 225]. Греческий звук [ф] в русском языке в русской разговорной речи не употребляется, образуется форма Легонт. В энциклопедии Брокгауза и Эфрона находим сведения о божественном Флегонте, который принадлежал к числу семидесяти апостолов и был епископом фракийского города Марафона [6].

Мы считаем, что был какой-то церковный деятель Легонт в тех местах, где происходило действие повести, и его имя осталась в названии озера. Эту версию поддерживает также название Легонтов скит, которое имеет место в тексте.

Таким образом, следует подчеркнуть, что выбор топонимов Б. Васильева далеко не случаен. Топонимы служат для раскрытия художественного замысла автора, в частности, они конкретизируют хронотоп. Именно благодаря им в текст в текст художественного произведения вводится категория исторического времени и событийности.

Литература

1. Васильев, Б. «А зори здесь тихие…» / Б. Васильев // Ж. «Поиск». – 1988. – № 2. – С. 5–86.
2. Левина, Э.М. Ономастическое пространство в художественной речи: учеб. пособие / Э.М. Левина. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2003. – 88 с.
3. Мурзаев, Э.М. Географические названия / Э.М. Мурзаев // География в названиях. – М.: Наука, 1982. – 176 с.; 1962, № 4, 89 с.
4. Петровский, Н.А. Словарь русских личных имен / Н.А. Петровский. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 384 с.
5. Путеводитель по Мурманску [Электронный ресурс] htpp://travel.murman.ru/murman/history.shtml (дата обращения: 07.10.2013).
6. Энциклопедия Брокгауза и Эфрона [Электронный ресурс] http://enc-dic.com/brokgause/Flegont-32936.html (дата обращения: 07.10.2013).

А.М. Мезенко (Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)

КОЛЛЕКТИВНЫЕ МЕМОРАТИВЫ В УРБАНОНИМИИ БЕЛОРУСОВ, РУССКИХ, ПОЛЯКОВ

Сравнительно-сопоставительная ономастика в настоящее время характеризуется определенным подъемом, и это отрадно, поскольку, благодаря сравнению и сопоставлению языковых фактов, лучше видны как общие, так и отличительные черты внутригородских наименований названных народов.

Материалом исследования послужили урбанонимы современного белорусского, русского и польского языков. В отборе фактического материала при описании наименований внутригородских объектов были использованы топонимические словари, путеводители, карты и атласы населенных пунктов Витебской, Тверской, Ярославской областей, городов Белосток, Бяла Подляска, Гожув. Ономастическое пространство по-разному представлено в языковых картинах мира белорусского, русского и польского социумов, выявление этой специфики представляется важным для развития социальной и культурологической лингвистики.

Целью настоящего исследования является определение сходств и различий в формировании и функционировании коллективных мемораторов в урбанонимных системах белорусского, русского и польского языков, в создании ими определенного фрагмента языковой картины мира.

Результаты и их обсуждение. В начале XXI в. актуальной задачей ономастики является исследование региональных ономастических систем в сравнительно-сопоставительном плане на уровне территориальной закрепленности ономастиконов. Исследованию особенностей коллективных мемораторов в урбанонимных системах городов Тверской и Ярославской областей России посвящена статья Р.В. Разумова [1]. В рамках данного исследования работа по анализу коллективных посвящений была продолжена на материале систем урбанонимов Беларуси и Польши.

Анализируя состояние мемораторных урбанонимиконов Беларуси и Польши начала XXIв., можно выделить ряд особенностей их развития и функционирования. Так, анализ белорусского материала обращает внимание на следующие характерные тенденции. Как и в России, ядро урбанонимов-коллективных посвящений составляют внутригородские названия ***Молодежная улица*** */ 1-я Молодежная улица / 2-я Молодежная улица / Молодежный бульвар / Молодежный переулок;* ***Комсомольская улица*** */ площадь / переулок;* ***Пионерская улица*** */ 2-я Пионерская улица / переулок, 1-й – 3-й Пионерский переулок,* зарегистрированные более чем в половине населенных пунктов городского типа. Учитывая, что подобные названия присваивались в честь какой-либо группы лиц, деятельность которой по каким-либо причинам была важна для жителей населенных пунктов, можно сделать вывод о том, что население Витебщины отдавало приоритет молодежи. Показательно, что у русских, кроме перечисленных названий-посвящений, отличающихся фреквентативными показателями порядка следования (вначале ***Комсомольская улица*** */ проспект / переулок / проезд / площадь*, а затем ***Молодежная улица*** */ бульвар / переулок;* ***Пионерская улица*** */ переулок / проезд / тупик*), эта группа включает также годонимы-мемораторы*Рабочая улица / площадь / переулок; улица Строителей*, в белорусских городах формирующие околоядерное пространство и входящие во вторую группу, которую составляют урбанонимы, повторяющиеся не менее чем в двух населенных пунктах.

Несмотря на значительную территориальную отдаленность Витебской, с одной стороны, и Тверской и Ярославской областей, с другой, околоядерное окружение единиц данного урбанонимного субполя также во многом схоже. Сравним: у русских это *улица / переулок / проезд* ***Декабристов****, улица / набережная* ***Космонавтов****,* ***Крестьян-***

ская *улица / площадь / переулок, улица / переулок* ***Механизаторов****,* ***Народная*** *улица / площадь / переулок, улица / проезд* ***Новоселов****, улица / проспект* ***Энергетиков****, улица / проспект* ***Авиаторов****, улица / проспект / проезд* ***Машиностроителей****,* ***Партизанская*** *улица, улица / переулок* ***Мелиораторов****;* у белорусов **Партизанская** улица / переулок, **Красноармейская** улица / переулок, 1-й – 3-й переулок, **Пролетарская** улица 1-я – 4-я Пролетарская улица / бульвар / переулок, улица / переулок **Космонавтов,** 1-й – 14-й переулок Космонавтов, улица Строителей, 1-я – 2-я улица **Строителей**, 1-й – 2-й переулок Строителей, площадь /улица **/** переулок **Новоселов,** улица **Мелиораторов, Народная** улица, 1-й переулок, переулок **Энергетиков**, улица / переулок **Механизаторов**, **Студенческая** улица / переулок, улица **Новаторов**, **Краснобригадная** улица, 1-я – 6-я Краснобригадная улица. Сравнение данных свидетельствует о совпадении русского и белорусского годонимиконов в семи единицах, что соответствует 64%.

Обращает на себя внимание и тот факт, что первую группу представляют прежде всего идеологические мемориативы, вторую же – профессиональные названия-посвящения.

Анализ польского урбанонимного материала показал, что ядро группы названий-коллективных посвящений составляют наименования, используемые в каждом из исследуемых городов: *ulicaArmiiKrajowej, ulicaPułkuPiechoty, –* кстати, как у белорусов и русских, относящиеся к идеологическим. Околоядерное пространство у поляков занято также мемориативами профессиональной и в частности военной тематики: *ulicaBatalionówChłopskich, ulicaSzarychSzeregów, ulicaWojskaPolskiego, Robotniczaulica, ulicaKosmonautów, –* лишь частично совпадающими с белорусским и русским мемориативными урбанонимиконами.

Что же касается периферии урбанонимного поля коллективных посвящений, то оно находится в определенной зависимости от характера производственной деятельности и других интересов жителей регионов. На Витебщине это такие названия, как *улица Гидротехников* (г. Докшицы), *улица Авиаторов, улица Декабристов, улица Энтузиастов* (г. Витебск), *улица Юных Мстителей* (г.п. Оболь), *улица 6-й Гвардейской Армии* (г. Полоцк), *улица Романтиков* (г. Ушачи) и др.; в Тверской и Ярославской областях – *улица Водников, Бурлацкая улица* (г. Рыбинск), *улица Красных Печатников* (Вышний Волочек), *переулок Сыроделов* (Пошехонье), *улица / площадь Юности* (Тутаев, Ярославль) и др.; на Белостотчине – *ulicaDokerów, ulicaHonorowychKrwiodawców, ulicaZakochanych*; на Подлясье – *ulicaLotnikówPodlaskich, ulicaKosynierów, ulicaCelnikówPolskich*; на Гожувщине – *alejaMuzyków, ulicaBożogrobców, ulicaMistrzów, ulicaRacjonalizatorów* и т.п.

Заключение. Таким образом, проведенный анализ мемориативных урбанонимиконов городов трех славянских народов позволил прийти к следующим выводам:

1. В XXI в. продолжается процесс функционирования и присвоения внутригородским объектам названий-коллективных посвящений.
2. Ядро анализируемого урбанонимного субполя у всех трех народов формируют идеологические мемориативы, различающиеся своей тематикой: у белорусов это слова, связанные с молодым возрастом; у русских – такие же и слова профессиональной семантики; у поляков – слова военного содержания.
3. Околоядерное пространство занимают профессиональные мемориативы.
4. Наиболее разнообразна периферия исследуемого субполя, включающая, помимо профессиональных, посвящения метафорического типа.

В заключение хотим подчеркнуть, что детальное изучение регионального урбанонимного материала других славянских народов поможет представить картину развития мемориативной урбанонимной подсистемы Славии, установить универсальные принципы функционирования системы урбанонимов-коллективных посвящений в начале XXI

века, а также выявить этнокультурную специфику этого разряда собственных имен, обусловленную культурно-историческими различиями соответствующих стран.

Литература

1. Разумов, Р.В. Коллективные посвящения в системах урбанонимов провинциальных городов / Р.В. Разумов // Проблемы региональной лингвистики: Памяти д.ф.н., проф. Т.В. Кирилловой (к 90-летию со дня рождения): материалы Междунар.науч.конф., Тверь, 26-27 апреля 2013 г. / [ред.кол.: И.М. Ганжина (отв.ред.) и др.]. – Тверь: Твер.гос.ун-т, 2013. – С. 148-151.

К.А. Сасноўская (Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава)

ЖАНОЧАЯ АНТРАПАНІМІЯ БЕШАНКОВІЧЧЫНЫ ЯК АБ'ЕКТ АНАМАСТЫЧНАГА ДАСЛЕДАВАННЯ

Іменаслоўная сістэма любой тэрыторыі з'яўляецца своеасаблівым адлюстраваннем грамадскіх працэсаў той ці іншай гістарычнай эпохі. Антрапанімікон любога рэгіёна – гэта вынік узаемадзеяння імя і культуры народа. Сёння даследаванні ў галіне рэгіянальнай анамастыкі набываюць усё большую актуальнасць і прыцягваюць увагу вялікай колькасці вучоных.

Мэта працы – выявіць спецыфіку жаночай антрапанімнай сістэмы Бешанковіцкага рэгіёна.

Матэрыялы і метады. Матэрыялам даследавання паслужылі архіўныя дадзеныя Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі і спісы жыхароў Бешанковіцкага раёна.

Пад час аналізу фактычнага матэрыялу выкарыстоўваліся метады лінгвістычнага апісання, параўнальна-супастаўляльнага, фрэквентатыўнага аналізу, што дазволіла падлічыць і вызначыць найбольш папулярныя імёны.

У даследаваных крыніцах XIX стагоддзя зафіксавана 70 жаночых імёнаў, што складае 38% ад агульнай колькасці ўсіх антрапонімаў. Самыя частыя жаночыя імёны гэтага перыяду: *Анна (37 фіксацый)*[1]*, Вера* (імя *Вера* М.Н. Тупікоў адносіць да агульнарускага найменавання [1;53])*, Евдокия (27), Екатерина (17), Мария (Марья) (33 фіксацыі), Таціана (13), Феодосія (16)*. Імянны інвентар складаюць грэчаскія, лацінскія, старажытнаяўрэйскія, старажытнаславянскія намінацыі.

У параўнанні з XIX стагоддзем, у сучасным іменніку на долю жаночых намінацый прыходзіцца 56%. Малая колькасць жаночых антрапонімаў у XIX стагоддзі тлумачыцца адсутнасцю ў жанчын юрыдычных правоў, а адсюль і фіксацый у афіцыйных дакументах. Дадзеная з'ява пацвярджаецца і словамі С.А. Белакурава, які яшчэ ў 1909 г. пісаў: "У нашых радаслоўных кнігах амаль зусім адсутнічаюць жаночыя імёны, а калі дзе і сустракаюцца, то ў выглядзе рэдкага выключэння" [2;1]. У працы прыведзены рад жаночых імён з адной справы і дзвюх кніг 1634-1647 гг., якія захоўваюцца ў Маскоўскім архіве Міністэрства ўнутраных спраў. Да найбольш частых імён ва ўзгаданым вышэй выданні адносяцца: *Анна, Дарья, Овдотья, Катерина, Марья, Парасковья*, што часткова супадае з самымі частымі жаночымі намінацыямі Бешанковіччыны XIX стагоддзя.

У сучасным бешанковіцкім антрапаніміконе па агульнай колькасці жаночых намінацый першае месца займае г.п. Бешанковічы (59%). Найбольш папулярнымі тут з'яўляюцца наступныя імёны: *Валянціна* – 157 носьбітаў; *Вольга* – 119; *Наталля* – 146; *Таццяна* – 204. Да рэдкіх намінацый адносяцца: *Арыадна, Брангільда, Гаўгар, Леакадзія, Леанарда, Мальвіна, Неаліна, Сандра, Юзефа.* Менш за ўсё жаночых імёнаў намі зафіксавана ў в. Бачэйкава (54,8%), в. Свяча (54,6%) і г.п. Ула (53,4%). Сярод іх

[1] Імёны падаюцца ў арфаграфіі даследаванай архіўнай крыніцы.

самымі папулярнымі з'яўляюцца наступныя: *Аляксандра, Валянціна, Галіна, Ганна, Кацярына, Наталля, Святлана, Таццяна*. Да рэдкіх можна аднесці: *Ада, Кіра, Мая, Саламія, Уладзіслава, Франя, Эма, Юзефа.* У сучасным інвентары Бешанковіччыны хрысціянскія жаночыя антрапонімы па сваёй колькасці (42%) саступаюць нехрысціянскім (58%). Колькасць хрэсных імён вар'іруецца ад 35% да 49% па кожным населеным пункце. Большасць такіх адзінак намі зафіксавана ў в. Дразды (49%), в. Верхняе Крывіна (47%), в. Свяча (45%), в. Астроўна (44%). Сярод іх такія, як *Алеся, Валянціна, Васіліна, Ганна, Дар'я, Ірына, Кацярына, Марыя, Наталля, Паліна, Святлана, Тамара, Таццяна, Федасея, Яўгенія.*

У склад папулярнага жаночага нехрысціянскага іменніка ўваходзяць наступныя: *Вольга, Вераніка, Дзіяна, Зоя, Інэса, Карына, Клара, Ларыса, Лілія, Людміла, Мая, Ніна, Роза, Рыма, Рыта, Рэгіна, Таісія, Фаіна, Яна.*

З цягам часу становішча жанчыны ў грамадстве змянілася і з'яўленне новых імёнаў стала неабходным само па сабе. Калекцыя жаночых імён папаўнялася за кошт запазычвання намінацый з іншых моў, утварэння жаночых імён ад мужчынскіх, стварэння новых уласных антрапонімаў. Этымалогія сучаснага жаночага іменніка даследуемага рэгіёна даволі разнастайная ў адрозненне ад інвентара XIX стагоддзя. Сучасны рэпертуар жаночых іменаванняў уключае грэчаскія, лацінскія, славянскія, старажытныя яўрэйскія, скандынаўскія і новыя антрапонімы. Як і сярод мужчынскага іменніка, большая колькасць належыць грэчаскім антрапонімам – 54%: *Алена, Ала, Анаіда, Анастасія, Варвара, Васіліна, Вера, Дар'я, Елізавета, Зінаіда, Зоя, Іса (ад Ісідора), Кацярына, Крысціна, Ларыса, Лёля, Раіса, Святлана, Яўгенія.* Жаночых імён лацінскага паходжання налічваецца 15%: *Антаніна, Валянціна, Вікторыя, Дзіяна, Клара, Ліна, Марына, Наталля, Нона, Юлія.* Значную частку сярод жаночага антрапанімікону займаюць так званыя новыя імёны, што ўзніклі нядаўна (9%). Так, сюды ўключаны: *Аліна, Віялета* (італьянскае), *Зарэма* (ад імя персанажа паэмы А.С. Пушкіна "Бахчысарайскі фантан"), *Ілона* (венгерскі варыянт імя Алена), *Караліна* (нямецкае), *Леакадзія* (грэчаскае), *Лілія, Мадзіна* (арабскае), *Разалія, Роза, Рыма* (балгарскае), *Сабіна, Эліна, Эма*. Яўрэйскія імёны (*Ганна, Ева, Марыя, Тамара*) налічваюць 7% ад агульнай колькасці. За імі – старажытныя (5%).

У жаночы імяннік старажытнага паходжання мы ўключылі старажытнарускія і старажытнагерманскія імёны: *Альбіна* (ад старажытнагерманскага *Адэліна*), *Брангільда* (размоўная форма старажытнага франка-германскага імя Брунгільда), *Леанарда, Людміла* (старажытнарускае), *Люсьена* (ад *Людміла*), *Мальвіна* (старажытнагерманскае), *Руслана* (ад формы старажытнарускага мужчынскага *Руслан*), *Уладзіслава*.

Славянскіх жаночых імён намі зафіксавана няшмат – 3%: *Браніслава, Яна, Яніна*. Жаночы імяннік скандынаўскага паходжання прадстаўлены толькі адным імем – *Вольга* (1,7%). Акрамя вышэй адзначаных антрапонімаў, на тэрыторыі Бешанковіцкага раёна сустракаюцца імёны іншага паходжання: англійскія *(Анжаліка, Нэла, Нэлі, Нэля, Сандра)*, арабскія *(Эльміра)*, балгарскія *(Рыма)*, венгерскія *(Ілона)*, іспанскія *(Інэсса, Лаліта, Эльвіра),* італьянскія *(Леанора)*, нямецкія *(Інга, Эма)*, персідскія *(Гаўгар),* польскія *(Альбіна, Юзэфа, Ядзвіга),* цыганскія *(Джэлема),* французскія *(Жанна).*

Такім чынам, аналіз жаночага антрапанімікону Бешанковіцкага раёна паказаў, што ў XIX стагоддзі на даследаванай тэрыторыі жаночыя імёны складалі трэцюю частку ўсяго антрапанімікону, этымалогія якога была абмежавана. Сучасны антрапанімікон па паходжанні больш разнастайны і прадстаўлены шырокімі этымалагічнымі тыпамі намінацый. Выяўлена, што імя *Таццяна* з'яўляецца папулярным як у старажытнасці, так і ў сучаснасці.

Літаратура

1. Тупиков, Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен / Н.М. Тупиков. – Москва, 2005. – 1032 с.
2. Белокуров, С.А. Несколько новых родословных данных (женские имена за 7142-7155 г.) / С.А. Белокуров. – Москва: Синодальная типография, 1909 г. – 16 с.
3. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. – Ф. 2635. – Воп. 1. Спр. 642. Инвентарь имения помещика Станислава Цехановецкого.
4. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. – Ф. 2531. – Воп. 3. Спр. 10. Полоцкая духовная консистория. Метрические выписи за 1876 – 1916 гг.
5. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. – Ф. 2531. – Воп. 2. Метрическая книга регистрации рождений, браков и смерти. Верховская, Вяшицкая, Добригорская, Казановская, Контевичская, Мартиновская, Низголовская, Стрижевская, Свечанская, Улльская, Хотинская и Жайская церкви Полоцкой Духовной консистории.
6. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. – Ф. 2531. – Воп. 2. Спр. 145. Метрические книги церквей Лепельского уезда о родившихся, бракосочетавшихся и умерших за 1878 г.

Г.К. Семянькова (Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава)

АДАНТРАПАНІМНЫЯ МЯНУШКІ: СТРУКТУРНЫ І СЕМАНТЫЧНЫ АСПЕКТЫ

Уводзіны. У сучаснай беларускай мове тэрмін *мянушка* мае значэнне ‘неафіцыйнае найменне чалавека, дадзенае па яго знешніх ці ўнутраных асаблівасцях, паводзінах, характары заняткаў, пасадзе, прозвішчы і інш.’. У старажытнасці мянушкі выкарыстоўваліся як намінатыўна-ідэнтыфікацыйныя і прафілактычна-пажадальныя адзінкі, сёння ж яны служаць найперш для эмацыянальна-экспрэсіўнай характарыстыкі асобы.

Мэта артыкула – паказаць структурныя і семантычныя асаблівасці сучасных неафіцыйных найменняў, што паходзяць ад антрапонімаў (прозвішчаў, уласных асабовых імён, мянушак).

Матэрыялы і метады. Матэрыялам для даследавання паслужылі найменні, сабраныя у вёсках Віцебскай вобласці і ва ўстанове адукацыі “Віцебскі дзяржаўны універсітэт імя П.М. Машэрава”. Агульная колькасць даследаваных адзінак – каля трохсот. Выкарыстаны наступныя метады даследавання: апісальны, параўнальна-гістарычны метады, элементы статыстычнага аналізу, інвентарызацыя антрапанімнага матэрыялу.

Вынікі і абмеркаванне. Лічыцца, што сёння мянушкі бытуюць у асноўным у народна-дыялектнай мове, пераважна ў вясковым асяроддзі, аднак наш матэрыял сведчыць, што сфера іх выкарыстання больш шырокая: неафіцыйныя найменні папулярныя і ў студэнцкім асяроддзі.

Надзвычай распаўсюджаны адпрозвішчныя мянушкі. Значная частка такіх адзінак звязана з найменнямі персанажаў літаратурных твораў, кіно, тэлебачання. Падабенства ў гучанні прозвішча носьбіта мянушкі і наймення вядомага літаратурнага, мультыплікацыйнага ці кінагероя, культурнага ці палітычнага дзеяча – адна з прычын з’яўлення мянушкі: *Ленін* – ад прозвішча Ільіноў, *Ціхановіч* – ад Ціхачова, *Пушкін* – ад Тушкін, *Жырыноўскі* – ад прозвішча Жарнасек, *Дзед Мазай* – ад Мазаеў.

Прычынай узнікнення мянушкі можа быць незразумеласць семантыкі прозвішча, цяжкасць яго вымаўлення: *Шыншыла* – ад прозвішча Сянчыла, *Мурзілка* – ад Мазура, *Слесар* – ад Снісар.

Частка адпрозвішчных мянушак утворана шляхам усячэння фіналі прозвішча (мянушка *Патап* – ад прозвішча Патапенка, *Курс* – ад Курсік, *Гаўр* – ад Гаўрыленка).

Працэс утварэння мянушкі можа не абмяжоўвацца толькі ўсячэннем фіналі прозвішча, калі да ўсечанай часткі далучаецца канчатак: мянушка *Акул-а* – ад прозвішча Акуліч, мянушка *Пас-я* – ад прозвішча Пасюціна.

Нярэдка да ўсечанай часткі прозвішча далучаюцца разнастайныя суфіксы: *-ік-/-ык-, -чык- (Русік* – ад Русакевіч, *Усік* – ад Усава, *Акцызік* – ад Акцызная, *Шпунцік* – ад Шпунтова), *-ул-/-юл-* (*Грыцуля* – ад Грыцкевіч, *Пяткуля* – ад Пяткевіч, *Рагуля* – ад Рагоўская, *Астасюля* – ад Астасенка), *-ун-* (*Грыцун* – ад Грыцкевіч), *-уш- (Гаўруша* – ад Гаўрыленка), *-ыч- (Герыч* – ад Герасімёнак), *-онак- (Гарбачонак* – ад Гарбачова), *-ш- (Драняша* – ад Драняева), *-к- (Пасютка* – ад Пасюціна) і інш.

Пры ўтварэнні мянушак можа ўсякацца не толькі фінальная частка, але і пачатак прозвішча (*Чук* – ад Раманчук, *Ніна* – ад Мамоніна), пачатак і фінальная частка (*Муха* – ад Самухіна, *Фіма* – ад Яфіменка, *Сечка* – ад Жарнасекаў).

Сустракаюцца выпадкі, калі адпрозвішчная мянушка супадае па гучанні з бытавой формай імені: *Пеця* – ад Пяткевіч.

Мянушка можа быць вынікам асацыяцый, якія ўзнікаюць ад прозвішча: *Карняплодзік* – ад Бурак, *Клюква, Клюкаўка* – ад Клюева, *Русалка* – ад Русакевіч, *Рэдзька* – ад Радзько.

У адзінкавых неафіцыйных найменнях назіраецца “нарошчванне” прозвішчаўтваральных фармантаў *(Апет**ав**а* – ад Апет), суфіксаў, што выкарыстоўваюцца ў імёнах па бацьку *(Макарон**аўн**а* – ад Маркава), фармантаў, уласцівых неславянскім прозвішчам (*Клюкві**ус*** – ад Клюева, *Лакі**сон*** – ад Лакісава), суфікса -к- (*Калін**ка*** – ад Каліна, *Малыш**ка*** **–** ад Малыш, *Сінічка* – ад Сініца), памяншальна-ласкальнага суфікса *(Астас**ёначк**а* – ад Астасенка, *Ермач**оначк**а* – ад Ермачэнка).

Цікавымі з’яўляюцца выпадкі, калі мянушка ўяўляе сабой прозвішча, да якога далучаны словы *бацька, пан*: *Бацька Шыман* – ад прозвішча Шыман, *Пан Кабяк* – ад Кабяк (носьбітамі абедзвюх мянушак з’яўляюцца дзяўчаты).

Скарочаныя і бытавыя формы ўласных асабовых імён носьбітаў могуць служыць базай для мянушак: *Кадзіла* – ад Аркадзь, *Дзюшка* – ад Надзюшка, *Валан* – ад Валянцін, *Гор* – ад Рыгор.

У асяроддзі моладзі частыя адыменныя мянушкі, што ўяўляюць сабой 1) іншамоўныя “адпаведнікі” афіцыйнага асабовага імені носьбіта: *Жулі* – ад Юлія, *Лянор* – ад Лена, *Ляон* – ад Леанід, *Джон* – ад Жэня, *Вано* – ад Ваня, *Вальдэмар* – ад Валерый, *Жанэт* – ад Жанна, *Боб* – ад Вова, *Рамэа* – ад Раман; 2) апелятыўныя “адпаведнікі”, якія супадаюць з іменем наборам гукаў: *Кастыль, Касцет* – ад Канстанцін, *Воўк* – Вова, *Кактус* – Каця, *Алень* – Алена, *Радуга* – Радміла, *Люцік* – Людміла, *Улітка* – Ульяна. Такія мянушкі могуць рыфмавацца з імёнамі, ад якіх паходзяць: *Сэр Гей* – Сяргей, *Юшка* – Ільюшка, *Ірыска* – Ірышка, *Карась* – Юрась, *Анаша* – Наташа, *Тыгр* – Ігар.

Іншы раз адыменная мянушка звязана з найменнем вядомага літаратурнага персанажа, спевака, акцёра, палітыка: *Анегіна* – носьбіт імені Яўгенія, *Шагал* – носьбіт імені Марк, *Каліноўскі* – носьбіт імені Канстанцін, *Паравоз* – ад Міколка (параўн. назву твора М. Лынькова “Міколка-паравоз”), *Вандам* – ад Вадзім, *Гарбачоў* – ад Міхаіл Сяргеевіч (прычына ўзнікнення мянушкі – супадзенне імені і імені па бацьку носьбіта і палітычнага дзеяча М.С. Гарбачова), *Лукашэнка* – мужчыну завуць Аляксандр Рыгоравіч, *Паплаўская* – жанчына па імені Ядвіга, *Церашкова* – па імені Валянціна.

Частка неафіцыйных онімаў сведчыць пра негатыўныя адносіны да іх носьбіта, ужываецца, каб абразіць чалавека ці пасмяяцца з яго. Такія антрапонімы могуць рыфмавацца з імёнамі, змяшчаць дадатковыя звесткі пра носьбіта або ўяўляць сабой трансфармаваныя гукавыя абалонкі імені: *Дуруша* – ад Андруша, *Падліза* – ад Ліза, *Тазік* – ад Тадзік, *Шкурык* – ад Шурык, *Сэр Гей* – ад Сяргей.

Часам мянушка выкарыстоўваецца для называння цэлай сям’і: *Карабкі* – сям’я Карабіцкіх, *Дудкі* – сям’я Дудковых. Сямейныя мянушкі распаўсюджаны найперш у сельскай мясцовасці, дзе прыналежнасць да пэўнай сям’і, роду з’яўляецца важнай, часам нават вызначальнай характарыстыкай асобы.

Агульная сямейная мянушка, як правіла, адрозніваецца па форме ў старэйшых і малодшых, у мужчын і жанчын: галаву сям'і завуць *Чорт*, яго сына – *Чарток*, а жонку *Чарціха*; бацька *Сібірак,* жонка *Сібірачка,* сын *Сібірачок*.

Сямейныя мянушкі-патронімы па форме часта супадаюць з прыналежнымі прыметнікамі і ўтвараюцца ад імені гаспадара сям'і (*Лукашовы, Валодзевы, Федзіны)* ці ад назвы яго прафесіі або пасады (*Бондары, Кузняцы, Аграномавы, Брыгадзіравы).*

Індывідуальныя патронімы могуць мець у сваім складзе не толькі суфікс *-ов-* (*Паўлючкова* – дачка Паўла), але і іншыя суфіксы *(Талян* – сын Анатоля, *Міцік* – сын Дзмітрыя, *Лаўрык* – унук Лаўрэнція, *Навумчык* – унук Навума, *Сцепанішка* – дачка Сцяпана, *Цімхоўна* – дачка Цімафея) і нават прыстаўкі (*Падцімух* – сын Цімафея).

Сямейныя мянушкі-матронімы, утвораныя ад імені гаспадыні, часта бываюць аманімічныя з прыналежнымі прыметнікамі і ўключаюць суфікс *-ін-*: *Матроніны* (ад Матрона), *Клаўдзіны* (ад Клаўдзя).

Пры ўтварэнні андронімаў актыўна выкарыстоўваецца суфікс *-іх-*(а): *Лявоніха, Барысіха, Нікanорыха, Ільюшчыха, Валянцініха,* а таксама *Бараніха* (мужа называюць мянушкай *Баран* за ўпартасць), *Мошыха* (прозвішча мужа *Мошкін*), ужываецца суфікс *-ін-: Сініцына* (мянушка мужа Сініца), *Зомбіна* (мянушка мужа Зомбі), *Гвоздзіна* (мянушка мужа Гвоздзь), *Краліна* (мянушка мужа Краль).

Суфікс *-іх-(а)* настолькі актыўны пры называнні жанчын, што можа ўтвараць мянушкі нават ад прозвішчаў саміх жанчын: *Апеціха* (дзяўчына з прозвішчам Апет), *Спірыдоніха* (дзяўчына з прозвішчам Спірыдонава), *Фраліха* (Фралова), *Ляўчыха* (Ляўчук), *Новічыха* (Новікава), *Курашыха* (Кураш).

Заключэнне. Такім чынам, адантрапанімныя мянушкі ўтвараюцца ад прозвішчаў, уласных асабовых імён, неафіцыйных найменняў не толькі саміх носьбітаў, але і іх сваякоў. Характарыстычная і ацэначная функцыі ў такіх назвах выражаны ў значна меншай ступені, чым у мянушках, што апісваюць фізічныя, псіхічныя, маўленчыя і іншыя асаблівасці чалавека. Паводле структуры адантрапанімныя мянушкі, як правіла, простыя, складаюцца з аднаго слова. У складзе такіх адзінак фіксуюцца разнастайныя суфіксы — *-іх-, -ов-, -к-, -ок-, -ін-, -ян-, -оўн-, -ішк-, -ух-* і інш. Састаўныя мянушкі тыпу *Сямён Сямёныч* (бо Сямёнава) ці *Вася У Квадраце* (бо Васіль Васільевіч) сустракаюцца рэдка.

Т.И. Синкевич (Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)

ТОПОНИМНОЕ ПРОСТРАНСТВО СЕЛЬСКОГО СОВЕТА КРИНКИ ЛЁЗНЕНСКОГО РАЙОНА ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

До сих пор одной из актуальных проблем современного языкознания является проблема изучения географических названий. Белорусская ономастика и топонимика, как часть ономастики, переживают в настоящее время период заметного оживления. В контексте возрождения белорусского языкового и культурного наследия изучение собственных имен представляется особенно важным не только для лингвистики, но и для более глубокого познания материальной и духовной культуры белорусского народа. Топонимы как одна из единиц собственных имен могут дать исследователю такую информацию, какую он не в состоянии получить ни от любого другого явления языка.

В нашей статье мы рассматриваем особенности номинации и функционирования отдельных разрядов онимов д. Кринки Лёзненского района Витебской области. В наименованиях, которые сохранились, на наш взгляд, отражается информация о жизни, быте предков, их миропонимание, раскрываются основы миросозерцания, особенности

культуры. Класс этих именований непостоянен: уходят одни названия, им на смену приходят другие, ибо фантазия человека безгранична, безграничны его возможности.

Источником фактического материала стали названия географических объектов, записанные нами во время проведения диалектологической практики.

Цель работы – выявить особенности номинации и функционирования отдельных разрядов топонимов на ограниченной рамками одного района (с современной точки зрения) территории.

На полпути между Витебском и Лёзно находится станция Кринки и деревня с одноименным названием. Само название Кринки можно объяснять по-разному, и все версии имеют право на существование.

Во-первых, кринками на севере Беларуси называли криницы-родники с чистой ключевой водой, а их здесь очень много. Существует даже местная легенда, которую нам поведали старожилы. Звучит она так: «Однажды пастухи на пригорке нашли криницу, привели ее в порядок, стали брать там воду. Вода творила чудеса, с ее помощью лечили и людей и животных. Узнал об этом поп, позвал крестьян, чтобы возвести над криницей каплицу. Красиво получилось, но поп повесил на дверцу замок и сказал: «Теперь воду будете брать только за деньги». Утром следующего дня эта криница перестала бить из-под земли, но в других местах одновременно из-под земли забили ключи – криницы по-местному». Такова легенда. Большинство названий озер, связанных с легендами и поверьями, возникло на основе метафорического переноса, ибо метафоризация тесно связана с мифологическим типом мышления, отличающимся целостностью и универсальностью. Давая названия, человек стремился познать суть окружающего мира, дать ему оценку, «пропустить» его через себя и обрести в нем свое место.

Во-вторых, если посмотреть список названий деревень Кринковского сельсовета, то среди прочих названий можно отметить те, что издавна связаны с ремеслами, промыслами, собственно, и отраженными в самих названиях деревень. Например, д. Бондарево, где еще в XIX – начале XX в. жили и работали бондари, прославившиеся на всю округу. Еще в XIX в. была д. Винокорно, где располагался винокуренный завод. А еще из залежей местной глины (некогда эта земля была богата залежами глины) гончары делали кринки-горлачики для молока, а отсюда и название деревни, то есть в основу наименования легла лексема «кринка, крынка» – «кувшин для молока». Лексема с таким значением зафиксирована на территории Беларуси и Польши (ср. блр. «крынка, кринка» (диал.) – «кувшин для молока, сосуд, квашня»; польск. «krzynów, skrzynów» – «деревянный, глиняный сосуд», «квашня, миска»). Таким образом, мы можем говорить о метафоризации названия. В-третьих, существует и еще одна версия интерпретации названия, и связана она с диалектной основой «крын,- крин-», имеющей значение «лилия», «водяное растение», именно так в данной местности называют лилии-кувшинки, растущие в водоемах. Возможно, что в основе названия деревни и диалектное слово «крыничина» в значении «трясина», что вполне правдоподобно, так как в окрестных лесах много болот и топей, даже ягоды собирать опасно. Любая из версий имеет право на существование, но перед нами топоним, а мы знаем, что названия географических объектов, как правило, мотивированы признаком наиболее ярким, выделяющим этот объект среди ему подобных. В нашем случае, возможно, в основе номинации – признак наличия огромного количества криниц на территории, где сейчас расположена д. Кринки (ср. блр. «крыніца» – «родник», др.-польск. «krynica» – «родник, колодец»), а само название встречается не только на Витебщине, но и в других регионах Беларуси, а также на территории России, Украины, Польши.

В конце XX в. в состав Кринковского сельсовета входило 56 деревень, многие из них (38) не существуют сегодня, они сохранились пока только в названиях, интересных

не только как наименования георафических объектов, в которых отражаются эпохи, но и как память о наших предках.

Рассмотрим некоторые из них. Интерес могут представлять названия, которые характеризуют поселение как объект, например, Слобода, Городище, Погост. Погост – пункт остановки, сбора дани, гостинцев. Тут велась торговля, съезжались купцы – гостьба. Одно время погостами назывались крупные поселения, а после принятия христианства погосты стали центрами сельских общин с церковью и кладбищем. С XVI в. лексема «погост» сохранилась в топонимах в значении «сельское кладбище». В основе названия и деревни и озера выделяем лексему «баба» (д. Бабча и озеро Бабча, первично название озера как более древнего географического объекта), в местных диалектах лексема имеет значение «поганский, языческий идол», здесь было языческое капище, что подтверждается археологическими раскопками на берегу озера Бабча, другое значение лексемы «баба» – «старое русло реки». В «Опыте описания Могилевской губернии» 1864 года записано, что « … местечко Бабча лежит при Зеленском озере на упраздненном Санкт-Петербургском тракте, окружено хвойным лесом и Веретейским болотом [1]. В Зеленское озеро, что расположено рядом с озером Бабча, впадает три реки. В древности это могли быть старые русла рек, следовательно, значение названия озера Бабча можно вывести из значения лексемы «старое устье реки» (возможно, что и это озеро когда-то было проточным). По словам местной жительницы Еленцовой О.А., «баба» – это ком глины, подготовленный как сырье для изготовления гончарных изделий, таким образом, название мотивировано лексемой с диалектным значением, указывает на род деятельности человека. Среди жителей деревни существует мнение, что Зеленское озеро или озеро Зеленое названо так из-за зеленого цвета воды, хотя можно интерпретировать название озера и по названию рыбы – «зеленушка», которую ловили здесь местные рыбаки в огромном количестве. Есть еще один вариант трактовки названия, он связан с растением «зелянник», которое использовали как лекарственное средство, заваривая его в горшке, изготовленном из местной глины. Но самой вероятной версией возникновения названия, на наш взгляд, является та, что будет связана с антропонимным происхождением, о чем свидетельствует наличие суфф. –ск- в основе топонима (возможно, что Зеленские, их род, некогда владели здесь землей, и их фамилия послужила основой названия и озера и деревни (к сожалению, деревня с таким названием не сохранилась).

Интерес представляет и название д.Велешковичи. На карте Витебского повета XVI в. – это центр одноименной волости, центр имения князей Огинских, сегодня – центральная усадьба сельсовета. Находилась она на оживленном коммерческом Яновичском тракте, который связывал Витебск и Смоленск. Имение Велешковичи называли еще и Варшава, потому что в околице был фольварок с таким названием. В географическом сборнике документов из книг «Виленского архива» [2] встречаем запись 1716 года: Варшава или Вилишковичи. В начале XVIII в. Мартиан Огинский задумал создать здесь город с названием Русская Варшава. Известный этнограф Н.Я. Никифоровский, живший в этих местах, в своих исследованиях пишет название Вилишковичи. Этимологию названия связывают с именем Велимир, Веля, а также с именем бога Велеса, который был покровителем домашнего скота. Недалеко от имения было пастбище, а дальше лес, который называется Асташевским по имени охотника Асташки (разговорная форма имени Ефстафий), которого во время охоты разорвала медведица.

Многие названия претерпели изменения, например, д. Вшивка – Новь – Владиславово – Станиславово; многие имеют параллельные наименования, например, Большая Выдрея (Занковичи) – Выдрея (Заречье), Слободище (Капустино), Рублево (Рублево-Ковенское). Причин переименования или наличия параллельных названий несколько, во-первых, неблагозвучное название, во-вторых, название уже утратило связь с этимоном и стало неактуальным, в-третьих, появились другие факторы, которые наиболее полно раскрывают содержание наименования, по- другому мотивируя его.

Повышенный интерес к онимам определяется их особым положением в языке. С одной стороны, они, несомненно, являются частью лексической системы, функционируют в ее рамках, развиваются по ее законам; с другой стороны, помимо лексического компонента, имена собственные в свое понятийное содержание более четко и объемно включают также историческую, культурологическую, этнографическую информацию и очень чутко реагируют на любые изменения, происходящие в обществе.

Литература

1. Опыт описания Могилевской губернии». – Могилев,1864.
2. Сборник документов Виленского архива. Т.1.– Вильно, 1921.
3. Этимологический словарь славянских языков. Вып.2. – М., 1986. – С.145.
4. Историко-этимологический словарь русского языка. – М.,1992. – 597с.

Т.В. Скребнева (Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)

СОВРЕМЕННЫЙ АНТРОПОНИМИКОН Г. ПОЛОЦКА: ЯДЕРНАЯ ЧАСТЬ

Полоцк – один из древнейших городов Восточной Европы, колыбель белорусской государственности и культуры. Богатое историческое прошлое города исследовано и продолжает исследоваться в самых разных аспектах, но при этом антропонимный фонд Полоцка, неотъемлемый компонент историко-культурного наследия, не находит должного внимания со стороны краеведов.

Большую работу по изучению системы личных имен полочан в XX в. проделала А.М. Мезенко, выявившая частотность употребления женских и мужских именований, особенности динамики гендерных составляющих регионального именослова, степень влияния национальности родителей на процесс номинации [1]. Настоящее исследование носит преемственный характер и имеет своей целью установление количественно-качественной специфики именника полочан в 1-м десятилетии XXI в. с акцентом на активных процессах в ядерной его части. В качестве материала нами использовались списки новорожденных г. Полоцка за 2001–2010 гг., предоставленные работниками Главного управления юстиции Витебского облисполкома.

Как удалось установить, в 1-м десятилетии XXI в. в г. Полоцке зарегистрировано **147** мужских и **208** женских имен (общее количество имяносителей мужского пола в списках – **3331**, женского пола – **3862** человека). Максимум мужских именований приходится на 2010 г. (**79** единиц), минимум – на 2005 г. (**43**); максимальное количество женских имен отмечено в 2009 г. (**82**), минимальное – в 2003 г. (**60**). Таким образом, сохраняется характерное для женского антропонимикона 2-й половины XX в. количественное преобладание и повышенное качественное разнообразие по сравнению с антропонимиконом мужским.

В первую десятку самых популярных мужских именований полочан на срезе 2001–2010 гг. входят следующие антропонимные единицы: *Никита* (**203** имяносителя), *Владислав* (**195**), *Максим* (**177**), *Артем* (**174**), *Александр* (**163**), *Даниил* (**157**), *Кирилл* (**137**), *Илья* (**126**), *Иван* (**124**), *Дмитрий* (**122**). В совокупности они обслуживают **47,37%** новорожденных мальчиков. Совпадение с первой десяткой лидирующих мужских именований г. Витебска (данные за 2010 г.) по **8** единицам (*Никита, Владислав, Максим, Артем, Александр, Даниил, Кирилл, Иван*) свидетельствует об общности номинативных процессов в северо-восточном регионе Беларуси. Местные антропонимные предпочтения полочан проявляются в большей употребительности по сравнению с Витебском именований *Илья, Дмитрий*. Отдельно хочется обратить внимание на традиционно высокопопулярное имя *Александр,* которое в начале XXI в. в Полоцке занимает **5-**

ю ранговую позицию, а в Витебске впервые, если вести отсчет от 40-х гг. XX в., выходит за пределы первой пятерки антропонимных лидеров.

К ядру женской подсистемы именника жителей г. Полоцка относятся антропонимы *Анастасия* (**307** носителей), *Дарья* (**296**), *Виктория* (**197**), *Мария* (**192**), *Полина* (**187**), *Елизавета* (**186**), *Анна* (**173**), *Александра* (**157**), *Екатерина* (**156**), *Валерия* (**135**), охватывающие **50,73%** новорожденных. Совпадение с данными по г. Витебску составило **8** единиц (в десятку наиболее частотных именований жителей областного центра не вошли имена *Екатерина* и *Валерия*). Существенное различие ранговых позиций в сопоставляемых антропонимиконах демонстрируют имена *Полина* (Витебск – **1-й** ранг, Полоцк – **5-й**) и *Виктория* (Витебск – **10-й** ранг, Полоцк – **3-й**).

Фонд популярных именований полочан в 1-м десятилетии XXI в. обновляется, значительно сокращается употребительность широко распространенных в 80-е гг. XX в. имен *Татьяна, Наталья, Ольга, Елена, Светлана, Юлия, Ирина, Алеся, Евгений, Владимир, Игорь, Денис, Андрей* и др.

Средний коэффициент одноименности (СКО) за десятилетие с 2001 по 2010 гг. составил **22** единицы в мужской подсистеме антропонимикона, **18** – в женской. Соотнесение с показателями за 1991–2000 гг. (СКО муж. = **27**, СКО жен. = **22**) позволяет говорить об ослаблении концентрации регионального именослова.

Основу современного именника полочан формируют имена прерывистого и разового употребления, удельный вес «сквозных» единиц по сравнению с 1976—1980 гг. сокращается приблизительно в **2,5** раза. С 1976 по 1980 гг. устойчивые женские имена в Полоцке составляли около **34%** всего пятилетнего ассортимента, а мужские – **43%** (данные А.М. Мезенко), тогда как в 2001—2010 гг. на их долю приходится соответственно **13%** и **17%** антропонимного репертуара. К устойчивым в анализируемом периоде относятся следующие антропонимы: *Александра, Алина, Анастасия, Ангелина, Анна, Арина, Валерия, Вероника, Виктория, Дарья, Диана, Евгения, Екатерина, Елена, Елизавета, Ирина, Карина, Кристина, Ксения, Маргарита, Мария, Надежда, Ольга, Полина, Софья, Татьяна, Ульяна, Яна* (**28** единиц); *Александр, Алексей, Андрей, Антон, Артем, Артур, Вадим, Владислав, Даниил, Денис, Дмитрий, Евгений, Захар, Иван, Илья, Кирилл, Константин, Максим, Матвей, Михаил, Никита, Николай, Павел, Роман, Станислав* (**25** единиц).

Таким образом, современный именник жителей г. Полоцка – это стройная система, отличающаяся преемственностью в своем развитии. Складываясь в русле общих для северо-восточного региона номинативных тенденций, она сохраняет локальное своеобразие. В качестве основных процессов в ядерной части современного антропонимикона г. Полоцка можно выделить значительное обновление группы популярных именований, сокращение удельного веса устойчивых имен.

Литература

1. Мезенка, Г.М. Віцебшчына ва ўласных імёнах: мінулае і сучаснасць : манаграфія / Г.М. Мезенка, В.М. Ляшкевіч, Г.К. Семянькова. – Віцебск : Выд-ва УА «ВДУ імя П.М. Машэрава», 2006. – 238 с.

Т.П. Слесарева (Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)

КОРРЕЛЯТИВНАЯ СВЯЗЬ СЕМАНТИКИ ИМЕН ПЕРСОНАЖЕЙ ПО ДАННЫМ ИХ СОЧЕТАЕМОСТИ С ГЛАГОЛАМИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

В качестве названия героя имя собственное становится тематическим, ключевым, доминантным словом художественного текста и реализует всевозможные качества носителей имени через сочетание с другими словами, в частности с глаголами в предикативных конструкциях.

На основании совпадающих семантических признаков разные глаголы группируются в определенные тематические группы. Вслед за Л.М. Васильевым мы выделяем 10 лексико-семантических групп глаголов, которые наиболее ярко характеризуют персонажей любого произведения: глаголы состояния, глаголы мысли, глаголы речи, глаголы чувств, глаголы движения, глаголы разрушения, глаголы созидания, глаголы изменения состояния, глаголы контактирования и глаголы, обозначающие биологические процессы [1].

Данные тематические группы глаголов распределяются при сочетании с собственными именами лиц в зависимости от семантических особенностей последних, что может служить эмпирической опорой для интерпретации соответствующих характеристик персонажей.

Анализ лексической сочетаемости имен персонажей позволяет провести количественные измерения, указывающие степень связи между теми сопоставляемыми значениями имен, которые проявляются через глагольные сочетания. Для этого лексико-семантические группы глаголов необходимо распределить по рангам (местам в списках сравниваемых групп), а затем подсчитать коэффициент ранговой корреляции между глаголами попарно сопоставляемых двух героев по формуле: P=1-(6Edd – nnn – n), где p – коэффициент ранговой корреляции (мера связи двух сравниваемых имен героев), d – разность между рангами, n – количество сопоставляемых пар [2].

Эмпирические факты в виде предикативных сочетаний имен персонажей (литературных антропонимов) с глаголами нами взяты путем сплошной выборки из классических произведений на белорусском и польском языках: У.Караткевіч «Каласы пад сярпом тваім» [3], H.Sienkiewic «Krzyzacy» [4].

Из текста романа «Каласы пад сярпом тваім» извлечено 7964 глаголоупотребления: 4534 глагола относится к *Алесю Загорскому*, 982 – к *Даниле Загорскому*, 979 – к *Майке Раубич*, 583 – к *Юрию Загорскому,* 522 – *к Кастусю Калиновскому и* 364 – *к Ярошу Раубичу,* а из романа Г.Сенкевича «Крестоносцы» - 11244 словоупотребления, из которых 4801 глагол зафиксирован в сочетании с именем *Збышко,* 2806 – с именем *Мацько,* 1203 – с именем *Ягенка*, 629 – с именем *Дануся*, 1511 – с именем *Юранд* и 294 – с именем *Лихтенштейн.*

В романе В. Короткевича самая тесная связь (p=0,95) нами отмечена между *Алесем Загорским* и *Майкой Раубич.* Это не случайно: молодые люди относятся к одному поколению, у них общие интересы, наконец, к ним приходит большая любовь со всеми ее тревогами и страданиями и приносит обоим душевные переживания и сомнения.

Поэтому не удивительно, что в сочетании с именем *Майка Раубич* глаголы чувств занимают первое место (204 словоупотребления), глаголы речи - второе (144 глаголоупотребления), а в сочетании с именем *Алесъ Загорский* наоборот, хотя разрыв в цифрах минимальный (на первом месте стоят глаголы речи (733 глаголоупотребления или 16%), а на втором - глаголы чувств (725 словоупотреблений или 15,9%).

На одинаковых позициях в сочетании с именами этих героев находятся ЛСГ глаголов мысли (третье место), глаголов контактирования (седьмое место), глаголов существования (восьмое место), глаголов созидания (девятое место) и глаголов разрушения (десятое место).

Так, в сочетании с именем *Алесъ Загорский* зафиксировано 610 глаголов мысли (что составляет 13,4%), а в сочетании с именем *Майка Раубич* - 125 глаголов (или 12,7%), причем глаголы разнообразны: у *Алеся* данную ЛСГ составляют 75 разных глаголов, а у *Майки* - 30. Однако самые распространенные и у *Алеся,* и у *Майки - ведаць* (на долю этого глагола у *Загорского* приходится 18,6% а у *Майки Раубич* 19,2%), *думаць* (11,6% и 7,2% соответственно), *разумець* (6,5% и 5,6%), *чытаць* (2,7% и 4% соответственно).

На долю глаголов контактирования у *Алеся Загорского* приходится 7,4% а у *Майки Раубич* - 7,1%. В сочетании с именем *Алесъ* встретилось 108 разных глаголов данной

ЛСГ, т.е. повторяется каждый третий глагол, а в сочетании с именем *Майка* встретилось 40 разных глаголов, т.е. повторяется почти каждый второй глагол.

А вот между прогрессивно настроенным дворянином *Юрием Загорским* и революционером-демократом *Кастусем Калиновским* отмечена слабая связь (p=0,63).

Одинаковую позицию в сочетании с именами этих героев занимают глаголы речи (первое место: 30% на их долю приходится у *Юрия* и 23,7% у *Кастуся),* глаголы чувств (второе место: 15,2% у *Загорского* и 15,5% у *Калиновского),* глаголы созидания (девятое место: 2,7% и 6,2% соответственно) и глаголы разрушения (десятое место: 1,5% и 1,1%).

Всего одной позицией разделены глаголы, обозначающие биологические процессы: в сочетании с именем *Юрий Загорский* они занимают шестое место (на их долю приходится 7%), а в сочетании с именем *Кастусь Калиновский* - пятое (9,1%).

На четвертом месте у *Юрия Загорского* (59 глаголоупотреблений или 10%) и на шестом месте у *Кастуся Калиновского* (46 глаголоупотреблений или 8,8%) стоят глаголы контактирования, т.е. разница в две позиции.

Разница в три позиции наблюдается между рангами, занимаемыми глаголами движения: в сочетании с именем *Юрий Загорский* эти глаголы находятся на пятом месте (54 словоупотребления или 9,2%), а с именем *Кастусъ Калиновский* - на восьмом (33 словоупотребления или 6,3%).

В романе Г. Сенкевича самая тесная связь отмечена между *Збышко* и его дядей *Мацько* (p=0,91). Их связывают не только родственные отношения. Збышко постоянно ездит с дядей по свету в поисках военной добычи, благодаря Мацько он на наших глазах превращается из худородного шляхтича в могущественного феодала, обзаведшегося замком не только в Богданце, но и получившего Спыхов вместе с Ягенкой. Да и на долю Мацько выпало завершить конфликт, начатый Збышко.

Правда, духовный мир Збышко не богат, и не только по вине его возраста: в сравнении с дядей он кажется лишь упрямым молодцем. Но глаголы чувств занимают у обоих второе место: 14,8% на их долю приходится у *Збышко,* а у *Мацъко* - 13%.

Одинаковое место занимают глаголы речи, хотя в сочетании с именем *Збышко* на их долю приходится 19,3%, а в сочетании с именем *Мацъко* - 27%.

Образ молодого рыцаря создан описанием его приключений, по отношению к которым его душевное состояние выполняет лишь подчиненную функцию стимулов.

Юности больше свойственно раскрываться в поступках, чем в сосредоточенных переживаниях. Поэтому Збышко всегда хочется проявить себя, сразиться с кем угодно и за что угодно.

Не случайно в сочетании с именами этих героев с разницей в одну позицию разместились ЛСГ глаголов контактирования: третье место у *Збышко* (583 глаголоупотребления или 12%) и четвертое место у *Мацъко* (287 глаголоупотреблений или 10,2%).

Самая большая разница (в три позиции) наблюдается между рангами, занимаемыми ЛСГ глаголов мысли. Хищный и жадный шляхтич, Мацько отличается умом и хитростью, которой он может помериться с любым крестоносцем. Не случайно глаголы мысли в сочетании с именем *Мацько* занимают третье место (среди общего количества глаголов, сочетающихся с именем этого героя, 11% составляют глаголы данной ЛСГ), а в сочетании с именем *Збышко* - шестое место (их доля - 9,4%).

Несмотря на то, что *Збышко* избирает *Данусю* дамой своего сердца и дает ей обет сорвать с немецких голов несколько «павлиньих чупрунов», между ними отмечена достаточно слабая связь (p= 0,51). Одинаковую (последнюю) позицию в сочетании с их именами занимает только малочастотная ЛСГ глаголов созидания, на долю которых приходится 2,5% у *Збышко* и 1,5% у *Дануси.*

Разница в одну позицию отмечена между рангами, занимаемыми глаголами речи (первое место у *Збышко:* 927 словоупотреблений или 19,3%, второе место у *Дануси:* толь-

ко 86 словоупотреблений); глаголами чувств, которые в сочетании с именем *Збышко* занимают второе место (714 глаголоупотреблений или 14,8%), а в сочетании с именем *Дануся* - третье место (85 глаголоупотреблений, т.е. в 8,4 раза меньше или 13,5%); глаголами движения (508 словоупотреблений разместились у *Збышко* на четвертой позиции, а 83 глаголоупотребления у *Дануси* - на пятой); глаголами изменения состояния (пятое место у *Збышко:* 9,7% и четвертое *у Дануси:* 13,3%); глаголами, обозначающими биологические процессы (11,4% на их долю приходится у *Дануси* (шестое место) и 8,8% - у *Збышко* (седьмое место)), и глаголами разрушения (в сочетании с именем *Дануся* они занимают восьмое место (4,4%), а в сочетании с именем *Збышко* - девятое (3,5%)).

На шестом месте у *Збышко* (454 глаголоупотребления или 9,4%) и на девятом месте *у Дануси* (только 21 глаголоупотребление (в 21,6 раза меньше, чем у *Збышко)* или 3,3%) находятся глаголы мысли, т.е. разница в три позиции; на третьем месте у *Збышко* (583 словоупотребления или 12%) и на седьмом месте у *Дануси* (56 словоупотреблений или 8,9%) стоят глаголы контактирования, т.е. разница в четыре позиции.

Самая существенная разница отмечена между рангами, занимаемыми глаголами существования: у *Дануси* они занимают первое место (16,5%), а у *Збышко* - восьмое (8,9%), т.е. разница в 7 позиций.

В целом, каждый герой романов представляет собой мир индивида, в котором скрещиваются многие влияния среды и эпохи.

Таким образом, учет лексической сочетаемости имени в текстах дает возможность не только описывать его семантические свойства, но и характеризовать конкретными языковыми данными качества носителей этих имен, или героев художественных произведений. Кроме того, учет лексической сочетаемости имен персонажей позволяет провести количественные измерения, указывающие на степень связи между теми сопоставляемыми значениями имен, которые проявляются через глагольные сочетания.

Литература

1. Васильев, Л.М. Семантика русского глагола: Глаголы речи, звучания и поведения: Учебн.пособие / Л.М. Васильев. - Уфа: Башк. ун-т, 1981. – 71с.
2. Плотников, Б.А. Дистрибутивно-статистический анализ лексических значений / Б.А. Плотников. - Минск, 1979.
3. Караткевіч, У. Каласы пад сярпом тваім / У. Караткевіч. – Мінск: Юнацтва, 1981. – 781 с.
4. Sienkiewic, H. Krzyzacy. Powiesc historyczna / H. Sienkiewic. – Warszawa: Pan’stw. In-t wyd., 1962.- 1034 s.

А.Н. Соловьев (Смоленская государственная сельскохозяйственная академия)

ОТРАЖЕНИЕ ВРЕМЕНИ В УРБАНОНИМИИ СМОЛЕНСКОЙ И ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТЕЙ

Урбанонимы как имена внутригородских объектов, в первую очередь, ассоциируются в сознании носителей языка с определенной локализацией в рамках городского топоса. Для любого человека, знакомого с картой города, названия улиц, площадей, парков, остановок трамвая и т.д. неразрывно связаны с конкретными местами в этом городе. Эта пространственная составляющая является для урбанонима первичной, но не единственной. Помимо нее в структуру урбанонимических значений входят антропологическая и временная составляющие.

Антропологическая составляющая проявляется в урбанонимии в функционировании мемориальных генитивных структур. С другой стороны, сам процесс номинации любого участка пространства знаменует освоение данной территории человеком, отражает значимость данных объектов или их характеристик, их восприятие носителями языка, представителями этноса, гендерной или социальной

группы. Таким образом, вся система собственных имен насквозь антропоцентрична, и урбанонимия не является исключением.

В данной статье мы обратимся к изучению третьей составляющей и проследим, как время отражается в современной урбанонимии Смоленской и Витебской областей. Источником наблюдений по Смоленской области явилась составленная автором картотека внутригородских названий на основании данных информантов из соответствующих населенных пунктов. По Витебской области использованы материалы первого тома монографии А.М. Мезенко «Віцебшчына ў назвах вуліц» [1], соответственно, все белорусские примеры приводятся по данному изданию.

Чаще всего именно под отражением времени в урбанонимии понимается использование для номинации объектов основ, прямо указывающих на время. Данный пласт урбанонимов не многочислен по отношению к антропологическим или пространственным названиям, но отражает значимость тех или иных промежутков времени или дат для носителей языка.

Из урбанонимов, образованных от названий промежутков времени, в изучаемых регионах присутствуют онимы, семантически восходящие к названиям времен года и месяцев. Урбанонимы от времен года, как правило, являются молодыми. *Весенняя, Летняя и Осенняя улицы* (и два *Осенних проезда*) появились в Смоленске в 2000-е годы. В других населенных пунктах Смоленской области подобные названия отсутствуют. В Витебской области их география шире. Помимо *Осенних улиц* в Витебске и Толочине (последняя появилась в 1992 году) отметим *Весенние улицы* в Браславе, Новополоцке и Подсвилье, *Летняя улица и Летний переулок* в Браславе. Зима в качестве основы для номинации не фигурирует. Из названий месяцев для номинации внутригородских названий используются февраль, апрель, май и октябрь. *Февральские улица, переулок и тупик* отмечены в Орше, *Апрельская (*а также *1-я и 2-я Апрельские)* улицы - в Смоленске, *Майские улицы* (Смоленск, Витебск, Орша, Богушевск). Причин появления подобных наименований может быть несколько. Возможно, некоторые из этих улиц посвящены отдельным праздникам (1 мая, 12 апреля), возможно, имеет место фиксация времени постройки улицы. Иногда название месяца имеет символическое значение: апрель и май как весенние месяцы пробуждения природы, зарождения новой жизни.

Особняком стоят многочисленные *Октябрьские улицы и переулки* (33 названия в Смоленской области, 54 названия – в Витебской). Они есть практически во всех городах и городских поселках изучаемых территорий и, по-видимому, России и Белоруссии в целом. Семантически это символические названия в честь Октябрьской Революции. Слово «октябрь» активно использовалось как ее синоним: «верны делу Октября», «завоевания Октября» и др. Таким образом, в сознании советского человека данные названия сближались с другими идеологическими онимами (*улицы Коммунистическая, Революционная, Ленина, Дзержинского* и др.) как символическими, так и мемориальными. В постсоветском пространстве судьба подобных наименований различна. Они либо исчезают с карт городов, либо сохраняют свое историко-мемориальное значение, либо переосмысливаются. В современной Беларуси 7 ноября является государственным праздником, в России – нет, в результате в сознании молодых россиян оним *Октябрьская* сближается с названиями *Майская, Апрельская, Февральская*.

Отметим ряд других ситуаций отражения промежутков времени как реализованных в урбанонимии региона, так и потенциально возможных. Крайне редки названия, связанные с промежутками времени в течение суток (утро, день, вечер, ночь). Мы зафиксировали лишь один оним в Велиже (*переулок Красных Зорь*), который с известной долей осторожности можно отнести к данному типу. В смоленской и витебской урбанонимии не реализуется модель образования внутригородских названий от наименований дней недели. Зато присутствует урбаноним, восходящий к

бесконечному промежутку времени (*улица Будущего* в Вязьме). При этом онимы, образованные от прошлого или настоящего, отсутствуют.

В сознании носителей языка время повседневности членится на промежутки, пограничными точками между этими промежутками являются праздники, отделяющие один промежуток повседневности от другого. В недельном цикле эту функцию выполняют воскресенье, суббота или пятница в зависимости от религиозной принадлежности субъекта. Годовой цикл времени имеет целых три пласта: народно-хозяйственный, религиозный и государственный. Праздники нередко могут принадлежать сразу к нескольким пластам, например, Рождество в современной России одновременно и религиозный, и государственный праздник.

В современной урбанонимии эти пласты представлены неравномерно. Народные праздники как основа для номинации внутригородских названий на территории Смоленской области не встречаются, для Витебской области (и, вероятно, всей Белоруссии в целом) данная модель более актуальна (*Купальская улица* в Глубоком и др.).

Религиозные праздники являются одной из активных основ образования христианских экклезионимов, например, Вознесенская церковь в честь праздника Вознесения Господня. В свою очередь экклезионимы становятся основой при образовании годонимов и агоронимов (*Вознесенская улица*). Подобные процессы являлись обычными в урбанонимии изучаемых регионов XVII -XIX веков. Таким образом, урбаноним выполнял как пространственную, так и идеологическую функции, а в сознании носителя языка во внутригородском пространстве опосредованно присутствовало время. После 1917 года подобные онимы были постепенно переименованы как идеологически чуждые, хотя еще в 1923 году в Полоцке существовали *Спасская слобода, Вознесенская улица* и др. [1, 306-307]. Модель актуализировалась в постсоветскую эпоху в связи со сменой идеологических парадигм. Однако при этом не происходит возвращения прежних дореволюционных наименований. По данной модели получают названия новые внутригородские объекты: *Троицкие набережная* и *улица* (Новополоцк), *Рождественские улицы* (Смоленск, Духовщина), *Спасская улица* (Красный).

Государственные праздники отражены в урбанонимии неоднородно. Из всей совокупности старых и новых праздников России и Белоруссии (а также СССР) по частотности лидируют названия, связанные с 1 мая, 9 мая и 8 марта. В Смоленской области насчитывается 24 *Первомайских улицы,* 10 *Первомайских переулков, Первомайский ручей* (Ярцево) и 4 улицы 1 мая. Ярцевское название уникально, так как объединяет в себе сферы природы и идеологии. Оно образовано от микротопонима, тогда как в данной сфере идеологическое наполнение названия минимально. 20 урбанонимов посвящены *9 мая*, из них 17 — это *улицы* или *площади Победы*. 17 онимов отражают значимость Международного женского дня *8 марта*. В урбанонимии Витебской области чаще других встречаются названия в честь 1 Мая (42 онима), по 8 названий посвящены 9 Мая и 8 Марта. Не используются для номинации внутригородских названий 1 января, 23 февраля, а также новые праздники России (12 июня, 4 ноября, 12 декабря). В Витебской области есть названия, посвященные новым белорусским праздникам (*улица и переулки 3 Июля* в Глубоком). Ряд онимов отражают значимость советских памятных дат (*улицы 9 Января* в Смоленске и Вязьме, *улица 25 Октября* в Вязьме и Издешкове). Архаично выглядят на современных картах *улица 1 Марта* (Вязьма) в память о покушении народовольцев на императора Александра II и *улица 5 Декабря* (Полоцк), названная в честь сталинской конституции 1936 года. При этом вяземский оним *тупик 1 Марта* в современной ситуации воспринимается с категорией оценочности поступка народовольцев.

Для урбанонимической номинации используются и другие памятные даты, значимые для государства или города. В первую очередь, это события военной истории. *Улицы 10 Марта* (Новодугино), *26 Июня* (Витебск), *11 Июля* (Полоцк), *23 Сентября* (Починок), *25 Сентября* (Смоленск, Ершичи, Монастырщина), *29 Сентября* (Рудня) хранят память об освобождении населенных пунктов от немецких войск в 1943-1944 годах. Для запада Витебской области актуальной и значимой остается дата присоединения к СССР в 1939 году Западной Белоруссии, чему посвящены у*лицы 17 Сентября* (Браслав, Докшицы, Миоры, Поставы, Воропаево, Шарковщина). Улица 1 Августа в Орше посвящена событиям начала Первой мировой войны [1, т.2, 49]. В одном случае урбаноним получил название в честь значимой для города стройки. *Улица 11 Июля* в Орше названа в связи с началом строительства Осиновской электростанции.

Помимо праздников и памятных дат, повторяющихся из года в год, сознание носителя языка выделяет юбилеи – годовщины важных событий, приуроченные к кратным 5 или 10 датам. Значимость подобных юбилеев для общества отразилась в существовании так называемых «юбилейных» урбанонимов. Однако иногда сама дата не называлась, а *улица* или площадь получала название *Юбилейной.* В Витебской области насчитывается 20 таких названий, в Смоленской – 9. В подобной ситуации только время появления названия может прояснить ситуацию, например, *улица Юбилейная* в Новополоцке появилась в 1967 году и посвящена 50-летию Октябрьской революции. В других случаях причины появления урбанонима прозрачны и отражают значимость того или иного юбилея для общества. Большая часть подобных названий появилась в советскую эпоху и отражает советские реалии, например, образование государства или его административных частей (*улицы 50 лет СССР* в Городке, *60 лет образования СССР* в Глинке, *30 лет БССР* в Копыси, *60 лет БССР* в Орше, *70 лет БССР* в Шумилине). В современной урбанонимии данная семантическая модель остается активной, например, *улица 70 лет Витебской области* появилась в Витебске в 2008 году. Ряд урбанонимов посвящен юбилеям самих населенных пунктов: *площадь 1000-летия Витебска, улицы 350-летия Миор, 50 лет Угры.* Ключевыми для Советского государства являлись события 1917 и 1945 годов, поэтому юбилеи этих событий активно фигурируют в урбанонимии: *улицы 12 лет Октября* (Смоленск), *14 лет Октября* (Рудня), *40 лет Октября* (Лиозно, Толочин, Шумилино, Сафоново), *50 лет Октября* (Копысь, Ярцево), *70 лет Октября* (Глинка, Бешенковичи, Городок, Дубровно); 2*0 лет Победы* (Ярцево), *30 лет Победы* (Глубокое, Дубровно, Новодугино, Ярцево), *50 лет Победы* (Новодугино). В юбилейных урбанонимах прошлое объединяется с настоящим (по крайней мере, на момент номинации).

В ряде внутригородских названий время содержится опосредованно на семантическом уровне. Примером могут служить мемориальные урбанонимы, посвященные отдельным событиям: *улицы Восстания, Гражданской войны* (Вязьма), *Третья пятилетка* (Дорогобуж), *18 партсъезда* (Рославль), *Олимпийская (*Новополоцк). В некоторых ситуациях урбаноним, имеющий топонимическое происхождение, в первую очередь отсылает к событию: Полтавская улица (Смоленск), Кронштадтская улица (Вязьма). В этих названиях закрепляется память о Полтавской битве и событиях в Кронштадте в 1921 году.

Помимо приведенных ниже случаев, время может отражаться в урбанонимии, если воспринимать внутригородское название как своеобразный темпоральный знак [2]. В таком случае, независимо от семантики, оним связывается носителем языка с определенной эпохой, служит хронологическим маркером, например, названия *улиц Вознесенская, Кадетская, Дворянская* отсылают к дореволюционному городу Российской империи, *улицы Энгельса, Профинтерновская, Декабристов, Текстильщиков,* несомненно, маркируются как советские. Темпоральность урбанонима

может проявляться и на уровне грамматики. Аббревиатуры во внутригородских названиях (улица КИМ) возникают как следствие активного употребления аббревиатур носителями языка в революционную эпоху.

В заключение отметим, что в урбанонимии фиксируется отношение этноса к пространству, человеку и времени. Общим для русского и белорусского этносов оказывается весьма ограниченное использование наименований промежутков времени для образования внутригородских названий. Несмотря на то, что основной корпус современных урбанонимов Смоленской и Витебской областей сформировался в Советскую эпоху, внутригородские названия данных регионов отличаются этническим своеобразием, в том числе, и в отношении восприятия времени. Для современной смоленской урбанонимии более характерны названия, образованные от религиозных праздников, дат освобождения населенных пунктов во время Великой Отечественной войны, юбилеев, связанных с событиями советской истории. Для витебской отличительными особенностями в отражении времени во внутригородском пространстве является использование в качестве источников номинации народных и новых государственных праздников, юбилеев, и памятных дат, связанных с событиями национальной истории.

Литература

1. Мезенка, Г.М. Віцебшчына ў назвах вуліц: манаграфія: у 2 ч. / Г.М. Мезенка. - Віцебск, 2008. – 363 с. + 254 с.
2. Сизова, Е.А. Урбаноним как темпоральный ономастический символ / Е.А. Сизова // http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2010/VI/uch_2010_VI_00018.pdf

О.В. Шеверинова (Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)

АНТРОПОНИМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ПРОИЗВЕДЕНИЙ В.П. АСТАФЬЕВА КАК ОТРАЖЕНИЕ ГЕНДЕРНОЙ СПЕЦИФИКИ ОБЩЕСТВА

Понятие «гендер», то есть совокупность представлений о том, какие социокультурные особенности характеризуют мужчин и женщин в обществе, вошло в различные отрасли науки во второй половине XX века и повлекло за собой создание гендерной типизированности сознания человека. При этом способы и механизмы выявления этих особенностей, а также формирование и закрепление гендерной этнокультурной специфики в обществе вызвали огромный интерес ученых. Гендер как социокультурный конструкт стал объектом изучения разных дисциплин, в том числе и лингвистики.

Наиболее интересным объектом исследования в этом плане, на наш взгляд, является художественный дискурс, так как гендерный фактор в нем зачастую становится структурообразующей составляющей и непосредственно влияет на создание художественного образа. Анализ номинаций лиц в художественных произведениях дает возможность изучить языковое сознание носителей языка и тем самым получить представление о языковой картине мира, вследствие того, что номинации лиц, призванные отнести человека к биологическому полу, указывают в большей степени на его социальный статус и роль в обществе. Как пишет В.А. Маслова, «рассмотрение пола только как биологического явления объединяет и упрощает это категориальное понятие, ибо маскулинность (мужественность) и феминность (женственность) – это, с одной стороны, филогенетически обусловленные свойства психики, а с другой – социокультурные образования, складывающиеся в онтогенезе … Гендер – это социокультурная категория» [4;131].

Различным аспектам номинации лиц посвящены работы Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, В.В. Виноградова, О. Есперсена, Е.Н. Шмелевой и мн. др., а гендерные исследования в области лингвистики проводились такими учеными, как Е.И. Горошко, Е.А. Здравомысловой, О.Л. Каменской, И.И. Халеевой и др., однако работы, в которых рассматриваются непо-

средственно имена собственные с позиции категории гендера практически отсутствуют, чем и объясняется актуальность проводимого нами исследования.

В данной статье выявляются гендерные особенности антропонимной системы произведений В.П. Астафьева. В ней воплощаются авторские замыслы, характеризуются герои, определяются социосемиотические факторы реальности, вызывающие и обусловливающие возникновение определенной гендерной маркированности анализируемых номинаций. Тематика произведений В.П. Астафьева отражает определенные исторические периоды (довоенное время, война, строительство социализма), быт (русская деревня, таежное поселение, колхоз), культуру носителей языка и наполнена поиском духовной природы и нравственной состоятельности человека. Фактический материал исследования был собран путем сплошной выборки из произведений данного автора. В результате нами проанализировано 949 лексических единиц, употребленных в свыше 12000 миниконтекстах (предложениях). Специфика объекта исследования предполагала использование описательного метода, основанного на наблюдении, обобщении и интерпретации описываемого фактического материала, элементов функционально-стилистического метода и семантического анализа.

Основные особенности в гендерной оппозицией «мужчина – женщина» в антропонимной системе произведений В.П. Астафьева были нами выявлены на морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях языка.

Анализ имен собственных на морфологическом уровне базировался на грамматической категории рода и представленности сложившейся в русском языке трехименной антропонимической системы. Соотнесенность имени с тем или иным родом мы считаем культурнообусловленной, так как, по мнению В.В. Виноградова, «категория рода в индоевропейских языках не является палеонтологическим отложением отживших языковых идеологий» [3;78], т.е. представляет собой языковую репрезентацию действительности и, следовательно, несет богатый информативный потенциал. Антропонимы распределяются в языке между мужским и женским родом, как известно, в зависимости от того, к какому биологическому полу принадлежит именуемый субъект, а также в большинстве случаев выражены грамматически, что дает нам возможность однозначно определить род анализируемого антропонима.

Проведенный нами статистический анализ выявил эксплицитную асимметрию в оппозиции «мужчина – женщина»: антропонимы мужского рода составили 70% исследуемого материала. Были выявлены несколько случаев употребления имен собственных, когда их принадлежность к женскому или мужскому роду возможна лишь по смыслу и в сочетании с различными частями речи: ***Паша:*** *Мадам Пестерева, читающая в институте классическую русскую литературу, приспособила Пашу в домработницы* [1]; ***Зинка:*** *Отец, отец, гляди-ка, Зинка-то пошел!* [2]. Данное явление, на наш взгляд, носит неслучайный характер и мотивировано сложившимися в обществе стереотипами именования: в первом случае женщина в произведении «носит» мужское имя из-за мужского телосложения, волевого характера и т.д.: ***Очень и очень хотела Паша Силакова стать ученой, не спала ночами, тупела от наук и городской культуры, смекнула своим деревенским, многоопытным мужицким умом, как достичь цели …*** [1]; а во втором случае мы сталкиваемся с героем, который именуется «Зиновий», но «среди своих» зовется «Зинка», так как он обладает чертами характера, которые присуще женщине и могут быть объединены одним общим понятием «слабость»: ***Молчком и накрепко влюбился в нее Зинка Птахин, незаметный и, как считала Клара, самый бросовый парень в техникуме*** [2]. Нарушение равновесия в вышеназванной оппозиции проявляется и в количественной представленности сложившейся трехименной антропонимической системы в языке. К героям мужского пола чаще всего обращаются в произведениях В.П. Астафьева по фамилиям, именам, имени и фамилии,

прозвищам (30%-29%-17%-13% соответственно), а к героям женского пола по имени, имени и фамилии, имени и отчеству (42%-13%-12%). Такая асимметричность в частотности употребления антропонимов в структурировании рассматриваемой парной гендерной категории «мужчина – женщина» связана непосредственно с различной значимостью следующих социосемиотических параметров: степень родства, возраст субъекта, временный или постоянный социальный статус, а также тематикой самого произведения, которая отражает реалии и ценности общества.

Интересные в гендерном аспекте данные дает и семантический анализ антропонимов, поскольку отражает явления внеязыковой действительности, которая существует в сознании носителей языка. Так, в произведениях мы встречаем множество реальных имен собственных, так называемых реалионимов: ***Бальзак, Брежнев, Кампанелла, Тургенев, Фридрих Энгельс и т.д.*** Все эти имена принадлежат людям, которые внесли определенный вклад в ту или иную сферу человеческого бытия, и принадлежат к общемировым персоналиям. Однако в персонимосфере, созданной В.П. Астафьевым в анализируемых нами произведениях, мы встретили только одну персоналию женского пола, которая принадлежит к области словесного искусства: ***Ахмадулина***, что может свидетельствовать об отражении явлений и событий историко-культурного процесса временного периода творчества автора, т.е. отсутствие женщин в политике, науке, администрации, искусстве, а также концепта «мужчина – создатель, творец». Таким образом, мы видим неравноценность представленности «контрагентов» в нашей оппозиции.

Еще одной гендерной особенностью антропонимической системы, созданной писателем в его произведениях, с позиций рассматриваемого нами аспекта, является множество номинаций персонажей женского пола на основе ассоциативных связей с мужским: ***Васконяниха /*** муж Васконян, ***Сидориха /*** прозвище мужа Сидор и т.д. По мнению В.Н. Телии, такие ассоциативные связи лежат в основе вторичных номинаций и, на наш взгляд, могут раскрыть их гендерную сущность. В данном случае проявление гендерного фактора мы связываем с различной социальной значимостью составляющих нашей аппозиции, которая сформировала образ «мужчины» как хозяина, главы дома, за кем остается решающее слово, а «женщины» – в первую очередь как матери.

Характеризуя антропонимы на синтаксическом уровне, следует отметить частое употребление с именем собственным различного в семантическом отношении вида приложений, которые могут находиться как в препозиции: ***протопоп Аввакум, бабушка Екатерина Петровна,*** так и в постпозиции относительно его, что придает высказыванию, как правило, разговорный просторечный оттенок: ***Анька-повариха, Герка-горный и т.д***., и используется автором в качестве стилистического приема, а именно сближения происходящих событий в произведениях с реальностью существующего мира. Проявление асимметрии в гендерном плане четко прослеживается в постпозиции приложения в сторону первой позиции «мужчина» и в парадигматической номинации. Именования мужского рода актуализированы в следующих группах: а) номинация по полу – ***Федорушка-мужик***; б) номинация по моральным качествам – ***Санька-злодей***; в) номинация по особенностям внешности – ***Борька Клин-голова***; г) номинация по национальной принадлежности – ***Ефим-хохол***; д) номинация по умственным способностям – ***Иван-болван***, е) номинация по происхождению – ***Генка-горный***; ж) номинация по роду деятельности/профессии – ***Адам-работник***. Имена женского рода представлены в номинациях: а) по роду деятельности/профессии – ***Анька-повариха***; б) по моральным качествам – ***Михрютка-лярва***; и в) по поссесивному признаку – ***Нюра сидоровская***.

Таким образом, представленные данные свидетельствуют о том, что установленная нами гендерная асимметрия персонажей, выражаемая через имена собственные, определена социосемиотической реальностью, которая резко разграничивает феминность и маскулинность. Мужские и женские антропонимы противопоставляются друг

другу как в количественном (преобладание мужского начала), так и в качественном плане (положительная и отрицательная оценка). Из чего следует, что мужчина предстает в культуре более социально активным человеком, который может заниматься любыми видами деятельности и оказывается достаточно свободным в проявлении своих личностных свойств и намерений.

Литература

1. Астафьев, В.П. Собрание сочинений: в 15 т. / В.П. Астафьев. – Красноярск: ПИК «Офсет», 1997. – Т 9: Произведения 1980-х годов. Печальный детектив: роман. Рассказы. – 448 с.
2. Астафьев, В.П. Собрание сочинений: в 15 т. / В.П. Астафьев. – Красноярск: ПИК «Офсет»,1997. – Т. 1 : Рассказы. Тают снега: роман. – 608 с.
3. Виноградов, В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов. – М. - Л., 1972. – 601 с.
4. Маслова, В.А. Внешность женщины в русском языковом сознании: гендерный аспект // Гендерная лингвистика: коллективная монография. – Павлодар, 2013. – С. 130-146

С.А. Янковская (Гродненский государственный университет имени Я. Купалы)

NOMINA LOCI С ЧАСТНЫМ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ ‘*ТАМ, ГДЕ НАХОДИТСЯ (НАХОДИЛОСЬ) ТО, ЧТО НАЗВАНО ПРОИЗВОДЯЩЕЙ ОСНОВОЙ*’ В РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРАХ

Пространство и время – важнейшие концепты культуры, интерпретируемые как «система координат», при помощи которых люди, принадлежащие к различным культурам, воспринимают мир и воссоздают его. В исследовании этих концептов выделяется ряд подходов: философский, математический, физический, культурологический, лингвистический и др.

Большое количество работ, посвященных изучению функционально-семантического поля локативности, приводит к появлению множества аспектов его изучения. Так, например, все типы пространственных значений, выражающихся в языке с помощью лексико-грамматических средств, А.Т. Додуева разбивает на две основные группы: «а) с общим значением направления действия-движения в пространстве и б) с общим значением местоположения предмета или распространения действия-движения в определенной точке пространства» [2, с. 9].

Изучением пространственных отношения занималась и Г.В. Белякова. Среди частных словообразовательных значений локативных субстантивов в современном русском литературном языке она отметила значение *‘там, где находится (находилось) то, что названо производящей основой’* (*амбарище* ‘место, где раньше был амбар’, *булавочник* ‘коробочка или подушечка для хранения булавок’) [1, с. 53-54], которое широко представлено и в языке русских народных говоров.

В диалектном словообразовании наблюдается семантическое расхождение единиц в отношении к современному русскому литературному языку. К примеру, производная единица с семантикой локативности в современном русском литературном языке в русских народных говорах может иметь и другое значение и к числу локативов не относиться. Сравните, например, локатив современного русского литературного языка *больница* ‘Учреждение, в которое помещают больных для лечения’ [6] и тождественную по внешней структуре номинацию *больница* в диалектном словообразовании, внутреннее содержание которой не выражает семантику локативности (*больница* ‘Кольцо, которое продевают сквозь губу медведя для прикрепления цепи’. Нижегор. [5, т. 3, с. 86]).

Эта же особенность характерна и для других единиц русских народных говоров, сравните: локатив СРЛЯ *задачник* ‘Сборник задач’ [4] и идентичную по внешней форме единицу в русских народных говорах *зад**а**чник* ‘О том, что удалось, задалось, хорошо,

успешно получилось’. Влад. [5, т. 10, с. 44]; *кладовая* ‘Помещение для хранения продуктов питания, а также для товаров, сырья, различных материалов и т. п.’ || *перен.; чего* или *какая.* ‘Средоточие каких-л. скрытых богатств, ценностей’ [6] и *кладовая* ‘Посев озимых, работа связанная с посевом озимых’. Костром. [5, т. 13, с. 258]; *молитвенник* ‘Книга, содержащая собрание молитв’ (в 1-ом значении) [6] и *мол**и**твенник* ‘Пирог без начинки; лепешка без приправы’. Краснояр., Свердл. [5, т. 18, с. 218].

Кроме того, возможно и обратное явление, когда производная единица, не являющаяся локативом в современном русском литературном языке, способна представить данное значение в русских народных говорах. Сравните имеющую общее распространение на всей территории России суффиксальную производную единицу *масленица* ‘Языческий многодневный праздник проводов зимы у древних славян и других народов, приуроченный христианской церковью к неделе перед так называемым великим постом и отмечаемый печением блинов и различными увеселениями’ [6]. В диалектах идентичная по внешней форме производная единица относится к числу nomina loci: *1. М**а**сленица* ‘Посуда для масла, маслёнка’. Бурят. Ср.Урал. [5, т. 17, с. 383].

Особенностью диалектного словообразования является отсутствие некоторых производных и непроизводных nomina loci СРЛЯ (в целом ряде случаев вполне объяснимое) в русских народных говорах. Так, например, в современном русском литературном языке хорошо известны такие субстантивы с локативной семантикой, как *багажник* ‘Приспособление у велосипеда, мотоцикла, автомобиля для перевозки мелких вещей, поклажи’ [6]; *галошница* ‘Шкафчик или полочка для галош, уличной обуви’ [4]; *гараж* ‘Помещение для стоянки и ремонта автотранспорта’ [6]; *гардероб* 1. ‘Шкаф для одежды’, 2. ‘Помещение в общественном здании, предназначенное для хранения верхней одежды; раздевальня’ [6]; *душевая* ‘Помещение, где находится душ, души’ [4]; *монетница* ‘Коробка, род кошелька с отделениями для монет различного достоинства’ [6]; *песенник* ‘Сборник песен’ (в 3-ем значении) [6]; *письмовник* 1. ‘Сборник образцов для составления писем разного содержания’, 2. ‘Старинная книга для самообразования по языку и литературе’ [6]; *плевательница* ‘Сосуд, в который сплевывают слюну, мокроту’ [6]; *покойницкая* ‘Здание, помещение для покойников при больнице; морг’ [6]. Совершенно очевидно, что некоторые заимствования и общеупотребительные слова Словарь русских народных говоров может не отражать.

В русских народных говорах некоторые номинации обладают большим словообразовательным потенциалом. Так, если в современном русском языке, по данным Словообразовательного словаря А.Н. Тихонова, от номинаций *гроб, игла, могила* возможно образование только одного локатива: *гроб – гробница* [7, т. 1, с. 256], *игла – игольник* [7, т. 1, с. 381], *могила – могильник* [7, т. 1, с. 616], то в диалектах число производных локативных субстантивов может существенно возрастать. В частности, Словарь русских народных говоров расширяет словообразовательное гнездо номинаций *гроб, игла, могила* за счет новых единиц *гробов**и**ще* и *гробн**я*** [5, т. 7, с. 147]*; иг**о**льня и иголянка* [5, т. 12, с. 64]*; мог**и**льница* и *мог**и**льняг (могильн**я**к* и *мог**и**льняк)* [5, т. 18, с. 191 – 192], являющихся локативами и отсутствующих в современном русском литературном языке:

Сравните также увеличение количества производных nomina loci в русских народных говорах от производящей единицы *пепел*. В современном русском языке отмечены лишь два локатива: *пепельница* и *пепелище*.

Пепельница ‘Тарелочка, какой-л. сосуд для окурков и стряхиваемого при курении пепла’ [6] и *пепелище* 1. ‘Место пожара; пожарище’. 2. *с определением. Устар.* и *высок.* ‘Родной очаг, отчий дом’ [6].

В говорах отмечены следующие производные локативы: *пепел**и**ха, пепел**у**ха, п**е**пельник (пеп**е**льник)*.

*Пепел**и**ха* ‘Мешок для золы; мешочек с золой для получения щелока’. Новг. Прионеж. (в 1-ом значении) [5, т. 25, с. 349];

*1. Пепел**у**ха* 1. ‘То же, что пепелиха’ (в 1-ом знач.). КАССР. 2. ‘Выжженное в лесу место для пашни’. КАССР // ‘Покос в лесу на месте выжженного леса’. КАССР [5, т. 25, с. 349];

*П**е**пельник* и *пеп**е**льник* 1. П**е**пельник. ‘Место на шестке русской печи, куда сгребается зола, загнетка’. Ряз., 2. П**е**пельник. ‘То же, что пепелиха’ (в 1-ом знач.). Олон., 4. Пепельник. ‘Место под колосниками топки, куда падает зола’. Ряз. 5. ‘Торговец золой’. [5, т. 25, с. 349].

Причем производные локативные субстантивы, зафиксированные в диалектах, в толковании лексического значения порой не содержат мотивирующей единицы, например: *гробн**я*** ‘Провал в земле, пещера’. Арх., Даль. [5, т. 7, с. 147]. Производная номинация *гробн**я*** в диалектном словообразовании является локативом как результат семантической деривации: отмечаемое значение, никак не связано с семантикой «месторасположения гроба».

В современном русском литературном языке возможно семантическое наложение производных единиц. Так, например, производные суффиксальные субстантивы *каретник, молитвенник, песенник* в современном русском литературном языке совмещают семантику лица со значением локативности. Сравните:

каретник Устар. 1. ‘Мастер, делающий кареты, экипажи’, 2. ‘Сарай для карет и других экипажей’ [6];

молитвенник 1. ‘Книга, содержащая собрание молитв’, 2. *Устар.* ‘Тот, кто усердно молится богу за себя и за других’ [6];

песенник 1. ‘Исполнитель песен’. || *Разг.* ‘Тот, кто умеет и любит петь’, 2. ‘Автор текста песен или композитор песенной музыки’, 3. ‘Сборник песен’ [6]. Правда, в первых двух случаях одно из значений уже является устаревшим.

В русских народных говорах достаточно частым является «разведение» семы лица и локативной семантики по разным производным номинациям. Так, например, в СРЛЯ производный суффиксальный субстантив *конфетница* принадлежит к числу nomina loci: *конфетница* ‘Посуда для конфет’ [6]. В русских народных говорах же идентичная суффиксальная производная единица *конф**е**тница* служит для выражения семы лица: *конф**е**тница* 1. ‘Женск. к конфетник’. Новг., Пск., Ленингр. (в 1-ом значении) [5, т. 14, с. 272]; *конф**е**тник* ‘Любитель конфет’. Перм. [5, т. 14, с. 272].

По характеру словообразовательных средств можно выделить следующие диалектные nomina loci с частным словообразовательным значением *‘там, где находится (находилось) то, что названо производящей основой’:*

на *-ниц- (-ениц-):* гробн**и**ца, мог**и**льница (во 2-ом значении), м**ы**льница (в 1-ом значении), п**е**пельница и пепельн**и**ца (в 1-ом значении), перечница; м**а**сленица;

на *-ищ- (-овищ-):* пепел**и**ще (в 2, 4, 5 значениях); гробов**и**ще, кладовище;

на *-н’-:* гробн**я**, иг**о**льня;

на *-ник- (-еник-):* иг**о**льник (в 4-ом значении), кар**е**тник, 1. мог**и**льник (в 3-6 значениях), п**е**пельник и пеп**е**льник (в 1, 2, 4 значениях); м**а**сленик и м**а**сленник (в 1-4 значениях);

на *-янк-:* иголянка;

на *-к-:* кладовка (от кладовая);

на *-ов-:* кладово (от клад);

на *-ух-:* кладуха (в 3-ем значении), пепел**у**ха (в 1 и 2 значениях);

на *-их-:* пепел**и**ха (в 1-ом значении);

на *-ец-:* лар**е**ц;

на *-ён-:* масл**ё**на;

на *-ищ-:* мог**и**лище (в 1 и 2 значениях);

на *-няг- (-няк-):* мог**и**льняг и могильн**я**к (в 1 и 2 значениях).

Изучение проблем диалектного словообразования специфично в том отношении, что оно тесно связано с особенностями диалектной системы языка. В современной диалектологической науке определен ряд специфических особенностей, характеризующих системы, которые в той или иной мере свойственны диалектам многих языков.

Система как совокупность взаимосвязанных, взаимопроникающих элементов языка свойственна как языку в целом, так и его диалектам, говорам, которые существуют как части целого на общенародной основе. В то же время диалектные явления, взятые отдельно от общенародной основы, не могут быть особой системой. «Частные диалектные системы» противопоставляются друг другу и литературному языку, но не на общенародной основе [3, с. 5].

Система любого современного говора отличается сложностью. Она состоит не только из частных, т.е. диалектных черт, но и преобладающих общих черт. Благодаря этим чертам в структуре говоров они входят в состав общенародного языка. Частные черты обусловливают специфику различных говоров. Структура каждого говора представляет собой переплетение черт общей системы и частных систем с преобладанием первых [3, с. 5].

Литература

1. Белякова, Г.В. Словообразовательная категория суффиксальных локативных существительных в современном русском языке [Текст]: монография / Г.В. Белякова. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2007. – 170 с.
2. Додуева, А.Т. Категория пространственности и ее репрезентация в карачаево-балкарском языке: автореф. дис. …докт. филолог. наук: 10.02.02 / А.Т. Додуева; Кабардино-Балкарский гос. ун-т им. Х.М.Бербекова. – Нальчик, 2008. – 41 с.
3. Калиев, Г. Диалектное словообразование в казахских говорах: автореф. дис. …докт. филолог. наук: 10.02.06 / Г. Калиев; Казахский педагогический институт им. Абая. – Алма-Ата, 1989. – 44 с.
4. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – 20-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1988. – 748 [2] с.
5. Словарь русских народных говоров: в 41 т. – М. – Л.: Изд-во «Наука», 1965. – Т. 1-41
6. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР ; Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. яз., 1981–1984.
7. Тихонов, А.Н. Словообразовательный словарь: в 2 т. / А.Н. Тихонов. - М.: Русский язык, 1985. - Т. 1. - 856 с.; - Т. 2. – 887 с.

V. ІНАВАЦЫЙНЫЯ ТЭХНАЛОГІІ ЎНАВУЧАННІ СЛАВЯНСКІМ МОВАМ І ЛІТАРАТУРАМ

О.А. Антанькова, Т.В. Радевич
(Белорусская государственная сельскохозяйственная академия)

ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ ТУРКМЕНСКИХ СТУДЕНТОВ В БЕЛАРУСИ И РОЛЬ КУРАТОРА ГРУППЫ В ИХ РЕШЕНИИ

Туркменская студенческая диаспора является одной из самых многочисленных в Беларуси. Многие студенты выбирают для образования именно нашу страну. Белорусское высшее образование привлекает молодых людей из Туркменистана возможностью обучения на русском языке, преемственностью славянских традиций. Но иностранному студенту необходимо привыкнуть к новым климатическим и бытовым условиям, к замене социального окружения, к новой образовательной системе, к новому языку общения, к интернациональному характеру учебных групп и многому другому. Поэтому помочь иностранным студентам адаптироваться к новой образовательной и культурной среде – важная задача вузов. От решения этой задачи, от предоставления иностранным студентам и слушателям реальной возможности участвовать в общественной, культурно-массовой, спортивной жизни вуза, города и республики во многом зависит не только укрепление престижа высшего учебного заведения за рубежом, но и повышение имиджа Республики Беларусь в глазах иностранных граждан.

От того, как долго по времени и с какими затратами происходит процесс адаптации, зависят текущие и предстоящие успехи иностранных студентов, процесс их профессионального становления. Чтобы адаптация проходила эффективно и трудности, возникающие в данный период, были сведены к минимуму, иностранные студенты должны иметь достаточную информацию по вопросам проживания и обучения в Республике Беларусь, условия проживания и обучения должны быть комфортными, а отношения с преподавателями и одногруппниками, студентами факультета и вуза доверительными и доброжелательными.

Одним из важным этапов является предварительное знакомство со страной, когда студент еще не поехал учиться. Процесс освоения абитуриента на месте будущего обучения проходит тем легче, чем обширнее и содержательнее информация, полученная им на предварительном этапе адаптации.

На начальном этапе адаптации (месяц-полтора) туркменские студенты начинают входить в новую языковую, социокультурную и учебную среду, вырабатывают собственный стиль поведения, преодолевают физиологический, психологический, языковой и другие барьеры. Хочется отметить, что первокурсники иногда едва владеют русской речью. Культурная неоднородность белорусского общества (сочетание в нем различных традиций, культурных норм и ценностей), неоднозначное отношение к представителям других стран и культур в общественном сознании белорусов, климатический фактор, изолированность студентов от привычной социально-культурной среды, обучение в смешанных с белорусами группах, обучение и проживание студентов на чужой и ограниченной территории и без прямого контроля со стороны родителей – всё это влияет на эмоциональное состояние иностранных учащихся.

Поэтому очень важно, что у каждой туркменской группы есть куратор – это белорусский преподаватель. Так у иностранных студентов появляется уверенность в том, что в сложной ситуации им есть к кому обратиться. Первый раз приезжая в чужую страну, студент может переживать культурный шок. Это явление происходит не пото-

му, что культура одной страны хуже другой, а потому, что вступают в конфликт представления о культуре страны и реальность. Куратору необходимо знать основные черты национальной культуры студентов для правильного понимания причин культурного шока. Некоторые малозначащие привычки поведения жителей Республики Беларусь могут оказаться обидными и даже запрещенными в культуре страны, из которой приехал студент-иностранец, и наоборот. Речь идет об обычаях в области питания, одежды, этикета, отношения к животным, а также праздничных и религиозных обрядах. Задача куратора – объяснить студентам объективные причины различий в обычаях, обратить внимание на общие черты жизни человеческих сообществ, призвать их к взаимопониманию и толерантности.

Система воспитательной работы кураторов со студентами – иностранцами включает в себя комплекс специфических задач:

- создание условий для полноценного участия иностранных граждан в учебно-воспитательном процессе вуза;
- социально-культурная адаптация иностранных учащихся к условиям новой социокультурной среды и к условиям обучения;
- использование языковой среды для повышения эффективности обучения и результативности процесса социально-культурной адаптации;
- недопущение дискриминации иностранных граждан по национальному признаку и обеспечение безопасности иностранных учащихся.

Для ускорения адаптации и обеспечения процесса вхождения в новую среду преподавателями проводится систематическая, целенаправленная работа по преодолению вышеперечисленных психологических трудностей. На занятиях используется специально построенная система упражнений, в основе которой лежат учебно-коммуникативные ситуации, максимально приближенные к реальным условиям общения. Это игровые задания и ролевые игры, инсценировки. Наибольший эффект дают внеаудиторные мероприятия (экскурсии, вечера интернациональной дружбы и т.п.), т.к. смена окружающей обстановки играет значительную роль в создании положительного эмоционального настроения.

Работа по социально-культурной адаптации и выполнению всего комплекса стоящих перед куратором задач проводится постоянно в рамках следующих основных направлений:

- проведение собраний студентов по ознакомлению их с основными положениями действующего законодательства РБ о правилах пребывания иностранных граждан в РБ, с Уставом, структурой, историей и традициями вуза, с правами, обязанностями и правилами поведения в учебных корпусах, общежитии и на территории студенческого городка;
- работа по соблюдению иностранными студентами требований миграционной службы на территории РБ;
- организация работы по прохождению иностранными студентами медицинского осмотра;
- работа в общежитии;
- деятельность, направленная на пропаганду мирового культурного наследия, пропаганду культуры, традиций и языка белорусского народа;
- работа по формированию ценностей здорового образа жизни и профилактика асоциального поведения;
- расширение и развитие научного творчества студентов.

В целях оказания социальной и психологической помощи иностранным студентам преподаватели проводят с ними беседы о правилах проживания в общежитии, профилактике противопожарной безопасности, необходимости соблюдения должного сани-

тарно-гигиенического режима, правилах приглашения друзей и родственников в общежитие, правилах соблюдения безопасности на улицах города и т.д. Также проводятся индивидуальные беседы со студентами, в ходе которых оценивается уровень социального их самочувствия, выявляются факторы, оказывающие позитивное и негативное влияние на процесс адаптации студентов, определяется уровень межэтнической толерантности в студенческой среде, выявляются предпочтения студентов в проведении свободного времени, определяются их личностные проблемы.

Работа на занятиях и в общежитии организуется таким образом, чтобы студенты не почувствовали себя ненужными, брошенными на произвол судьбы, чтобы им было к кому обратиться с возникающими проблемами. В этот период адаптации также очень важны контакты со студентами – земляками старших курсов, которые знакомят новичков с инфраструктурой вуза, с городскими реалиями.

Неоценима и поддержка белорусских студентов, которые стараются помочь иностранцам в учебе и в повседневных проблемах. Хочется сказать, что общие мероприятия, учеба с белорусскими студентами помогают убрать некоторые стереотипы и преодолеть культурные барьеры. У иностранных студентов есть также возможность реализовать свой творческий потенциал, разбудить в себе таланты и найти применение своим идеям. Очень важна похвала со стороны преподавателей даже в небольших победах в учебе. Это придает уверенности и желания достигать чего-то большего. Доброжелательность и заинтересованность преподавателей стимулирует желание оправдать их надежды.

Таким образом, можно подытожить, что для успешной адаптации студентов – иностранцев в белорусском вузе необходимо соблюдение следующих условий:

- наличие высококвалифицированного профессорско-преподавательского состава;
- наличие доступной, достоверной и адаптированной к уровню владения русским языком информации об условиях проживания и обучения в вузе, об истории страны, ее обычаях, быте и нравах белорусов;
- наличие развитой системы досуга, обеспечение участия студентов-иностранцев в культурно-досуговых и спортивно-оздоровительных мероприятиях, проводимых в вузе, а также занятия в спортивных секциях и кружках художественной самодеятельности;
- наличие социально-педагогической и психологической службы, организация специальных психологических занятий и лекций для иностранных студентов (иностранный студент или слушатель должен иметь возможность получить квалифицированную психологическую помощь и поддержку);
- хорошее владение русским языком (чем лучше усваивается язык, тем эффективнее адаптация, тем быстрее студент перестает стесняться обращаться со своими просьбами и вопросами, т.е. общаться становиться легче, а значит, и познание нового становится легче);
- создание условий, позволяющих иностранным студентам сохранять и поддерживать привычный образ жизни, если он не входит в противоречие с существующим укладом, нравственными, правовыми и административными правилами и нормами жизни в нашей стране и в вузе.

Жизнь в другой стране – это огромный опыт. Он способствует самостоятельности, взрослению, выносливости. Этот опыт помогает приобрести многие навыки, которые необходимы в дальнейшей жизни. Конечно, нельзя сказать, что адаптация произошла, когда студент перестал скучать по дому, грустить. Наверное, адаптация происходит тогда, когда иностранец начинает принимать и замечать многие вещи, которые раньше казались чужими, и понимает, что есть какие-то общечеловеческие ценности, которые не зависят от культуры, национальности. Именно в них и выражается единство всех народов.

Т.А. Быкова (Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)

ОБУЧЕНИЕ ЛЕКСИКЕ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

В Витебском государственном университете обучение иностранцев, не владеющих русским языком либо владеющих им в объёме, недостаточном для зачисления на первый курс университета, начинается на подготовительном отделении факультета обучения иностранных граждан. Учебная программа предусматривает обучение иностранцев важнейшим аспектам русского языка как иностранного: фонетике, грамматике, лексике.

Обучение иностранцев лексике имеет практическую направленность. Слушатель подготовительного отделения, владеющий русским языком в базовом объёме, должен уметь решать практические задачи в стандартных ситуациях повседневной жизни, устанавливать и поддерживать межличностные контакты, владеть типовыми языковыми средствами, его словарь может достигать 1500 лексических единиц.

Основная цель обучения лексике на начальном этапе заключается в формировании устойчивого навыка правильного употребления лексических единиц. Как известно, к лексическим единицам относятся слова, устойчивые сочетания, клишированные обороты.

В современной методической литературе лексические навыки определяются как «автоматизированные операции, связанные с использованием слова в нужном значении, с образованием слов от уже известных по словообразовательным моделям и с узнаванием слова в чужой речи» [4; 57]

Говорить о сформированном лексическом навыке можно тогда, когда обучаемый знает значение слова, его звуковую и графическую форму, словообразовательные возможности слова, формы словоизменения и сферу употребления данного слова.

При освоении лексической системы русского языка на начальном этапе иностранные учащиеся могут столкнуться с определёнными трудностями, связанными с совпадением или несовпадением объёмов значений слов родного и иностранного языка, степенью связанности или свободы слова по отношению к другим словам данного языка, характером структуры слова и другими факторами. Поэтому для эффективного обучения иностранцев русскому языку немаловажной является грамотная методическая организация языкового материала, которая подразумевает группировку лексических единиц по типам трудности их усвоения. Примером такой группировки может быть типология, предлагаемая Н.В. Николаевым [4; 57-58].

Существенным фактором при формировании лексического навыка у иностранцев является определение оптимального объёма лексических единиц, которые могут быть введены в течение одного полуторачасового занятия. С точки зрения психологов, на первых занятиях их количество может быть доведено до 20-25, а в дальнейшем может варьироваться в зависимости от степени трудности усвоения предлагаемой лексики [1; 152].

Традиционно процесс формирования лексических навыков на занятиях по русскому языку как иностранному проходит в три этапа: 1) предъявление нового материала; 2) тренировка; 3) применение [4; 64-68].

На этапе *предъявления* новый материал может быть введён различными способами: 1) в аудиотексте, составленном и прочитанном преподавателем; 2) в подготовленной беседе; 3) в отдельных предложениях; 4) в виде списка слов; 5) в тексте для чтения; 6) в процессе подготовки учащихся к высказыванию.

Этап *тренировки* осуществляется с помощью упражнений. Цель тренировки – закрепление новых слов и словосочетаний, которые образованы на основе лексической совместимости компонентов.

Все тренировочные упражнения можно разделить на две группы:

1) упражнения, направленные на запоминание слова, его семантики в единстве с произносительной и грамматической формами; 2) упражнения, направленные на формирование навыка построения сочетаний слов.

К первой группе упражнений относятся задания такого типа: *Назовите предметы, которые изображены на картинке или фотографии; Выберите из ряда слов одно, которое соответствует данной ситуации (теме); Исключите из предлагаемого ряда слов одно, которое не соответствует данной ситуации (теме); Образуйте предложения с выделенным словом по образцу; Употребите синоним к выделенному слову; Употребите антоним вместо выделенного слова; Ответьте на вопрос, употребив данное слово.*

На этом этапе тренировки возможно использование игровых элементов. Обучаемым могут быть предложенные такие задания: *Назовите как можно больше слов на тему…; Назовите слово, соответствующее логическому определению; Подберите сочетания из разбросанных слов.*

На этапе *применения* учащиеся должны использовать новые слова в высказываниях, диалогической и монологической речи, понимать аудиотекст, понимать слова в тексте для чтения. Содержание работы на данном этапе составляют условно-речевые, ситуативные и контекстные упражнения с лексической направленностью.

Таким образом, обучение иностранцев лексике на начальном этапе должно обеспечивать формирование устойчивых навыков употребления лексических единиц в речи, обеспечивая возможность решения различных практических задач на уровне повседневного социально-бытового общения.

Литература

1. Акишина, А.А. Учимся учить: Для преподавателя русского языка как иностранного. – 2-е изд., испр. и доп. / А.А. Акишина. – М.: Русский язык. Курсы, 2002. – 256 с.
2. Настольная книга преподавателя иностранного языка: Справ. пособие / Е.А. Маслыко, П.К. Бабинская, А.Ф. Будько и др. – Минск: Высшая школа, 1992. – 445 с.
3. Русский язык как иностранный. Методика обучения русскому языку / под ред. И.П. Лысаковой. – М.: ВЛАДОС, 2004. – 270 с.
4. Федотова, Н.Л. Методика преподавания русского языка как иностранного (практический курс). – СПб: Златоуст, 2013.

С.А. Гринберг (Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)

СИСТЕМА ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ ПО НАУЧНОМУ СТИЛЮ РЕЧИ С ИНОСТРАННЫМИ СЛУШАТЕЛЯМИ БИОЛОГИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

Формирование коммуникативной компетенции в сфере профессионального общения является важнейшей задачей обучения русскому языку как иностранному. Профессионально ориентированная подготовка позволяет актуализировать и совершенствовать навыки эффективной речевой коммуникации в учебно-научной сфере. В дальнейшей учебной деятельности (на основном этапе обучения) для иностранных студентов актуально знание терминологической и профессиональной лексики, соответствующих грамматических конструкций, владение всеми видами речевой деятельности

Востребованность естественных наук с каждым годом возрастает. В этой связи увеличивается и количество желающих получить такую специальность. Растет необходимость и в пособиях по РКИ, знакомящих иностранных студентов с узкоспециальной лексикой и характерными для данной науки речевыми оборотами. «Учебник, отвечающий коммуникативным, культурным, когнитивным потребностям учащихся – основной компонент системы обучения. Создание учебника представляет собой типичную комплексную задачу из области проектирования и конструирования сложных объектов. Со

стороны содержания учебник представляет собой компромиссную реализацию разноуровневых и разнонаправленных принципов, требований, вытекающих из общедидактических и психологических дисциплин, разных областей лингвистики, методик преподавания, ситуаций и традиций обучения, представлений об итоговом уровне целевых компетенций» [1; 17].

Согласно типовой учебной программе для иностранных слушателей подготовительных факультетов и отделений вузов Республики Беларусь, курс русского языка как иностранного включает два модуля – модуль общего владения русским языком и профессионально ориентированный модуль. Профессиональный модуль является дополнительным по отношению к основному объему программного учебного материала. Освоение данного модуля позволяет усвоить лексико-грамматический минимум, необходимый для обучения по специальностям.

Важнейшее условие профессиональной подготовки специалиста любой отрасли – овладение языком специальности, профессиональной речью. «Каждый специалист должен уметь быстро и с пониманием прочитать научный текст по своему профессиональному профилю и воспроизвести его общее содержание в устной или письменной форме, каждый специалист должен быть в состоянии свободно вести беседу на профессиональные темы, и, наконец, каждому специалисту необходимо уметь создавать письменные тексты разных подстилей и жанров в рамках своей профессиональной компетенции. Все эти умения являются важной частью подготовки студента и результатом воспитания образованного специалиста» [2; 3] .

Часто в начале изучения иностранными студентами научного стиля речи возникает закономерное противоречие, связанное с несоответствием уровня подготовки учащихся уровню предлагаемого языкового материала. Поэтому для многих студентов освоение языка специальности на этапе перехода к чтению научных текстов становится неинтересным. Это связано прежде всего с тем, что текстовый материал более сложен, насыщен терминологией, не отражает привычных ситуаций речевого общения и др. Язык биологии является наиболее сложным для иностранных учащихся, поскольку количество интернациональной лексики в нем значительно меньше, нежели в языке математики, физики или химии.

Нами было разработано учебное пособие «Русский язык как иностранный: биологический профиль», адресованное иностранным студентам, обучающимся на подготовительных факультетах в учреждениях высшего образования Республики Беларусь. Данное пособие также может использоваться и в работе со студентами 1-2-го курсов биологического факультета с целью повторения и систематизации изученного материала.

Целью пособия является подготовка студентов к чтению учебной литературы, занятиям по специальности, слушанию и записи лекций преподавателей.

Работа с иностранными студентами осуществляется на текстовом материале из различных разделов биологии (ботаника, зоология, микробиология, который соотнесен с тематикой текстов учебно-профессиональной сферы, предлагаемых для изучения учебной программой основного курса для студентов биологического факультета. Каждая часть пособия имеет единую систему упражнений.

В начале каждой темы приведен словарь основных понятий, а также грамматические конструкции, представленные в текстах урока. Предтекстовые упражнения к основному тексту тренируют навыки использования в речи научных конструкций, их трансформации, помогают снять лексические трудности основного текста. Они направлены также на формирование потенциального словаря общенаучного характера. Послетекстовые упражнения направлены на формирование умений и навыков последующего конспектирования, монологического высказывания и участия в диалоге.

Система предтекстовых упражнений включает в себя грамматические задания, готовящие к чтению и восприятию текста (образование форм множественного числа существительных, отглагольных существительных, согласование существительных с прилагательными). Для закрепления каждой грамматической модели предлагаются письменные упражнения, направленные на осмысление теоретических положений и выработку речевых умений.

Послетекстовые задания включают систему вопросов к тексту. Особое внимание уделяется работе с лексикой: образованию однокоренных слов, поиску антонимов, синонимов. Для закрепления материала предложены обобщающие вопросы, тестовые задания, кроссворды, таблицы. Имеют место и такие задания, как пересказ текста по плану, составление конспекта текста, выступление с устным сообщением на данную тему.

В качестве проверочных для большинства тем введены тестовые задания и упражнения для развития навыков устной и письменной речи

Данное учебное издание предполагает использование иллюстративного мультимедийного материала на различных этапах усвоения темы. В пособие также включены задания для самостоятельной работы учащихся.

Благодаря комплексной работе с научным текстом осуществляется формирование языковой компетенции будущих специалистов.

Литература

1. Арутюнов, А.Р. Теория и практика создания учебника русского языка для иностранцев / А.Р. Арутюнов. – М., 1990.
2. Основы научной речи: Учеб. пособие для студ. нефилол. высш. учеб. заведений / Н.А. Буре, М.В. Быстрых, С.А. Вишнякова и др.; под ред. В.В.Химика, Л.Б.Волковой. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2003. — 272 с.
3. Русский язык для биологов: Учеб. пособ. для иностранных студентов и аспирантов / Казан. гос. ун-т; Филол. фак-т; Каф. совр. рус. яз.; Сост. Е.М.Бастрикова.– Казань: Казан. гос. ун-т, 2005. – 43 с.
4. Русский язык как иностранный. Научный стиль речи / Пособие для самостоятельной работы (домашнее чтение на материале текстов по специальности). Гуманитарный, медицинский, технический, экономический профиль / Л.А. Константинова, Г.И. Знаменская, О.В. Илюхина, Н.М. Исакина, С.А. Юрманова. – Тула: Изд-во ТулГУ, 2010. – 148 с.

А.Б. Гурновіч (Беларускі дзяржаўны аграрны тэхнічны ўніверсітэт, г. Мінск)

ВЫКАРЫСТАННЕ МОДУЛЬНА-РЭЙТЫНГАВАЙ ТЭХНАЛОГІІ НАВУЧАННЯ ПРЫ ВЫКЛАДАННІ ДЫСЦЫПЛІНЫ “БЕЛАРУСКАЯ МОВА (ПРАФЕСІЙНАЯ ЛЕКСІКА)”

Падрыхтоўка кампетэнтнага, ініцыятыўнага, канкурэнтназдольнага спецыяліста, гатовага да эфектыўнай працы па спецыяльнасці і пастаяннага прафесійнага росту – адна з важнейшых задач сучаснай вышэйшай школы. У вырашэнні гэтай задачы вялікая роля належыць інавацыйным тэхналогіям.

У апошні час шмат увагі надаецца модульна-рэйтынгавай тэхналогіі навучання, асноўнай мэтай укаранення якой з’яўляецца, на наш погляд, павышэнне якасці навучання за кошт інтэнсіфікацыі вучэбнага працэсу, актывізацыі працы прафесарска-выкладчыцкага саставу і студэнтаў.

Разгледзім укараненне модульна-рэйтынгавай тэхналогіі навучання пры вывучэнні дысцыпліны “Беларуская мова (прафесійная лексіка)”. Разбіўка курса на модулі будуецца зыходзячы з патрабаванняў, выкладзеных у Адукацыйным стандарце і вучэбнай праграме.

Вучэбны курс можна раздзяліць на два асноўныя модулі і тры модулі дапаможнага характару. Два асноўныя модулі ахопліваюць тэарэтычны змест вучэбнага матэрыялу. Яны

ідуць пад нумарамі (М-1, М-2). Тры модулі дапаможнага характару з'яўляюцца абавязковымі, дзякуючы ім вучэбны курс атрымоўвае завершаны выгляд. Модуль нулявы (М-0) служыць уводзінамі ў вывучэнне курса (абазначае комплексную мэту, прад'яўляе структуру курса, асноўныя паняцці і сістэму кантролю атрыманых ведаў).

Модуль-рэзюмэ (М-R) дае абагульненне курса.

Модуль-кантроль (М-К) забяспечвае выніковы кантроль па курсу.

Графічную схему курса "Беларуская мова (прафесійная лексіка)" можна прадставіць наступным чынам:

М-0 М-1 М-2 М-R М-К

М-0 – Уводзіны. Мэты і задачы курса. Роля мовы ў жыцці чалавека і грамадства. Месца беларускай мовы сярод іншых славянскіх моў. Білінгвізм. Інтэрферэнцыя.

М-1 – Стылі мовы. Культура маналагічнага і дыялагічнага маўлення.

М-2 – Беларуская навуковая тэрміналогія. Класіфікацыя тэрмінаў. Спосабы тэрмінаўтварэння. Інтэрнацыянальныя і ўласнабеларускія тэрміны. Асаблівасці перакладу тэрмінаў з рускай мовы на беларускую.

(М-R) – Рэзюмэ. Абагульненне.

(М-К) – Выніковы кантроль (залік).

Змяняецца роля выкладчыка, задача якога навучыць студэнтаў набываць свае веды самастойна, садзейнічаць развіццю ў навучэнцаў імкненняў і здольнасцей да пастаяннага ўзбагачэння ведаў, творчага іх выкарыстання на працы, у будучай прафесійнай дзейнасці, да бесперапыннай самаадукацыі. Цэнтр цяжару пераносіцца на саманавучанне, таму значна ўзрастае роля кіруемай самастойнай працы студэнтаў (КСПС), эффектыўнасць якой забяспечваецца наяўнасцю сістэмнасці ў яе арганізацыі і правядзенні.

Вельмі важны і найбольш працаёмкі падрыхтоўчы этап. Прадумваецца ўся сістэма арганізацыі КСПС. У вучэбнай праграме выдзяляюцца тэмы для КСПС з указаннем асноўнай і дадатковай літаратуры, формы справаздачы. Самастойная праца студэнтаў павінна забяспечвацца спецыяльнай вучэбна-метадычнай літаратурай. На кафедры беларускай і рускай моў БДАТУ падрыхтаваны і выдадзены вучэбныя і практычныя дапаможнікі, метадычныя рэкамендацыі па дысцыпліне "Беларуская мова (прафесійная лексіка)". Створаны практыкумы для кожнага факультэта, якія складаюцца з комплексу заданняў і практыкаванняў для самастойнай працы студэнтаў пад кіраўніцтвам выкладчыка, тэкстаў па спецыяльнасці для аналізу і перакладу і кароткага рускабеларускага слоўніка тэрміналагічных паняццяў. У бібліятэцы ўніверсітэта маюцца электронныя версіі ўсіх матэрыялаў.

Падрыхтоўчы этап уключае і дыягностыку ўзроўню падрыхтаванасці студэнтаў – уваходны кантроль ведаў.

На другім этапе вызначаюцца мэты індывідуальнай і групавой дзейнасці студэнтаў, праводзяцца ўстановачныя кансультацыі. Агучваюцца тэрміны і формы прадстаўлення прамежкавых вынікаў.

Мэта трэцяга этапу – забяспечыць станоўчую матывацыю дзейнасці і праверку прамежкавых вынікаў; арганізацыю самакантролю і самакарэкцыі ведаў.

Вучэбная матывацыя праяўляецца ў разуменні студэнтам карыснасці выконваемай працы. Неабходна паказаць яму важнасць выконваемай працы як у плане прафесійнай падрыхтоўкі, так і ў плане пашырэння кругагляду, эрудыцыі спецыяліста.

Важна сфарміраваць дастатковую ступень падрыхтаванасці студэнта да самастойнай працы, пэўны ўзровень яго самадысцыпліны.

Чацвёрты этап уключае індывідуальныя і групавыя справаздачы і іх ацэнку.

Па вывучаемай дысцыпліне вынікі прадстаўляюцца ў выглядзе вусных паведамленняў на дадзеную тэму, дакладаў, рэфератаў, анатацый артыкулаў, аналізу тэставання, перакладаў тэкстаў па спецыяльнасці студэнтаў.

Паколькі дысцыпліна выкладаецца на першым, часткова другім курсах, вельмі важна навучыць студэнтаў самастойна працаваць з падручнікамі, кнігамі, правільна канспектаваць матэрыял (вылучаць галоўную інфармацыю з абзацаў, перабудоўваць сказы, ствараючы лагічна звязны, універсальны, аб'ектыўны тэкст, у якім утрымліваюцца не толькі асноўныя палажэнні і вывады, але і факты, доказы, прыклады, ілюстрацыі), пазнаёміць з рознымі тыпамі канспектаў: планавымі, тэкстуальнымі, свабоднымі, тэматычнымі, што дапаможа студэнтам у выкананні больш складаных відаў самастойнай працы і даследчай дзейнасці, у напісанні рэфератаў, дакладаў, курсавых работ, дакладаў на студэнцкія навуковыя канферэнцыі і г.д. Не менш карысным з'яўляецца і выпрацоўка навыкаў рэферыравання, напісання анатацый, рэзюмэ спецыяльных тэкстаў.

Неабходна фарміраваць у студэнтаў разуменне таго, што без сістэматычнай самастойнай працы нельга стаць добра падрыхтаваным, канкурэнтназдольным спецыялістам.

Важнай умовай інтэнсіфікацыі самастойнай працы з'яўляецца яе выражаны творчы характар.Таму вялікая ўвага ўдзяляецца выкананню творчых заданняў: падрыхтоўка і ўдзел у такіх актыўных формах навучання, як дзелавая гульня (напрыклад, па тэме: "Маўленчы службовы этыкет. Культура маналагічнага і дыялагічнага маўлення"), прэс-канферэнцыя, дыялог-спрэчка (па тэме "Стылі мовы"). Неабходна стымуляваць пошукавую і даследчую працу студэнтаў у пазааўдыторны час, якой надаецца вялікае значэнне ў аптымізацыі вучэбнага працэсу. Вітаюцца публікацыі артыкулаў студэнтаў па матэрыялах студэнцкіх навуковых канферэнцый ва ўніверсітэцкай газеце "Аграінжынер", у зборніку навуковых прац студэнтаў і магістрантаў "Тэхсервіс", а таксама ў зборніках творчасці студэнтаў і супрацоўнікаў БДАТУ: "Край мой родны", "Не хлебам адзіным…", "Святло матуліных вачэй", "Вясна, каханне, маладосць", "Юнацтва нашага шляхі". Такі падыход садзейнічае выпрацоўцы ў навучэнцаў патрэбы ў даследаванні, выхаванню навыкаў творчага падыходу да рашэння канкрэтных задач, пашырэнню навуковага і інтэлектуальнага кругагляду будучага спецыяліста, а таксама больш глыбокаму засваенню праграмнага матэрыялу, выхоўвае ў будучых спецыялістаў пачуццё любові да роднай зямлі, свайго народа, яго традыцый, мовы.

Усе віды самастойнай працы студэнтаў ацэньваюцца выкладчыкам сістэмай балаў, што ўплывае на канчатковы рэйтынг навучэнцаў. Прычым улічваецца як змест выкананай работы (напрыклад даклада, рэферата, паведамлення), так і якасць вуснага выступлення: валоданне мовай, вобразнасць, дарэчнасць, дакладнасць, выразнасць і чысціня маўлення, прэзентацыя матэрыялу, уменне гаварыць публічна, зацікавіць слухачоў.

Такім чынам, кантралюемая самастойная праца студэнтаў у складзе модульна-рэйтынгавай тэхналогіі навучання дазваляе:

– больш рацыянальна размяркоўваць заданні для самастойнай працы на працягу семестра;

– ажыццяўляць сістэматычны кантроль за авалоданнем студэнтамі вучэбнага матэрыялу для выяўлення і ліквідацыі прабелаў у ведах (тэставанне, кантрольныя работы, калёквіумы, камп'ютарныя кантралюючыя праграмы);

– стымуляваць сістэматычную самастойную працу студэнтаў па паглыбленню ведаў;

– заахвочваць творчую, навукова-даследчую дзейнасць студэнтаў;

– павышаць узровень самаацэнкі навучэнцаў;

– садзейнічаць павышэнню цікавасці да працэсу навучання, развіццю асобасных якасцей навучэнцаў, іх маўленчай кампетэнцыі.

Т.С. Денисенко (Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)

ПРЕПОДАВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО НА КУРСАХ ДЛЯ БЕЖЕНЦЕВ (В РАМКАХ ПРОЕКТА УВКБ ООН)

В Витебском государственном университете имени П.М. Машерова учатся студенты из разных стран мира. 2013-ый учебный год мы начали с нового для нас опыта – обучения беженцев в рамках проекта УВКБ ООН. В этом учебном году курсы русского языка для беженцев в нашем вузе посещает уже 3 группы в составе тридцати человек (граждане Ирана, Ирака, Сирии, Пакистана, Афганистана, Кот-д'Ивуара, Эритреи и других стран).

К сожалению, ситуация в мире складывается таким образом, что люди по разным причинам вынуждены покидать родину и искать пристанище в чужой стране. Все они проходят сложный путь до того момента, как обретают чувство спокойствия, защищённости и комфорта на чужой для них территории. Конечно, чужой мир привлекает новизной, обещает новые знания, расширяет кругозор и обогащает жизненный опыт. С другой стороны, чувство новизны со временем притупляется, быстро проходит и эйфория от того, что эти люди достигли своей цели и оказались в заветном месте. Наступает культурный шок, связанный с тем, что беженцы вышли за пределы привычной обстановки, из круга привычных понятий, потеряли дом, работу, родных и близких.

Культурный шок – это краткосрочное чувство дезориентации и дискомфорта, испытываемое индивидом в новой культуре и сопровождаемое психологическим нездоровьем [1; 128]. Даже такие житейские мелочи, как невозможность купить привычную пищу, поговорить с соседями о пустяках, отсутствие друзей и т.д., могут привести к смене эмоционального фона жизни человека, повергнуть в депрессию. На новой территории эти люди примеряют на себя понятие *чужой*, то есть – иностранный, контрастирующий с обычным, незнакомый, а иногда и угрожающий.

Совместные усилия многих людей и организаций, в том числе и преподавателей нашей кафедры, направлены на скорейшую адаптацию (психологическую, социокультурную, экономическую) беженцев к жизни в чужой культуре. Бесспорно то, что ни один из предложенных выше типов адаптации невозможен в языковом вакууме. Посредством изучения языка страны, в которой проживает человек, можно одновременно решить множество задач.

В каких ситуациях, по словам беженцев, они чувствуют себя особенно не защищёнными в связи отсутствием языковой подготовки? Это процедура регистрации, получение юридической помощи; поиск жилья; поиск работы и последующее осуществление любых видов деятельности; обучение в школах и вузах; сфера обслуживания (магазины, банки, транспорт и т.п.); получение медицинской помощи; социализация (приобретение новых знакомых, друзей) и т. п.

Таким образом, изучение русского языка значительно упрощает решение любых каждодневных бытовых проблем. С другой стороны, в процессе овладения языком люди, попросившие убежища в нашей стране, знакомятся с менталитетом нашего народа, национальным характером, образом жизни, традициями, обычаями, системой ценностей жителей Беларуси.

Несмотря на то, что и студенты из дальнего и ближнего зарубежья, и беженцы являются иностранными гражданами, преподавание РКИ на курсах для беженцев имеет свои отличительные особенности:

1. Различаются цели, задачи и методы: для студентов язык – это временный инструмент обучения, постижения научных знаний, для беженцев – прежде всего инстру-

мент общения, возможность стать членом нового общества.

2. На занятиях с беженцами грамматика играет прикладную роль. Обучение письменной речи сводится к минимуму, нет необходимости в чтении текстов научного характера.

3. Отбор материала проводится исключительно с учётом его коммуникативной значимости на данном этапе жизни.

4. Обучение для беженцев бесплатное, и это привлекает многих; в отличие от студентов у беженцев гораздо более высокая мотивация обучения.

Какие трудности нам приходится преодолевать в работе с беженцами? Значительно затрудняют успешное освоение языка следующие факторы:

– разновозрастной состав группы: от 6 до 60 лет (разная скорость усвоения, возрастные психологические и интеллектуальные особенности, различные интересы);

– разный уровень начальной языковой подготовки (от нулевого уровня до уровня хорошего владения устной речью при полном отсутствии письменной речи и умения читать);

– постоянная смена состава группы (что не позволяет обеспечить системность, последовательность и непрерывность обучения);

– полинациональность группы (иногда различия в вероисповедании, половой принадлежности или другие подобные проблемы, связанные с различиями национальных культур, затрудняют или делают невозможным обучение в одной группе);

– отсутствие единого языка-посредника (это, с одной стороны, замедляет процесс обучения, а с другой – активизирует развитие навыков устной речи, так как русский язык становится единственным средством общения в группе);

– отсутствие учебной литературы для беженцев (учебники по РКИ для иностранных студентов рассчитаны на большое количество аудиторных занятий, длительный курс обучения, изобилуют лексикой, необходимой в учебных ситуациях, что неактуально для взрослых работающих людей).

Значительно облегчило нашу работу открытие компьютерного кабинета, где мы можем проводить занятия с использованием новейших технологий: обучать слушателей курсов по электронным учебникам, работать с видео и аудиофайлами (например, учебник С. Чернышова «Поехали!» с аудиоприложением), использовать ресурсы интернета (например, сайт http://speak-russian.cie.ru/ Время говорить по-русски. Бесплатный курс для начинающих. (ЦМО МГУ им. М.В. Ломоносова).

В процессе обучения мы не ограничиваемся аудиторными рамками. Мы знакомим наших подопечных с городом, с учебными заведениями и предприятиями (в рамках экскурсий); проводим совместные мероприятия с иностранными студентами, обучающимися в нашем вузе, а также белорусскими студентами и школьниками. Многих из них сближает небольшая возрастная разница, общность интересов и то, что все они, независимо от национальности, находятся вдали от родины.

Безусловно, мы поддерживаем новый проект УВКБ ООН по обучению беженцев русскому языку. Наш опыт показывает, что квалифицированный подход привлекает на эти курсы даже работающих людей, уже в какой-то мере владеющих языком. Нужно смотреть вперёд: возможно, что в перспективе, учитывая российский опыт, и в нашей стране введут экзамен на знание государственного языка для получения гражданства. В этом смысле такая языковая подготовка также имеет большое значение.

Литература

1. Болдырев, В.Е. Введение в теорию межкультурной коммуникации. Курс лекций / В.Е. Болдырев. – М.: Русский язык. Курсы, 2010. – с. 128.

А.Я. Жулева, Д.В. Жукова
(Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)

СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МУЗЫКАЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА СТУДЕНТАМИ МУЗЫКАЛЬНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

В настоящее время многие науки переживают период активного развития, поэтому нередко возникают трудности при переводе узкоспециальных терминов, особенно тех, которые появились в обиходе сравнительно недавно. Одновременно с этим происходит процесс специализации значений профессиональной лексики при их переводе на другой язык и унификация переводных эквивалентов. **Целью** нашего исследования является выявление лексикографических особенностей музыкальной терминологии и специфики её использования при изучении лексики английского языка студентами музыкальных специальностей.

Анализ многочисленных работ в области методики преподавания иностранных языков показывает, что работа по формированию лексических навыков узких специалистов часто проводится с ориентацией на какой-то один вид речевой деятельности. Так, в работах В.А. Бухбиндера, Н.М. Гришелевой, Н.Н. Догонидзе, В.А. Кондратьевой, В.С. Коростелева, А.А. Стеценко исследовался вопрос формирования лексических навыков говорения. М.П. Базиной была предпринята попытка изучить проблему формирования лексических навыков аудирования. А в работах С.К. Фоломкиной, С.Е. Рахман, Т.К. Светлищевой, Л.Г. Черниной, Р.М. Шор исследовалась проблема формирования лексических навыков чтения, при этом работа с лексикографическим материалом по специальности, как правило, не включается. На наш взгляд, лексикографический материал должен являться обязательной частью обучающего языкового материала. Целесообразно представить его в четырех циклах обучения. И хотя каждый из этих циклов имеет свои задачи в развитии видов речевой деятельности, типы и образцы заданий на отработку языкового материала и на понимание содержания прослушанного и прочитанного текстов, целесообразно использовать материал словарей [2].

Задачей I цикла является совершенствование навыков ознакомительного чтения и развитие навыков поискового чтения. В этом цикле заданий для студентов музыкальных специальностей, изучающих английский язык, можно рекомендовать использовать «Краткий словарь любителя музыки» [8]. Этот словарь адресован широкому кругу любителей музыки. Он адресован посетителям концертов и музыкальных театров, радиослушателям и лицам, занимающимся музыкальным самообразованием. Словарь охватывает различные области музыкознания – теорию музыки, вопросы жанров и форм музыки, музыкальной акустики, народного творчества и др. Иностранные обозначения терминов в латинской транскрипции приводятся параллельно лишь в тех случаях, когда они в таком виде применяются в русской литературе и нотах, например, термины, определяющие темпы, динамические оттенки. В большинстве случаев они заимствованы из итальянского языка, что в тексте не оговаривается. Во всех других случаях указывается, из какого языка взят термин. Там, где это необходимо для понимания значения термина, указывается также буквальный, первоначальный смысл данного слова.

На занятиях II цикла усложняются умения в продуктивных видах речевой деятельности. На этом этапе целесообразно использовать словарь «Музычны слоўнік беларуска-рускі». Словарные статьи объединяют заимствованные термины на языке оригинала. В зависимости от характера и степени распространения заимствованные термины представлены несколькими языками, наиболее широко – итальянские термины, так как многие из них носят общеупотребительный характер и широко используются в музыковедении всех стран.

Задачей III цикла занятий является развитие умений ориентироваться в логико-смысловой структуре текста, определять характер сцепления как отдельных предложений, так и смысловых частей. На наш взгляд, на этом этапе может быть использован «Краткий музыкальный словарь» А.Н. Должанского [4]. Словарь был издан в 1952 году и выдержал четыре переиздания. В словарь включено более 3000 статей, посвященных объяснению наиболее употребительных слов и терминов; 400 статей словаря иллюстрированы поясняющими таблицами, нотными примерами, рисунками. Объясняемые слова и термины расположены в виде заглавий в алфавитном порядке. Сведения о происхождении термина даны в основном тексте в прямых скобках, непосредственно после заголовка. В конце словаря помещены иностранные слова и термины встречающиеся в музыкальной литературе. В прямых скобках указано их приближенное произношение в русской транскрипции.

На занятиях IV цикла при обучении говорению, которое на этом этапе является доминирующим видом речевой деятельности, отводится наибольшая часть времени на занятии. На занятиях этого цикла необходимо, на наш взгляд, использовать «Словарь иностранных музыкальных терминов» [7]. Словарь объединяет 1800 слов и словосочетаний на итальянском, французском, немецком, английском и латинском языках. Это темповые обозначения, указания характера исполнения, динамики и т.д. Включены также слова, не являющиеся собственно музыкальными терминами, но постоянно используемые в нотах. Термины, имеющие различное значение на разных языках, приводятся в отдельных статьях в следующем порядке: лат., ит., фр., нем., англ. Термины сопровождаются курсивными пометами, указывающими на их принадлежность к тому или иному языку: Gavott *нем*., gavotte *ит*., gavotte *фр*., *англ*. После двоеточия следует перевод термина; здесь в квадратные скобки заключается то, что в оригинальном выражении формально не содержится, но подразумевается: fiati *ит*.: духовые [инструменты]. В круглых скобках приводятся пояснения к переводу: bis, bis auf dem *нем*.: до (предлог). После перевода может указываться буквальное значение слова. Известно, что итальянские наречия могут образовываться с помощью суффикса «-mente», французские – «-ment», английские – «-ly». В музыкальной практике эти суффиксы нередко опускаются и прилагательные употребляются в значении наречий. Соответственным образом они чаще всего переводятся и в данном словаре.

В нашем исследовании был использован сравнительно-сопоставительный метод при изучении следующих словарей: «Словарь иностранных музыкальных терминов» [7], «Энциклопедический музыкальный словарь» [6], «Большой энциклопедический словарь» [5], «Краткий музыкальный словарь» [4], «Краткий словарь любителя музыки» [8], «Музыкальный энциклопедический словарь» [2], «Слоўнік музычных тэрмінаў» [1]. Для обеспечения коммуникативной эквивалентности при переводе необходимо не только правильно понять музыкальную терминологию исходного языка, но и суметь преобразить речевую структуру одного языка в речевую структуру языка перевода. Таким образом, строгая и четкая организация отбора лексикографического учебного материалов, его рациональное соотношение даёт основу для работы по развитию профессиональных компетенций студентов.

Литература

1. Антаневіч, В.А. Слоўнік музычных тэрмінаў. – Мінск, 1994.– 133 с.
2. Григорьева, В.П., Зимняя, И.А., Взаимосвязанное обучение видам речевой деятельности, Москва, 1985, 116с.
3. Дабаева, И.П., Твердохлебова, О.В., Музыкальный энциклопедический словарь/. - Ростов н/Д : Феникс, 2010. – 362 с. : ил. – (Музыкальная библиотека).
4. Должанский, Ф.Н., Краткий музыкальный словарь. Издание пятое. Серия «Мир культуры, истории и философии» - СПб.: Издательство «Лань», 2000. – 448с. И вкладка.
5. Келдыш, Г.В., Большой энциклопедический словарь. Издание второе., Москва, 1998, - 671с.

6. Ошис, В.В., Степанова, С.Р., Улегова, А.К., Энциклопедический музыкальный словарь, Москва, 1857, 750с.
7. Рогальская, О.Ю., Словарь иностранных музыкальных терминов. – СПб.: Композитор, Санкт-Петербург, 2006, 80с.
8. Штейнпресс, Б, Ямпольский, И, Краткий словарь любителя музыки. Издание второе, исправленное и дополненное, Москва, 1967, 115с.

Г.А. Кажигалиева
(Казахский национальный педагогический университет имени Абая)

О ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ ПОТЕНЦИАЛЕ ПАРЕМИЙ В КОНТЕКСТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК НЕРОДНОГО В КАЗАХСТАНСКОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Введение в действие в Казахстане в области языкового образования Государственной программы «Триединство языков» (2007г.), на ее основе создание новой типовой учебной программы по общеобязательной дисциплине «Русский язык» (2012г.) [1], а также познавательно-практическая, коммуникативная направленность указанного курса русского языка, функционирующего на казахских отделениях гуманитарных и неязыковых факультетов, вузов (в нашем случае - педагогического вуза) создают оптимальные возможности для использования в языковом образовательном процессе дидактических возможностей лингвокультурологии, ставящей во главу угла соизучение языка и культуры. Помимо этого актуальность принципа соизучения языка и культуры объясняется и поликультурным характером современного казахстанского общества, то есть учет фактора поликультурности – непременное условие современного языкового образования в нашей стране.

Особенности использования лингвокультурологической методики нам хотелось бы продемонстрировать на материале паремий, которые называют «автобиографией народа», «зеркалом культуры» [2:38]. Паремии являются результатом длительного развития и отражают национальную культуру нерасчлененно как цельные знаки, одновременно транслируя ее и отдельными единицами своего состава.

В рамках настоящей статьи под паремией мы вслед за В.М. Мокиенко понимаем устойчивое в языке и воспроизводимое в речи анонимное изречение дидактического характера, включающее в себя пословицы, поговорки и идиоматические выражения [3: 512].

Пословицы – это безусловная часть национальной языковой картины мира, которая определяется менталитетом народа [4:44] и в которой проявляется национальный менталитет; последнее дает возможность утверждать о существовании языкового менталитета. В определении менталитета мы придерживаемся трактовки И.Т. Дубова: это «интегральная характеристика людей, живущих в конкретной культуре, которая позволяет описать своеобразие видения этими людьми окружающего мира и объяснить специфику их реагирования на него» [5: 20]. Поскольку паремии являются частью национальной языковой картины мира, соответственно и частью национального языкового менталитета, то в этом случае, на наш взгляд, возможно говорить также о существовании пословичного менталитета, то есть менталитета нации, отраженного в паремиологическом фонде. К тому же здесь необходимо учесть и тот факт, что пословицы – прецедентны, а прецедентность – это знак ментальности (прецедент - речевые образования: «1) значимые для данной личности в познавательном и эмоциональном отношении; 2) имеющие сверхличностный характер; 3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [6: 216]). Прецеденты также выраженно аксиологичны.

В практике преподавания мы, безусловно, стремимся использовать паремии, обладающие лингвокультурологической актуальностью. В лингвокультурологической

актуальности мы выделяем две ее разновидности: а) универсальная, «общечеловеческая» лингвокультурологическая актуальность и б) оригинальная, локальная лингвокультурологическая актуальность. Такое деление необходимо и востребовано в дидактическом плане: пословицы, транслирующие универсальную информацию, соответственно могут быть отнесены к случаям лингвокультурологической транспозиции, и они не требуют в работе с ними особых методических действий, тогда как оригинальные паремии (пословицы второй группы), свидетельствующие о специфике осмысления фрагментов мира народом-носителем данного языка и представляющие таким образом уже пример лингвокультурологической интерференции, требуют использования определенной методической тактики (метод лингвокультурологического комментария) в работе с ними.

В презентации лингвокультурологического смысла русских пословиц мы идем сравнительно-сопоставительным путем: представляем лингвокультурологический смысл, какой имеют русские пословицы, в сравнении и сопоставлении с лингвокультурологическим смыслом, какой имеют соотносимые казахские паремии, следуя таким образом линии поликультурности.

К примеру, при работе с пословицами первой группы, представляющими концепты «Язык», «Речь», нами не использовался лингвокультурологический комментарий (за исключением словарной работы над отдельными словами в составе русских пословиц), поскольку в нем не было необходимости:

Слово не воробей: вылетит - не поймаешь (рус.); Слово выпустишь, так и крюком не втащишь (рус.). - Сказанное слово выстрелянной пуле подобно (каз.).

Доброе слово дом построит, а злое разрушит (рус.). - Доброе слово – половина счастья (каз.).

Ласковое слово рубля дороже (рус.).- Ласково заговоришь – змея из норы выползет (каз.).

Коротка речь и ясна - оттого и прекрасна (рус.).- Нож хорош острый, а речь – короткая (каз.); Рука хороша все умеющая, речь хороша короткая (каз.).

А вот пословицы: *Язык до Киева доведет (рус.). - Спрашивая, можно до Мекки дойти (каз.),* несмотря на их синонимичное значение (*спрашивая, все узнаешь, найдешь*), были отнесены нами уже ко второй группе, поскольку обе транслируют ярко выраженную национальную культурно-историческую информацию, и, безусловно, русская пословица была сопровождена лингвокультурологическим комментарием преподавателя. В частности, было указано, что данная пословица зародилась во времена Киевской Руси, когда указателей на дорогах не было и путники, отправлявшиеся в Киев, могли ориентироваться на незнакомой местности исключительно благодаря расспросам встречных людей, подсказывавших нужное направление, и в итоге вывод - при поисках всегда можно довериться подсказкам. Имеется и другая версия смыслового значения данной пословицы: Киев во времена Киевской Руси являлся столицей, в нем сходились все важнейшие дороги, поэтому необязательно было знать направление, его мог указать любой. Дополняем свой рассказ еще и тем, что вполне возможно пословица возникла в среде паломников, странников, направлявшихся тогда к киевским христианским святыням – Софийскому собору и Печерской лавре.

Казахская пословица в этой паре (*Спрашивая, можно до Мекки дойти)* уже не требует такого подробного комментария, поскольку она известна студентам. Здесь учащиеся и сами могут рассказать, что Мекка - город в западной Саудовской Аравии, центр паломничества для мусульман, где находится главная святыня ислама Кааба.

Помимо этого, актуализация лингвокультурологического смысла пословиц осуществляется нами и в интерактивных заданиях и видах работы, как-то: *мозговой штурм, коммуникативный тренинг* и др. К примеру, работа с пословицами, имеющими в своем составе компонент-зооним, проводилась в уровнево-групповой форме; студен-

ты выполняли опережающее домашнее задание:1) первая группа (задание второй (высокой) степени сложности) - сделать отбор русских пословиц по указанным преподавателем концептам, в составе которых имеется компонент-зооним, определить их значение, узнать об истории их происхождения; 2) вторая группа (задание первой (средней) степени сложности) - сделать отбор казахских пословиц (в (готовом) переводе на русский язык) по указанным преподавателем концептам, в составе которых имеется компонент-зооним, определить их значение, узнать об истории их происхождения).

На занятии преподаватель называл концепты, участники первой и второй групп поочередно зачитывали пословицы, аргументировали свои ответы, преподаватель при необходимости дополнял рассказ студентов своим лингвокультурологическим комментарием и обязательно вносил уточнения, спрашивая в каждом случае у учащихся, какие есть сходства и какие есть отличия между русскими и казахскими пословицами именно в лингвокультурологическом плане. Завершалась работа формулированием вывода о лингвокультурологическом сходстве и лингвокультурологическом своеобразии русских и казахских пословиц с компонентом-зоонимом в составе. (Подобная работа может быть иногда дополнена короткими инсценировками, рассказывающими об истории зарождения той или иной пословицы). В качестве иллюстрации приведем использованные на этом занятии: а) казахские пословицы со словом *конь: имя молодца либо конь прославит, либо жена; быстроногий конь, когда – конь, а когда – крылья; конь – крылья человека, а в хлебе – его сила; воспитанный человек, что конь, на все четыре ноги подкованный; там, где находится лошадь, там не бывает нечистой силы; казах по своему характеру похож на коня* и др.; б) русские пословицы со словом *конь: был на коне и под конем, был на столе и под столом; дареному коню в зубы не смотрят; женихи, что лошади, - товар темный; и крылатый конь спотыкается; был конь, да изъездился; быстрая лошадь скоро устанет; баба с возу, кобыле легче* и др. Итогом работы по данному фрагменту стал вывод о том, что, по сравнению с русскими пословицами, казахские паремии транслируют только положительный лингвокультурологический смысл, а существование в русском языке пословиц: *без осанки конь – корова, бойся бабу спереди, а кобылу сзади* демонстрирует различие стереотипов в отношении одного и того же животного. В казахском языке подобные сравнения и антитезы невозможны, а в русской языковой картине мира лингвокультурологическая символика коня амбивалентна: к примеру, пословицы русского казачества транслируют положительное лингвокультурологическое содержание - *без коня казак кругом сирота; казак голоден, а конь его сыт* и др.

Таким образом, использование дидактических возможностей лингвокультурологии в работе с паремиологическим материалом на вузовских занятиях по русскому языку как неродному позволяет решать не только собственно лингвообразовательные задачи, но и через диалог культур успешно решать вопросы познавательно-гуманитарного характера.

Литература

1. Ахмедьяров, К.К. Типовая учебная программа. Русский язык / К.К. Ахмедьяров, Х.С. Мухамадиев. – Алматы: Казак университеті, 2012. – 16 с.
2. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический, лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. - 288 с.
3. Мокиенко, В.М. В глубь поговорки: Рассказы о происхождении крылатых слов и образных выражений / В.М. Мокиенко. - СПб., 2007. - 256 с.
4. Иванова, Е.В. Мир в английских и русских пословицах: Учебное пособие Е.В.Иванова. - СПб.: Изд-во СПб ун-та, 2006. - 280 с.
5. Дубов, И.Т. Феномен менталитета: психологический анализ / И.Т.Дубов // Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 20–29.
6. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н.Караулов. – М.: Наука, 1987. – 262с.

И.В. Каливо
(Белорусская государственная сельскохозяйственная академия, г. Горки)

МЕСТО ТЕСТОВОГО КОНТРОЛЯ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

В преподавании русского языка как иностранного (РКИ) контроль занимает особое место, т.к. система проверки является эффективным средством организации и управления учебным процессом. Степень овладения речевыми навыками и умениями определённого этапа обучения даёт возможность успешному и правильному освоению языка. Без контроля преподавателя учащийся вынужден сам давать оценку своим знаниям, что приводит к ошибкам и закреплению неправильных навыков и умений по РКИ. Данные, которые преподаватель систематически получает в результате контроля, содержат информацию о качестве усвоения учащимися учебного материала и о соответствии методики его работы конкретным потребностям обучения. Анализ и объективная оценка полученных результатов даёт возможность корректировать ход учебной работы, совершенствовать преподавательскую деятельность и методическое мастерство.

К эффективным средствам контроля в обучении РКИ относится тест. Традиционные контрольные задания отличаются от тестовых тем, что последние измеряют достижения с использованием специальной шкалы. Благодаря этому оценка за выполненный тест является более объективной, таким образом, элемент субъективности преподавателя исключается. Кроме того, тестовые задания дают возможность оперативно обработать полученные результаты.

Тест целесообразно рассматривать не как обычную совокупность заданий, а как систему, обладающую содержательным составом тестовых заданий и нарастанием трудности от задания к заданию. Принцип нарастания трудности позволяет определить уровень знаний и умений по контролируемой дисциплине, а обязательное ограничение времени тестирования – выявить наличие навыков и умений.

Тестовые задания должны отвечать целому ряду требований: иметь чёткую форму, отличаться предметной чистотой содержания, быть логически правильными, технологичными, иметь трудность и быть взаимосвязанными с выбранным критерием. Тестовые задания по РКИ существуют либо в открытой форме, либо в закрытой форме. Тестовые задания открытой формы предлагают учащемуся дополнить основной текст, чтобы получить истинное высказывание. Тестовые задания закрытой формы подразумевают выбор учащимся нужного ответа из нескольких вариантов.

Специфические особенности тестов заключаются в следующем:

– тест проводится в условиях, в которых равны все участники;

– тест имеет квалиметрические характеристики, то есть качество выполнения упражнений выражается количественными показателями;

– полученные результаты теста оперативно сравниваются с ключами, благодаря чему можно быстро определить правильные и ошибочные ответы;

– чёткая формулировка тестовых заданий, прозрачность структуры теста даёт возможность проверить большую группу обучающихся и большой объём изученного материала;

– процедура тестирования строго регламентируется.

Для достижения наибольшей эффективности контроля и для повышения качества обучения контроль по РКИ в форме тестов, так же как и традиционный, призван соответствовать ряду дидактических принципов и регулироваться ими. Например, принцип научности предполагает непременное соответствие тестов их научно обоснованным характеристикам: валидности, надёжности, экономичности, аутентичности и др. Принцип эффективности обеспечивает полноценную реализацию функции проверки при максимальной объ-

ективности и минимальных затратах времени на проведение и оценивание тестовых заданий. Необходимо уделять внимание и принципу всесторонности, означающему, что содержание теста-проверки, теста-контроля репрезентативно отражает содержание обучения на каждом конкретном уровне освоения русского языка иностранными учащимися. Принцип систематичности тестового контроля находится в определенной зависимости от плановости его проведения. Тесно связаны между собой принципы объективности и справедливости, поскольку один из них является непременным условием другого. Объективизация тестирования зависит от решения круга задач, начиная с момента замысла теста до выявления истинного уровня владения учащимися тем или иным видом речевой деятельности, учитывающего цель и ситуации общения.

Соблюдение обозначенных принципов, а также критериев качества является основой научного фундамента для разработки тестовых заданий.

Таким образом, контроль в тестовой форме становится неотъемлемой частью системы контроля знаний иностранных студентов по русскому языку. Практика использования на занятиях по РКИ тестов как одной из форм контроля показывает, что тесты способствуют развитию у учащихся умения наблюдать, обобщать, проводить аналогии,

Литература

1. Балыхина, Т.М. Основы теории тестов и практика тестирования (в аспекте русского языка как иностранного): учебное пособие / Т.М. Балыхина. – 2-е изд. стереотип. – М.: Русский язык. Курсы, 2006. – 240 с.
2. Балыхина, Т.М. Словарь терминов и понятий тестологии / Т.М. Балыхина. – М.: Изд. РУДН, 2000. – 164 с.

Ж.П. Курдеко, О.А. Леушева
(Белорусская государственная сельскохозяйственная академия)

МЕСТО СТРАНОВЕДЧЕСКОЙ И ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ

Современные исследования по методике преподавания русского языка как иностранного базируются на страноведческом подходе, который способствует обогащению предметно-содержательного плана и познанию культуры через язык. Ведущую роль в поддержании мотивов к изучению русского языка представляет собой введение на занятиях элементов страноведения и лингвострановедения, затрагивающих самые различные стороны жизни страны изучаемого языка: её историю, литературу, науку, искусство, традиции и обычаи. Всё это позволяет изучать русский язык через культуру. А поскольку студенты-иностранцы живут в стране изучаемого языка – Беларуси, тем более ознакомление учащихся с белорусскими историко-культурными ценностями представляется особенно важным и своевременным.

Отбор страноведческой и лингвострановедческой информации осуществляется на основе учёта целей обучения студентов-иностранцев русскому языку, анализа социальных ролей учащихся во время жизни в Беларуси, их коммуникативных потребностей в сфере общения. В свою очередь, предметная информация и фоновые знания обучаемых способствуют их правильному речевому обучению. При этом следует отметить, что все четыре вида речевой деятельности обеспечивают реализацию данного подхода.

Неотъемлемой частью процесса обучения русскому языку как иностранному является чтение текстов страноведческого характера, которое формирует навыки изучающего чтения. Большой интерес у студентов-иностранцев вызывают тексты, посвящённые праздникам и традициям белорусов: «Коляды», «Деды», «Купалье», народным промыслам (соломо- и лозоплетение, декоративная вышивка, квилт и валенковаляние). При этом актуальными явля-

ются страноведческие материалы, посвящённые городам Беларуси и выдающимся людям нашей страны. Анализ текста предполагает определённую предтекстовую и послетекстовую работу. Очевидно, что чтение как вид речевой деятельности представляет интерес с точки зрения лингвистического анализа и информативности.

Особая роль в обучении русскому языку как иностранному принадлежит аудированию, так как оно обеспечивает знакомство студентов-иностранцев с речью носителей языка. При этом задействованы механизмы кратковременной и долговременной памяти, создаются возможности для прогнозирования и осмысления страноведческого текста, внутреннего проговаривания, сегментации речи и идентификации понятий. В процессе работы над аудиотекстом преподаватель использует определенную систему упражнений, способствующих коммуникативной направленности обучения и её эффективности.

Говорение – это вид речевой деятельности, с помощью которого осуществляется устная форма общения. Эта форма общения направлена на установление контакта и взаимопонимания с другими людьми. При говорении у студента-иностранца проявляется синтез лингвистических особенностей устной речи и её содержательной стороны. Использование монолога и диалога в процессе обучения позволяет преподавателю формировать развёрнутые и сжатые высказывания с использованием клише и разговорных формул. А включение языковых и речевых упражнений на основе страноведческой и лингвострановедческой информации позволит студентам-иностранцам быстрее войти в коммуникацию.

Кроме умений читать, говорить, понимать аудиотексты, иностранные учащиеся должны выполнять письменные упражнения, писать диктанты, изложения, сочинения, контрольные работы и лекции, т.е. они обязаны научиться правильному построению и оформлению мыслей в письменном виде. Умелый педагог всегда сможет ввести страноведческую информацию в письменные задания для студентов-иностранцев. Очевидно, что все виды речевой деятельности в процессе обучения иностранному языку сочетаются с языковыми явлениями, которые выступают не только как средство коммуникации, но и как способ ознакомления обучающихся с новой для них страноведческой и лингвострановедческой действительностью.

При изучении страноведческой и лингвострановедческой информации также необходимо использовать ТСО, Интернет, мультимедийные презентации, видеокурсы, телевидение, потому что наглядность позволяет разнообразить и интенсифицировать учебный процесс. Во время просмотра студенты превращаются в активных потребителей информации, так как благодаря зрительной и слуховой наглядности быстрее усваиваются страноведческие и лингвострановедческие знания, которые затем используются при восприятии новой темы.

Ведущую роль в использовании страноведческой информации преподаватели РКИ отводят экскурсиям. Учитывая особую историческую роль Могилёвских Горок в системе образования Беларуси, студенты-иностранцы имеют возможность посетить академический музей и познакомиться с его экспонатами. Далее проводятся обзорные экскурсии по территории академического городка с посещением памятников, Ботанического сада, оранжереи, парков, Амфитеатра, Аллеи профессоров, учебной школы-фермы, рыбопитомника, конноспортивной школы. Чуть позднее студенты могут съездить на экскурсию в Могилёв и на Буйничское поле, в Витебск и Здравнёво, в Потёмкинский дворец в Кричеве, в посёлок Ленино. Наглядность является основным достоинством экскурсий. Это позволяет студентам-иностранцам быстрее усваивать страноведческие знания и проявлять творческую инициативу в оформлении фотогазет и написании статей в студенческую газету по результатам экскурсий и поездок.

Для усиления интереса к изучаемому страноведческому материалу и снятия возможных трудностей при изучении русского языка как иностранного следует вводить в

обучение элементы культуры родной страны учащегося. Например, приготовление блюд национальной кухни, знакомство с народным творчеством разных стран мира, их праздниками, традициями и обычаями. На основе приёма сопоставления двух культур происходит стимуляция знаний учащихся. При отборе страноведческой информации необходимо учитывать интересы обучаемых и их профориентацию.

Анализ работы преподавателя со страноведческой информацией позволяет совершенствовать языковую и коммуникативную компетентность студентов-иностранцев.

А.И. Малько, Ж.П. Курдеко
(Белорусская государственная сельскохозяйственная академия)

РОЛЬ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ В ИЗУЧЕНИИ СПЕЦКУРСА “МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО”

В Белорусской государственной сельскохозяйственной академии для иностранных студентов 4–5 курсов (7–9 семестры) проводится спецкурс “Методика преподавания русского языка как иностранного”. Спецкурс имеют право посещать только граждане тех стран, в которых русский язык не изучается в школе.

Главная задача спецкурса – дать слушателям знания по русскому языку как иностранному и методике его преподавания, необходимые для педагогической деятельности, познакомить с современными методами и приемами обучения русскому языку, сформировать умения эффективно и творчески применять их на практике; совершенствовать коммуникативную, лингвистическую и социокультурную компетенцию иностранных слушателей.

Слушатели получают диплом об окончании спецкурса, который дает им право преподавать русский язык в кружках и на курсах русского языка, работать в качестве переводчиков. Бесспорно, это поможет им найти более престижную работу после окончания учебы. Поэтому студенты заинтересованы в том, чтобы за три года хорошо овладеть русским языком и получить право изучать спецкурс по методике преподавания РКИ.

В программу спецкурса входит 22 часа лекций, 40 часов семинарских занятий и 20 часов педагогической практики на 4-ом курсе и 20 часов семинарских занятий и 14 часов педагогической практики на 5-ом курсе. Формы контроля знаний слушателей спецкурса – зачеты в конце каждого семестра и итоговый экзамен, в который входят теоретические вопросы по методике РКИ и разработка примерного плана урока.

Важное место в программе спецкурса занимает педагогическая практика – активная и пассивная. На пассивной практике слушатели спецкурса посещают практические занятия по русскому языку, подробно записывают ход урока в дневниках по практике, а также часто выступают и в качестве переводчиков в помощь преподавателю, особенно китайские студенты. При распределении на практику, конечно, учитывается, насколько это возможно, язык слушателей спецкурса и студентов группы, в которой они проходят практику, ведь слушатели спецкурса будут преподавать русский язык в своей родной стране.

Затем на семинарах проводится анализ посещенных занятий.

При анализе урока слушатели должны постараться дать ответы на такие вопросы:

1) какова была цель данного урока;

2) как была сформулирована тема урока;

3) каков тип урока, его структура;

4) не был ли перегружен урок теоретическим материалом или упражнениями, достаточно ли оставалось времени для закрепления нового материала;

5) как, в какой форме осуществлялись на уроке задачи развития речи учащихся;

6) какие тексты использовались на уроке для упражнений и иллюстрации при объяснении материала; доступны ли они для понимания учащимися без дополнительных разъяснений;

7) какие упражнения выполнялись на уроке, их виды, разнообразие;

8) какая наглядность применялась на уроке;

9) как на уроке был использован учебник, на каких этапах (при проверке и разъяснении домашних заданий, при выполнении учащимися упражнений – устных и письменных, при объяснении нового) и в какой форме, не снижалась ли при этом активность учеников;

10) доступно ли объяснялся новый материал, были ли сделаны выводы по материалу урока;

11) какие формы опроса и учета знаний были применены преподавателем;

12) какое задание было предложено учащимся на дом, как было проведено разъяснение задания;

13) какова степень активности учащихся на уроке; самостоятельность их в работе; заинтересованность уроком и дисциплина;

14) как можно оценить поведение преподавателя: умение держаться в группе, умение охватить вниманием всех учащихся, внимание отстающим; речь преподавателя;

15) достигнута ли основная цель урока.

Активная педагогическая практика включает подготовку и проведение пробного урока по русскому языку. В процессе подготовки к уроку слушатели спецкурса, пользуясь перечнем вопросов для анализа урока, составляют подробный конспект занятия, в котором записывают свою речь, на русском языке, предполагаемые ответы учащихся, точные формулировки правил и заданий. Все это нужно делать потому, что начинающий преподаватель должен внимательно следить за своей речью, за ее правильностью, точностью, краткостью и доступностью. Важно также распределить время на каждый вид работы и каждую часть урока и стараться его придерживаться. Подбирается необходимая наглядность: иллюстрации, таблицы, схемы.

На пробном уроке присутствуют руководитель практики, ведущий преподаватель и слушатели спецкурса. При проведении пробного урока слушатели спецкурса довольно успешно используют знания, полученные при изучении методики русского языка, и перевод на свой родной язык, что дает хороший эффект, особенно в китайской аудитории, так как белорусские преподаватели не имеют возможности использовать китайский язык при объяснении материала, а китайские учащиеся чаще всего только им и владеют.

После проведения пробного урока проводится его обсуждение, в котором принимают участие все слушатели спецкурса, руководитель практики и преподаватель, ведущий занятия в группе. За проведение пробного урока выставляется оценка, и эта оценка учитывается при выведении итоговой оценки за спецкурс.

Педагогическая практика показывает уровень владения русским языком слушателей спецкурса и заставляет их более серьезно подходить к изучению лексического и грамматического материала, много читать, смотреть разнообразные учебные фильмы, чтобы впоследствии использовать полученные знания в преподавании русского языка у себя на родине.

Н.А. Мамыко (Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИЙ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Особую нишу среди средств информационно-коммуникационных технологий, способных найти своё применение в сфере преподавания русского языка как иностранного языка, занимает Интернет с его ресурсами и услугами. Возникнув как средство для обмена информацией, Интернет сегодня представляет собой виртуальную территорию, на которой активно продают и покупают, рекламируют и оплачивают товары и услуги, пользуются возможностями Интернет-банкинга, Интернет-образования и многое другое.

Использование ресурсов и услуг Интернета для обучения русскому языку как иностранному имеет исключительное значение, так как с их помощью обеспечивается возможность реального общения на изучаемом языке, предоставляется доступ к аутентичным материалам и огромному числу учебных ресурсов в текстовом, аудио- и видеоформатах. В контексте языкового образования это позволяет создать технологичную обучающую языковую среду для формирования совокупности иноязычных компетенций, образовательное пространство, передающее социокультурное своеобразие изучаемого лингвосоциума. Только с помощью сети Интернет можно создать подлинную языковую среду и поставить задачу формирования потребности в изучении иностранного языка на основе интенсивного общения с его носителями, работы с аутентичной литературой самых разных жанровых разновидностей, аудирования оригинальных текстов, записанных носителями языка. В этом случае можно ставить вопрос о формировании социокультурной компетенции на основе диалога культур.

В научно-методической литературе последних лет появилось большое количество публикаций, посвященных проблемам изучения образовательных возможностей Интернет-ресурсов самого разного назначения, в частности, в обучении иностранным языкам. Сегодня выделяются следующие основные сферы применения многообразных возможностей Интернет-технологий: как средство получения информации, как средство коммуникации, как средство развлечения, как средство обучения.

Остановимся подробнее на возможностях Интернет-технологий, которые могут быть использованы в лингводидактической деятельности.

Как источник информации, Интернет позволяет получить доступ к неограниченному количеству текстовых, звуковых и видеоматериалов на разных языках (электронные газеты и журналы, электронные версии печатных изданий, каталоги библиотек; архивы, сайты музеев, учебных заведений; транскрипты некоторых телевизионных программ, сценарии кинофильмов, веб-странички известных политических деятелей и деятелей культуры и т.д.). К источникам информации можно также отнести различные поисковые системы общего назначения (Google, Рамблер, Яндекс, AltaVista, Yahoo, AOL, Snap, Accona и др.) и специализированные поисковые системы, порталы и базы данных, систематизирующие ресурсы по определенной тематике и ориентированные на определенный круг пользователей. В их число входят, например, справочно-информационный портал Integrum World Wide, многоязычная электронная энциклопедия Википедия/Wikipedia, Грамота.ру (крупнейший портал по проблемам изучения и преподавания русского языка), образовательные порталы (веб- порталы для жителей стран ближнего и дальнего зарубежья), например «Русский язык для всех», различные ресурсные центры для иностранных учащихся (Russian Language Mentor), каталог ресурсов в области искусства (Art-Bridge.com) и др.

При рассмотрении Интернета как источника получения информации в лингводидактическом процессе необходимо прежде всего выделить проблему поиска информации и использования разнообразных Интернет-ресурсов на иностранном (русском)

языке справочного характера. Конкретные примеры работы с поисковыми системами и информацией, получаемой из различных источников в Интернете, на занятиях по русскому языку как иностранному указывают на то, что она используется в учебных целях преимущественно в качестве дополнительных материалов по изучаемым темам и реже – как основной материал для выполнения отдельных заданий.

В первом случае поиск информации осуществляется как преподавателем, так и самими обучающимися. В силу того, что ресурсы Интернета безграничны и постоянно обновляются, важно формировать у обучающихся навыки целенаправленного отбора иноязычной информации. Так, например, если в учебных целях необходимо найти информацию по определенным темам, содержащуюся на веб-страницах, то преподаватель не называет адреса этих страниц, а предлагает учащимся самостоятельно найти их, пользуясь поисковыми системами на изучаемом языке.

Во втором случае поиск иноязычной информации осуществляется учащимися по конкретным веб-сайтам с определенной целью. Многочисленные описания подобных заданий приводятся в ресурсных пособиях, на веб-сайтах, в методических журналах, специализированных электронных рассылках для преподавателей.

К коммуникационным ресурсам Интернета, способным найти свое место в преподавании русского языка как иностранного языка, относится электронная почта, телеконференции (форумы), текстовые и аудиочаты, гостевые книги, сетевые дневники, средства IP-телефонии (Skype), социальные сервисы Web 2.0. и т.д.

Следует отметить, что в последнее время возможности Интернета как средства электронной коммуникации стали активно применяться в учебном процессе. Использование электронной коммуникации в качестве средства обучения помогает частично решить одну из основных задач обучения – создание естественной языковой среды, поскольку даёт дополнительные возможности общения на изучаемом языке. Естественная среда общения на базе таких средств электронной коммуникации, как электронная почта, чат- коммуникация, форумы, гостевые книги, сетевые дневники, может быть использована преподавателями русского языка как иностранного для поддержания и повышения уровня знаний, оценки речевого поведения студентов в разных коммуникативных ситуациях. При этом, в зависимости от содержания и целей обучения, электронная коммуникация может осуществляться как в синхронном, так и в асинхронном режимах с использованием различных форматов: текстового (электронная почта, чат, форум, сетевые дневники), аудио- или видео- (видеоконференции, голосовая почта, пересылка звуковых и видеофайлов).

В учебном процессе электронная коммуникация может быть организована следующими способами:

- участие обучающихся в индивидуальном или групповом телекоммуникационном проекте (реализация педагогической технологии «метод проектов»;
- ведение сетевых дневников / онлайновых журналов/блогов в качестве инструмента для решения задач профессионального самообразования иностранных учащихся;
- общение с партнером по переписке;
- использование электронной почты для диалогового обмена информацией между обучающимися и преподавателем в рамках курсов дистанционного обучения (точнее, заочного обучения с применением веб-технологий), в частности, пересылки заданий преподавателю и получения комментариев от преподавателя).

Формулируя принципы организации учебного процесса по изучению иностранного языка русскоязычными студентами, в котором используются средства электронного общения, основной акцент важно делать на развитии навыков письменной речи в ходе осуществления телекоммуникационных проектов. Студентам предлагается участвовать в учебной

коммуникации трех типов: «студент – преподаватель», «студент – студенты», «взаимодействие с внешними коммуникантами».

Преподаватели, применяющие Интернет-технологии в процессе обучения русскому языку как иностранному, отмечают, что электронная коммуникация является эффективной языковой практикой, при которой осуществляется переход от формы к содержанию в сторону истинного общения.

Рекреационные возможности Интернета разнообразны и многочисленны. Они представлены в виде развлекательных Интернет- порталов и сайтов, сетевых интерактивных игр, Интернет-радио, Интернет-телевидения и иных развлекательных услуг и также могут найти своё применение в обучении русскому языку как иностранному.

Наибольший интерес представляет такая сфера применения Интернет-технологий, как средства обучения, т.е. обучающие ресурсы по русскому языку как иностранному, размещенные в Интернете. К ним относятся сетевые обучающие программы (сетевые учебно-методические комплексы, сетевые учебники и учебные пособия), виртуальные образо- вательные среды, сетевые инструментальные оболочки и сетевые прикладные средства, позволяющие организовывать обучение, создавать учебные материалы и управлять учебным процессом.

В настоящей статье нам важно было подчеркнуть, что многообразные возможности Интернета могут и должны найти свое применение в современном образовании, в частности в преподавании русского языка как иностранного. При этом следует иметь в виду, что использование электронной коммуникации в учебном процессе предполагает специфические виды деятельности учащихся и преподавателя, так как такое взаимодействие проходит в информационно-технологическом образовательном пространстве (специально организованной виртуальной учебной среде).

С распространением Интернета стало возможным говорить о новом подходе к созданию учебной языковой среды. Он заключается не только в разработке специализированных обучающих программных продуктов, но и в системном и комплексном использовании тщательно подобранных для конкретных целей обучения компьютерных аутентичных и учебных материалов, прикладных и инструментальных программ, в организации учебного процесса в виртуальной языковой среде, применимой как в дистанционном обучении, так и в традиционных очных формах обучения.

Резюмируя вышеизложенное, можно констатировать, что Интернет-технологии обладают значительными образовательными возможностями, которые могут не только найти применение в такой дисциплине, как сетевая лингводидактика, но и способствовать модернизации традиционных форм очного обучения русскому языку как иностранному.

С.В. Мартынкевіч (Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава)

ДЫДАКТЫЧНЫЯ МАГЧЫМАСЦІ ГУЛЬНІ ЯК ЭЛЕМЕНТУ ІНАВАЦЫЙНАЙ КАМУНІКАТЫЎНАЙ ТЭХНАЛОГІІ ПРЫ НАВУЧАННІ БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ

У сучаснай сітуацыі білінгвізму ў краіне пры навучанні беларускай мове на першы план павінна выступаць яе камунікатыўная функцыя. У сувязі з гэтым стратэгічная мэта моўнай адукацыі заключаецца ў тым, "…каб беларуская мова трансфармавалася з прадмета выкладання ў механізм фарміравання асобы, яе менталітэту, разумення свету і ўзаемаадносін людзей у свеце" [1; 91]. Згаданае палажэнне з'яўляецца вельмі важнай акалічнасцю з прычыны таго, што ва ўмовах блізкароднаснага білінгвізму вучні ўстаноў з рускай мовай навучання аказваюцца нематываванымі да выкарыстання беларускай мовы ў якасці сродку зносін. Адсутнасць маўленчай практыкі ў рэальным

асяроддзі (сямейна-побытавыя зносіны, суразмоўніцтва з аднагодкамі), недастатковы камунікатыўны патэнцыял сродкаў навучання прыводзіць да таго, што пры вывучэнні беларускай мовы камунікатыўныя ўменні і навыкі застаюцца на нізкім узроўні.

Нягледзячы на тое, што блізкасць дзвюх моўных сістэм аблягчае фарміраванне першасных моўных уменняў (засваенне графічнай сістэмы, разуменне лексічных і граматычных адзінак, функцыянальны аспект якіх супадае), сістэмнае вывучэнне беларускай мовы на II ступені агульнай сярэдняй адукацыі адбываецца свядома і намерана. З улікам таго, што "маўленчыя навыкі па сваёй прыродзе – стэрэатыпныя, механічныя" [2; 222], уменні ў рэцэптыўных і прадуктыўных відах маўлення павінны фарміравацца на аснове актуалізаваных маўленчых дзеянняў з абавязковым акцэнтаваннем увагі на новых функцыянальных аспектах моўнага матэрыялу. Гэта дазваляе прадэманстраваць, што ў маўленчай сітуацыі "мы кожны раз вымушаны манеўраваць сваімі моўнымі здольнасцямі <…> з мэтай найбольш поўнага, актыўна-мэтазгоднага выкарыстання магчымасцей, закладзеных у нашым маўленні" [3; 341]. Перадача зместу маўлення па-беларуску – устанаўленне сэнсавых сувязей, выбар, размяшчэнне і граматычнае маркіраванне слоў – будзе паспяховым, калі вучні будуць дасканала валодаць моўным матэрыялам. Таму ў сітуацыі блізкароднаснага білінгвізму асаблівая ўвага павінна надавацца моўным сродкам, правілам іх функцыянавання ў маўленні і культуры маўлення (з мэтай выключэння інтэрферэнцыйных памылак), уменням ствараць выказванні розных тыпаў, стыляў і жанраў у вуснай ці пісьмовай форме (з улікам маўленчага вопыту вучняў), камунікатыўным уменням (з мэтай дэманстрацыі камунікатыўнага патэнцыялу беларускай мовы ў розных сацыяльных сітуацыях).

Найбольш дасканала рэалізуюць вызначаныя кірункі камунікатыўныя тэхналогіі, бо арыентуюць адукацыйны працэс на навучанне мове як сродку зносін у адпаведнасці з камунікатыўна-дзейснаснымі патрэбамі – грамадскімі, вучэбнымі, працоўнымі, гульнявымі і інш. Вучні авалодваюць сродкамі мовы, агульнапрынятымі сацыяльнымі нормамі і правіламі, уменнямі якасна ўспрымаць, асэнсоўваць і перапрацоўваць інфармацыю ў працэсе маўленчай камунікацыі. Навучанне мове распрацоўваецца з улікам наступных патрабаванняў: камунікатыўныя паводзіны настаўніка ў час навучання; распрацоўка заданняў, якія вызначаюць стварэнне выказванняў у працэсе суразмоўніцтва ў розных сферах сацыяльнага жыцця; сітуацыйнасць навучання як сродак стымулявання маўленчай дзейнасці і развіцця маўленчых уменняў; перавага маўленчых практыкаванняў з мэтай засваення граматычнай формы і яе функцыі ў маўленні.

Адным з інавацыйных прыёмаў рэалізацыі камунікатыўнага навучання з'яўляецца ***гульня***, якая ў вучэбным працэсе можа выкарыстоўвацца як самастойна, так і "...як элемент (часам вельмі істотны) больш шырокай тэхналогіі" [4; 199]. Улічваючы, што суразмоўніцтва выступае асноўным відам дзейнасці, вядзе развіццё асобы за сабой, гульня стане тым мікрамаўленчым асяроддзем, дзе вучням "будзе прапанавана адпаведная, спецыяльным чынам арганізаваная камунікатыўная дзейнасць – рознабаковая, цікавая, матываваная, кантралюемая, асобасна значымая" [5; 182]. Гульня як "арыфметыка сацыяльных адносін" (Д.Б. Эльконін) сінтэзуе два бакі працэсу навучання – вучэбную дзейнасць і суразмоўніцтва і з'яўляецца найбольш дзейсным сродакам фарміравання камунікатыўных уменняў, бо можа імітаваць суразмоўніцтва, аднаўляць працэс маўленчай камунікацыі ва ўяўленні вучняў, абуджаць іх фантазію, творчасць. З ліку дыдактычных гульняў найбольшую цікавасць для працэсу навучання беларускай мове ўяўляе ролевая гульня, у час якой ствараецца магчымасць прадэманстраваць практычнае прымяненне моўных і маўленчых уменняў у разнастайных уяўных жыццёвых сітуацыях.

Гульнявая вучэбная дзейнасць можа распрацоўвацца на аснове: 1) спецыяльнага апісання сітуацыі з указаннем сацыяльных роляў суразмоўцаў, адносін паміж імі, мэты, места, танальнасці суразмоўніцтва;

2) дыдактычнага тэксту камунікатыўнага характару. Тэматыка для вучняў II ступені навучання можа быць наступнай: дзеянні людзей у адпаведнасці з іх статусам і пазіцыяй у час маўленчай камунікацыі ў розных сферах сацыяльнага жыцця (паход у краму, да ўрача, праезд у грамадскім транспарце і інш.); зварот да ўласных пачуццяў, перажыванняў (уражанні ад прачытанай кнігі, прагледжанага кінафільма, камп'ютарнай гульні, прагулкі, экскурсіі і інш.); адносіны да падзей школьнага жыцця (вучоба, апісанне сітуацый, здарэнняў, уласныя каментарыі, свая пазіцыя ў дачыненні да таго, што адбылося); узаемаадносіны з членамі сям'і і сябрамі-равеснікамі (сямейныя святы, традыцыі, дапамога па дому, вольны час, кола захапленняў) і інш.

Такім чынам, гульня ўключаецца ў сістэму працы з улікам інтарэсаў вучняў і служыць элементам прыцягальнасці, стварае станоўчы эмацыйны фон вучэбнага працэсу, развівае асацыятыўнае мысленне вучняў і эмпатыю, дапамагае самапазнанню і самарэалізацыі. Апісанне сітуацый і ўмоў камунікацыі ў залежнасці ад пэўнага віду суразмоўніцтва стварае камунікатыўны кантэкст. Маўленчыя паводзіны вучняў акрэсліваюцца правіламі гульні, што спрыяе актывізацыі і рэпрэзентацыі беларускамоўных сродкаў камунікацыі на падрыхтоўчым этапе выказвання – пры ўнутраным маўленні. Акрамя таго, гульня павінна быць арганічна звязана з моўным зместам навучання – лінгвістычнай тэмай, зададзенай вучэбнай праграмай, і маўленчым матэрыялам, які дэманструе функцыянаванне моўных адзінак у кантэксце. У маўленчы матэрыял уключаюцца *клішыраваныя фразы*, *сацыяльна-маркіраваныя звароты*, *формулы маўленчага этыкету*, *маўленчыя ўстаўкі*, якія выконваюць функцыю падтрымкі маўленчага кантакту. Гатовыя маўленчыя мадэлі выражаюць дадатковую аргументацыю – удакладненне сваёй пазіцыі, згоду або частковую нязгоду з суразмоўцам. Фразы-клішэ выкарыстоўваюцца ў дыялагічных выказваннях як камунікатыўныя стымулы, апорныя выразы, у маналагічных выказваннях як "маркёры" пэўнага жанру (аб'ява, віншаванне, парада, спачуванне, прывітальнае і развітальнае слова, падзяка і інш.)

Прыдатнымі для распрацоўкі маўленча-ролевых гульняў з'яўляюцца *прэцэдэнтныя тэксты*, якія "...дзесяцігоддзямі, а некаторыя нават стагоддзямі служаць асновай навучання, далучаюць дзіця да сусветнай культуры і да культуры свайго народа." [6; 45]. На думку лінгвістаў і лінгвадыдактаў (Ю.М. Караулаў, А.А. Папова і інш.), яны аказваюць найбольш моцны ўплыў на фарміраванне моўнай асобы. *Творы вуснай народнай творчасці* (смяшынкі, жарты, народныя апавяданні, загадкі) маюць выразную сюжэтную аснову. Гэта дае магчымасць прааналізаваць сітуацыю маўлення, вызначыць *што* стала *намерам* выказвання, *дзе* і *каму* адрасуецца тэкст, асаблівасці адбору лексіка-граматычных сродкаў. *Цытаты* з твораў беларускіх класікаў з'яўляюцца выразным тэзісам для стварэння разважання, разгортвання думкі, абгрунтавання ўласнай пазіцыі адносна вызначанай тэмы. *Выслоўі* (афарызмы, максімы, апафегмы, прыказкі, сентэнцыі, крылатыя словы), "па-першае, нясуць глыбокую, жыццёва важную, лагічна-закончаную думку-суджэнне, па-другое, перадаюць яе коратка, выразна, трапна, патрэцяе, уваходзяць у ідыяматыку мовы" [7; 115]. Дзеля таго, каб названыя прэцэдэнтныя тэксты ўзнаўляліся ў маўленні як гатовыя адзінкі, перш за ўсё варта практыкаваць іх завучванне на памяць, затым уключаць у апісанне сітуацыі ў якасці апорнага элементу. Разам з тым, звяртаючыся да такіх тэкстаў у працэсе вучэбнай дзейнасці, настаўніку неабходна раскрываць іх пазнавальнае значэнне і нацыянальную спецыфіку.

Такім чынам, працэс навучання беларускай мове ў сітуацыі білінгвізму павінен быць накіраваны на асэнсаванне вучнямі таго, што беларуская мова – гэта не проста сукупнасць моўных законаў, лексічных і граматычных формаў, не толькі мова асобных вучэбных прадметаў і мастацкай літаратуры, а праява жыцця народа. Камунікатыўныя тэхналогіі дазваляюць фарміраваць у вучняў свядомае стаўленне да беларускай мовы, дэманстраваць яе магчымасць выконваць разнастайныя функцыі і забяспечваць усе сферы жыцця чалавека. Гульня як элемент рэалізацыі камунікатыўнага навучання ма-

тывуе вучняў да засваення беларускай мовы як сродку зносін. Вучні паступова пераконваюцца, што ад узроўню валодання дзвюма дзяржаўнымі мовамі непасрэдна залежыць ўменне хутка адаптавацца, весці паўнавартасныя стасункі і самастойна вырашаць камунікатыўныя задачы ў разнастайных сацыяльных сітуацыях.

Літаратура

1. Канцэпцыя вучэбнага прадмета “Беларуская мова” // Роднае слова. – 2009. – № 8. – С. 90 – 96.
2. Леонтьев, А.А. Основы психолингвистики / А.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1997. – 287 с.
3. Винокур, Г.О. Культура языка / Г.О. Винокур. – 3-е изд. – М.: КомКнига, 2006. – 352 с.
4. Селевко, Г.К. Альтернативные педагогические технологии / Г.К. Селевко. – М.: НИИ школьных технологий, 2005. – 224 с.
5. Яленскі, М.Г. Лінгвадыдактычная парадыгма асобасна арыентаванага навучання мове ў сучаснай школе / М. Г. Яленскі. – Мн.: НІА, 2002. – 212с.
6. Попова, Е.А. Прецедентные тексты в обучении русскому языку / Е.А. Попова // Русский язык в школе. – 2007. – № 3. – С. 44 – 49.
7. Міхневіч, А.Я. Выслоўі / А.Я. Міхневіч // Беларуская мова: Энцыклапедыя / Бедарус. энцыкл., пад рэд. А.Я. Міхневіча. – Мн.: БелЭН, 1994. –с. 115 – 116.
8. Эльконин, Д.Б. Психология игры. – 2-е изд. / Д.Б Эльконин. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. – 360 с.

Н.Е. Минина (Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)

ОБУЧЕНИЕ ЧТЕНИЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РКИ

Обучение китайских студентов по системе «3+3» (три курса – в Китае, 4-й, 5-й курс и магистратура – в Беларуси) по русскому (иностранному) языку в Витебском государственном университете им.Машерова заканчивается сдачей кандидатского экзамена. На экзамене студентам предлагается написать резюме – пользуясь словарём, кратко изложить содержание отрывка из научной статьи по специальности (объемом 2500 знаков); прочитать и понять научный текст по специальности (объемом 1500 знаков) без словаря и ответить на вопросы по тексту; пересказать предложенный газетный текст общественно-культурной проблематики (1500 знаков); ответить на вопросы, связанные с магистерской диссертацией. Следовательно, при подготовке к кандидатскому экзамену основная задача преподавателя РКИ – научить читать и понимать профессионально ориентированные научные тексты, сформировать базовый терминологический словарь, повторить основные грамматические конструкции научной речи.

Цель доклада – проанализировать систему работы с магистрантами-нефилологами по совершенствованию умения извлекать информацию из специальных текстов и интерпретировать ее.

Поставленные нами коммуникативные задачи предопределяют выбор видов чтения: формируются прежде всего навыки *ознакомительного* чтения (общий охват информации, внимание – на основную информацию), *поискового* чтения (поиск заданной информации) и *изучающего* (детального) чтения. Кроме того, чтение профессионально ориентированных текстов в основном носит синтетический характер, не предусматривает детального анализа языковых средств и композиционных особенностей.

Как правило, все виды чтения отрабатываются сразу на одном тексте: предтекстовая работа – это ознакомительное чтение, собственно работа с текстом – это изучающее (детальное) чтение и послетекстовая работа – поисковое чтение.

Практика работы с магистрантами-нефилологами (специальность «Музыкальное искусство») и анализ ее результатов позволяют говорить о необходимости системной и последовательной организации данного вида учебной деятельности.

1. *Отбор текстов* для чтения чрезвычайно важен. Текст должен быть значимым с точки зрения будущей специальности и в то же время не узкоспециальным, представлять собой текст-рассуждение, содержать базовую терминологию, с точки зрения содержания он должен включать как универсально, так и национально значимую информацию, с точки зрения структуры – иметь строгую композицию, в которой четко прослеживается проблема, шаги автора по решению этой проблемы и вывод.

2. *Систематизация текстов* с учетом поставленных задач: тексты для подготовки резюме, пересказа или для быстрого прочтения с целью извлечения основной информации.

3. Знакомство с жанром *резюме*, его структурой и лексико-грамматическим наполнением.

4. *Точная формулировка заданий к текстам.* Подбор заданий и упражнений проводится в соответствии с видами чтения и поставленными задачами.

При детальном чтении проводится работа по составлению развернутого плана текста; тезисов; поиску в каждом абзаце и в тексте в целом предложений, передающих основную информацию текста (абзацев); нахождению структурно-композиционных частей (построению модели текста: тема, коммуникативная задача, микротемы, способствующие решению поставленной задачи – возможно, графически [1; 90]), постановке вопросов (могут предлагаться и предварительные вопросы, требующие детального изучения текста), установлению смысла путем анализа языковых форм. Следует все же помнить, что и при этом виде чтения основной объект изучения – информация, а не языковой материал.

При ознакомительном чтении примерные виды заданий: *Определите основную мысль текста; Скажите, о ком (о чем) говорится в тексте; Отметьте предложения, важные для пересказа текста; Определите содержание текста по заголовку; Объясните смысл названия текста; Соответствуют ли данные предложения содержанию текста? Выделите главную и второстепенную информацию; Определите ключевые слова, несущие основную информацию текста; Подчеркните слова, которые могут быть опущены; Изложите сжато содержание предложения, абзаца, текста.*

Отработка навыков ознакомительного чтения проводится в основном на базе газетных публикаций. Главная задача – переработка информации, внимание же к языковым составляющим, элементы анализа минимальны.

Для достижения цели при данном виде чтения бывает достаточно понимания 75% текста, если в остальные 25% не входят ключевые положения текста, существенные для понимания его содержания [2, 56].

При поисковом чтении предлагаются задания типа *Найдите в тексте….*, что предполагает умение ориентироваться в логико-смысловой структуре текста без его детального анализа.

Особо проводится работа над *темой* (и микротемами) текста и основными *проблемами*, представленными в тексте, разграничению этих терминов.

4. *Система контроля* предполагает проверку следующих умений и навыков:

а) *когнитивных* умений, т.е. умений извлекать имплицитно заложенную в тексте информацию, преобразовывать ее, конструировать культурно-исторический смысл, что особенно важно для профессионально ориентированных текстов. В частности, это

- умение интерпретировать факты, оценивать степень их значимости в контексте;
- умение определить идею текста, если она вербально не выражена;
- умение дать оценку фактам, изложенным в тексте, и всему содержанию текста в целом;

б) *организационных* умений:

- отбирать тексты в соответствии с общей темой;

- реконструировать текст (видеть заложенные в нем микротексты, логику их следования друг за другом) [2; 94];

в) *фонетических навыков* (навыков техники и скорости чтения при чтении вслух).

Таким образом, комплексная работа с текстами по специальности как завершающий этап в процессе подготовки по РКИ позволяет подготовить магистрантов к сдаче кандидатского экзамена, скорректировать основные коммуникативные умения и навыки в профессиональной сфере.

Литература

1. Русский язык как иностранный. Методика обучения русскому языку : учеб. пособие для высш. учеб. заведений / [Г.М. Васильева и др.] ; под ред. И.П. Лысаковой. – М. : Гуманитар. изд. цент ВЛАДОС, 2004.
2. Фоломкина, С.К. Обучение чтению на иностранном языке в неязыковом вузе / С.К. Фоломкина. – М.: Высшая школа, 1987.
3. Федотова, Н.Л. Методика преподавания русского языка как иностранного (практический курс) / Н.Л. Федотова. – СПб. : Златоуст, 2013.

Е.В. Михайлова (Белорусская государственная академия музыки)

БИОГРАФИИ И ТВОРЧЕСТВО БЕЛОРУССКИХ ХУДОЖНИКОВ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА ИНОСТРАННЫМИ УЧАЩИМИСЯ МУЗЫКАЛЬНОГО ПРОФИЛЯ

Иностранные учащиеся музыкального профиля (студенты, магистранты и аспиранты) в Республике Беларусь в процессе изучения русского языка получают много лингвострановедческой информации, включающей сведения по мировой, русской и белорусской истории и культуре и т.д. Республика Беларусь является для них страной проживания и обучения, поэтому они должны ознакомиться со сведениями о выдающихся деятелях белорусской музыки, литературы, живописи и т.д. Использование на занятиях национально-культурного материала, учет междисциплинарных связей является актуальным и необходимым условием для подготовки творческих личностей, способных реализовать свой потенциал в условиях диалога культур.

Изучение биографий и творчества белорусских художников занимает особое место среди лингвострановедческих тем, поскольку этот материал дает учащимся огромное количество общекультурной информации; а также обладает наглядностью, позволяющей увидеть многое из того, о чем рассказывает преподаватель. Работа с искусствоведческими темами, связанными с живописью, предусмотрена в рамках социально-культурной сферы общения программами основного курса русского языка как иностранного (РКИ): «Известные русские художники (И.И. Шишкин, В.А. Серов и др.)» [5; 15] (I курс), «Мир прекрасного искусства. Крупнейшие художественные музеи Республики Беларусь и Российской Федерации. Стили и жанры в изобразительном искусстве русских художников XIX–XX вв.» [5; 16], «Жизнь и творчество русских живописцев (А. Рублев, И.Н. Крамской, И.Е. Репин и др.» [5; 16] (II курс), а также магистерского курса РКИ: «Знаменитые художники (И.И. Шишкин, И.Н. Крамской, В. Ванькович и др.» [4; 10]. В данной работе мы остановимся на изучении жизненного и творческого пути В.Ваньковича, Н.Орды и В.К.Бялыницкого-Бирули.

Рассказывая иностранным учащимся о выдающемся белорусском художнике и портретисте В. Ваньковиче (1800–1842), следует обратить их внимание на то, что он родился 12 мая 1800 г. в Минской губернии; учился в Полоцкой иезуитской академии, на отделении литературы и изящных искусств Виленского университета, в Петербургской Императорской академии художеств; в 1820-е гг. создал ряд портретов – К. Липиньского, М. Шимановской, А. Мицкевича, А. Пушкина и др.; в 1830-е гг. совершен-

ствовал свое мастерство (Н. Сычева пишет о работах рассматриваемого художника: «Человек в портретах В. Ваньковича не распахивает душу навстречу миру, не открывает ее вовне, а как будто отстраняется от него; смотрит на мир через призму своих душевных переживаний» [6; 13]); уехал работать и выставлять свои произведения в Берлин, Дрезден, Мюнхен; затем прибыл в Париж, где через полгода умер 12 мая 1842 г. Можно показать обучаемым автопортреты В. Ваньковича, портрет К. Липиньского, картину «Певчие Виленского кафедрального собора» и др. [1].

Говоря об известном белорусском пианисте, композиторе и художнике Н. Орде (1807–1883), необходимо отметить, что он родился 11 февраля 1807 г. в Кобринском уезде; учился в Свислочской гимназии и на физико-математическом факультете Виленского университета; за участие в тайном студенческом товариществе сидел в тюрьме; участвовал в восстании 1830–1831 гг., после разгрома которого уехал за границу, где жил с 1831 по 1856 гг. Будучи в Париже, Н. Орда брал уроки рисования и музыки; дружил с Ф. Шопеном, А. Мицкевичем; сочинял музыку; работал директором Итальянской оперы; путешествовал по Франции, Англии, Шотландии, Голландии и другим странам и рисовал пейзажи. В 1856 г. художник вернулся на Родину, занимался хозяйством, музыкой и рисованием; после восстания 1863–1864 гг. его по доносу арестовали из-за подозрения в поддержке повстанцев; благодаря вмешательству посла Франции в России отпустили «…по амнистии под подписку, что до окончания следствия он будет жить … в семье сестры…» [7; 30]. Там Н. Орда уделял время живописи и музыке. В 1872 г. Н. Орда начал учить сына генерала А. Ржевусского музыке и рисованию. В это время у творца появилась идея создать «…художественную энциклопедию исторических мест своей родины…» [7; 32] и он взялся за ее осуществление (он был в Гродненской, Минской, Витебской, Киевской и других губерниях): рисовал, а затем издавал альбомы литографий; написал учебник «Грамматика музыки». Н. Орда умер в Варшаве 26 апреля 1883 г. Необходимо показать иностранным учащимся следующие рисунки Н. Орды: «Хутор Заосье – усадьба Мицкевичей (Брестский уезд)» [7; 11], «Имение Яшуны (Виленская губерния) – имение Огинских» [7; 15] и др.

Рассказывая о знаменитом художнике В.К. Бялыницком-Бируле (1872–1957), нужно остановиться на следующих фактах его биографии: он родился 17 февраля 1872 г. на Могилевщине; в детстве мать читала ему сказки А.С. Пушкина и исполняла песни и романсы под аккомпанемент рояля; он учился во Владимирском кадетском корпусе и одновременно в школе рисования Н. Мурашко, затем – в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, участвовал в ученических выставках. В.К. Бялыницкий-Бируля был избран членом Товарищества передвижных художественных выставок; в начале XX в. он путешествовал по Европе; затем занимался общественной, культурно-просветительской и творческой работой, создал «…новый вид пейзажа – мемориальный» [3; 15] (В. Прокопцов пишет о его картинах: «С большим пиететом художник относится в своем творчестве к гениальным деятелям русской культуры: А.С. Пушкину, Л.Н. Толстому, П.И. Чайковскому… все живописные произведения художника пропитаны музыкой, волшебные звуки которой будто исходят из его полотен» [3; 15]). В.К. Бялыницкий-Бируля «…работает и над индустриальным пейзажем: в 1934–1938 гг. осуществляет творческие поездки на строительство Азовстали, за Полярный круг…» [3; 16]. В годы Великой Отечественной войны он нарисовал произведения, выражающие его патриотические чувства; в 1947 г. посетил Беларусь, создал цикл картин о Родине. Умер художник 18 июня 1957 г. Следует обратить внимание иностранных учащихся на такие работы В.К. Бялыницкого-Бирули, как «Тихая светлая ночь», «Час тишины. Озеро Удомля», «Клин. Дом П.И. Чайковского» и др. [2].

Во время изучения биографий и творчества белорусских художников можно применять следующие типы заданий к текстам о них (составленным по указанным в списке

литературы работам) – предтекстовые: а) выучить новые слова (*портрет*, *живопись*, *выставка*, *автопортрет*, *полотно*, *пейзаж*, *краски*, *акварель*, *литография*, *гуашь*, *альбом*, *гравюра*, *колорит*, *набросок*, *галерея*, *экспонировать* и др.), б) вспомнить музыкальные термины и объяснить их значение; это важно, поскольку В. Ванькович рисовал картины, связанные с музыкой; Н. Орда был композитором и музыкантом; в доме В.К. Бялыницкого-Бирули с детства звучала музыка и т.д. (*фортепиано*, *клавикорды*, *полонез*, *мазурка*, *вальс*, *полька*, *ноктюрн*, *серенада*, *песня*, *опера*, *концерт*, *гармония*, *полифония*, *инструментовка*, *оркестр*, *мелодия*, *романс*, *рояль* и др.), в) ознакомиться с новым или модифицированным значением известных иностранным учащимся слов при обозначении понятий по теме «Живопись» и составить предложения с этими лексическими единицами (*жанр*, *композиция*, *образ*, *перспектива*, *деталь*, *мотив*, *тон*, *оттенок*, *этюд* и др.), г) охарактеризовать имена существительные при помощи имен прилагательных и с полученными словосочетаниями составить предложения (*портрет – известный*, *парадный*, *семейный*, *стародавний*, *единственный*, *собственный* и др.; *пейзаж – архитектурный*, *архитектурно-ландшафтный*, *импрессионистический*, *родной*, *мемориальный*, *индустриальный*, *морской*, *северный* и др.), д) подобрать к именам прилагательным имена существительные (*творческий – жизнь*, *сила*, *становление*, *работа*, *подвиг*, *наследие*, *гений* и др.; *живописный – работа*, *полотно*, *произведение*, *уголок*, *место*, *композиция*, *техника*, *природа* и др.) и образовать предложения с данными словосочетаниями, е) подобрать к словам синонимы (*рисовать – писать*, *изображать*, *представлять* и др.; *картина – полотно*, *холст* и др.) и др.; притекстовые: а) прочитать текст и сказать, что обучаемые узнали о личности художника, б) прочитать текст и назвать основные произведения живописца и др.; послетекстовые: а) ответить на вопросы, используя информацию текста, б) составить назывной план текста и пересказать текст по плану, в) посмотреть репродукции картин художника, предложенные преподавателем, и написать эссе на тему «Художник и окружающий его мир» по любой понравившейся картине и др.

Анализируя произведения белорусских художников, следует учитывать специальность иностранных учащихся и предлагать репродукции картин, имеющих прямую или опосредованную связь с музыкой. Например, рассматривая портрет К. Липиньского (1790–1861), созданный В. Ваньковичем в 1822 г., необходимо рассказать обучаемым об этом замечательном польском музыканте, композиторе, дирижере; о блестящих концертах с его участием во Львове, Варшаве, Вене, Петербурге, Москве и других городах и т.д. Нужно обратить внимание иностранных учащихся на глаза музыканта, выражающие его богатый внутренний мир, а также на струнный инструмент в его руке; и попросить их подобрать слова и словосочетания для характеристики К. Липиньского, записать их и при их помощи рассказать (или написать сочинение) об изображенной на портрете креативной личности.

Таким образом, работа над биографиями и творчеством белорусских художников в процессе изучения русского языка иностранными учащимися музыкального профиля дает возможность обучаемым получать лингвокультурологическую информацию о Республике Беларусь, сопоставлять ее с уже имеющимися у них сведениями по темам «Живопись» и «Музыка», реализует междисциплинарные связи, помогает воспринимать различные виды искусства в их единстве и в многообразии их проявлений.

Литература

1. Валенцій Ваньковіч. Славутыя мастакі з Беларусі / аўт. тэксту і склад. Н.В. Сычова. – Мінск: Беларусь, 2012. – 23 с.: іл.
2. Вітольд Бялыніцкі-Біруля. Славутыя мастакі з Беларусі / аўт. тэксту і склад. У.І. Пракапцоў. – Мінск: Беларусь, 2012. – 27 с.: іл.
3. Прокопцов, В. Витольд Каэтанович Бялыницкий-Бируля / В. Прокопцов // Вітольд Бялыніцкі-Біруля. Славутыя мастакі з Беларусі / аўт. тэксту і склад. У.І. Пракапцоў. – Мінск: Беларусь, 2012. – С. 11–19.

4. Русский язык как иностранный. Учебная программа для студентов магистратуры БГАМ / сост. Е.В. Михайлова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск: УО «Белорус. гос. академия музыки», 2010. – 32 с.
5. Русский язык как иностранный. Учеб. программа основного курса для студ. БГАМ / сост. Е.В. Михайлова, Е.В. Назарко. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск: УО «Белорус. гос. академия музыки», 2010. – 56 с.
6. Сычева, Н. Валентий Вильгельм Ванькович / Н. Сычева // Валенцій Ваньковіч. Славутыя мастакі з Беларусі / аўт. тэксту і склад. Н.В. Сычова. – Мінск: Беларусь, 2012. – С. 11–17.
7. Чаропка, В. Напалеон Орда: Выдатны беларускі музыка і мастак / В. Чаропка. – Мінск: «Харвест», 2013. – 64 с.

О.Д. Мхитарян (Николаевский национальный университет имени В.А. Сухомлинского)

ЭЛЕМЕНТЫ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБУЧЕНИИ УЧАЩИХСЯ С НИЗКИМ УРОВНЕМ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЗНАНИЙ И УМЕНИЙ

В условиях инновационной перестройки образовательной системы актуализируется проблема качества литературного образования, призванного обеспечивать развитие человека в интересах его самого и общества в целом. Насущность решения этого вопроса объясняется, во-первых, массовым характером неуспеваемости учащихся-читателей, во-вторых, недостаточной разработанностью теоретико-прикладных аспектов развивающего обучения литературе. Современное состояние преподавания украинской литературы требует четких методических рекомендаций по формированию литературных знаний и умений учащихся с низким уровнем учебных достижений.

Проблема использования инновационных технологий в обучении учащихся с низким уровнем успеваемости преимущественно находит свое решение в разрозненных психолого-педагогических и методических исследованиях. Теоретическая позиция относительно психического развития личности в ходе преодоления отставания учащихся в обучении литературе обосновывается с опорой на концепции развития высших психических функций (Л. Выготского) и развития интеллекта (Ж. Пиаже), учение об общих закономерностях психического развития ребенка (П. Гальперина, В. Давыдова, Д. Эльконина, Л. Занкова, Г. Костюка, С. Рубинштейна, Н. Талызиной).

Научные основы развивающего обучения, заложенного еще в трудах И. Песталоцци, А. Дистервега, К. Ушинского, получили последовательное развитие в прогрессивном направлении современной психолого-педагогической мысли – педагогике развития. Разработанные учеными (Е. Пехотой, А. Плигиным, М. Поташником, С. Сысоевой, И. Якиманской и др.) принципы личностно-ориентированного обучения и воспитания благодаря инновационным образовательным технологиям – необходимое условие формирования знаний и умений и учащихся с низким уровнем успеваемости.

В методике преподавания украинской литературы основные аспекты технологического совершенствования литературных знаний и умений учащихся отражены в современных методических концепциях: саморазвития (Б. Степанишин), мотивации познавательной деятельности учащихся-читателей (Е. Пасичник), компаративного (А. Градовский) и контекстного (В. Гладышев) изучения художественных произведений, во взаимосвязи с разными видами искусств (С. Жила), экзистенционально-диалогического изучения литературы (А. Токмань), процессуально упорядоченного обучения (Н. Волошина, А. Ситченко) и др. Ученые подчеркивают важность индивидуальной апелляции ко всем ученикам при изучении литературы, утверждая ведущую роль специально организованного обучения в целенаправленном становлении личности. Однако отсутствие в методической науке системного подхода в использовании современных педагогических инноваций для целенаправленного развития литературных

знаний и умений в учащихся с низким уровнем учебных достижений приводит к игнорированию их читательских проблем, лишая учителя конкретных методических рекомендаций по специфике развивающего обучения литературе.

Целью статьи является обоснование использования элементов инновационных технологий в методике формирования литературных знаний и умений у учащихся с низким уровнем учебных достижений.

Инновационное обучение учащихся с познавательными трудностями в изучении литературы требует конкретизации понятия „инновации в образовании", которое современными педагогами трактуется как процесс создания, внедрения и распространения в образовательной практике новых идей, средств, педагогических и управленческих технологий, в результате которых повышаются показатели (уровни) достижений структурных компонентов образования, совершается переход системы к качественно другому состоянию [4; 338]. Причем, как отмечает М. Кларин, репродуктивная и проблемная направленность образовательного процесса воплощаются в двух основных инновационных подходах к преобразованию обучения в современной педагогике – технологическом и поисковом [6; 8]. Преимуществом использования именно технологического подхода в обучении учащихся с низким уровнем литературных знаний и умений является прежде всего то, что такие дидактические поиски предусматривают гарантированное достижение запланированных учебных результатов. Поскольку для усовершенствования процесса обучения на уроке литературы требуется учитывать и использовать закономерности развития каждого из „проблемных" учащихся, выстраивая стратегию их инновационного обучения, подчеркиваем значение технологий развивающего обучения, которые акцентируют на процессе усвоения знаний как предпосылке успешной деятельности школьников [8; 180–218].

Используя теорию содержательного обобщения (В. Давыдов, Д. Эльконин), в литературном развитии учащихся с трудностями в обучении главной задачей считаем не накопление предметных знаний, а овладение общими способами умственных действий на основе предварительно сформированных мотивов усвоения обобщенных действий, мотивов собственного роста, совершенствования (Д. Эльконин) [3]. Процессуальная ориентация в обучении литературы не противоречит ее художественной специфике, поскольку, по убеждению специалистов, „... недооценивать интеллектуальный аспект литературного анализа так же пагубно для его адекватного восприятия, как и учитывать только эмоционально-чувственное влияние прочитанного на характер реципиента" [9; 49]. Поэтому в обучении учащихся с низкой успеваемостью особое внимание обращаем на принцип содержательного обобщения, обеспечивающий решение проблемы школьной неуспеваемости путем направленности индивидуальной работы не только на изменение отношения учащихся к обучению и его результатам, но и на изменение характера их мышления, которое должно избавиться от ряда негативных качеств (поверхностности, инертности, неустойчивости, неосознанности, подражательности, интеллектуальной пассивности).

Опираясь на теорию поэтапного формирования умственных действий (П. Гальперин, Н. Талызина), совершенствование литературных знаний и умений учащихся с низким уровнем знаний выстраиваем на основе этапной познавательной деятельности благодаря решению ими литературных задач с использованием ориентировочной основы умственных действий. Это означает применение в обучении дозированной педагогической помощи в виде различных алгоритмов, памяток, инструкций, таблиц с постепенным их „сворачиванием" и переходом во внутренний план мышления школьников. Дискуссионным является утверждение П. Гальперина о том, что развитие мышления в обучении на основе ориентировочной основы умственных действий не происходит, а наблюдается только накопление знаний [1, 78–86], поскольку касается

преимущественно „сильных” учеников. Ведь устойчивым достоянием учащихся с высоким уровнем успешности являются сложившиеся способы умственных действий, поэтому такое обучение не вызывает у них никаких трудностей, следовательно, не способствует их развитию. Для сдвигов в литературном росте школьников с низким уровнем знаний нужно постоянно применять образцы умственных действий, что приводит к коррекции негативных качеств их мыслительной деятельности и накоплению значительного фонда «мыслительных операций определенных типов и уровней, что в конце концов позволит им сделать качественный прорыв в своем умственном развитии благодаря сбалансированному выполнению алгоритмических и поисковых умственных действий» [9; 137]. Алгоритмизацию учебной деятельности учащихся, которая позволяет целенаправленно влиять на их умственное развитие, высоко ценил и Г. Костюк [7; 397].

Решение проблем обучения учащихся с низким уровнем литературных знаний и умений осуществляется и на основании методологических положений теории развивающего обучения Л. Занкова. Поскольку, в отличие от накопления знаний и умений, развитие ребенка – это развитие его способностей (С. Рубинштейн), важен выдвинутый Л. Занковым принцип целенаправленной и систематической работы над общим развитием всех учеников, в том числе „слабых”. Преодоление отставания отдельных учащихся, настаивает Л. Занков, должно обеспечиваться не путем дополнительных тренировочных упражнений, а благодаря усиленному вниманию к общему психическому развитию этих учащихся, определению и последующей коррекции тех сторон психического состояния, задержка развития которых является основной причиной отставания [5]. Не отрицая развивающего значения систематического выполнения учебных упражнений, считаем необходимым сопровождать их устранением недостатков психологических процессов учащихся, которые мешают полноценному постижению ими литературы (восприятия, воображения, памяти, речи и внимания).

Итак, основными элементами инновационного обучения учащихся с низким уровнем успеваемости на уроках литературы прежде всего являются перспективные идеи технологий развивающего обучения: а) формирования у учащихся теоретического мышления и способов умственных действий (Д. Эльконин, В. Давыдов); б) ориентировочной основы умственных действий (П. Гальперин, Н. Талызина); в) совершенствования общего развития учащихся (Л. Занков).

Литература

1. Гальперин, П.Я. Формирование умственных действий / П.Я. Гальперин // Хрестом. по общ. психологии. Психология мышления / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Петухова. – М. : Издательство МГУ, 1981. – С. 78–86.
2. Давыдов, В.В. Виды обобщения в обучении (логико-психологические проблемы построения учебных предметов) / В.В. Давыдов. – М. : Педагогика, 1972. – 424 с.
3. Эльконин, Д.Б. Психология обучения младшего школьника / Д. Б. Эльконин. – М. : Педагогика, 1974. – 360 с.
4. Енциклопедія освіти / Акад. пед. наук України ; гол. ред. В. Г. Кремень. – Київ: Хрінком Інтер, 2008. – 1040 с.
5. Занков, Л. В. Дидактика и жизнь / Л.В. Занков. – М. : Просвещение, 1968. – 175 с.
6. Кларин, М. Н. Инновации в мировой педагогике : обучение на основе исследования, игры и дискуссии (Анализ зарубежного опыта) / М.Н. Кларин. – Рига : НПЦ „Эксперимент”, 1998. – 180 с.
7. Костюк, Г. С. Навчально-виховний процес і психічний розвиток особистості / Г. С. Костюк ; під ред. Л. М. Проколієнко ; упоряд. В.В. Андрієвська, Г. О. Балл, О. Т. Губко, О. В. Проскура. – Київ : Рад. школа, 1989. – 608 с.
8. Селевко, Г.К. Современные образовательные технологии : учеб. пособ. / Г. К. Селевко. – М. : Народное образование, 1998. – 256 с.
9. Ситченко, А.Л. Навчально-технологічна концепція літературного аналізу : монографія / А.Л. Ситченко. – Київ : Ленвіт, 2004. – 304 с.

Л.В. Рычкова (Гродненский государственный университет имени Я. Купалы)

КОРПУСНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В УСЛОВИЯХ БЛИЗКОРОДСТВЕННОГО ДВУЯЗЫЧИЯ

Необходимость применения информационно-коммуникативных технологий (ИКТ) при подготовке специалистов в системе высшего образования сегодня не вызывает никаких сомнений. Тем не менее, реальная практика их использования преподавателями существенно разнится в зависи-мости от специальности и направления подготовки. Роль и место ИКТ в обучении языкам пока еще не получили теоретического осмысления: «В целом, следует отметить отсутствие на сегодняшний день единой оценки ИКТ в процессе обучения РКИ, что, на наш взгляд, связано с решением проблем обучения в плоскости практического применения (методом проб и ошибок) в большей степени, чем их научного осмысления» [1;65]. Сказанное выше релевантно не только для обучения русскому языку как иностранному, но и для обучения русскому языку как родному (первому) и / или неродному (второму). Имеющийся значительный опыт в области применения ИКТ в преподавании языков зачастую недоступен преподавателям русистики либо в силу незнания ими иностранных языков либо в силу отсутствия обобщения такого опыта в русскоязычном информационном пространстве. Во многом такое состояние дел обусловлено обилием электронных ресурсов обучающего характера, в том числе свободно доступных в сети Интернет, реальный выбор которых с точки зрения степени их применимости для целей изучения русского языка весьма затруднителен в силу отсутствия типологии такого рода ресурсов, а также адекватных крите-риев оценки их качества.

Важная роль в обучении любому языку отводится аутентичному языковому материалу (в понимании Л.В. Щербы). Именно такой материал отражен в лингвистических (т.е. лингвистически размеченных) корпусах текстов. Среди последних особое место принадлежит Национальным (генеральным) корпусам как многопрофильному достоверному и аутентичному виду электронных языковых ресурсов. Национальные корпусы стремятся к отражению генеральной совокупности языкового материала с учетом максимального количества вариантов / форм существования языка, стилей, жанров и видов дискурса. Именно поэтому они оптимальным образом репрезентируют не только норму, но и реальный узус, сложившийся в ту или иную эпоху существования языка (при наличии исторических подкорпусов) либо в разные годы его современного состояния (учитывать хронологические характеристики при работе с корпусом позволяет специальная метаразметка). Немаловажным фактором, говорящим в пользу выбора лингвистических корпусов при использовании ИКТ в обучении языкам, является наличие стандартизованных процедур, которые используют разработ-чики таких ресурсов при их создании, что позволяет осуществлять оценку качества путем изучения соответствия корпуса требованиям международных стандартов ISO (Международной организации стандартизации). Неудивительно поэтому, что зарубежные специалисты в области лингводи-дактики считают, что использование корпусов создает основу для реализации инновационных направлений в преподавании языков, например, «discovery-based learning» [2;2] (‘обучение, основанное на открытиях’). Ги Астон – один из пионеров корпусной лингвистики, широко применявший при подготовке переводчиков в университетах Италии возможности Британского национального корпуса непосредственно после разработки его первой версии в 80-е гг. XX века, – выделил два основных практических направления использования корпусных технологий в обучении языку: «в первом, которое могло бы быть названо подходом типа COBUILD[1], корпус, прежде всего,

[1] Банк английского языка, предоставляющий богатые возможности поиска.

представляет собой ресурс, который может использовать методист и учитель для создания справочников, разработки учебных программ и материалов. Во втором, которое можно было бы назвать обучением, основанным на данных, корпус, прежде всего, представляет собой ресурс для учащегося» [3;51] (перевод наш – Л. Р.).

Среди всего многообразия лингвистических корпусов необходимо выделить два специфических вида лингводидактической направленности: учебные корпусы и корпусы обучающихся (также иногда называемые «учебными» [4]). Среди корпусов русского языка наиболее известны два собственно учебных корпуса: постоянно пополняемый учебный подкорпус Национального корпуса русского языка (НКРЯ), отражающий действующие нормы русской речи, т.е. речевой стандарт, (доступен по адресу www.ruscorpora.ru) и созданный исключительно для целей обучения рус-скому языку в Институте славистики Университета Хельсинки (Финляндия) небольшой глубоко аннотированный корпус ХАНКО (www.slav. helsinki.fi/hanko). В отличие от учебных корпусов, корпусы обучающихся для русского языка пока находятся в стадии разработки. В качестве примеров таких языковых ресурсов можно назвать корпус Russian Language Learner Corpus of Academic Writing (‘корпус академического письма изучающих русский язык’) (RULEC), создаваемый на кафедре русского языка и литературы Портландского университета (США, штат Орегон) [5] и пропедевтический корпус, имеющий целью предотвращение ошибок в русской речи иностранных студентов-носителей различных языков, концепция которого разрабатывается на кафедре общего и славянского языкознания Гродненского государственного университета имени Янки Купалы [6].

Для обучения русскому языку особенно важны электронные языковые ресурсы, создаваемые с учетом возможной интерференции с иными славянскими языками. Такая интерференция отмечается многими исследователями. Так, например, Т.М. Николаева, анализируя межъязыковые паронимию и энантиосемию, справедливо отмечает, что эти явления широко распространены в славянских языках как результат языкового процесса «распада древнейших диффузных значений слов» и закрепления в разных языках особых «семантических оттенков в силу различных условий функционирования языков» [7; 141]. А.Е. Михневич считал исследование межъязыковой интерференции важнейшим направлением «в изучении национального и русского языков» и относил проблему интерференции к сфере «билингвальной ортологии», задача которой – «дать не просто опре-деление языковой нормы, а определение динамическое, прикладное, практически значимое, максимально ориентирующее билингва на выбор наиболее целесообразного в данных условиях общения языкового варианта» [8; 10]. Именно А.Е. Михневичем был предложен термин «нациолект», «подчеркивающий, во-первых, реальность и относительную самостоятельность обозначаемого им явления; во-вторых, онтологически и концептуально соотносимый с другими «лект»-образованиями (диалект, социолект, идиолект, нациолект) и в силу этого, в-третьих, достаточно определенно указы-вающий на невозможность превращения данного явления в национальный вариант русского литературного языка» [8; 11-12]. Отметим, что такой подход не исключает, а, напротив, предполагает региональное варьирование узуса русской речи, поэтому особую роль в обучении русскому языку в условиях близкородственного (например, белорусско-русского) билингвизма могут и должны сыграть «региональные» корпусы русского языка. Именно такой корпус на материале русскоязычных СМИ Гродненщины создается в настоящее время в рамках международного проекта, реализуемого учеными Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (Беларусь) и Института русского языка имени В.В. Виноградова Российской академии наук. Данный корпус представляет собой первый, пилотный, вариант регионального корпуса русского языка [9]. Как отмечают российские участники проекта, «новая языковая ситуация в

государствах постсоветского пространства приводит к усилению процессов дивергенции региональных вариантов русского языка и кодифицированного языка метрополии» [10; 345], поэтому иллюстративный лингвистически размеченный корпус русскоязычных СМИ Гродненщины положит начало формированию «в составе НКРЯ нового модуля, представляющего регио-нальные варианты литературного стандарта» [10; 352]. Тексты СМИ выбраны не случайно. Во-первых, именно СМИ наиболее «чувствительны» ко всем факторам социо- и лингвоэкологии; во-вторых (и это наиболее важно), эти тексты в наивысшей степени отражают тенденцию к интеллектуализации, которая «воплощается в широком использовании категории интертекстуальности включая разные явления прецедентности (в том чис-ле использование фразеологических единиц), а также приема игры слов, аллюзии, иронии, неоднократно создаваемых на их основе» [11; 120]. Одновременное использование корпуса-эталона (основного корпуса, отражающего стандарт метрополии) и регионального корпуса позволит выделить и описать национально-специфичные вкрапления и регионализмы (их интерпретация необходима при обучении иностранцев русскому языку в вузах Беларуси); выявить типичные случаи интерференции с белорусским и другими языками (должны отражаться в учебной литературе по культуре русской речи), а также отразить аксиологически обусловленные различия в языковых картинах мира русскоязычных белорусов и россиян.

Литература

1. Антропова, М.Ю. Образовательные возможности информационно-коммуника-ционных технологий в РКИ / М.Ю. Антропова // Применение информационно-комму-никационных технологий в практике преподавания русского языка как иностранного: материалы Международного межвузовского семинара 2008–2011 гг. – Москва: РосНОУ, 2011. – С. 56-66.
2. Corpus Studies in Language Education. – Bangkok: IELE Press, 2002. – 214 p.
3. Aston, G. Small and large corpora in language learning / G. Aston // Practical Applications in Language Corpora. – Lódź: Lódź University Press, 1997. – P. 51-62.
4. Камшилова, О.Н. Учебный корпус текстов: потенциал, состав, структура / О.Н. Камшилова. – СПб.: ООО «Книжный Дом», 2012. – 58 с.
5. Алсуфьева, А.А. Опыт разработки лингвистического корпуса на основе письменных работ студентов РКИ продвинутого уровня / А.А. Алсуфьева, О.В. Кис-силев // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика – 2013». – СПб.: С.-Петербургский гос. университет, Филологический факультет, 2013. – С. 165-172.
6. Рычкова, Л.В. Корпусные технологии в исследовании русской речи иностран-ных студентов / Л.В. Рычкова, А.Ю. Станкевич // Труды Казанской школы по компью-терной и когнитивной лингвистике TEL-2012. Сер. Интеллект. Язык. Компьютер. – Вып.15. – Казань: Изд-во «Фэн» Академии наук РТ. – 2012. – С. 40-47.
7. Николаева, Т.М. Проблемы межславянской интерференции / Т.М. Николаева // Сборник материалов научной программы российской экспозиции Международной выставки «Эксполингва-2007». – М.: РосНОУ, 2008. – С. 138-145.
8. Русский язык в Белоруссии / А.Е. Михневич и др. – Мн.: Наука и техника, 1985. – 272 с.
9. Рычкова, Л.В. Принципы создания газетного корпуса СМИ Гродненщины / Л.В. Рычкова, А.Ю. Станкевич, Ю.А. Бодак // Компьютерная лингвистика: научное на-правление и учебная дисциплина: сб. науч. ст. Вып. 2. – Гомель: ГГУ им. Ф.Скорины, 2012. – С. 88-92.
10. Кустова, Г.И. Изучение лексико-семантической и социокультурной специи-фики русской речи на территории Республики Беларусь (на материале текстов СМИ) / Г.И. Кустова, С.О. Савчук // Труды международной конференции «Корпусная лингвис-тика – 2013». – СПб.: С.-Петербургский гос. университет, Филологический факультет, 2013. – С. 344-352.
11. Пстыга, А. Текст и словарь: к проблеме межкультурной коммуникации / А. Пстыга // Слово и словарь: сб. науч. трудов по лексикографии. – Харьков- Клаген-фурт: ХЛО НТУ «ХПИ» и др., 2011. – С. 119-122.

Подготовлено в рамках проекта, реализуемого при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (договор № Г13Р-050 от 16.04.2013 г.).

Н.М. Татаринова (Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)

ОШИБКИ В РУССКОЙ РЕЧИ ТУРКМЕНСКИХ СТУДЕНТОВ, ВЫЗВАННЫЕ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИЕЙ

Опыт преподавания РКИ в туркменской аудитории показывает, что использование педагогом знаний о соответствиях и несоответствиях в русском и туркменском языках способствует более качественному усвоению материала. Изучение так называемого поля потенциальной интерференции на основе контрастивного анализа двух языковых систем необходимо для дальнейшего совершенствования методической науки и практики. Знание педагогом сходств и различий в системах контактирующих языков позволяет избежать ошибок, обусловленных межъязыковой интерференцией.

Лексическая интерференция возникает в связи с недостаточным знакомством туркменских студентов с русской лексико-семантической системой, сложностью смысловых и сочетательных связей между эквивалентными в двух взаимодействующих языках словами. Типичными случаями лексической интерференции являются ошибки в лексической сочетаемости, в употреблении глаголов движения, семантизации вопросов «почему» и «зачем».

• ***ошибки в лексической сочетаемости***

В качестве примеров нарушения лексической языковой нормы можно назвать такие сочетания, как *почти трудный текст/kyn diyen yaly tekst; сильная память/guychli yatkeshlik; работать домашнее задание/ ishlemek oy ishlerin etmek; поставить вещи в сумку/goshlary sumkada yatyryp goymak.* Студенты составляют их путём прямого перевода с родного языка.

• ***ошибки в употреблении глаголов движения***

В туркменском языке в отличие от русского нечётко дифференцирован способ передвижения. В паре *идти/ехать* наиболее активно используется глагол *идти*. *(Ты идёшь на рынок? Ты едешь на рынок?/Sen bazara gidip* ***baryanmy****?* Он пришёл из университета. Он приехал из университета/*Ol uniwersitetden* ***geldi****).* Трудность для студентов представляют также глаголы со значением однократного/многократного движения. В туркменском языке глаголы *идти/ходить, ехать/ездить, лететь/летать* передаются посредством одних и тех же лексем *(Птица летит. Птица летает/Gush uchyar).*

• ***ошибки в употреблении вопросительных слов «почему» и «зачем»***

В туркменском языке они имеют похожий перевод *(зачем/name uchin; name sebapli; name maksat bilen; почему/name uchin; sebabi name; na sebapden)*. Кроме того, путаница возникает из-за ошибочной семантизации этих вопросов.

Грамматическая интерференция вызывает ошибки в русской речи туркмен, обусловленные отсутствием либо специфическим выражением отдельных грамматических категорий в их родном языке.

• ***ошибки в определении рода***

В туркменском языке в отличие от русского нет грамматического рода, а биологический род представлен мужским и женским. В связи с этим значительная часть грамматических ошибок вызвана употреблением студентами преимущественно форм мужского рода. *(Это мой мама. Зылайха приготовил ужин. Сестра сейчас занят. Время шёл).*

Особую трудность для туркмен представляет немотивированное распределение по родам существительных на Ь *(день, ночь, тетрадь, словарь, дверь, кровать, лошадь).* Также часто ошибочно определяется род существительных с нулевым окончанием в форме родительного падежа множественного числа *(газет, минут, собак, машин).* По аналогии с существительными на *-а (-я)* слова на *-мя* воспринимаются студентами как слова женского рода *(свободная время, красивая имя)*.

Ошибки в согласовании мотивированы неизменяемостью в туркменском языке прилагательного, порядкового числительного, притяжательных и указательных местоимений *(родной страна, второй общежитие, мой глаза, этот студенты)*. В тюркских языках связь слов в словосочетании осуществляется только примыканием и управлением.

• ***ошибки в образовании множественного числа***

В родном языке студентов форму множественного числа можно образовать от любого существительного при помощи аффиксов *-лар/-lar (-лер/-ler)* по аналогии с наиболее употребляемыми русскими окончаниями *–ы/(-и)*. Поэтому туркмены часто образуют форму множественного числа от существительных среднего рода неправильно *(окны/penjireler, письмы/hatlar).* Наблюдаются ошибки в существительных, имеющих только форму множественного числа (*каникул/dynch alysh, шахмат/kusht, брюк/jalbar, balak)* или только единственного числа *(одежды/eshikler, обуви/kowushler, посуды/gap-gachlar).* Трудности запоминания особых случаев образования форм множественного числа в русском языке вызывают ошибки, связанные с использованием регулярных флексий *(други/dostlar, глазы/ gozler, деревы/agachlar, ухи/gulaklar, сыны/ogullar, мужи/arler).* Сложны для усвоения супплетивные формы *человек/adam – люди/adamlar (человеки), ребёнок/chaga – дети/chagalar (ребёнки)*.

• ***ошибки в употреблении предлогов***

В туркменском языке нет предлогов, необходимых в русском управлении, их заменяет система послелогов (аффиксов). Поэтому часто наблюдаются трудности в различении предлогов *в/на*, выражающих пространственные отношения. В родном языке учащихся эту функцию выполняют аффиксы пятого туркменского падежа *-da/-de (в рынке(bazarda), на гостях (myhmanchylykda), в соревнования (yaryshda), на театр (teatrda).* Нередко наблюдается пропуск предлогов при выражении временных отношений (*Два часа начинаются занятия. Прошлой неделе был дождь.),* в моделях *играть на чём (играть на гитаре/gitara chalmak) и играть во что (играть в волейбол/voleybol oynamak),* в употреблении предлога *с* при существительном в творительном падеже в значении орудия действия *(писать ручкой/ruchka bilen yazmak; рисовать карандашом/galam bilen surat chekmek, где слово bilen имеет значение совместности) и т.д.*

• ***ошибки в употреблении видов глагола***

Системы вида русского и туркменского глагола различны. В родном языке студентов незаконченный и законченный виды передаются главным образом аналитическим способом, т.е. при помощи вспомогательного глагола, например: *Мекан писал сочинение/Mekan duzme yazdy. Мекан написал сочинение(Mekan duzme yazyp* ***boldy****).* Поэтому при дифференцировании глаголов несовершенного и совершенного вида для туркмен характерны ошибки *(Весь день Мекан написал сочинение. Раньше я часто купил цветы на рынке. Вчера он встречал на улице своего одноклассника).*

• ***ошибки в употреблении качественных прилагательных и наречий***

В связи с тем, что в родном языке студентов прилагательное является неизменяемой грамматической категорией, имеют место случаи смешения качественных прилагательных и наречий, которые в туркменском эквиваленте часто передаются одной лексемой и переводятся одинаково (*Мы интересно рассказ читали/Biz* ***gyzykly*** *hekeyany okadyk. Это очень интересный/Ol oran* ***gyzykly****).*

• ***ошибки в употреблении собирательных числительных***

Отсутствие ограничений в образовании словосочетаний с собирательными числительными в родном языке позволяют туркменам образовывать подобные конструкции и в русском (*двое мальчиков/iki sany oglan* и по аналогии *двое девочек/iki sany gyz, трое словарей/uch sany sozluk*).

• ***ошибки в построении предложений***

Специфика туркменского предложения заключается в том, что глагол-сказуемое стоит в конце, а дополнения и обстоятельства после подлежащего. Синтаксическая модель родного языка вызывает ошибочное построение русских предложений *(Я с другом сижу /Men dostum bilen otyryn. Он журнал читает /Ol jurnal okayar. Им новый фильм понравился. Olara taze film yarady).*

Особый вид ошибок связан с глаголом-связкой *есть*, который должен находиться в конце предложения *(Сегодня у нас зачёт есть /Shu gun bizing synagymyz* ***bar****).*

При конструировании частного вопроса (ИК-2) туркмены нарушают место вопросительного слова, которое в их родном языке может стоять или в конце, или в середине предложения *(Ты где был?/ Sen* ***nirede*** *boldun? Он какую музыку любит?/Ol* ***haysy*** *sazy gowy goryar?)*

Таким образом, использование знаний о сходствах и различиях в контактируемых языках помогает предупреждать лексико-грамматическую интерференцию в русской речи туркменских студентов и оптимизировать учебный процесс.

С.М. Яковлев (Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)

ВОПРОСЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ В РАБОТЕ СНК КАФЕДРЫ РКИ

На современном этапе развития общества научно-исследовательская работа должна служить формированию творческой личности студента, способного эффективно решать возникающие перед ним проблемы. Изменения в процессе обучения в вузе, а также новые требования к образовательному уровню специалистов, диктуемые современными условиями, определяют необходимость совершенствования научно-исследовательской работы студентов как важного компонента подготовки будущего специалиста.

НИРС – это важнейшее средство повышения уровня подготовки специалистов через освоение студентами в процессе обучения методов, приемов и навыков проведения научно-исследовательских работ, развитие способностей к научному творчеству, самостоятельности, мотивации к учебе и будущей жизнедеятельности.

Большинство современных специалистов в области организации НИРС отмечают, что целью НИРС является формирование и усиление творческих способностей студентов, развитие и совершенствование форм привлечения молодежи к научной и творческой деятельности, обеспечивающих единство учебного, научного, воспитательного процессов для повышения профессионального уровня подготовки специалистов[1,2].

В качестве основных задач НИРС можно выделить следующие:

1) обучение методологии рационального и эффективного добывания и использования знаний;

2) совершенствование и поиск новых форм интеграции системы высшего образования с наукой и производственной деятельностью в рамках единой системы учебно-воспитательного процесса;

3) повышение навыков научной, творческой и исследовательской деятельности;

4) участие студентов в научных исследованиях;

5) освоение современных технологий в области науки и производства;

6) знакомство с современными научными методологиями, работа с научной литературой;

7) выявление способной молодежи для дальнейшего обучения в аспирантуре, работы на кафедрах и в научных лабораториях [3,4].

Учебно-исследовательская работа студентов в учебном процессе позволяет перенести акцент с обучения, как процесса пассивного, репродуктивного усвоения знаний, на обучение как процесс активного, продуктивного познания, развития познавательной активности и творческого мышления, приобретения студентами навыков и методов ведения научной работы, экспериментальных исследований. Важным этапом формирования творческих всесторонне развитых специалистов является внеучебная научно-исследовательская работа студентов. Основными формами студенческого научного творчества во внеучебное время является работа студентов в научных студенческих кружках [5,6]. В последнее время такие кружки создаются и при кафедрах РКИ с целью привлечения к научным исследованиям иностранных студентов.

Материалом для нашего исследования послужили наблюдения за научной деятельностью иностранных студентов в рамках СНК кафедры РКИ за последние 4 года. Для верификации полученных результатов проводилось интервьюирование руководителей СНК иностранных студентов из других вузов Беларуси. В процессе исследования использовались описательный, сравнительно-сопоставительный методы, а также элементы статистического анализа, проводилось анкетирование студентов.

В результате проведенных исследований мы пришли к следующим выводам. Организация работы СНК иностранных студентов имеет ряд особенностей. Трудности в работе СНК связаны, в первую очередь, с недостаточно высоким уровнем владения русским языком большинством студентов. Особые трудности для них представляет научный стиль речи, у студентов практически отсутствуют какие-либо навыки ведения научных исследований. Учитывая квалификацию преподавателей РКИ, научные исследования могут проводиться либо по русскому языку, либо по методике преподавания РКИ. Основной для планирования занятий СНК кафедр РКИ могут послужить вопросы сравнительного языкознания.

Хорошо известно, что при усвоении иностранного языка (в нашем случае русского) студенты используют лингвистические знания, полученные при изучении родного языка, что является причиной многочисленных случаев интерференции на различных языковых уровнях. Практика обучения РКИ показывает, что особенности родного языка оказывают серьезное влияние на процесс усвоения студентами русского языка. Это касается всех уровней языка, начиная с фонетики и заканчивая синтаксисом.

Серьезнейшим фактором, обуславливающим особенности восприятия неродного языка студентами, являются различия в грамматической структуре родного и русского языков. Поэтому в планы работы СНК с иностранными студентами целесообразно включать вопросы, связанные с исследованием случаев интерференции в устной и письменной речи студентов, а также исследования, посвященные особенностям транслаторики, ведь именно перевод станет одним из основных видов языковой деятельности по русскому языку будущих иностранных специалистов. Проблемы перевода можно связать также с подготовкой учебных пособий по русскому языку для национально ориентированных учебников, в которых целесообразно использовать переводы прецедентных для данной культуры текстов на русский язык, например, в качестве текстов для аудирования.

Интересным направлением для работы в рамках СНК с иностранными студентами оказалось установление особенностей усвоения русского языка мононациональными группами иностранных студентов. При этом исследование (интервьюирование, сбор материала) проводилось самими иностранными студентами, что обеспечило взгляд на проблему с «другой» стороны. Ведь не всегда студент может откровенно ответить на вопросы преподавателя в силу разных причин (в том числе этических), при опросе же коллегами по группе многие проблемы снимаются и можно получить более детальную картину. Обработка полученных данных проводилась совместно преподавателем и сту-

дентами, что обеспечило корректность полученных выводов и достаточный уровень научных комментариев. Целью таких исследований являлось установление особенностей усвоения отдельных тем на занятиях по РКИ, выработка способов наиболее эффективного преодоления возникающих трудностей при учете точки зрения обучаемых.

Туркменские студенты предложили следующие способы повышения эффективности занятий по РКИ: увеличить количество самостоятельной работы; чаще готовить мини выступления на предложенные темы; применять на занятиях ролевые игры и грамматические кроссворды; представлять материал в виде таблиц и схем; стимулировать студентов на сотрудничество с преподавателем, совместно с ним определять первоочередные темы для корректировки знаний; широко использовать межпредметные связи, задавать проблемные вопросы для обсуждения, привлекать при обучении РКИ текстовые материалы по основной специальности студента.

Еще одним направлением научной работы в рамках СНК при кафедре РКИ может стать привлечение иностранных студентов к работе по созданию учебников и других учебно-методических материалов. У нас уже имеется опыт такого сотрудничества при создании словарей терминов для учебных пособий, в последнее время появился также опыт привлечения студентов для создания различных схем и таблиц, которые облегчили бы усвоение теоретического материала по специальности.

Итак, можно сделать вывод о том, что тематика научных исследований иностранных студентов в СНК при кафедре РКИ может быть достаточно разнообразной. Темы предлагаемых исследований могут быть связаны как с вопросами сравнительного языкознания, так и с методикой преподавания РКИ. Новым направлением может быть привлечение студентов к созданию национально ориентированных пособий как по грамматике русского языка, так и пособий по научному стилю речи для отдельных специальностей. Следует обратить внимание на важность обратной связи преподавателя со студентами при выборе тем исследований, учет особенностей родного языка обучаемых и их основную специальность.

Литература

1. Баранов, А.А. Студенческое научное общество: прошлое, настоящее, перспективы : [из опыта работы Ярославской гос. мед. академии] / А. А. Баранов, В. Н. Малашенко, Н. А. Мурашова // Высш. образование в России. – 2010. – № 2. – С. 95-100.
2. Демченко, З.А. Научно-образовательная школа студента-исследователя / З. А. Демченко // Высш. образование в России. – 2010. – № 12. – С. 155-158.
3. Кузнецова, С.В. Модель процесса воспитания исследовательской культуры студентов вуза / С. В. Кузнецова // Высш. образование сегодня. – 2010. – № 5. – С. 77-80.
4. Примчук, Н.В. Студенческое научное общество как институт продвижения результатов научно-исследовательской деятельности / Н. В. Примчук // Человек и образование. – 2010. – № 1. – С. 92-96.
5. Шкерина, Т.А. Исследовательская компетенция бакалавра – будущего педагога и условия ее развития / Т.А. Шкерина // Психология обучения. – 2010. – № 11. – С. 86-95.
6. Шогенова, Ф.А. Развитие системы исследовательской деятельности студентов в новых социальных условиях / Ф.А. Шогенова // Педагогика. – 2010. – № 9. – С. 84-88.

VI. ПРАБЛЕМЫ СУПАСТАЎЛЯЛЬНАГА ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА, ФАЛЬКЛАРЫСТЫКІ, КУЛЬТУРАЛОГІІ

В.Ю. Бароўка (Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава)

МАСТАЦКАЯ ІНТЭРПРЭТАЦЫЯ ПАЎСТАННЯ 1863 ГОДА Ў БЕЛАРУСКАЙ, РУСКАЙ І ПОЛЬСКАЙ ЛІТАРАТУРАХ XIX СТАГОДДЗЯ

Адной з яркіх падзей XIX стагоддзя стала паўстанне 1863 года. Практычна адразу яно знайшло адлюстраванне ў мастацтве слова трох зацікаўленых народаў – рускага, польскага і беларускага. Закладзеныя пісьменнікамі пазамінулага стагоддзя лініі інтэрпрэтацыі пэўную канцэптуальную і эстэтычную актуальнасць захоўваюць і зараз.

Першыя па часе творы пра паўстанне былі надрукаваны рускімі пісьменнікамі. Гэта раман-дылогія “Крывавы пуф” У. Крастоўскага і раман-хроніка “Далёкія гады” (1898) С. Арліцкага (С. Акрэйца). “Крывавы пуф” (1875) У. Крастоўскага складаўся з дзвюх частак. У першай частцы “Панургаў статак” (1869) падаецца пярэдадзень паўстання, расказваецца пра ўзаемадачыненні будучых паўстанцаў з рускімі “новымі людзьмі”. У другой частцы дылогіі “Дзве сілы : хроніка новага смутнага часу дзяржавы расійскай” увага засяроджваецца на паўстанні і асобе Васілія Світкі, арганізатара і аднаго з кіраўнікоў паўстання, што звязваў надзеі на перамогу з прапагандысцкай дзейнасцю касцёла і абеззямельваннем сялян. Як вядома, Васіль Світка – адзін з псеўданімаў К. Каліноўскага. У трактоўцы У. Крастоўскага, Світка – выдатны прамоўца, стратэг і тактык, прагматык, асоба адначасова трагічная і гераічная, шчыры патрыёт Літвы. Радзіма для Васілія Світкі, як для Конрада Валенрода А. Міцкевіча, вышэй за мараль. Дзеля дасягнення сваіх мэт ён выбірае “шлях ліса”. План Світкі заключаўся ў тым, каб на самым пачатку зліцца з “белымі”, з варшаўскім урадам, а пасля расправіцца з усімі “ясновельможными: Террором и страшным террором надо будет действовать” [1; 237]. Васілій Світка – гарачы прыхільнік славянскага адзінства, бо разумее небяспеку для славян звонку, і ідэй сацыяльнага пераўтварэння грамадства. Ён апантана ненавідзіць панства: “панство, шляхетство, магнатерия – все это гнилые корни, которые надо поскорее прочь и печку подтопить ими” [1; 263]. Світка перакананы, што ў час паўстання “святой мужицкий топор и честный рабочий нож не должны остановиться даже… даже и перед колыбелью панского ребенка” [1; 265].

Будучыя паўстанцы, за выключэннем Бейгуша і Світкі, галоўным чынам характарызаваліся Крастоўскім негатыўна. Узброенае выступленне, з пункту гледжання апавядальніка, не мела шанцаў з-за адсутнасці адзінства ў кіраўніцтве, бо прызначаныя на высокія пасады магнаты ў бунтарных памкненнях не ішлі далей прыгожых слоў, а тыя з іх, хто апынаўся на полі бою, не мелі вопыту і ўяўлення пра ўзброеную барацьбу, як граф Счэнсны Маржэцкі, а сяляне былі на баку ўрада. Па версіі празаіка, сапраўдная барацьба ў 1863 годзе разгарнулася на так званых літоўскіх землях. Крастоўскі падкрэсліваў жорсткасць паўстанцаў, для прыкладу, ксяндза па мянушцы “Робак” (Мацкевіча – В.Б.), даволі падрабязна расказваў пра барацьбу паміж “белымі” і “чырвонымі”, пра разгром “белых”. Характэрна, што станоўчы герой твора рускі інтэлігент-праўдашукальнік Хвалынцаў у рамане з’яўляецца двайным цёзкам Каліноўскага: яго, як і Каліноўскага, завуць Канстанцінам Сямёнавічам. Відаць, такім чынам рускі пісьменнік хацеў акцэнтаваць сваё прыязнае стаўленне да “дыктатара Літвы”. Аўтар “Крывавага пуфа” сцвярджаў, што паўстанне на нейкі момант узрушыла

жыццё заходняга краю і палепшыла становішча сялян, бо паны баяліся бессаромна адбіраць зямлю. У фінале рамана ёсць цікавы эпізод: пасля высвятлення спрэчнага пытання паміж панам Катырлам і сялянамі ў прысутнасці прадстаўнікоў афіцыйнай улады сяляне дзякуюць панам за тое, што зрабілі паўстанне: “Бо каб вы ёго не зрабили, тоб нам и по век такого ужитку та шчастя не бачици” [1; 571]. Зместам аповеду даводзіцца, што праблемы, якія існавалі ў грамадскім жыцці Расіі перад паўстаннем, засталіся нявырашанымі. Мастацкая інтэрпрэтацыя паўстання Крастоўскім грунтавалася на публіцыстычных і навуковых матэрыялах таго перыяду, у прыватнасці на “Звестках пра польскі мяцеж у Паўночна-Заходняй Расіі” гісторыка В.Ф.Ратча, напісаных ў 1867–1868 гадах па даручэнні Мураўёва-“вешальніка” (пра рэвалюцыйную тэорыю Каліноўскага, пра ацэнку ім варшаўскіх паўстанцаў, пра сродкі барацьбы) [2; 150–154]. Вобраз часу ўзнікаў у “Крывавым пуфе” ў выніку спалучэння розных дыскурсаў у сістэме аповеду: згадванне пра нігілістаў, пра нацыянальна-вызваленчы рух на ўскраінах Расіі, палітыку царскай адміністрацыі, праз спалучэнне розных пунктаў погляду персанажаў на грамадска-палітычную сітуацыю. Сюжэтнымі лініямі твора, трапнымі дэталямі У. Крастоўскі артыкуляваў прыярытэт маральных каштоўнасцей перад нацыянальнымі, сацыяльнымі, палітычнымі.

С. Арліцкі ў час паўстання працаваў сакратаром Віленскай публічнай бібліятэкі, сам прымаў у ім удзел. Тэма паўстання адбілася ў яго творах “Успаміны інсургента”, “Як я пазбег шыбеніцы”, “Старасвецкія памешчыкі: нарысы заходняга краю”, “Далёкія гады”. Асабісты жыццёвы вопыт лёг у трактоўку падзей. Паўстанне 1863 года, ва ўсведамленні пісьменніка, – наступства памылковай палітыкі царскай адміністрацыі, што не лічылася з этнакультурнай адметнасцю заходніх ускраін. Стаўленне да паўстанцаў у пісьменніка было як да ахвяр абставін.

Эліза Ажэшка з’яўлялася сведкай падзей 1863года, яе муж за ўдзел у паўстанні быў сасланы ў Сібір. Пра паўстанне Ажэшка мімаходзь згадвала ў рамане “Над Нёманам (1887). Гэты час дыпламатычна характарызаваўся наступным чынам: “І так было ў нас шумна, так віравала жыццё” [3; 150–154]. Паўстанне падавалася як гераічная з’ява, што аб’яднала лепшых прадстаўнікоў шляхты. Потым з’явілася кніга з пяці навел “Gloria victis” (1910), дзе апяваліся паўстанцы, што ахвяравалі сабой у імя свабоды. Тэма паўстання 1863 года знайшла глыбокае асэнсаванне ў прозе Стэфана Жэромскага. Пісьменнік з дзяцінства чуў шмат аповедаў пра 1863 год, бо ў яго родных мясцінах некалі ішлі баявыя дзеянні. У 1883–1884 гадах Жэромскі працаваў над раманам “Фрагмент фрагмента”, падзеі якога адбываліся на радзіме пісьменніка. У 1894 годзе было надрукавана апавяданне “Расклюе нас груганнё…”, дзе па сюжэце селянін скідвае ў яму параненага паўстанца, бо кіруецца сацыяльнай помстай. На пачатку 1905 года з’явілася апавяданне “Рэха лясоў”, а ў 1912 годзе – аповесць-“сямейнае паданне”, па аўтарскім жанравым вызначэнні, “Верная рака”. “Рэха лясоў” – псіхалагічнае асэнсаванне паўстання 1863 года, дзе паўстанне трактуецца як грамадзянская вайна на тэрыторыі этнічнай Польшчы. Аповесць “Верная рака” – пісьменніцкая версія прычын паражэння паўстання. У ёй няма батальных сцэн, імён вядомых паўстанцаў, але надзвычай пераканаўча адлюстравана становішча людзей у экстрэмальнай сітуацыі. Паказ барацьбы за вольнасць пазбаўлены рамантычнай стылістыкі: узброенае процістаянне – жорсткасць з абодвух бакоў, незлічоныя ахвяры, спалучэнне гераізму і здрадніцтва. Варта прыгадаць жахлівы малюнак, які прадстаў перад вачамі маладога князя Юзафа Андравонжа пасля бою: “Сотни трупов громоздились перед ним в предрассветном тумане, подобно белой горе. Это были раненые, которых прикончили по приказу их соотечественника и недавнего заговорщика, теперь одного из вражеских командиров, – трупы, обобранные до нитки вражескими солдатами, растерзанные штыками, десятки раз пригвожденные к земле офицерскими шашками, черепа, размозженные пистолетными выстрелами в упор, раздавленные колесами пушек Ченгерия. Далеко вокруг песчаная почва порыжела от крови, которая до последней кап-

ли вытекла из этих трупов” [5; 22]. Князь Юзаф ішоў змагацца за свабоду, але для яго стала нечаканасцю памкненне вяскоўцаў арыштаваць параненага паўстанца. Стары кухар шляхецкага дома ў Няздолах заявіў параненаму: “Из-за тебя дом сожгут, красная сволочь! Мало тебе, что амбары и сарай сожгли, черт окаянный. Вон отсюда сию минуту” [5; 37]. Аўтар з захапленнем пісаў пра прыгажуню Саламею, “вечнага” паўстанца яе бацьку і сваякоў-інсургентаў, што змагаліся за свабоду, нягледзячы на смяротную небяспеку. Паўстанне падаецца ў аповесці як шляхецкае ў сваёй аснове. Прычына паражэння (хаця аўтар заканчвае аповед пра яго падзеямі чэрвеня 1863 года) – жорсткае абыходжанне царызму з мірным насельніцтвам і паўстанцамі, сацыяльныя забабоны ў грамадстве, якія аказаліся мацнейшымі за патрыятычныя пачуцці. Зацiснутыя паўсядзённымі клопатамі сяляне былі далёкія ад ідэй барацьбітоў, лічылі, што пан і хлоп не могуць стаяць побач. Маладыя арыстакраты, як князь Юзаф, часта выбіралі шлях паўстанца, але іх сем’і не падтрымлівалі такія памкненні.

Першы твор пра паўстанне ў беларускай літаратуры быў напісаны на польскай мове Янкам Лучынам (мастацка-дакументальны абразок “З крывавых дзён (Эпізод з паўстання 1863 года на Міншчыне)”, 1889). Падчас паўстання Янку Лучыну было толькі 12 год. Адносна абразка “З крывавых дзён” пісьменнік зазначаў у лісце да рэдактара варшаўскага часопіса “Źycie”: “Напісаў я абразок аб падзеях 1863 года і так задаў перцу і імбіру, што, напэўна, адбыў бы падарожжа за ўрадавы кошт, калі б мая пісаніна трапіла ў належныя рукі… Шчырая праўда з’яўляецца фонам апавядання” [1; 200]. Ва ўступе Я.Лучына назваў паўстанне перыядам, які сабраў “шмат праяў звышчалавечага гераізму” [4; 146]. Паводле пісьменніка, паўстанне ў Мінскім ваяводстве працягвалася чатыры месяцы: “Ахінула яно пакрывалам жалобы амаль усе шляхецкія дамы, бо не было сям’і, якая не аплакала б хоць аднаго з сваіх членаў, што загінуў у паўстанні, быў пасаджаны ў турму, пакутаваў сярод ільдоў Сібіры ці ў капальнях Урала” [4; 161]. Я.Лучына расказаў пра партызанскія дзеянні ў Ігуменскім павеце, пра паход інсургентаў пад кіраўніцтвам Баляслава Свентарэцкага і Станіслава Ляскоўскага, афіцэра генеральнага штаба расійскіх войск. Паўстанне ў асвятленні пісьменніка – справа галоўным чынам маладых шляхціцаў, малавопытных, але патрыятычна настроеных. Сяляне заставаліся абыякавымі да адозваў Нацыянальнага камітэта, дзе іх абяцалі надзяліць зямлёй, часта выдавалі інсургентаў царскім уладам з-за прагматычных памкненняў: “Не хочучы ідэалізаваць факты, я мушу тут дадаць, што колькасць асоб, выдаваных у рукі ўлад проста зменшылася, калі паменшала за гэта ўзнагарода” [4; 160]. Аповед пра барацьбу аўтар спалучаў са згадваннем пра незвычайныя “аптычныя з’явы” (падвойныя сонцы і месяцы на небе, паўночнае ззянне ў снежні 1862 года), што нарадзіла пагалоску пра надыход крывавых падзей; пра знаходлівасць паўстанцаў і іх камандзіра, які, каб падмануць праціўніка, загадаў набраць у карчомным калодзежы 50 вёдзер вады дзеля стварэння ў карчмара і вайсковага праціўніка ілюзіі шматлікага ўзброенага атрада; пра спачуванне змагарам многіх рускіх людзей (маладых гімназістаў, салдат-інвалідаў).

Пры адрозненні пісьменніцкіх канцэптуальных ацэнак паўстання і эстэтычных пазіцый звяртае на сябе ўвагу падабенства, што наглядаецца ў трактоўцы гэтай гістарычнай падзеі аўтарамі XIX стагоддзя як праблемы разгорнутай у часе этыкі.

Літаратура

1. Крестовский, В. Кровавый пуф: роман в двух книгах. Книга 2: Две силы / В. Крестовский. – М.: Современный писатель, 1995. – 576 с.
2. Каліноўскі, К. За нашу вольнасць, творы, дакументы / К. Каліноўскі. – Мінск: Беларус. кнігазбор, 1999. – С. 150–154.
3. Жеромский, С. Верная река: семейное предание / С. Жеромский. – М.: Худ. лит., 1963. – 199 с.
4. Лучына, Я. Творы / Янка Лучына. – Мінск: Маст. літ., 1988. – 214 с.

О.Я. Бараш (переводчик, г. Москва)

ПАДИШАХ НАД ВИСЛОЙ: ОБ ОДНОМ «ПЛОХОМ» ПЕРЕВОДЕ И. БРОДСКОГО

Заслуживает ли внимания «плохой» перевод, даже если он выполнен таким поэтом, как И.Бродский? Тем более что текст, о котором идет речь, уже был подвергнут скрупулезному анализу? Перевод Бродским стихотворения польского поэта Тадеуша Кубяка «Плывущие Вислой» подробно разбирается польским же теоретиком перевода П.Фастом; именно Фаст дал тексту убийственную оценку: «Текст перевода достигает границ абсурда»[1;191], - и далее: «произведение Бродского приближается к границам тенденциозного кича»[1;194].

Цель данной статьи не только и не столько в том, чтобы «вступиться» за перевод. Оценивать – дело читателя, а не филолога; а текст Бродского, на наш взгляд, интересен не поэтическими достоинствами. Как полагал другой польский теоретик перевода Э.Бальцежан, «личность переводчика наиболее остро дает о себе знать в промахах перевода. Когда мы начинаем распознавать механизмы ошибок и строить неприятные домыслы на тему их причин… множатся (в воображении читателя) дурные черты его [переводчика] характера: здесь рассеянность, а это небрежность, а вот здесь предрассудки, страх нарушить табу, а то и попросту невежество…» [2;108] Именно в этих «смертных грехах» обвиняет Бродского П.Фаст. Например, в том, что переводчик «не понял» игры слов, на которой основан как заголовок, так и финал оригинала: «kraina mlekiem I miodem płynąca» - «kraina Wisłą płynąca». Хотя Бродский поступил в данном случае вполне корректно, заменив библеизм «страна, текущая молоком и медом» близким по значению фразеологизмом «молочные реки, кисельные берега», тем более что игра слов, основанная на разных значениях слова płynąca (плывущая/текущая), непередаваема по-русски.

Наиболее «спорная» строфа, по мнению П.Фаста (да, пожалуй, и любого читателя), – вторая: *Черный локомотив рыбу пугает свистом, // громом пустых платформ. Роща – дымом усата. //Над славянским базаром царствует в небе чистом // как падишах восточный, красной кровлей усадьба* [3;131]. В оригинале: *Czarna lokomotywa skrzypiące wagony/wlecze do elektrowni, gwizdem płoszy ryby. / Nad słowiańskim bazarem wschodniej, praskiej strony / magnacki dwór na skarpie króluje na niby* [1;132]. Именно она наглядно показывает, каким образом переводчик деформирует оригинал. Так, амплификацию «роща – дымом усата» можно объяснить находкой удачной рифмы и броского сравнения; но появление в строфе «падишаха» ничем не мотивировано. Но эту «отсебятину» легко объяснить. Достаточно вспомнить широко ходивший некогда в литературной среде анекдот об акыне С. Стальском и его песне о о Сталине: *О Сталин, ты — падишах падишахов. / Ты — царь царей. / Ты — выше белого царя…* И уж конечно, Бродскому было известно стихотворение А. Ахматовой «Подражание армянскому»: *Я приснюсь тебе черной овцою / На нетвердых, сухих ногах, / Подойду, заблею, завою: / "Сладко ль ужинал, падишах?..* Лексический ряд, в который встроено сочетание «восточный падишах»: «черный», «пугает», «усата», «царствует», «красной кровлей» (что созвучно с «красной кровью»), позволяет разрешить «загадку», чья же тень витает над «славянским базаром». Переводчик, который, по мнению П.Фаста, и так преувеличил названные в оригинале беды польского народа, вдобавок к послевоенным бедности и голоду «подарил» ему еще одну – тоталитаризм.

Таким образом, едва ли можно согласиться с предположением П.Фаста, будто превратив «антиоду» Кубяка в «оду», Бродский руководствовался исключительно «канонами тогдашней советской поэзии». [1;194]. Скорее им двигали те же мотивы, что при переводе «Песни о знамени» К.И. Галчинского, из которой Бродский изъял «лиш-

ние» по его мнению строфы, вместо них добавив свои, отказался от передачи иронии Галчинского, зато с помощью привнесенных выразительных средств, многократно усилил пафос. Переводческая интенция в обоих случаях угадывается достаточно легко: лирико-ироническая трактовка темы «отчизны» и ее «несчастий» чужда русскому читателю, для которого они неотделимы от пафоса и героики, тем более если речь идет о Польше, которая в 1960-1970-е годы «воспринималась как романтическая, рыцарская страна» [4;348].

О том, что придание переводу «одического» звучания входило в интенцию Бродского, говорит и выбранный им размер. Оригинал написан силлабическим пятиударным тринадцатисложником в варианте 7+6, т.е. с цезурой после седьмого слога. Этот распространенный в польской поэзии размер звучит нейтрально, не неся какого-либо семантического ореола. В русской переводческой традиции он передавался, как правило, 6-стопным ямбом с женской клаузулой. Бродский выбирает другой вариант: шестииктный дольник с цезурой после третьего икта, сплошной женской клаузулой и постоянной (нулевой) анакрусой. Из 19 строк стихотворения большая часть (12) имеют, как и в оригинале, 13 слогов; 6 строк – 14-сложные (за счет хореического окончания 3-го икта); одна состоит из 15 слогов: ее удлиняют амфибрахическая анакруса и хореическая цезура.

Ритмика первого полустишия каждого стиха, хотя и не точно, в общих чертах повторяет ритмику оригинала (дактило-хореический дольник в большинстве стихов). Основное отличие 6-сложных полустиший перевода от 7-сложников оригинала – мужская цезура в большинстве стихов Бродского, тогда как Кубяк использует, как принято в польском 13-сложнике, женскую (хореическую). Вторые полустишия у Кубяка также преимущественно метризованы – звучат как 2-стопный амфибрахий (*jak dowcip narodu*) либо 3-стопный хорей (*gwizdem płoszy ryby*). Бродский же и тут пользуется трехиктным дольником; в отдельных стихах полустишия полностью изоморфны друг другу, в других были бы таковыми, если бы не женская клаузула при мужской цезуре. Крайне редки пропуски схемного ударения, что говорит о том, что Бродский стремился соблюдать принцип полноударности строки.

Перевод стихотворения Кубяка – второй по времени случай, когда Бродский пользуется шестииктным дольником. Перед этим поэт применил этот размер также в переводе – с хорватского – фрагмента стихотворения Тина Уевича «Высокие тополя» («Visoki jablani»), написанного «длинным» (12-20 слогов) силлабическим стихом. Если сравнить «усредненную» строку двух переводов, картина будет примерно такой: U_UU_U_/U_UU_U_U («Высокие тополя»); _UU_U_/_UU_U_U («Плывущие Вислой»).

Стихотворение Уевича вошло в книгу «Поэты Югославии XIX-XX вв.» 1963 года издания; перевод Бродского можно отнести примерно к этому же времени. Время работы над переводом Кубяка – между 10 сентября 1963 года, когда с Бродским был заключен издательский договор на перевод поэтов для сборника «Мы из XX века», и 13 февраля 1964 года, т.е. его арестом.

Январем 1964 года датируется стихотворение Бродского «Прощальная ода», привлекающее внимание исследователей как «один из первых (фактически первый из оригинальных стихотворений – *О.Б.*) экспериментов поэта с «длинным» неклассическим стихом»[5;141], в частности, шестииктным, впоследствии широко использовавшимся Бродским. Текст состоит из 192 шестииктных стихов с женской клаузулой и нулевой анакрусой, а также цезурой после третьего икта. Даже поверхностное сопоставление с переводом из Т. Кубяка показывает разительное сходство, если не идентичность метрико-ритмической организации двух текстов. Ср. например: *Словно народ, сильна / в буйных разливах мощных // Вдаль, в Балтический край, прячась в небе Татранском…*

(«Плывущие Вислой»). *Где ты! Вернись! Ответь! Где ты. Тебя не видно.//Все сливается в снег и в белизну святую*. («Прощальная ода»). Ритмический рисунок этих строк идентичен: _UU_U_/_UU_U_U//_U_UU_/_UU_U_U. Между двумя стихотворениями имеются и некоторые текстовые параллели, ср: *Черный локомотив рыбу пугает свистом,//Громом пустых платформ. Роща дымом усата.* («Плывущие Вислой»); *Туча растет вверху. Роща, на зависть рыбе,//вдруг ныряет в нее. Ибо растет отвага* («Прощальная ода»). Или: *Катит свою волну вперегонки с пространством* («Плывущие Вислой»); *…что меж сердцем моим и криком моим – пространство (*«Прощальная ода»*)*.

Не вызывает сомнений, что именно из перевода Т.Кубяка «выросла» «Прощальная ода» – вспомним слова П.Фаста о превращении антиоды Кубяка в «патетическую оду». Некоторыми исследователями (В.Семенов, Д.Ахапкин) отмечалось сходство шестииктного дольника «Прощальной оды» с размером стихотворения Ц.К.Норвида Bema pamięci: rapsod żałobny": *Cz**e**mu, C**ie**niu, od**je**żdżasz, r**ę**ce złam**a**wszy na p**a**ncerz,//Prz**y** poch**o**dniach, co skr**a**mi gr**aj**ą ok**o**ło twych k**o**lan?* Этот размер польские стиховеды классифицируют как «польский гекзаметр» – дактило-хореический логаэдизированный шестииктный метр с цезурой после третьего икта, женской клаузулой и длиной строк 13-17 слогов. Его семантический ореол «торжественности», «пафоса» и используется в эпических произведениях (в том числе одах). Представляется, что именно 13-15-сложные дериваты польского гекзаметра Бродский счел уместным для перевода Т.Кубяка. Именно последний послужил для него толчком к применению этого метра в собственных стихах: в 1964-65 гг. он использован также в текстах «Воронья песня», «Услышу и отзовусь», неоконченном фрагменте «Тучи бьются о лес, как волны нового Понта…». Можно предположить, что именно польский гекзаметр послужил основой для разработки «длинных» размеров в позднейшем творчестве Бродского.

О том, что перевод Т. Кубяка не был для Бродского «проходным», а, как стихи многих польских поэтов, оказал воздействие на его дальнейшее развитие, свидетельствуют и некоторые содержательные моменты. Так, по замечанию В. Куллэ, в данном переводе «едва ли не впервые у Бродского встречается противопоставление воды и пространства — зародыш грядущей оппозиции время-пространство»[6]. Также «едва ли не впервые» здесь возникает образ мчащегося неизвестно куда поезда. А сравнение народа с рекой появится в стихотворении «Народ» 1964 года.

Все это в очередной раз указывает на то, что польская поэзия служила для Бродского серьезной «школой» и источником вдохновения. Это относится не только к таким крупным поэтам, как К.И. Галчинский или Ч. Милош, но и к таким авторам, как Т. Кубяк, которого сегодня даже на родине помнят почти исключительно как автора детских стихов и популярных песен.

Литература

1. Fast, P. Poezja polska w przekładach Josifa Brodskiego / P. Fast. – Katowice: Wydawnictwo Uniwersitetu Śląskiego, 2004
2. Balcerzan, E. Literatura z literatury (strategie tłumaczy). - Katowice: Śląsk, 1998.
3. Здесь и далее цитируется по изданию: Бродский, И. Изгнание из рая. Избранные переводы. – СПб, «Азбука-классика», 2010
4. Венцлова, Т. Иосиф Бродский – переводчик Циприана Норвида / Т. Венцлова // Дар и крест. Памяти Натальи Трауберг. СПб., 2010. С. 339-367.
5. Левашов, А.М. Ритмико-синтаксическое строение «Прощальной оды: к гексаметрической концепции шестииктного стиха Бродского / А.М. Левашов, С.Е. Ляпин // Иосиф Бродский: проблемы поэтики. – М.:НЛО, 2012. –С.139-152.
6. Куллэ, В.А. Там где они кончили, ты начинаешь… (о переводах Иосифа Бродского) / В.А. Куллэ. Электронный ресурс. Доступ с экрана: http://magazines.russ.ru:81/novyi_mi/redkol/kulle/articles/brodsky 4.html

W. Biegluk-Leś (Uniwersytet w Białymstoku)

KONSTRUKCJA CZASU W POWIEŚCI *MIĘDZY PSEM A WILKIEM* SASZY SOKOŁOWA

W 1989 roku w jednym z wywiadów Sasza Sokołow przyznał, że powieść *Między psem a wilkiem* (1980), podobnie jak debiutancka *Szkoła dla głupków* (1976), związana jest z filozofią czasu[1]. Już pierwsze zdanie tekstu („Месяц ясен, за числами не уследишь, год нынешний" [11;199])[2] eksponuje tę kategorię, wskazując tym samym na jej znaczenie dla konstrukcji utworu[3]. Temporalny obraz otwierający czytelnikowi świat Zaitylszczyzny skrywa w sobie kosmiczną perspektywę, paradoks i strategię gry. Spotykają się w nim bowiem i nakładają różne płaszczyzny, wyznaczane przez grę wieloznacznością wyrazów („месяц", może oznaczać w tym zdaniu zarówno 'miesiąc', jak i 'księżyc'), znaczeniem dosłownym i metaforycznym („числа" jako 'dni', 'daty' oraz 'gwiazdy'), konkretem i nieokreślonością, teraźniejszością i wiecznością. Wprowadzają także niezwykle ważne dla tekstu (w perspektywie gry) kategorie liniowości i cykliczności. Ramy liniowości wyznaczane chociażby przez sam format daty zderzają się z jego nietypowym wypełnieniem i podlegają zawieszeniu. Próba ustalenia, kiedy dokładnie rozpoczyna się opowieść, kończy się niepowodzeniem. Okazuje się bowiem, że wszystkie temporalne określenia zgromadzone w tym inicjalnym zdaniu: miesiąc, dzień, rok, to tylko puste skorupy, pozornie wyznaczające orientacyjne punkty na mapie czasu. Na przykład określenie „год нынешний" bez dodatkowych szczegółów nabiera cech uniwersalnych: to może być każdy rok, rok, w którym Ilia Pietrikieicz pisze swój list-Zaitylszczyznę, czy rok, w którym czytasz tę opowieść czytelniku. Taka konstrukcja rozmywa znaczenie pojęcia teraźniejszości, generuje czasoprzestrzeń wiecznego „teraz", wciągając w nią odbiorcę. Z jednej strony bowiem fraza ta wskazuje na zagubienie opowiadacza w czasie linearnym, (co współgra z sygnalizowaną już w tytule powieści specyfiką świata „pomiędzy"), z drugiej – dni, daty, liczby stają się „gwiazdami na niebie", które trudno dojrzeć przy jasnym księżycu. Otwiera to perspektywę kosmiczną, wieczną, a zatem w pewnym sensie bezczasową. Odczuwanie czasu, którego bohater-narrator nie jest w stanie „ogarnąć", okiełznać poprzez tradycyjny porządek - chronologię, nakłada się na obraz człowieka zagubionego nie tylko w czasie, ale i w przestrzeni[4]. Jednostki miary czasu stają się równie odległe i niezrozumiałe, co gwiazdy. Chodzi zatem nie tyle o konkretny czas opisywanych wydarzeń, co o jego specyfikę.

Gra z oczekiwaniami czytelnika rozciąga się zarówno na zapowiadaną przez formułę określania czasu – liniową koncepcję czasu (chronologia), jak i na osobę/tożsamość bohatera-narratora: pierwsze zdanie powieści sugeruje bowiem pojawienie się „kronikarza"[5], kolejne – wprowadzając epistolarną ramę komunikacyjną („Гражданину Сидор Фомичу Пожилых с уважением Зынзырелы Ильи Петрикеича Заитильщина" [11; 199]) – „petenta" (w trakcie dalszej lektury dowiadujemy się przecież, że Ilia zwraca się z prośbą/skargą do sędziego śledczego pana Pożyłych). Nieco dalej, w tym samym akapicie**,** Ilia nazywa siebie również „korespondentem" („(…) бобылье и уроды нападобие Вашенского корреспондента звенят и крутятся на зеркаде вод (...)",) – stawiając się w roli współpracownika wysyłającego

[1] „Подобно *Школе* роман связан с философией времени." – [10;198].

[2] Tu i dalej wszystkie cytaty z tego wydania.

[3]Warto wspomnieć tu o tym, co pisał Sokołow o roli pierwszego zdania w utworze: „(...) сравню первую фразу прозаического произведения с нотой, взятой настройщиком на камертоне, с символическим ключом, которым определяют тональность грядущей музыки." –[13;153].

[4] Bohaterowie powieści wielokrotnie sygnalizują swoje zagubienie w czasie i w przestrzeni, a także poczucie nierealności otaczającego ich świata. „Затерялся (...) я в сумерках" [; 304]– przyznaje Ilia Pietrikieicz. Natomiast Jakuba Pałamachtierowa nie opuszcza: „щемящее ощущение, что все вокруг в нашем неразрешимом *здесь* происходит и существует лишь якобы", [1;245].

[5]Z rolą kronikarza, dziejopisa współgra odcień znaczeniowy/stylistyczny jaki wnosi krótka forma przymiotnika (podniosłość, kategoryczność) oraz jej książkowy charakter, a także fakt, że bywa używana w celach archaizacji. Patrz np. [7;online].

reportaże z terenu lub po prostu osoby utrzymującej kontakt listowny. W późniejszych partiach utworu Ilia Pietrikieicz wielokrotnie mówi o sobie jako o proroku („(...) в кубарэ задвигаюсь я, собственной своею персоной, пророк, час один светлый спроворивший в июлемесяце у христиан (...)", [11;227]) Natomiast *Ostatnie uwagi*[1] nieoczekiwanie okazują się pośmiertnymi rozważaniami bohatera. Role te (kronikarza, petenta, korespondenta, proroka, człowieka, który przekroczył granice śmierci[2]) wprowadzają różne wymiary czasowe i jednocześnie zacierając granice między nimi. W utworze współistnieją np.: dystans czasowy i spojrzenie wstecz kronikarza; „tu i teraz" piszącego list-skargę petenta; opowieści-relacje korespondenta; czas mityczny[3] świętego szaleńca – jurodiwego („Отпрыск своих матери и отца, штатных юродивых (...)", [11;307]) i eschatologiczna perspektywa proroka[4] („Горе, горе тебе, Городнище с окрестностями, все вокруг и пустое и ложное", [11;303]); spojrzenie spoza czasu, („По истечении дней" [11;345]). Należy zaznaczyć, że w historii Ilii Pietrikieicza uwydatnione zostaje zarówno cykliczne (porządkowanie zdarzeń według kalendarza religijnego), jak i niecykliczne (eschatologia) pojmowanie czasu – Ilia po śmierci oczekuje Królestwa Niebieskiego („Царствия Небесного дожидаемся", [11;345]). Warto zatem zauważyć, że sama konstrukcja bohatera *Zaitylszczyzny*, tzn. wielość jego temporalnych ról, podkreśla: różnorodność pojmowania i przeżywania przez niego czasu, wielowymiarowość czasoprzestrzeni tekstu (określoność - nieokreśloność, konkret - uniwersalizacja, wymiar realistyczny - mitologizacja), wieloaspektowość spojrzenia i prezentacji kategorii czasu w powieści (kronikarz, petent, korespondent, prorok, zmarły), przenikanie się wymiarów czasowych (przeszłość – teraźniejszość – przyszłość), problematyzujące różnice (liniowość - cykliczność, skończoność - wieczność, czas - bezczas).

Szczególnie znaczące dla specyfiki czasoprzestrzeni tekstu oraz prezentowanej w utworze kondycji człowieka i świata okazuje się sposób potraktowania w powieści zjawiska cykliczności, a także gra między liniowością a cyklicznością wpisująca się w nadrzędną dla utworu „poetykę zmierzchu"[5] determinującą specyficzną ontologię i epistemologię świata „pomiędzy", w którym interferują i tracą swe znaczenie granice np.: między nocą a dniem, dobrem a złem, realnym a wyobrażonym, życiem a śmiercią, czasem a bezczasem…

Liniowość w *Między psem a wilkiem* jest na różnych płaszczyznach tekstu konsekwentnie burzona: aż do jej absurdyzacji poprzez wymieszanie różnych czasoprzestrzeni oraz grę ich symultanicznością. Jest też traktowana parodystycznie, ironicznie[6] przy jednoczesnym przewrotnym eksponowaniu cykliczności. W efekcie gry następuje zatarcie granicy miedzy tymi kategoriami.

Cykliczność w powieści *Między psem a wilkiem* wiążę się najczęściej z ideą „wiecznego powrotu". Tendencja ta ujawnia się na różnych poziomach tekstu, podlegając tym samym znaczeniowym transformacjom. Ukazuje to np.: obraz Zaitylszczyzny („Но не извольте побаиваться – перемелется и назад. Все уже случилось на Итиле, все человеки перебывали на нем", [11;329]); śmierć jako „пакинебытие" [11;285] - stan przejściowy pomiędzy życiem, które właśnie dobiegło końca, a kolejnym, które po nim nastąpi[7]; wpisany

[1] Przekłady tytułów rozdziałów oraz fragmentów powieści według wydania [14].

[2]To tylko niektóre z „twarzy" bohatera-narratora *Zaitylszczyzny*. Skoncentrowałam się na tych, które moim zdaniem odgrywają ważną rolę w sposobie odczuwania i artykułowania czasu.

[3]Nazywam tu czas religijny czasem mitycznym, w takim znaczeniu o którym pisał Mircea Eliade [4; 20-21].

[4] Z tym wymiarem istnienia bohatera łączy się charakterystyczny sposób określania i pojmowania czasu. Ilia identyfikuje upływ czasu przy pomocy kalendarza świąt religijnych sytuując się tym samym poza czasem historycznym (linearnym): „(...) я от Пасхи до Покрова щеголяю босиком (…)." [11; 232], „Шел, (…) из-за всеобщей реки, выдвигаясь в Сочельник от Гурия, с его похорон.", [11;304], itd.

[5] Aleksiej Cwietkow stwierdza: „*Между собакой и волком* – путеводитель в сумерках." – [15;9].

[6] Tak np. Gerald Smith interpretuje niezwykłe uporządkowanie (na tle „chaosu" dwóch prozatorskich części powieści) wierszowanych *Zapisek nałogowego myśliwego* [12;online].

[7] Oleg Dark charakteryzuje go jako "промежуточный мир, предварительно стирающий границы Смерти и Воскресения, репетиция грядущего Бессмертия" – [3;227].

w tekst określony projekt lektury[1] ; fabularny „kołowrót" zdarzeń, obrazów, motywów, wątków, miejsc, postaci, pojedynczych słów… (np. motyw powrotu myśliwych z polowania pojawiający się we wszystkich trzech częściach powieści); obrazowy ekwiwalent groteskowych losów Ilii Pietrikieicza („Быть безысходно в просаках — Ильи Джынжирелы удел", [11;252][2]; temat/przedmiot poetyckiej refleksji - *Zapiska XXXIII Powrót* (*Возвращение*), itd.

Pojawiająca się w tekście Sokołowa cykliczność ujęta w formułę „wiecznego powrotu" odzwierciedla groteskowy obraz człowieka („tułacza", „wędrowca", „przechodnia", „Syzyfa", „statysty") i świata. Otaczająca rzeczywistość staje się np. w *Opowieści łowieckiej* „rzeką-kloaką", a ludzkie życie „syzyfowym ślizganiem" nad nią. W tej części powieści bohater obserwuje dwa groteskowy marsze. Oba mają charakter alegoryczny. Pierwszy ukazuje historię jako wciąż powracający zestaw tych samych „chorób" (wojny, rzezie, spiski…), a człowieka jako ofiarę tego bezsensownego kołowrotu. W kolejnym marszu człowiek staje się statystą w teatrze natury. Następstwo czasowe manifestujące się w zmianie pór roku, zostaje bowiem pokazane w powieści jako „fikcja najczystszej wody" - złudzenie maskujące uwięzienie człowieka i świata w „syzyfowej wieczności"[3].

Zatem w *Między psem a wilkiem* cykliczność świata, historii i ludzkiej egzystencji, ujęta w mechanizmy szeroko rozumianej gry, nie niweluje chaosu, ale staje się jego częścią. „Syzyfowa wieczność" człowieka i bytu okazuje się de facto synonimem bezczasu, chaosu i entropii. Świat trawiony nieuleczalną chorobą pozornej zmiany tworzy układ zamknięty, którego entropia wciąż wzrasta[4]. W chaotycznym świecie także byt ludzki podlega dezintegracji („migotliwa", rozmyta tożsamość postaci, ich liczne metamorfozy, inkarnacje). Bohaterowie Sokołowa gubią się w absurdalnej (procesualnej, a jednocześnie statycznej, względnej i niejednorodnej) czasoprzestrzeni[5], w której wszelkie punkty odniesienia nie tyle literalnie znikają, co podlegają nieustannej interferencji.

Należy również zauważyć, że w *Między psem a wilkiem* Saszy Sokołowa ulegają „rozmyciu" binarne opozycje, takie np. jak: liniowość – cykliczność, temporalność – atemporalność, skończoność – wieczność, konkret – uniwersalizacja, życie – śmierć, byt – niebyt, czas – bezczas, co znajduje swój wyraz m.in. w sposobie: organizacji fabuły (rozliczne powtórzenia jako realizacja cykliczności – fragmentaryzm i mozaikowość jako zerwanie z linearnością fabuły, wariantywne realizacje wątków, brak punktu odniesienia i hierarchizacji, eksponowanie symultaniczności); prowadzenia narracji (naruszanie następstwa czasowego, aż po jego zawieszenie w narracji „bezokolicznikowej", asocjacyjność zamiast teleologii, łączenie technik *ab ovo* i *in medias res,* gra czasem fabularnym a czasem narracji – jednoczesność a dystans czasowy); kompozycji utworu (zewnętrzne uporządkowanie tekstu, powtarzalność naprzemiennie ułożonych grup rozdziałów a chaotyczność tego, co „w środku"; partie prozatorskie (asocjacyjność, dygresyjność, autonomiczność różnych partii narracyjnych, mozaikowość) a partie wierszowane (niezwykle uporządkowane, podwójna numeracja – każdy rozdział wchodzący w skład *Zapisek* posiada numer jako kolejny rozdział powieści – cyfrę arabską, a każda *Zapiska* posiada swój numer – cyfrę rzymską, określającą

[1] Andrieja Zorina zauważa, że: „Тем же маршрутом должен следовать и читатель, вынужденный, если он хочет понять, что же все-таки произошло в книге, постоянно возвращаться назад, к уже пройденному." – [5;252].

[2] Zdrady Oriny, utrata nogi, odejście ukochanej i syna, pęknięcie koła szlifierskiego, kradzież kul... to kolejne nieszczęścia ukazujące fatalną powtarzalność losów Ilii.

[3] Mark Lipowiecki charakteryzuje tę wieczność następująco: „*Это вечность однородная, однокачественная и поэтому тягостно-неподвижная*. Это Сизифова вечность. Небытие, смерть представляются единственной возможностью преодоления этой вечности." – [6;407].

[4] „(…) в замкнутых системах энтропия может только увеличиваться. Энтропия - мера неопределенности системы, она эквивалентна нарастанию беспорядка, хаоса и всеобщей смерти." - [9;online].

[5] Aleksandr Czancew zwraca uwagę, że: „Герой/герои предстают заблудившимися в неком безвременье (см сам темпоральный образ „между собакой и волком", зачин стихотворной Записки XXI: Безвремение. Постыдная пора), потеранными (...)" – [online].

jej miejsce pośród pozostałych). Paradoksalnie w powieści Sokołowa to właśnie „lingwistyczny taniec”[1], energia i żywiołowość językowych przekształceń staje się ratunkiem – przeciwwagą dla entropijności świata[2], nękanego nieuleczalną chorobą „wiecznej powtarzalności”: „Саша Соколов разрабатывает метафизику языка. Язык для него та первичная стихия, в которой заключены все возможности развития мира. Мир и есть язык. Точнее, бесконечная совокупноть миров, реальностей, которые способен породить бесконечный язык” [1;14].

Literatura

1. Вайль, П. Уроки школы для дураков / П.Вайль, А.Генис // Литературное обозрение. – 1992. – № 1/2.
2. Гуреев, М. Снимается документальное кино. Саша Соколов / М.Гуреев // Вопросы литературы. – 2011. – № 2: (online) http://www.litsnab.ru/literature/5871, [3.12.2012].
3. Дарк, О. Мир может быть любой: размышление о новой прозе / О.Дарк // Дружба народов. – 1990. – № 6.
4. Eliade, M. Mity, sny i misteria / M.Eliade / przeł. Krzysztof Kocjan. – Warszawa, 1994.
5. Зорин, А. Насылающий ветер / А.Зорин // Новый мир. – 1989. – № 12.
6. Лейдерман, Н. Современная русская литература: 1950-1990-е годы / Н. Лейдерман, М. Липовецкий. Т. 2. – М., 2003.
7. Розенталь, Д.Э. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию / Д.Э. Розенталь, Е.В. Джанджакова, Н..П. Кабанова. – М., 1999: (online) http://www.evartist.narod.ru/text1/20.htm, [26.02.2012].
8. Руднев, В. П. Прочь от реальности / В..Руднев. – М., 1999.
9. Руднев, В. П. Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты / В.П.Руднев. – М., 1997: [online] http://lib.ru/CULTURE/RUDNEW/slowar.txt_with-big-pictures.html, [30.07.2010].
10. Саша Соколов - Виктор Ерофеев. Время для частных бесед…” Диалог с нашими зарубежными соотечественниками // Октябрь. – 1989. – № 8. – S. 195-202.
11. Соколов, С. Между собакой и волком / С.Соколов // Школа для дураков. Между собакой и волком. – СПб., 1999.
12. Смит, Дж. Стихи в романе Саши Соколова „Между собакой и волком” / Дж.Смит // Взгляд извне. Статьи о русской поэзии и поэтике. – М., 2002. – S. 357-373: (online) akost.nm.ru/sas2.html [12. 09.2013]
13. Соколов, С. Ключевое слово словесности / С.Соколов // Тревожная куколка. – СПб., 2007. – S. 143-158.
14. Sokołow, S. Między psem a wilkiem / S. Sokołow / przeł. A. Bogusławski. – Warszawa, 2000.
15. Цветков, А. Уроки Меркатора / А.Цветков // Соколов, С. Школа для дураков. Между собакой и волком. – СПб., 1999. – S. 5-16.
16. Чанцев, А. Слово с Берега Одинокого Козодоя / А.Чпнцев // Новый мир. – 2012. – № 2: (online) http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2012/2/ch11-pr.html, [5.04.2013].

Л.М. Вардомацкий (Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ЗАПИСИ M. FEDEROWSKIEGO КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА

В многогранном комплексе источников изучения истории народа важнейшая составляющая – изучение истории его языка. Как известно, практически во всех славянских странах диахронное фактологическое изучение языка имеет уже значительную историю, закрепленную в соответствующей литературе. Польские, российские, чешские, болгарские языковеды накопили значительный материал, позволяющий делать интересные выводы об истоках, путях и тенденциях развития их языков. История белорусского языка и историческая грамматика белорусского языка представлены рядом работ, в том числе таких известных авторов, как В.В. Аниченко, М.Г. Булахов, А.Н. Булыка, А.И. Журавский, Е.Ф. Карский, Л.М. Шакун, Ф.М.Янковский.

[1] Sokołow przyznawał: „Для меня важно, как работает язык, этот своего рода лингвистический танец.” – [online].
[2] Por. np. tezy na temat relacji tekst a entropia, [].

Во второй половине XX века интенсивность исторический исследований русского и белорусского языков заметно снизилась. Материальной базой исторических исследований, как известно, служат сохранившиеся и дошедшие до нас тексты, различающиеся жанром, стилем, авторскими предпочтениями, характером и, значит, языком. «Предметом описания исторической грамматики является речь, воплощенная в лингвистических формах и представленная в текстах» [1; 7]. Но, по мнению того же В.В.Колесова, «с самого начала эти две стихии различались»… «В историческом изучении языка создается трудность, состоящая в том, что естественное развитие разговорной речи нам приходится воссоздавать по письменным памятникам: «звуки» древнерусского языка изучаются по «буквам» текста, что требует особой осторожности в заключениях» [1;18]. Эти заключения, осмелимся добавить, всегда будут относительными и теоретическими. На эту же особенность указывает и известный историк русского языка П.С. Кузнецов. Он пишет: «Объектом исторической грамматики является историческое развитие живой русской речи во всем ее диалектном разнообразии, в той мере, в какой это может быть сделано на основании изучения письменных памятников» [2;3]. Таким образом, исследователи истории языка утверждают приоритет народно-разговорного языка в определении исторических ареалов восточнославянских диалектов, особенностей лексических, фонетических, грамматических процессов в них и определения исторических тенденций в развитии языков.

Говоря об истории белорусского языка, мы вынуждены констатировать, что в распоряжении языковедов сегодня крайне мало текстов, отражающих диалектные особенности различных временных эпох территорий, заселенных потомками кривичей, радимичей, дреговичей. Писцы, создавшие известные нам сегодня тексты, написанные в свое время на территории нынешней Беларуси, находились под активным влиянием либо церковнославянского, либо русского, либо польского языков. Обратим в этой связи наше внимание (с понятной долей осторожности в выводах) на замечание И. Рубановского, характеризовавшего коренное население Могилевской губернии: «Мы не будем говорить о дворянстве, так как образование и цивилизация изгладили в нем этнографические черты» [3; 473]. Но именно в среде образованных людей рождалась большая часть дошедших до нас текстов. Вследствие этого говорить о народной самобытности языка таких памятников письменности не приходится. Как нам кажется, белорусское языкознание нуждается в активизации своих исследований в этом направлении. Поиск, сбор и систематизация такого материала, который несет в себе этнографические и языковые особенности коренного населения Беларуси, представляется сегодня исключительно актуальной проблемой для дальнейшего развития белорусского исторического языкознания.

Среди таких источников выделяются этнографические материалы, собранные и изданные русскими, польскими и белорусскими собирателями. Так, в 1858 году польский исследователь-этнограф А. Киркор в качестве приложения к своей статье «Этнографический взгляд на Виленскую губернию» издал словарь «белорусско-кривичанского наречия жителей Виленской губернии». Уже представленный в этом словарике материал (около 350 слов, несколько народных песен, более ста пословиц и поговорок) позволяет сделать вывод о специфичности местного говора, его отличии и от польского и от русского языков.

Во второй половине XIX века наблюдается всплеск интереса к белорусской этнографии и белорусскому фольклору, при записи которого непроизвольно фиксировались формулы местной народной речи информантов. Вспомним здесь хотя бы издания П. Шпилевского, Г. Кулжинского, И. Носовича, Е. Романова, П. Шейна. Особое место в этом ряду принадлежит известному польскому этнографу М. Федоровскому, результаты многолетней работы которого воплотились в четырехтомном труде «Lud białoruski». Для современного исследователя записей, сделанных М. Федоровским, особенно важно

и интересно то, что польские исследователи его трудов (Halina Turska, например) считают язык фольклорных текстов, опубликованных М. Федоровским, белорусским языком. Одна из работ Х.Турской так и называется: «Słownik trudniejszych wyrazów białoruskich w tomie V I ludu białoruskiego M. Fedorowskiego». Причем автор обращает внимание на практическую значимость своего словаря, а именно: он должен «облегчить понимание читателем текстов белорусских песен» (*Здесь и далее по тексту перевод наш* – Л.В.). Это позволяет нам (опять же с определенными оговорками и осторожностью) говорить как о лексическом своеобразии текстов, так и отраженных при их записи фонетических особенностях.

Обратимся к лексическому материалу «Słownika…», сохраняя графику оригинала.

Abałonka. В источнике – ‘стекло в оконной раме’. Совр. белор. *шыба*. В ТСБЛМ *абалонка* – ‘…верхні слой чаго-небудзь…’. Совр. русск. *оболочка*. Но, во всяком случае до середины XX века, в народных белорусских говорах, в том числе и на востоке страны, *абалонка* употреблялось с тем же значением, что и указанное у М.Федоровского.

Abora (и *aborka*). В источнике – ‘шнурок для подвязывания лаптей’. Слово активно использовалось в художественных исторических белорусских текстах. В ТСБЛМ *абора*[1] – с тем же значением, *абора*[2] – ‘хлеў для кароў, кароўнік’, но *аборка* –‘тонкая небольшая веревочка’ вообще. В MSJP – *obora* –‘помещение для крупного рогатого скота’.

Акгуjаć. В источнике – ‘успокоиться, вернуть хорошее настроение, оживиться’. В ТСБЛМ *акрыяць* – ‘прыйсці ў ранейшы нармальны стан пасля хваробы, якога-н. бедства і пад., ачуняць, набрацца сіл’. В MSJP – отсутствует. В русск. *окрыленный* – ‘воодушевленный’. Вероятна этимологическая связь с существ. *крылья.*

Andarak. В источнике – ‘самотканая шерстяная юбка’. В ТСБЛМ *андарак* – саматканая паласатая або ў клетку спадніца’. В MSJP отсутствует.

Aplauха. В источнике – ‘пощечина, удар по лицу’. В ТСБЛМ *аплявуха* – ‘1. Удар далонню па шчацэ. 2. Знявага, маральны ўдар’. В MSJP отсутствует. В совр. русск. *оплеуха* (*разг. прям., перен*.) – то же, что и в белор. (русск. лит. – *пощечина*).

Apuszyć. В источнике – ‘вздуть живот’. В ТСБЛМ *апушыць* – ‘занадта павялічыцца ў аб’ёме (пра жывот)’. В MSJP отсутствует.

Asaka. В источнике – ‘тужица, острая трава’. В русском – *осока.* В MSJP отсутствует.

Bałachon. В источнике – ‘верхняя накидка из тонкого материала, обычно полотна домашней выработки,.. пальто’. В ТСБЛМ – ‘халат шырокага крою, які раней насілі сяляне, а таксама (разм.) наогул шырокая бясформенная вопратка’. В совр. русск. – то же со вторым значением.

В MSJP отсутствует.

Balban. В источнике – ‘излишне разговорчивый человек, пустозвон’. В ТСБЛМ *балабон* – ‘балбатун, пустаслоў’. В совр. русск. (разг.) – ‘пустозвон’. В MSJP отсутствует.

Cieram. В источнике – ‘дом, дворец’. В ТСБЛМ – ‘У старажытнай Русі: высокі багаты дом у выглядзе вежы’. Современное значение не указано. В совр. русском (арх., переносн.) – ‘терем’. В MSJP отсутствует.

Czajać. В источнике – ‘ждать, надеяться’. В ТСБЛМ отсутствует. В MSJP – *Czaić się* – ‘подходить незаметно, подкрадываться’. Сравн. в совр. русск.: *нечаянно* – первонач. ‘неожиданно’, *чаяния* – ‘ожидания’.

Czaruot. В источнике – ‘trzcina’. В ТСБЛМ *чарот* – ‘высокая вадзяная або балотная расліна…’. Совр. русск. *камыш*. В MSJP отсутствует.

Czoboty. В источнике – ‘обувь с голенищами’. В ТСБЛМ отсутствует. В MSJP отсутствует. В русск. *чоботы* (устар.). Сравн. *чеботарь*.

Dziewier. В источнике – ‘брат мужа’. В ТСБЛМ *дзевер*. В совр. русск. *деверь.* В MSJP отсутствует.

Hluodać. В источнике – ‘skrobać, drapać, ogryzać’. Совр. белор. *грызці, лузаць*. В MSJP отсутствует. Но сравн. в совр. русск.– *об<u>глод</u>анный*.

Jedrany. В источнике – ‘полный (о колосе), сильный, горячий (о солнце). В ТСБЛМ *ядраны* – ‘1. З буйным спелым ядром; 2. *Перан*. здаровы, моцны, свежы’. В совр. русск. – с теми же значениями. В MSJP отсутствует.

Приведенные здесь всего лишь несколько лексических примеров из фольклорного материала, собранного и записанного М. Федоровским, наглядно свидетельствуют о следующем. Как известно, собирательская деятельность М. Федоровского проходила с 1877 по 1891 год на территории 12 районов северо-западной части нынешней Беларуси, начиная с Пружанского района. Территории достаточно подвижные в историко-политическом плане. Но, несмотря на длительное нахождение внутри других государственных образований, народная речь в значительной степени сохраняла и развивала лексические элементы, свидетельствующие о самобытности формирования белорусского языка внутри народной стихии, не исключая иноязычного влияния, но опираясь на восточнославянские языковые традиции.

Литература

1. Колесов, В.В.Историческая грамматика русского языка / В.В. Колесов – М.: Русский мир, 2005. – 512 с.
2. Кузнецов, П.С. Историческая грамматика русского языка / В.И. Борковский, П.С. Кузнецов. – Москва, 1965. – 555 с.
3. Опыт описанія Могилевской губерніи. Книга 1. / Под ред. А.С. Домбовецкого. – Могилев, 1882.– 783 с.
4. ТСБЛМ – Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / пад рэд. М.Р. Судніка, М.Н. Крыўко. – Мінск, 1996. – 784 с.
5. MSJP – Mały słownik języka polskiego / Red. Elżbieta Sobol.– Warszawa, 1998. – 1181 s.

В.У. Гарнак (Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава)

ФАЛЬКЛАРЫСТЫ ВІЦЕБШЧЫНЫ ПЕРШАЙ ПАЛОВЫ XIX СТАГОДДЗЯ

Максіміліян Восіпавіч Маркс (1816–1893) нарадзіўся ў Віцебску.

У 1834 годзе скончыў віцебскую гімназію, потым вучыўся ў Маскоўскім універсітэце. З 1858 года выкладаў у гімназіях Смаленска і Масквы. Па справе Д. Каракозава быў асуджаны і сасланы ў Сібір. У 1887-88 гадах М.В.Маркс падрыхтаваў свае ўспаміны.

Максіміліян Восіпавіч выказваў вялікую цікавасць да беларускай вуснай народнай творчасці, а ў маладыя гады ўваходзіў у гурток аматараў беларушчыны ў Віцебску. Для фальклярыстыкі найбольш каштоўнымі і цікавымі з’яўляюцца мемуарныя артыкулы Маркса, якія апісаў і часткова надрукаваў прафесар Львоўскага ўніверсітэта Вільгельм Брухнальскі (1859-1938), «Emilia Platerówna jako folklorystka» [1] і «Z pamiętnika M.Marksa Witebscanina» [2].

Паводле ўспамінаў М.Маркса, Эмілія Плятэр (1806 - 1831) сябравала з яго маці, часта гасцявала ў Віцебску. Э. Плятэр любіла простых людзей, спачувала ім, збірала і добра спявала народныя песні [1].

Успаміны, якія былі апублікаваныя ў 1922-м годзе, складаюцца з 6-ці невялікіх частак [2]. Максіміліян Восіпавіч сабраў цікавы матэрыял пра адзенне віцебскіх мяшчан (беларусаў, яўрэяў), забавы і танцы простых гараджан [2, 136-139].

Мемуарыст цікава расказаў пра Піліпа Смурага і Уласа – вядомых у 30-40-я гады XIX стагоддзя гутарніках. Слухаючы падлеткам Піліпа Смурага, Маркс запісаў унікальны “Rodowod Bialoruski” [2,139-144].

Аўтар успамінаў з душэўнай цеплынёй піша пра сваіх землякоў – віцебскіх аматараў беларушчыны. Сярод самых адметных прадстаўнікоў фальклярыстыкі мемуарыст зноў уз-

гадвае Э. Плятэр[2,147]. Не пакінуў без увагі Максіміліян Восіпавіч і постаці таленавітага паэта і перакладчыка Тадэвуша Лады-Заблоцкага (1811- 1847), фальклярыста, этнографа і археолага Рамуальда Зянькевіча (1811- 1868) [2,147]. Некаторыя з названых Марксам імёнаў пачынальнікаў фальклярыстыкі на Віцебшчыне – Цвяцінскі, Аляксандр Зброжак (Зброжка), Станіслаў Маркіянавіч – малавядомыя сёння нават спецыялістам [2,147]. Але ўсё ж такі ёсць інфмацыя аб тым, што Аляксандр Зброжак родам з Віцебшчыны, удзельнік паўстання 1831 года [3,421], а Станіслаў Маркіянавіч – выпускнік віцебскай гімназіі, які падазраваўся ва ўдзеле ў паўстанні 1831 года [3,431].

Асобная частка ўспамінаў прысвечана фальклярыстычнай дзейнасці рупліўцам беларушчыны ў Вільні – Адаму Міцкевічу (1798 - 1855), Яну Чачоту (1796 - 1847), Вінцэнту Марцынкевічу (Дуніну-Марцынквічу – В.Г.) (1808 - 1884) [2, 151]. З асаблівай цеплынёй піша мемуарыст пра Кастуся Каліноўскага (1838 - 1864), якога называе *рупліўцам і працаўніком мовы беларускай* [2,151].

Заключны раздзел успамінаў апісвае Маскву 1835 года [2, 152-153]. У прыватнасці, апавядаецца пра цікавасць студэнтаў да беларускай вуснай народнай творчасці. Аўтар успамінаў нагадвае прозвішча Чысцякова. Вядома, што Міхаіл Барысавіч Чысцякоў (1809 - 1885) працаваў настаўнікам славеснасці ў гімназіі Віцебска (1835 - 1837), актыўна збіраў беларускі вершаваны і музычны фальклор [4,181].

Успаміны і назіранні Масіміліяна Восіпавіча Маркса сёння цікавыя і неабходныя лінгвістам, літаратуразнаўцам і фальклярыстам.

Літаратура

1. Bruchnalski, Wilhelm. Emilia Platerówna jako folklorystka / Wilhelm Bruchnalski // Lud. –1906.– Tom XII. – S.183 – 197.
2. Bruchnalski, Wilhelm. Z pamiętnika M. Marksa Witebscanina / Wilhelm Bruchnalski // Lud. –1922.– Tom XXI. – S.136 – 153.
3. Каліноўскі, К. За нашую вольнасць. Творы, дакументы / Уклад., прадм., паслясл. і камент. Г.В. Кісялёва. – Мінск: Беларуск і кнігазбор, 1999. – 464 с. (Серыя 2. Гісторыка-літаратурныя помнікі).
4. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Т.6. Кн.2. – Мн.: БелЭн., 2003.– С. 181.

Zina Gimpelevich (University of Waterloo)

NATALLA ARSIEŃNIEVA'S POEM "AKCYJA"

Akcyja (action) is a euphemism that Germans used for their murderous destruction of people in place of such words as: "killing," execution, "extermination," "liquidation," and other synonyms. Initially they employed this evasive term for assassinations of Jews, Gypsies, and disabled persons. As soon as WWII began on Belarusian territories, Germans also applied the word "action" to the annihilation of partisans and civilians in Belaruś. Natalla Arsieńnieva (1903–1997), one of the most renowned Belarusian poets of the twentieth century, wrote the eponymous narrative poem "Akcyja" in 1944. The poem is about the German execution of Belarusian Jews.

Those days brought flames not just to maple trees – Everything that has a living word was contorting in fires, And wounds from those ghostlike perplexing days One cannot heal or let them go away… The last leaves from wet branches Were thrown down in convulsions to dampness and mud The Jews were thrown into a square Like a handful of leaves. It seemed like yellow patches began to dance… The wind was wailing. Then Jews were ordered to sing. And for an hour everyone was clapping, singing: Sitting on a pavement, a machine gun barked its steel orders Straight into their faces, As if to please him – A flame with red tongue began to lick the prayer house. And straight to the sky Talliths rocketed with smoke of Torah. Talliths were dancing in time with rabbi's singing ... And rabbi had to sing… Squeaking like

crushed stone, Under the heels of dancers, and everything… Except for Josele … Though the mother pushed him to sing, – His fingers tried to catch the emptiness of the universe, hysterical, he trembled. And all the same, even when His baby-face was burnt with a whip. When his mother fell down, As if she was an oat-sheaf. And when he Like a puppy, crawled to hide under her shirt. While Germans started to tear off from girls' necks and hands Proud corals and stubborn rings, While together with blood on pavement a scream was floating, Its cutting edge was thin… But subsiding noise was still ringing in ears With burning desperation, Pierced the heart with horror. He, Josele, was crying. And around, it seems that people were singing their souls away In their very last song. And darkness came. This fall day Was crawling out. Behind a barn. Then everyone got a shovel, And rustled, splashed on water Heavy, dumpy sand. Later people were told to shake off remnants of shame And stacks of cloths began to heap up And suddenly light sprayed interlaced, thick, naked bodies And bullets were clapping in concord. About two hours the machine gun was barking to the dank air Until the night shot down its ugly mouth. Leaves stopped their flight and covered bodies, And even Josele's cries died away. And from behind his eyelids, though he did not know Christ, Looked Jesus Christ with unearthly and mysterious melancholy. He gazed at those who would not rise from bloody sand, And butchers covered by the blood. Slush and autumn.

The entire Arsieńnieva family was well aware of the fact that every tens' Belarusian before WWI was of Jewish origin. When Frańcišak Kušal (1895–1968), a Belarusian national became Arsieńnieva's husband in 1922, they moved to Słonim, a Belarusian township with a predominantly Jewish population until the break of WWII. Seventy percent of Słonim Jewish inhabitants (19,000, including migrants from Poland) were murdered in the first grand-scale destruction of the Belarusian Jewish populace: 9,000 were killed November 14, 1941. The next massacre, the destruction of Słonim ghetto, took place in 1942.[1] The first "action," however, happened twenty-three days after the occupation began, when Germans rounded up 1,200 men, the pillars of Jewish community, and shot them. This particular episode is described by Nachum Alpert.[2] This is worth noting that although his work was just recently translated from Yiddish to English, the heartbreaking narration of Alpert's story coincides completely with the rendering of Natalla Arsieńnieva's "Akcyja." Though she was in Minsk at the time, the poet probably just heard about events in Słonim. "Akcyja's" plot, however, could have been derived from snowballing and similar killings from many other Belarusian ghettos. According to David Meltser's article in *The Holocaust Encyclopedia*, "some 200 ghettos were created on Belarusian territory. The largest was in Minsk."[3] Minsk was occupied June 28, 1941, and by the beginning of August the entire territory of Belaruś was conquered by Germans. Most of the ghetto population was murdered in 1941 and 1942; however, the two Minsk ghettos continued to exist until 1943. Jewish random annihilations in Minsk also started early: 3,000 Jewish intellectuals, a significant portion of the Belarusian cultural elite and technical intelligentsia, were shot in the beginning of July, just a few days after the German occupation began. Though Arsieńnieva must have known many of them, her poem is not about that particular massacre. Since the imagery of "Akcyja" includes autumn leaves, rain, and slush, she is probably referring to October 1941, when the liquidation of 30,064 Jews from Minsk was reported to the German chiefs in Berlin. Gassing Jews in vans started November 7th and 8th, also in Minsk. These two days were clearly timed to coincide with the celebration of the Bolsheviks revolution. The third day of gassing was resumed on November 20, 1941. "Approximately 27,000 persons were killed over those three days alone."[4] In short, the Germans gassed 3,064 fewer persons in three days as they did in four months of the incessant shootings of Jews. Gassing people and burning their bodies in a specially built crematorium in the village of Maly Traścianec (located close to Minsk) became a normal procedure for Germans. That way they executed a larger number of local and foreign Jews from both of the Minsk ghettos. Shooting remained the means of slaying smaller groups, and for these actions

Germans used machine guns. The smallest groups and individuals of political importance were hanged. For both actions, shooting and hanging, Germans would round up locals. These crowds served two different purposes. First, it was the German way to instill fear into the locals, and, second, Belarusians had to clean up after the executions. The reader of "Akcyja" can see this predetermined role for the locals recorded in the poem. The overwhelming sentiments of the poem are the complete helplessness, defenselessness, and nakedness of the victims in combination with the more subtle but certainly deeply traumatic experiences of the local Christians. The imagery starts with the most powerful symbol of the Almighty, the burning fire.

Natalla Arsieńnieva, unlike her husband, did not show any interest in politics and/or taking sides in the war with Germans. Instead, she became fully immersed in Belarusian cultural affairs. This was also a period marked by a wealth of her new cycle of poetry produced between 1941 and 1944. After her emigration to Europe and later, in 1950 to the United States, Natalla Arsieńnieva seemed to lose for a while her formidable stamina and inspiration, although, even during those times, as McMillin noted, she continued "writing dignified and melodious poems on notable religious and secular occasions."[5] Arsieńnieva's acclaimed poem "Mahutny Boža" (Oh, God Almighty) with M. Ravienski's music became a canonic peace of liturgy in Catholic, Orthodox, and Uniate Belarusian Churches alike. Overall, intellectually and spiritually, this poet was a refined spiritual singer of life and nature. Even though Arsieńnieva started to publish poetry while still a student in Vilnia, her first poetic anthology, with the telling title *Pad sinim niebam* (Beneath the Blue Sky), appeared only in 1927. This work was truly welcomed in both parts of Belaruś, Eastern (Soviet) and Western (Polish) for its high lyricism, musicality, and an ability to create a positive mood in the reader. Furthermore, the poet managed not to offend the feelings of any political group in the 1920s and the 1930s. On the contrary, her deep, warm, philosophical, and patriotic love for the landscapes of Belaruś and its people as well as her kindness and attention to everything under the sky of her country, evoked empathy, wistfulness, and affection in her readers. The poet's second collection, *Žoŭtaja vosień* (Yellow Autumn), was ready for publication but brought to a halt by the outbreak of WWII. Natalla Arsieńnieva's third collection, *Siahońnia* (Today), marked the height of her lyrical might; it appeared in Minsk in 1944, right before her final physical (but never spiritual) departure from her motherland. Arsieńnieva's poem "Akcyja" although written as a part of the collection *Siahońnia* in early 1944, is present only in two later editions of Arsieńnieva's poetry.[6] The content of the first collection was handpicked by the poet in 1978. One of its main images is a fire. Mikhail Gershenzon in his *Kliuch very* (The Key of Faith) shows a firm conviction that God is represented by fire: "One thing is absolutely determined, and this is that Almighty's nature is a fire. The Old Testament manifests diverse conditions of God with distinctive kinds of fire."[7] In fact, many writers, including Mikhail Bulgakov, use the constructive and cleansing power of fire, attributed to God in their works, indicating its initial powers: "'Then the fire!' cried Azazello. 'The fire – that starts and ends everything!'"[8] The reader might note that Arsieńnieva was using the fire as both: imagery of the Inquisition and that of God in her poem. The narration of the poem leads the reader to think that whatever claims Germans (or before them the Inquisition) could have had, they were following wrong idols. "Everything that has a living word was contorting in fires." With the understanding that the Almighty is the word and all his creations possessed the living word as part of His benevolence, the German executions of the Torah people was as godless as the actions of their predecessors, the Inquisition. A similar image of people who wear Talliths as one of the many symbols of their connection to God is in the middle of the poem, where "Talliths (the Jews) rocketed to the sky together with a smoke of Torah." They went back to their Creator, accompanied by their Book as witness of their belonging and returning to God; indeed, these images are powerfully expressed in the poem. The next intense imagery of the poem represents autumn.

Arsieńnieva employed an arsenal of poetic devices to bring this favorite season to life in her best poetry.[9] However, her other poems feature a palette of warm and cold colors, special light, shades, and precipitations – the latter is sometimes friendly, but often is not. In her poem "Action," autumn is cold, cruel, and indifferent to humans. Jews are first compared to autumn leaves but there is then a hint of a yellow patch of David's star; the latter brings up a notion of a haunted and forced motion: "The Jews were thrown into a square / Like a handful of leaves / It seemed like yellow patches began to dance.…" The machine gun is juxtaposed to life in the poem; its fire is godless, and is compared to a vicious barking dog that could be, as the gunners seem, possessed by rabies. In fact, human behavior during this horror, of both the victims and murderers, seemed to be mechanical and uniform. Indeed, with the exception of little Josele, a baby portrayed in the poem, no one defies the marionette-like scenario of the behavior of Germans and Jews alike. The contrast of this baby's clearly natural reaction of terror in relation to what is happening brings the reader's emotions to a burning point. More important, it makes the reader's reaction more personal, natural, and understandable. In short, in the original Belarusian "Akcyja" differs from other poems by Natalla Arsieńnieva not only in the exclusivity of its theme but also in the distinctiveness of its poetic style. While the poet's other lyrics are written in a classic musical style with rhythm and rhyme, "Akcyja" uses asymmetric blank verse. And this style, chosen by the poet, underlines both the tragic and solemnly reality of "those days."The only thing that gives the author away as a gentile is her typical Christian treatment of Christ as a complete stranger to Jews, forgetting that Christ was born and died not as a Christian but as a Jew. However, with a genius strike of a real poet, she declares Christ to be embodied in Josele alone: "And even Josele's cries died away / And from behind his eyelids, though he did not know Christ, /Looked Jesus Christ with unearthly and mysterious melancholy./" By doing so, the poet clarifies to the reader a common Christian notion about Christ's messianic nature, which Jews, unless converted to Christianity, would never accept. Why someone of Natalla Arsieńnieva's powerful literary culture wrote only one poem on this topic is a question that could garner many responses, most of which would be speculation. One of the poet's own comprehensive answers is found in the second stanza of her 1941 poem from the collection *Siahońnia* (Today). This eponymous poem profoundly expresses Arsieńnieva's poetic credo:

In any case my poetry will not extinguish wild fires, Will not wash the crimson blood from people's souls. In truth, what should one write, both tomorrow and today? You cannot resurrect corpses with a sonnet about spring … Today every poem rings with a funeral sound but / You cannot fill a hungry mouth with the best of rhymes.[10]

Nevertheless, the fact that the poet did not evade the Jewish problem in Belaruś during WWII, and skillfully portrayed with all of her might an event that could be applied to any of two hundred Belarusian ghettos, raises some important and related points about this remarkable poet. First, it defies a view that she excluded Belarusian Jews from her motherland's culture. Second, the younger generations of Belarusians who grew up without Jewish neighbors have little knowledge and therefore a rather twisted understanding about Holocaust. According to the latest thorough study of Aleksej Bratochkin, their attitudes range from complete ignorance and indifference to open complaints about Jewish "oversensitivity with respect to their Holocaust."[11] Third, Arsieńnieva's "Akcyja" is as unique in her work as "Malitva" (The Prayer, 1943), and also belongs to the rare for her genre of liturgy. Unlike "Malitva," whose prayer-style inevitably turned the poem into a religious hymn, "Akcyja" is a sermon and simultaneously a requiem. That it belongs to the genre of liturgy (the initial meaning of liturgy is "public duty") is both obvious and telling. Natalla Arsieńnieva, though she knew that her poetry "Will not wash the crimson blood from people's souls," performed the highest service to her country by writing this piece of illustrious liturgy: single, honest, and powerful.

Literatura

1. Martin Gilbert. The Holocaust. – London: Fontana Press, 1986. – P.184, 403.
2. Nachum Alpert. The Destruction of Slonim Jewry: The Story of the Jews of Slonim During the Holocaust. – NY: Holocaust Library 216 W 18 St. NYC, 1989) http://zachor.michlalah.edu/english/khila/khila-5.asp
3. The Holocaust Encyclopedia (New Haven: Yale University Press) 62. Actually, Minsk had two ghettos: one for the Belarusian Jews, and the second was used for West and Central European Jews. These two were administrated differently. Minsk is also noted for the first use of gassing vans (October–November 1941).
4. The Holocaust Encyclopedia, 62.
5. Arnold McMillin. Natalla Arseńnieva: Poet of Autumn // Belarusian Literature of the Diaspora. – (Birmingham: University of Birmingham, 2002. – 103.
6. Miž berahami . Vybar paezii Natalli Arseńnievaj 1920–1970. (Between the shores. Selected works of Natalla Arseńnieva). 1920–1970. (New York: BINiM, 1979) 224-25; Natalla Arsieńnieva // Byelorussian World.– 1989. – №21(50). – P.14–16.
7. Mikhail Gershenzon. *Kliuch very* (The Key of Faith) (Peterburg: Epokha, 1922) 3. The author quotes nine more examples from the Old Testament to confirm his statement, and promises to the reader an abundance of these symbols of God throughout the text.
8. Mikhail Bulgakov. *The Master and Margarita.* – London: Collins Harvill, 1988. – P.418.
9. Arnold McMillin called his chapter dedicated to the poet: “Natalla Arseńnieva: Poet of Autumn.” she got a similar nickname from many critics, including Anton Adamovič, who directs the reader to Arseńnieva’s poem: “Heta ž - voseń” (Indeed, this is – autumn). *Miž berahami,* xxxix.
10. McMillin. – P.114.
11. Aleksei Bratochkin. “Vsegda drugie ili kak naiti ‘mesto’ dlia evreev v belorusskoi istorii” http://n-europe.eu/article/2013/02/09/vsegda_drugie ; Also unnerving is discussion of this article.

Г.А. Гладкова (Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава)

ЖАНР ІДЫЛІІ Ў ТВОРЧАСЦІ І. БЫКОЎСКАГА

Ігнацій Быкоўскі – прадстаўнік польскамоўнай літаратуры Беларусі другой паловы XVIII – ачатку XIX стагоддзяў, творчасць якога характарызавалася выкарыстаннем розных жанравых мадыфікацый, уласцівых класіцызму і сентыменталізму. Зварот да жанру ідыліі абумоўлены імкненнем пісьменніка трымацца ў русле сентыменталістскай эстэтыкі, якая прадугледжвала апеляцыю да пачуцця, культ маральнай чысціні, багацце спектра эмацыянальных перажыванняў.

Ідылічны жанр, шырока прадстаўлены ў сусветнай літаратуры антычнасці (Феакрыт, Біён, Мосх, Вергілій), вядомы ў лацінскай літаратуры першага (каралінгскага) Адраджэння, у куртуазнай паэзіі сярэднявечча (пастарэла, вясковыя мінезангі), у эпоху барока, калі букалічная тэматыка ахапіла ўсе літаратурныя жанры, не быў забыты ў эстэтыцы класіцызму і сентыменталізму. Тэарэтыкі класіцызму разумелі ідылію як форму дыдактычнай і апісальнай паэзіі, фіксуючы яе дзеянне ў «залатым стагоддзі».

Вясковы сюжэт і адпаведная тэматыка ідыліі захоўваліся нязменнымі на працягу некалькіх эпох, аднак на пачатку XVIII стагоддзя назіраўся пратэст з боку ідэолагаў буржуазіі, якія патрабавалі перабудовы жанру на матэрыяле ідэалізаванага быту дробнага і сярэдняга буржуа. Нямецкі гісторык культуры, прыхільнік нацыянальнай і гістарычнай самабытнасці літаратуры І. Гердэр сцвярджаў, што ідэалам пастухоўскай паэзіі павінна быць адлюстраванне пачуццяў людзей нязначных у грамадстве, пры гэтым навуковец бачыў задачу ідыліі ў імкненні наблізіцца да ілюзіі вышэйшай асалоды, але не да адлюстравання дасканаласці (у тым ліку і маральнага ўдасканальвання) [1]. Як вядома, інтарэс да ідыліі як пастаральнага жанру ўзмацніўся ў эпоху сентыменталізму з яе ідэалам жыцця на ўлонні прыроды і акцэнтам на пачуццёвасці.

І. Быкоўскі як прадстаўнік сентыментальнай літаратурнай плыні не абыходзіў увагай згаданы літаратурны жанр і змясціў у зборніку «Rozmyślania wieśniacze»

(Вільня, 1799) дзве ідыліі, у якіх па-мастацку асэнсаваў філасофскія пытанні чалавечага быцця і этычны кодэкс паводзін жанчыны.

Першая ідылія ***«Tytyr»*** («Ціцір») суправаджаецца эпіграфам з Вергілія *«Tu, Tityre, lentus sub Umbra»* («Ты, Ціцір, спакойны ў цені») з некаторай арфаграфічнай недакладнасцю ў варыянце Быкоўскага. Крыніцай цытавання стала алегарычна-букалічная Эклога I Публія Вергілія Марона, пабудаваная як дыялог пастухоў Мелібея і Ціціра, дзе апошні праслаўляў «юнага бога», які вярнуў герою мірнае шчаслівае жыццё разам з канфіскаванай зямлёй.

Ідылія І. Быкоўскага мела некалькі тэматычных пластоў і адлюстроўвала іншыя жыццёвыя рэаліі. У прыватнасці, у ідыліі І. Быкоўскага на першы план выходзіла не столькі ўслаўленне шчаслівага быцця на ўлонні прыроды (яно ў тэксце ідыліі займае толькі шэсць першых катрэнаў з агульных дваццаці шасці), колькі філасофскае асэнсаванне жыцця з хрысціянскіх пазіцый.

Спалучэнне старажытнай рымскай міфалогіі і традыцый хрысціянскай веры адлюстроўвае дастаткова арыгінальную аўтарскую манеру мастацкага мыслення. Лірычны герой твора адрасаваў Богу трывожнае запытанне пра далейшую божую міласць і тут жа згадваў багіню лёсу Парку з ніткай жыцця – папулярны міфалагічны вобраз антычнай эпохі. Герой ідыліі не толькі асэнсоўваў перажытае, але думаў пра будучыню, спадзяваўся на ўласных дзяцей, якія *«może się wzniosą, iak dąb wysoko, / Y znaydą ścieszkę do sławy»* («можа ўзрастуць, як дуб, высока / І адшукаюць дарогу да славы») [2;42].

У ідыліі «Ціцір» неаднаразова сустракаецца вобраз вясны, які мае не толькі прамое значэнне пары года, але становіцца сімвалам маладосці, шчаслівага жыццёвага перыяду, і нават указвае на працягласць жыцця: *«Już dziewięćdziesiąt razy patrzyłem, / Na miłey Wiosny knam przyiście»* («Ужо дзевяноста разоў я глядзеў / На прыход да нас мілай вясны»), – сцвярджаў герой і прыходзіў да высновы, што ўласнае жыццё было падобным на вясну [2;40-41].

І. Быкоўскі часта карыстаўся мастацкім прыёмам антытэзы, пабудаваным на супастаўленні дыяметральна процілеглых паняццяў. Дыялектыка адзінства супрацьлегласцей, пастаяннай наяўнасці ў жыцці чалавека антаганістычных пачаткаў трансфармавалася ў паэтычныя вобразы вясны і марозу, ліхой долі і спакойнага часу, непастаяннага шчасця.

Філасофскі пласт разваг героя змяняўся новым тэматычным колам – глыбока пачуццёвым, эмацыянальна напружаным матывам страты каханай жонкі Амарылы, якая заўчасна памерла на руках мужа. Адзіным суцяшэннем для лірычнага героя служыла спадзяванне, што *«…część zimnego popiołu… / Z twoim się złączy pospolu»* («…халоднага попелу частка… / З тваім попелам злучыцца разам») [2;43].

У поўнай адпаведнасці з нормамі жыцця дабрачыннага хрысціяніна герой ідыліі збіраў дзяцей і ўнукаў разам, ставіў алтар для божага ўхвалення і вёў сям'ю на магілу Амарылы: *«Tam wznowim pamięć cnot iey tym czynem, / Y ieszcze w słodką tę chwilę, / Ozdobmy Grob iey miły wawrzynem, / Y kamień na tey mogile»* («Там успомнім яе дабрачыннасць / І ў салодкую гэту хвіліну / Аздобім лаўрам яе магілу / І камень на гэтай магіле») [2;44].

Ідылія завяршалася апісаннем цуду: старац ператвараўся ў кіпарыс – дрэва вечнага смутку і жалобы. Аўтар заканчваў аповед словамі: *«Pod drzewem tego kto siądzie cienia, / Wnet leie strumień łez Swięty»* («Хто сядзе ў цень таго дрэва, / Тут жа будзе ліць слёзы святыя») [2;44].

Такім чынам, ідылія І. Быкоўскага «Ціцір» вызначаецца філасофскай заглыбленасцю, ненавязлівым дыдактызмам, глыбокай пачуццёвасцю элегічнага складу, імкненнем спалучыць антычную традыцыю жанру з этыкай хрысціянскай веры.

Наступны ідылічны твор ***«Glicera»*** («Гліцэра») таксама мае эпіграф, якім стаў адзін з выразаў вядомага вастраслова XVIII стагоддзя маркіза дэ Б'еўра: *«Dieu! Quel foible secour garantir l'innocence de la seduction, quelle est donc puissance?»* («Божа! Што за слабасць – абараняць бязвіннасць спакусы, у чым жа тады сіла?») [2;45].

Пры гэтым, калі эпіграф з першай ідыліі быў алюзіяй да твора Вергілія, задаваў тэму і дазваляў І. Быкоўскаму вольна абыходзіцца з сюжэтам, то эпіграф да ідыліі «Гліцэра» меў цесную сувязь з паэтычным тэкстам і сінтэзаваў ідэю твора. Заўважым, што І. Быкоўскі часта пазначаў эпіграфы да сваіх твораў, што сведчыць пра эрудыцыю пісьменніка і ўменне ўвесці чужую думку ў новы літаратурны кантэкст.

Цэнтральны вобраз ідыліі – сірата Гліцэра, якая памятае матчын наказ захоўваць цнатлівасць паводзін і не паддавацца спакусам. Логіка развіцця сюжэта вядзе да таго, што дзяўчына сустракае прадбачанае маці выпрабаванне ў асобе пана, які, захапіўшыся абаяльнасцю сіраты, пачаў заляцанні, не забываючы пра шчодрыя падарункі. Наіўнасць дзяўчыны і даверлівы погляд на свет прывялі яе да спакушэння, якое толькі на кароткае імгненне пранікла ў сэрца Гліцэры. Гераіні ўласцівае пачуццё сораму, плачучы на магіле, яна з болем скардзіцца маці і небу на сваю памылку. Такім чынам, стаўшы адным з галоўных у творы, матыў галашэння выклікаў чытацкае суперажыванне. Пан, убачыўшы пакуты Гліцэры, супакойвае дзяўчыну, кажа, што яе дабрачыннасць і цвёрдасць стрымалі яго самога ад непачцівых паводзін. Шчаслівы фінал – шлюб Гліцэры і пана – завяршаў ідылію.

Як бачым, з сюжэтнай асновы верша вынікае адказ на пытанне маркіза дэ Б'еўра: сіла чалавека – у дабрачыннасці і ўстойлівасці перад спакусай. Ідэйная накіраванасць твора заключана ў сцвярджэнні грахоўнасці спакушэння і абавязковасці высокіх маральных якасцей для дзяўчыны, што, на думку паэта, можа стаць асновай для шчаслівай жаночай долі.

Найбольш ужывальнымі мастацкімі прыёмамі, выкарыстанымі аўтарам у творы, сталі эпітэты *(«tkliwa Matka», «los srogi», «dola nieszczęsna», «chytre zalety», «nadobne dziewczę», «podniety zdradliwe»* і г.д.), рытарычны зварот (*«o Nieba!»*), рытарычны выгук (*«Ach jakże biedne te Dziatki, / Co się zostaną bez Matki!»*). Тэкст ідыліі насычаны простай мовай не толькі для перадачы сутнасці зместу сказанага героямі, але і для стварэння адпаведнага эмацыянальнага фону. Адзначым, што паэт не імкнуўся сцішыць пачуццёвыя праявы герояў ідыліі, наадварот, эмацыянальнасць стала неад'емным элементам твора, на што працуюць усе выкарыстаныя аўтарам мастацкія прыёмы.

Такім чынам, на матэрыяле ідылій І. Быкоўскага можна гаварыць пра спецыфіку згаданага жанру ў творчасці пісьменніка, якая заключаецца галоўным чынам у прыярытэце маральна-этычнай праблематыкі, эмацыянальнай насычанасці, спалучэнні традыцый жанру ідыліі з павевамі сентыменталізму. На першы план у ідыліях І. Быкоўскага вылучаецца не столькі праслаўленне бесклапотнага жыцця на ўлонні прыроды, колькі дыялектычнае разуменне пісьменнікам чалавечага існавання, вера ў Бога-стваральніка і непахіснасць маральных законаў.

Літаратура

1. Троцкий, И. Идиллия / И. Троцкий, Р. Шор, Л. Тимофеев // Лит. энцикл. : в 11 т. – М., 1930. – Т. 4. — Стб. 420–430.
2. Rozmyślania wieśniacze / przez Ignacego Bykowskiego Porucznika Wóysk Rossyskich. – Wilno : Druk. XX. Piarow, 1799. – 70 s.

Н.В. Голубович (Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)

РОМАН М. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА» В АСПЕКТЕ НАРОДНОЙ СМЕХОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Исследование специфики комического в творчестве М.Булгакова позволяет отметить важную роль фольклорных мотивов карнавального типа.

В булгаковском смехе органично сочетается серьезная обличительность сатиры с игровым, празднично-веселым повествованием о похождениях Воландовой свиты, о суетливо-приземленных страстях московских обывателей, к числу которых причисляет М. Булгаков и писательскую братию всех званий и рангов.

Наиболее функциональным средством в задаче комической интерпретации действительности у М.Булгакова выступает карнавализованный гротеск. Карнавально гротескна сцена магического сеанса в главе «Черная магия и её разоблачение». События, происходящие в Варьете, проникнуты атмосферой балагана с его «всеуничтожающим и всеобновляющим» /Бахтин/ амбивалентным смехом.

Примером карнавализации может служить эпизод «увенчания-развенчания» «хорошо знакомого всей Москве конферансье Жоржа Бенгальского». Здесь есть многие составляющие карнавала: перебранки, превращения, карнавальные мистификации, профанации, смягчение страшного, гротеск, амбивалентность.

Нет абсолютного отрицания или абсолютного утверждения. Нет мертвой недвижимости, статичности. Вместе с веселой относительностью правд приобретается многоплановость и символическая глубина: « – Эх, Никанор Иванович! – задушевно воскликнул неизвестный. Что такое официальное лицо или неофициальное? Все это зависит от того, с какой точки зрения смотреть на предмет, все это, Никанор Иванович, условно и зыбко. Сегодня я неофициальное лицо, а завтра, глядишь, официальное! А бывает и наоборот, Никанор Иванович. И еще как бывает!» [3;362]

В соответствии с карнавальной логикой в романе снят «страшный» колорит с нечистой силы.

Затрагивая проблему дедемонизации, А.Амфитеатров пишет: «Почти во всех странах и во все века народ относится к черту гораздо лучше и добрее, чем учит и требует запугивающая церковь… Народ любит фамильярно приближать к себе сверхъестественные силы... Черт в народе резко отличен от черта богословов и аскетов. Народный черт нечто вроде скверного соседа... У черта есть дом, профессия, свои занятия, нужды, хлопоты... он ест, пьет, курит, носит платье и обувь» [1;358]. Согласно представлениям восточных славян, у каждого дома, хлева, бани, у каждого человека есть свой нечистый дух (хатник, банник, домовой и т. д.), который не только делает мелкие пакости, но и охраняет человека и его жилище. Иногда человек вступает с чертом в соглашение: в русской быличке черт, спасенный человеком от грозы, идет вместо спасшего его мужика в солдаты. С чертом заключаются договоры и сделки, его даже нанимают на работу [5;533-540].

Карнавальные мотивы возникают в противовес жизни официальной, строго упорядоченной, «монолитно серьезной» (Бахтин). У А.Веселовского читаем: «Международное право средневековой Европы гарантировало их (шутов, шпинглеров, жонглеров – Г.Н.) неприкосновенность… Оттуда мотив переодевания шпильманом, жонглером, чтобы, проникнув в неприятельский лагерь, избежать преследования и т.п.» [4;15]. Шутовство, скоморошество – символы народно-праздничной стихии, не подчиняющейся запретам и ограничениям, несущей через амбивалентный смех мотив развенчания, вольности и очищения.

Шутовство Коровьева – это очевидное снижение инфернальных представлений, отблеск богатых традиций скоморошества. Уже его внешний вид передает внутреннюю суть насмешника и плута, «гражданина престранного вида»: «На маленькой голове жо-

кейский картузик, клетчатый кургузый воздушный же пиджачок. Гражданин ростом в сажень, но в плечах узок, худ неимоверно, и физиономия, прошу заметить, глумливая», «усики у него, как куриные перья, глазки маленькие, иронические, полупьяные, а брюки клетчатые, подтянутые настолько, что видны грязные белые носки» [3;8, 47].

Подтверждением может служить речь Коровьева, определенно привязанная именно к русской действительности, к проблемам отечественного быта, и когда он вспоминает о Достоевском, не имеющем удостоверения Союза писателей, и когда передает Маргарите слухи о невероятных и злодейских происшествиях в Москве, наконец, в момент самозабвенного дирижирования в государственном учреждении хором его сотрудников, исполняющим «Славное море священный Байкал…».

Русский акцент еще более ощутим на фоне Воланда, Бегемота и Азазелло, героев, генетически идущих от истоков нерусских, на наш взгляд. Изъятый М.Булгаковым из гофманиады Бегемот перенасыщен карнавализованными чертами. Комический эффект создает бытовое снижение злой силы: «...третьим в этой компании оказался неизвестно откуда взявшийся кот, громадный, как боров, черный, как сажа и грач, и с отчаянными кавалерийскими усами» [3;50], восседающий «на ювелиршином пуфе в развязной позе» «со стопкой водки в одной лапе и вилкой, на которую он успел поддеть маринованный гриб, в другой» [3;82]. Обладающий изрядным аппетитом (пример пиршественного образа – «обязательный момент во всяком народно-праздничном веселье» [2;308]), Бегемот будет с удовольствием накладывать себе на тарелку сосиски.

Бегемот и Коровьев, кроме названных атрибутов карнавальной веселости, составляют еще и традиционную для народного представления о смешном контрастную пару: Коровьев – «гражданин ростом в сажень, но в плечах узок, худ неимоверно», «с глумливой физиономией», Бегемот – самодовольный, громадный, «как боров», «здоровеннейший», «жутких размеров кот». Такую же контрастную пару являют «длинный, как жердь, и в пенсне» Коровьев и «маленький, но необыкновенно широкоплечий, в котелке на голове и с торчащим изо рта клыком» Азазелло. Сатана и его свита представлены в гротескном заострении, характерном для героев фольклора: сочетание человеческого и звериного, чрезмерная прожорливость, магические способности.

Мир «Мастера и Маргариты» – это мир «наоборот», гротескный, «вывернутый наизнанку» /Бахтин/. Изображение подчинено игровой карнавальной логике: соединению несоединимого, сведению воедино плюса и минуса, стремлению опровергнуть устоявшиеся взгляды, ввести в действие алогичные законы парадокса. Поэтому Маргарита, возлюбленная Мастера, легко превращается в ведьму, причем Маргарита-ведьма успокаивает плачущего ребенка, освобождает несчастную Фриду от страданий; символ вселенского Зла Воланд «совершает благо»; приобщаются к познанию тайн бытия Иван Николаевич, ученик Мастера, и Николай Иванович, Наташин ухажер, в качестве борова побывавший на балу у сатаны, – герои, выступающие как антиподы, на что указывают их зеркальные имена и «странно» совпадающее душевное состояние в эпилоге романа; не случайно и то, что на визитной карточке Воланда Иван Николаевич успел разглядеть только начальную букву фамилии незнакомца – двойное «В», то есть «W», он же видит Мастера в шапочке с вышитой Маргаритой буквой «М», которая с легкостью может превратиться в сатанинский знак. Сопряжение добра и зла подчеркивается Воландом. «Что бы делало твое добро, если бы не существовало зла?» – говорит он Левию Матвею [3; 350].

Карнавальная гротескность многих ситуаций и образов, шутовство-скоморошество, амбивалентное отношение к дьяволу занимают важное место в философской концепции романа.

К какому же утверждению приходит М. Булгаков, моделирующий действительность по законам карнавальной логики? Может ли зло «совершать благо»? Как и в народном сознании, в романе М.Булгакова дьявольское несовместимо с Добром, но мо-

жет служить ему, если человек того пожелает. В изображении злых сил писатель близок народному отношению к дьяволу, в котором естественно сочетаются комическое восприятие черта, игровое начало, выражающееся в стремлении его обхитрить, «надуть», и однозначно отрицательная христианская оценка.

Литература

1. Амфитеатров, А. Собрание сочинений / А.Амфитеатров. – СПб., 1913. – Т. 18: Дьявол. Дьявол в быте, легенде и в литературе средних веков. – 372 с.
2. Бахтин, М.М. Творчество Ф.Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М.М. Бахтин. – М.: Худож. литература, 1990. – 543 с.
3. Булгаков, М.А. Собрание сочинений. В 5 т. / М.А.Булгаков; Редкол.: Г.Гоц, А.Караганов, В.Лакшин и др.; Подгот. текста Я.Яновской, В.Гудковой, Е.Земской; Коммент. Г.Лескиса, В.Гудковой, Е.Земской. – М.: Худож. лит., 1992. – Т. 5: Мастер и Маргарита; Письма. – 734 с.
4. Веселовский, А.Н. Разыскания в области русского духовного стиха / А.Н.Веселовский. – VI – СОРЯС, 1883. Т. XXXII, № 4. – 28 с.
5. Краткая энциклопедия славянской мифологии. – М.: Астрель; Русские словари, 2004. – 876 с.

Е.В. Гук (Гродненский государственный университет имени Я. Купалы)

КРЕСТЬЯНСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ТВОРЧЕСТВЕ ВЕСЛАВА МЫСЛИВСКОГО

Если бы я знал кто такой крестьянин, я бы сказал, каким должен быть человек.
В. Мысливский

Крестьянская тематика всегда занимала особое место в литературном процессе. Перечисление произведений, связанных с разнообразными аспектами крестьянской жизни в польской литературе, можно начать с творчества ещё представителей эпохи Ренессанса Яна Кохановского (1530–1584) и Миколая Рея (1505–1569). Далее следует романтическое увлечение фольклором и использование романтиками в структуре своих произведений народных мотивов, обрядов, легенд (Адам Мицкевич (179 –1855)). Взгляд на крестьянство как на основу нации характеризовал и реалистическую прозу (Элиза Ожешко (1841–1910)). В период литературы Молодой Польши возникло явление «людомании», проявившееся в очаровании красотой сельских пейзажей, народными обрядами и нарядами (Станислав Выспяньский (1869 – 1907), Владислав Реймонт (1867–1925). Перспектива показа проблем деревни начала изменяться с межвоенного периода, когда предметом описания стал показ крестьянства «изнутри». Послевоенная действительность внесла новые черты в изображение деревни и её жителей. Пройдя формирование и становление, крестьянское течение стало литературной действительностью, постепенно превращаясь из литературы второстепенной в ведущее направление.

В своем эссе «Конец крестьянской культуры» В. Мысливский писал: «… *несмотря на Шопена, Мицкевича, Норвида, Выспяньского, Лесмяна или Шимановского, которые являлись указателями направления к крестьянской культуре, знаками её неисчерпаемого богатства, в Польше эта культура, вплоть до своих последних дней, оставалась на обочине, не познанная, обесцененная, часто фальсифицированная или идеализированная, для большинства – экзотическая, для некоторых – несуществующая*» [6; 53].

В литературе XX века, которая в полной мере оценила все достоинства крестьянской проблематики, способы и методы отображения крестьянства были многогранными и разнообразными – от репортажного и документального реализма (Ю. Кавалец), гротескной концепции показа мира (Э. Рэдлиньский), до символично-метафорического воплощения (В. Мысливский), лирического поэтического воображения, мифа и фантастики (Т. Новак).

В прозе XX века принято выделять три поколения писателей, обращавшихся в своём творчестве к крестьянской проблематике. К первой группе относят тех, кто родился в 1900-1920-х годах. Начало деятельности этой генерации приходится на

30-40-е годы (С. Пентак, Г. Ворцель, Ю. Кавалец, В. Мах, З. Тришка и др.). Второе поколение – это писатели, родившиеся в 1920-40-х годах и дебютировавшие в 50-60-х годах (Т. Новак, М. Пилот, В. Мысливский и др.). Авторы, которые дебютировали в 70-е годы, относятся к третьему поколению (Е. Ваксманьский, Э. Рэдлиньский, Ю. Лозиньский).

В 80-е годы XX столетия литература о селе исчерпывает себя. Как утверждает польский исследователь Дарьюш Кулеша, именно на творчестве В. Мысливского замыкается крестьянское течение польской прозы. Многие критики и литературоведы (В.А. Хорев, Г. Береза, Т. Блажеевский, Е. Пиндур и др.), относя творчество В. Мысливслого к этому направлению в польской литературе, отмечают, что проблематика, связанная с жизнью деревни, её философией и психологией, является основополагающим стержнем всех произведений автора. По убеждению самого писателя, именно крестьянская культура заключает в себе вечные ценности человеческой экзистенции.

Т. Блажеевский приходит к выводу, что в своём творчестве Мысливский, используя, с одной стороны общественно исторический опыт, с другой – безграничное воображение, старается приблизить ответ на сложнейший вопрос – как жить.

В своём творчестве писатель руководствуется, как сам он утверждает, тремя необычайно важными составляющими, которые стали своего рода наследством умирающей крестьянской культуры: словом, памятью, воображением. Эти составляющие можно встретить во всех без исключения романах и драматических произведениях В. Мысливского, они помогают раскрытию основополагающих проблем, пониманию психологии героя и служат предметом философских и экзистэнциальных размышлений.

Литературным дебютом В. Мысливского стал вышедший в 1967 году роман «*Голый сад*», в котором автор показал не только отличное знание деревенской действительности, но и глубокое понимание крестьянской психологии. Писатель обращает внимание на проблему перехода сельского человека в другую социальную группу (на примере сына, получившего образование, но всё же работающего сельским учителем). Иначе, чем в традиционной литературе, решается проблема отцов и детей, она изображена не как конфликт поколений, а как неразрывная эмоционально-психологическая связь между отцом и сыном. Раскрывается мотив семейного родства и родных корней, частично отображённый в названии романа. Особого внимания заслуживает проблема земли, показанной в разные периоды календарного цикла сельских работ, а также живое участие в этом трудоёмком процессе человека. Данная проблема связана с проблемой взаимоотношения и взаимосвязи человека с природой (зависимость от стихии, подчинение ей). Аспекты, связанные с реалиями деревенской жизни, органически переплетается с общечеловеческими вопросами бытия. Роман насыщен народными приметами, прочно вошедшими в сознание людей, которые верят в то, что даже сны имеют тайное значение.

В.А. Хорев подчёркивает, что В. Мысливский «не ставит задачей дать широкую панораму действительности. Логика повествования подчинена логике процесса асоциального мышления героя. Но мир, отражённый в зеркале личных переживаний героя, не теряет эпической широты. В личных переживаниях, в частности, казалось бы, событиях биографии героя отразились закономерности исторического развития, «распрямления» крестьянского сознания, растущего понимания у представителя народа своей роли в истории и значения нетленных этических основ народного восприятия мира» [3; 213].

В 1970 году появился оригинальный в понимании роман Мысливского *«Дворец»*. Польский исследователь творчества писателя Генрих Береза замечает, что Мысливский «со страстью, почти с яростью выбрасывает из себя все свои знания об общественных страстях человека, ставя «душеведческие» диагнозы о человеке как существе социально детерминированном» [4; 385].

Жизнь деревни рассматривается в романе не только с точки зрения носителя этой среды, но и человека или даже людей с иными принципами и ценностями, представите-

лей аристократии, с присущими им цинизмом и снобизмом, чувством собственного превосходства. Не случайно автор показывает главного героя в процессе постоянного социального перевоплощения. О герое *«Дворца»* Мысливкий писал: «*он является равнодействующим механизмом перелома. Возможно, типичным его вольноотпущенником. Во всяком случае он не является только собой, может быть, меньше всего собой, он является классом и его коллективным воображением, опытом, надеждой*» [1; 30].

Аллегория и воображение, положенные в основу произведения, а также обилие образов-символов не помешали автору поднимать и развивать в философско-экзистенциальной манере проблемы и мотивы, затронутые в первом романе: проблема поиска человеком места в мире; проблема земли, показанной не кормилицей, а предметом рыночных отношений; мотив связи человека с природой.

Герой существует в противоречивом и даже враждебном мире, который он медленно постигает. Это и общественная морально-этическая обречённость жизни господ и компоненты по-крестьянски понимаемого панства. Проступает полное противоречие между этическими нормами «высокой» господской культуры и их непосредственной реализацией, между гуманистическими декларациями и каждодневно проявляемой жестокостью и произволом [1; 33].

В 1984 году вышел роман «*Камень на камне*», названный критикой шедевром послевоенной литературы. В. Мысливский отобразил «мир, которого уже нет». В романе символически, в рефлексивной юмористической манере описываются реалии сельской жизни первой половины XX века. Проблематическое поле в данном призведении, по сравнению с первыми двумя романами, раширяется и обогащается. Автор, анализируя перекрой сельского общества от военного периода до современности, поднимает актуальные для того времени вопросы: убранизация деревни, исчезновение крестьянских традиций, передавшихся из поколения в поколение, которые с приходом современных технологий, а вместе с ними новой морали принимают и новую форму; отказ от старых культурных обычаев (например, выщипывание перьев или отрезание первого ломтя праздничного хлеба для земли); проблема соседских взаимоотношений, слабеющих и нивелирующихся. Роман представляет сельскую жизнь «изнутри», с точки зрения крестьянской ментальности.

В романе *«Камень на камень»* исторические, социальные и политические события не показаны прямо, они преломлены в личной судьбе главного героя Шимона Петрушки. Сам автор говорит, что «этот роман как никакая другая из моих книг, насыщен конкретикой, подробностями, социальным контекстом… В мои намерения входило, чтобы именно конкретный предмет сделать инструментом мышления, инструментом описания мира, людей, чтобы каждая фраза имела своё значение» [1; 37].

В 1996 году свет увидел роман *«Горизонт»,* как и многие произведения Мысливского не отличающийся чётким и лёгким для понимания сюжетом, но снова поднимающий проблемы крестьянской действительности. Основной мыслью романа является идея расширения человеческих горизонтов, которое тесно связано с приобретением личностью жизненного опыта.

Роман *«Трактат о лущении фасоли»*, в настоящее время являющийся последним произведением В. Мысливского, появился в 2006 году. Крестьянская реальность, описанная в романе это результат воспоминаний героя, который является типичным представителем рода человеческого XX века.

Во многом перенимая черты романа о взрослении, в «*Тракте*» поднимается проблема социального становления сельского человека, который, пройдя тяжёлые испытания судьбы, в конечном итоге став интеллигентом, видевшим огромный мир, всё же возвращается в родную деревню. Оставшись единственным коренным жителем, он сохраняет память об этом месте, ухаживая за могилами односельчан на местном кладби-

ще. Мысливский в очередной раз поднимает тему принадлежности к родной земле; тему родных корней, семейных отношений (образ фасоли как символ семейности), утративших своё первичное значение в связи изменением уклада сельской жизни. Поновому звучит антитеза, поднимаемая во многих произведениях крестьянского течения и неоднократно затронутая писателем ранее, село – город.

Интересным является тот факт, что практически во всех романах герои не наделены именами собственными, что указывает, с одной стороны, на аллегорическое расширение пространства от маленькой деревни до всего мира; с другой – можно утверждать, что описываемые реалии указывают на тесную связь всех обитателей деревни.

Во всех без исключения произведениях В. Мысливского происходит всесторонний анализ крестьянской души. Писатель ввёл в литературу новую перспективу мышления о крестьянской культуре.

Литература

1. Ведина, В. П. Веслав Мысливский и развитие польской деревенской прозы (60-80-е годы) / В. П. Ведина // Роман в литературах стран Центральной и Юго-Восточной Европы / АН УССР, Ин-т лит. им. Т. Г. Шевченко. – Киев: Научн. думка, 1990. – С. 6-51.
2. Жук, В. Рэяцыя бацька-сын як спосаб адлюстпавання сялянская мудрасці ў рамане Веслава Мысліўскага “Голы сад” / В. Жук // Мелодии, краски, запахи “малой родины” Адама Мицкевича. – Гродно: ГрГУ, 2008. – С. 315-321.
3. Хорев, В. А. Польская литература XX века. 1890-1990 / В. А. Хорев. – М.: Индрик, 2009. – 352 с.
4. Bereza, H. Spełnienie / H. Bereza // Sposób myślenia o prozie polskiej. – Warszawa, 1989. – S. 382-395.
5. Błażejewski, T. Samowiedza kulturowa / T. Błażejewski // Literatura jak literatura: szkice i notatki. – Łódź, 1987. – S. 151-171.
6. Myśliwski, W. Kres kultury chłopskiej / W. Myśliwski // Twórczość. – 2004. – № 4. – S. 53-61.

С.П. Добижи, Е.А. Сафронова

(Белорусская государственная сельскохозяйственная академия, г. Горки)

ЗАПРЕТЫ В ОБЛАСТИ ПРЯДЕНИЯ И ТКАЧЕСТВА В НЕКОТОРЫХ РАЙОНАХ ПОЛЕСЬЯ

Вопрос об изучении типологии обрядов, или так называемых межобрядовых элементов, до сих пор не может считаться поставленным достаточно чётко ни в фольклористике, ни в этнографии. Описание некоторых межобрядовых элементов как таковых можно найти в трудах С.В. Максимова, Д.К. Зеленина, К. Мошинского и некоторых других.

Попытку изучения обрядовых религий в этом аспекте предпринял С.А. Токарев [1;163]. Он обратился к установлению и исследованию общих черт верований русских, белорусов и украинцев, вытекающих из единства происхождения восточнославянских народов. На восточнославянском фоне автор рассматривает обряды и поверья, так или иначе связанные с: 1)лечением болезней и здоровьем: вера в порчу, сглаз и другие сверхъестественные причины болезней; 2) с хозяйственным благополучием: обеспечение урожая, защита скота, дома; 3) с нарушениями ровного хода хозяйственной жизни: стихийные бедствия вроде засухи, града, гроз, пожаров и т.п. Безусловно, описывая определённый обряд, С.А. Токарев не мог не коснуться межобрядовых элементов, но особого внимания на их существование в рамках указанных циклов он не обращал. Например, в разделе о поверьях, относящихся к неживой природе, находим сведения о воде, огне, о следах культа земли: 1) использование воды в обрядах вызывания дождя; принесение жертвы воде; гадание; отношение между водой и нечистой силой, «иным» миром; 2) с огнем связано использование его очищающей и целебной силы в лечении больных; огонь в купальском цикле и свадебной обрядности; запреты, связанные с огнем; 3) следы культа земли находим в запретах

бить землю, городить заборы, строить до определенного времени (например, до 25 марта); в запрещении хоронить на общем кладбище умерших грешников («заложных» покойников, по терминологии Д.К. Зеленина).

Большой материал для описания некоторых общих элементов полесских обрядов можно почерпнуть из работ языковедов, этнографов и фольклористов Н.И. и С.М. Толстых, Л.Н. Виноградовой, О.А. Терновской, А.Л. Топоркова, Н.П. Антропова, Р.М. Ковалевой и др.

Описывая имеющийся у нас материал, мы постарались не только дать классификацию межобрядовых элементов известной территории Полесья (в основном Брестчины), но и показать чрезвычайную актуальность и распространенность перечисленных элементов, а также выяснить, как проявляется действие межобрядовых элементов в наиболее важных для жизнедеятельности человека сферах.

Среди запретов на выполнение каких-либо работ наиболее распространены запреты, прямо или косвенно связанные с ткачеством и прядением, что объясняется как архаичностью, так и актуальностью этих трудовых операций для населения изучаемой части Полесья. Информанты достаточно чётко определяют дни, в которые нельзя прясть лён и шерсть. Чаще всего они называют следующие праздники: Святки (т.к. «пыль падает на души мертвых» – Можейки), в пост («гром или град летом будет» – Хоромск, Бельск), Благовещенье («Господь накажет, гром будет» – Ополь, Засимы, Хоромск). Из всех дней недели запретным для прядения почти всегда называют пятницу, так как, во-первых, в пятницу бывают поминальные дни («дедова» пятница); во-вторых, в пятницу замучена святая Варвара (как вариант Христос). Эти запреты записаны в деревнях Можейки, Дружиловичи, Ополь, Бельск, Хоромск, Кривляны, Одрижин.

Нельзя было прясть не только в пятницу, но и в субботу вечером (Урбаны); в Гоцке дополнение – и в четверг вечером. Воскресенье считается запретным днем в Ополе, Одрижине, Дружиловичах. В Жолкино записан ответ о разрешении выполнять данные работы в любой день недели, но ответ единичен.

Интересны записи о том, в какие дни и почему нельзя было мотать и сновать нитки. Мотать нитки запрещалось на праздники и в воскресенье (Кривляны, Дружиловичи); в «гнилую» неделю, т.е. время после полнолуния (Хоромск); на четвертой «крестопоклонной» неделе Великого поста (Дружиловичи); в понедельник (Хоромск). Причина – «нитки будут перекрещиваться, плохо ткаться».

На вопрос о сновании ниток ответов гораздо больше; как правило, они включают в себя и дни, запрещенные для предыдущей работы. Итак, сновать нельзя в праздники и в воскресенье (Кривляны, Дружиловичи); на четвертой неделе поста (Дружиловичи); в первую неделю поста (Ополь, Одрижин); на «Сороки», т.е. день сорока мучеников (Ополь); перед «Громныцами», т.е. в Сретенье (Одрижин, Дружиловичи); в субботу, т.к. «тяжело будет рожать» (Ополь); после захода солнца (Хоромск).

Ответы на вопрос, почему нельзя было в определённые дни оставлять на виду веретено и прялку, достаточно разные, но некоторые варьируются и так или иначе связаны с упоминанием змеи: «вуж у хату прыде» (Верхний Теребежов, Оздамичи); «змия убачыш у лесе» (Ополь, Дружиловичи, Одрижин); «вуж спутае все оставленное» (Покрашево, Урбаны).

На вопрос о том, что будет, если оставить на прялке кудель, почти все опрошенные информанты ответили, что это грех, объясняя это тем, что существует некий мифический персонаж, который испортит работу, если не выполнишь запрета: «варвары дапрядут» (Дружиловичи, Верхний Теребежов); «Пилип насэре» (Ополь); «лен буде нечистым, в доме буде грязно» (Хоромск, Дружиловичи).

Следующий вопрос о том, почему нельзя оставлять на ночь основу в доме, объясняется следующим образом: новорожденный будет обвит пуповиной (Ополь); «зиллем

поле зарастэ» (Одрижин); «чорт зматае» (Дрижиловичи); «чэрти будуть вица у хате» (Кривляны). В Засимах зафиксирован единичный ответ, разрешающий оставлять основу в доме на ночь.

С основой связана еще одна группа запретов: можно ли её оставлять на лето сплетённой. Ответы разделились почти поровну: 1) нельзя оставлять, иначе летом не будет дождя (Кривляны, Ополь); «мыш усэ покусае» (Одрижин); 2) можно (Засимы, Кривляны, Верхний Теребежов, Оздамичи, Хоромск); можно, но следует закрыть основу чем-либо (Одрижин, Ополь).

И, наконец, на вопрос о том, можно ли было передавать, в частности после захода солнца, атрибуты прядения и ткачества, зафиксированы следующие группы ответов: 1) нельзя передавать; 2) можно передавать в любое время; 3) можно (нельзя) при определенном условии.

Ответы к позиции 1: нельзя передавать атрибуты прядения и ткачества после захода солнца, т.к. в доме не будут «вечшы вестися», т.е. бедно будешь жить (Хоромск, Кривляны); полотно будет рваться (Одрижин); корова после отёла не даст молока (Ополь); к позиции 2: можно передавать в любое время (Верхний Теребежов, Дружиловичи, Одрижин); к позиции 3: нельзя передавать в праздники (Дружиловичи, Ополь); нельзя передавать через дорогу, т.к. «волки придут в село» (Верхний Теребежов, Хоромск); «бардо нэ нэсуть, як сонца заходыть» (Ополь).

Внимательно изучив весь ряд приведенных запретов, мы можем сделать вывод, что запрет как один из элементов духовной культуры славян, является чрезвычайно актуальным. Семантические корни таких запретов связаны не столько с установлением христианской религии, сколько с сохранением древних языческих представлений.

Литература

1. Токарев, С.А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX – нач. XX вв / С.А. Токарев. – М.: АН СССР, 1957. – с.163.

Krzysztof Korotkich (Uniwersytet w Białymstoku)

KONCEPCJA WOLNOŚCI W POEZJI ANNY ACHMATOWEJ I JOSIFA BRODSKIEGO

Nieco karkołomne wydaje się to przedsięwzięcie, ale na tyle ważne w kontekście twórczości obojga wybitnych poetów rosyjskojęzycznych, nominowanej do Nagrody Nobla Achmatowej oraz jej laureata – Brodskiego, że nie można nie spróbować choćby podjęcia owego problemu, ważnego tak dla zrozumienia ich twórczości, jak i zgłębienia samego zjawiska wolności.

Od razu należy podkreślić, że nie chodzi o wolność uwikłaną w meandry polityki, historii czy systemy i ustroje, ale o takie jej rozumienie, które przychodzi wraz z namysłem, refleksją nad duchowością, wyobraźnią poetycką, aktem twórczym. Oczywiście nie da się uwolnić od kontekstów, będących punktem odniesienia dla obojga poetów, zwłaszcza dla Brodskiego, takich jak ojczyzna, prawda oraz godność człowieka. Nie da się być może uniknąć i takich porównań, które wydają się całkiem naturalne, a mają swe podłoże we wspólnych przestrzeniach wyobraźni i w poczuciu misji i siły słowa. Dlatego interesujące mogą okazać się skądinąd odważne porównania do tekstów Czesława Miłosza lub Zbigniewa Herberta, polskich mistrzów słowa, dla których wolność stała się istotnym elementem ich wyobraźni oraz tematem twórczości poetyckiej.

Oglądanie poezji Achmatowej czy Brodskiego przez filtr tak postawionego problemu może być sposobem na odświeżenie tego niezwykłego dziedzictwa słowiańskiej wrażliwości i mistrzowskiej władzy nad słowem. Samo pojęcie wolności nie jest na tyle klarowne i

oczywiste, by mogło pozostać bez komentarza filologicznego, filozoficznego, a również w jakimś sensie teologicznego, gdyż do takich sfer odwołują się poeci, tworząc obrazy przesycone bogatą symboliką i wieloma kontekstami do tekstów kultury.

Referat nie będzie miał raczej ambicji do tego, by ujednolicić, zrównać czy uprościć delikatne i ulotne, często jedynie przeczuwane – aluzje do wolności jako problemu poezji obojga artystów, ale zamierza wskazać różnorodność, wielość, odmienność spojrzeń poetów na ów temat-wyzwanie.

Е.В. Крикливец (Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)

ТРАДИЦИИ ПОЧВЕННИЧЕСТВА В РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ПРОЗЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА В. АСТАФЬЕВА И В. КОЗЬКО)

Сравнительно-типологическое изучение восточнославянских литератур (в частности, русской и белорусской), активно развивающееся в последней трети XX века, не утратило своей приоритетности и сегодня. Об этом свидетельствуют работы как русских ученых (Ю.А. Лабынцев, Г.В. Стадников, М.Н. Сперанский, Л.Л. Щавинская и др.), так и белорусских (А.Н. Андреев, В.В. Ивашин, Т.П. Казакова, М.А. Лазарук, Т.Н. Мельникова, В.П. Рагойша, М.А. Тычина, И.А. Черота, др.).

В центре внимания нашего исследования – сравнительный анализ художественной прозы В. Астафьева и В. Козько. Проблематика и поэтика произведений этих писателей имеют общие точки соприкосновения, обусловленные социокультурным пространством двух государств, общей картиной славянского мира, мировоззрением художников.

Цель исследования – выявить специфику бытования традиций почвенничества в русской и белорусской прозе второй половины XX века на примере творчества В. Астафьева и В. Козько.

Почвенничество как литературно-общественное направление зародилось в России в 60-е годы XIX века и было связано с отражением исканий пути развития России в условиях социального перелома после крестьянской реформы 1861 года. В 60-е – 80-е годы XX века хранительницей русского наследия оказалась та часть советской литературы, которую принято называть «деревенской прозой». Следует отметить, что в белорусском литературоведении отсутствуют понятия «почвенничество» и «деревенская проза» (для обозначения течения в литературе). Однако нам представляется возможным говорить о том, что мировоззренческие и эстетические установки ряда белорусских писателей (Б. Саченко, И. Пташникова, В. Адамчика, В. Козько, В. Карамазова и др.) в 1960-е – 1980-е годы коррелируют с идеями почвенничества, возродившимися в «деревенской прозе». Основным достижением данного литературного течения, на наш взгляд, можно считать то, что и русские и белорусские писатели, преодолев каноны соцреалистического метода, начинают в своих произведениях поднимать национально значимые проблемы, отстаивать идею национальной самобытности, раскрывать глубинные истоки национальной жизни. Творческий интерес писателей вызывает не советский характер, а национальный характер, не советская культура, а национальная культура; авторы проявляют стремление обнаружить в патриархальном укладе народной жизни нравственную сущность национального характера. В произведениях звучит мотив истоков, появляются образы-символы почвы и малой родины, человек изображается в неразрывной связи с природой. Деревня предстает как своего рода «заповедник» нравственности и чистоты, в то время как город представляется средоточием пороков.

Эти тенденции в полной мере характерны для творчества В. Астафьева и В. Козько 1960-х – 1980-х годов. В прозе писателей можно выделить два противопоставленных

друг другу хронотопа – деревенский и городской. «Деревенскому хронотопу соответствует определенный тип персонажа – с устойчивой системой нравственных ценностей, особым душевным равновесием и внутренней гармонией...» [2; 115–117]. Деревенский хронотоп, антонимичный городскому, присутствует в произведениях В. Астафьева «вологодского периода» его жизни («Последний поклон», «Царь-рыба», «Ода русскому огороду»). Для данного этапа характерно самоотождествление писателя с «деревенской прозой» (В. Белов, Ф. Абрамов, Б. Можаев, В. Шукшин и др.). С точки зрения П.А. Гончарова, в это время В. Астафьев, «благодаря оригинальным и своеобразным литературным произведениям, не только не теряет свое лицо, но становится одним из наиболее ярких “деревенщиков”» [1; 15]. В прозе В. Козько деревенский хронотоп изоморфен хронотопу Полесья и резко противопоставлен при этом хронотопу города. Логично предположить, что белорусский прозаик, создавая свои этапные произведения в конце 70-х – 80-е гг. XX века, как и его современники – И. Пташников, В. Адамчик, – вступил в определенный диалог с «деревенской прозой», тем более, что в его творчестве присутствует свойственное данному течению «осознание опасности, которой может обернуться для человека разрыв с деревней, со своим родом» [2; 117]. Для деревенского хронотопа в творчестве обоих авторов характерно идиллическое описание народной жизни, подчиненной законам природы, многовековым традициям крестьянского «лада».

Принципиально иным видится хронотоп города. Личность, потерявшая связь с корнями, оказываясь в городе, деградирует (так происходит с Евменом Ярыгой в повести «Цвіце на Палессі груша», с Матвеем Ровдой в романе «Неруш» В. Козько); герои, являющиеся «порождением» городского хронотопа (Гога Герцев, Эля из «Царь-рыбы» В. Астафьева), очевидно проигрывают в сравнении с деревенскими жителями. Технократическая цивилизация грозит разрушением не только окружающей природе, патриархальному укладу жизни, но и духовным основам, превращая человека из созидетеля в потребителя.

Писатели-почвенники 60-х – 80-х гг. XX века осознают потребность в гуманизации общества и восстановлении национальной самобытности (в противовес урбанизации, технократическим и природопользовательским проектам). Крестьянский уклад жизни воплощает идеальную модель существования человека, мыслится залогом возрождения национальной идеи, национальной культуры. Следовательно, творчество В. Астафьева и В. Козько этого периода вписывается в эстетическую парадигму неопочвенничества, поскольку обоим писателям свойственна идеализация деревенской жизни, в то время как город представляется пространством тяжелых жизненных испытаний и растления.

Встает вопрос об идентичности деревенского хронотопа хронотопу Сибири, нередко выделяемому в прозе В. Астафьева. На наш взгляд, хронотоп Сибири категория более универсальная, присутствующая во всех произведениях писателя и включающая в себя как деревенский, так и противопоставленный ему городской хронотоп, что позволяет ученым говорить о «сибирском тексте» в прозе В. Астафьева [3]. Жизнь сибиряков, подчиненная крестьянскому укладу, наделяется семантикой дома; противопоставленное патриархальному миру пространство Сибири, населенное браконьерами, людьми, жаждущими «фарта», городская действительность проверяют на прочность нравственные устои героев В. Астафьева.

Можно утверждать, что обращение к традициям почвенничества обусловило ключевой этап эволюции образа главного героя в прозе писателей. Так, в ранних произведениях В. Астафьева и В. Козько преобладает автобиографический герой, повторяющий основные вехи жизни прозаиков («Крошка», «Перевал», «Где-то гремит война» и др.; «Високосный год», «Повесть о бесприютной любви»). Думается, что именно автобиографический характер ранних произведений помог В. Астафьеву и В. Козько преодолеть схематизм канонов соцреализма и в 1960-е – 1980-е гг. вступить в диалог с «деревенской прозой». В этот пе-

риод в творчестве обоих писателей остро встает вопрос о сущности национального характера, его духовной, нравственной основе.

В «Последнем поклоне», «Царь-рыбе» В. Астафьева воплощением русского национального характера (а точнее, его противоречивости, двойственности) становятся образы сибиряков. Сибирская деревня, занятая преимущественно таежным промыслом, представлена как крестьянами-земледельцами (дед Илья), «естественными людьми» (Аким), так и браконьерами, спецпереселенцами, людьми, ищущими легких денег (отец Вити Потылицына, дед Павел, дядя Левонтий). Размышления о двойственности, неоднозначности русского национального характера нашли продолжение в «Печальном детективе», где с образами преступников соседствует образ пожилой женщины, жалеющей своих насильников. Национальный характер белоруса В. Козько стремится постичь через своих героев-полешуков, живущих в тесной связи с родной «почвой», ощущающих личную ответственность за землю отцов. Эта связь проверяется на прочность искушениями городской цивилизации («Цвіце на Палессі груша», «Неруш»). Однако ключевым для героев В. Козько становится не «отступничество», а осознания вины и попытка найти путь исправления (возвращения к изначальной гармонии).

«Сакральными» героями поздних произведений В. Астафьева становятся те, кому удалось, пройдя по пути испытаний, приблизиться к постижению истины (Леонид Сошнин), совершить духовное восхождение (герои романа «Прокляты и убиты»), в противном случае, герой, не отыскавший духовной опоры, идет по пути деградации. Тем самым «сглаживаются» противоречия второго периода. В произведениях В. Козько, созданных на рубеже XX–XXI веков, герои, совершившие «грехопадение» и осознавшие свою вину, как бы участвуют в акте космогонии: писатель возвращает их в мифологизированное «правремя» («Бунт незапатрабаванага праху», «Прахожы»), то есть «лучшие» герои В. Козько реализуются не в контексте будущего, а в контексте прошлого.

Таким образом, изображение трагического отрыва человека от родных корней, от народной почвы, попытка постижения сущности русского и белорусского национального характеров позволили таким писателям, как В. Белов, В. Распутин, В. Шукшин, В. Астафьев, И. Пташников, В. Адамчик, В. Козько и др. преодолеть каноны соцреалистического метода и вернуться к традициям классического реалистического искусства. Благодаря чему, с конца 1980-х гг. творчество В. Астафьева усваивает и обогащает парадигму русского реализма. В. Козько, не смотря на преобладающую реалистическую направленность своего творчества 1970-х– 1980-х гг., уже в этот период начинает активно использовать неомифологические приемы, что свидетельствует о воздействии на художественную систему белорусского писателя модернистских тенденций. Это особенно ярко проявилось в прозе В. Козько 199-х гг. Следовательно, возвращение к идеям почвенничества в 1960-е–1980-е гг. стало одним из этапов смены эстетических парадигм в литературе второй половины XX века: от соцреализма к классическому реализму и постмодернизму.

Литература

1. Гончаров, П.А. Творчество В.П. Астафьева в контексте русской прозы второй половины XX века: дис. … д-ра филол. наук : 10.01.01 / П.А. Гончаров. – Тамбов, 2004. – 234 л.
2. Новожеева, И.В. Архетип деревенского дома в произведениях Ф. Абрамова, В. Белова, В. Распутина / И.В. Новожеева // Коды русской классики : «дом», «домашнее» как смысл, ценность и код : материалы III Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня основания и 40-летию со дня возрождения первого классического Самарского государственного университета в Самарском крае, Самара, 19-20 ноября 2009 г. : в 2 ч. / отв. редактор Г.Ю. Карпенко. – Самара : Издательство «СНЦ РАН», 2010. – Ч. 2. – С. 114–118.
3. Разувалова, А.И. «Сибирский текст» в прозе В.П. Астафьева (к постановке проблемы) / А.И. Разувалова // «Сибирский текст» в национальном сюжетном пространстве : коллективная монография / отв. ред. К.В. Анисимов. – Красноярск : Сибирский федеральный ун-т, 2010. – С. 201–223.

К.Ю. Курс (ВА ВПВО ВС РФ**)**

ОСОБЕННОСТИ ИДИОСТИЛЯ М.В. ИСАКОВСКОГО КАК НАРОДНОГО ПОЭТА-ПЕСЕННИКА

Одна из наиболее отличительных особенностей таланта М.В. Исаковского заключается в возрождении им массовой лирической песни и дальнейшем творческом развитии этого жанра, что и определило особенности его идиостиля. Идиостиль, по определению, – это совокупность основных стилевых элементов, неизменно присутствующих в произведениях данного автора в определенный период его творчества или распространяющихся на все его творчество в целом [1; 455-456]; языковое мастерство писателя, его индивидуальная манера письма [6; 422].

Популярность песенного творчества поэта была обусловлена работой взыскательного художника слова, смелого новатора, органически связанного с советской действительностью. Для художника важно передать дух времени. Но творчество Исаковского с полным правом может быть названо именно **летописью жизни советского народа**, строящего новое социалистическое общество. Все решающие события: революция («Песня о революции», 1936); гражданская война («Прощание», 1935); коллективизация («Вдоль деревни», 1925; «Зелеными просторами», 1930; «Песня о картошке», 1931); Великая Отечественная война («Катюша», 1938; «В чистом поле под ракитой», 1939; «Пели две подруги», 1941; «До свидания, города и хаты», 1941; «Прощальная», 1942; «Летели на фронт самолеты», 1942; «В прифронтовом лесу», 1942; «Ой туманы мои» 1942; «Огонек», 1942; «Где ж вы, где ж вы, очи карие?», 1944; «Услышь меня, хорошая», 1945; «Враги сожгли родную хату», 1945); послевоенное восстановление народного хозяйства («Снова замерло все до рассвета», 1945; «Край мой смоленский», 1947; «Летят перелетные птицы», 1948) – у М.В. Исаковского запечатлены в песне как этапы жизни советского общества, выражают душу народа, его истинно русский характер.

Так же, как в стихах, и в песенном творчестве Исаковского мы видим **биографизм**, показ психологических особенностей личности советского человека и типизации героя, слияние лирического «я» с «мы». Герой характеризуется точным указанием возраста, социального положения, профессии:

Пусть он вспомнит девушку простую,
Пусть услышит, как она поет,
Пусть он землю бережет родную,
А любовь Катюша сбережет.

«Катюша» 1938 [3; 277].

Лирические песни и стихи Исаковского обычно **сюжетны**. Эта сюжетность своеобразна. Как писал сам М.В. Исаковский: «Песня выигрывает от того, что в ней заключен рассказ о чьей-либо судьбе, о каком-либо событии или моменте нашей действительности» [2; 27]. В стихах часто рассказывается о законченном событии, переживании, что характеризует такую черту идиостиля М.В. Исаковского, как **повествовательность**:

Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.
Куда ж теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?
Пошел солдат в глубоком горе
На перекресток двух дорог,
Нашел солдат в широком поле
Травой заросший бугорок…

«Враги сожгли родную хату» 1945 [4; 97].

В построении сюжета, как отмечают исследователи, в песнях Исаковского имеет место **повторение ведущего поэтического образа** в начале и в конце произведения [5; 103]:

Знает сердце, что он хороший
И не сгубит моей красы.
Но зато у Ивана – калоши,
Но зато у Ивана – часы.

«Раздумье» 1925 [3; 81].

Тематический спектр песенного творчества М.В. Исаковского при всем своем разнообразии имеет центральную тему – показ событий войны:

- гражданская война*: Дан приказ ему – на запад, / Ей – в другую сторону…/ Уходили комсомольцы / На гражданскую войну (Прощание, 1935).*

- Великая Отечественная война: *До свидания, города и хаты, / Нас дорога дальняя зовет. / Молодые смелые ребята, / На заре мы уходим в поход (До свидания, города и хаты…, 1941); Пусть не убьют меня, не искалечат, / Пусть доживу до праздничного дня, / Но и тогда не выходи навстречу – / Ты не узнаешь все равно меня (Прощальная, 1942).*

- послевоенное время:

Стали вашими снова / И поля и покосы; / Ваше солнце всходило, Ваши падали росы (Письмо землякам, 1946).

Вторая важная тема песенного творчества – тема деревни. В лирических песнях перед читателем разворачиваются картины деревенской природы, описываются верная, преданная, часто неудовлетворенная любовь:

Еще не вся черемуха
К тебе в окошко брошена.

«Услышь меня, хорошая…» 1945 [4; 93].

С родными деревенскими корнями связано чувство глубокого патриотизма М.В. Исаковского:

А я остаюся с тобою,
Родная моя сторона!
Не нужно мне солнце чужое,
Чужая земля не нужна.

«Летят перелетные птицы» 1948 [4; 119].

Особенностью идиостиля М.В. Исаковского является **следование народным фольклорным песенным традициям**. Вот что писал сам поэт: «Песня “Ой, туманы мои”, возникла из старинной народной песни, в которой есть выражение “туманы мои, растуманы”…Мне как бы представился тот край, где я родился и вырос, край, в котором много лесов и болот, край, где мои земляки-партизаны вели в то время борьбу с фашистскими захватчиками. В результате появилась песня»:

Не уйдет чужеземец незваный,
Своего не увидит жилья…
Ой, туманы мои, растуманы,
Ой, родная сторонка моя!

«Ой, туманы мои…» 1942 [4; 72].

Как видно из приведенного обзора, М.В. Исаковский – советский поэт, народный поэт-песенник, обладающий яркими характерными чертами идиостиля, показывающими его как певца советской действительности, и как создателя массовой народной песни, оказавшего влияние на литературу СССР, в том числе белорусскую. Не случайно его произведения, особенно военных лет, до сих пор известны и популярны, хотя часто имя их автора забывается.

Литература

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Сов. энциклопедия, 1966. – 608 с.
2. Исаковский, М.В. О поэтическом мастерстве / М.В. Исаковский. – М.: Советский писатель, 1952. –102 с.
3. Исаковский, М.В. Собрание сочинений в 5 т. / М.В. Исаковский. – М.: Художественная литература, 1981. – Т. 1. – 431 с.
4. Исаковский, М.В. Сто песен / вступ. статья Кошелев Я.Р., сост. и подгот. текста Меркин Г.С. – Смоленск: СГПУ, 2000. – 208 с.
5. Литвин, Э.С. Поэзия Исаковского и народное творчество / Э.С. Литвин. – Смоленск: Смоленское книжное издательство, 1955. – 203 с.
6. Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 752 с.

Е.К. Лабоха (Белорусский государственный технологический университет)

ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ СНИЖЕНИЯ КАЧЕСТВА ИЗДАНИЙ ПЕРЕВОДНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

К переводной литературе принято относить тексты, изначально написанные на языке оригинала, а после воспроизведенные средствами другого языка. Во все времена существования книги (рукописной, печатной, электронной) переводные издания являлись важной причиной развития культуры, способствовали распространению знаний, стимулировали развитие цивилизации. В XXI в. наличие переводных произведений свидетельствует о жизнедеятельности национального книгопечатания, активной культурной интеграции, накоплении и передаче опыта человечества. Функции переводной художественной литературы совпадают с функциями художественной литературы в целом: это эстетические, этические, коммуникативные, познавательные, управляющие [1]. Невысокое качество переводных изданий может повлиять на любую из этих функций или на несколько одновременно.

Задача статьи – систематизировать взгляды исследователей на основные причины снижения качества изданий переводной художественной литературы.

Одной из причин этого процесса является, по нашему мнению, финансовая политика многих издательств, выпускающих переводную литературу. В своем стремлении снизить себестоимость издания и быстрее получить прибыль от реализации продукции издатели зачастую экономят на оформлении издания и оплате труда творческих работников (переводчиков, редакторов). В итоге, как отмечают В. Степанов [2] и Д. Чистяк [3], низкое жалование не стимулирует к совершенствованию переводов.

Вторая причина – нехватка «человеческих ресурсов», то есть профессиональных переводчиков и редакторов. В последнее время отмечается недостаток переводчиков и редакторов переводной литературы. На это обращают внимание исследователи В. Степанов [2], Д. Чистяк [3], А. Талыбова [3], также замечая, что часто молодые специалисты-переводчики недостаточно компетентны для такой серьезной и ответственной работы. По мнению Д. Чистяка, причиной такой ситуации является незаинтересованность государства в выпуске переводной литературы, недостаточное внимание, которое уделяется этой проблеме.

Третья причина – снижение качества работы над переводными изданиями художественной литературы. Во-первых, это зависит от качества самих переводов. Как отмечает А. Талыбова [3] и другие исследователи [4], если раньше переводчик помимо отличного знания родного и иностранного языков обладал широчайшим кругозором, то сегодня молодое поколение переводчиков хуже владеет языком, с которого переводит (а иногда – и родным), объем познаний о мире также значительно сузился. Переводить сегодня, в условиях развитых информационных технологий, может каждый, имея хотя бы желание и минимальные знания иностранного языка (а то и без последнего). Возможно, поэтому забывается, что переводчик «должен быть высокообразованным человеком, обладать обширными и разносторонними знаниями», «переводчик должен глубоко знать оба языка: тот, с которого

ведется перевод, и тот, на который он переводит» [5], должен знать реалии той страны, с языка которой он переводит. В своей книге, посвященной переводу с английского на русский, Т. Р. Левицкая и А. М. Фитерман обращают внимание на то, что «под реалиями понимаются особенности жизни, быта, государственного устройства каждой страны, ее обычаи, нравы и поверья – все то, что составляет ее самобытный, национальный облик» [5]. Незнание переводчиком реалий может привести не только к потере национального колорита в переводе, но и даже к грубым ошибкам, искажающим реальную картину. Исследователи предполагают, что снижение качества переводов может быть связано с тем, что с распадом СССР образовалась лакуна между «старыми» и «новыми» переводчиками, нарушилась преемственность поколений [3].

Во-вторых, снижение качества работы над переводными изданиями художественной литературы является следствием недостаточной работы редактора над изданием. При работе с переводным изданием редактор должен помнить, что в этом случае он работает не с оригинальным текстом, что следует оценить не только качество оригинала, но и качество перевода, подготовить вступительную статью, комментарии и вспомогательный указатель, если это необходимо. «Редактор должен проследить, чтобы переводчик не исказил содержание произведения, его фактическую составляющую, авторское отношение к персонажам, не изменил читательский адрес» [1]. Поэтому в идеале редактору необходимо знать язык оригинала на достаточном уровне. К сожалению, в последнее время при подготовке переводных изданий редакторы уделяют мало внимания оригиналу: то ли слишком доверяют переводчикам, то ли не знают языка оригинала. Обращаясь к аппарату издания, следует отметить, что в переводных художественных изданиях зачастую необходима вступительная статья, в которой могут быть даны краткие сведения об авторе, произведении, а также реалиях страны, где работает автор или которая существенно повлияла на содержание произведения. Во многих случаях требуется объяснение отдельных слов или реалий, описанных в книге (особенно если произведение было написано давно). В такой ситуации редактор должен составить примечания или комментарии. Вспомогательные указатели в переводных художественных изданиях встречаются реже, чем в других видах, но иногда будет полезным добавить указатель имен или географических наименований [6]. Так, при издании произведения Дж. Р. Р. Толкина «Сильмариллион», которое, в сущности, является мифологией мира, созданного автором, будет полезно составить аннотированный указатель имен, чтобы неподготовленный читатель смог разобраться во всех запутанных родственных отношениях героев книги. К сожалению, в настоящее время переводные художественные издания крайне редко снабжены достаточным справочным аппаратом: в большинстве случаев он состоит из одного оглавления или содержания.

Немаловажной причиной снижения качества изданий переводной художественной литературы является уменьшение сроков подготовки издания. Как отмечает В. Степанов, «жесткие сроки выполнения переводов, устанавливаемые современными издательствами, … не стимулируют совершенствования переводческой деятельности» [2, с. 3]. Понятно, что в условиях ограниченного времени у переводчика и редактора нет возможности довести переведенное произведение если не до идеала, то хотя бы наилучшего возможного вида, и еще меньше времени отводится редактору на работу над аппаратом издания.

Как можно заметить, все указанные причины взаимосвязаны, и сложно определить, какая из них более значимая. Несомненно, что переводная литература всегда играла и продолжает играть большую роль в межкультурной коммуникации. По этой причине издательства должны уделять больше внимания подготовке переводных художественных изданий, учитывать их качество, а не только возможную прибыль. Следует помнить, что при низкооплачиваемой работе и сжатых сроках очень сложно получить на выходе хорошее издание. Возможно, невысокое качество переводных художественных изданий является одной из причин снижения интереса к книге в целом.

Литература

1. Редакторская подготовка изданий [Электронный ресурс]: учебник / С. Г. Антонова [и др.]; под общ. ред. С. Г. Антоновой. – М.: МГУП, 2002. – Режим доступа: http://hi-edu.ru/e-books2/xbook082/01/index.html. –Дата доступа: 27.09.2013.
2. Степанов, В. Г. Редакционная подготовка изданий переводной литературы: конспект лекций для студентов магистратуры по направлению 520700 «Книговедение» / В. Г. Степанов; Моск. гос. ун-т печати. – М.: Мир книги, 1997. – 64 с.
3. Проблемы художественного перевода национальных литератур и развития гуманитарных отношений [Электронный ресурс] / Е. Скульская [и др.] // Дружба Народов. – 2012. – № 5. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/druzhba/2012/5/p29.html. –Дата доступа: 30.09.2013.
4. Катастрофа: печальные последствия прошлогоднего набора в МГУ [Электронный ресурс] // Промышленные ведомости. – 2013 – № 7. – Режим доступа: http://www.promved.ru/articles/article.phtml?id=2503&nomer=83. – Дата доступа: 30.09.2013.
5. Левицкая, Т. Р. Теория и практика перевода с английского языка на русский [Электронный ресурс] / Т. Р. Левицкая, А. М. Фитерман. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1963. – Режим доступа: http://www.perevod4ik.com/aticles/teor-i-prakt-eng.php. – Дата доступа: 29.09.2013.
6. Зимина, Л. В. Вспомогательные указатели в переводных изданиях. Редакционно-издательский аспект / Л. В. Зимина // Известия вузов. Проблемы полиграфии и издательского дела / МГУП. – 2006. – № 2. – С. 62–73.
7. Жыбуль, В. Пераклады казак Карнея Чукоўскага на беларускую мову: адпаведнасць і запатрабаванасць / В. Жыбуль // Міфалогія – фальклор – літаратура: праблемы паэтыкі: зб. навук. прац / Бел. дзярж. ун-т. – Мінск, 2008. – Вып. 6. – С. 24–30.

В.В. Лапацінская (Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава)

ПРАБЛЕМА НАСЛЕДАВАННЯ ПАЭЗІЯЙ 60-Х ГАДОЎ XX СТ. ТРАДЫЦЫЙ УСХОДНЕСЛАВЯНСКАГА КЛАСІЧНАГА РАМАНТЫЗМУ І ТРЭЦІ XIX СТ. І БЕЛАРУСКАГА “НЕАРАМАНТЫЗМУ” ПАЧАТКУ XX СТ.

Асаблівую цікавасць у сучасных літаратуразнаўцаў, гісторыкаў літаратуры выклікае праблема наяўнасці і функцыянавання ў літаратурным працэсе 60-х гадоў рамантычнай жанрава-стылявой тэндэнцыі, што вымушае даследчыкаў літаратуры грунтоўней вывучыць праблему наследавання ў перыяд “адлігі” традыцый, выпрацаваных усходнеславянскім класічным рамантызмам першай трэці XIX ст. і “неарамантызмам” у беларускай літаратуры пачатку XX стагоддзя.

Заслугоўвае ўвагі і да канца не высветленае тэарэтычнае пытанне пра крытэрыі, паводле якіх той або іншы твор можна аднесці да рамантычнага.

Пастаноўка дзвюх адзначаных праблем неадлучная ад гісторыі генезісу і эвалюцыі самога тэрміна “рамантызм” у літаратуразнаўстве.

З’яўленне гэтага тэрміну звязана з нараджэннем і афармленнем канкрэтнай гістарычнай плыні ў мастацтве канца XVIII – першай паловы XIX стагоддзяў. Ён выкарыстоўваецца ў працах як беларускіх, так і рускіх даследчыкаў: Ул. Гніламёдава (“Традыцыі і наватарства”), С. Андраюка (“Традыцыі і сучаснасць”), Ю. Борава (“Аб прыродзе мастацкага метаду”), М. Качана (“Метад як эстэтычная катэгорыя”), В. Клітко (“Аб метадах і традыцыях рамантызму”), С. Шашукова (“Да пытання аб рэалізме і рамантызме ў творчым метадзе”) і г. д.

Савецкімі літаратуразнаўцамі побач з тэрмінам “рамантызм” выкарыстоўваўся тэрмін “тып мастацкай творчасці”. Прыхільнікі гэтага тэрміну лічылі, што названы метад арыентуе мастакоў не на адлюстраванне (апісанне, паказ) рэчаіснасці, а на яе актыўнае перастварэнне фантазіяй, вымыслам мастака. Вызначэнне рамантызму як тыпу творчасці даецца найперш у працах Л.Цімафеева, В.Гусева, І.Волкава, А.Ларміна, Г. Паспелава і інш.

У той жа час у даследаваннях Д. Маркава, Л. Ягоравай і асабліва А.Аўчарэнкі актыўна сцвярджалася думка аб наяўнасці рамантычнага падтыпу (стылявой плыні) у

сацыялістычным рэалізме. Дамінацыя падобнай думкі прывяла да таго, што ў постсавецкім літаратуразнаўстве тэрмін “рамантызм” звязваўся толькі з набыткамі канкрэтнага гістарычнага перыяду канца XVIII – першай паловы XIX стагоддзя. Праблема “рамантызму за межамі рамантызму” і, у прыватнасці, рамантызму 60-х гадоў XX стагоддзя не выклікала належнай увагі даследчыкаў літаратуры. Пытанне пра наяўнасць рамантызму ў “адліжны” перыяд амаль не закраналася знаўцамі слоўнага мастацтва, нягледзячы на тое, што падставы для гэтага дае творчасць як рускіх (Бэла Ахмадуліна, Андрэй Вазнясенскі, Роберт Раждественскі, Юрый Кузняцоў), так і беларускіх паэтаў (Уладзімір Караткевіч, Рыгор Барадулін, Анатоль Сербантовіч і інш.).

Беларускі рамантызм прайшоў у сваім развіцці некалькі стадый. Пачатак XIX стагоддзя – час яго зараджэння пад уплывам нацыянальна-вызваленчага руху. Наступным этапам сталі 50 – 60-я гады XIX стагоддзя, час напярэдадні і пасля паўстання 1863 года пад кіраўніцтвам К.Каліноўскага.

“Абуджэнне гістарычнай свядомасці беларусаў, увогуле працэс нацыянальнага Адраджэння запатрабавалі рамантычнай ідэі народатворчасці. І на пачатку XX стагоддзя ў беларускай літаратуры адбыўся своеасаблівы рэнесанс” [3;40], – піша Л. Тарасюк. Гэты час даследчыкамі прапанавана называць “неарамантызмам”. Упершыню такі тэрмін ужыты У.Конанам у сувязі з вывучэннем ім творчасці Янкі Купалы.

Далей праявы і рысы неарамантызму, рамантычнага светапогляду мы можам прасачыць і на прыкладзе літаратуры 60-х гадоў XX стагоддзя. Трэба заўважыць, што ў параўнанні з папярэднімі этапамі рамантызм часу “адлігі” не такі сацыяльна значны, а больш глабальны, традыцыйныя вобразы-сімвалы шляху, долі, чалавецтва, шчасця, волі, свабоды напаўняюцца цяпер у паэзіі новым зместам і набываюць іншае, пераасэнсаванае значэнне. Параўнальна з XIX стагоддзем можна адзначыць больш стрыманую адмаўляльную пазіцыю рамантычнай літаратуры 60-х гадоў. Доказам жа наяўнасці стылявых рыс гэтага літаратурнага напрамку, безумоўна, можна лічыць павышаную эмацыянальнасць, экспрэсіўнасць, устаноўку пісьменнікаў на паказ пратэсту асобы супраць духоўнай інертнасці, пасіўнасці як спосабу жыцця ў грамадстве.

Пацвярджэнне выказаным назіранням можна знайсці ў творчасці як мастакоў слова, што прыйшлі ў літаратуру ў 30 – 40-я гады, так і маладых, прадстаўнікоў пакалення, якое называюць “філалагічным”, “шасцідзясятнікамі”, – У. Караткевіча, Н. Гілевіча, Г. Бураўкіна, А.Вярцінскага, Р. Барадуліна, С. Гаўрусёва, П. Макаля, А. Сербантовіча і многіх іншых.

Творчасць амаль кожнага таленавітага пісьменніка канца 50 — 60-х гадоў так ці інакш закранала плынь рамантызму як літаратуры XIX, так і першай трэці XX стагоддзяў. Карыстаючыся паняццем “рамантызм XX стагоддзя”, мы зыходзім перш за ўсё з гегелеўскага разумення “рамантычнага” як выніку “суб’ектывізацыі” мастацтва, паводле якога і адбываецца “саштурхоўванне”, сутыкненне рэальнасці і аўтарскага ідэалу. Да гегелеўскай фармулёўкі трэба дадаць, што рамантызм XX стагоддзя сваім прынцыпам адлюстравання “дзвюхсветавасці” мае шмат агульнага з яго класічным перыядам, але яшчэ болей розніцца драматычным адчуваннем жыццёвых “разломаў”, што звязана з катаклізмамі эпохі (рэвалюцыі, войны, таталітарызм, абясцэньванне чалавечага жыцця) і напружана эксперыментальным абнаўленнем прыёмаў і сродкаў мастацкай выразнасці. Такім чынам, названыя спецыфічныя рысы рамантычнага стылю былі абумоўлены грамадскімі зменамі, барацьбой новага (ачышчальнага, гуманнага) са старым (таталітарным) і надзвычай выразна выявіліся ў літаратуры
60-х гадоў XX стагоддзя. Удакладнім, канцэпцыя сацыялістычнага рэалізму не была адкінута поўнасцю, бо літаратура імкнулася стварыць толькі новы прыватны вобраз сацыялізму з чалавечым тварам.

Рамантызацыя творчасці ў канцы 50-х – 60-я гады выклікана і абвастрэннем нацыянальнай свядомасці мастакоў слова. Вяршыняй выяўлення рамантычных тэндэнцый у раскрыцці нацыянальнай тэмы стала проза і паэзія Уладзіміра Караткевіча (зборнікі "Вячэрнія ветразі" (1960), "Мая Іліяда" (1969), раман "Нельга забыць", аповесці "Ладдзя Роспачы", "Сівая легенда"). Творчасць Уладзіміра Караткевіча з'явілася яскравым працягам Купалавай нацыянальнай ідэі.

Можна заўважыць і істотнае адрозненне: у паэзіі большасці рускіх аўтараў нацыянальная тэма на той час хоць і атрымала новае гучанне, але не заняла такога месца, як, напрыклад, грамадзянская, сацыяльная або маральна-этычная. "У першую адлігу фактычна не было ідэі нацыянальнага духу, нацыянальнай самадастатковасці мастацтва. Яны [паэты – В.Л.] цвёрда спадзяваліся на хуткія і добрыя сацыяльна-маральныя пераўтварэнні, на перамогу "правільных" сацыялістычных пачаткаў" [1;191], – да такой высновы прыходзіць даследчык А. Бачароў у 90-я гады пры параўнанні літаратурнага працэсу перыядаў "адлігі" і "перабудовы". І гэтая думка ўяўляецца нам асабліва важнай, бо, сапраўды, пры рамантычным узлёце пафасу, пры адчуванні далёкай перспектывы, мабілізаванасці творчых парыванняў і сіл на здзяйсненне подзвігу ў імя абстрактных ідэалаў творчасць рускіх паэтаў-шасцідзясятнікаў была адлучана ад нацыянальнай ідэі, якая гублялася ў "экзатычных" настроях вандровак і падарожжаў па Поўначы і Далёкім Усходзе, а чаканне абстрактнага камуністычнага "заўтра" наогул выключала з паэзіі Расіі матыў нацыянальнай самабытнасці. Тагачасныя маладыя паэты, асабліва ў рускай і іншых нацыянальных літаратурах, тыя, што выступалі з эстрады, – Р. Раждественскі, Я.Еўтушэнка, Б.Ахмадуліна, Б.Акуджава і інш. – прысвячалі свае вершы моладзі, якая будавала Брацкую ГЭС, БАМ, КамАЗ. Нямала падобных вершаў на хвалі агульнага энтузіязму з'явілася і ў нашай паэзіі адзначанага перыяду, але для развіцця беларускай літаратуры нацыянальная ідэя гістарычна і светапоглядна была першаснай, вызначальнай. І таму ў дадзенай сітуацыі трэба асабліва падкрэсліць ролю творчасці згаданых намі У. Караткевіча, Р. Барадуліна, П. Панчанкі, тых паэтаў, якія, па заўвазе М. Арочкі, агалілі "праблемы каштоўнасці асобы чалавека, чалавека роднай зямлі, яго права на сваю Бацькаўшчыну, на ўсю яе спадчынную духоўнасць – праблемы, якія значыліся многія дзесяцігоддзі пад знакам табу" [2;139] насуперак афіцыйнаму прызнанню прыярытэтнасці інтэрнацыянальнага пафасу тагачаснай літаратуры. Ва ўмовах асімілятарскай палітыкі, што праводзілася зверху, толькі гэтыя творы маглі выклікаць пэўны "грамадскі рэзананс супрацьстаяння гвалту асіміляцыі", які, на жаль, "натыкаўся на глухія сцены чыноўніцкіх і партыйна-ўрадавых устаноў" [2;139].

Другая палова 60-х гадоў мінулага стагоддзя адзначана спадам рамантычнага настрою ў паэзіі і прозе, бо разам з вераю "адліга" прынесла і страх, што надзеі на змены могуць не спраўдзіцца. З сярэдзіны 60-х гадоў грамадства пачало ўваходзіць у этап застою, "спаўзання" на пазіцыі былога таталітарызму. Таму для рамантычна настроенага героя гэтага часу сталі характэрныя драматызм пачуццяў, раздвоенасць перажыванняў, трагедыйнасць настрою.

Такім чынам, пасля сказанага акрэсліваюцца наступныя вывады:

1) паэзія канца 50-х – 60-х гадоў характарызавалася прагай тэматычнага, стылявога абнаўлення дзякуючы актыўнаму пераадоленню дагматызму, ілюстрацыйнасці і спрошчанасці ў паказе рэчаіснасці; творчай актыўнасцю мастакоў слова і больш адкрытым, выразным выяўленчым крэда, наватарскімі пошукамі ў галіне мастацкай формы, паскораным станаўленнем творчых індывідуальнасцей, сінтэзам рэалістычных і рамантычных прынцыпаў пісьма;

2) у мастацтве гэтага перыяду ўзрастае гуманістычны пафас, які выклікае "ўзвышэнне асобы", пошукі актыўнага героя, паказ сучаснасці ў кантэксце мінулага і будучыні. У залежнасці ад гэтага фактару знаходзіцца і фактар вяртання літаратуры да

вечных чалавечых каштоўнасцей, да адраджэння маральнасці асноў жыцця ў духу нашаніўскага перыяду;

3) новае асэнсаванне атрымлівае ў гэты час праблема “чалавек і грамадства”, якая раскрываецца ў адпаведнасці з традыцыяй, заснаванай на Кульце ідэі свабоды, незалежнасці асобы. Адзначаная асаблівасць перадвызначыла адраджэнне рамантычнага светаўспрымання, пафасу, настрою, “узбуйніла” і зрабіла больш яскравымі сродкі пісьма.

Літаратура

1. Бочаров, А. Две оттепели: вера и смятение / А.Бочаров // Октябрь. – 1991. – № 6. – С. 186 – 193.
2. Гісторыя беларуская літаратуры XX стагоддзя: У 4 т. / Нац. акад. навук Беларусі. Ін-т літ.; С.А.Андраюк, М.М. Арочка, С.С. Лаўшук і інш. – Мінск: Беларус. навука, 2002. – Т. 4, кн. 1: 1966 – 1985. – 926 с.
3. Тарасюк, Л. Рамантызм у беларускай літаратуры / Л.Тарасюк // Роднае слова. – 1998. – № 9. – С. 38 – 43.

С.В. Лапунов (Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)

ОБРАЗ ПРОТИВНИКА В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ВОЕННОМ РАССКАЗЕ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ РЕШЕНИЙ (В. ГАРШИН – М. ГОРЕЦКИЙ – В. БЫКОВ)

«Образ врага» – часть более широкой общегуманитарной проблемы “«мы» и «они»”, имеющей междисциплинарный характер [1]. Художественная литература входит в число институтов, формирующих «образ врага» в общественном сознании как военного,так и мирного времени. Наглядным примером такого участия стала художественная литература о Великой Отечественной войне.

Необходимо учитывать то, что в годы Великой Отечественной войны, как и Второй мировой войны в целом огромный масштаб приобрело как военное, так идеологическое противостояние, в том числе использование всех форм манипулирования человеческим сознанием [2;7]. Одно из ведущих мест в этой борьбе заняло формирование в общественном сознании убедительного «образа врага». Выработанный советской пропагандой тон жесткого обращения к немцам как врагам и захватчикам повлиял на художественную литературу, обусловив доминирование в произведениях как военных, так и послевоенных лет образа «немца-захватчика». Будучи морально оправданным в годы Великой Отечественной войны, со временем подобный подход неизбежно становился упрощенным. Справедливо мнение Ст.Ю. Куняева о крайней актуальности установки на преобладание чувства праведного гнева в литературе времен войны, но в то же время она «больше похожа на документальное, плоскостное отражение эпохи и жила лишь теми истинными, но недолговечными эмоциями, которые были рождены войной и которые вне военного времени теряют живой смысл» [3;119–120]. Однако психологическому усложнению, тем более «очеловечению» противника в послевоенной художественной литературе препятствует моральный фактор.

Так, А.М. Адамович, признавая В.Быкова одним из первых послевоенных авторов, пытавшихся вернуть классическую традицию видеть во враге человека, указывал на то, что такое «возвращение» возможно далеко не всегда [4;68]. Первой попыткой «очеловечения» противника в военной прозе В.Быкова признан рассказ «Одна ночь» (1961). Назвав это произведение «воспоминанием белорусской литературы о самой себе» [4;68], А.М. Адамович доказывал идейную взаимосвязь «Одной ночи» с рассказом М. Горецкого «Русский» (1915). Соглашаясь с этим мнением, мы считаем, что основные художественные решения рассказов «Русский» и «Одна ночь» в значительной мере восходят к рассказу В.М. Гаршина «Четыре дня».

Безусловно, что общность художественных решений в рассказах Гаршина и Горецкого определена установкой на осуждение бесчеловечности войны. В основе

сюжетов обоих произведений – история убийства «несчастного» человека в «чужом» мундире. Гаршинский египтянин в турецком мундире выступает заложником «чужой» войны, как и персонажи Горецкого: белорус в русском мундире и украинец в австрийском мундире. Как для Иванова, так и для Русского убийство становится переломным моментом, заставляющим ощутить весь ужас войны. Нравственное потрясение от встречи с «чужаком» в рассказах Гаршина и Горецкого отягощено физическим и психическим увечьем соответственно. Вокруг персонажей создается изолированное пространство: если Иванов четыре дня находится один на один с убитым египтянином, то встреча солдат в рассказе Горецкого происходит поздним вечером на пустом картофельном поле, при этом ощущение пустоты сохраняется по мере развития событий.

Если у Гаршина и Горецкого изоляция двух солдат от остального мира достаточно условна, то в «Одной ночи» персонажи изолированы буквально. Гаршин оставил своего Иванова один на один с *убитым* врагом, тогда как Быков усложнил ситуацию: взрывом в подвале дома изолированы два *живых* человека, а в более широком смысле – представители двух народов, ведь имена солдат – Иван и Фриц – в сознании противников стали нарицательными.

Осмысление дальнейших событий героями рассказов Гаршина и Быкова происходит, на первый взгляд, в одинаковом направлении: от бессознательной ненависти к попытке понять «чужого». Однако в изображении этого движения есть принципиальные различия. Для гаршинского Иванова бой, в котором он лицом к лицу столкнулся с врагом, был первым. Иванов не только не считает убитого египтянина врагом, но и испытывает перед ним чувство вины. Главный герой «Одной ночи» не новичок на войне. Но в отличие от трех немцев, убитых им в предыдущих боях, этот четвертый немец был безоружен, поэтому боец не может принять привычное решение. Не чувствуя со стороны немца угрозы, Волока бессознательно передает ему свой перевязочный пакет. Заметив возле уха немца рубец, Волока с удивлением отмечает сходство между собой и врагом: «Валока ўбачыў тое і сам сабе ўсміхнуўся: гэткі ж самы рубец насіў і ён на левым баку – то была памятка баёў пад Курскам» [5;165].

Совместные усилия в поиске выхода, на первый взгляд, смягчают прежнюю ненависть. Враги пытаются найти общий язык, и каждый из них ощущает, что у них действительно много общего: возраст, жизненный опыт, в том числе мирная профессия плотника (картофельное поле, на котором происходит встреча персонажей Горецкого, является своеобразным напоминанием о человеческой общности двух вражеских солдат, бывших в мирной жизни крестьянами). Вынужденная изоляция, казалось бы, превращает недавних врагов в просто людей: «Два гэтыя пажылыя, труднага лёсу працаўнікі былі тут людзі і толькі дбалі пра тое, як абодвум застацца жывымі дзеля іх сем’яў, мірнае справы, дзеля самых звычайных незаменных чалавечых радасцей» [5;178]. Но даже в изолированном пространстве в сознании каждого сохраняются своего рода «ограничители». Белорус Волока не может забыть о гитлеровских зверствах: «Пэўна ж, усе яны добрыя ў палоне або забітыя, але хто тады нарабіў такое гора людзям, … хто заліў крывёю ўвесь свет? » [5;170]. Не может он не задуматься и о том, что подумают об этом его товарищи, начальство и, что пугает сильнее всего, особист. Не случайно в бреду (сон и галлюцинация при изображении напряженного состояния также являются общими для рассказов Гаршина и Быкова), где смешаны воспоминания мирной и военной жизни, Волока видит угрожающего ему особиста Воронова: «Немца хаваў? Ворага тытунём частаваў? Чаму не забіў?... Вышэйшую меру табе!» [5;178]. В сознании Фрица Хагемана тоже есть «ограничители», связанные как с воздействием пропаганды, так и со страхом за свою семью: «Нікс плен. Плёхо плен. Рус энкеведэ дойч – Сібір. Пуф-пуф дойч» [5;172];«Гаўптман гестапа Крафт шрайбен, – фрау, кіндэр ком, ком, ком унд канцлагер. Плёха!» [5;173]. С точки зрения Хагемана

оба они стали заложниками обстоятельств: «Хагеман – бедны чалавек. Рус Іван – бедны чалавек. Цвай бедны чалавек…» [5;173]. И здесь в сознании Волоки также срабатывают идеологические стереотипы: «Які бедны? – невядома чаму сумеўся Валока. – чаго Іван бедны? … Калгаснік я» [5;173]. Не желая уступать немцу, считающему, что «кальхас бедна», Волока не чувствует себя уверенно, однако в невольно возникшем споре он пытается оставить последнее слово за собой: «От жылі. Каб не вы, фашысты» [6;174].

В то же время солдаты понимают, что их судьба зависит от происходящего наверху: «Вось вылезем, а тады што?» [5;169]. По мере продвижения наружу у Волоки растет чувство страха и подозрительности: «Баец зняў ППШ з пляча, бяздумна сунуў яму і раптам спалохаўся. Аўтамат апынуўся ў немца, і Валоку – кароценька, на імгненне – здалося: абхітрыў!» [5;182]. Схожее чувство испытывает герой «Четырех дней», когда в окружающем пространстве появляются люди. В сознании Иванова возникает подкрепленный пропагандистским «образом врага» страх оказаться у турок: «К этим мучениям прибавятся еще другие, более ужасные, от которых дыбом волос становится, даже когда о них читаешь в газетах. Сдерут кожу, поджарят раненые ноги… » [6;28–29]. После выхода Ивана и Фрица из замкнутого пространства всё возвращается в исходное положение. И перед Волокой теперь не столяр Фриц Хагеман: «… у яго вачах адбіўся ўжо страх і азвярэлая лютасць чалавека, у якога не было выйсця» [5;184] – и в сторону Волоки летит граната. Но память о встрече с вражеским солдатом один на один стала для него, как и для Иванова и Русского, толчком к осознанию абсурдности войны: «…разгарачаным нутром ён толькі адчуваў, што сталася вялікая, яшчэ не ўсвядомленая да канца няспрaвядлівасць, перад магутнаю сілай якой і ён, і Фрыц Хагеман былі бездапаможнымі» [5;185].

Таким образом, преемственность художественных решений в художественном осмыслении проблемы восприятия противника является подтверждением установки на психологизацию батального пространства, прослеживаемой в классических образцах военной прозы XIX и XX веков.

Литература

1. Сенявская, Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества / Е.С.Сенявская – М.: РОССПЭН, 2006. – 282 с., илл.
2. Басистов, Ю.В. Особый театр военных действий. Листовки на фронтах Второй мировой войны / Ю.В.Басистов – СПб.: Русско-Балтийский инф. центр БЛИЦ , 1999. – 135 с.
3. Куняев, С.Ю. Времена и легенды./ С.Ю.Куняев – М.: Современник, 1990. – 223 с.
4. Адамовіч, А. «Браму скарбаў сваіх адчыняю…» / А.Адамовіч – Мінск: Выд-ва БДУ, 1980. – 224 с.. іл, 1 л. партр.
5. Быкаў,В. Збор твораў. У 6 т. Т.6. Аповесць, апавяданні, драма, публіцыстка./ В.Быкаў – Мінск: Маст. літ, 1994. – 543 с., [4] л. іл.
6. Гаршин, В.М. Сочинения: Рассказы. Очерки. Статьи. Письма / Сост. В.И. Порудоминский / В.М.Гаршин – М.: Сов. Россия, 1984. – 432 с., 1 л. портр.

Е.М. Лепишева (Белорусский государственный университет)

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ КОЛЛИЗИЯ «ПЕРЕХОДНОЙ ЭПОХИ» В ПЬЕСАХ Е. ПОПОВОЙ И РУССКОЙ ДРАМАТУРГИИ КОНЦА XX ВЕКА

Пьесы белорусского (русскоязычного) драматурга Е. Поповой хорошо известны как в Беларуси, так и в России. Успешно идущие на сценах театров, они интересны и понятны зрителю, потому что отражают актуальные проблемы современного социума, выстраивая проекцию на проблемы экзистенциальные, бытийные («неукорененность» человека в мире, идея смыслоутраты, тотальное одиночество, потеря самоидентичности). Обращение к социально-экзистенциальной проблематике характерно и для многих

русских авторов, продолжающих развивать традиции «новой волны» (А. Галин, М. Ворфоломеев, В. Мережко, Н. Коляда и др.).

Специфика конфликта и коллизий, лежащих в основе их пьес, еще недостаточно исследована. Отдельным произведениям посвящены работы отечественных (С.Я. Гончарова–Грабовская), и российских (Н.Лейдерман, М.И. Громова, С.Н.Моторин) ученых, однако сравнительно-типологического сопоставления не проводилось, что будет предпринято в данной статье.

Для анализа выбраны пьесы белорусского и русских драматургов, созданные в конце XX века: «Маленькие радости живых» (1989) Е. Поповой, «…Sorry» (1990) А. Галина, «Срок проживания окончен» (1988) М. Ворфоломеева, киносценарий В. Мережко «Собачий пир» (1990), пьесы Н. Коляды 1989-1990-х гг. («Рогатка», «Мурлин Мурло», «Сказка о мертвой царевне»). Их сближает общий конфликт, имеющий субстанциальную природу и выстроенный на столкновении героя с «трагической инстанцией» [8;387], в качестве которой выступает переломный момент истории. Само время воспринимается как экзистенциальная ситуация, требующая мобильной переориентации, выбора собственной судьбы, остро ставящая проблему аутентичности.

Избранные драматургами сюжетообразующие положения восходят к модели «некритичной» экзистенциальной ситуации [9;48], когда герою не угрожает физическая гибель, но он осознает невозможность существовать в дисгармоничном мире. Неприятие «внешних» обстоятельств аккумулирует «внутреннюю» (психологическую) коллизию, симптомами которой становятся ощущения одиночества, незащищенности, желание уйти из жизни.

Экзистенциальная коллизия «переходной эпохи» лежит в основе пьесы Е. Поповой «Маленькие радости живых», воссоздающей разные жизненные стратегии героев. Исходное сюжетное положение некритично, «внешнее» сценическое действие сведено до минимума: в «скрипучем, обшарпанном номере» московской гостиницы случайно встречаются разные в социально-нравственном отношении люди: партийный функционер Вовочка, «советская аристократка» Маргоша, будущий эмигрант Давид и отягощенная бытовыми трудностями Лиля. Внимание сосредоточено на «внутреннем» действии, основанном на динамике переживаний дисгармоничных взаимоотношений с миром, катализатором которых становится на первый взгляд незначительное событие (интрига Маргоши с целью унизить Лилю). Однако именно попрание человеческого достоинства неожиданно рождает чувства тотального одиночества, онтологического сиротства, свидетельствующие о непрочной человеческой позиции в мире, ввергнутом в хаос кардинального переустройства. Таким образом, «внешний» конфликт, развивающийся по линии «герой-обстоятельства», обретает философскую перспективу, скрытую в подтексте, и выстраивается как неприятие героем миропорядка в целом.

Имплицитно присутствует «пограничная» ситуация, смоделированная «в соответствии с эстетикой внутреннего действия и субстанционального конфликта» [2;65], и в произведениях бывших представителей «новой волны». Экспозицию пьес образует «антимир», попранный в самом основании, изначально враждебный человеку, воплощением которого становятся *морг* («…Sorry» А. Галина, «Сказка о мертвой царевне» Н. Коляды»), *заброшенный дом* («Собачий пир» В. Мережко). Наиболее близкой для Е. Поповой в плане пространственно-временной организации и «сюжетного обрамления» конфликта стала пьеса М. Ворфоломеева «Срок проживания окончен», действие которой происходит в гостиничном номере, несущем семантическую нагрузку хронотопа дороги (мотивы риска, неприкаянности, неопределенности судьбы).

Существенное отличие состоит в авторской интерпретации «внутренней» (психологической) коллизии, выстраивая которую, белорусский и русские драматурги выявляют нравственно-духовное состояние человека, совершающего выбор между «конеч-

ной абсурдностью» и «высшим смыслом» [10;43]. Констатация «конечной абсурдности» присуща героям А. Галина («…Sorry»), В. Мережко («Собачий пир»), лишенным экзистенциального прозрения, не способным оторваться от «ничто». Пройдя через «пороговую» ситуацию, они остаются глубоко отчужденными от мира, эгоцентризм становится их «неподлинной формой коэкзистенции» [1;52].

В отличие от произведений А. Галина и В. Мережко, у Е. Поповой, Н. Коляды и М. Ворфоломеева обнаруживается тенденция к разрешению «внутреннего» противоречия, симптомом которой становится выбор «высшего смысла». Не допуская реальной победы героев над условиями среды, драматурги отстаивают право на победу духовную, экзистенциальную, открывающуюся в осознанном выборе, который «позволяет выйти из душевного “подполья”, бескультурья и “безнадеги”» [11;215]. Восстановление смысла приходит с тем, что в философии экзистенциальной ориентации принято называть «тройной трансцендентностью Я, мира, сообщества» [1;50]: с приобщением к чужой боли, с подлинным обретением Другого, являющимся, по мысли драматургов, «самой действенной моделью противостояния экзистенциальной энтропии» [6;167]. Так, неожиданно сближаются Вовочка и Лиля («Маленькие радости живых» Е. Поповой), единение накануне смерти дано испытать Тихову и Даше («Срок проживания окончен» М. Ворфоломеева), очищение души любовью проходят персонажи Н. Коляды: Илья («Рогатка»), Ольга («Мурлин Мурло»), Римма («Сказка о мертвой царевне»).

Таким образом, типологическая параллель обусловлена схожим авторским видением «внутреннего» противоречия человека в ситуации «порога», состоящего в «сопряжении страшного, беспросветного отчаяния и высокой экзистенциальной надежды» [7;7]. Однако смысловые акценты в разрешении этого противоречия свидетельствуют о творческой индивидуальности драматургов.

Анализируя общую экзистенциальную стратегию героев (признание «высшего смысла»), мы пришли к выводу, что базисом ее становятся различные концепты: «правда» у М. Ворфоломеева, (понимаемая как социальная справедливость), «Идея Жизни как высшей ценностной меры» у Н. Коляды [5;575], «малые радости» / «маленький мир» (интимная сфера индивидуального бытия) у Е. Поповой. Мировоззренческая ориентация на один из этих концептов определяет расстановку акцентов в решении «внутренней» коллизии. В пьесе М. Ворфоломеева «Срок проживания окончен» подчеркивается нравственно-духовное превосходство неустроенных героев (провинциала Тихова и проститутки Даши) над средой (представители властных структур), отсюда – сюжетное развитие конфликта по линии «герой – социум». Неслучайно пьеса завершается сюрреалистической сценой восхождения Тихова и Даши на небо, «прочитываемой» как стремление к солидарному единству с неким высшим абсолютом, наполненным справедливостью и покоем.

В отличие от М. Ворфоломеева, концептуальным понятием в произведениях Н. Коляды рубежа 1980-1990-х гг. становится «Идея Жизни», к которой приобщаются герои в ситуации «порога». Они осознают не столько социально-нравственный изъян мира (отсутствие «правды»), но изъян изначальный, онтологический, заключающийся в неминуемой конечности земного существования. В свете этого «последнего вопроса» их социальное бытие утрачивает значимость, рождается преклонение перед феноменом жизни, ощущение ее ценности безотносительно «внешних» условий. Лишая себя жизни, Илья («Рогатка»), Ольга («Мурлин Мурло»), Римма («Сказки о мертвой царевне») одерживают победу духовную, залогом которой становится свободный выбор.

Понятийная формула взаимоотношений с миром, к которой стремятся герои пьесы Е. Поповой «Маленькие радости живых», − «малые радости», частная жизнь, наделенная белорусским драматургом безусловной ценностью. Погружение в обыденное существование воспринимается не как «вещизм» и пошлость, но как слияние со стихи-

ей жизни. Пытаясь обустроить бытовое пространство (сцена ужина, покупок), обрести любовь (Лиля – Вовочка), герои отстаивают свое право на уют, дом, семью – ту традиционную систему ценностей, которая подверглась колоссальному прессингу в условиях «переходной эпохи».

Итак, в произведениях бывших представителей «новой волны» русской драматургии нашла художественное воплощение экзистенциальная коллизия «переходной эпохи», которая определила и творческие поиски Е. Поповой конца XX века. Потенциальная возможность ее благополучного разрешения, имплицитно присутствующая в подтексте пьесы белорусского драматурга (выбор «высшего смысла» через приобщение к «малым радостям»), отражает как личные мировоззренческие установки, так и национально-ментальные особенности (терпение, примирение с обстоятельствами, поиск опоры во внутреннем мире). Кроме того, подобное разрешение «внутренней» коллизии характерно для мелодрамы, интерес к поэтике которой возникает у Е. Поповой раньше, чем у русских коллег (исследователи отмечают черты мелодрамы в пьесах Н. Коляды середины 1990-х). Это обусловлено «женским чувствованием мира» [4;67], повышенным вниманием к страданию, ставшему маркером «тяжелой эпохи умерщвления личности как живого» [3;261].

Литература

1. Аббаньяно, Н. Структура экзистенции. Введение в экзистенциализм. Позитивный экзистенциализм / Н. Аббаньяно. − СПб.: Алетейя, 1998. – 505 с.
2. Вербицкая, Г. Я. К проблеме изучения субстанциального конфликта / Г. Я. Вербицкая // Вестник ВЭГУ. − 2011. − № 3 (53). − С. 64-68.
3. Есенин, С.А. Собр. соч.: В 3т. Т. 3: Проза; Литературно-критические статьи и заметки; Автобиографии; Письма и заявления / Вступ. ст. Ю. Прокушева. − М.: ТЕРРА − Книжный клуб; Литература, 2001. – 384 с.
4. Куралех, А. Быт и бытие в прозе Людмилы Петрушевской / А. Куралех // Литературное обозрение. – 1993. − № 5. – С. 63-67.
5. Лейдерман, Н. Л. Современная русская литература: 1950-1990-е годы: в 2 т. / Н.Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. – М.: Академия, 2003. − Т.2: 1968-1990. – 2003.
6. Лейдерман, Н. Маргиналы вечности, или Между «чернухой» и светом / Н. Лейдерман // Современная драматургия. – 1999. – № 1. – С. 162-170.
7. Липовецкий, М. «Свободы черная работа»: об «артистической прозе» нового поколения / М. Липовецкий // Вопросы литературы. – 1989. - № 9. – С. 3-45.
8. Пави, П. Словарь театра / П. Пави. – М.: Прогресс, 1991. – 504 с.
9. Сипко, Ю. Н. Экзистенциальное содержание петербургской прозы конца XX века: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Ю. Н. Сипко. – Ставрополь, 2006. – 244 с.
10. Франкл, В. Э. Воля к смыслу / В. Э. Франкл. – М.: Апрель-пресс: ЭКСМО-пресс, 2000. – 366 с.
11. Чепурина, В. В. Культурная обусловленность драматического конфликта (на материале русской драматургии советского периода): Дис. … канд. культурологии: 24.00.01 / В. В. Чепурина. – Кемерово, 2006. – 245 с.

Е.П. Маюк (Минский государственный лингвистический университет)

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ПЕРВИЧНОЙ НОМИНАЦИИ НЕОПРЕДЕЛЕННО МАЛОГО КОЛИЧЕСТВА В БЕЛОРУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ПАРЕМИЯХ

Одним из важнейших понятий современного миропонимания, наряду с пространством, движением, временем, является количество. Языковые средства вербализации квантитативных представлений демонстрируют особенности восприятия количества определенным этносом под влиянием экстра- и внутрилингвистических факторов. В белорусской лингвистике и литературоведении языковые средства выражения категории квантитативности анализируются в работах А.Е. Супруна, П.В. Верхова, М.А. Жидовича, А.И. Наркевича, А.И. Чабярук [1, 2, 3, 4, 5]. Однако категория квантитативно-

сти в белорусском языке в сопоставлении с неблизкородственными языками пока не стала отдельным предметом исследования ученых.

В процессе познания мира человек не всегда имеет возможности применить методы точного, математического определения количества предметов и явлений действительности. Значение неопределенного количества выражается путем оценки количества, основанием которой служит неточное сравнение. Оценку, имеющую своим предметом релевантные для предметной и коммуникативной деятельности человека объективные различия сферы квантитативной определенности, Г.Г. Галич называет количественной [6;51]. Оценка количества «…строится, как и любая оценка, на сопоставлении признаков чего-либо с нормой», основывается на сравнении количества данного предмета или лица с определенным эталоном [7;30]. По мнению Г.Г. Галич, конституирующим фактором оценки является выражение отношения субъекта к оцениваемому количеству [6; 51].

Область неопределенного количества предметов и явлений действительности предполагает поуровневое структурирование и включает в свой состав неопределенно большое количество и неопределенно малое количество. Настоящая статья посвящена контрастивному исследованию белорусских и английских компонентов с квантитативной семантикой неопределенно малого количества, выявленных из паремиологических текстов структурно разнотипных языков. Полученные результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Лексические средства первичной номинации неопределенно малого количества в белорусских и английских паремиях

Номинация	**Белорусские компоненты, частотность**	**Английские компоненты, частотность**
первичная	*мала* (36), *троху* (7), *нямнога* (4), *крыху* (2)	*little* ‘немногое, небольшое количество; самая малость; мало, почти нисколько’ (76), *a little* ‘мало (но достаточно)’ (22), *some* ‘некоторое количество, немного’ (22), *few* ‘немногие; незначительное количество; немногие, немного, мало’ (16), *small* ‘малый, незначительный’ (8), *a few* ‘несколько (но достаточно)’ (1), *a bit* ‘небольшое количество, немного, чуть-чуть’ (1);

Анализ фактического материала (49 белорусских и 146 английских паремий) показал, что неопределенно малое количество может оцениваться белорусами и англичанами:

а) положительно в случаях, когда определяемое ими количество является достаточным и приносит пользу: ***Мала*** *думаў, ды мудра сказаў* [8;235]. *Хоць* ***трошкі****, але смачна* [8;255] *Хоць* ***нямнога*** *даюць – бяры, хоць недалёка шлюць – не йдзі* [8;450]. *Лепш* ***крыху*** *(крышку) зрабіць, чым* ***багата*** *нагаварыць* [9;299]. ***Little*** *gear,* ***less*** *care* – буквально ‘Мало денег, меньше забот’ – ‘преимущество бедности’ [9;470]. ***A little*** *labour, much health* – буквально ‘Немного труда – много здоровья’ – ‘труд – это источник здоровья’ [10;131]. ***Some*** *rain,* ***some*** *rest* – буквально ‘Немного дождя, немного отдыха’ – ‘народные приметы о погоде’ [10;282]. ***Few*** *words and many deeds* – буквально ‘Мало слов и много поступков’ – ‘меньше говори, больше делай’ [9;254]. *You win* ***a few****, you lose* ***a few*** – буквально ‘Немного выигрываешь, немного теряешь’ – ‘иногда преуспеваешь, иногда терпишь неудачу’ [11;346]. ***Small*** *rain lays great dust* – буквально ‘Маленький дождь прибивает много пыли’ – ‘нечто незначительное может приносить большую пользу’ [10;244]; ***A bit*** *is often better given than eaten* – буквально ‘Кусочек чаще лучше отдается, нежели съедается’ – ‘лучше немного недоесть, чем переесть’ [9;471];

б) отрицательно, когда наличие неопределенно малого количества чего-либо является недостаточным и приводит к нежелательному результату: ***Мала*** *снегу – не будзе хлеба* [8;55]. *Пасее* ***троха****, ды ўродзе плоха* [8;126]. *Аднымі рукамі* ***нямнога*** *зробішь* [8;149]. *Як казалі на*

мяне Грышку, то меў грошай ***крышку****, а як пачалі казаць пане Грыгорай, то ўжо што далей, то горай* [8;503]. ***Little*** *wit in the head makes much work for the heel (feet)* – буквально ‘Мало ума в голове создает много работы ногам’ – ‘говорится о том, кто, не продумав свои действия заранее, попусту суетится, хлопочет, излишне много бегает’ [9;472]. ***A little*** *knowledge is a dangerous thing* – буквально ‘Мало знаний – это опасная вещь’ – ‘незнающий, неопытный человек может сильно навредить’ [11;187]. *Throw dirt enough, and* ***some*** *will stick* – буквально ‘Бросай достаточно грязи и кое-что приклеится’ – ‘о людях, которые клевещут’ [10;62]. *Virtue is praised by all, but practiced by* ***few*** – буквально ‘Добродетель превозносится всеми, а практикуется только некоторыми’ – ‘о скудности добрых поступков, совершаемых людьми’ [10;118]. *He that has little shall have* ***less*** – буквально ‘У кого мало, будет еще меньше’ – ‘о недостатках бедности’ [10;210]. *Women and wine, game and deceit, make the wealth* ***small****, and the wants great* – буквально – ‘Женщины и вино, азартные игры и мошенничество приводят к малому богатству и большой жажде денег’ – ‘о вреде похоти’ [10;59].

И только в английских паремиях неопределенно малое количество, объективируемое квантитативными единицами, может восприниматься нейтрально: *Of a* ***little*** *take a* ***little*** – буквально ‘От малого бери мало’ – ‘надо знать меру’ [9;472]. *From a choleric man withdraw* ***a little****, from him that says nothing for ever* – буквально ‘У раздражительного человека бери немного, а у того, кто ничего не говорит, – навсегда’ – ‘тихая злость продолжительнее и опаснее сварливости’ [10;8]. ***Some*** *are born great,* ***some*** *achieve greatness, and* ***some*** *have greatness upon them* – буквально ‘Некоторые рождаются великими, некоторые достигают величия, а некоторые находятся под властью’ – ‘об источнике величия, силы, власти’ [10;122]. *Love and leprosy* ***few*** *escape* [10;161] – буквально ‘Лишь некоторые избегают любовь и проказу’ – ‘все люди одинаковые’ [10;161]. *You win* ***a few****, you lose* ***a few*** – буквально ‘’ – ‘о всеобщности любви и проказы’ [11;346].

Анализ фактического материала показал, что в белорусских паремиях, в отличие от английских, неопределенно малое количество, реализуемое квантитативными компонентами, чаще оценивается отрицательно, нежели положительно. В английском паремиологическом фонде наблюдается относительно равное количество фразеологических единиц, содержащих кванторные единицы рассматриваемого количества с положительной и негативной коннотациями. Результаты исследования представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Частотность употребления квантификаторов неопределенно малого количества с положительной, отрицательной и нейтральной коннотациями в белорусских и английских паремиях

коннотация	квантификаторы	
	Белорусский язык (частотность)	Английский язык (частотность)
положительная	18	63
отрицательная	31	55
нейтральная	–	28

Данные, приведенные в таблице, свидетельствуют о том, что особенностью белорусской лингвокультуры является негативное отношение к малому количеству чего-либо. В английских же паремиях положительное отношение к неопределенно малому количеству незначительно превышает отрицательное.

Литература

1. Супрун, А. Е. Общая характеристика семантики количества / А.Е. Супрун // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность / Под ред. А. В. Бондарко. – СПб.: Наука, 1996. – С. 162–170.
2. Чабярук, А. І. Лічэбнік у беларускіх гаворках / А. І. Чабярук. – Мінск : Навука і тэхніка, 1977. – 104 с.

3. Вярхоў, П. В. Лічэбнік у беларускай мове : Параўнальна з рус. і укр. Мовамі / П. В. Вярхоў. – Мінск: Выд-ва БДУ, 1961. – 36с.
4. Жыдовіч, М. А. Назоўнік у беларускай мове: [у 2 ч.] / М. А. Жыдовіч. – Мінск: Выд-ва БДУ, 1969. – Ч. 1: Адзіночны лік. – 229.
5. Наркевіч, А. І. Назоўнік: Граматычныя катэгорыі і формы / А. І. Наркевіч. – Мінск: Выд-ва БДУ ім.У. І. Леніна, 1976. – 248с.
6. Галич, Г. Г. Семантика и прагматика количественной оценки (на материале современного немецкого языка): Дис.док. филол. наук / Г. Г. Галич. - СПб-Омск, 1999. – 340 с.
7. Акуленко, В. В. Категория количества в современных европейских языках // В. В. Акуленко, С. А. Швачко, Е. И. Букреева и т.д. – Киев, 1990.–284 с.
8. Прыказкі і прымаўкі ў дзвюх кнігах / Рэд. А. С. Фядосік. – Мінск: “Навука і тэхніка”, 1976. – Кн. 1. – 560 с. ; Кн. 2. – 616 с.
9. The Oxford dictionary of English proverbs / P. F. Wilson. – 3rd edition. – Oxford : The Clarendon Press, 1992. – 950 p.
10. The Penguin Dictionary of Proverbs / Jonathan Law. – 2nd ed. – London: Penguin Books Ltd, 2000. – 365 p.
11. The Oxford Dictionary of Proverbs / Jennifer Speake. – 5th ed. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 388 p.

А.М. Пісарэнка (Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў)

СУПАСТАЎЛЯЛЬНАЕ СТЫЛІСТЫЧНАЕ ДЭКАДЗІРАВАННЕ ВЕРШАЎ РЫГОРА БАРАДУЛІНА “АЛЬ – БОМНАЕ” І ЯНА ЧЫКВІНА “ФЛІРТУСЬ”

Стылістыка дэкадзіравання з’яўляецца адным з сучасных адгалінаванняў стылістыкі, аб’ект якога – даследаванне “моцных пазіцый” тэксту з мэтай вытлумачэння (усведамлення) яго ідэйна-эмацыянальнага зместу. Асноўнымі моцнымі пазіцыямі, якія дапамагаюць дэкадзіраваць тэкст, “расшыфраваць” яго, якія заключаюць у сабе важныя думкі для ўсведамлення ўсяго тэксту як цэласнай адзінкі, з’яўляюцца назва твора, эпіграф (пры яго наяўнасці), пачатак і канец твора, а таксама ўзаемасувязь названых структурных адзінак з кантэкстам. Стылістыка дэкадзіравання даследуе тэкст як крыніцу інфармацыі для чытача, крыніцу думак, пачуццяў, асацыяцый.

Выбар аб’екта супастаўляльнага аналізу тлумачыцца тым, што названыя аўтары – пісьменнікі аднаго пакалення. Нягледзячы на тое, што кожны з іх мае адметную манеру пісьма, гукапіс як сродак стварэння экспрэсіі вершаванай мовы ўласцівы абодвум паэтам. Для аналізу выбраны вершы адной тэматыкі (інтымная лірыка), адной танальнасці (гумарыстычныя). Кожны верш мае назву, што надзвычай важна пры стылістычным дэкадзіраванні: як і іншыя моцныя моманты тэксту і самі тэксты, назвы могуць пазнаму актывізаваць увагу чытача, ствараць у яго ўяўленні розныя вобразы дзякуючы суб’ектыўнасці асацыяцый. Верш Р. Барадуліна “Аль -- бомнае” прыцягвае і незвычайнасцю графічнага афармлення назвы, і тымі магчымымі сэнсамі, якія аўтар укладвае ў слова-назву. Ужо само слова *аль -- бомнае* не настройвае чытача на сур’ёзны лад: верш у альбом можа не мець высокіх эстэтычных вартасцяў, не вызначацца дасканаласцю і арыгінальнасцю рыфмы, не змяшчаць арыгінальных вобразаў і вобразных сродкаў аказіянальнага зместу і формы. Аднак Р. Барадулін застаецца верным сабе: тая адзіная метафара невялікага па памеры твора мае аўтарскія змест і форму (***лістападзіць*** *настрой* ***драбязінка*** *любая*), адзінае параўнанне – таксама аўтарскае (*мне цябе* ***не хапае, як каню мурагу***). Рыфма ж у вершы дзеяслоўная: рад аднародных дзеясловаў, у тым ліку са зніжанай стылістычнай афарбоўкай, -- *не ўсыхаю*, *не іржу*, *не здыхаю* – у канцы суседніх радкоў лёгка рыфмуецца, словы нібы перагукваюцца. Яны выяўляюць аўтарскія эмоцыі: з аднаго боку, жаданне зразумець самога сябе, а з другога – прадэманстраваць уяўную, як высвятляецца, лёгкасць ад пачуцця. Верш заканчваецца словамі – *Ведаю: без цябе не магу.* Вяртаючыся да пачатку твора як да моцнай пазіцыі, закцэнтуем яшчэ раз увагу на змесце метафары: любая *драбязінка* (нават не дробязь / драбяза) *лістападзіць* (г. зн. кранае да слёз) – змяняе, трывожыць аўтарскі настрой, што і дае падставу зрабіць вывад: без каханай кепска.

Назва твора “*Аль – бомнае*”, на наш погляд, шматзначная. Ведаючы паэзію Р. Барадуліна, можна меркаваць, што ў ёй няма нічога выпадковага, нават гуку ў словах / радках. Значыць, можна ўявіць / дапусціць , што першая частка назвы сугучная з імем Ала (форма давальнага склону – *Але*); “*Але*” – таксама аднайменны верш пра каханне гэтага ж аўтара. Імя рэхам адгукаецца ў сэрцы аўтара / лірычнага героя, і ён з гумарам пра гэта гаворыць -- *бомнае* (другая частка назвы, сугучная з бомкае -- анаматапея ад гукаперайманння бом-бом). Як відаць, другая частка верша сэнсава больш суадносіцца з сярэдзінай; асноўныя сродкі выражэння аўтарскіх эмоцый – стылістычныя фігуры: лексічная анафара – паўтор адмоўнай часціцы *не* перад дзеясловам у форме 1-ай асобы адзіночнага ліку цяперашняга часу, гукавая эпіфара – кожны з дзеясловаў і некаторыя назоўнікі заканчваюцца гукам [**у]–** каню [у], мурагу [у], не тужу [у], не ўсыхаю [у], не іржу [у], не ўздыхаю [у], не здыхаю [у], не ведаю [у], не магу [у]. Спалучэнне анафары і эпіфары надае асаблівую напеўнасць твору, а з іншага боку кваліфікуецца як стылістычны прыём – эпанафара. У сваю чаргу шматлікія паўторы канцавога [у] нагадваюць воўчае выццё; так, аўтар не іржэ, як конь: няма з чаго, пачуццё не тое, а ступень праяўлення яго – моцная, калі ад неразумення сябе самога, непаразумення з іншым чалавекам хочацца выць / плакаць. Гэта выснова пацвярджаецца ампліфікацыяй дзеясловаў, а таксама формай назоўніка з памяншальна-ласкальным фармантам *дрaбязінка*, яна *лістападзіць* настрой. Дождж восеньскі працяглы ці часты з перапынкамі, а таму назойлівы. Магчыма, стомлены непагаддзю і настрою, і адносінаў аўтар “Аль – бомнага” верша нарэшце прызнаецца: *без цябе не магу*.Такім чынам, твор Р. Барадуліна нават у гумарыстычнай форме дэманструе глыбіню пачуцця, якая выяўляецца і праз “моцныя пазіцыі”, праз змест тэксту ў цэлым, а таксама праз аказіянальныя маўленчыя адзінкі – тропы, фігуры, гукапіс.

Верш Яна Чыквіна, як і барадулінскі, адразу настройвае на гумарыстычны (можна сказаць, гуллівы, несур’ёзны) лад, у прыватнасці сама назва *“Фліртусь”* – ‘мужчына, які фліртуе’ – выклікае ўсмешку. Дадзены верш мае сюжэт, таму тут ёсць завязка, кульмінацыя, развязка; моцныя моманты – назва, завязка -- пачатак, завяршэнне тэксту. Значную ролю, бадай галоўную, сярод сродкаў выразнасці займае гукапіс; найчасцей з усіх зычных паўтарецца гук [ц], прычым ён шматзначны: у першых двухрадкоўях ён адлюстроўвае настрой мужчыны і жанчыны, якія фліртуюць і паводзяць сябе як дзеці (адна з прыкмет закаханасці), скажаюць словы (*хо**ццa** кахацца*), называюць адзін аднаго *цацай*. У наступных радках гук [ц] праз сугучча слоў, у якіх паўтараецца, утварае каламбур і выступае як сродак сціслага развіцця сюжэта: *цыцы выцвілі*, *цап* і *мац* (лексемы цыцы, мац, цап таксама могуць ужывацца ў маўленні дзяцей ці дарослых, якія з імі гавораць). Алітэрацыя гука [ц] узаемадзейнічае з асанансам гука [а], у выніку гукавы малюнак мяняецца, што абумоўлена зменамі абставін, працягам сюжэта: у гуку [а] увасабляецца жарсць дзейных асоб, яна гучыць у паўторы выклічніка *ах* і аўтарскага неалагізма *пажарх* (гэту частку верша можна акрэсліць як кульмінацыю). Фразема *лоб у лоб*, паўтор плаўнага [л] (***л**об у **л**об*, ***л**яжаць*, *зацві**л**о*) адлюсроўваюць іншы стан *л*юбві, задавальнення, суцішэння. І вынік (развязка) увасобіліся найперш у гуку [о] (***Цё*** / З*ацві**л**о*) – відавочна, што ў двух апошніх прыведзеных радках аўтарам “сабраны” ўсе гукі, якія зябяспачваюць фанетычную выразнасць твора: [ц], [л] і іх мяккія варыянты, [а] і сам [о]. Гук [ц /ц’], акрамя таго, на працягу ўсяго верша забяспечвае стварэнне інтымнага малюнка, цішыні. Такім чынам, асноўныя сродкі выразнасці – фанетычныя, бо хуткая змена падзей, развіццё сюжэта ўвасобіліся не толькі ў кароткіх словах, няпоўных сказах, але і ў даўжыні радка: самы кароткі радок складаецца са злучніка *і*, самы доўгі – з двух слоў (у двух словах дванаццаць літар, дзесяць гукаў -- *хоцца кахацца*, два з якіх доўгі [ц]). Што да выразнасці лексіка-фразеалагічнага ўзроўню, то яму ўласцівы сціплыя сродкі, напрыклад, агульнамоўная метафара *цыцы выцвілі*, аказіянальная метафара *падае жаць*, аўтарскі неалагізм – *пажарх*, фразема з узуальнай функцыяй – *лоб у лоб*. Аднак сітуацыя, апісаная ў творы, якраз такая, калі словы могуць

быць лішнія, непатрэбныя; значыць, пры ўвядзенні іншых лесем разбурыцца інтымнасць, лёгкі гумар, дынамізм дзеяння, якія меў на мэце паказаць Ян Чыквін.

Фанетычныя сродкі стварэння выразнасці маўлення верша Яна Чыквіна блізкія да сродкаў верша, напрыклад, Г. Бураўкіна “Плыве ў тумане вечар разамлелы” ці Я. Сіпакова “Мелодыя на званах”. Першы твор увогуле і тэматычна блізкі да прааналізаваных тэкстаў: і Г. Бураўкін, і Я. Чыквін актыўна выкарыстоўваюць алітэрацыю, асананс, даўжыню радка з мэтай выяўлення эмацыянальнага стану персанажаў, дынамічнага развіцця сюжэта, аднак Бураўкін больш актыўна ўжывае лексічныя вобразныя сродкі, напрыклад, эпітэты (*разамлелы вечар; асмялелы*, *ахмялелы*, *бяссонны салавей, гулкая цішыня*), метафары (*плыве вечар, духата чаромхавых завей, салавей апавяшчае вясковыя сакрэты*), перыфразу (*салавей раскідвае сярэбраны гарох* – спявае) і інш. Тым не менш, кожны аўтар, ставячы перад сабой пэўныя мастацкія задачы, вырашае іх па-рознаму дзякуючы адметнасці манеры пісьма, непаўторнасці таленту, арыгінальнасці светаўспрымання.

Стылістыка дэкадзіравання тэксту, якая дазваляе пазбегнуць адвольнасці тлумачэння і забяспечвае адэкватнасць успрымання, садзейнічае выдзвіжэнню на першы план усіх тэкставых катэгорый, больш відавочных, важных для інтэрпрэтацыі мастацкіх твораў. Параўнаўшы тэматычна блізкія вершы двух аўтараў, супаставіўшы апісаныя экстралінгвістычныя сітуацыі і тыя маўленчыя адзінкі, якія, з аднаго боку, абуджаюць уяўленне чытача, а з другога, выяўляюць аўтарскую пазіцыю, можна зрабіць вывад: кожны з паэтаў, нават на прыкладзе двух твораў гэта відавочна, стварае адметныя аказіянальныя адзінкі, што пацвярджае непаўторнасць таленту.

А.В. Покало (Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина)

ТЕОРИЯ МОНОДРАМЫ Н.Н. ЕВРЕИНОВА В КРИТИКЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX СТОЛЕТИЯ

Теория монодрамы Н.Евреинова привлекала внимание многих известных критиков и писателей начала XX века в России и Европе, т.к. отражала и логически оформляла искания многих драматургов-новаторов, а также предлагала выход из театрального кризиса. Вопросы драматургии не были ограничены сферой театрального искусства и литературы, но в своей основе содержали вечные онтологические проблемы, а инновации в жанровой системе были следствием исканий путей для их разрешения. На современном этапе критические заметки не теряют своей актуальности в силу популяризации монодрамы в мультикультурном процессе различных стран.

Если символисты утверждали, что жизнь – их лучшее произведение, то для Н.Н. Евреинова жизнь – подмостки, на которых ставится «новая правда» подлинной жизни. Абсолютную подчиненность монодрамы общей теории театральности Н.Н. Евреинова признает Е.А. Зноско-Боровский в своей книге «Русский театр начала XX века» (Прага, 1925). Он кратко повторяет основные положения евреиновского учения о монодраме, уделяет внимание его сценическим воплощениям – поставленным Н. Евреиновым пьесам «В кулисах души» и «Представление любви». Критик подчеркнул в целом стремление Н.Н. Евреинова каждую пьесу превратить в драму или комедию одного персонажа, центрального действующего лица, где объективный мир заменяется представлением о нем данного действующего лица. При критическом анализе пьесы драматурга «Представление любви» значимым для дальнейшего развития театра является то, что одно событие «оказывается, таким образом, словно совсем разными происшествиями» потому, что каждый представляет его по-своему. Внешний мир, как таковой, или не существует, или зритель о нем не знает – поэтому единственно верным путем становится воплощение на сцене представления о нем. Эта идея найдет отраже-

ние во многих современных нам театральных системах рубежа XX–XXI веков, когда многовариантные формы рецепции займут место реалистического отражения окружающей действительности.

Проблема дифференцирования монодрамы и эпического произведения, где повествование ведется от имени воображаемого лица, также становится предметом его анализа. Несмотря на то, что сравнение сужает «значение монодрамы в театре до роли названного вида произведений в литературе, со всеми оговорками, которые диктуются различиями между драмой и прозой повествовательной» [1;332], это соотношение выводится в защиту полноценности главного героя монодрамы и восприятия его зрителем. С центральным персонажем связан еще один «недостаток» монодрамы: нарушается классическое представление героя в системе действующих лиц. Все персонажи и события представляются в том виде, какими они кажутся центральному действующему, а не такими, какие они есть на самом деле, следовательно, читатель/зритель не имеет возможности узнать героя через других персонажей и их взаимоотношения. Перспективу развития монодрамы Е.А. Зноско-Боровский видит только в качестве приема постановки. Отметим, что данное критическое издание предваряла вышедшая в 1924 году монография о Н.Н. Евреинове (E. Znosko-Borovsky «Evreinoff», Paris) на французском, что значительно популяризировало учение о монодраме в западной культуре. Сам Н.Н. Евреинов в работе «История русского театра» освещает свое учение о монодраме и кривозеркальные монодраматические постановки сквозь призму критических суждений Е. Зноско-Боровского.

В трудах А.Р. Кугеля, видного театрального критика, учению о монодраме уделяется особое внимание. Он подчеркивал первенство Н. Евреинова в осмыслении монодрамы «о «монодраме» у нас впервые заговорил Н. Евреинов», но, по его мнению, теория драматурга «была не совсем ясной» [4;196]. Свои критические замечания А.Р. Кугель приводит в книге «Утверждение театра», рассматривая монодраму в различных проекциях. Неубедительность, главным образом, заключалась в имевших прикладной характер примерах, приводимых драматургом-новатором. Критик изучал и анализировал концепцию Н. Евреинова на методологическом, теоретическом и практическом уровнях. А.Р. Кугель утверждал подобно Е. Зноско-Боровскому, что нарушение основного принципа драматургии («герой познается в столкновении с теми и с тем, кто его окружает» [1;196]) при реализация монодраматической теории приведет в результате к философскому смещению понятий и хаосу как в практике театральных постановок, так и при создании драматических текстов. Тем не менее, он признает, что идея Н.Н. Евреинова «богата последствиями» [4; 197].

Унифицированный вариант монодрамы – это «множественная модификация одного и того же сюжета», идеальным примером которой являются постановки Б. Гейера. Пьесу «В кулисах души» Н.Н. Евреинова, которая в соответствии с предыдущими умозаключениями представляет собой модификацию одного сюжета, А.Р. Кугель не упоминает. Метафизические изменения, происходящие в монодраме с субъектом действия, а соответственно, и с реципиентом, имеют психологическую природу, а потому, с технической точки зрения, такое явление полидрама. С другой стороны, исследуя психологические аспекты драматического произведения, А.Р. Кугель приходит к выводу о том, что всякая классическая драма, по сути, монодрама, т.к. там имеет место «развитие единой психологии, по правилам единой закономерности, в зависимости, от единого представления о добре и зле» [4;199]. В полидраме должна быть представлена дуалистическая психология. Так, А.Р. Кугель намечает основы для построения другой концепции монодрамы, которая развития не получила. Художественные особенности монодрамы, ее жанровая природа не представляют интереса для критика. При кратком анализе пьес «Воспоминание», «Что говорят, что думают», «Вода жизни» А.Р. Кугель

останавливается только на содержательной стороне, обращаясь к проблеме этичности драматического искусства как показателе его актуальности для реципиентов. Совместная деятельность Н.Н. Евреинова и А.Р. Кугеля в «Кривом зеркале» и сатирические пародии на «искания» других теоретиков театра, личная неприязнь к А.Р. Кугелю, вызванная его критическими статьями, стали причиной того, что в работах других видных режиссеров и драматургов-новаторов В. Мейерхольда, К. Станиславского, В. Немировича-Данченко монодрама не заняла достойного места. Они «не заметили» появление новой драматургической формы

Следует отметить, что идейно Н.Н. Евреинов был близок к футуристам, причем симпатия была взаимной. Он посещал их вечера, принимал участие в альманахе «Стрелец». Футуристов привлекала евреиновская теория: о нем писали В. Каменский, Р. Ивнев и др. Основные положения монодрамы Н.Н. Евреинова повлияли на произведения В. Маяковского, В. Хлебникова и других представителей российского авангарда. Монодрама как часть театрального творчества Н.Н. Евреинова стала основой для художественного отзыва В. Каменского, с которым драматурга связывали грузинские страницы биографии. Разработку теории монодрамы поэт-критик считал одной из самых важных и основных в литературно-научной деятельности Н.Н. Евреинова. Со свойственным поэту пафосом, В. Каменский пишет: «Имя Евреинова с этих дней [16 декабря 1908] занимает бриллиантовую страницу в истории современного театра» [3;62]. Он считает монодраматическую форму «совершенным постижением святая святых театра» в силу конкретности переживаний, потому что задача монодрамы перенести зрителя на сцену, заставить каждого стать в положение действующего на сцене.

Таким мостом из зрительного зала на сцену является обозначение через «я» субъекта действия. Как это происходит, В. Каменский показывает через детальный анализ, «глубоко-художественной», по его мнению, монодрамы «Представление любви». Он вслед за драматургом через экспрессивное переложение пьесы стремится показать читателю возможности «монодраматической формы». Для В. Каменского в монодраме важна именно это сторона, выраженная через совокупность понятий «я», «представление», «моя драма» и «театр для всех». Новая форма сценического представления построена на «основных слияниях всех душевных переживаний в единое целое» [3;61]. Собственно красота и величие монодрамы, по мнению поэта, в цельности получаемого впечатления. Тонкое «психологическое построение», свойственное новой форме, приводит к осознанию своего собственного, настоящего, «внутреннего» «я». Монодрама – более продуктивна, чем драма. Критик доказывает это через разбор монодрамы «В кулисах души». Открытая борьба между «я» рациональным и «я» эмоциональным как основа сюжетного построения возможна только в новой «совершенной форме драмы». Он с восхищением писал о всей театральной концепции Н.Н. Евреинова, которая, по его мнению, была осуществлена на практике футуристами. Теплые отношения сохранились между писателями на протяжении многих лет, о чем свидетельствует переписка, поддерживаемая, несмотря на то, что их разделял Атлантический океан и политическая напряженность (Н.Н. Евреинов на тот момент проживал в Америке, а В. Каменский оставался в России).

Профессор Б.В. Казанский подчеркнул значимость идеи монодрамы как конкретной реализации принципа театральности. Он выделяет в качестве отличительной черты монодрамы позицию «зрителя». Это не только «фокус зрительной перспективы театра, но и центр самого действия, «внутренний фактор драмы» [2;107]. Все линии сценического действия направлены на восприятие зрителя, «тянутся к нему, сходятся на нем в конечной точке», благодаря этому, жизнь становится «*моей* жизнью и действительностью». Так, монодрама – это не обособленное драматическое произведение как элемент жанровой системы, а некий драматургический принцип, способный стать дефиницией любого драматического жанра: «достаточно того, что драма, чтобы

быть действенной, должна быть драмой самого зрителя, «моей драмой». Этот принцип обуславливает в целом драматичность любого произведения, снимая «барьер художественности» 108, препятствующий его восприятию.

По воспоминаниям современников, учение о монодраме приобрело популярность и в Польше, где после революции 1917 г. Н.Н. Евреинов не только ставил свои пьесы, но и выступал с лекциями. Его последователями стали Ю. Остерва, К. Боровский, театролог-профессор Лимановский, а также режиссер М. Шпакевич. К сожалению, политическая ситуация оказала неблагоприятное воздействие, и польские театральные деятели не составили письменных критических отзывов об учении о монодраме, однако активно применяли их в своей театральной практике. Наследие Н. Евреинова было интерпретировано в театре Е. Гротовского, ставшего одной из ведущих фигур современной зарубежной сцены, что доказывает справедливость суждений всех критиков Н. Евреинова о долгой жизни его теории.

Литература

1. Зноско-Боровский, Е.А. Русский театр начала XX века / Е.А. Зноско- Боровский. – Прага: Пламя, 1925. – 444 с.
2. Казанский, Б.В. Метод театра / Б.В. Казанский. – Л. : Academia, 1925, – 172 с.
3. Каменский, В.В. Книга о Евреинове / В.В. Каменский. – Петроград : «Современное искусство» Н.И. Бутковской, 1917. – 101 с.
4. Кугель, А.Р. Утверждение театра / А.Р. Кугель. – М. : Театр и искусство, 1922 – 208 с.

С.Ю. Преображенский (Российский университет дружбы народов)

СЛАВЯНСКИЙ ДВУСЛОВНЫЙ СТИХ: ПОГРАНИЧЬЕ СИЛЛАБИКИ И СИЛЛАБОТОНИКИ

Логаэд адоний в русской стиховедческой традиции считается изводом четырехстопного дактиля: _UU_UU_UU_UU в качестве одного из вариантов дает _UU_U_UU_UU. Если последнее «усечь» на один слог (то есть придать не дактилическую, а женскую клаузулу), то получим равномерное чередование двух античных «стоп» вида _UU_U. Всё это рассуждение построено на представлениях о метрике и ритмике как некоей самостоятельной субстанции, существующей как самодовлеющая сущность в отрыве от её конкретного речевого наполнения (клише, формул, ритмических клише и т.п.). Однако пространство стихотворного языка, если он функционирует подлинно как язык, вне речевых сегментов некоммуникативно, внелингвистично и никаким лингвистическим анализам не подлежит, даже если они называют себя «точными» и «лингвистическими». Единственным языковедческим ходом в направлении стихотворного языка будет признание того, что он строится на репертуаре единиц (стихем – термин впервые был предложен М.М.Кенигсбергом на рубеже 1920-х годов), представляющих собой реализацию закономерностей супрасегментных и синтаксических законов национального языка, и этот репертуар лежит в основе национального языка поэзии. Поведение адония (он же 4-стопный дактиль с односложным цезурным усечением) является одним из аргументов в пользу высказанных соображений. Полный адоний вида _UU_U_UU_U в русском стиховедении в последний раз стал предметом дискуссии в связи анализом стихотворения И.Бродского «Смерть Жукова» и его интертекстуальных связей со «Снигирем» Г.Державина (напр. [1], [2]). Возможно, в этой же связи было написана обширная обзорная статья М.В.Акимовой [3], где выявлялись два семантических ореола полного адония – героический и лирический. Несмотря на тот факт, что некоторых из авторов, использующих «героический» адоний (причем в сочетании с иными размерами) роднило их «юго-западное» образование и происхождение - П.Политковский, Ф.Рындовский , вероятно, оба учились в Черниговской семинарии - а

также на то, что родоначальник традиции Н.М. Карамзин дружил не только с французской, но и с польской поэзией, версия центральноевропейского влияния не возникла, и популярность адония приписали «подражаниям античности» вполне традиционно (ср.: [4, 67], [5, 486]). Тем не менее есть все основания сомневаться в том, что, во-первых, «героический» адоний продукт приобщения к античной традиции русскими авторами, а во-вторых, в том, что это абсолютно искусственная в славянском поэтическом контексте эллинская «стопа». До Н.Карамзина, П.Николаева, Г.Державина адоний приобрел широкую популярность в польской торжественной поэзии XVIII века в рамках так называемой «Станиславовой строфы» (по имени последнего польского короля Станислава-Августа Понятовского, отца «польского просвещения»). Это строфа-четверостишие с перекрестной рифмой. 1-я и 3-я строфы – 10-сложные с цезурой после 5-го слога; 2-я и 4-я - восьмисложные без цезуры. 10-сложные строки четырех-, 8-сложные – трехударные. Типичные примеры «Станиславовой строфы»: *Wszystko zwyciężysz, łódko szlachetna, //Na ciosy przeciwne twarda;//Statek twój sława uwieczni świetna//Chlubniej niż podróż Blancharda* (Adam Naruszewicz, *Balon*); *Niech będzie tobie dziś poświęcona//Nowego poety wena//Czcigodna paro, dzisiaj sprzężona//Pod miłe jarzmo Hymena (*Stanisław Trembecki, *Epitalamion Hipolitowi i Belinie).*Легко увидеть, что в десятисложных стихах мы имеем тот же сдвоенный адоний: _UU_U/_UU_U, причем он возникает естественным образом на основе акцентной структуры стандартного польского слова при соединении в словосочетании из двух фонетических слов: двусложное+трехсложное. В польской поэзии очевидна самодостаточность стихемы ритмического вида _UU_U, поскольку она фиксирует ритм естественного словосочетания (требование порождения последовательности повторов в польской силлабике XVIII века безусловно отсутствует). Подтверждением того, что логаэдический пятисложник функционирует как самостоятельная стихема, является эволюция его использования, когда он начинает комбинироваться в одиннадцатисложных строках до или после (первое чаще) цезуры. Tak w noc, pogodna / jeśli służy pora, //Wzrok się przyjemnie ułudzi; //Lecz żeby w nocy / jechać do jeziora, //Trzeba być najśmielszym z ludzi (A. Mickiewicz *Świteź*); Czemuż... ich pieśni /już tak mało pewna//Treść — i skażonej całości?//Lutnie ich czemu... / z łomliwego drewna,//A nie ze słoniowej kości? (C.K.Norwid, *Pieśń Tyrteja*). Еще более очевидную самостоятельность демонстрирует адоний-пятисложник, становясь самостоятельным стихом в позиции рефрена. *Ani jej widzieć wieczorem, ni z rana,* ***Bo rozebrana <...>****Błogi jest pejzaż, błogą woń poranna,//Gdy wstają zorze -//Ale cóż, kiedy ona, rozebrana,//Wyjrzeć nie może<...> Świat na to rzecze: "Niech się ubierze//****Na trzy sposoby***:// Zachodnio-wschodnio-pstre *weźmie odzieże//Lub wór żałoby* (C.K.Norwid, R*ozebrana*); *Nad stanami jest i stanów-stan,//Jako wieża nad płaskie domy//****Stércząca w chmury****...///*II *Wy myślicie, że i ja nie Pan,//Dlatego że dom mój ruchomy,//****Z wielbłądziej skóry****...* (C.K.Norwid, *Pielgrzym*). В силлабическом польском стихе чередование адония с другими ритмическими схемами естественно, а в русской силлабо-тонике признаком адония становится появление компенсаторных долгот, что, кстати, хорошо видно в переводе той же «Раздетой» Ц.Норвида, сделанном Д.Самойловым: *Башмачный цех стоит во всеоружье//* ***Три белошвейки//*** *Снимают мерку домыслом досужим//****Прикрывши веки<...>*** *Мир говорит: «Есть три различных стиля// Её одёжи//Восточный,западный,лоскутный или//****Могильный тоже.*** Поэт, идущий следом за великими польскими романтиками, представитель школы «Варшавской богемы (цыганерии)», вероятно, расценивал балладный 11-сложник с включением предцезурного логаэдического пятисложника как типичный размер народной песни. Сиверин Гжегож Филеборн, прибегая к модному «романтическому» приему литературной мистификации, публикует в 1841 году собственное стихотворение «Волостная песнь» (Pieśń gminna) , снабдив его комментарием, подписанным инициалами F.S. В комментарии

сочинитель сообщает, что «pieśń o tragicznej miłości dwojga kochanków znana jest wśród ludu polskiego w rozmaitych wersjach. O. Kolberg zapisał ich kilkanaście z różnych stron Polski… z wyjątkiem tej, którą podał Filleborn» [6, 7]. Далее комментарий повествует о тысячах вариантов изложенной в песне истории, с разными именами любовников, местами действия (в том числе Варшава), отношением родни к убийству девушки, способами казни убийцы, каковые (варианты) были обнаружены неутомимым Оскаром Кольбергом, короче говоря, перед читателем настоящий пародийный «гелертерский» текст. И тем не менее массовое сознание, похоже, не приняло иронических обертонов и в его коллективных глубинах текст закрепился как образчик подлинной трагедии. Ср.: 1*) A* ***jednej wiosce /cóż to się stało****?// **Dwoje się ludzi/** w sobie pokochało.// **Przyszedł on do niej** o ósmej godzinie:// „**Wstań, Magdaleno,** wyprowadzisz ty mnie!”// **I ona wstała,/ I zapłakała**,// Wzięła chusteczki, oczki obcierała.» (Seweryn Filleborn, Pieśń gminna, первая строфа); 2) «**Пришел мой милый**/ из города пьяный//**Тук-тук в окошко**: /«**Я твой коханый**!»// **С постели встала,/ дверь отворила**,// Поцеловала, спать уложила» или «Идет мой милый, с утра-то пьяный:// «Открой мне двери, моя кохана!// Открой мне двери или оконце,// Люблю тебя я, мое ты солнце*» (третья строфа или припев в двух официально не признаваемых вариантах народной песни «Позарастали стежки-дорожки», зафиксированных, впрочем, не только в Рунете, но и в ряде художественных текстов, напр. Г.Белых и Л.Пантелеева, а также В.Солоухина, в этих вариантах от официального «народного» текста сохранились только первые строки). От польской «цыганерской» стилизации середины позапрошлого века до русского «городского романса» рубежа позапрошлого и прошлого веков, казалось бы, солидная дистанция, хронологическая и географическая. Тем не менее поражает не столько даже мотивное сходство, сколько лексические и акцентные полонизмы и буквальные совпадения с текстом Филеборна в русском аналоге. Есть дополнительные аргументы в пользу того, что именно с польским контекстом «Станиславовой строфы» связан «героический» семантический ореол адония у восточных соседей. Украинского поэта Евгена Маланюка не упрекнешь в чрезмерной любви в русскому культурному наследию, хотя Г. Державин, вероятно, ему был ближе, чем, скажем, руганный Н.Некрасов. Тем не менее, творец концепции «мазепианства», автор сочинения *Ілюстрісімус Домінус Мазепа — тло і постать*, написаного в 1960 году, в 1932 создал свое знаменитое стихотворение *До портрета Мазепи*, где параллель с текстами «героического» адония очевидна. Вопрос только в том, какие тексты для Е.Маланюка первичны и неужели это русские образцы: Бем ближе борцу за свободу Украины или «Снигирь» Суворов. Адонические отрезки в первых четырех строфах текста выделены: «*Се відчути, вчитатись в се треба,// Розчинитись єством в сім сенсі:// Illustrissimus Dominus Mazepa// Dux Cohortis Zaporojiensis./// **Срібна чуприна, /чоло пророче**,// Ні, не порожній зір Ніоби –// Зимні телескопічні очі// Бачать майбутнього буряні доби./// **В панцір закуто /груди і плечі,// Тінню за ними –/ спалені крила**.// Серце юне і тіло старече/ Пурпур и бронза окрили./// Риму козацького сивий Марсе!// Чули століттями, **віщий гетьмане,//** Гул погребовий полтавського маршу// Крізь Петербургу затруті тумани…»* (Євген Маланюк, *До портрета Мазепи*). Собственно, для украинской традиции (фольклорной и песенной) адоний не чужой, а самый что ни на есть родной, он – ритмическая основа чуть ли не самой любимой украинцами песни: *«**Місяць на небі**, /**зіроньки сяють.// Тихо по морю** /човен пливе.// **В човні дівчина /пісню співає**,// **А козак чує** /серденько мре».* Впрочем, действительно, песни не то, что авторские тексты, и можно только обратить внимание на тот факт, что в вокальных текстах адоний укоренен прочнее, возможно потому, что в ряде языков (в польском, русском и украинском совершенно точно) эта стихема подразумевает компенсаторную долготу на гласных иктов. Распев многолетия («*Многая/многия лета*…») - адоний, «*Боже, царя храни*» (коллективное сочинение) – адоний. Подобно тому, как

«коломыйковый» шестисложник в современной польской, украинской и белорусской поэзии активно используется в качестве стихемы, оформляющей отдельные строчки верлибров (см. [7]), адоний-пятисложник фигурирует в текстах, напр., современной белорусской поэзии, занимая в тексте верлибра семантьически и композиционно значимые позиции:… *мой колер сыходзіць у далёкае плаванне // моўч і //* ***Цокальны паверх //*** Твайго неба // Я бегла да цябе па тваіх жа рэштках // ***Таемных сцежках //*** *Па целе тваім // Блукала ў прыцемках // Блытала //Блытала // Як жа я блытала //* ***Гукі і цемру // Цемру і гукі //*** *І лгала // І лгалі руны* (Кацярына Марголь**);** ***Заўжды / марыла //*** *спыніцца /на/ аўтамабільным / мосьце // над /Нёманам // –манэўр, забаронены // ўсімі/правіламі // дарожнага / руху* (Марыя Мартысевич, *Бацька ды Нёман*).

Литература

1. Лотман, М. *«На смерть Жукова»* / М. Лотман // Как работает стихотворение Бродского. – М.: НЛО, 2002. – С.64-76.
2. Преображенский, С. Фонетическая теория Потебни и новые подходы к русскому стиху / С. Преображенский, О. Бараш // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н.Каразіна, серія «Філологія», 2004. – № 632. – С. 164-167.
3. Акимова, М.В. Семантика 4-стопного дактиля с односложным цезурным усечением русской поэзии 18 - нач.19 века / М.В.Акимова // Славянский стих 7: Лингвистика и структура стиха. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С.307-318.
4. Гаспаров, М.Л. Очерк истории русского стиха / М.Л. Гаспаров. – М.: Наука, 1984.
5. Панов, М.В. Рассказы о русском стихе. Логаэдический стих / М.В. Панов // Труды по общему языкознанию и русскому языку. – М.: Языки славянской культуры. – 2007. – Т.2.
6. Cyganeria Warsczawska, Wroclaw, Ossolinium – DeAgostini, 2004
7. Preobrazhenski, S. Essay on comparative verse study (hexasyllable as an international rhythmic and syntactic unit) / S. Preobrazhenski // Science, Technology and Higher Education [Text] : materials of the international research and practice conference, vol.1, Westwood, PO Accent Grafic communications, 2012. – P.418-424.

В.І. Русілка (Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава)

ІДЭЙНА-МАСТАЦКАЯ СПЕЦЫФІКА ЎВАСАБЛЕННЯ ВОБРАЗА ЭЛІЗЫ АЖЭШКІ Ў ПАЭМЕ Л. РУСІЛКІ “ЗЯМЛІ І ЛЮДЗЯМ”

Паэма Любові Русілкі “Зямлі і людзям” прысвечана жыццю і творчасці Элізы Ажэшкі, выдатнай пісьменніцы беларуска-польскага памежжа.

Тэма твора найперш абумоўлена тым, што ў надзвычай багатай польскамоўнай спадчыне Э. Ажэшкі (больш за 200 мастацкіх твораў, якія змясціліся ў 50 тамах) ёсць выдатныя творы, дзе славутая пісьменніца адлюстравала жыццё беларускага сялянства ў 60-80 гадах XIX стагоддзя. Гэта першае апавяданне пісьменніцы “Малюнак з галодных гадоў” (1866), аповесці: “Нізіны” (1884), “Дзюрдзі” (1885), “Хам” (1889); нарысы “Людзі і кветкі над Нёманам” (1888-1892); апавяданні, сярод якіх “Тадэвуш” (1885). Названымі творамі Э. Ажэшка, па сутнасці, першай паведаміла шырокаму свету аб тагачасным беларускім народзе, выказала яму, прыгнечанаму і абяздоленаму, павагу і спачуванне, раскрыла лепшыя чалавечыя якасці беларусаў.

Паэма Л. Русілкі “Зямлі і людзям” – своеасаблівая, напісаная паводле ўспамінаў самой Элізы Ажэшкі, яе пісьмаў і ўрыўкаў з некаторых твораў пісьменніцы. Твор вызначаецца асаблівым пранікнёным лірызмам і ўсхваляванасцю, бо дзяцінства Л. Русілкі прайшло ў Мількаўшчыне, былым маёнтку Э. Ажэшкі, дзе зараз ёсць музей, у афармленні якога выкарыстоўваюцца ўрыўкі з паэмы.

Творчая задума аўтара паэмы – сцвердзіць, што Эліза Ажэшка, якая ў сваіх творах пра мінулае беларускага народа пакінула багатую духоўную спадчыну, заслужыла яго ўдзячнасць і пашану, а вядомасць твораў пісьменніцы сярод сучасных чытачоў вартая

падтрымкі і пашырэння. З гэтай мэтай Л. Русілка стварыла мастацкую біяграфію Элізы Ажэшкі і ажыццявіла эстэтычную рэпрэзентацыю асноўных яе твораў.

Паэма складаецца з трох частак – “Алея Элізы”, “З Нёманам мілым” і “Гарадзнічанка”. Па іх агульным прынцыпе вызначана чатырнаццаць раздзелаў, якія пабудаваны з асобных, закончаных па ідэйным змесце, рытмічнай схеме і сродках мастацкай выразнасці кароткіх эцюдаў. Улічваючы аддаленасць апісваемага ў часе ды іншыя акалічнасці, да кожнага з раздзелаў даюцца празаічныя каментарыі. Яны прадстаўлены ў форме аўтарскіх разважанняў, паведамленняў, звернутых да ўяўнага чытача, звязаны паміж сабой і добра ўплываюць на знітаванасць раздзелаў і частак паэмы. Часам тое ці іншае тлумачэнне ўзбагачае чытача і новымі ведамі, якія дазваляюць лепш зразумець паэтычны тэкст.

Вобраз Элізы Ажэшкі, яе маналог аб сваім жыцці і творчасці, што, пачынаючы з другога раздзела, гучыць на працягу ўсяе паэмы, трымае на сабе ўсю ўнутраную структуру твора. Гэта ўласціва і першаму раздзелу паэмы, заснаванаму на дыялогах, бо ўсе яны – пра Элізу ці з яе ўдзелам.

Асабліва выразна творчая задума Л. Русілкі і майстэрства яе ўвасаблення відаць пры параўнанні аўтабіяграфіі Э. Ажэшкі, якая была надрукавана ў зборніку “Русское братство” ў 1910 годзе, і адпаведнага тэксту паэмы, у якім расказваецца пра радасць ад першых творчых вопытаў пісьменніцы.

Аўтабіяграфія Элізы Ажэшкі	Тэкст паэмы
Я памятаю хвіліны, калі блакітнае світанне, падаючы на мой стол, рабіла святло лямпы, падобным да святла грамнічнай свечкі.	Блакітнае світанне Зноў падае на стол – І свечкай лямпа стане, Схаваецца ў прастор.
Я ўскоквала, выбягала з дому, адпраўлялася на палоску лугу. І вось ніякай стомы Ад працы і ўначы.	Ускокваю – і з дому. На луг! Туды ўцячы!
У траве, расе пад лісцем дрэў, нібы пазалочаных касымі праменямі сонца, я стаяла, хадзіла – бадзёрая, вясёлая, перапоўненая радасцю жыцця.	Раса ў траве і лісці Ўжо золатам дрыжыць. Мой новы дзень так блізка. Як хочацца ў ім жыць! [1, с. 41].

Такія тэкстуальныя супадзенні, якія можна было б доўжыць, пераконваюць у тым, што Л. Русілка нідзе не адступае ад сваёй канцэптуальнай задумы: напісаць паэму паводле ўспамінаў самой пісьменніцы, зрабіць больш блізкім для чытача вобраз Элізы Ажэшкі і адначасова апаэтызаваць яго. Ідэйнай задуме адпавядае і майстэрства формы: прыведзены паэтычны ўрывак вызначаецца яркім рытмічным малюнкам, рытм энергічны, аптымістычны, лёгкі, ён перадае радасць ад мастацкай творчасці, ад маладосці; радкі кароткія, лаканічныя і насычаныя дзеяннем; рыфма гучная, змястоўная (світанне – стане, стол – прастор, уцячы – і ўначы). Асабліва ўзмацняецца эмацыянальна-вобразнае ўздзеянне гэтага ўрыўка паслядоўным выкарыстаннем аўтарскага інтанацыйнага кантрасту: папярэдні ўрывак, які перадаваў пакутлівыя развагі, разлад і супярэчнасці паміж побытам і творчасцю, напісаны ў зусім іншай і павольнай інтанацыі: “Год прайшоў, і праходзіць другі. / Гаспадарка ў знясіллі. Даўгі…”[1, с. 40].

Калі ж дадаць, што кожны з суседніх чатырох урыўкаў напісаны сваім памерам, выбар якога інтуітыўна абумоўлены зместам, то становіцца відавочным адзінства зместу і формы ў паэме і майстэрства яе аўтара.

Другая частка паэмы “Зямлі і людзям” ахоплівае амаль дваццаць гадоў жыцця Элізы Ажэшкі ў Гродне. Трэцяя – дзесяць год дзявятнаццатага стагоддзя і дзесяць год пачатку дваццатага. Сюжэтная знітаванасць трох частак абумоўлена храналагічнай асновай паэмы і адзінай скразной гераіняй твора, што пастаўлена ў цэнтр усіх падзей.

На адзінства частак у цэлым указваюць і эпіграфы ў пачатку кожнай часткі. “Дрэвы хаваюць таямніцы – расказваюць людзі,” [1, с. 19]. – сцвярджае “Алея Элізы.” “І рэкі хаваюць таямніцы – расказваюць людзі,” [1, с. 51]. – пацвярджаецца ў частках “З Нёманам мілым” і “Гараднічанка”.

У другой частцы паэмы аўтар на пярэдні план выводзіць творы Элізы Ажэшкі, стварае своеасаблівую мастацкую рэпрэзентацыю іх сучаснаму чытачу, кожны раз знаходзячы для гэтага адпаведныя сродкі выразнасці: ці то

паведамленне самой пісьменніцы (раман “Марта”), ці меркаванне знаўцаў (“Меір Эзафовіч”), ці пісьмо сяброўцы (аповесць “Нізіны”), ці імправізацыя да заключнага эпізоду аповесці “Дзюрдзі”, ці характарыстыка “найпрыгажэйшага з герояў Элізы Ажэшкі” (аповесць “Хам”).

Такая адметная мастацкая рэпрэзентацыя твораў выдатнай пісьменніцы, як і сама прысутнасць іх у паэме, абгрунтавана творчай задумай паэтэсы, якая прадугледжвае папулярызацыю твораў Элізы Ажэшкі сярод сучасных чытачоў.

Аўтар паэмы пераконвае чытача, што Эліза Ажэшка з высокай патрабавальнасцю ставілася да якасці сваіх твора: чатыры з дзесяці, напісаных у 1864 – 1869 гадах, яна спаліла, не задаволеная іх мастацкай вартасцю.З паэмы відаць таксама, як паважліва адносілася пісьменніца да літаратурнай крытыкі, чакала ад яе водгукаў на свае кнігі, прыслухоўвалася да заўваг.

У пісьменніцкім лёсе Элізы Ажэшкі было нямала і расчараванняў. Двойчы (у 1905 і 1909 гадах) яна вылучалася на атрыманне Нобелеўскай прэміі, і кожны раз перавага была аддадзена творам Генрыка Сянкевіча.Ды пісьменніца з годнасцю ўспрымала ўсё, і славу спазнала пры жыцці. Сваю ж творчую дзейнасць яна разглядала як службу радзіме: “Для радзімы і трэба – пішы” [1, с. 40].

У паэме надаецца вялікая ўвага грамадскай дзейнасці Э. Ажэшкі і яе асабістаму жаночаму лёсу. Ён не песціў яе, ды і яна не часта пакаралася яго волі, а тварыла сваё жыццё сама, не заўсёды ўкладваючыся ў рамкі існуючай тады мадэлі жаночага лёсу. Не магла не адбіцца на асабістым лёсе яе барацьба за эмансіпацыю жанчыны ў сям’і і грамадстве. Яе жаночае сэрца адпаведна паказана ў паэме: яно добрае і пяшчотнае, але і смелае, і рашучае.

Эліза Ажэшка – асоба незвычайная, выключная па маштабе пісьменніцкага дару, дзейсная і самаахвярная, незалежная і свабодалюбівая. У паэме Л. Русілкі “Зямлі і людзям” яна паўстала перад чытачом яшчэ і велічнай. Такой вызначыла Элізу Ажэшку яе вялікая літаратурная і духоўная спадчына. Зусім не выпадковым з’яўляецца факт напісання паэмы пра Элізу Ажэшку. Яна па сутнасці свайго жыцця тыповая паэмная гераіня.

Літаратура

1. Русілка, Л. Зямлі і людзям: Паэма / Любоў Русілка. – Гродна: ТАА “ЮрСаПрынт” – 2013. – 162 с.

В.М. Самусевіч (Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт)

ТРАДЫЦЫЙНЫЯ ВОБРАЗЫ СВОЙСКІХ ЖЫВЁЛ У ІХ ФАЛЬКЛОРНА-МАСТАЦКІМ ВЫЯЎЛЕННІ (НА МАТЭРЫЯЛЕ КАЗКІ П. СІНЯЎСКАГА “ЗАЧАРАВАНАЯ ГАСПАДАРКА”)

У сучасным свеце, калі вельмі хутка забываюцца народныя правілы і падвяргаюцца сумненню традыцыйныя духоўныя законы, надзвычай важна падтрымліваць сувязь з мінуўшчынай, не даць знікнуць каштоўнасцям, стагоддзямі закладзеным у фальклорнай творчасці. Спасціжэнне культурнай спадчыны павінна адбываецца ў дзіцячым узросце пасродкам знаёмства з мастацкімі творамі, у прыватнасці казкамі, якія даюць магчымасць прасачыць развіццё аксіялагічных поглядаў беларусаў. У чарадзейных казках найбольш ярка ўвасоблены вітальныя каштоўнасці і выразна прасочваюцца рэшткі культу продкаў і татэмізму. Народныя ўяўленні аб свеце, аб гарманічным у ім суіснаванні чалавека і жывёлы, аб маральных каштоўнасцях, аб прынцыпах жыццёвага ладу – усё гэта знайшло адлюстраванне ў чарадзейнай казцы. Менавіта казачныя вобразы і персанажы падчас розных чарадзейных прыгод выяўляюць усё багацце ідэй, ствараюць у дзяцей розныя асацыяцыі, незаўважна фарміруючы стаўленне да свету, вызначаючы чалавечыя паводзіны як ня/добрыя, а ўчынкі як ня/правільныя.

Адным з асноўных заняткаў нашых продкаў была жывёлагадоўля, таму да сваёй скацінкі (*конь*, *карова*, *свіння*), да свойскай жывёлы (*кот*, *сабака*) былі асаблівыя адносіны. «Карова на дварэ, дык і харч на стале». «Конік маленькі, ды даражэнькі». У мове беларускага фальклору ад больш ранніх перыядаў захавалася антрапаморфнае і анімістычнае ўспрыманне свету. Доказам з’яўляюцца наступныя маўленчыя формулы: «Быць на кані», «Дойная карова», «Кошкі душу скрабуць», «Зажываць як на сабаку». Чалавек заўважаў і цаніў у кожнай жывёле пэўныя якасці, якія знайшлі сваё вербальнае ўвасабленне ў маўленчых формулах-пажаданнях: «Здарова, як карова, багата, як зямля, пладавіта, як свіння». Ачалавечваючы прыроду, беларус як бы вёў з ёй пастаянны дыялог, меў зносіны з ёй і адпаведна выпрацоўваў свае паводзіны. Персаніфікаванне прыроды – вынік псіхалагічнай адаптацыі старажытнага чалавека да навакольнага свету, маральна-псіхалагічнае і духоўнае прыстасаванне свету да сябе. Таму свет свойскіх жывёл шырока прадстаўлены як у беларускай міфалогіі, вераваннях, так і ў вуснапаэтычнай творчасці нашых продкаў.

На матэрыяле беларускіх этнаграфічных крыніц намі зроблена спроба вызначыць традыцыйныя вобразы жывёл, апісаўшы наіўную карціну свету беларусаў, створаную рэсурсамі мовы. Прааналізаваны 6032 фразеалагічныя адзінкі, 8325 прымавак і прыказак з мэтай вызначэння ключавых паняццяў. Вызначаныя частотна-статыстычным метадам лексемы выразна паказваюць на праявы этнапсіхалагічнага складу беларускага народа. Так, сфера “свойскія жывёлы” прадстаўлена наступнымі лексемамі (у табліцы прадстаўлены 5 найбольш частотных канцэптаў):

Канцэпт	Колькасць выслоўяў з ужываннем канцэпта	З іх: фразеалагічных адзінак	З іх: прымавак і прыказак
1. Сабака	187	161	26
2. Конь	163	147	16
3. Свіння	108	99	9
4. Кот	86	59	27
5. Карова	63	57	6

Традыцыйныя вобразы свойскіх жывёл у іх фальклорна-мастацкім выяўленні даволі часта сустракаюцца ў творах мастацкай літаратуры. Надзвычай цікавай у плане спалучэння ў мастацкім цэлым сучаснага і традыцыйнага, індывідуальнага і калектыўнага з'яўляецца літаратурная казка. У чарадзейнай літаратурнай казцы выразна адлюстраваны ўяўленні беларусаў аб прадстаўніках жывёльнага свету. Для дзеяцей гэты свет блізкі і зразумелы для асэнсавання. Практычна кожная свойская жывёла так ці інакш была ўключана ў абрадавае поле народных традыцый, з ёй былі звязаны разнастайныя народныя прыкметы, таму, відавочна, гэта знайшло месца ў казачнай прасторы.

Канстанты мыслення ў непарыўнай сувязі з формамі маўлення, замацаваныя ў вуснай народнай творчасці ў якасці розных устойлівых выслоўяў, прыказак і прымавак, сталі своеасаблівай кодавай інфармацыяй аб свеце. Кожны носьбіт нацыянальнай культуры засвойвае гэту кодавую інфармацыю і рэалізуе падчас сваёй маўленчай дзейнасці. Так, і пісьменнік-казачнік у сваёй творчасці абапіраецца на нацыянальную канцэптавую сістэму, якая замацаваная ў прыказках, прымаўках і фразеалагізмах, звязана з матэрыяльнай, сацыяльнай і духоўнай культурай беларускага народа і служыць паказчыкам яго культурна-нацыянальнага вопыту і ментальна-маўленчых традыцый. Менавіта ў ёй дакладна праяўляюцца самабытныя рысы ментальнасці народа, стэрэатыпы ўспрымання і асэнсавання рэчаіснасці, цесна знітаваныя з творчай інтэрпрэтацыяй вобразаў аўтарам.

Спынімся на разглядзе некаторых з традыцыйных вобразаў, якія сустракаюцца ў беларускай літаратурнай казцы Пятра Сіняўскага "Зачараваная гаспадарка" [3]. Гэты твор віцебскага пісьменніка і журналіста рэкамендаваны Міністэрствам адукацыі Рэспублікі Беларусь для вучняў 5-х класаў.

У літаратурнай казцы вобразы, зразумела, не існуюць ізалявана адзін ад аднаго, а ўступаюць у розныя ўзаемаадносіны, ствараючы тым самым спецыфічную сістэму фальклорна-мастацкіх вобразаў. Прычым шматлікія прыкметы дагістарычнага жыцця злучаюцца з элементамі сучаснага сацыяльнага і бытавога вопыту народа, утвараючы своеасаблівы канглamерат.

Вобразы каровы і казы. Як адзначаюць вучоныя, беларусы казу лічылі "нячыстай" жывёлай, якая мае дэманічнае паходжанне. Паводле беларускіх народных уяўленняў, каза – стварэнне чорта і таму знешне падобная да яго [2;538]. Можна меркаваць, што лексема "каза" магчыма па гэтай прычыне не з'яўляецца высокачастотнай у фразеалагічных адзінках, прыказках і прымаўках.

У той час лексема "карова" ўваходзіць у склад дамінантных канцэптаў беларускай фразеалогіі. Шматлікія фалькларыстычныя даследаванні даводзяць, што "ў славянскіх легендах каза як нячыстая жывёла супрацьпастаўляецца карове і авечцы, чыстым божым стварэнням." [4;100]. Рэалізацыя гэтай апавядальнай традыцыі яскрава назіраецца ў казцы П.Сіняўскага, дзе трансфармацыя каровы ў казу з'яўляецца ключавым паказчыкам дзеянняў нячыстай сілы, а таксама адным з важных момантаў у рэалізацыі аўтарскай задумы. *"Залом быў ці не залом, а толькі карова ў Гаўрылы стала казой: пойдзе гаспадар карміць худобу – стаіць яна, жвачку жуе. Толькі вочы занадта сумныя, як бы што сказаць хоча і не можа. Не ўмее. А прыйдзе жонка Гаўрылава з даёнкай – у хляве не карова, а каза. З казы ж малако вядома, хоць ты яе па шэрсці гладзь, хочаш – пугай лупцуй. Падоіць гаспадыня казу, даёнку хусткай накрые і бягом дахаты, каб суседзі такі сорам не ўбачылі. Ды ніяк не народзіцца той чалавек, які б здолеў свет спадмануць: там побач з хлявом алешына расла, на ёй сарока сядзела, усё гэта згледзела і панесла па свеце: «Каза барадой трасе, а Гаўрылава жонка пустую даёнку дамоў нясе»* [3;38].

Назіранні за паводзінамі хатніх жывёл пакладзены ў аснову прадказанняў аб стане чалавека, аб ладзе яго жыцця. Чароўныя трансфармацыі персанажаў нясуць на сабе

адбітак моцнай сувязі народнага фальклору з паганскімі вераваннямі. У казцы любыя змены ў гаспадарцы звязаны са зменамі ў гаспадара.

“А певень ужо другі раз спявае, падганяе Гаўрылу:

Кукарэку, кукарэку –

у каровы малако на языку...

Пагнаў Гаўрыла карову ў поле, прыгледзеўся – у яе пыса ўніз скіравана, вочы на зямлі шукаюць, значыць, і корм яе пад нагамі, а не над рагамі. Так і стаў Гаўрыла зноў разумець мову прыроды – адчараваў-такі Алесь чары Змеевы. З той пары ў Гаўрылы павялася ўзноў гаспадарка, і не была больш карова казой, а сякера – касой.” [3;49]

Вобразы ката і пацукоў (мышэй). У фальклорнай традыцыі кот займае важнае месца. Як адзначаюць даследчыкі, “кот быў не толькі неад’емнай часткай сялянскага быту. З ім звязаны шэраг магічных рытуалаў…” [1;203]. Нашы продкі разводзілі катоў у першую чаргу дзеля таго, каб аберагаць запасы ад мышэй. Так, у народнай легендзе аб сусветным патопе Ной закрыў у каўчэгу хусткай дзірку, якую прагрызла мыш – д’ябалскае стварэнне, а Бог пераўтварыў хустку ў кошку, каб яна лавіла іх [2;545].

Заўважым, што “станоўчыя” канцэпты маюць больш высокі індэкс частотнасці выкарыстання, чым канцэпты, якія нясуць адмоўную канатацыю і ў народным уяўленні звязаны са злом. Так, у беларускім уяўленні з’яўленне мышэй і пацукоў заўжды ата-ясамліваецца з хітрыкамі нячыстай сілы, ведзьмакоў. Калі адбывалася нешта ў хаце нядобрае – чакай нашэсця пацукоў. *“А зверху на ўсе напасці пацукі ў двары завяліся. Гаўрылаў кот Баюн сабе памаўзуе, па гаршках вяршкі злізвае, пацукі сабе ў нару цягнуць, што толькі пад лапу трапіцца. Кот Баюн сядзіць на печы і чаруе сам сябе сваімі ж песнямі, а ў пацукоў у іхніх норах усю зіму паміж сабой дзяльба ідзе – муку на крупы, гарох на жыта...”* [3;38].

Відавочна, што ў літаратурных казках абагульнены веды папярэдніх пакаленняў аб народных уяўленнях. Фальклорна-мастацкая рэалізацыя традыцыйных вобразаў у літаратурнай казцы дазволяе гаварыць пра суаднесеннасць іх з уяўленнямі беларусаў пра матэрыяльнае становішча і стан гаспадаркі, здароўе і хваробы, жыццёвыя выпрабаванні, няшчасную долю, беды, пакуты, сувязь з магіяй, нячыстай сілай, прыроднымі з’явамі, стыхіямі.

Спасцігаючы народную мудрасць, дзеці будзуць лепш разумець акаляючы свет, сваё месца ў ім, змогуць будаваць свае ўзаемаадносіны, абапіраючыся на законы прыгажосці і гармоніі, узаемадапамогі і спачування. Разуменне ролі традыцыі, важнасці набыткаў народнай культуры ў дзіцячым выхаванні дапамагае захаваць у будучым як нацыянальную культуру, так і духоўную пераемнасць пакаленняў. Пісьменнікі як інтэлектуальная эліта інтуітыўна адчуваюць неабходнасць падтрымліваць ніць пераемнасці духоўнай спадчыны дзядоў, што і знаходзіць мастацкае адлюстраванне ў літаратурных казках.

Літаратура

1. Канкаловіч, С. Функцыя анімалістыкі ў літаратуры рамантызму (кот) / Святлана Канкаловіч. Фальклярыстычныя даследаванні. Кантэкст. Тыпалогія. Сувязі: зб.арт. Вып.7 / пад навук.рэд. Р.М.Кавалёвай, В.В. Прыемка. – Мінск: РІВШ, 2010. – С.203-206.
2. Котович, О. Золотые правила народной культуры / Оксана Котович, Янка Крук. – Минск: Адукацыя і выхаванне, 2011. – 592 с.
3. Сіняўскі, П. Зачараваная гаспадарка. Казкі гаспадара Пятра з-пад Полацка / Пятро Сіняўскі. – Мінск: Маст.літ., 2013. – 86 с.: іл.
4. Шаўчук, І. Міфасемантыка казы ў славянскай народнай культуры / Іна Шаўчук. Фальклярыстычныя даследаванні. Кантэкст. Тыпалогія. Сувязі: зб.арт. Вып.7 / пад навук.рэд. Р.М.Кавалёвай, В.В. Прыемка. – Мінск: РІВШ, 2010. – С.98-102.

Т.Н. Сузанская
(Бельцкий государственный университет имени А. Руссо, Молдова)

РОМАНСКИЕ И БЕССАРАБСКИЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ РЕАЛИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Сегодня мир и человек – как никогда ранее – устремлены к диалогу, а не к монологу. Как известно, диалогическое мироощущение впервые было осмыслено в трудах гениального философа и культуролога Михаила Бахтина. Он отмечал, что жизнь диалогична по своей сути: «Повсюду пересечение, созвучие или перебой реплик открытого диалога с репликами внутреннего диалога», писал философ. И далее: «Повсюду – определённая совокупность идей, мыслей и слов проводится по нескольким неслиянным голосам, звуча в каждом по-иному» [1; 459-462]. Так мыслят, по утверждению учёного, автор, персонаж, человек, человечество, т.е. мыслят диалогично, впуская в своё сознание точку зрения «другого». «Мыслящее человеческое сознание и диалогическая сфера его бытия» не поддаются «художественному освоению с монологических позиций», – указывает Бахтин. Всё «диалогизирует» со всем и все со всеми: страна со страной, эпоха с эпохой, человек с человеком, культура с культурой и т.д. В сознание же современного человека диалог буквально врывается.

Диалогические художественные модели литературы и искусства разных времён и народов давно стали предметом аналитического рассмотрения учёных. Сегодня бахтинское понятие диалогичности трактуется весьма расширительно. Появилось много исследований о диахронном диалоге античной и последующих культур, о диалоге Ренессанса и эпохи Просвещения, о диалоге культур XIX и XX вв. и т.п. Не менее интересны работы о синхронных, соположенных во времени культурных диалогах, например, «диалоге» романтиков различных европейских стран в XIX веке.

Область нашего интереса – диалог русской и романской культур. Диалог мы понимаем как непосредственное и опосредованное (типологическое) контактирование литератур, как выявление истинной меры между, например, славянским (русским) и мировым (в том числе романским) искусством, как сопряжение «национальных образов мира» [3], как поиск общности, может быть, скрытой за национальными одеждами, как способность к «всемирной отзывчивости» (вспомним слова Достоевского о Пушкине). Важнейший и плодотворнейший путь гармонизации современной общественной жизни связан именно с диалогом культур, с исследованием «созвучий и пересечений», с поиском таких художественных фактов, в которых поэтическая картина края, например Молдовы, воссоздаётся русским писателем или поэтом.

Вот лишь некоторые краски в богатой палитре поэтической картины Молдовы, созданной русскими писателями и поэтами: стихотворения Льва Ошанина «Молдавия, моя сестра...», Анатолия Жигулина «Белый аист на кресте…», Семёна Липкина «Ломовая латынь», цикл Арсения Тарковского «Степная дудка» и др.

Бунин, написавший замечательную «Песню о Гоце», поэтически тонко и удивительно верно передал исконно национальные тон и лад, и ритм, и образы: «*Каждый год зеленеет к весне старый лес над Днестром и Реутом… Ты, зелёный лист дикой яблони, вы, весенние Кодри, и вы, быстрые реки! Ни сила, ни хитрость, ни талисманы, ни заговоры не спасли бы его от позора. Уж стучали топорами на площади в Яссах, уже вострил палач на белую шею гоца тяжкую секиру…*» Писатель любил это произведение»: «Вот я взглянул на Бессарабию – вот и «Песня о Гоце». Вот и там всё правильно, и слова, и тон, и лад» [2; 669]. Кстати, достаточно произнести небольшой отрывок из «Песни», чтобы ощутить её связь с романским и балканским фольклором, ритмическую и образную близость к народной песне.

В цикле Арсения Тарковского «Степная дудка» поэт расширяет время и пространство диалога русской и романской культур, включая в степную картину южной дунайской природы образ Овидия, отдавая дань пушкинской традиции, смело сопрягая высокий лиризм и прозаизмы, прошлое и современность, «вьюгу» и «латынь». На просторах бессарабских степей русский поэт находит душевное спокойствие и ощущает творческое вдохновение.

Где вьюгу на латынь
Переводил Овидий,
Я пил степную синь
И суп варил из мидий.
Что деньги мне? Что мне почёт и честь
В степи вечерней без конца и края?
С Овидием хочу я брынзу есть
И горевать на берегу Дуная…
С Овидием и я за десть десть
Листал тетрадь на берегу Дуная.

Сферу исследуемого русско-романского культурного диалога нельзя представить без очерков и путевых заметок В.Г. Короленко о Румынии «Над лиманом», «Наши на Дунае», «Нирвана». С большой симпатией Владимир Галактионович описывал быт и характеры простых людей разных национальностей, живущих по берегам Дуная: румын, молдаван, русских (липован), болгар, турков, греков.

В цикле «Наши на Дунае» писатель точно подмечает, что «на косе, обмываемой Дунаем и взморьем – блеск европейской культуры встречается как будто с задворками Азии», он рассуждает о том, как в румынской и болгарской культурах сливаются элементы христианской Европы и мусульманской Турции, как они отражаются в особенностях быта людей, отношениях друг к другу, к природе, к жизни в целом. В этом же очерке Короленко даёт ряд метких социально-политических характеристик, выражая сочувственное отношение к простому люду.

Описания жизни социума соседствуют (как правило, по контрасту) с выразительными картинами природы юго-восточной Румынии. Самые характерные образы пространства: ***солнце, облака, высокое небо, река, море, степь, ветер***. Пейзажи не блещут ничем особенным, в них нет южной пышности, экзотики, необыкновенных красок, великолепия растительности. Они скромны и незатейливы, Короленко скорее прибегает к образной и предметной детализации, «вещному словарю» (Ю. Лотман) нежели к какой-то особенной звукописи или яркой цветописи. Излюбленные тропы:

– персонификация (*пробегают вихри, вынырнул минарет, молчаливый простор Добруджи, ласковое небо, убаюканная память, ровное дыхание степного ветра, мерное дыхание моря*);

– метафора (*солнце заливало мостовую, стальная полоса Дуная, волнистый простор Добруджи, тяжёлая синева неба, обугленный солнцем чабан, сладкое усыпление, степная нирвана*); характерно, что в очерке «Нирвана» Короленко использовал **развёрнутую метафору**, т.е. такую, которая становится сюжетом произведения, основой его содержания, даёт ему заглавие;

– эпитет (*синяя тень, мглистый горизонт, мелодичный, глуховатый плеск, серповидные тонкие крылья, узкий берег, мелодические дойны*);

– сравнение (*море сверкало точно раскалённое серебро, прямая, точно по линейке, полоса морского берега, дикий лук торчит стрелками, высокие ворота рисуются в небе, как виселица; все это бледнело, отодвигалось и исчезало, как след дыхания на стекле, как круги на воде от брошенного камня, как звуки приснившегося когда-то шумного оркестра*).

В очерке «Нирвана» (1913) писатель отразил свои впечатления о поездке в Кытерлез («по самому берегу моря») в 1897 году. Этот очерк представляет собой уникальное художественное единство со ***сквозными образами***: реки, солнца, степи, ветра, песни (дойны), румынского пастуха; ***смысловыми опорами***, например, мыслями о бренности всего сущего и о вечной нирване; ***характерными лейтмотивами,*** например, путешествия, дороги и жизненного пути. Отметим также, что музыкальный характер и ритм очерков Короленко связан с такой стилистической фигурой, как **повтор,** а богатство интонаций помогают выразить **риторические вопросы, восклицания, умолчания** и **антитеза**: «***Всё то же*** *море,* ***всё та же*** *синяя полоса воды,* ***всё те же****, вечно повторяющиеся и вечно изменчивые формы облаков,* ***тот же*** *ветер,* ***те же*** *колыхающиеся над ним камыши плавни… И тысячи лет пролетают над ними, и тысячи лет все так же поют и плещут волны… О чём?..*» («Нирвана»)

Современная политическая жизнь вторгается в «степную нирвану» как нечто противоестественное, инородное. Суете и пустоте общества Короленко противопоставляет величие и вечность природы: «*Не здесь ли истинное* ***блаженство****, завершение всякой философии!* ***Степная нирвана****,* ***сладкое усыпление****, во время которого снится* ***только*** *синее небо,* ***только*** *белые облака,* ***только*** *колыхание травы,* ***только*** *клекот орла,* ***только*** *веяние ветра,* ***только*** *смена дней и ночей,* ***только*** *зной и грозы,* ***только*** *дыхание вечно могучей, вечно живой и всесильной, никогда неразмышляющей природы…»* Выделим контекстуальные синонимы с лексемой «сон». Она осмысливаются писателем амбивалентно: суетные торжества в Констанце и сладкое усыпление степной нирваны, в которую художник проникает во время путешествия, одинаково названы сном, с одной лишь разницей: сон общества, с точки зрения писателя, является фальшью и суетой, а природная нирвана – истиной и покоем. В этом фрагменте читателя завораживает лиризм и полифония, богатство художественной отделки и многообразие использованных приёмов, удивительная музыкальность и ритм, переданные повтором слова «только», а также с помощью однородного членения и номинативной градации.

Вышеизложенное ещё раз подтверждает известную мысль Георгия Гачева о том, что интерференция (наложение национальных образов) – затруднение мнимое. «Столкновение национальных образов мира извлекает искры, которые освещают и тот и другой, – происходит обоюдопознание» [3; 54].

Литература

1. Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М.Бахтин. – М.: Художественная литература, 1972. – 470 с.
2. Бунин, И. Собрание сочинений в 6-ти томах. Т.4 / И.Бунин. – М.: Художественная литература, 1988.
3. Гачев, Г. Национальные образы мира / Г.Гачев. – М.: Советский писатель, 1988. – 26 с.
4. Короленко, В.Г. Наши на Дунае // http://az.lib.ru/k/korolenko_w_g/text_0710.shtml
5. Короленко, В.Г. Нирвана // http://az.lib.ru/k/korolenko_w_g/text_0720.shtml

Т.Ф. Сухоцкая (Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў)

ГАСПАДАРСКАЯ ПАРАДЫГМА Ў БЕЛАРУСКАЙ КУЛЬТУРЫ

Асоба як індывідуальны суб’ект культуры інтэнсіўна ўплывае на якасць працэсаў культурнай дынамікі, фарміруе каштоўнасныя прыярытэты грамадскага жыцця. У якасці пэўнага сацыяльна-палітычнага ідэала ў беларускай культуры выступае постаць гаспадара як сімбіёз сацыяльных якасцей і духоўна-маральных дабрачыннасцей асобы – адукаванага і мудрага дзяржаўнага кіраўніка. У сучасных умовах духоўнага і эканамічнага крызісу, сітуацыі “на ростанях” паўстае неабходнасць правільнага выбару шляхоў выратавання. Вырашэнне сітуацыі патрабуе актывізацыі

сэнсатворных магчымасцей нацыі, асобы, рэалізацыі нацыянальных духоўных каштоўнасцей ў сацыяльным будаўніцтве. Рэальны патэнцыял суверэнных суб'ектаў культуратворчасці дэтэрмінаваны гаспадарскай парадыгмай, якая была вызначальнай і дзейснай на розных этапах развіцця беларускай культуры.

Галоўным культурным героем народнага эпасу і каляндарнай паэзіі з'яўляецца дбайны, адказны гаспадар, які вылучаецца пачуццём адказнасці ў яго стаўленні да зямлі і людзей. У яго вобразе спалучаюцца якасці сейбіта і воіна. "Ёсць падставы меркаваць, што гаспадар выцесніў багоў яшчэ ў часы аграрнай рэвалюцыі ў першым тысячагоддзі да новай эры. На карысць гэтага меркавання сведчаць гімны беларускага земляробчага календара" [1, с. 242]. Беларуская гаспадарская свядомасць арыентавана на тварэнне хараства, пераўтварэнне зямлі ў квітнеючую ніву. Маральным імператывам становіцца – жыць чалавекам, аздабленне рэальнага зямнога жыцця, пераўтварэнне яго ў "казку жыцця" (Якуб Колас).

Гаспадарская парадыгма вызначыла змест каштоўнасных прыярытэтаў у часы станаўлення беларускага этнасу і нацыі. На яе арыентаваліся Ф. Скарына, А. Волан, А. Алізароўскі, К. Каліноўскі. Словам "гаспадар" афіцыйна называлі кіраўніка дзяржавы ВКЛ, а княства – гаспадарствам. У рэальнай гісторыі гэтаму ўзору найбольш адпавядаў Вітаўт, вобраз якога апаэтызаваны ў паэме Міколы Гусоўскага "Песня пра зубра". У народнай культуры князь Вітаўт выступае міфалагічным персанажам, валодае рысамі дэміурга. Паданні пра Вітаўта актуалізуюць яго велізарны рост, сілу, суадносяцца з пашыраным у беларускім фальклоры матывам аб велікалюдах-волатах, якія ў час небяспекі выйдуць з гор і будуць бараніць Беларусь. Дзяржава пры кіраванні Вітаўта дасягае найвышэйшай магутнасці, што дало падставы ўслед за сучаснікамі назваць эпоху яго княжання «залатым векам». Ідэалізацыя асобы Вітаўта абумоўлена зместам гаспадарскай парадыгмы, які вызначаны ў беларускай грамадскай і філасофскай думцы ў эпоху Адраджэння. У нацыянальнай культуры асуджаецца тыранія, прыгнечанне з боку ўладара. Вялікі князь ВКЛ у гэтым ракурсе разглядаецца ў якасці гаспадара Бацькаўшчыны, першага сярод роўных, чыя ўлада заснавана на ўласным аўтарытэце, павазе, а не сіле і прымусе. "Дзяржава абапіраецца больш на мужнасць духу, чым на сілу цела", – сцвярджае Мікола Гусоўскі [2, с. 3]. Рэалізацыю гэтага прынцыпа ў сацыякультурнай практыцы пацвярджае Аўгусцін Ратундус у "Размове Паляка з Літвінам", у якім катэгарычна адмаўляе вызначэнне Вялікага Княства Літоўскага як «дзяржавы нявольнікаў», дзе адвеку панавалі прыгон і ўціск [3, с. 532]. Паводле сцвярджэння мысліцеля, беларускія падданыя заўсёды шанавалі сваіх гаспадароў, бо бачылі ў іх прыклад самаадданага служэння Айчыне. Як бачым, постаць кіраўніка-гаспадара ўключала ў сябе не толькі працэсы кіравання і панавання, але першапачаткова выцякала з тагачасных уяўленняў аб маральнасці. У "Песні пра зубра" Мікола Гусоўскі лічыць, што галоўнай асаблівасцю дзяржаўцы перад багаццем і шчасцем зямным павінна стаць багацце духоўнае. Паэт акцэнтуе ўвагу на сувязі маральных дабрачыннасцей чалавека з натуральна-прыродным асяроддзем. Гаспадарская парадыгма не пярэчыла зместу ідэалогіі літвінізму, які грунтаваўся на каштоўнасцях народнай культуры і рыцарскай годнасці.

Важнай катэгорыяй у беларускай духоўнай культуры з'яўляецца паняцце свабоды. Ідэя індывідуальнай, суб'ектыўнай свабоды ў эпоху беларускага Адраджэння ў значнай ступені абмяжоўвалася інтарэсамі агульнага дабра. На думку Сымона Буднага ("Аб уладзе і ўсялякім урадзе") прыярытэт дзяржаўных інтарэсаў, а не ўласная карысць павінен вызначаць постаць хрысціянскага гаспадара [4, с. 211]. У гэтым ракурсе Францыск Скарына разглядае чалавека як істоту грамадскую, сцвярджае прымат агульнага дабра,

“паспалітага добрага”, перад індывідуальным. Толькі ў грамадстве, разважаў ён, жыццё чалавека напаўняецца сапраўдным сэнсам, таму людзі павінны навучыцца жыць грамадой. Грамадскае жыццё патрабуе ад чалавека бескарыслівага служэння “пажытку паспалітаму”, выкарыстання ўсіх сваіх здольнасцей і дараванняў у інтарэсах агульнага дабра. У прадмове да “Кнігі Эсфір” ён наступным чынам фармулюе сваё разуменне грамадскага абавязку: “Не толико бо сами народихомся на свет, но более ко службе божией и посполитого доброго” [5, с. 109]. Паводле ўяўленняў Ф. Скарыны, сутнасцю сацыяльнага вучэння апосталаў з’яўляўся пошук згоды паміж слугамі і гаспадарамі, паміж валадарамі і іх падданымі. Пытанне ўзаемаадносін паміж багатымі і беднымі мысліцель вырашаў цалкам у гуманістычным рэчышчы. Услед за апосталам Паўлам ён заклікаў багатых ніколі не крыўдзіць бедных, памятаць пра тое, што галоўнае багацце хрысціяніна – душэўная шчодрасць. З іншага боку, кожны падданы мусіць выконваць распараджэнні гаспадароў і агульнагаспадарскія законы. Такім чынам, у грамадстве будуць дасягнуты мір і парадак, што паслужыць надзейным падмуркам для росквіту і дабрабыту [3, с. 126].

Вялікі князь, гаспадар, не быў адзінаўладцам, але прызнаным аўтарытэтам, вырашальнай фігурай, канчатковай інстанцыяй. “Справа гонару хрысціянскага гаспадара – акружаць сябе мудрымі, вучонымі і вернымі людзьмі, якія б заўжды маглі дапамагчы ці падказаць штосьці ў складаных абставінах”, – сцвярджае Сымон Будны [4, с. 212]. Прыкладамі ідэальных дзеячоў Францыск Скарына лічыў канкрэтных гістарычных асоб (Саламона, Пталямея Філадэльфа, Ісуса Сірахава), паказваў значнасць іх спраў і веліч учынкаў. Асаблівай каларытнасцю вызначаецца вобраз егіпецкага цара Пталямея Філадэльфа ў “Прадмове да кнігі “Ісус Сірахаў”. Пісьменнік паказвае велізарную асветніцкую місію цара Пталямея ўзнёслымі словамі: “Цар Пталямей Філадэльф быў незвычайным міласнікам навук і мудрасці. Ён вырашыў пакінуць пра сябе вечную славу і памяць як прыхільнік кніг і навук, а не як збіральнік царскіх скарбаў, што хутка мінаюць” [5, с. 44]. Праблема гаспадара, уладара дасканала адлюстравана ў трактаце Андрэя Волана “Пра дзяржаўнага мужа і яго асабістыя вартасці”. Як дзяржаўны дзеяч Волан з’яўляўся непахісным прыхільнікам прававой дзяржавы. Усебаковы аналіз рэчаіснасці, вывучэнне разнастайных чыннікаў грамадскага жыцця прывялі яго да цвёрдага перакананння неабходнасці прававой дзяржавы, “дзе пануюць законы, а не асобы” [6, с. 11]. У сваім трактаце мысліцель стварае ідэальны вобраз дзяржаўнага дзеяча, вызначальнымі рысамі якога павінны стаць мудрасць, дабрачыннасць, шчодрасць.

Такім чынам, паняцце “гаспадара” адлюстроўвае ўсю сукупнасць функцый і роляў, што выконвалі дзяржаўныя дзеячы Вялікага Княства Літоўскага. Асоба гаспадара цесна звязана з феноменамі дому, роднага кута, справядлівасці. Вобраз гаспадара быў для беларускага грамадства эпохі Адраджэння пэўным ідэалам, што канкрэтызаваўся ў культурнай і сацыяльна-прававой сферы.

У процівагу этычнай канцэпцыі, сфармуляванай на беларускіх землях, у еўрапейскай культуры пануючай становіцца сілавая канцэпцыя манарха, якога Эразм Ратэрдамскі ў першую чаргу абвяшчае “воінам Хрыста”. Асоба ўладара эпохі Рэнесансу тут больш секулярызаваная, чым асоба вялікага князя. Італьянскі палітычны і ваенны тэарэтык Нікола Макіявелі ў сваім трактаце “Уладар” сцвярджаў, што ўладар знаходзіцца па-за межамі дабра і зла, яго маральны светапогляд зыходзіць з установак прагматызму: “Манарх, калі ён хоча захаваць уладу, павінен набыць здольнасць адступаць ад дабра і карыстацца гэтай здольнасцю па меры неабходнасці” [7, с. 44]. У сваёй канцэпцыі асобы Н. Макіявелі даходзіць да праяў крайняга індывідуалізму, які асуджаецца ў беларускай культуры.

У эпоху Асветніцтва ідэя гаспадара ўвайшла ў этыку фізіякратаў і выявілася ў плённай дзейнасці беларускіх асветнікаў І. Храптовіча, А. Тызенгаўза і інш. Высокі ўзровень агракультуры спалучаўся з актыўнай дзейнасцю ў сферы духоўнай, мастацкай культуры. У сядзібах і маёнтках ствараюцца "культурныя ідыліі": тэатры, балетныя трупы, бібліятэкі і г.д.

У творчасці В. Дуніна-Марцінкевіча гаспадарская парадыгма паказана праз мадэфікаваныя вобразы "добрых паноў". Свядомае "прыхарошванне" сялянства, ідэалізацыя адносін гаспадароў і падданых былі скіраваны на кансалідацыю грамадства, на панаванне згоды і міру. Перавага аддавалася эвалюцыйнаму шляху ўдасканалення грамадства.

У рэчышчы гаспадарскай парадыгмы культура нацыянальнага адраджэння ішла да ўсведамлення неабходнасці абноўленай зямлі. У "Новай зямлі" Якуба Коласа раскрываецца харство і разнастайнасць "тутасці", тут-быцця. Зямля эстэтызуецца, сакралізуецца. У выніку была сцверджана магчымасць адраджэння паэтычнай інтэрпрэтацыі быцця, пераадолення бездухоўнага існавання. Утапічны ідэал беларуса-селяніна ўвасабляецца ў мары пра магчымасць свабоднай працы на сваёй зямлі, у імкненні ператварыць яе ў квітнеючую ніву, у "казку жыцця".

Разбурэнне гаспадарскай парадыгмы пачынаецца з часоў калектывізацыі, калі зямля пачала ўспрымацца бальшавіцкімі ідэолагамі толькі як важнейшы сродак вытворчасці. Руйнуюцца гаспадаркі, абясцэньваюцца сакральныя, інтымныя адносіны селяніна з зямлёй. Спробы практычнага ўвасаблення гаспадарскай парадыгмы ўвасоблены ў дзейнасці наркама земляробства Прышчэпава, які рабіў стаўку на культурныя гаспадаркі, падтрымліваў курс хутарызацыі, які не супярэчыў, не ламаў асновы народнага светапогляду. Трагічныя вынікі калектывізацыі аб'ектыўна паказаны ў творах М. Зарэцкага ("Вязьмо"), Я. Коласа ("Адшчапенец"), П. Галавача ("Спалох на загонах"), В. Быкава ("Знак бяды", "Аблава", "Ваўчыная яма").

Такім чынам, гаспадарская парадыгма ў беларускай культуры была гарантам захавання культурнай прасторы. У сучасных умовах яна выступае сродкам фарміравання нацыянальнай самасвядомасці і механізмаў духоўнай самарэгуляцыі, пачуцця індывідуальнай годнасці і адказнасці за існуючы парадак рэчаў. Патэнцыял гаспадарскай парадыгмы можа і павінен быць рэалізаваны ў сацыяльным вопыце нацыянальнай культуры.

Літаратура

1. Рагуля, Аляксей. "Адвечны шлях! Калі ж, калі? – Полымя, № 11-12. – Мінск, С.238-260.
2. Гусоўскі, М. Песня пра зубра / М. Гусоўскі; пер. с лац. У. Шатона. – Мінск: БГАКЦ, 1994. – 47 с.
3. Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі: у 6 т. / В. Б. Евароўскі [і інш.]; рэд. кал.: В. Б. Евароўскі [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т філасофіі. – Мінск: Беларус. навука, 2008. – Т. 2: «Протарэнесанс і Адраджэнне" – 840 с.
4. Старажытная беларуская літаратура (XII-XVII стст.) / Уклад, прадм., камент. І. Саверчанкі - Мінск: Кнігазбор, 2010. – 605 с.
5. Скарына, Ф. Выбр. тв. / Ф. Скарына; уклад., прадм., пер. на бел. мову І. В. Саверчанкі. – Мінск: Беларус. навука, 2008. – 110 с.
6. Волян А. Аб грамадзянскай, або палітычнай свабодзе : [пераклад з лацінскай] / Андрэй Волян. - Мінск : Выдавец З. Колас, 2009. - 142 с.
7. Макиавелли, Н. Государь; Рассуждения о первой декаде Тита Ливия; О военном искусстве / Н. Макиавелли; пер. с итал. – Минск, 2009. – 84 с.

Ю.С. Фираго (Гродненский государственный университет имени Я. Купалы)

ЖАНРОВО-КОМПОЗИЦИОННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ КНИГИ «Я ИЗ ОГНЕННОЙ ДЕРЕВНИ…» А. АДАМОВИЧА, Я. БРЫЛЯ И В. КОЛЕСНИКА

В период Второй мировой войны, как известно, мощнейшей «машиной»массового уничтожения людей был фашизм. Гитлер и его сторонники начали реализацию своей идеологии незамедлительно, планомерно, беспощадно и целенаправленно. Поставив перед собой план уничтожить как можно больше людей и не оставить ни одного свидетеля преступлений, фашисты выполняли его до конца. Истреблялись не только неугодные фашизму борцы, но и народы, не стал исключением и народ белорусский.

Известно, что территория Беларуси в разные периоды своего существования была ареной боевых действий. Что касается Второй мировой войны, то на Беларусь наступала самая мощная группировка немецких войск – группа армий "Центр". На территории страны развернулось беспрецедентное по своей массовости и упорству антифашистское сопротивление. Все эти действия не могли не отразиться на сознании белорусов, в том числе и передовой интеллигенции. Именно в этой связи спустя два десятилетия после окончания войны у трех белорусских писателей – Алеся Адамовича, Янки Брыля и Владимира Колесника возникло желание запечатлеть в народной памяти удивительный характер советского народа, вынесшего невероятные испытания и победившего в справедливой войне с фашистами. Вот что об этом говорит сам А. Адамович: «Пройти через такую войну, такие страдания и такую ненависть и сохранить «душу живу» – какой для этого «душевный потенциал» должен был иметь народ! Какую силу человечности!» [1; 61].

На протяжении четырех лет писатели собирали материал для книги: ездили по деревням, которые во время войны вместе с жителями были уничтожены фашистами, записывали пронизанные болью свидетельства на магнитофонную ленту, создавая коллективный портрет не только советского народа, но и всего человечества, которому невольно довелось испытать на себе произвол фашизма. В результате совместной работы писателей, с одной стороны, и участников войны, с другой, – в основу книги легло более трехсот исповедей, каждая из которых олицетворяла свою трагическую историю.

Проделав огромную работу, А. Адамович, Я. Брыль и В. Колесник воплотили в произведении главный замысел – «сберечь, удержать, как «плазму», невыносимую температуру человеческой боли, недоумения, гнева, которые не только в словах, но и в голосе, в глазах, на лице, удержать все то, что, как воздух, окружает человека, который рассказывал нам, а теперь со страниц книги обращается к читателю — к вам обращается» [2; 12]. В результате возникло принципиально новое в жанровом отношении документально-художественное философско-психологическое произведение. Книга «Я из огненной деревни…» (магнитофонные записи воспоминаний уцелевших жителей сожженных деревень) стала настоящим отходом от стилевой инертности белорусской военной прозы, которая существовала в 70-е годы. Именно она положила начало «репортажу с места исторического события», репортажу-воспоминанию. Жанр репортажа из прошлого, в котором выдержана книга, возобновляет народную память, состоящую из множества правдивых рассказов о человеке на войне. В соавторстве с писателями был не просто народ, а живая человеческая память. Выражаясь словами М.П. Катюшенко, книгу «Я из огненной деревни» можно отнести к литературе свидетельских показаний. «Неважно, кто дает их, герой или непосредственно автор от своего имени. То и другое обнаруживает стремление довести художественную правду до предельной обнаженной достоверности вплоть до отказа от вымысла» [5;17]. Авторы книги «Я из огненной деревни» были ориентированы в своей работе на объективное воспроизведение доверенных им воспоминаний. Записывая исповеди на магнитофонную ленту, они сумели вос-

создать живые голоса, приблизить воочию страшную военную реальность. При этом, по словам В. Д. Оскоцкого, «выслушивая и записывая собеседников, каждый из соавторов-летописцев настолько проникался их невыдуманными исповеданиями, так органично вживался в них, как бы растворял свою писательскую индивидуальность в интонационном, лексическом, стилевом строе склишированного повествования. Доминантой его, естественно, становилось не авторского лица не общее выраженье, а выраженье лица того, кто приобщает к своей памяти, боли, трагедии» [6; 101].

Книга «Я из огненной деревни…» – это трансформация воспоминаний в письменные документы, поэтому можно утверждать, что она является скорее документом, чем литературным произведением. Повествование развертывается в направлении охвата существенных сторон описываемых событий: авторы концентрируют внимание на последствиях Второй мировой войны, которые рассказчики пропускают через свою душу. Тем не менее, ценность представляет не только фактографический, достоверный материал, в частности память очевидцев о трагедии белорусских деревень, но и психологический аспект – сопереживание, осмысление воспоминаний и соучастие рассказчиков в беседе. Первостепенное значение в книге имеет жажда «человековедения». Писатели акцентируют свое внимание «на те участки души, где особо болезненны ее изломы, где изломы судьбоносны, где пролегает грань между человеком и видимостью человека, проявляющаяся особенно отчетливо в ситуациях экстремальных» [3; 30]. В книге «Я из огненной деревни…» рассматриваются, с одной стороны, лучшие качества человека, с другой – исследуется его низость, подлость, жестокость, поскольку война столкнула лицом к лицу два противоположных полюса человеческой натуры. Несмотря на то, что в произведении представлены две противоборствующие силы: фашизм и белорусский народ, крупным планом даны не палачи, а жертвы, не изверги, а люди, которые смогли в кровавом кошмаре сохранить моральные ценности и победить свой страх. Авторы оказываются своеобразными регистраторами репортажно подаваемой информации. Помня о личном и моральном началах в документально-художественной прозе, они свели количество своих комментариев к минимуму. Неслучайно повествование ведется от первого лица: А. Адамович, Я. Брыль и В. Колесник стремятся передать подлинность пережитого и виденного, донести до читателя дыхание былого, поэтому рассказ ведется от имени самих героев, свидетелей и участников событий. Повествование о войне отличается принципиальной правдивостью, которой писатели достигают с помощью особого характера изложения событий: сохраняют все речевые особенности непосредственных участников описываемых событий. Это позволяет дать реальное представление о местности, рассказчиках и масштабности трагедии.

Исключив из текста свои комментарии, авторы видели свою задачу в другом – расположить материал так, чтобы показать главную проблему произведения, нацелить на нее внимание читателя. Главная роль принадлежит героям, от имени которых ведется повествование. В книге превалирует насыщенный событийный фактор, который достигается с помощью монтажа документального материала. «Я из огненной деревни…» А. Адамовича, Я. Брыля и В. Колесника является своеобразной панорамой литературного описания фактов, событий, виденного и пережитого. В произведении фигурируют реальные люди, достоверность жизни которых определяется фрагментами повествования, дающими представление о роде их деятельности, служебном положении, социальном статусе. Важно отметить, что все это сопровождается богатым иллюстрированным материалом. Следуя примеру Антуана де Сент-Экзюпери и Бруно Шульца, которые впервые соединили художественное слово с изобразительным искусством, сопроводив текст собственными рисунками. Это помогло усилить эффект воздействия произведения на читателя. Авторы исследуемого произведения заменили рисунок фотографиями с места событий. Как отмечает А. Иверс, они «… в алфавитном порядке, по-демократически, поставили под этим произведением свои подписи. И не

нужно догадываться, кто из них лучше. Не нужно. Только разрешите отметить, что снимки с огненных деревень по-мастерски сделал Владимир Андреевич. В то время, когда два других мастера занимались другими важными делами для будущей книги… » [4; 13].Это очень сложная творческая задача, с которой В. Колесник успешно справился. Фотография предусматривает высокую эмоциональность. Она имеет собственные средства выразительности, свой специфический язык, где образное восприятие мира ставит перед собой цель сохранение строгой документальности. Именно документальность помогает формировать отношение к времени и людям. Иллюстративный материал, помещенный в книге «Я из огненной деревни…», свидетельствует о глубоком понимании авторами человеческих характеров. Герои фотоснимков – простые люди, они рассказывают о своих судьбах. Читатель не может услышать их голосов, они остались на магнитофонных записях, однако, если внимательно присмотреться к фотографиям, то в глазах героев можно увидеть полыхание костров, в которых горели их родные и односельчане. Такие фотоснимки вызывают в душе зрителей эмоциональный отклик, представляющий обобщенный образ народа и людей-мучеников, которые выжили волей судьбы. Фотографичный материал в книге «Я из огненной деревни…» введен авторами с целью эмоционального воздействия на сознание и психологию читателя. Несмотря на трагическую сущность, сцены книги «Я из огненной деревни…» должны остаться в памяти людей. Это свидетельства непосредственных участников войны, их нестерпимая боль и заповедь потомкам.

Из всего вышесказанного можно заключить следующее: книга «Я из огненной деревни…» положила начало новому в белорусской художественной литературе жанру «репортажу с места событий». Живые свидетельства, хранящиеся на кассетах, одновременно приобретают и статус документа, и статус художественной прозы с новым героем, и новой концепцией автора.

Литература

1. Адамович, А. Война и деревня в современной литературе / А. Адамович. – Минск: Наука и техника, 1982. – 197 с.
2. Адамович, А. Я из огненной деревни… / А. Адамович, В. Колесник, Я. Брыль. – М: Советский писатель, 1991. – 710 с.
3. Бойка, У. Алесь Адамович / У. Бойка. Мінск: Беларусь, 1989. – 88 с.
4. Іверс, А. Пра Ул. Калесніка. / А. Іверс // ЛіМ – 16 мая, 2003. – С. 13.
5. Катюшенко, М. Жанровые особенности и тенденции развития современной советской документально-художественной прозы о Великой Отечественной войне: Автореф. дис. ... к-та филол. наук: 10.01.02 /Академия общественных наук / М. Катюшенко. – М., 1987.– 23 с.
6. Оскоцкий, В. Д. Мозаика памяти / В. Д. Оскоцкий. – М: Пик, 2008. – 414 с.

С.С. Хоха (Гродненский государственный университет имени Я. Купалы)

ТРАДИЦИИ ФЕДОРА ДОСТОЕВСКОГО В РОМАНЕ УИЛЬЯМА ГОЛДИНГА «ШПИЛЬ»

«Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком»

Ф.М. Достоевский

«Факты жизни приводят меня к убеждению, что человечество поражено болезнью... Это и занимает все мои мысли. Я ищу эту болезнь и нахожу ее в самом доступном для меня месте – в себе самом. Я узнаю в этом часть нашей общей человеческой натуры, которую мы должны понять, иначе её невозможно будет держать под контролем. Вот поэтому я и пишу со всей страстностью, на какую только способен...»

Сэр Уильям Голдинг

Творчество Ф.М. Достоевского в силу его значимости, постановки философских и этических проблем, широкому охвату действительности, универсальности идей привлекало внимание как его современников, так и последующих поколений.Достоевский считал, что каждому человеку присуще творить. Пока он будет жить, он будет творить, выражать себя. И он жил в борьбе мнений и взглядов, в творении бессмертных произведений русской литературы. Всю свою жизнь он посвятил раскрытию главной темы своих исканий – темы Человека. Он открыл много неизведанного, показал Человека во всевозможных столкновениях с жизнью.

Уильям Голдинг, английский романист, является одним из интереснейших писателей XX века, творчество которого также занимает умы широкого круга читателей различных стран (романы У. Голдинга переведены на многие языки мира) и привлекает пристальное внимание литературоведов и критиков. Вечная тема, которая является стержнем всех философских исканий писателя, звучит лейтмотивом его творчества – тема Человека и его двойственной природы, Человека, в душе которого идет постоянная борьба двух противоположных начал. Зло, наблюдаемое во внешнем мире, является проекцией внутреннего зла. Бороться с ним можно и нужно, главное – чтобы человек знал о существовании этой «болезни». Именно в изображении противоречивости человеческой натуры и видел Голдинг свое предназначение как писателя.

Эти два писателя принадлежат к различным литературным эпохам. Однако проблемы, которые Достоевский поднимал в своем творчестве, во многом созвучны с проблематикой прозы Голдинга. И Федора Достоевского и Уильяма Голдинга отличает глубокий интерес к социально-этическим проблемам природы человека, нравственному прогрессу, проблеме добра и зла, смысла человеческой жизни.

Роман «Шпиль», написанный в русле философско-аллегорической притчи, является одним из лучших и сложнейших произведений У.Голдинга. В нем нашли отражение все основные темы, волнующие Голдинга на протяжении его творческого пути: соотношение разума и веры, рационального и интуитивного, нравственного и безнравственного в природе человека, борьба между Добром и Злом, происходящая в душе человека, необходимость духовного самоанализа на пути к прозрению, страшная цена, которую приходится платить за достижение великих целей. Но обилие сложных вопросов, поднятых в романе, не создает впечатления чрезмерности и искусственности, ибо ведущая тема произведения – тема двойственности, «разорванности» человеческой личности – обусловливает все сложные ходы и коллизии романа, соединяет в себе весь спектр философских проблем произведения.

Роман «Шпиль» представляет детальное исследование темных глубин человеческой души главного героя книги – настоятеля собора Пресвятой Девы Марии Джослина, который возводит над ним новый шпиль. Его деятельность окружающие называют «Джослиновым безумством», ибо под стоящим на зловонном болоте собором нет фундамента. Одержимый этой идеей Джослин приносит в жертву не только себя, но и других людей, которые перестают быть для него божьими тварями, а превращаются в «*строительный материал*», инструмент, «*притупляющийся, как плохой резец, или срывающийся, как топор с топорища*» [1; 122]. Священник являет собой олицетворение дуализма эпохи; его дух, то просветленный, то помраченный – арена противоборства между Ангелом и Дьяволом. Роман призван подтвердить неоднозначность человеческой натуры, сосуществование и причудливое совмещение в ней светлого и темного, высокого и низкого. В романе поднимаются вопросы сложности, многообразия самой жизни и о двойственной природе, и даже, казалось бы, самых «святых» стремлений и поступков человека.

Исследователи неоднократно отмечали художественное своеобразие романов У. Голдинга. Так же, как и у русского классика Достоевского, у Голдинга выделяются два

плана повествования: внешний – сюжетный (открытый текст) и внутренний – психологический, исполненный глубинного философского и символического смысла, являющийся своеобразным подтекстом. Внутренний план, безусловно, доминирует в романах обоих авторов, заслоняя собой бытовые подробности.

Все композиционные элементы романа Ф. Достоевского: портреты, пейзажи, интерьер, бытовые детали, сны героя, диалоги и внутренние монологи – подчинены единой задаче, – передаче внутреннего состояния героя, динамики его душевной жизни, Достоевский изображает своих героев в минуту крайнего напряжения, мы видим его персонажей в состоянии бреда, слабоумия, болезни. В центре внимания писателя – душевные потрясения человека, приводящие к разорванности психики. Джослин, главный герой романаУильма-Голдинга «Шпиль», полностью находится во власти своей великой идеи-страсти, фанатично следует своей теории, и это приводит его к утрате контроля над реальностью. Шпиль становится и высокой мечтой, и наваждением, и дьявольской одержимостью. Этапы возведения шпиля отражают изменения в сознании главного героя, его заблуждения, и впоследствии приводят его к последующему преодолению ошибок и постепенному, мучительному прозрению. Все события романа слиты воедино и сконцентрированы на внутреннем мире Джослина, поэтому становятся неотделимыми от его личности.

Исследователи творчества Ф. М. Достоевского не раз отмечали свойственное ему стремление к контрасту внешнего и внутреннего начал существования личности определяются стремлением автора подчеркнуть двойственную природу человека. В философии русского писателя эта мысль занимала значительное место. Человек, по мнению Достоевского, греховен по своей природе, добро сосуществует в душе его со злом. Так, в романе «Преступление и наказание», стремясь к глубокому психологическому раскрытию характеров героев, он использует принцип двукратного портретирования. Суть его состоит в том, что первый портрет героя представляет описание его внешности, это как будто взгляд незнакомого человека со стороны. Второй портрет героя открывает уже его внутреннюю сущность. Скажем, в «Преступление и наказание» Достоевский дает первый портрет Раскольникова, в котором он *«замечательно хорош собою, с прекрасными темными глазами, темнорус, ростом выше среднего, тонок и строен»*[2; 6]. Характерно, что в описании внешности героя нет никаких порочных черт. Изначально, по своей природе, Раскольников – не убийца. В натуре героя были черты, свойственные детям: безрассудство, впечатлительность, способность к иррациональным поступкам. Однако фанатизм, идеи, полностью подчинившие себе сознание, могут поставить нормального человека на грань добра и зла.

Второе описание Раскольникова Достоевский дает уже после совершения им убийства Алены Ивановны и Лизаветы: *«<…>Раскольников был почти здоров, <…>, только был очень бледен, рассеян и угрюм. Снаружи он походил как бы на раненого человека, или вытерпливающего какую-нибудь сильную физическую боль: брови его были сдвинуты, губы сжаты, взгляд воспаленный»*[2; 177].

Главный герой Голдинга Джослин в первых главах романа, где изображено начало сооружения шпиля, показан «лучащимся благостным ликованием», он испытывает радость, выступает в ореоле солнечного сияния (*agloryofsunlight*). Джослин радостно смеется, глядит вверх (*chinup, chinlifted*) и воображает будущий шпиль с неимоверной высотой, доходящей до четырехсот футов. Он мнит себя преисполненным великой веры и всеобъемлющей любви во Христе, боговдохновенным, освещенным лучами Божьей славы и величия: *«Я творю волю Твою и Ты послал вестника Твоего, дабы утешить меня»*[1; 23].

Однако по мере строения шпиля в сознание Джослина проникает ощущение двойственности своего положения. В его душе поочередно обитают то Ангел, то Сатана: *«И тогда его ангел простер крыла, которыми закрывал свои раздвоенные копыта, и вытянул его по всей спине раскаленным добела цепом»*[1; 214]. Борьба между Ангелом и

Сатаной за душу Джослина, происходящая в воображении героя, – одно из иносказательных средств драматизма его переживаний.

Психологические конфликты приводят к внешним и внутренним изменениям его натуры. Наружность и поведение Джослина меняются: глаза горят все более безумным огнем, все чаще ему не удается сдерживать *«визгливый смех»*, все больше времени он начинает проводить наверху с мастеровыми. Герою кажутся мистическими его внутренние изменения, но автор дает им реальное толкование: они связаны с туберкулезом позвоночника.

Еще один ключ к пониманию внутреннего мира человека – прием внутренних монологов героев, а точнее потока сознания, показанного как дискуссия героя, которую он ведет с самим собой в его душе. Достоевский изображает спутанность мыслей Раскольникова, их обрывки, прерывистые фразы, судорожность физических движений и т.д. Раскольников, постоянно обдумывая свои поступки, занимается самоанализом, все время спорит с самим собой, рассуждает, кто же он: «*тварь дрожащая*» или «*право имеющий*».

Настоятель Джослин также обращается к, казалось бы, беспристрастному самоанализу и анализу своего внутреннего мира, в ходе которого начинает осознавать, какую страшную цену он платит за собственные ошибки, за незнание своей души: «*И что мне небо, если мне невозможно подняться туда вместе с ними, держа за руку его и ее?*» [1; 252].

Иногда в его голове рисуются образы рухнувшего шпиля, вместе с которым падает и он сам: «*Колпак высотой в полтораста футов затрещал, стал с грохотом расползаться и рушиться, среди пыли и дыма, все быстрей и быстрей, взметая пламя и искры, падал, сокрушая неф, и каменные плиты пола прыгали как щепки, пока развалины не погребли их под собой. Он ощутил все так ясно, словно сам рухнул вместе с устоем, который навис над аркадой, согнувшись коленом, и разнес книгохранилище, словно гигантский цеп. Он открыл глаза – от стремительного падения его мутило*» [1; 135].

Таким образом, сложное сплетение динамичного повествования и потока сознания, смешение яви и видений, символов и образов, созданных подсознанием, приведенных к депрессивности психологии, – все эти черты прозы Ф. М. Достоевского активно использованы и У. Голдингом.

Литература

1. Голдинг, У. Шпиль: роман / У. Голдинг; пер. с англ. В. Хинкиса. – Москва: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 254 с.
2. Достоевский, Ф.М. Преступление и наказание: Роман. В 6 ч. С эпилогом / Ф. М. Достоевский. – М.: Просвещение, 1982. – 480 с.

Л.И. Шевцова (Витебский государственный университет имени П.М. Машерова**)**

СПЕЦИФИКА ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ НАЗВАНИЙ В ПРОЗЕ Л. УЛИЦКОЙ

Современный уровень полноценного прочтения произведений художественной литературы предполагает, что читатель, реципиент, готов к дешифровке присутствующих в нем интертекстуальных кодов, которые могут быть в разной степени интегрированы в ткань художественного полотна. Читатель, включенный в такой текст, ставит своей задачей реализовать собственный культурный потенциал и привести в движение, заставить «заговорить» те коды, те элементы интертекста, которые выступают в роли конструктивного текстообразующего фактора.

Мы обратимся к некоторым прозаическим текстам Л. Улицкой, названия которых (а название является сильной позицией текста) явно отсылают к претекстам, настраивают читателя на внутритекстовый дискурс, провоцируют на выявление (реконструкцию) заключенных в нем кодов. Таких названий в творчестве писательницы достаточно для того, чтобы отметить их как авторский способ обозначить свои интертекстуальные намерения. Так,

мы обнаружили *названия-цитаты*: рассказов «Пиковая дама», «Старший сын», глав из романа «Зеленый шатер» - «Дети подземелья», «Демоны глухонемые». А также *названия-аллюзии* (эксплицитные): романа «Медея и ее дети», рассказов «Большая дама с маленькой собачкой», «Женщины русских селений», «Они жили долго…», «…И умели в один день…», «Москва – Подрезково. 1992», «Лялин дом». Имеется также аллюзивное (имплицитное) название пьесы «Русское варенье», которое, как и сама пьеса, отсылает читателя к комедиям А. Чехова, прежде всего, к «Вишневому саду».

Природа мультикультурализма предполагает наличие разных «текстов», вступающих в диалог друг с другом. Этот диалог может осуществлятся на разных условиях. Это может быть условие *договоренности и, следовательно, цитации, тиражирования смысла*. Это может быть *внутренняя конфликтность, а значит, разрушение, изменение смысловой амбивалентности*. Улицкая использует обе дискурсивные модели, однако чаще всего в ее произведениях присутствует вторая модель.

Эффект обманутого читательского ожидания можно обнаружить в рассказах «Женщины русских селений», «Они жили долго…», «…И умели в один день…», «Лялин дом», «Большая дама с маленькой собачкой», «Москва – Подрезково. 1992». Отсылая читателя к известным текстам Н. Некрасова («Мороз Красный Нос»), истории о святых Петре и Февронии Муромских, С. Маршака («Кошкин дом»), А. Чехова («Дама с собачкой»), В. Ерофеева («Москва – Петушки»), писательница заставляет его анализировать характеры и ситуации людей, живущих в современной России или волею судьбы оказавшихся за ее пределами.

Так, три современные женщины «русских селений» собираются в Нью-Йорке у одной из осевших в этом городе. Обобщенный портрет современницы у Улицкой таков: муж-пьяница, но очень родной, несмотря на то, что брошенный или уже «почивший в бозе», «такое счастье взаимопонимания, какое знакомо лишь музыкантам в хорошей джазовой сессии» [1;175], телесная раскрепощенность и душевная отзывчивость. Портрет выстроен на фоне застолья, где все постепенно напиваются.

Рассказы с парцеллированными названиями – «Они жили долго…», «…И умели в один день…» – повествуют о двух семейных парах: бесфамильных Николае Афанасьевиче и Вере Александровне и Перловских Романе Борисовиче и Алле Аркадьевне. На первый взгляд, в рассказах смоделирована идиллическая жизнь обеих пар, для чего Улицкая использует одинаковые сюжетные схемы: интеллигентные, гармоничные отношения при жизни, двое детей, смерть без мучений в один день, причем ни один из супругов не знает о смерти другого. Однако идиллика от начала и до конца задана только во втором рассказе, особенно ею пронизана сцена похорон: «Супруги лежали рядом, в одинаковых гробах, и голова Романа Борисовича была как будто немного повернута в сторону жены… Дочь была с мужем и сын с женой, и при каждой паре – по мальчику с девочкой, и разноцветных астр было множество…» [2;179]. Сцена же похорон супругов из первого рассказа явно контрастирует: «Хоронили их в один день, на новом далеком кладбище, в первые декабрьские морозы. Могилу вырыли мелко, но никто не мог надоумить сестер, что надо приплатить могильщикам… Только они две и были на похоронах. Анастасия накануне позвонила к отцу в институт, но как-то неудачно. Из тех, кто знал Николая Афанасьевича, никого не нашлось. Его забыли. С соседями родители давно уже не знались. Родня, как известно, вымерла…» [2;171]. Что означает данная антитеза? Ответ кроется в подробностях повествования о жизни персонажей первого рассказа, заметим, что второй рассказ их лишен, поэтому почти в три раза короче: идиллическая схема и так очевидна и не требует детализации. Если о происхождении Перловских не сказано, а о профессии сказано вскользь (бухгалтеры), то происхождение супругов из первого рассказа обусловливает их характеры, образ жизни. Вера Александровна была княжеского рода, тщательно скрывавшая свое происхож-

дение даже от дочерей, не работавшая поэтому ни одного дня, так как смертельно боялась разоблачения. Николай Афанасьевич, вузовский преподаватель, родом «был из крестьян Тамбовской губернии, отец погиб в империалистическую войну. Такова была анкетная правда, защитившая семью от гонений» [2;163]. Эгоизм матери, лишившей дочерей личной жизни, заставившей обслуживать их старость, беспринципность и полная зависимость отца от воли и мнения жены – вот картина «семейного счастья».

В рассказе «Лялин дом» переиначена дидактическая идея детской сказки Маршака, хорошо известная тому, кто рос в советское время, и конечно, главной героине рассказа Ольге Александровне, по-домашнему Ляле, преподавательнице французской литературы в институте, жене заведующего кафедрой, профессора этого же института. Как известно, маршаковская Кошка, побывав в шкуре котят, преодолевает в себе бессердечие и мещанство. Счастливый дом – это дом, который строится радостно всеми и для всех. Лялин дом, «профессорский дом», на первый взгляд, всегда оживлен и полон, он как будто бы для всех, «два больших чайника не снимали с плиты» [3;137]. Однако при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что члены семьи (у супругов сын и дочь) отдалены друг от друга. У матери нет близких, доверительных отношений с дочерью, она ее раздражает своей непрезентабельной внешностью, апатичным видом. Муж-профессор по большей части уединен в своем кабинете, изредка выбирается на кухню послушать разговоры гостей. Центральной фигурой семьи является Ляля, у которой «была тонкая теория брака, по которой выходило, что супружеские измены брак только укрепляют, рождают в супругах чувство вины…» [3; 135]. Куда же уходят корни такой философии? Оказывается в шестидесятые годы. В уста дочери Ляли, «умной девочки», вложены следующие рассуждения: «В этом кругу, интеллигентском, университетском, потребность в свободе сильнее всего реализовывалась в распутстве… они все были в свои незабвенные шестидесятые либо диссидентами, либо распутниками… Либо и то и другое…» [3;136]. Крах «Лялиного дома» происходит стремительно: «безумная», ненасытная страсть к однокласснику сына, череда любовных свиданий, тайком придя на одно из которых Ляля обнаруживает, что ее место занято дочерью, повреждение рассудка в прямом смысле, инвалидность. Вот такой «Кошкин дом» наоборот.

Рассказы «Пиковая дама» и «Старший сын» реализуют диалогическое условие договоренности с претекстами, может быть, поэтому используются названия-цитаты. Однако если своеобразный сюжетно-тематический унисон с пьесой Вампилова удался, с Пушкиным все обстоит не так просто. У Пушкина пиковая дама – это явно не женский тип, не человеческий образ. Это, во-первых, фигура карт, во-вторых, знак, символ. Она возникает в повести два раза. В эпиграфе к повести и в эпизоде карточной игры. Это его больное воображение вместо картинки с дамой пик рисует усмехающуюся старую графиню. Знаковость, символичность этого образа у Пушкина связана с нравственным императивом. Германн не выполняет условия не графини, а высших сил, они были продиктованы ей свыше, она послана. У Улицкой в рассказе изображен определенный тип женщины многоликого XX века. И если сравнивать старую графиню и Мур, то это совершенно разные женские типы, формирование которых обусловлено разными культурно-историческими эпохами, соответственно XVIII и XX веков.

Итак, можно определенно сказать, что переиначивание, «выворачивание наизнанку» сюжетов, попытки продолжить сюжеты, темы и характеры известных произведений литературы на материале современной действительности, используя для этого такой интертекстуальный прием, как названия-цитаты и названия-аллюзии, становятся значимыми элементами поэтики современной писательницы Людмилы Улицкой. В рассмотренных произведениях данные интертекстуальные приемы автора, скорее всего, необходимы для создания художественной модели постсоветской действительности.

Литература

1. Улицкая, Л. Сквозная линия: Повесть. Рассказы / Л. Улицкая. – М., 2008. – 320 с.
2. Улицкая, Л. Люди нашего царя / Л. Улицкая. – М., 2005. – 368 с.
3. Улицкая, Л. Бедные родственники: Рассказы / Л. Улицкая. – М., 2002. – 224 с.

І.І. Шматкова (Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт)

ЧАЛАВЕК–ДАБРЫНЯ–ЛЮБОЎ У ТВОРЧАСЦІ БЕЛАРУСКІХ ПАЭТЭС ДРУГОЙ ПАЛОВЫ XX СТ.

Пытанне аб духоўных ідэалах з'яўлялася актуальным ва ўсе часы. Чалавек яшчэ з часоў старажытнасці адчуў патрэбу ў духоўным самавыяўленні. Менавіта маральна-гуманістычныя ідэалы леглі ў аснову мастацкага свету беларускай "жаночай" паэзіі другой паловы XX стагоддзя.Увасабленне гуманістычных ідэй у творчасці беларускіх паэтэс – з'ява адметная, бо яны не дагматызуюць вечныя ісціны і каштоўнасці, не дэкларуюць іх, а прапускаюць праз сваё сэрца і жыццё.

Чалавек – адзін з галоўных вобразаў у творчасці паэтэс. Як сцвярджае М. Бярдзяеў, "чалавек – мікракосмас, цэнтр быцця, сонца, вакол якога ўсё круціцца. Усё ў чалавеку і для чалавека. У чалавеку – загадка сусветнага жыцця" [1; 263]. Н. Шклярава стварае верш-хваласпеў "Чалавек", у якім рэфрэнам у трох строфах праходзіць гэта слова з вялікай літары: "Ён – // Чалавек" [2; 10]. Але хто ж ён, "вянец тварэння"? Гэтым пытаннем здаўна цікавяцца філосафы і паэты. Разгадку яны знаходзяць унутры самога чалавека.

Н. Мацяш у вершы "Зазірні ў сябе" заклікае чалавека ўгледзецца ў свой унутраны свет, дзе ёсць усё, адчуць у ім грахоўнае і светлае: "Ёсць такі куток, // Дзе чарней начы асенняй // Змрочны мкне паток" і "Ёсць такая шыр, // Дзе пануе неасяжны // Шчасцямоўны мір" [3; 215–216]. І змрочнае, і боскае суіснуе ў адной і той жа істоце – чалавеку. З аналагічнай просьбай звяртаецца паэтэса да чытача, разважаючы: "Здаецца ж, і лёс наш не цёмны, // І час не глухі наш...", але ж чалавек працягвае "блукаць", "у ваколле ўзіраецца // Напружаней і пільней" [3; 83]. І тут, здаецца, на дапамогу чалавеку прыходзіць сусвет: "Часцей пераходзяць дарогу // І зорка, і рыбіна, й звер, // Каб мы адшукалі нарэшце // Сябе – // Чалавека" [3; 83].

Чалавечае ў чалавеку – гэта і ёсць яго духоўная, гуманная сутнасць. На першы план у светаразуменні Н. Мацяш выступаюць чалавечыя якасці. У адным з вершаў паэтэса гаворыць, што галоўнае, "каб людзі ў шматмільярдным стане // Нарэшце зваліся людзьмі!" [3; 155]. І далей: "О, боязнь за другога чалавека!.. // Адна ты робіш чалавека з нас" [3; 101]. Г.Каржанеўская нібы салідарызуецца з Н. Мацяш: "У чалавеку // Людское мне дорага" [4; 69]. Яна пераканана, што ўсяму патрэбна чалавечае цяпло: і траве, і рацэ, і душы, "каб у ёй не было // зацятасці згубнае, // вартае жалю" [4; 4].

Чалавечы свет з макракосмасам аб'ядноўвае вобраз сонца, якое дае сусвету цяпло і святло. Чалавек – таксама крыніца цяпла і святла. Тым не менш, паўстае пытанне, на якое ўвесь час людзі шукаюць адказ: у чым сэнс чалавечага жыцця? Беларускія паэтэсы неаднаразова ў сваіх творах уздымаюць гэта пытанне і даюць на яго шматлікія адказы.

Лірычная гераіня вершаў К. Буйло бачыць галоўны сэнс існавання ў тым, каб "Тварыць дабро. Тварыць дабро..." [5; 152], яшчэ раз напамінаючы: "Не, ты не вечны, чалавек! // І ў цябе не многа часу <...> Сей добрае! Няхай узыдзе шчыра... // Усё дай людзям, што ты маеш сам!" [5; 176]. Е. Лось у зборніку "Харство" сцвярджае: "Жыць не магу без дабраты, // Як жаўранак без песні" [6; 13]. Паэтэса захапляецца жыццём, калі ў ім валадарыць закон дабрыні: "Сонечна над краем, // Хораша ў жыцці! // Большы памагае // Меншаму расці" [6; 48]. Свой зборнік паэтэса пачынае вершам-эпіграфам, у якім услаўляецца жыццё разам з добрым чалавекам: "Хвала жыццю, няўрымслівым – хвала! // Святлее хлеб, дабрэе чалавек, // А чарната, калі яшчэ была, // Сціраецца,

сціраецца навек” [6; 3]. Сэнс жыцця Е. Лось бачыць у хваляванні і клопатах пра іншых, у сяброўскай падтрымцы: “І каб не сябра мой – дубок, // Які патрэбна // даглядаць; // І каб не рань, // і каб не сінь, // І каб не чулы // другаў ліст, – // Магчыма, існавала б я, // А так – жыву і буду жыць!” [6; 34]. У вершы “Тры добрыя справы” паэтэса прыгадвае народнае выслоўе-жарт аб трох справах: для людзей, саду і зямлі, выканаўшы якія, чалавек, можна лічыць, спраўдзіў сваё прызначэнне на зямлі. Пра добрыя адносіны Е. Лось да людзей сведчыць і ліст да яе Т. Бондар: “...Вы правы, калі гаворыце аб цяжкасцях шляху паэтава, аб адзіноце, якая чакае на гэтым шляху кожнага. І ўсё-ткі! Хіба ж Ваша дабрата, з якой вы адносіцеся да кожнага, хто звяртаецца да вас, не аспрэчвае штосьці ў гэтым?” (19 красавіка 1976 г.) [7; 1].

У паэзіі Р. Баравіковай назірацца разгублены стан лірычнай гераіні з-за недасканаласці свету, перададзены ўжо самімі назвамі вершаў – “Чаму?”, “Навошта... навошта... навошта?!” Паэтэсе хочацца верыць: “Гавораць жа, свет – з дабрыні” [8; 157]. А лірычная гераіня Я. Янішчыц складае ў сваім уяўленні ідэлізаваны малюнак Сусвету, акцэнтуючы ўвагу на маштабнасці сваіх памкненняў устаўной канструкцыяй у сярэдзіне сказа: “І паўсюль – на свеце! – дабрыня” [9; 322].

Н. Мацяш надзяляе дабрыню чалавекастваральнай сілай: “Дабрата // не імпульс, // не парыў, // Не адзінкавы ўсплёск эмоцый, // Калі ёй нададзена тварыць // Чалавека з болю // і самоты” [3; 133]. Паэтэсу непакоіць, што ў сучасным свеце так мала людзей, якія захоўваюць дабрыню, міласэрнасць: “І як мала, як мала між люду такіх, // Хто ва ўласнай хадзе па выбоях // Зберагае, як найдарагое, // Чысты вынік свайго міласэрдзя ва ўсіх, // Сам аж свеціцца хто дабратою” [3; 217].

“Наталі маю прагу дабра” [10; 239], – просіць лірычная гераіня Г.Каржанеўскай. Яна здольна спачуваць не толькі чалавеку (напрыклад, жанчыне, у якой загінуў сын), але і палёўцы ў кіпцях каршуна, “зубку касача”, што прабіваецца з глебы, асе, што “ломіцца ў шыбу... І нават з’явы прыроды – снег і ручаёк – “Праз лінзу жальбы успрымае зрок” [10; 181]. У такіх выпадках кажуць пра высокі ўзровень эмпатыі (ад грэч. “empatheia” – суперажыванне). Якасць, безумоўна, станоўчая, але робіць асобу ранімай, адкрытай чужому болю.

Беларускія паэтэсы, такім чынам, прыходзяць да высновы аб жыццесцвярджальнай моцы чалавечай дабрыні. Іх творчасць грунтуецца на актуалізацыі маральнага сэнсу жыцця асобы. Яны ўспрымаюць агульначалавечае як вызначальнае, бачаць духоўнае прызначэнне чалавека ў служэнні Дабру.

Шырока ў творчасці беларускіх паэтэс прадстаўлена гуманістычная катэгорыя, якая з’яўляецца “ўніверсальным пабуджальным матывам да ўсіх добрых спраў” [11; 35], – вялікая і мудрая любоў. Любоў валодае ўсёмагутнай сілай. М. Бярдзяеў зазначае: “Любоў – у ёй глыбіня чалавечай прыроды” [1; 314]. Усёабдымная любоў чулага сэрца акрыляе жаночую паэзію. Слушна разважае аб ролі ў жыцці чалавека гэтай найвышэйшай катэгорыі Т. Бондар, у творчасці якой маральна-гуманістычныя матывы і рэлігійная традыцыя сталі вызначальнымі: “Сіла – не ў паняверцы, // У любві. І павер, // Самы большы памер // Рэчаіснасці – сэрца” [12; 48].

Н. Мацяш не баіцца сказаць усяму свету: “Жыву! // Люблю! // Не наталюся!” [3; 51]. Любоў дае сілы жыць, без яе жанчына сябе не ўяўляе: “Як магла б я паведаць // Прагу жыць – // без цябе? // Дзе б я чэрпала сілы // Усміхацца, спяваць? // <...> Безаглядная любасць, Вечны корань душы...” [3; 155]. Калі сэрца перапоўнена любоўю, “Можа, адзіна цяпер мы і варты // Жыцця” [3; 173], – даводзіць паэтэса. Н. Мацяш упэўнена ва ўсёпераможнай моцы любові: “Не трэба пытацца, што можа // Любоў наша, еднасць людская...” [3; 177]. У вершы “Збыліся” паэтэса яшчэ раз сцвярджае добра вядомую формулу быцця: я люблю – значыць жыву. “Мы ёсць. // Мы збыліся” [3; 228], калі кахаем, напоўнены пачуццём любові.

Г. Каржанеўская ў лірычнай драме “Асенні мёд” строга падзяляе пачуцці: “Вы мне пра каханне, // а я пра Любоў” [4; 152], узвышаючы святое пачуццё, нават пішучы яго з вялікай літары. Спаўна асэнсаваўшы духоўную значнасць яго для чалавека, паэтэса гатова аддаць за яго ўсё: “За новае, яснае ў сэрцы святло // Аддам і гардыню, // і страсць, // і свабоду я” [4; 153].

Адметнасцю творчай асобы Г. Каржанеўскай стала раскрыццё ў гэтай вялікай маральнай каштоўнасці такога ракурсу як шкадаванне, так называемай любові-агапэ, ахвярнай і самаадданай: “Навучыліся шкадаваць. // Шкадаванне любові вышай” [4; 142]. У гэтым бачыцца еднасць яе лірычнай гераіні з гераіняй Г. Ахматавай, для якой “міласэрнасць, спагада, жаль – асноўныя праявы карытатыўнай любові, што ўспрымаецца водгаласам ідэй рускіх філосафаў артадаксальна-багаслоўскага напрамку (П. Фларэнскага, С. Булгакава, М. Лоскага і інш.)” [13; 10].

Менавіта ў творчасці Г. Каржанеўскай катэгорыя любові набывае выразнае хрысціянскае гучанне. Вызначаючы канцэптуальную асаблівасць сваёй творчай асобы, паэтэса піша: “І звязаная з небам, // як антэна, // Усіх люблю // і цешуся праменна” [4; 120]. Асэнсоўваючы параўнанне “як антэна”, дарэчы ўзгадаць словы паэта-сучасніка А. Разанава: “Чалавек, творачы, ужо больш, чым сам, ужо далей, чым тут. Ён, як антэна, змястоўны не сабой, а пазасабовасцю. І чым менш у ім самога сябе, яго самаснасці, тым больш ён чуйны, тым больш востры, тым больш ён усё, увесь Сусвет” [14; 25].

Такім чынам, трыяда такіх адвечных агульначалавечых каштоўнасцейяк чалавек – дабрыня – любоў склала аснову мастацкага светаразумення беларускіх паэтэс, якія пераасэнсоўвалі вечныя ісціны і катэгорыі быцця, пры гэтым адбываўся працэс самапазнання, паглыблення маральна-гуманістычнага зместу іх лірыкі. Іх паэзія характарызуецца тыпалагічным падабенствам ва ўвасабленні гуманістычных канцэпцый. Чалавек стаў асновай творчасці беларускіх паэтэс, іх духоўна-філасофскага асэнсавання свету, зрабіўся мерай усіх рэчаў. Паэтэсы ўзвышаюць выключную, асаблівую моц чалавечай дабрыні, у якой заключаны маральны сэнс жыцця чалавека. У беларускай “жаночай” лірыцы другой паловы XX ст. дамінуе ідэя вялікай гуманістычнай любові, якая з’яўляецца ўніверсальным пабуджальным матывам да ўсіх добрых спраў.

Літаратура

1. Бердяев, Н.А. Русская идея / Н.А. Бердяев. – Харьков: Фомо; М.: ООО “Изд-во АСТ”, 2000. – 400 с.
2. Шклярава, Н. Міг і вечнасць: вершы / Н. Шклярава. – Мінск: Маст. літ., 1979. – 72 с.
3. Мацяш, Н. Паміж усмешкай і слязой: вершы і паэмы (1962 – 1992) / Н. Мацяш. – Мінск: Маст. літ., 1993. – 301 с.
4. Каржанеўская, Г. Асенні мёд: вершы розных гадоў / Г. Каржанеўская. – Мінск: Маст. літ., 1999. – 159 с.
5. Буйло, К. Коціцца рэха: вершы, паэма, лісты / К. Буйло. – Мінск: Маст. літ., 1993. – 286 с.
6. Лось, Е. Харство: лірыка / Е. Лось. – Мінск: Беларусь, 1965. – 131 с.
7. Ліст Т. Бондар да Е. Лось // БДАМЛМ. – Фонд 141. – Воп. 3. – Адз. зах.113. – Арк.1.
8. Баравікова, Р.А. Дрэва для райскай птушкі: лірыка / Р.А. Баравікова; прадм. І. Штэйнера. – Мінск: Маст. літ., 2007. – 270 с.
9. Янішчыц, Я. Пачынаецца ўсё з любві...: вершы, паэмы / Я. Янішчыц. – Мінск: Маст. літ., 2008. – 339 с.
10. Каржанеўская, Г. Невымоўнае: вершы / Г. Каржанеўская. – Мінск: Маст. літ., 1991. – 287 с.
11. Жураўлёў, В.П. У пошуку духоўных ідэалаў: на матэрыяле беларускай літаратуры XIX – пачатку XX ст. / В.П. Жураўлёў; НАН Беларусі, Ін-т літ. імя Я. Купалы; пад рэд. У.В. Гніламёдава. – Мінск: Беларус. навука, 2000. – 191 с.
12. Бондар, Т. ...І голас набыла душа: вершы і паэмы / Т. Бондар. – Мінск: Маст. літ., 1980. – 111 с.
13. Брадзіхіна, А.В. Сучасная беларуская інтымная лірыка: генезіс, тэндэнцыі развіцця, кантэкст: аўтарэф. ... дыс. канд. філал. навук: 10.01.01; 10.01.08 / А.В. Брадзіхіна; НАН Беларусі, Ін-т літаратуры імя Я. Купалы. – Мінск, 2005. – 22 с.
14. Разанаў, А.С. Сума немагчымасцяў: зномы / Алесь Разанаў – Мінск: І.П. Логвінаў, 2009. – 122 с.

АЛФАВІТНЫ ЎКАЗАЛЬНІК

Abramowicz Zofia 190
Biegluk-Leś Weronika 325
Gimpelevich Zina 332
Korotkich Krzysztof 346
Kurianowicz Małgorzata 40
Rutkowski Krzysztof 58
Rygorowicz-Kuźma Anna 56
Ананьева Н.Е. 3
Антанькова О.А. 277
Архіпава Н.К. 70
Арцёмава В.А. 5
Арцямёнак Г.А. 73
Бабіч Ю.М. 76
Бараш О.Я. 322
Бароўка В.Ю. 319
Белая А.І. 129
Бубнова Н.В. 193
Будзько І.В. 8
Буевич А.А. 132
Быкова Т.А. 280
Валентинова О.И. 134
Вардомацкий Л.М. 328
Васильев В.Л. 196
Васильева Т.Ю. 200
Вертейко Е.Е. 107
Волкова О.Н. 202
Высоцкая И.В. 11
Галковская Ю.М. 205
Гарнак В.У. 331
Генкин В.М. 207
Гильфанов Р.Т. 14
Гильфанова Ф.Х. 14
Гладкова Г.А. 336
Голубович Н.В. 339
Горегляд Е.Н. 79
Горская С.А. 81
Грачыха Т.А. 210
Гринберг С.А. 281
Гринцевич Т.И. 84
Гук Е.В. 341
Гурновіч А.Б. 283
Дацевич Леонарда 212
Денисенко Т.С. 286
Деревяго А.Н. 215
Дзядова А.С. 137
Добижи С.П. 344
Долгих О.В. 86
Дорофеенко М.Л. 218
Евсеева О.С. 220
Елисеева И.С. 89
Жукова Д.В. 288
Жулева А.Я. 288
Жумабекова А.К. 17
Завязкина И.Н. 140
Зіманскі В.Э. 20
Иванова Л.П. 143
Иващенко В.Л. 23
Ионова И.А. 223
Кажарновіч М.П. 226
Кажигалиева Г.А. 290
Калеснікава А.А. 145
Каливо И.В. 293
Капылоў І.Л. 229
Картавенко В.С. 233
Килевая Л.Т. 26
Климкович О.А. 29
Клочко И.К. 32
Коваленко К.И. 35
Козак Р.В. 147
Королева И.А. 236
Королевич С.А. 150
Красина Е.А. 92
Крикливец Е.В. 347
Кулиева О.Н. 153
Куліковіч У.І. 37
Кураш И.Я. 239
Курдеко Ж.П. 294, 296
Куркина С.П. 242
Курловіч І.М. 94

Курс К.Ю. 350
Лабоха Е.К. 352
Лавицкий А.А. 155
Лазовская А.И. 158
Лапацінская В.В. 354
Лапицкая И.Н. 244
Лапунов С.В. 357
Латушка Г.П. 172
Леванюк А.Е. 160
Лейко И.М. 96
Лепишева Е.М. 359
Леушева О.А. 294
Лещенко В.Л. 99
Лисова И.А. 246
Лукашанец А.А. 43
Лукина О.А. 248
Мазур А.С. 250
Майданюк Д.В. 162
Малько А.И. 296
Мампе Иоанна 101
Мамыко Н.А. 298
Мартынкевіч С.В. 300
Маслова В.А. 165
Маюк Е.П. 362
Мезенко А.М. 253
Минина Н.Е. 303
Михайлова Е.В. 305
Муратова Е.Ю. 48
Мхитарян О.Д. 308
Никитевич А.В. 51
Николаенко С.В. 168
Новак А.С. 53
Новикова Л.П. 102
Оксенчук А.Е. 104
Переход О.Б. 107
Пісарэнка А.М. 365
Покало А.В. 367
Попова Е.И. 109
Преображенский С.Ю. 370
Радевич Т.В. 282
Романовская Е.И. 170
Русілка В.І. 373
Рычкова Л.В. 311
Садоўская А.Л. 172
Сальски Лукаш (Łukasz Salski) 86
Самусевіч В.М. 376
Сасноўская К.А. 255
Сафронова Е.А. 344
Селібірава Л.В. 112
Семянькова Г.К. 257
Сивова Т.В. 175
Синкевич Т.И. 259
Сирота Е.В. 114
Скребнева Т.В. 262
Слесарева Т.П. 263
Смольская Л.И. 117
Соловьев А.Н. 266
Стародубец С.Н. 178
Сузанская Т.Н. 379
Сухоцкая Т.Ф. 381
Сырица Г.С. 181
Татаринова Н.М. 314
Темиргазина З.К. 183
Троицкий Е.Ф. 61
Трофимович Т.Г. 63
Туровская Л.В. 23
Фираго Ю.С. 385
Халимоне М.Б. 187
Хомула Н.А. 67
Хоха С.С. 387
Цыбульская М.П. 120
Шарец Ю.В. 122
Шеверинова О.В. 270
Шевцова Л.И. 390
Шматкова І.І. 393
Яковлев С.М. 316
Яненка Н.В. 125
Янковская С.А. 273

Навуковае выданне

БЕЛАРУСКА-РУСКА-ПОЛЬСКАЕ СУПАСТАЎЛЯЛЬНАЕ МОВАЗНАЎСТВА, ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА, КУЛЬТУРАЛОГІЯ

Зборнік навуковых артыкулаў

Пад навуковай рэдакцыяй **МЕЗЕНКА** Ганны Міхайлаўны

Тэхнічны рэдактар *Г.У. Разбоева*
Камп'ютарны дызайн *Л.Р. Жыгунова*

Падпісана ў друк 8.11.2013. Фармат 60х84 $^{1}/_{16}$. Папера афсетная.
Ум. друк. арк. 23,13. Ул.-выд. арк. 35,07. Тыраж 150 экз. Заказ 182.

Выдавец і паліграфічнае выкананне – установа адукацыі
«Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава».
ЛВ № 02330/110 ад 30.01.2013.

Надрукавана на рызографе ўстановы адукацыі
«Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава».
210038, г. Віцебск, Маскоўскі праспект, 33.